И.Н. СЛЮНЬКОВА

МОНАСТЫРИ восточной и западной традиций

Наследие архитектуры Беларуси

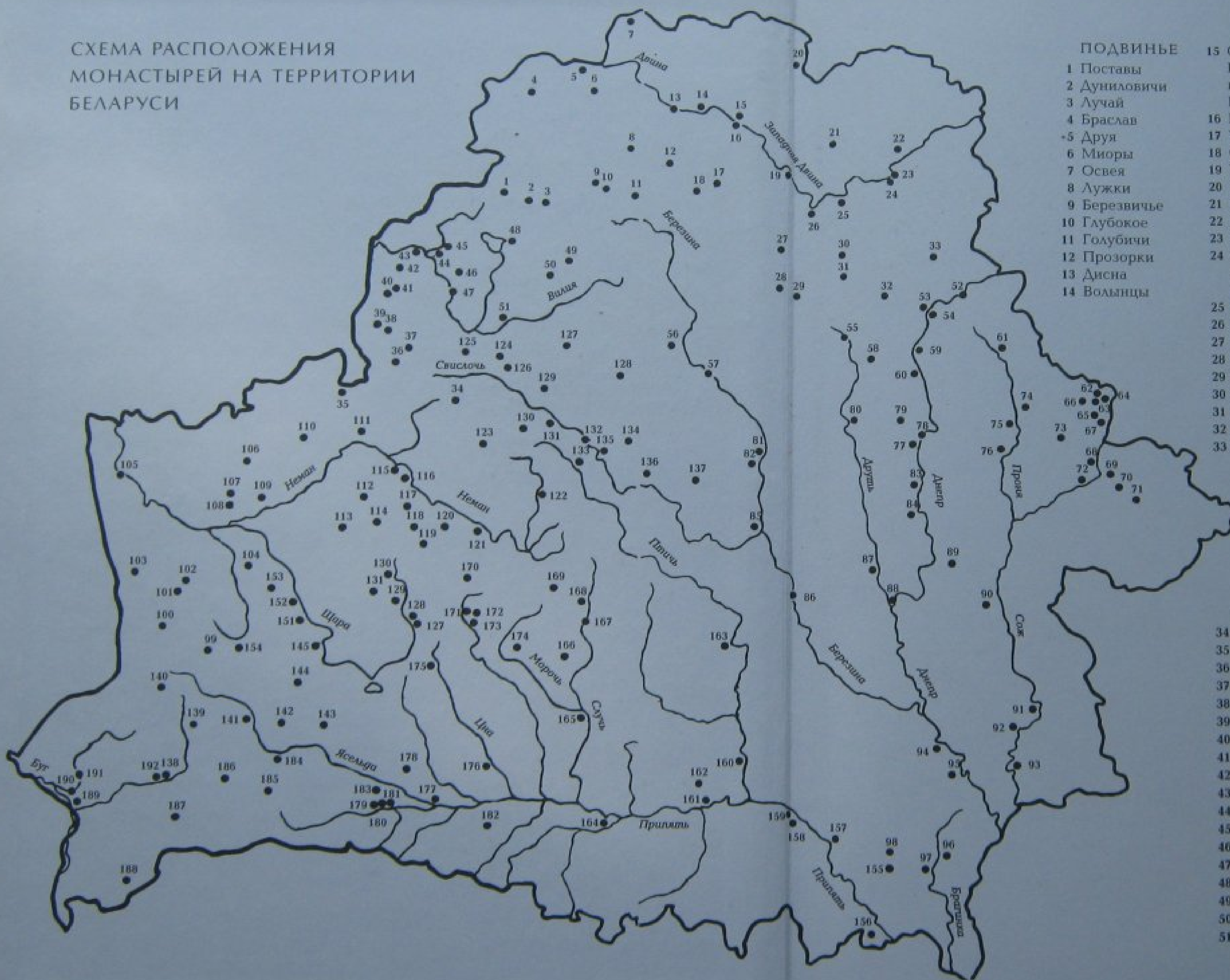

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ МОНАСТЫРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

ПОДВИНЬЕ

1 Поставы
2 Дуниловичи
3 Лучай
4 Браслав
5 Друя
6 Миоры
7 Освея
8 Лужки
9 Березвичье
10 Глубокое
11 Голубичи
12 Прозорки
13 Дисна
14 Волынцы
15 Спасо-Евфросиниевский в предместье Полоцка
16 Полоцк
17 Ушач
18 Судзиловичи
19 Ула
20 Бухово
21 Сиротин
22 Сокольники
23 Витебск
24 Марков в предместье Витебска
25 Островно
26 Бешенковичи
27 Чашники
28 Лукомль
29 Черея
30 Сенно
31 Белицы
32 Смоляны
33 Бабиновичи

ВДОЛЬ ВИЛИИ

34 Воложин
35 Геранены
36 Гольшаны
37 Боруны
38 Ошмяны
39 Нарвилишки
40 Гудогай
41 Островец
42 Ворняны
43 Михалишки
44 Свирь
45 Засвирь
46 Вишнево
47 Жодишки
48 Мядель
49 Будслав
50 Кривичи
51 Вилейка

ПОДНЕПРОВЬЕ

52 Дубровна
53 Орша
54 Кутейно
55 Толочин
56 Зембин
57 Борисов
58 Дудаковичи
59 Копысь
60 Шклов
61 Горки
62 Тупичевщина
63 Мстиславль
64 Пустынька
65 Онуфриево
66 Мазалово
67 Селец
68 Кричев
69 Борейки
70 Климовичи
71 Лозовица
72 Охоры
73 Молятичи
74 Рясна
75 Радомля
76 Чаусы
77 Буйничи
78 Могилев
79 Княжичи
80 Белыничи
81 Березино
82 Ляды
83 Борколабово
84 Быхов
85 Свислочь
86 Бобруйск
87 Озераны
88 Рогачев
89 Журавичи
90 Лужки
91 Хальч
92 Гомель
93 Терешковичи
94 Речица
95 Ковната
96 Селец
97 Брагин
98 Хойники

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ
И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

И. Н. СЛЮНЬКОВА

МОНАСТЫРИ восточной и западной традиций

Наследие архитектуры Беларуси

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ
МОСКВА

УДК 72
ББК 85.1
С 49

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 00–04–16123

С 49 **Слюнькова И.Н.**
Монастыри восточной и западной традиций.
Наследие архитектуры Беларуси. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 600 с.

ISBN 5-89826-093-5

На основании множества архивных источников рассматривается история и архитектура православных, католических и униатских монастырей Беларуси XI–начала XIX столетия.

Пограничное положение Беларуси между католическим Западом и православной Россией определило сложное взаимодействие разноконфессиональных христианских традиций. Предлагаемая концепция рассматривает монастырское строительство в Беларуси не только как факт национальной культуры, но и как существенную составляющую христианского церковного искусства сопредельных стран — России, Украины, Литвы и Польши.

ББК 85.1

ISBN 5-89826-093-5

Содержание

Contents

Введение

Современной гуманитарной наукой все более настойчиво ставится вопрос о фундаментальных различиях двух культур, западной и восточной, формирование которых происходило в тесной взаимосвязи с развитием двухполюсного христианского мира, разделенного на западную католическую и восточную православную церковные традиции. Существует мнение, что многообразие веками складывавшихся прочных основополагающих вероучений, как показала история, спорящих между собой, но и питающих друг друга, представляет для будущего по крайней мере два варианта возможного развития. Особая роль в аккумуляции духовных, интеллектуальных, культурных ценностей христианского мира принадлежит монастырям. В этой связи знаменательным фактом является Апостольское послание Папы Иоанна Павла II «Orientale lumen» («Свет востока»). Оно обращает внимание на восточнохристианское монашество и оценивает его как высочайшее из достижений христианства. В разделе «Монашество как образец жизни во святом Крещении» сказано: «На Востоке монашество сохранило большое единство, не познав, как на Западе, образования множества видов апостольской жизни... Помимо того, монашество рассматривалось на Востоке не только как особый образ жизни, свойственный какой-то категории христиан, но, в частности, как отправной пункт для всех крещеных, в меру даров, предложенных Господом каждому, становясь своего рода эмблематическим синтезом христианства... Ярчайшие общие черты, которые объединяют монашеский опыт Востока и Запада, соделывают из него чудесный мост братства, где прожитое единство расцветает гораздо сильней, чем оно может выразиться в диалоге между Церквами»[1].

В последние годы интерес к церковному искусству, и, в частности, монастырскому зодчеству, заметно возрастает. С середины 1990-х годов одна за другой проводятся посвященные монастырям России научные конференции, выставки, выходят в свет научные и справочно-иллюстративные издания[2]. Значительный объем изданий о католических монастырях уже долгое время осуществляется на Западе. Во многих странах Западной и Центральной Европы регулярно выходят сводные иллюстрированные каталоги, путеводители по знаменитым и менее известным монастырям, исследования по монастырям отдельных католических орденов и т. д.[3] Большая работа проводится по изучению истории польского костела, и в последние годы к ней активно привлекаются белорусские исследователи.

В таком контексте актуальной становится неразрабатывавшаяся тема монастырского зодчества Беларуси, церковное искусство которой представляет редкий пример непосредственного рядоположения западной и восточной культур в истории формирования нации. Историко-архитектурное и градостроительное наследие монастырского зодчества Беларуси составляет самостоятельное явление религиозного искусства и художественной культуры, которое служит определенным опытом взаимодействия восточной и западной христианских традиций. На протяжении XIV—начала XIX в. Беларусь оказалась в роли пограничной территории, порубежной между католическим Западом и православной Россией.

В пределах Беларуси в разное время действовали около 200 православных и униатских, а также около 300 католических монастырей. Следует заметить, что территориальная плотность монастырей в крае превышала плотность размещения монастырей в России. Такой вывод можно сделать на основании данных общего числа православных монастырей в пределах Российской империи (всего их насчитывалось 2500, но к 1917 г. оставалось 1100, включая и располагавшиеся на белорусских, литовских и украинских землях) и соотношения территорчальных размеров белорусских и центральнорусских земель. Монастырское строительство края во многом определяло облик городов и селений и в целом культурный ландшафт страны. Наряду с замковым и усадебным строительством, деревянным народным зодчеством, монастырское зодчество стало наиболее ярким и наглядным выражением архитектурного своеобразия края.

Начало монастырского строительства восходит к Древней Руси, когда в XI в. в Полоцком, Турово-Пинском княжествах были основаны первые православные обители. Распространение влияния католической церкви на население белорусских земель совпадает со временем постепенного сложения Великого Княжества Литовского.

После Куликовской битвы (1380) земли Древней Руси постепенно стали собираться в централизованное государство под началом Московского княжества. Литовское княжество, желая сохранить за собой самостоятельность, пошло на заключение политического союза с Польшей. В 1385 г. была заключена Кревская уния. Династический брак (1386) литовского князя Ягайло (Ягелла) с Ядвигой, единственной наследницей польского короля Людвика, во многом определил дальнейший путь политического союза белорусско-литовских земель с Польшей, который одновременно означал и путь сближения с католичеством. При этом Великое Княжество Литовское, находясь под верховной властью короля, благодаря политике литовского князя Витовта, добилось обособленного государственного управления в союзе с Польшей (1392).

Вместе с тем в XIV в. происходили события, существенным образом повлиявшие на дальнейшее развитие христианского мира. По своему значению они во многом сопоставимы с разделением западной и восточной христианских церквей (1054). На закате Византийской империи в результате

длительной междоусобной борьбы в восточной церкви победу одержали исихасты, с которыми император Иоанн IV (вступил на престол в 1347) заключил политический союз. В это время окончательно утвердилось принципиальное противопоставление богословского учения христианских церквей. С точки зрения восточного христианства утверждалось положение о невозможности соединения с божеством без сверхчеловеческого озарения. С точки зрения западного христианства предполагалась возможность постигнуть истину, т.е. божество, посредством разума и науки[4].

Постепенное проникновение католицизма в литовские и белорусские земли отмечается в XIV в. Это время связывают с началом формирования условий для консолидации белорусской народности, формирования основных черт белорусского языка, со второй половины XIV в. на время ставшего официальным языком Великого Княжества Литовского. Столица княжества, находившаяся первоначально в Новогрудке (при князе Миндовге, около 1230—1263)[5], затем в Троках (ныне Тракай), в конечном итоге была перенесена в Вильну (ныне Вильнюс) (1323). Наиболее значительные инициативы, связанные с культовым строительством, осуществлялись, прежде всего, в столице, а затем получали распространение на остальных территориях государства.

Существенным фактором развития многообразия форм храмового и монастырского строительства явилось заключение Брестской унии (1596), направленной на союз западнорусской церкви с Римом, но в итоге разделившей православных на приверженцев греко-византийской церкви и греко-католиков, т.е. католиков восточного обряда, иначе униатов.

После присоединения Беларуси к России в результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) монастырское строительство постепенно подчинялось общегосударственным регламентам России. Православные монастыри Беларуси сразу же были приведены к общегосударственным законодательным нормам и лишены своих фундушевых владений (недвижимого имущества, пожалованного на основание и строительство монастыря). Инославные монастыри оказались в более выгодном экономическом положении, они до 1820-х гг. сохраняли за собой имущество и крепостных крестьян. На данный момент достаточным будет заметить, что в дальнейшем основание и строительство новых монастырей в крае практически прекратилось, а реформирование действовавших в итоге привело к постепенному разрушению многих монастырских комплексов. Среди сохранившегося наследия наименьшее число составляют памятники православного монастырского зодчества. История архитектуры монастырей Беларуси XIX—начала XX в. представляет собой отдельную тему, чрезвычайно сложную и практически неизученную, требующую самостоятельного монографического исследования. Потому хронологические границы данной работы не выходят за рамки XI—начала XIX в.

Территориально-географическое размещение монастырей постепенно сложилось в целом как система, дублирующая линии основных сухопутных и водных коммуникаций между значимыми административно-хозяйствен-

ными и торговыми центрами. Основными такими центрами были Брест, Гродно, Минск, Полоцк, Витебск, Орша, Пинск, Мстиславль, Могилев и Мозырь. Многие частновладельческие города — Несвиж, Слуцк, Друя и др. — по численности размещенных в них монастырей почти не уступали крупным свободным центрам. В каждом владельческом городе, как правило, находился один или несколько монастырей. В итоге с запада на восток они составляли достаточно плотные линейные цепи, тянувшиеся вдоль основных дорог, а также по берегам рек Днепра, Припяти и Западной Двины.

Географические границы работы определяются современной территорией Беларуси. Однако в случаях, необходимых для решения поставленных задач, привлекаются материалы по памятникам сопредельных и более удаленных государств.

Дореволюционная историография по церковному и монастырскому строительству края, первые серьезные опыты которой приходятся на середину XIX в., известна прежде всего трудами А.М. Павлинова, И.И. Иодковского, П.П. Покрышкина, А.П. Сапунова. Изучение церковных древностей России того времени ограничивалось главным образом кругом православных памятников. Официальная наука, как правило, не затрагивала вопросы разноконфессиональных истоков культуры народов «Северо-Западного края». Потому дореволюционная справочная, научная, историко-просветительская литература в данной работе использована по преимуществу в качестве базовой основы фактографических данных, а многие заявленные в ней концептуальные моменты, очевидно, подлежат переосмыслению с позиций современной исторической науки.

Монастыри Беларуси, как особый тип монументальных сооружений и комплексов, впервые были введены в науку Е.Д. Квитницкой. Серия осуществленных ею фундаментальных публикаций по наиболее ценным памятникам монастырского и храмового зодчества Беларуси до настоящего времени сохраняет значение базовой научной основы по изучению истории архитектуры и искусства края. Вместе с тем в дальнейшем это направление исследований не получило заметного развития, сопоставимого с научным вкладом первооткрывательницы темы. Основное внимание уделялось отдельному изучению храмового строительства, значительная часть памятников которого входила в состав монастырских ансамблей. Ключевыми трудами по культовому зодчеству Беларуси древнерусского периода, готики и ренессанса являются подготовленные еще в 1920—1930-х годах книги Н.Н. Щекотихина, И.М. Хозерова. В 1960—1970-е годы вышли в свет первые обобщающие труды по истории архитектуры А.В. Чантурия, важным этапом изучения культовой архитектуры стала посвященная археологии монументального зодчества Беларуси книга О.А. Трусова. Значительное место памятники церковной архитектуры занимают в литературе 1970—1990-х годов, посвященной изучению архитектуры барокко и рококо. Не случайно среди специалистов существует мнение, что из всего массива сохранившегося историко-архитектурного наследия особой художественной значимостью выделяются памятники XVII—XVIII вв. Основными представителями этого направления исследований являются А.Н. Кулагин и Т.В. Габрусь.

Существенный вклад в изучение градоформирующей роли памятников монастырского зодчества в системе поселения внесли книги и научные публикации по истории архитектурно-планировочного развития отдельных городов. Среди них монографические описания Гродно (В. Кудряшов), Минска (З.С. Позняк, Т.И. Чернявская), Могилева и Витебска (Т.И. Чернявская), Несвижа (Т.В. Габрусь), Пинска (А.И. Лозицкий), Заславля (Ю.А. Заяц).

Православные монастыри Беларуси как явление духовного и культурного наследия в советское и постсоветское время не становились предметом исследования исторической и историко-архитектурной науки. Этот пробел отчасти восполняет издание сборника документов униатов, во многом односторонне отражающего исторические события[6]. Сведения по истории и архитектуре монастырей можно почерпнуть в популярных очерках об отдельных обителях, служащих прежде всего просветительским целям. В Риме осуществлена серия публикаций документов архивов Ватикана по истории православной церкви и униатов в Речи Посполитой, к которым обращаются польские исследователи[7]. Изучению женских православных и униатских монастырей Беларуси и Украины посвящена книга Софии Сеник, основное содержание которой составляют справочные данные по обителям[8]. Опубликованы исследования А.Мироновича по православным монастырям Польского Подлясья, находящимся на территории Польши[9]. Однако указанные источники еще только предстоит ввести в русскоязычную науку.

Католическая церковь и католическое монастырское строительство края долгое время оставались темой антиклерикальной литературы. Исключение составляет менее других подверженная такой тональности книга об иезуитах Т.Б. Блиновой. Истории католической церкви Беларуси посвящена докторская диссертация и книга Я.Н. Мараша, на сегодня остающаяся единственной комплексной научной работой по этой теме. Предметом исследования в ней стали главным образом вопросы хозяйственного развития католической церкви. Причем, по замыслу автора, католические и униатские монастыри рассматривались как единый массив объектов, без учета существенных различий в развитии монастырского строительства католических орденов и ордена базилиан.

Вопросы особенностей ареала символических, художественно-содержательных значений архитектуры монастырей при разработке темы данной книги базируются на трудах основных авторитетов в области герменевтики (Х.-Г. Гадамер, Э. Бетти и др.), русской и западноевропейской средневековой религиозной культуры, эстетики и литературы (С.С. Неретина, В.В. Бычков, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, А.Я. Гуревич, С.С. Аверинцев и др.), богословия иконы (Л.А. Успенский, П. Флоренский), искусствоведения (В.Н. Лазарев, А.И. Комеч, Г.К. Вагнер, В.П. Выголов, В.Н. Гращенков, Э. Панофски, А.Н. Грабар, Т. Буркхардт и др.), а также последних публикациях по проблемам русского храмового и монастыр-

ского строительства (А.В. Иконников, Н.Ф. Гуляницкий, И.Л. Бусева-Давыдова, А.С. Щенков, А.М. Лидов, А.Л. Баталов, Вл.В. Седов и др.).

В западной литературе основательно разработаны типология и генезис архитектуры католических монастырей, а также общие принципы функционально-планировочной организации и композиционного построения храма и монастыря, сложившиеся на основе древних цистерцианских образцов. Совершенно иначе обстоит дело в области изучения русских монастырей. До настоящего времени главное внимание уделяется выявлению и определению функционально-планировочных и композиционных принципов построения монастырского ансамбля, а в тени остаются вопросы типологии и генезиса монастырских ансамблей.

Общими принципами композиции монастырей России названы концентричность зон застройки, стройная иерархичная система составляющих комплекс объектов, выделение собора как главного ядра монастыря и стремление к геометрической правильности планировочной организации. Считается, что на планировку и композицию монастырей в значительной мере повлияло уподобление их Небесному граду праведных — Горнему Иерусалиму[10]. Особо подчеркивается характерное для русского монастырского зодчества сочетание концентрической композиции и главенство собора в пространственной организации ансамбля с осознанным отступлением зодчих от геометрической правильности планировочных построений[11].

На основании обследования большого числа храмовых комплексов Русского Севера Ю.С. Ушаковым были выявлены четыре приема построения ансамбля: диагональное размещение центральной группы построек; размещение их по концам треугольника; «веерный» прием; центрический дисимметричный прием. Причем два первые приема в равной степени применялись как в композиционном построении центров погостов, так и монастырей. Приемы компоновки плана комплекса, размеры и силуэтное построение объемов сооружений предусматривали обозреваемость ансамбля со всех сторон, его всефасадность. В качестве характерных особенностей русских монастырей существенным также является утверждение об иррегулярности ансамбля во взаимосвязи с особенностями его существования во времени, как отличительной черте архитектуры древнерусского православного монастыря: «...ни один из приемов не основан на законах симметрии. Принципы уравновешенной асимметрии допускали естественный рост, развитие и усложнение монументального ансамбля во времени. И только центрический дисимметрический прием, характерный для ансамблей, сложившихся во второй половине XVII в., в какой-то степени испытывал влияние новых регулярных веяний»[12].

И все же, несмотря на очевидную активизацию интереса к проблемам архитектуры церковных сооружений и комплексов, монастырское зодчество России до сих пор не стало предметом глубокого монографического исследования.

В число базовых источников необходимо включить труды по истории архитектуры Литвы, Украины и Польши, с которыми Беларусь на протяжении

многих столетий составляла единое государство. Среди работ украинских, польских и литовских архитектуроведов монастырское зодчество также не рассматривалось отдельно, как особое и самостоятельное явление культуры. По мере необходимости в книге привлекаются материалы монографических и справочных изданий по монастырям Греции, Сербии, Чехии, Италии, Франции, Германии.

В данной работе значительно расширена источниковедческая база исследования. Наряду с необходимой научной и справочной литературой, использован большой корпус архивных документов, среди которых особенно ценны письменные и графические материалы по утраченным памятникам: коллекция фотографий начала XX в. Петербургской Археографической комиссии; документы фонда Синода РГИА; коллекции планов городов РГИА, архива ВМФ России, РГАДА, позволяющие выявить планировку многих монастырских комплексов; оценочные описи упраздненных иезуитских монастырей из фонда «Комиссии эдукационного фундуша» РГАДА и выполненные военными специалистами фиксационные описи католических монастырей, хранящиеся в РГВИА; описания монастырей в фондах ЦГИА Республики Беларусь, Рукописных отделов Вильнюсского государственного университета и Библиотеки Академии наук Литвы; старопечатные книги, изданные в монастырских типографиях Беларуси и Украины XVII—XVIII вв.; магистрские работы по истории монастырей в фондах библиотеки Духовной академии в Троице-Сергиевой лавре. Автором проведены натурные обследования и фотофиксация монастырских ансамблей Беларуси, а также отдельных памятников Польши, Литвы и Украины.

Тема монастырского зодчества Беларуси в качестве монографического исследования поднимается впервые. Она раскрывается в двух аспектах — как форма выражения национальной специфики белорусов и как исторический пример конфессиональных различий, отчетливо проявившихся в формах и образах архитектуры.

Сложившиеся представления о процессах формирования национальной культуры Беларуси базируются на изучении развития эстетической мысли, смены типологии художественных систем как совокупности искусств, в том числе архитектуры. Разрабатывавший эту тему В.М. Конон рассматривает процесс становления и эволюции национальной культуры белорусов как процесс движения от ренессанса к барокко и классицизму.

С эпохой ренессанса связывают такие достижения белорусской национальной культуры, как литературные труды и просветительская деятельность Ф. Скорины, В. Тяпинского, Л. Зизания, М. Смотрицкого, А. Филипповича; художественная графика религиозных и светских книжных изданий; появление светских кантов в массовой вокально-хоровой культуре; первые опыты силлабического стихосложения Ф. Скорины. Социальной базой ренессансных традиций в Белоруссии (XVI — первая половина XVII в.) были относительно свободные и развитые города, торгово-ремесленные слои населения и об-

разованная часть шляхты. Проникновению новых идей способствовали свое-
го рода «шляхетский демократизм», веротерпимость на первом раннем и рез-
кая оппозиция между католиками и православными на позднем этапе исто-
рии Беларуси в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.
В архитектуре ренессансная художественная система получила воплощение
как в виде относительно чистых стилевых форм, так и в синтезе с элемента-
ми готики, при этом самыми характерными памятниками эпохи являются ук-
репленные храмы и оборонительное зодчество.

В эпоху барокко и классицизма (вторая половина XVII – XVIII в.) оконча-
тельно складывается язык, по лексическому составу, фонетическим особен-
ностям и грамматическому строю близкий современному белорусскому;
формируется национальное самосознание, проявляются национальные осо-
бенности в музыке, живописи, графике; намечается кристаллизация основ-
ных жанров в литературе. В условиях усиления католической экспансии
и Контрреформации развитие искусства Беларуси происходило на основе
двух во многом различавшихся между собой направлений развития барок-
ко — западноевропейских форм (их характерные черты — преувеличенная,
несколько холодноватая пафосность, аллегоризм, контрастность образов,
незавершенность («открытая форма»), декоративность; определенная тен-
денция к мистицизму и аскетизму, соединенные с элементами натурализма)
и форм, синтезировавших древнерусские традиции с достижениями запад-
ноевропейской науки и искусства[13].

На основе исследования архитектуры и истории монастырей сформулиро-
ванные таким образом общие оценки и выводы, определяющие специфику
развития национальной культуры Беларуси, во многом могут быть наполнены
конкретным содержанием. Тотальное исследование памятников монастыр-
ского зодчества, сохранившихся и известных только по письменным и графи-
ческим источникам, позволяет раскрыть сложные хитросплетения факторов
культурных влияний и сохранения этнонациональных корней, роль и значе-
ние церковных традиций в системе общеевропейского процесса смены худо-
жественных стилей в искусстве, деятельностные аспекты общества в сфере
монастырского строительства как сохранение этнокультурной общности.

До настоящего времени монастырское зодчество рассматривалось в об-
щем русле развития истории искусства и художественной культуры Белару-
си. Основной методический подход, как и в советском искусствоведении
в целом, заключался в формально-стилистическом анализе одновременно
всего многообразия типов архитектурных сооружений. Такая методика не
проясняла, а в большей мере запутывала вопрос о специфике художествен-
ного наследия памятников монастырской архитектуры, которые в качестве
объекта исследования невольно ставились в один ряд с памятниками граж-
данского зодчества, светского искусства. Во внимание не принимались ока-
зывающие определяющее влияние на формообразование устойчивые и неиз-
менные на протяжении столетий догматические учения церкви, остающиеся

малоподвижными обрядовые богослужебные канонические основы, непо-
средственно влиявшие на практику храмового и монастырского строитель-
ства христианских конфессий.

В методическом плане принципиально важным для данного исследования
является разделение понятий религиозного искусства и художественной
культуры. Религиозное искусство в данном случае рассматривается как
стремление в начальном замысле храма, монастыря к максимальному соот-
ветствию архитектуры богословскому содержанию образа, а также церков-
ным и местным канонам. Отражение художественной культуры в монас-
тырском зодчестве подразумевает тенденции следования общему для Запада
и России направлению стилистического развития архитектуры, характер-
ные для Нового времени.

На этапе введения в тему необходимо хотя бы очень коротко и пунктир-
но обозначить сложившиеся понятия художественно-символического про-
чтения архитектуры храма, канонические богослужебные правила и поло-
жения монастырских уставов восточной и западной церквей в их
взаимодействии с архитектурой. Приводимые далее соображения основаны
на опубликованных по данной проблематике работах.

Согласно В.В. Бычкову, «по образу Бога (Троицы) храм имеет трехчаст-
ное членение и соответствующую семантику. Членение это осуществляется
в нескольких взаимно пересекающихся измерениях — вертикальном, гори-
зонтальном и изнутри вовне. В вертикальном измерении храм является об-
разом видимого мира. Самые верхние части его изображают видимое небо,
нижние — то, что находится на земле и земной рай, внешние части (здесь
уже переход к движению изнутри вовне) — только землю и ведущих нера-
зумную жизнь»[14]. Таким образом, для архитектурной формы церковного со-
оружения важно, что внутреннее пространство храма существенно первич-
но, особенно значимо, а внешнее имеет подчиненное, отраженное значение.
Иными словами, христианское понимание архитектуры храма можно трак-
товать как материальную оболочку происходящего в ней священного дейст-
вия[15]. Иерархическое превосходство архитектурного убранства внутреннего
пространства над оформлением внешнего облика храма в целом остается
свойственным и православной, и католической традиции храмостроения,
в которых внешнее декоративное оформление уступает внутреннему.

Традиция особого внимания к оформлению портала входа в храм и наде-
ление его сложным символическим значением восходит к романской архи-
тектуре. Причем сакральное значение, придаваемое «двери» в храм, имеет
некоторые параллели с сакральными символическими образами алтаря-пре-
стола, что, в частности, Т. Буркхардт трактует следующим образом: «...ниша
портала соответствует хору церкви. Как и хор (в древних романских запад-
нохристианских храмах место перед алтарной частью в зоне средокрестия,
первоначально предназначалось для певчих, позднее отводилось для духо-
венства). Это место Богоявления, и в этом качестве ниша портала соответст-

вует символике небесной двери, представляющей не только вход, через который души направляются в Царствие Небесное, но также и вход, откуда божественные вестники «нисходят» в «пещеру» мира... Таким образом, портал с нишей — это алтарная преграда, которая одновременно и скрывает и обнаруживает тайну святая святых, и в связи с этим он представляет также триумфальную арку и престол славы»[16].

Следует отметить и одно весьма существенное для изучения монастырской архитектуры суждение по вопросам символических толкований, одновременно приложимых как к храму, так и к монастырю. По мнению А.М. Лидова, православный церковный канон предоставлял возможность для свободного воплощения мифологического образа. В восточнохристианской интерпретации образ Небесного Иерусалима трактуется как метафора, а не как иллюстрация конкретного текста или события Священного Писания. Отличительной чертой православного монастыря является включение в его комплекс не одного, а нескольких храмов. Образ Небесного града несут собор, система храмов монастыря, весь комплекс сооружений монастыря как единое целое[17]. Такое абстрактное и даже в некотором роде туманное соображение по-своему раскрывается представленными далее материалами по монастырям Беларуси.

Фундаментальные основы различий византийской и римской церкви заключаются в разночтениях Символа Веры: «Вставка «Филиокве» в Троичный догмат повлекла за собой учение о тварности благодати, догмат о непорочном зачатии, догматы о непогрешимости и вселенской юрисдикции римского папы. Личный (вторая ипостась безличного) образ Христа, как свидетельство, теряет свое решающее значение. Отсюда в искусстве отсутствуют различия между образом Боговоплощения и его ветхозаветными прообразами. Западное христианское искусство на деле отвергает самую возможность обожения, приноравливая само откровение к природным человеческим данным. Тварная благодать может иногда улучшить природу человека, но не преображает его, не приобщает к нетварному бытию Святой Троицы. Детище филиоквизма, учение о тварности благодати пресекает пути уподобления человека своему Первообразу»[18].

Говоря о богословии образа, различные авторы говорят примерно об одном и том же. В восточной православной христианской культуре человек определялся через причащенную вечности (вертикаль). По Л. Успенскому, православное христианское искусство несет приятие новозаветного откровения во всей полноте, с обожанием твари как основной и конечной цели[19]. Православной Церковью сохранена вера первых веков, вселенских Соборов и святых Отцов, а также форма исповедания веры как словом, так и образом. В западнохристианской традиции историзм реального бытия, человеческого и божественного, проявлялся в горизонтальной направленности развертывания системы символов храма, или в западнохристианской культуре человек определяется через индивидуальность, участвующую во всех перипетиях своего времени (горизонталь).

По-своему формулировал проблему Востока и Запада в контексте богословского понятия Filioque А.Ф. Лосев, который писал, что католицизм «освобождает земную устремленность человеческого субъекта к Богу, тем самым превращая ее в романтизм. Но византийское келейное подвижничество не есть романтизм. Восточный подвижник, сидя в своей келье в непрерывном посте и молитвах, смиренно ждет нисхождения к нему божественных энергий, но романтически не рвется к ним и драматически спокоен»[20].

Наконец, Ален Безансон считает, что византийское искусство, в частности икона, предназначено для созерцания, узревания духом сверхчувственной действительности, реалий потустороннего мира и «уже нет нужды смотреть вниз, на землю, на мир, полный материи, на мир, который грех лишил формы»[21]. В Римской Церкви «церковное изображение поучает верующего. Оно апеллирует к его интеллекту, памяти, чувствам, к его componctio. Оно воспламеняет благочестие. Оно направляет страсти к добродетели. Оно убеждает, научает, трогает и нравится. То есть изображение риторично в самом сильном и самом традиционном смысле слова»[22].

Однонаправленному и горизонтальному развитию композиции храма от нартекса к алтарю отвечала раннехристианская базилика, а «тенденция дополнить вектор запад-восток, заданный движением к апсиде, вектором низ-верх»[23] — обычно связывается со становлением храмовых форм ранневизантийской архитектуры.

Таковы сложившиеся в современной науке несколько фрагментарные и носящие самый общий характер представления о двух системах архитектурной формы христианского храма.

Основные различия правил богослужебной практики восточной и западной церквей приводятся во многих светских научных и церковных изданиях, в том числе в массовых распространяемых в России церковных книгах второй половины XIX в. Последующие выкладки опираются на одно из таких изданий.

Необходимо привести только те положения литургического действия, которые прямо связаны с архитектурной организацией храма. В православной литургии место, где тайнодействует Евхаристия, отделено от остального храма алтарной преградой — иконостасом и имеет посреди алтаря один престол с антиминсом, в котором полагается частица мощей, а также жертвенник, на котором приуготовляются для Священнодействия дары. В католической церкви Святые дары приуготавливаются на самом престоле и жертвенник отсутствует. В одном храме на разных престолах могут совершать мессы несколько священников в одно и то же время, в таком случае одна из них читается громко (missa cantata), а другие тайно (missa lectae). На одном престоле, в один день, иногда один и тот же священник может совершать и совершает несколько месс[24].

В католической литургии нет входов, которых в православной литургии два: малый с Евангелием и великий во время песни Херувимской. Вместо входов у католиков перед чтением Евангелия Служебник переносится с пра-

вого угла престола на середину, а потом на левый угол, равным образом и чаша переставляется на середину престола, по влиянии в нее вина и воды[25].

Процесс формирования монастырских уставов, их единообразие и сложение особенных черт — положений, повлиявших на последующие расхождения правил общинного жительства восточного и западного монашества, основательно прослеживается в работах А.П. Каждан. Монастырское сообщество рассматривалось как подобие ангельского состояния (Устав Христодула), монастырь также уподоблялся раю. Поэтому уход в монастырь в идеале означал разрыв со всеми мирскими связями и умерщвление в себе человеческой жизни и земных устремлений (это настоятельно подчеркивал Симеон Богослов). Специфику монастыря определяет идеальное (дубликатное) бытие монастыря, которое составляют, с одной стороны, монашеская теория и практика, размышления о божестве и церковном обряде, с другой стороны, аналог земельной общины или ремесленной артели. Другое ключевое качество уставов — свобода и самостоятельность монастыря, независимость от царских и вельможных властей, которые постоянно подчеркивались в жалованных грамотах монастырям. Эти формулы обычно рассматриваются как свидетельство реальной свободы и независимости монастырей и их экономической автономии. Общим для восточной и западной христианской традиции принципом оставалась и замкнутость монастыря — «монастырь отделял себя от внешнего мира, возбраняя посторонним доступ внутрь монастырских стен... Переход из монастыря в монастырь осуждался»[26].

Расхождения начались на рубеже VIII–IX вв. С этого времени на Западе монахи постепенно были освобождены от сельскохозяйственных работ и в уставах появились положения, впоследствии приведшие к социальному, профессиональному, имущественному расслоению членов общины.

Первоначально возникли и получили распространение два типа монастырей — особенножительные (идиоритмия) и общежительные (киновия), а со временем наиболее распространенной формой монашеской жизни стала киновия. Рассматриваемые в данной работе православные монастыри в основном относятся к типу общежительных. В общежительном православном монастыре уставом закреплялось единство духовной жизни и быта, принципиальное равенство монахов, нестяжательство, беспрекословное повиновение игумену, т.е. абсолютное социальное и имущественное равенство, распространявшееся также и на отношение к физическому труду.

На Западе аббата в принципе выбирала монастырская братия: либо единогласно, либо большинством голосов, либо через коллегию выборщиков. Последняя — представительная система — византийским монастырям, видимо, не была известна. Зато здесь — монархическое назначение преемника настоятелем, автоматическое замещение должности и «Божие избрание»[27].

В православных монастырях выкристаллизовалась единообразная форма жизни общины, в католических монастырях — множество форм, на основе законов различных орденов, индивидуальных форм монашеских движений,

оказавших влияние и на традиционалистский характер архитектуры отдельных орденов.

Указанные несогласия восточной и западной церквей, в определенном смысле детерминирующие архитектурные формы монастыря и храма, далее будут рассмотрены как с учетом догматических и общеисторических различий западной и восточной христианских церквей, так и исходя из национальной и региональной специфики, конкретно-исторических условий распространения монастырского строительства в крае.

Другая особенность методического подхода к теме заключается в анализе и оценке художественных особенностей развития культовой архитектуры края, выявлении роли заказчика (архиерея церкви, ктитора монастыря). Значительное внимание уделяется организации проектирования и строительства, вопросам национального и профессионального состава мастеров, участвовавших в создании произведения церковной архитектуры.

Предпринимается попытка освоить первый, начальный уровень разработки темы, связанный с буквальным историко-архитектурным описанием объекта исследования. Предстоит проследить генезис и развитие архитектурных форм монастыря и храма. Работа также направлена на постановку проблем художественно-содержательного толкования архитектурной формы в культовом христианском зодчестве. Символико-догматическое прочтение архитектуры храма, проявление или отражение в нем богословских образов — не входит в задачи данной работы.

Принятая за основу концепция выявления в архитектуре Беларуси разноконфессиональной составляющей искусства во многом определила структуру книги. В три отдельные главы вынесены исследования по православным, католическим и униатским монастырям Беларуси. Последовательность расположения материала продиктована хронологией первого появления в крае монастырей различных христианских конфессий. Построение глав базируется на сочетании хронологического и типологического подходов. Отступления от хронологической последовательности строительства монастырей становятся допустимыми ввиду растянутого во времени, непрерывного процесса архитектурного развития монастырского комплекса, причем момент наивысшего строительного расцвета только в редких случаях совпадает со временем основания монастыря. В посвященных православным и униатским монастырям первой и третьей главах в дополнение к хронологическому порядку изложения материала применен принцип типологического единства архитектуры главных соборных храмов. Несколько иначе построена наиболее обширная по объему вторая глава, посвященная католическим монастырям. Для удобства ее восприятия и в силу определенного типологического единства архитектурной организации культовых комплексов отдельных монашеских орденов глава разбита на семь разделов, каждый из которых посвящен строительству одного или группы католических орденов[28].

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Православные монастыри

Упоминается примерно о 120 православных монастырях, в разное время существовавших на территории Беларуси. В данной работе православное монастырское строительство края рассматривается, начиная со времени образования Полоцкой и Турово-Пинской епархий до присоединения Беларуси к России в результате трех разделов Речи Посполитой. Этот шестисотлетний период в свою очередь можно представить в виде трех относительно самостоятельных исторических этапов.

Начальный этап приходится на XI—первую половину XV в., когда русская православная церковь находилась под единоправной властью общерусского митрополита и экзарха константинопольского патриарха (988—1458)[1].

Церковное искусство края в целом следовало традициям Византии и Древней Руси. Прежде чем перейти к истории православного монастырского строительства Беларуси, необходимо обратиться к истокам канонической формы монастыря Византийской церкви.

Жизнь монастыря христианского Востока была построена по строго установленному уставу. Важнейшие из монастырских уставов относятся к XI—XII вв. Общежитильный монастырь рассматривался «в принципе как идеальное единство. Монахи — это члены единого тела — монастыря, подобие золотой цепи; слова «мое» и «твое», раздирающие человеческую общность на составные части, им чужды»[2]. Идеальное единство должно было пронизывать весь монашеский быт; у монахов был общий стол, и всем — от первого до последнего — полагалась одинаковая пища; тайное ее вкушение вне трапезы воспрещалось. Евергетидский устав требовал равенства не только в еде и питье, но и в одежде и обуви. Устав Пандократора, как бы суммируя подобные предписания, формулирует, что у монахов все общее — трапеза, жилище, участие в богослужении, молитве и исповеди перед игуменом.

Из общности вытекает и принципиальное равенство монахов. Ни возраст, ни знание, ни деятельность, ни благородство, ни размер вклада не дают в монастыре предпочтения. Нестяжательство было одним из основных обетов, и монах не должен был иметь ни своей кельи, ни сосуда с водой. Чаще всего иноки жили в кельях по двое, на кельи запрещалось навешивать замки. Выражение монастырского единства — беспрекословное повиновение игумену. Уже во времена Феодора Студита сложилось разделение на иноков малой схимы и великосхимников (по степени совершенства монаха)[3].

Генезис архитектуры древнерусских монастырей берет начало от раннехристианских памятников, начиная с Палестины, Сирии, Византии, Афона. Основные принципы архитектурно-планировочной организации древнейших монастырей можно проследить на примерах монастыря св. Саввы в Иерусалиме (VI в.), греческих монастырей XI в. В качестве типического примера восточного монастыря в литературе приводится расположенный к юго-востоку от Фив Покровский монастырь (XI в.)[4].

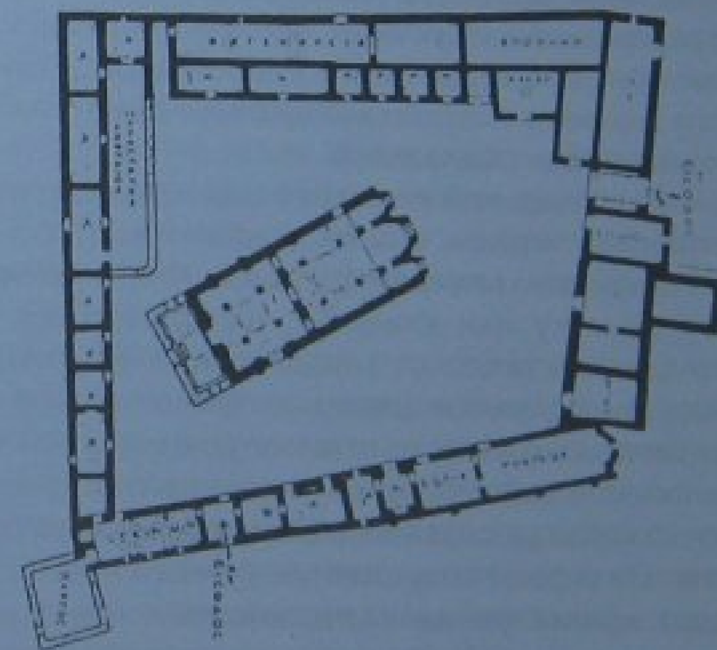
Это замкнутый комплекс неправильной четырехугольной в плане формы. Монастырь имеет концентрическую композицию, в центре двора помещен храм, он расположен таким образом, что центральный купол фиксирует геометрический центр плана всего комплекса. Другие строения монастыря располагаются по периметру двора и составляют сплошной фронт застройки, одновременно служащей и монастырской оградой, имеющей военно-оборонительное назначение. В состав периметральной застройки входят помещение для обороны монастыря (СТАВЛОС); два входа — с восточной стороны, ориентированный на апсиды храма, и с юго-западной стороны, ориентированный на главный портал храма (ЄЇСОДОС); сени рядом с восточными воротами и хозяйственное помещение; трапеза с примыкающей к ней комнатой (ТРАПЄZА, ЄОТІА); помещения для гостей рядом со вторым входом; осадная башня (ПУРГОС); пристроенное к кельям в сторону двора деревянное помещение (ΞΥΔΟСТЄГОΝ АΝΟΓЄІΟΝ); помещение для паломников (ВАГЄΝАРЄІА); колодец (ФРЄАР); склады (АПОΘИКИ). Различной величины кельи устроены в составе всех четырех внешних сторон комплекса, причем в большинстве случаев они имеют проемы только вовнутрь монастырского двора. Вовне монастыря ориентированы входы главным образом в гостевые, паломнические и другие помещения, тесно не связанные с внутренней жизнью монастырской общины.

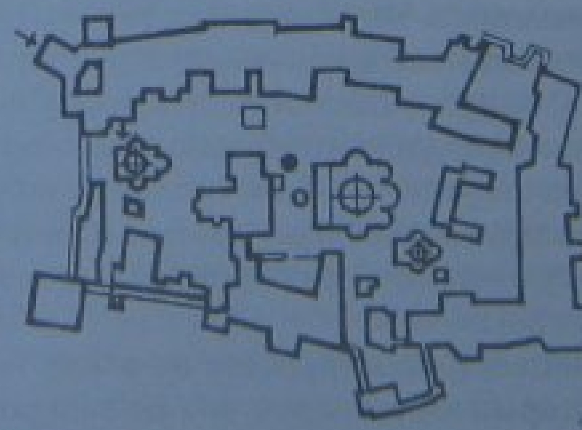
Похожие принципы организации древнейших греческих монастырей свойственны архитектуре Святогорских обителей на Афоне[5].

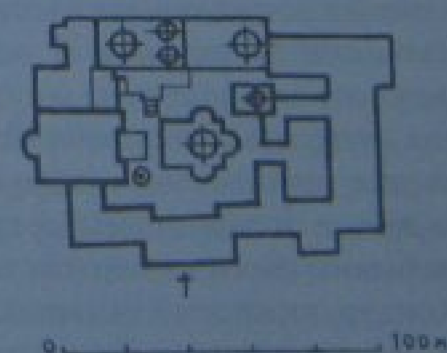
Здесь всякий монастырский комплекс включает соборную церковь — кафоликон. Он занимает свое композиционное поле — центр и воздействует на другие структуры и объекты осуществления монастырской жизни. Эти объекты, по правилам, смещены на периметр двора и расположены по циркумференции вокруг монастыря.

В обрамляющих структурах помещаются капеллы (parekklesiae), располагаются монашеские кельи, монастырская управа (настоятельские помещения), салон и жилые помещения для приема гостей, больница, склад (магазин), а в покрытых сводами подземных этажах — просторные поместительные погреба. Все эти структуры, составляющие единую систему с ограждающими защитными стенами, имеют общее название — «конацима». Важное место занимала трапезная, которая, как и сакральные объекты, имела строго определенное место в пространственной организации монастырского комплекса. Главная церковь и трапезная в большинстве случаев расположены одна перед другой, со входами, обращенными друг к другу. Чаще всего портал входа в церковь ориентировался на запад, а вход в трапезную обращался на восток. Ось храма и трапезной ориентирована в направлении восток-запад, таким образом осуществлялось пространственное взаимодействие кафоликона и трапезной (монастыри Великая лавра, Ватопед, Ивирон, Кутлумуш, Есфигмен). Расположением трапезы зачастую задавалось местоположение веранды (террасы, крыльца) входа.

Из группы отдельно стоящих трапезных две являются наиболее монументальными, имеющими сложную смысловую внутреннюю организацию, фре-

1 Греческие монастыри.
1) Покровский возле Фив (XI).
2) Великая Лавра на Афоне (X) (по З. Петровичу).
3) Св. Пантелеимона на Афоне (XI) (по З. Петровичу)

сковые росписи (Великая лавра и Ватопед). В сущности, они отражают религиозную структуру: имеют два расширения по краям оси, а одно из них, напротив входа, отмечено полукружием апсиды. В апсиде есть специальное сиденье для игумена, по знаку которого произносится молитва. Рядом с игуменом предусмотрены места для управляющего монастырем и знатных гостей монастыря. Слева и справа от продольной оси трапезной (восток-запад) помещаются мраморные столы для обеда братии. На одной из продольных стен (северной или южной) устроено место маленькой консоли-кафедры с лестницей. С кафедры говорит монах, в обязанности которого входит чтение за обедом молитвы, жития святых за этот день. Внешние различия между храмом и трапезной заключаются в завершении кафоликона куполом, в то время как трапезная несет ровное, простое, гладкое деревянное покрытие, конструкция которого представляет собой пересечения множества балок-связей. Часто трапезная строилась в остове единого блока со зданиями монастырской резиденции (Хиландар).

Окружающие монастырский комплекс здания одновременно выполняют функции монастырской ограды, они наслаиваются друг на друга, подобные наслоения имеют место и во внутреннем дворе. Форма двора близка к неправильному прямоугольнику или квадрату. Конфигурация плана монастыря деформируется и зависит также от ландшафтных условий его размещения. Ограждающие здания получали довольно значительную высоту для того, чтобы могли отразить нападение, противостоять внешней угрозе в адрес монастыря. Ворота входа в некоторых случаях спрятаны, они имеют небольшие размеры и снабжены решетками (гвоздяными) и другими приспособлениями для защиты. На Афоне сохраняется аутентичный времени Византии образ конструкции зданий резиденции, вместе с ограждающей защитной стеной определяющих уединенный образ жития монастыря (Ватопед, Хиландар, Кутлумуш, Зограф, Ксенофонт, Дохияр). Крайняя конструкция «конацима» сильно наклонена во внешнюю сторону и завершена единой кровлей, покрытой серо-зелеными каменными плитами. Эти свесы кровли в наружных стенах, нависающие в наиболее высоких местах конака, иногда покрывают зубчатые стрельницы и машикули. С наружных стен и окованных ворот входа контролируются подступы к монастырю. Дополнительно устраивалась башня (pyrgos) на «мертвом угле». Башня отсутствует в тех Святогорских монастырях, которые имеют другие средства обороны, или удалены от морского берега, или защищены природными уловиями как оборонительными укреплениями (Констамониты, Симонопетра).

Конструкция конака очень протяженная и простирается по всему периметру монастырского двора, но в некоторых монастырях она не завершена до конца (св. Павла и Ксенофонта), что оставляло возможность для развития и наращивания жилых и служебных сооружений в случае существенного роста числа монастырской братии. Таким образом оставался некий конструктивный задел в интерьере двора и в линии стен.

Концентрическая композиционная основа, центральное положение храма и трапезной вместе с оборонительными объектами наружной ограды и многочисленными монастырскими помещениями — пример спонтанности многовекового искусства архитектурной организации монастыря. Центр архитектурно-урбанистической композиции — кафоликон. Очень часто башня (пиргос) выступала в качестве контрапункта в духовном сосредоточении внутреннего пространства. Нивелированная плоскость двора, имеющего только минимальные уклоны для водостока, покрыта травой, что составляет контраст с каменной стеной башни и другими каменными сооружениями. Снаружи от церкви расположен небольшой павильон, в котором помещена маленькая крещальня, т.н. «фиала». Чаще всего это многогранник, который несут несколько (6 или 8) витых каменных столбов, которые, в свою очередь, соединены между собой каменными парапетами, украшенными плиткой и резными рельефами. Во дворе также размещаются колодцы (чемпрес).

Наиболее крупные Святогорские монастыри — Великая лавра и Ватопед. В состав их комплексов, наряду с кафоликоном, входят еще два меньшие по размерам храма. Все они имеют купольные завершения. Часовни, в том числе надвратные, помещаются в системе конака, они покрыты купольными и шатровыми верхами с крестом.

Афон сыграл важную роль в истории русской церкви и развитии церковного искусства. В частности, отмечается существенная роль Афона в связи с трансформацией византийской литургии в контексте мистического опыта исихастов XIV в. (при константинопольском патриархе Филофее 1353—1355 гг.; 1364—1376 гг.) и введением этих реформ в русскую богослужебную практику. Принятие при митрополите Киприане нового литургического чинопоследования (Diataxis), по мнению специалистов, оказало решающее влияние на последующее развитие высокого иконостаса[6].

В древнерусский период монастырское строительство белорусского края осуществлялось главным образом в центрах феодальных княжеств западных земель Древней Руси, такими городами были Туров, Минск, Полоцк, Пинск, Витебск, Мстиславль, Слуцк. Кроме того, местом основания древнейших монастырей были также города Лукомль и Мозырь. Последний занимал географическое положение наиболее близкое к Киеву, располагался на прямых водных путях к стольному городу, на притоке Днепра, реке Припяти.

В XIV в. условия становления Великого Княжества Литовского, утверждение в борьбе с русскими князьями его военного и политического положения, а также условия противостояния неослабевающей угрозе со стороны южных соседей на некоторое время приостановили развитие каменного зодчества, и монастырское строительство было по преимуществу деревянным.

Последующий период относится ко второй половине XV — началу XVII в. В это время изменения в направлении развития монастырского зодчества и церковного искусства края во многом были обусловлены разделением русской церкви на две самостоятельные части — Киевскую и Московскую мит-

рополии (1458), что юридически закрепило фактически сложившееся в то время самостоятельное положение западнорусской церкви и изолированность ее от Москвы. Для этого времени характерна эволюция древнерусских форм в архитектуре, определявшаяся прямыми и более тесными контактами с православной церковной культурой Константинополя, Балкан, Молдавии, Валахии, Венеции и определенным влиянием светского искусства стран Западной и Центральной Европы.

Третий период приходится на XVII–XVIII вв. Он отмечен в значительной степени аккумуляцией и развитием в православном искусстве собственных традиций, накопленных за время автокефалии западнорусской церкви. В истории монастырского зодчества этого времени отчетливо проявляются поиски идентичности архитектуры соборного православного храма, кафоликона монастыря в соответствии со стилистикой ренессанса и весьма осторожное отношение к приемам архитектуры и искусства барокко.

Содержание главы будет раскрыто в трех разделах, соответственно трем вышеназванным периодам истории развития монастырского зодчества Беларуси.

Многие сложившиеся до начала XIX в. памятники православной монастырской архитектуры края в последующее время оказались разрушенными. Исследование базируется на собранных из различных источников разрозненных фактографических данных, которые, к сожалению, во многих случаях не позволяют составить представление об архитектуре монастырских комплексов. И все же сведенные воедино многочисленные исторические сведения красноречиво свидетельствуют о масштабах явления, условиях создания и существования православных монастырей на землях Беларуси. Незначительный объем сохранившихся изобразительных материалов и за редким исключением отсутствие фиксационных обмерных чертежей чаще всего только в общих чертах позволяют говорить об архитектуре храмов. Анализ пространственно-планировочной организации монастырских комплексов проводится главным образом на основе картографических документов, схематических изображениях обителей на планах городов Беларуси XVIII–XIX вв.

XI – первая половина XV в. Древнерусский период и время формирования автокефальной западнорусской церкви

В Турово-Пинской епархии в 1420 г. упоминается о существовании в древности до 49 монастырей и до 255 приходских церквей[7].

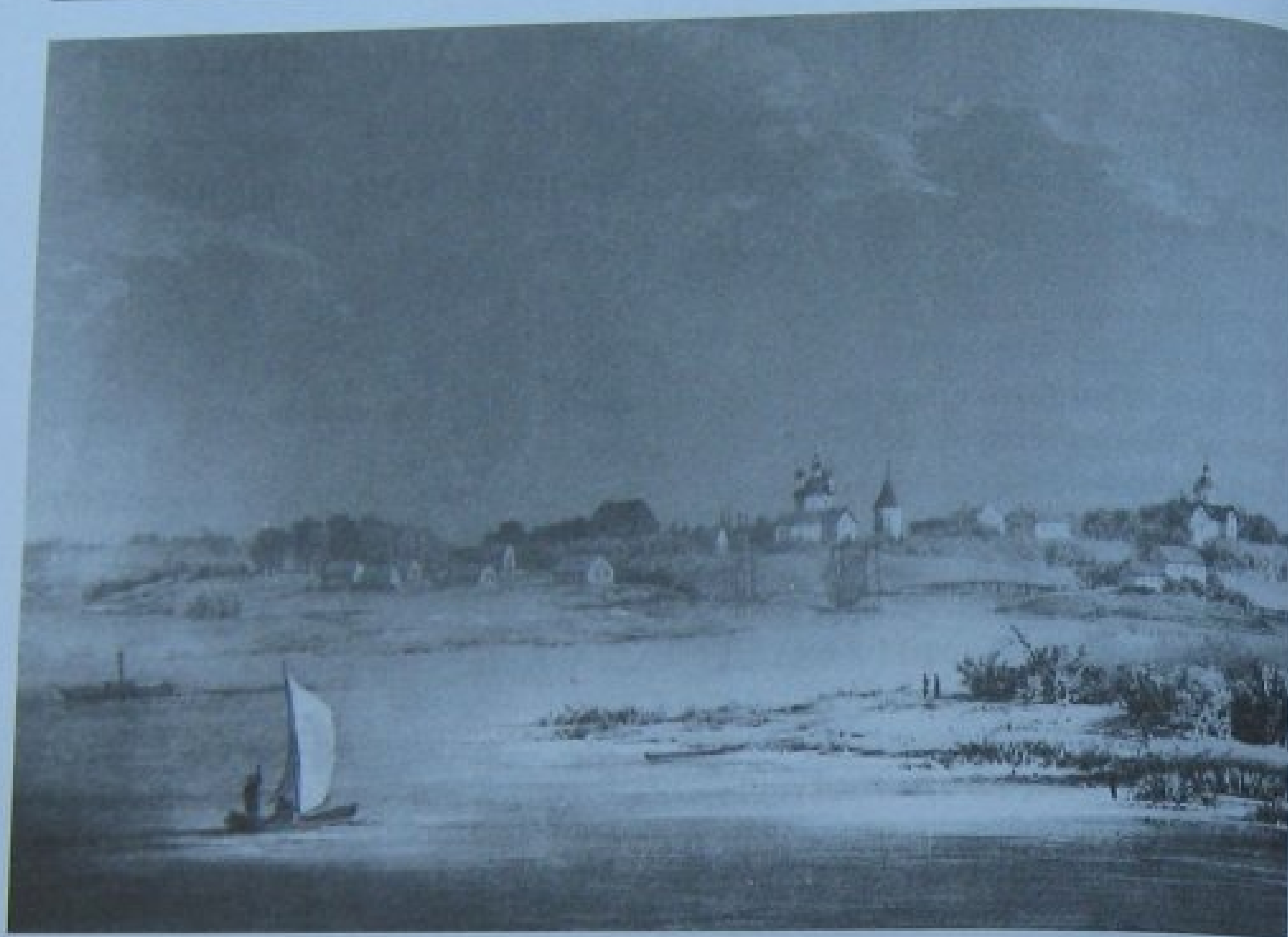
Только о четырех монастырях Турова сохранились конкретные сведения, которые, впрочем, не позволяют представить архитектурный облик обителей. Город Туров находился при впадении реки Струменя в Припять. Он известен с IX в., в 1015–1160 гг. являлся центром удельного княжества. По повелению кн. Владимира Мономаха город в XI–XII вв. был центром Туровской епархии, местопребыванием епископов.

Туровский Борисоглебский мужской монастырь известен в связи с житием преподобного Кирилла Туровского. В этом монастыре св. Кирилл принял иночество, а затем заключил себя на столпе, в котором жил до 6 марта 1114 г., то есть до времени хиротонисации в епископы Туровские. Скончавшийся здесь 28 апреля 1120 г. Кирилл Туровский был погребен, очевидно, в этой же обители. Его преемником на кафедре в 1182 г. стал бывший затворник Печерский, Лаврентий. С историей монастыря связано имя жившего здесь в XII в. другого «Туровского затворника» преп. Мартина, удостоенного «от Бога явлением ему всероссийских чудотворцев Бориса и Глеба в Туровском Борисоглебском монастыре»[8].

В начале XV в., после татарских погромов и литовских войн епископы Туровские вынуждены были переместиться в Пинск, после чего назывались Пинские и Туровские, хотя вскоре епископская кафедра была возвращена в Туров. После заключения унии, в 1596–1620 гг., она прекратила свое существование. В 1596 г. Борисоглебский монастырь был передан униатам[9].

На южных подступах к Турову размещался Сторожевский мужской монастырь; в восточной части города, называемой Черничи, находился Черницкий монастырь; в городе действовал женский Варваринский монастырь[10].

Некоторые достоверные фактографические данные, правда относящиеся к более позднему времени, сохранились об основанном в XI в. Лещинском Успенском монастыре. Он располагался на реке Пине, в предместье города Пинска. По преданию, Лещинский монастырь основан равноапостольным князем Владимиром. Первая церковь была посвящена во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Она упоминается под 1263 г., когда инок Роман (Вошелг, сын литовского князя Миндовга) после смерти отца и двух братьев,

2 Панорама Турова, рис. Н. Орды

убитых Тройнатом, племянником Миндовга, спасая свою жизнь, бежал из Лавришевского монастыря в Лещинский[11].

В XIV–XV вв. в Лещинском монастыре размещалась кафедра Турово-Пинской епархии, велись хроники, переписывались славянские переводы византийских литературных произведений. Однако в XVI в. монастырь был разорен татарами, церковь разрушена. В 1527 г. татары напали на Пинск, но близ города были наголову разбиты кн. Острожским. В 1540 г. нападавшим удалось в предместьях Пинска разграбить Лещинский монастырь, причем погибла значительная часть монастырского архива и летопись Пинска, составленная монахом Митрофаном.

По описанию монастыря в инвентарях 1558 и 1595 гг. Успенская церковь Лещинского монастыря представляла собой пятиглавое крестово-центрическое сооружение, сложенное из вертикально поставленного бруса. Вторая, теплая Свято-Духовская церковь составляла единый объем с трапезной. Вход на детинец осуществлялся через многоярусную колокольню с проезжими воротами. В состав монастырских построек входили гридница со светлицей, трехкамерная изба, комплекс хозяйственных построек — гумно, конюшня, баня и др. С момента своего основания монастырь был одним из авторитетнейших центров православного монашества, о чем свидетельству-

ет то обстоятельство, что до XVII в. митрополиты западнорусской церкви называли себя Лещинскими (в дополнение к титулам митрополитов Киевских, Галицких и Всея Руси) и только позднее Киево-Печерскими[12].

Лещинский монастырь периодически переходил в руки униатов (1596, 1605–1623, 1639), пока в 1668 г. окончательно не был подчинен униатскому базилианскому ордену.

Другой древнейший монастырь был в городе Изяславле, который находился при реках Свислочи и Чернице. В XI в. в этом городе вел. кн. Владимир заточил свою супругу Рогнеду Полоцкую, в крещении Анастасию, и сына ее Изяслава. По преданию, Рогнеда основала здесь женский монастырь, с которым впоследствии связывалось кладбище, называвшееся Монастырщиной. Не известно, когда монастырь перестал существовать. В селении сохранялась только Преображенская церковь, время основания которой не известно, а последняя ее перестройка состоялась в 1840 г. В 1861 г. храм был переведен в стены бывшего римско-католического костела[13].

В XI–XIII вв. были основаны 12 монастырей в Полоцке. Часть из них известна только по именам посвящений: Вознесенский (упоминается игумен Ферапонт, 1553); Городецкий св. Михаила (упоминается игумен Антоний, 1508)[14]; Николаевский[15].

По другим монастырям можно дополнительно прибавить краткие и отрывочные исторические данные. В «сердце» Полоцка, Верхнем замке города, при кафедральном храме действовал Софийский монастырь, возводившийся из привезенных из Лифляндии на стругах кирпича, алебастра, извести. В Нижнем замке находились мужской Воскресенский (упоминается игумен Самуил, 1597), и, вероятно, здесь же был монастырь Петра Апостола. Целый ряд монастырей находился в предместье города, за рекой Полотой. Среди них расположенный неподалеку от Спасо-Преображенского монастыря и сожженный поляками в 1599 г. Троицкий мужской (упоминается игумен Симон, 1509); Козьмодемьянский в Заполотье; Преображенский (Заполотский).

Два других монастыря располагались к северу от города — Спасский девичий в «Сельце» и находившийся поблизости от него Богородицкий[16]. Напротив замка, на острове на Двине размещался монастырь Иоанна Предтечи, с 1537 г., согласно королевской воле, наместником его был владыка Полоцкий Мисаил[17].

В окрестностях Полоцка размещался Мариин монастырь, основанный около 1150 г. преп. Евфросинией. В соборном храме монастыря во имя Пресвятой Богородицы с XII в. находилась икона Божией Матери, по преданию писанная св. евангелистом Лукой и перенесенная сюда из Эфеса по ходатайству преп. Евфросинии и по соизволению императора Мануила (Комнина?) и цареградского патриарха Луки. Монастырь исчез в глубокой древности. В середине XIX в. икона находилась в Покровском соборе города Торопец[18].

Более обширные сведения накоплены по истории и архитектуре полоцких Борисоглебского Бельчицкого (около 1130 или 1220) и упомянутого ранее как Спасский на «Сельце» Спасо-Евфросиниевского (между 1152 и 1161) монастырей.

Борисоглебский Бельчицкий мужской монастырь находился на противоположном от полоцкого замка берегу Западной Двины, именуемом Задвинье, над ручьем Бельчицы, при впадении его в Двину.

История основания монастыря теряется в XI в.[19] (В материалах архива Полоцкой духовной консистории существует указание на две возможные даты основания монастыря: около 1130 г. и 1220 г. В летописях он упоминается под 1396 г.) Хроника Стрыйковского свидетельствует, что Борисоглебский монастырь в древности был обнесен каменной стеной с «башнями и бойницами, что придавало ему вид и значение крепости. В это время полоцкие князья уступили Верхний замок епископам и переселились на Бельчицу, где строили терема и дворцовые церкви»[20].

3 Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря (XI–XIV), рис. начала XX в.

По мнению Н.Н. Воронина, Бельчицы первоначально были пригородной укрепленной княжеской резиденцией. Они играли ту же роль, что Рюриково Городище в Новгороде, Смядынь в Смоленске, Боголюбово — под Владимиром[21].

В монастыре помещались четыре храма. Главный, наиболее крупный, соборный храм был построен в начале XII в. (по Н.Н. Воронину, 1120–1130 гг.). Он представлял собой шестистолпный трехапсидный храм с тремя притворами, его размеры, без притворов, составляли 23,5×16,5 м. Купол опирался не на восточные столбы, а на четыре западные столба, т.е. подкупольное пространство было сдвинуто к западу[22]. Полы храма были выложены глазурованными плитками, во внешнем убранстве, вероятно, использовался аркатурный пояс,

внутренние стены украшены фресками. Принадлежность Большого соборного храма Бельчицкого монастыря к типу триконхов указывает на тесную связь полоцких зодчих с распространенными на протяжении XI–XVII вв. приемами строительства на Афоне, в Сербии и Болгарии. Ссылаясь на рукопись И.М. Хозерова, Н.Н. Воронин заметил, что Бельчицкий собор напоминал Рождественский собор в Суздале (1222–1225) и Борисоглебский в Рязани[23], т.е. памятники, типологически связанные с Успенским собором Киево-Печерского монастыря.

Другой храм Бельчицкого монастыря, посвященный св. Борису и Глебу, относится к первой половине XII в. Это трехнефный крестово-купольный, шестистолпный храм, размером 8,3×14,5 м. Церковь имела подкупольный постамент, обработанный трехлопастными кокошниками. «Фасад Борисоглебской церкви включал два яруса. В нижнем ярусе — более высокие окна в западинах ниш с двумя обломами. В верхнем ярусе окна значительно меньшего размера. Прясла отделены прямыми однообломными пилястрами»[24]. Внешняя декоративная обработка аналогична полоцким церквам XI–XII вв. с раскраской фасада темно-коричневато-красными полосами шириной 4,0–4,5 см. В композиционном отношении план Борисоглебской церкви напоминает план Спасо-Евфросиниевской церкви. Н.Н. Воронин относил его к типу княжеских храмов и считал возможным причастность к его строительству мастера Иоанна.

4 Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря (XI–XIV вв.), рис. начала XX в.

Третий храм — Пятницкая церковь относится к первой половине XII в. Церковь принадлежала полоцкому князю Борису Всеславовичу (умер в 1128 г.) и, очевидно, была княжеской усыпальницей, имела не доходившую до алтарной апсиды крипту. Это однонефная, бесстолпная церковь с одной прямоугольной в плане апсидой и бабинцом, перекрытая коробовым сводом, размеры храма — около 5,1×5,8 м. Фасад оформлен плоскими лопатками на углах и двумя ярусами оконных проемов. Он был раскрашен по белому фону горизонтальными темно-коричневато-красными полосами. Полы были выложены керамическими поливными плитами. Внутренние стены были покрыты фресками с изображениями кн. Бориса и Глеба. И.М. Хозеров усмотрел аналогию Пятницкой церкви с Иоанновским приделом Успенского собора Киево-Печерского монастыря, полагая, что последний первоначально был отдельно стоящим сооружением и имел подземную камеру. Другим примером бесстолпного миниатюрного храма ученый назвал Ильинскую церковь около Чернигова, вблизи черниговских пещер (1072)[25].

Наконец, четвертый храм, неизвестного посвящения, относится к XII–XIII вв. Он представлял собой крестообразное в плане, четырехстолпное, одноапсидное сооружение. С севера и юга к боковым стенам храма, примерно посредине, примыкали открытые внутрь, полукруглые выступы-конхи. Скорее всего, сооружение имело три входа. Н.Н. Воронин считал его храмом-усыпальницей и находил возможной связь этого памятника с южнокиевской традицией церкви Спаса на Берестове.

Бельчицкому монастырю принадлежали имения Долгое, Турец, Усвятица, Туровле, Пустынька, Манники и Суя. В 1597 г. монастырь был отдан униатам[26].

За время владения монастырем униатов храмовые постройки постепенно разрушались и перестраивались, как это видно из истории монастыря, составленной в 1799 г. викарием и казначеем Борисоглебской обители Варлаамом Пешкой на основании данных хроники «Стрыйковского и Гваньини». Описание содержит некоторые интересные детали, но имеет также множество исторических неточностей: «...в 1220 г. полоцкий князь Борис Гинвилович под Полоцком, над рекою Бельчицею основал монастырь св. великомучеников, российских князей Бориса и Глеба для монахов греко-римского вероисповедания и там же построил две каменные церкви, из коих в церкви св. Бориса и Глеба от давности образовались опасныя трещины, но в настоящее время, архимандритом того Борисоглебского монастыря Исаиею Шулякевичем она совершенно исправлена. Другой же церкви следы можно видеть в оставшейся еще довольно значительной части фундамента ея и в щебне. Третья церковь, тоже каменная, получила свое существование в текущем столетии. Монастырь этот почти со времени основания своего возведен был на степени архимандрии, т. к. Ярослав Изяславич титулует Филарета архимандритом, давая ему в 1394 г. привилегию, коею подтверждает за монастырем принадлежащия к нему имения. Презентация кандидатов на

полоцкую архимандрию принадлежала полоцким удельным князьям, а по изменившимся обстоятельствам, право патроната перешло к польским королям...»[27]

К началу XIX в. монастырь пребывал в «наибеднейшем» состоянии. В 1789 г. здесь состояли опат Исаия Шулякевич и девять законников, ключник, войт, эконом, повара, кучеры, мельник, винокур с помощником, две «господыни», «гуменны» с женой и др.[28].

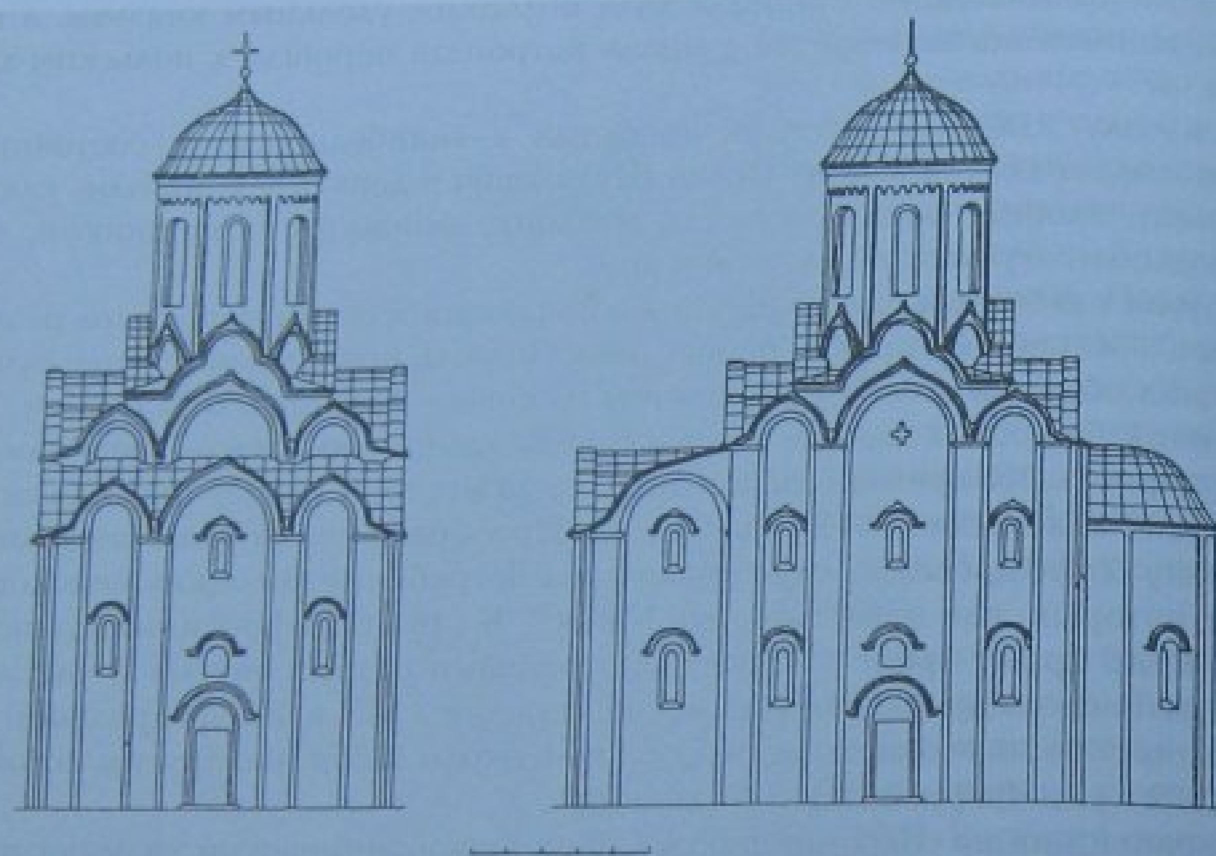
Другой известный полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь размещался в «Сельце», на правом берегу реки Полоты, при впадении в нее ручья, и служил оборонительным форпостом на севере Полоцка. В 1152 г. кн. Евфросиния Полоцкая начала здесь строить каменную Спасо-Преображенскую церковь. Ко времени основания храма место «Сельце» принадлежало полоцким епископам. Соборный Спасо-Преображенский храм возводился на смену более древнего, служившего для погребения полоцких епископов, среди которых, как известно, был Мина[29]. В 1161 г. Евфросиния принесла сюда в дар храму крест с надписью, с мощами разных святых и частицей Животворящего древа, находящийся с середины XIX в. в кафедральном Софийском соборе. Монастырь был основан около 1125 г. (по другим источникам 1173 г.) кн. Евфросинией Полоцкой[30].

Древнейший из сохранившихся Спасо-Евфросиниевский храм построен между 1152–1161 гг. Руководил строительством зодчий Иоанн. Это каменный трехнефный шестистолпный крестово-купольный храм, размером без апсиды, 14,4×9,8 м. Центральный неф с востока завершен полукруглой массивной апсидой, более узкие боковые нефы — полукруглыми нишами в толщине стены. Храм крестообразный внутри. Нартекс четко отделен от основного помещения и сообщается с ним тремя невысокими арками. В церкви два портала, западный и южный, наличие третьего входа и северного портала пока не получило документального подтверждения. Кровля была, по-видимому, свинцовой[31].

Северный и южный фасады расчленены пилястрами с полуколонками, которые ритмично разделяют поверхность на чередующиеся между собой два узких и два широких простенка. Стены прорезаны полуциркульными оконными проемами в двух уровнях, нижние окна в 1,5 раз больше, чем верхние, с бровками в 4 ряда плинфы. Вначале церковь имела позакомарные покрытия основного объема и более низкого нартекса. Барабан купола возвышался над сводами основного объема и опирался на квадратный

5 Спасо-Евфросиниевский монастырь на карте Полоцка XVI в.

6 Спасо-Преображенский собор Евфросиниевского монастыря в Полоцке. Западный и южный фасады, реконструкция П.А. Раппопорта и Г.М. Штендера

в плане постамент, на гранях которого были кокошники. Указанной особенности конструкции завершения храма особое внимание уделил И.М. Хозеров, отметивший что «вместо обычной кубической формы постамента славяно-византийского зодчества постамент Спасо-Евфросиньевской церкви имел на своих четырех гранях своеобразные выступы трехлопастных очертаний. Эта деталь в обработке постамента барабана послужила для историков архитектуры и искусствоведов отправной точкой в построении истории трехлопастных завершений стен культовых зданий Смоленска и Новгорода XII–XIII вв., поскольку Спасо-Евфросиньевская церковь является хронологически более ранним памятником, включающим в качестве архитектурной детали мотив трехлопостного очертания»[32]. Западная сторона постамента была значительно выше остальных. Закомары и кокошники имели килеподобную форму, что создавало ярусную композицию завершения храма.

В XIX в. позакомарное покрытие было заменено трехскатным покрытием. Древним закомарам отвечают три полукружия на северном и южном фасадах. Вход на хоры помещается в северной части западной стены. По обе стороны от хор находились две тесные кельи, в одной из которых в свое время пребывала преп. Евфросиния[33].

О реставрации храма 1832 г. Сапунов, в частности, писал следующее: «...полуколонки, которыми убран этот храм с трех сторон, встречаются

в древних церквах вообще редко (по современным данным такой прием использовался и в других храмах того времени. — *И.С.*); но оне несомненно применялись в XI и XII в., в церквах киевского вида, как это мы видим, например, на храме Елецкой Богоматери в Чернигове, где боковые фасады имеют подобные же полуколонки; а лекальные кирпичи, найденные в развалинах Борисоглебской церкви в Полоцке, ясно указывают, что в XII в. и в Полоцке тоже практиковалось убранство такого рода. Стало быть, и первоначально храм был обставлен полуколонками, приставленными к лопаткам с перекинутыми на них арками закомарами; покрытие же было позакомарным, т.е. посводное, черепичное или, вернее, свинцовое. Барабан главы, вероятно, имел другую форму и был значительно ниже и имел покрытие посводное, полушаровое, византийское. С устройством же крыши на два ската и поднятием карниза по бокам, после заделки бывших яндов между арками, древняя глава оказалась бы почти вся закрыта новой высокой крышей, и потому ее надо было удлинить, а может, и переложить вновь... Церковь эта в своем первоначальном виде была одноцветная, так как имела однородную кладку и тем самым сильно отличалась от других древних церквей, имевших кладку разнородную и потому полосатый фасад. Однородность кладки в церквах XII в. — явление весьма редкое»[34].

Интерьер оформлен фресками XII в. (многие из них были записаны в 1832–1835 и 1840 гг. Расчистка росписей проводилась в 1937, 1938, 1940, 1950 и 1972 гг). Открыто восемь фрагментов фресок, три из которых находятся в алтарной части.

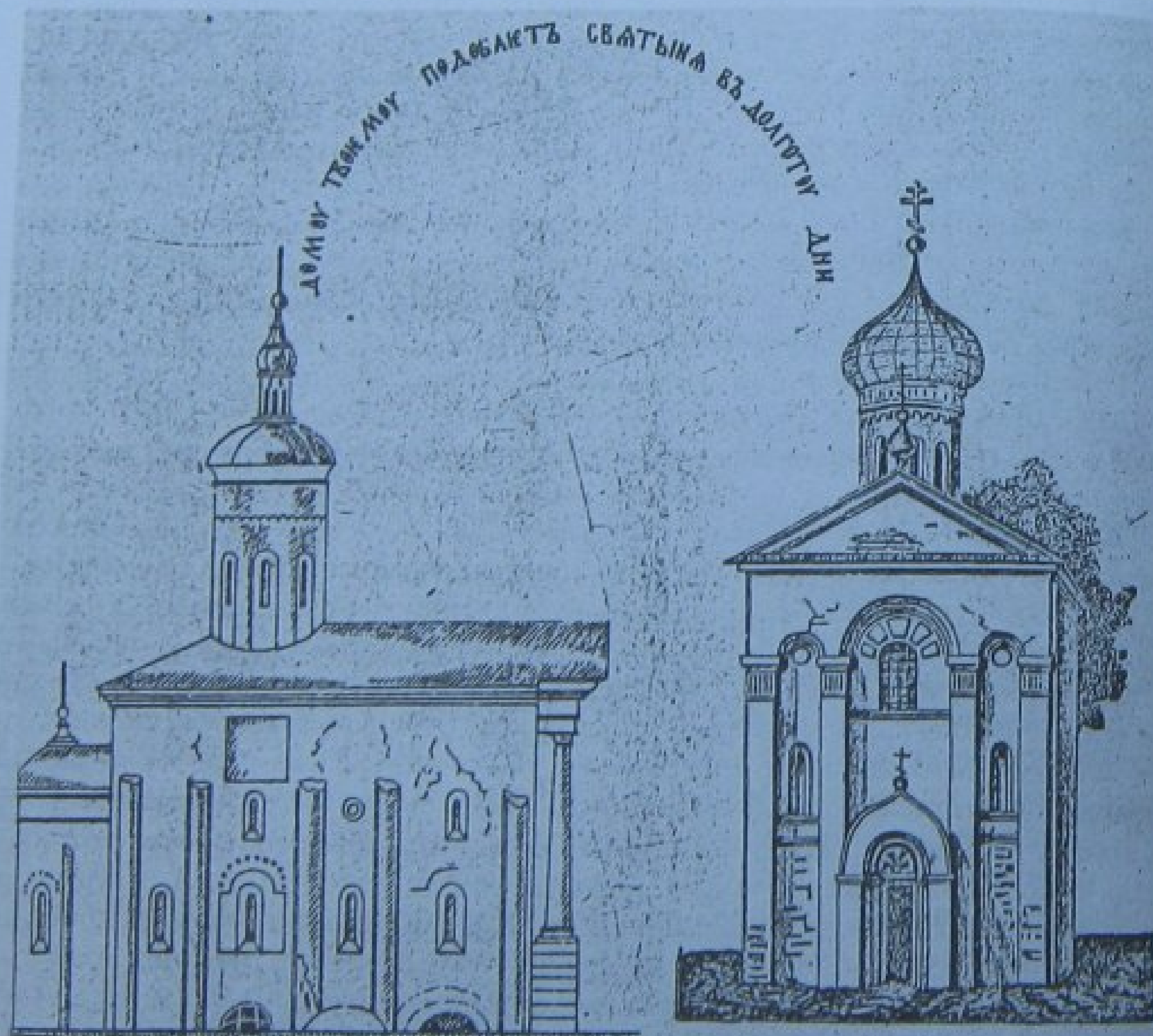
В 1563 г., когда войска Ивана Грозного приближались к городу, инокини оставили обитель и ушли под защиту полоцкого замка, поселившись близ Софийского собора, где для них, к тому времени принявших унию, в начале XVII в. были устроены жилые корпуса при Софии. После взятия города войсками Стефана Батория Спасский монастырь с его имениями и угодьями был отдан иезуитам. В 1658 г., когда русские снова овладели Полоцком, в присутствии царя Алексея Михайловича совершалось освящение Спасо-Преображенской церкви. Она оставалась православной до 1667 г., после чего по Андрусовскому договору Полоцк был возвращен Речи Посполитой. Иезуиты превратили церковь в костел. Над храмом установили круглую главу с железным крестом, на котором была монограмма имени Иисуса. К западному фасаду был пристроен четырехколонный портик на высоком цоколе. На месте прежних корпусов они построили двухэтажный каменный дом, предназначенный для летней резиденции генералов ордена. В это время католиками была сложена своя легенда о преподобной Параскеве, в которой летописец XVI в. соединил факты из жития преп. Евфросинии и жития Параскевы римской с преданием о дочери полоцкого князя Рогволда Евпраксии[35].

После высылки иезуитов, в 1820–1832 гг. монастырь был передан католическому ордену пиаров. В 1832 г. под руководством архитектора А. Порта была проведена реставрация и частичная реконструкция Спасского храма:

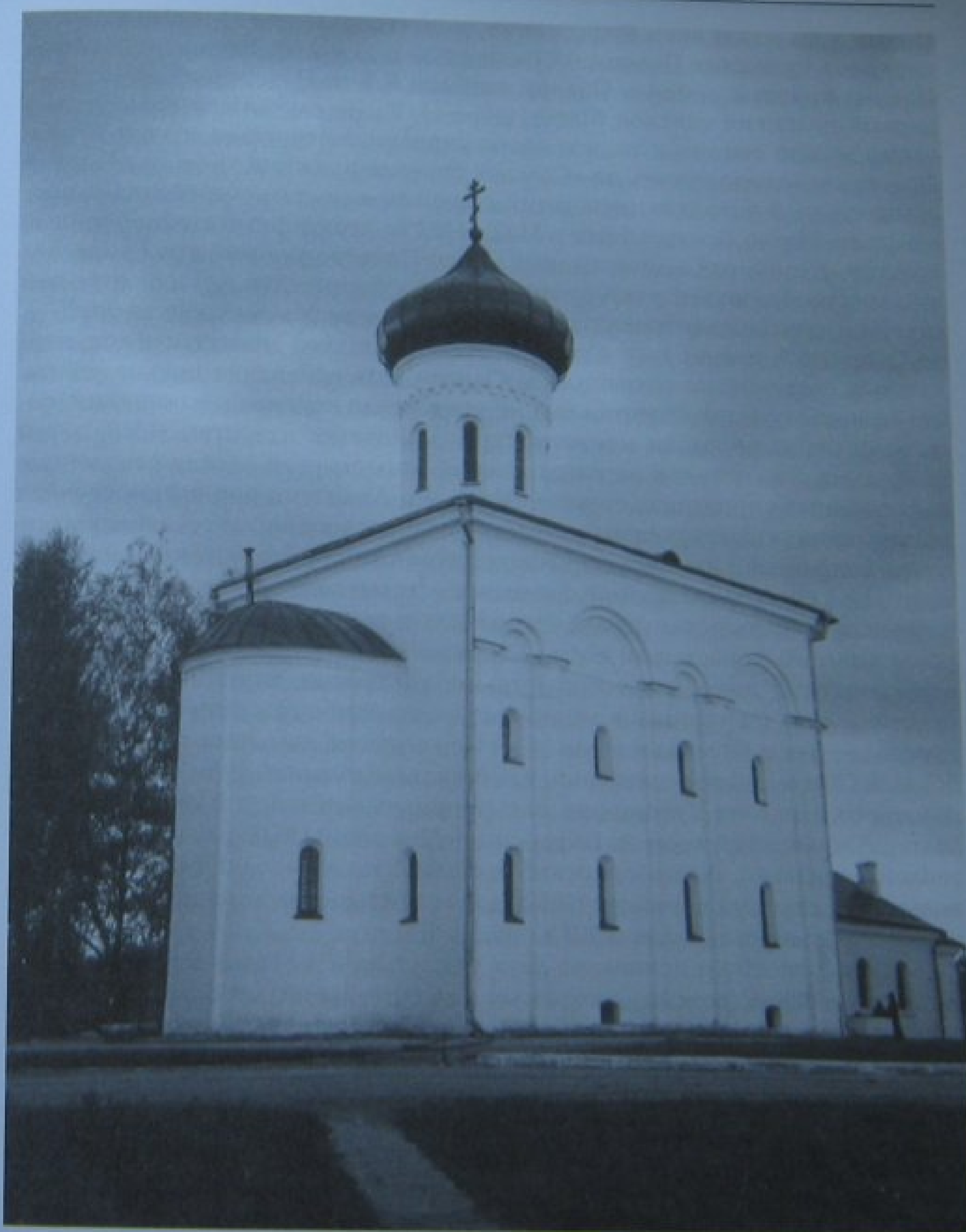
заменена состоявшая частью из черепицы, частью из соломы крыша; была разобрана каменная надстройка над входом; ветхий купол разобран и сложен заново «по старому образцу»; небольшой иконостас временно перенесен из Богоявленского монастыря. Храм заново освящен 7 августа 1833 г.

В 1835 г. все иезуитские строения и принадлежавшие им угодья были переданы архиепископу Смарагду, а в 1841 г. восстановлен древний Спасо-Евфросиниевский монастырь[36].

Как уже ранее говорилось, две церкви Бельчицкого монастыря, Борисоглебская и Пятницкая, были построены предположительно зодчим Иоанном.

7 Спасо-Преображенский собор Евфросиниевского монастыря в Полоцке на время возвращения православному ведомству, обмеры А. Сапунова

8 Спасо-Преображенский собор Евфросиниевского монастыря.
(Здесь и далее, когда приводятся натурные фото автора, в подрисуночных подписях отсутствуют указания на датировку и источник иллюстрации)

Позднее, по заказу преп. Евфросинии, он построил Спасо-Преображенскую церковь в пригороде Полоцка «Сельце», над р. Полотой. Возможно, мастера Иоанна привез с собой в Полоцк выходец Киево-Печерского монастыря, первый полоцкий епископ Мина (1105–1116). Не случайным совпадением также можно считать и то, что новопостроенная искусным зодчим Спасо-Преображенская церковь на «Сельце» сменила прежний храм, служивший усыпальницей полоцких церковных иерархов и местом погребения самого епископа Мины. Построенный в 1152–1161 гг. трехнефный шестистолпный крестово-купольный, одноапсидный Спасо-Преображенский храм имел четкую крестообразную структуру внутреннего пространства, которой отвечали световой купол и одноглавое завершение внешнего объема сооружения[37].

О древней планировке Спасо-Евфросиниевского монастыря документальных сведений не сохранилось. Однако есть основания предположить, что за последующие столетия она не претерпела коренных изменений, поскольку после передачи монастырского комплекса иезуитам (1563, затем 1658) здесь был устроен не католический монастырь, а летняя резиденция высокопоставленных представителей ордена. Архитектурно-планировочная организация существующего сегодня монастырского ансамбля свидетельствует о сохранении им концентрической композиции с включением не одного только а нескольких храмов. Комплекс отделен каменной оградой, причем каменная монастырская ограда устроена только с западной, напольной стороны занятого монастырем холма. С других сторон границы его защищены естественными природно-ландшафтными условиями, крутыми береговыми откосами, спускающимися к линиям двух сливающихся в этом месте водных преград — реки Полоты и ручья. Сейчас комплекс включает три храма: соборный Спасо-Евфросиниевский, Крестовоздвиженский храм (1897; правый придел св. Николая Чудотворца, левый придел Смоленской иконы Божией Матери), трапезный храм св. Евфросинии Полоцкой (1844; ранее именовался теплой церковью). В монастырский комплекс также входят каменная колокольня над святыми воротами (1882), два монастырских корпуса, остатки основания храма-усыпальницы XII в. (цв. ил. I)

К XII в. относится основание двух монастырей в Мозыре. Один из них, Параскевиевский женский, находился на месте, где позднее стояла Пятницкая церковь. Его образование было связано с распространением влияния Киево-Печерского монастыря. Так, по свидетельству помещика Адольфа Обуховича, принявшего православие в 1863 г. в Пятницкой церкви, монастырь был основан его православными предками — Обуховыми. Они владели многими землями в Киеве вплоть до XIX в.: «...от предка Андрея Обухова приобретено Киево-Братским монастырем дворовое Сверчковское место и сеножать на Оболони». Обуховичи, по преданию, построили церкви в Параскевиевском монастыре, в селе Грабове Мозырьского уезда, в Сидельниках»[38]. К концу XVIII в. монастырь пришел в совершенную ветхость, о чем свидетельствовали документы о заложении для починки монастыря уволоки

земли дворянину Оппоке за 400 злотых. Около 1720 г. обитель принадлежала к Брагино-Селецкому монастырю. Около 1793 г. большей частью монастырских земель владела шляхта. Настоятельницами монастыря были игумены Серафима (1704), Александра Кулевская (1726)[39].

Другой древнейший мозырьский монастырь — мужской Петропавловский, известен с XII в. По данным XIX в. упоминаются события его истории более позднего времени: воин Федор Колодка в 1401 г. дал мозырьским монахам 100 пенязей на построение Петропавловской церкви под горой; «в 1602 г. Мозырьский Ясногородский игумен Мефодий Скочкевич с братиею заменил с Иваном Садловским двор Тирковский на хутор Михновский. Имя этого игумена записано в Синодике Слуцкого св. Троицкого монастыря во время войн казацких с поляками, монастырь сей был разорен. Землею его завладели Суховицкие базилиане»[40].

Под XIII в. значится основание Лавришевского Ильинского мужского монастыря возле Пинска. Он находился в 2 верстах от реки Неман, возле селения Кореличи. Монастырь был основан преподобным Елисеем, сыном литовского князя Тройната, племянника вел. кн. Миндовга в 1225 (3?)г. Елисей (имя в монашестве) удалился от великокняжеского двора в пустынные места под Неманом, нашел здесь русского монаха, а затем вместе с ним и другими подвижниками устроил монастырь, упоминавшийся как «лавра св. Илии». Елисей стал первым ее архимандритом. По преданию, мощи св. Елисея в XV в. не допустили татар к разорению монастыря.

В начале XVII в. монастырем завладел униатский митрополит Иосиф Рутский. После учреждения в Жировичах униатской семинарии доходы от Лавришевского монастыря передавались на ее содержание. На средства монастыря в 1778 г. в селении Лавришев была построена приходская Успенская церковь. Это был деревянный храм в форме продолговатого креста с четырьмя глухими куполами, внутренняя площадь 140 кв.м.*, дверей двое, окна в один ряд, покрыта дерном.

Монастырь упразднен в 1836 г., а храм обращен в приходскую церковь, при этом местночтимые иконы Спасителя и Богоматери были перенесены в Деречинскую церковь[41].

Сохранились сведения об основании ряда монастырей в XIV в. Территориально они были связаны с великокняжескими центрами Логойском, Витебском, Мстиславлем и Лукомлем. Логойский монастырь Иоанна Предтечи, предположительно, был основан в 1387 г., располагался в городе, позднее принадлежал униатам и был упразднен в 1836 г.[42].

Лукомльский Николаевский монастырь был основан в XIV в., при кн. Витовте Кейстутовиче. В 1564 г., когда Лукомльская волость перешла к Москве, монастырь внесли в «Писцовую книгу» Полоцкого воеводства 1566 г.

* Здесь и далее размеры сооружений и территории монастырей, взятые из литературных и архивных источников, приведены к единой метрической системе измерений.

В 1619 г., по настоянию Кунцевича, вместе с другими православными обителями он был переподчинен униатскому епископу. В монастыре находилась икона св. Николая из жидичинского Николаевского монастыря, размещавшегося близ города Луцка в Волынской губернии. В 1715 г. лукомльский Николаевский монастырь был передан бернардинцам[43].

С XIV в. связывают Свято-Духовский женский монастырь в городе Усвят, неподалеку от Витебска. Он был основан второй женой литовского князя Ольгерда Иулианией Александровной, княжной Тверской (по крещению Александра, в схиме Алексия), которая здесь и была погребена[44].

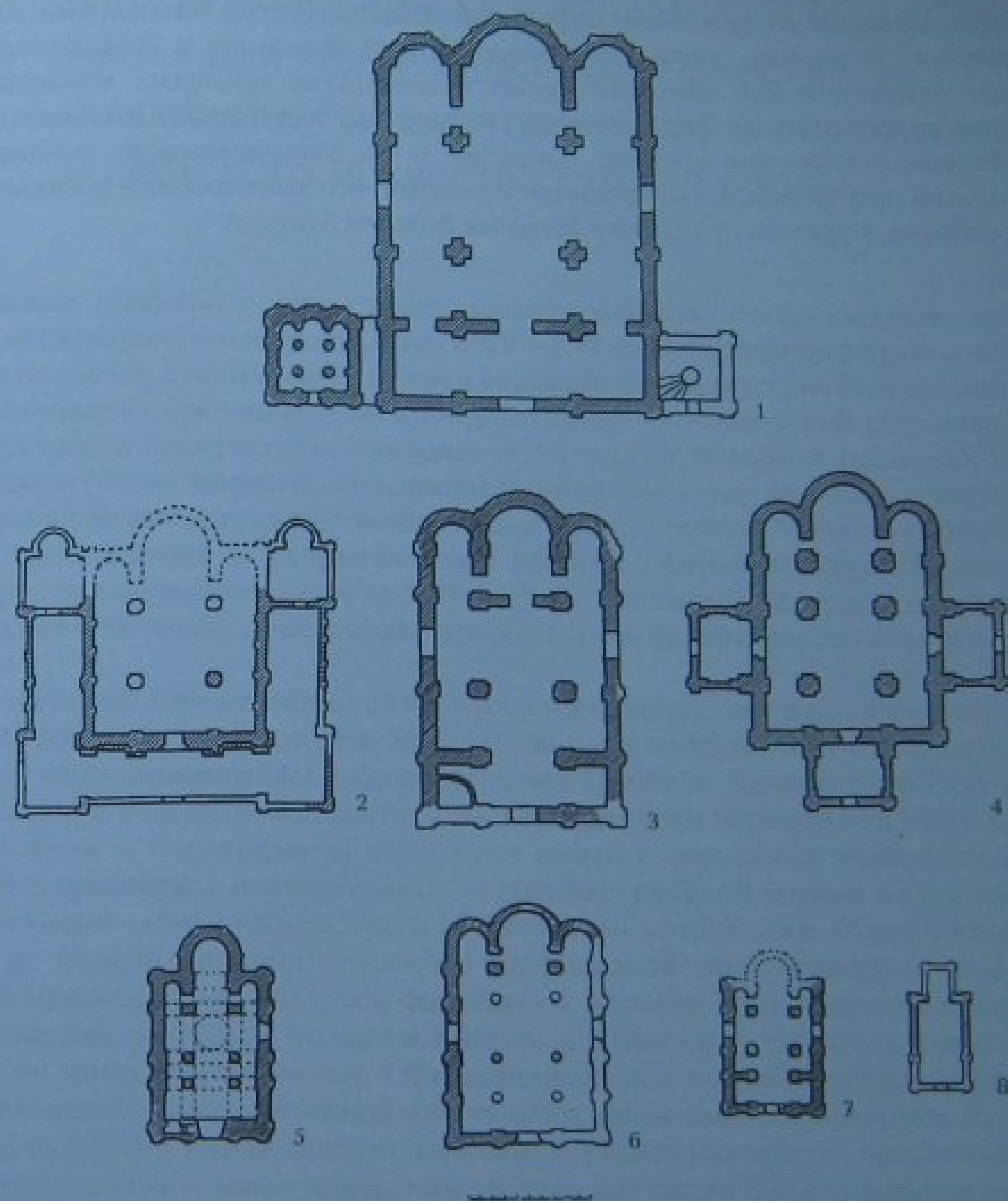
Успенский Пустынский монастырь в окрестностях Мстиславля был основан в 1380 г. родоначальником князей Мстиславских, сыном Ольгерда, кн. Лугвинием-Симеоном. Он находился в 8 верстах к востоку от города, поздее получил жалованные грамоты от кн. Михаила Ивановича Жеславского, удельного князя Мстиславского. Основание обители было связано с чудесным явлением иконы Богоматери[45].

Монастырь серьезно пострадал во время войны в 1563 г., после чего долгое время оставался в запустении. В 1588 г., в дополнение к древнему, был построен второй храм обители. В 1605 г. Пустынский Успенский монастырь был отнят базилианами[46]. Монастырь включал три церкви. Главный Успенский собор до XIX в. был крупным деревянным храмом с несколькими престолами, из которых верхний посвящался Успению. На большом алтаре помещалась чудотворная икона, под алтарем находилась каменная крипта. Рядом с собором стояла деревянная на четырех столбах колокольня с тремя колоколами. Ветхие строения древнего монастыря и две богадельни располагались между старым и строившимся соборами[47]. Монастырь перестраивался базилианами, и более подробно его архитектурно-пространственная организация будет рассмотрена в третьей главе.

Вслед за Успенским мстиславский князь Лугвиний Симеон основал в окрестностях Мстиславля другой православный — Онуфриевский монастырь (1407), располагавшийся в 16 верстах от города. Его сохранившиеся постройки являются результатом реконструкции базилиан, получивших монастырь в начале XVII в., и также будут рассмотрены в главе об униатских монастырях.

Подытоживая обзор древнейших православных монастырей Беларуси, можно предположить, что характерными чертами ансамбля православного монастыря была концентрическая композиция планировочной организации комплекса с отдельно стоящим собором, размещение в его пределах нескольких храмов. Главный храм в большинстве случаев имел шестистолпную крестово-купольную структуру с одной главой и тремя апсидами. Распространенным приемом являлось устройство трех входов, а иногда боковых притворов с дверными проемами, что еще более усиливало крестовый характер внутренней и внешней композиции сооружения.

Следует также отметить особое влияние Успенского собора Киево-Печерского монастыря, который занимал особое место в монастырском строитель-

9 Планы монастырских соборов и церквей XI–XV вв. (по П.А. Раппопорту).

1) Успенский собор Киево-Печерского монастыря.
2) Храм-усыпальница Спасо-Евфросиниевского монастыря.
3) Храм в Турове.
4) Большой собор Бельчицкого монастыря.
5) Спасо-Преображенская церковь Евфросиниевского монастыря.
6) Борисоглебская церковь в Гродно (на Коложе).
7) Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря.
8) Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря

стве Древней Руси и в монастырском зодчестве Украины и Беларуси последующего времени, в период автокефальной западнорусской митрополии. Археологические данные, учитывая замечания Н.Н. Воронина и И.М. Хозерова, дают основания для аналогий храмостроительства полоцких монастырей и Печерского в Киеве. Определенная связь между ними прослеживается в устойчивом повторении древних преданий о «назнаменованном» основании обителей при чудесном Богородичном участии, что закреплялось посвящением соборных храмов празднику Успения Божией Матери.

Вторая половина XV – начало XVII в. Эволюция монастырского зодчества и особенности адаптации форм церковного и светского искусства стран Европы

Новые, особенные черты православного монастырского зодчества края начали складываться и проявляться в XV – XVI вв. Этот период в культуре белорусов связан с активным влиянием европейского искусства Возрождения, энергичным вторжением и распространением экклезиастской (церковной) католической архитектуры, синтезом восточных и западных традиций. Необходимо только заметить, что привнесенные новейшие научные, религиозно-философские и художественные идеи католического Запада и Реформации, проникавшие и укоренявшиеся во всех сферах культурной жизни белорусско-литовского края, до XVII в. среди населения белорусских земель находили себе почву в обстановке преобладания православного вероисповедания.

В 1451 г. кн. Витовт собрал в Новогрудке духовный собор для избрания литовско-русского митрополита, независимого от митрополита Московского. Новым митрополитом был избран Григорий Цимблак. Литовско-русские митрополиты в основном жили в Вильно, эпизодически переезжая в Киев. Они часто жили в Новогрудке и постоянно имели в нем своих наместников[48]. В 1458 г. произошло окончательное разделение русской церкви на две самостоятельные части — Киевскую и Московскую митрополии. С этого момента и до переподчинения киевского митрополита московскому патриарху (1686) православные Беларуси теснейшим образом были связаны с двумя церковными центрами, Вильно и Киевом, а с Москвой, напротив, контакты были во многом ограничены. Объединенные под началом западнорусской церкви, иначе киево-литовской митрополии, православные Беларуси, Литвы и Малой России имели общую церковную иерархию, общее пространство хождения и пользования издаваемых в ее монастырях богослужебных книг, общее поле деятельности священнослужителей, храмоздателей, зодчих, художников.

Военное противоборство с Россией и обращенность Великого Княжества Литовского вместе с Польской Короной к Западу способствовали широкому введению в культуру элементов западной традиции, идущей от католичества и Реформации. Новейшие научные, религиозно-философские и художественные идеи, проникавшие и укоренявшиеся во всех сферах культурной жизни края, в каждом из видов православного искусства проявлялись по-своему, прививались опосредованно, в процессе сложной и растянутой во

времени эволюции традиционных форм. Неизменным оставалось следование древнерусской традиции отражения церковного образа в искусстве.

Главным фактором обновления церковного искусства стала своего рода «европеизация» форм монашеской жизни, строившаяся на активной научной, педагогической, книгоиздательской деятельности монастырей и православных братств, в тесном контакте с православными центрами Греции, Валахии, Молдавии. Влияние западноевропейских центров — Италии, Германии, Чехии, Польши и ее столицы Кракова — осуществлялось постепенно, по мере расширения на территории края миссионерской деятельности католиков и протестантов. Западные влияния кардинальным образом обновили светскую городскую культуру и, вслед за ней, стали проникать в православное искусство. Тем временем в XVI в. в полную силу начали проявляться внешние различия между, с одной стороны, белорусско-литовским и украинским храмостроением, с другой — русским церковным зодчеством, ставшие реакцией на общие изменения в жизни православной церкви.

Чрезвычайно важным фактором активизации поиска новых форм жизни православной церкви на территориях Великого Княжества Литовского явилась необходимость отвечать и противостоять активной миссионерской деятельности католических монашеских орденов. Во взаимоотношения православной и католической церкви, формирование различных условий для их деятельности в государстве вмешалась военно-политическая ситуация, сложившаяся во время Ливонской войны. Когда Полоцк принадлежал России (1563—1579), митрополит Московский присоединил к Полоцкой епархии Велико-Луцкую епархию. В то же время польский король избрал своего епископа в Полоцкую епархию, имевшего резиденцию то в Витебске, то Могилеве, то Мстиславле[49]. Одновременно в 1563 г. король Сигизмунд-Август ввел закон, устранявший православных от занятия государственных и общественных должностей.

Большую роль в сохранении православной церкви играли церковные братства, чаще всего базировавшиеся при монастырях. Первые западнорусские братства возникли в XV в. во Львове (1439), Вильне (1458), Луцке. В Остроге начал действовать научно-религиозный кружок кн. Константина Острожского. По примеру Львовского и Виленского братств, основывались новые братства в белорусских городах Бресте, Кобрине, Пинске, Минске, Витебске, Полоцке. Около городских братств стали возникать примыкавшие к ним братства деревенские, завязывались союзы братств[50]. Они налаживали книгоиздание необходимой литературы. В типографиях братских монастырей печатались богослужебные, учительские и полемические сочинения против унии и латинства. Особую роль играли братские православные школы, непременным требованием которых была принадлежность учителя к православному вероисповеданию. Предметами обучения были риторика, диалектика, греческий, славянский и русский языки. Особое внимание обращалось на славянский язык как основу сохранения подлинных текстов священно-богослужебных книг. В своей основе образование было духовным. Основными предметами в школах были изучение Священного Писания и творений Отцов церкви, знакомство с произведениями греческих философов, поэтов и историков. К руководству обучением стремились привлекать греков, по крайней мере, упоминается о преподавательской деятельности в Львовской братской школе митрополита Элассонского Арсения, в Острожской — Кирилла Лукариса[51]. Основанные в западных городах Великого Княжества Литовского православные братства Львова и Острога живо воспринимали научные достижения, распространение книгопечатания у соседних им Германии, Чехии, Кракова и его академии, «имевшей тогда дивную способность воспитывать людей с живыми целостными убеждениями»[52].

Ключевым событием конца XVI в. стало заключение Брестской унии. Противостояние унии оказали видные деятели православных братств (упоминается, что кн. Острожский решился обратиться даже к протестантам литовско-польского государства с предложением соединить с ними православных и двинуться вместе против религиозных врагов. На Брестском соборе 1596 г. многие протестанты были вместе с православными)[53].

Дальнейшее развитие православного монастырского строительства происходило в самых неблагоприятных условиях. Сложная ситуация еще более усугублялась активной передачей монастырских владений под управление светских лиц, использованием в политических целях издавна существовавшего права патроната, а также права короля «подавания» епископских кафедр. По примеру многих стран Западной Европы и самой Польши патронат заключал в себе следующие правила: право обеспечивать известные церкви и монастыри материальными средствами (jus donandi); право представлять для назначения и посвящения священников, игумена, архимандритов (jus praesentandi); право вообще покровительствовать этим церквам и монастырям (jus patronandi)[54].

Сложные процессы обновления монастырского зодчества обретают более отчетливые черты на фоне происходивших в то время изменений в изобразительном искусстве православной церкви. Особенности эволюции художественного языка в изобразительном искусстве этого времени с определенной долей условности принято разделять на два этапа.

Первый относится к концу XV — середине XVI в. и связан с доминирующим балканским, в меньшей степени итало-критским влиянием. Монументальная живопись этого времени сохраняет такие характерные черты византийского искусства, как уплощенность изображения, характерная иконография, обратная перспектива, монументальность, утонченный колорит, гармоничные пропорции. Вместе с тем в росписях Благовещенского собора Супрасльского монастыря (1557, сохранилось 7 фресок с изображениями мучеников, орнаментально-декоративные фризы на капителях столбов) явно проявилось характерное для западноевропейского искусства стремление к исторической интерпретации деталей в изображениях святых — одежды, доспехов и др.

С определенным влиянием художественных достижений Византийской митрополии эпохи Палеологов XIV в. специалисты связывают иконопись западных областей Украины. Отмечается определенное сходство этих иконописных памятников с монументальными росписями мастера Андрея (росписи каплицы Св. Троицы в Люблинском замке, 1418) и в то же время они имеют немало общих черт с миниатюрами Киевской Псалтыри (1397). Византийские влияния и традиции древнерусского письма — преобладание графического начала, разномасштабность фигур, условность золотого фона, сведение разновременного действия в одном сюжете — явно ощущаются в образах из Варваринской церкви Слуцка, белорусского села Губинка. Жесткая линеарная моделировка форм и подчеркнутый аскетизм образа свойственны иконам из белорусских сел Дубенец и Имянины, из города Дисны. В отличие от церковной книжной культуры западные влияния нашли отражение в светских рукописных памятниках, в частности Радзивилловской летописи (1485–1495).

Второй этап развития изобразительного искусства при переходе от Средневековья к Новому времени приходится на середину XVI – начало XVII в. Он характеризуется приверженностью к древнему православному канону, графичности, обобщенности форм в сочетании с новыми живописными приемами и одновременно окрашен дыханием (веянием времени) Ренессанса. В то время как монументальная (алтарная) живопись сохраняет заметный консервативный характер и влияние местных традиций, в иконописи проявляются новые черты — классическая ясность и уравновешенность композиционных масс, горизонтальных и вертикальных элементов, колористических ритмов, а также близкие к реальным соотношениям построения человеческих фигур и архитектурных кулис. В произведениях одновременно использовались приемы обратной и прямой перспективы. Со временем, под влиянием ренессансных настроений, иконопись приобретает заметную жанровость, этнографичность и демократизм, обогащается некоторыми достижениями техники письма и формами декорации западноевропейского искусства. Согласно документальным источникам, на Украине в создании икон, наряду с художниками-монахами, во множестве были заняты мастера, не принадлежавшие к духовному сословию и в равной степени выполнявшие заказы на исполнение как церковных образов, так и светских портретов. В иконописи в отдельных случаях отмечается стремление к передаче в образах святых черт реальных, но идеализированных людей. Живопись периода XVI – начала XVII в. характерна стремлением к конкретизации образа, который вбирает в себя приметы и признаки реальной жизни, и отражает вкусы и традиции народного искусства, что придает ему местный колорит.

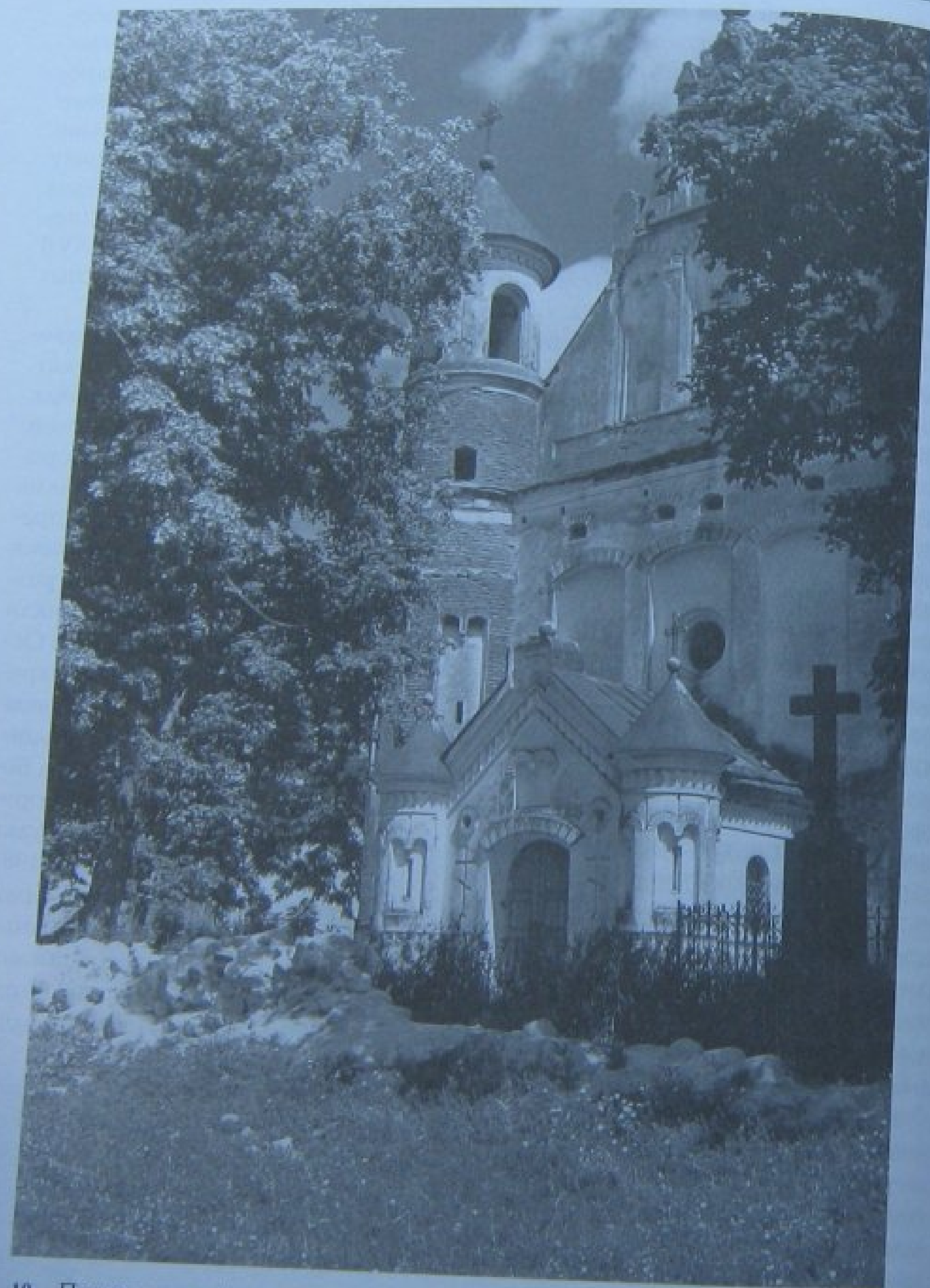
Широкое распространение иллюстрированных изданий духовного и светского содержания, кирилличных и латинских книг, оказало влияние на развитие станковой живописи, способствовало утверждению в искусстве иконописи критериев профессионального художественного мастерства. Образцами для иконописания нередко служили гравюры. Так, иконографическая схе-

ма иконы «Параскева» со Слутчины (середина XVI в.) восходит к гравюре «Петка» из книги «Минея избранная» (1538), изданной колонией сербов в Венеции. (Историками, в частности, указывается на особое внимание западнорусской церкви к культу Параскевы-Пятницы и отмечается, что митрополит Григорий Цимблак огласил Параскеву-Пятницу Тырновскую покровительницей православия в «паньстве польско-литовском», он же изменил специфику исполнения некоторых обрядов (смена многолетия в официум 24 другдня и «характеристичный спев церковный», болгарский распев)[55]. В иконопись вводится прием позолоченного резного орнаментального фона, к началу XVII в. распространение получают похожие на употреблявшиеся в ренессансных картинах XV–XVI вв. широкие декоративные обрамления икон.

Влияние западноевропейской ренессансной культуры отразилось в православном монастырском строительстве западных областей Великого Княжества Литовского. В Остроге, Луцке, Львове, Вильно и многих других городах, при поддержке местных магнатов — князей Острожских, Сапег, Ходкевичей, Волловичей и др. — были основаны новые монастыри, которые стали авторитетными церковными центрами. Одним из результатов деятельности таких центров было развитие и обновление православного искусства. Местом преимущественного распространения монастырского строительства в это время стали западные и центральные области Беларуси и Украины, где активное развитие получило каменное церковное зодчество. На западе Украины возникли Троицкий монастырь-крепость Межерич (XV–XVII вв., ктитор Александр Острожский), Николаевский в с. Мильцы (XVI в.), Троицкий монастырь-крепость в с. Успенское-второе (каменная церковь — 1610), Успенский в Почаеве (XVI в.), Крестовоздвиженский монастырь-скит в с. Манява (1611); в Приднепровье — Фроловский в Киеве (1566), Молчанский (Печерский Рождества Богородицы) в Путивле (1679). На западе Беларуси появились монастыри Борисоглебский в Гродно (1550, при храме XII в.), Борисоглебский в Новогрудке (1517), Жировицкий Успенский (1493) и Супрасльский Благовещенский (1498).

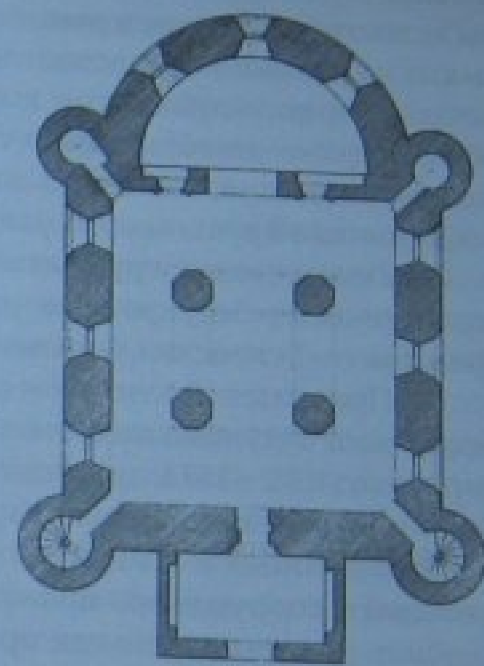
Храмы Успенского братства и Онуфриевского монастыря во Львове, братского Свято-Троицкого монастыря в Вильно, а также церкви, построенные Острожскими в принадлежавших этому княжескому роду Остроге, Дермани, Межеричах, позволяют составить представление об основных направлениях типологического развития православного монастырского церковного зодчества XVI в.

В архитектурном решении Богоявленского собора в Острожском замке (вторая половина XV – начало XVI в.) и Троицкой церкви Межеричского монастыря (XV в.) очевидно обращение к традиции древнерусского четырехстолпного, крестово-купольного храма с тремя апсидами и пятью шлемовидными главами. Вместе с тем эти храмы значительно отличаются от своих прототипов упрощением внешних форм церковного сооружения, в которых почти не отражается построение внутреннего пространства. Крестообразная структура храма прочитывается только в рисунке фасадов посредством

10 Пречистенский храм-крепость в Маломожейкове (первая половина XVI в.), фото начала XX в.

выделения в их центральной части крупных вертикальных членений в форме закомар[56]. Данная типологическая линия не получила значительного распространения на Украине, где едва ли не единственным примером ее продолжения можно считать главную церковь Успенского монастыря-крепости в Зимно на Волыни (1495—1550).

11 План храма в Маломожейкове, реконструкция начала XX в.

Более значительное влияние этот генетически связанный с древнерусской традицией тип храма оказал на развитие православного церковного строительства литовских и западнобелорусских земель, в том числе Вильно и Новогрудка, до 1620-х гг. ставших основными резиденциями митрополитов Киевских. В этих областях принципы четырехстолпного, трехапсидного зального храма с центрической композицией построения внутреннего пространства, а зачастую и общего объема сооружения, были переработаны в направлении синтеза восточных и западных традиций церковной архитектуры, а также достижений новейшего европейского искусства эпохи Возрождения. К памятникам такого рода относятся Благовещенская церковь-крепость Супрасльского монастыря (1557), Свято-Троицкая церковь братского Виленского монастыря (1514), церкви-крепости Архистратига Михаила в Сынковичах (первая половина XVI в.) (цв. ил. II, III), Бориса и Глеба в Новогрудке (1519), Пречистенская в Маломожейкове (первая половина XVI в.) и др. В названных памятниках элементы готики проявляются в характерной системе крестовых сводов на нервюрах с фрагментарным включением звездчатых сводов, в уменьшении толщины стен и устройстве контрфорсов, возведении на фасадах высоких щипцов-фронтонов, стрельчатой форме окон; ренессансные начала прочитываются в пропорциональном построении фасадов.

Во второй половине XVI в. отчетливо проявилась и другая типологическая линия православного церковного строительства, связанная с зальными бесстолпными сооружениями и осевой композицией нерасчлененного внутреннего пространства и внешнего монолитного объема храма. К ней относятся Онуфриевская церковь во Львове (1550, боковые приделы пристроены в 1701 и 1902 гг.), трехапсидная Успенская церковь в с. Крылос, Галичского р-на (начало XVI в.), Успенская церковь Уневского монастыря-крепости (середина XVI в.) и др. Позднее эта линия нашла продолжение в храмах монастырей Беларуси — Троицкого Черейского (рубеж XVI—XVII вв.), Благовещенского в Друе (1687).

Во второй половине XV–XVI вв. храмостроительство Беларуси и Украины испытало влияние крепостной, гражданской архитектуры. Среди памятников культового зодчества значительное число составляют монастыри-крепости и приспособленные к обороне храмы. Существенной особенностью образа храма этого времени стали такие характерные для оборонительного зодчества детали, как встроенные и пристроенные к стенам башенные объемы, арочные ярусы машикулей и бойниц.

Особое место в сооружениях того времени западнорусской церкви занимают стилистически безупречные ренессансные постройки львовского Успенского братства — Успенская церковь (1591–1629, архитекторы П. Римлянин, В. Капинос, А. Прихильный, ктитором строительства были Иеремия и Симеон Могилы — дядя и отец будущего митрополита[57]), многоярусная колокольня, башня («вежа») Корнякта (1572–1578, архитекторы П. Барбон, П. Римлянин). Они не имеют аналогов ни в других регионах Украины, ни в Беларуси. Отчасти это объясняется тем, что начиная с XVI в. для возведения наиболее ответственных каменных храмовых сооружений православная церковь стала привлекать профессиональных архитекторов, как правило, они составляли интернациональные коллективы зодчих, среди которых наряду с местными мастерами были выходцы из Италии, Германии, Чехии, Польши. Подобная практика организации работ осуществлялась также в Литве и Беларуси, где сохранялась до конца XVIII в.

Новое монастырское строительство Беларуси этого периода, ориентированное на влиятельные центры монашества в западных городах Великого Княжества Литовского, также локализуется в основном на западных и центральных территориях белорусских земель — в Новогрудском, Гродненском, Брестском, Пинском воеводствах, а также более отдаленном от них Слуцком воеводстве. Главная роль в консолидации деятельности православного монашества принадлежала Вильно, его Троицкому, а после принятия им унии Свято-Духовскому монастырям. Управлению последнего подчинялись такие вновь основанные и переподчинялись такие ранее существовавшие обители, как Грозовский Иоанно-Богославский, Брагино-Селецкие Спасо-Преображенский мужской и Благовещенский женский, Ціперский Кресто-Воздвиженский, Евейский Успенский, Минский Петропавловский, Слуцкий Свято-Троицкий, Сновский, Ново-Дворский, Купятицкий монастыри.

Приведенные данные говорят о достаточно скором объединении и создании после принятия унии, в начале XVII в., системы подчинения древних и вновь образованных обителей общему авторитетному и сильному центру православного монашества. Центр этот взял на себя обязанности покровительства над менее защищенными в условиях нависшей над православными монастырями опасности со стороны католиков и униатов. Надо полагать, проектирование храмов и построение монастырских ансамблей этого времени также было определенным образом связано с влиянием братских и, прежде всего, виленских — вначале Троицкого, а затем Свято-Духовского монастырей (о последнем будет сказано позднее).

До нас дошли единичные монастырские комплексы XV–XVI вв., причем в большинстве случаев искаженные многократными перестройками. При этом, как оказалось, наиболее стабильным фактором первоначальной архитектуры остается планировочная система как монастырского комплекса в целом, так и планировка его храмовых сооружений. Именно планировка храмов с определенной степенью вероятности позволяет выявить некоторые характерные черты православного церковного зодчества Великого Княжества Литовского в период перехода от искусства Средневековья к Новому времени. Как уже говорилось, до принятия унии важную организующую роль среди монастырей Беларуси играл Виленский братский Свято-Троицкий монастырь.

Церковь Троицкого монастыря в Вильно была основана в 1514 г. Константином Острожским. Она была квадратной в плане, зальной, четырехстолпной. Стены были укреплены контрфорсами, фасады, вероятно, имели единообразно оформленные фронтоны. Церковь синтезирует черты византийской и готической архитектуры, а также позднее привнесенные черты барокко. К восточной стене храма пристроены три пониженные апсиды, на углах восточной стены сохранились две симметричные круглые в плане пристроенные башни, скорее всего, оборонительного назначения. Возможно, первоначально другая пара башен оформляла главный фасад. Церковь имеет три близких по ширине нефа.

Ряд более поздних реконструкций относится к XVII–XIX вв. Вначале перестройки проводились в 1622 г. Следующим этапом стали работы по проекту виленского архитектора Яна Кристофа Глаубитца (1761), затем проводилась реконструкция фасадов (1792). Новые ремонтные работы велись под руководством архитектора Михаила Прозорова (1851–1852), наконец, была осуществлена радикальная перестройка фасадов по проекту архитектора Николая Чагина (1869)[58].

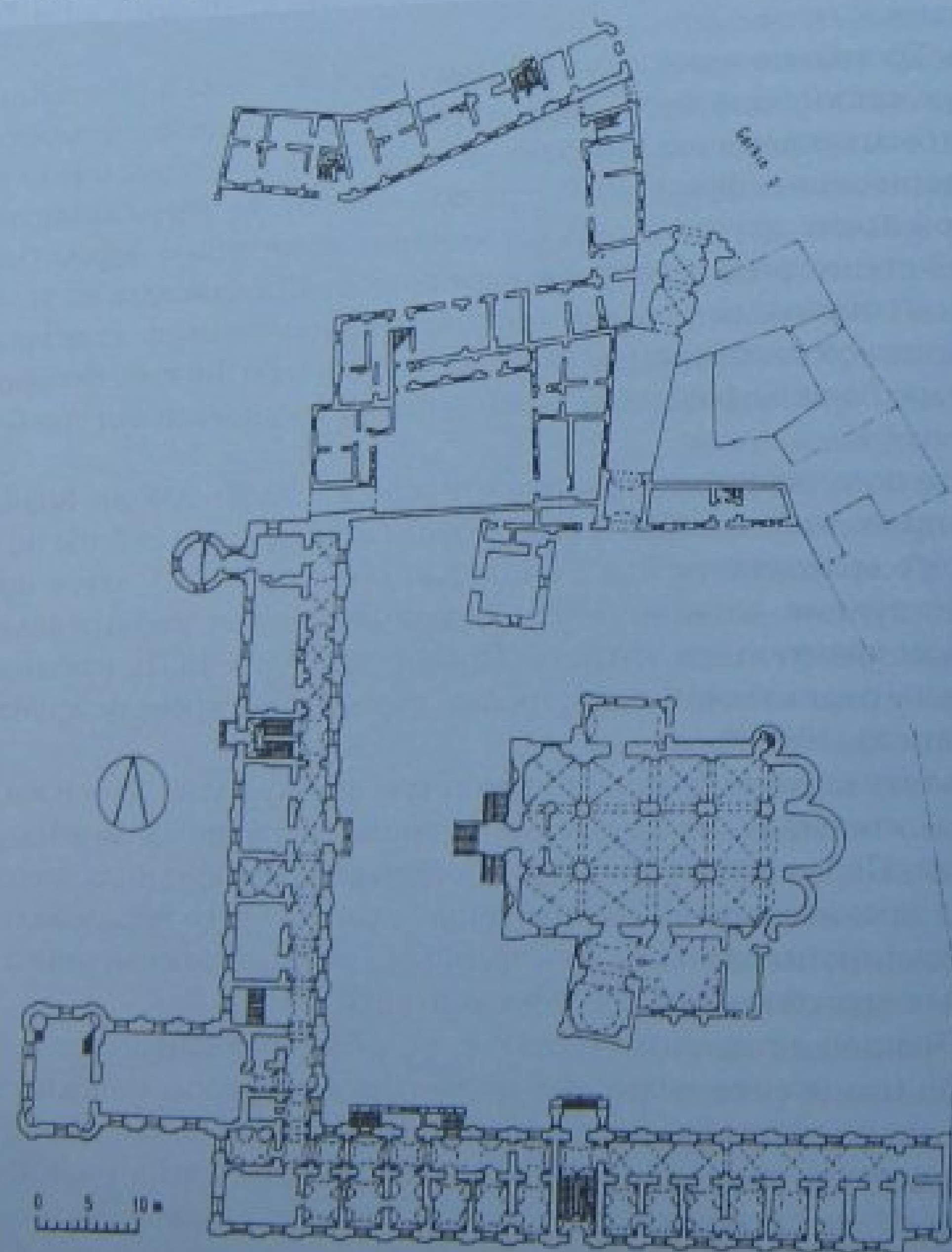
В результате церковь получила вытянутую форму плана по оси восток-запад и дополнительные две внутренние опоры, сохраняя зальный характер, без нартекса. После пристройки дополнительного продольного звена западный пролет древнего храма был расширен, за счет чего образовался трансепт. К торцам трансепта были пристроены различные по величине и решенные в разных архитектурных формах каплицы.

Храм обращен алтарем на восток и, по образцу кафоликона, занимает центральное положение в системе монастырского двора. Западный и южный фронт двора сформированы непрерывной линией каменных, примыкающих друг к другу под прямым углом, одной ширины корпусов. Северная и восточная границы монастырского двора имеют полигональную в плане форму и обозначены каменной оградой. Восточная стена проходит вдоль Остробрамской улицы. Вход в монастырь осуществлялся через ворота в северной стене, к которым с востока примыкал небольшой каменный копрус-сени. Пристроенные с северной стороны к концентрической части комплекса

два небольших дополнительных монастырских двора, по всей видимости, были сооружены в период управления базилианами.

Одним из редких сохранившихся в первоначальном виде монастырских каменных храмов является церковь Благовещенского монастыря в Супрасле, возле Белостока (ныне в Польше). Время ее завершения по датировке росписей интерьера определяется 1557 г.[59]

Супрасльский Благовещенский монастырь был основан в 1498 г. князем Александром Ивановичем Ходкевичем в собственном имении Супрасль, другим ктитором упоминается А. Солтан, основатель известного в Беларуси

12 Современная планировка комплекса Свято-Троицкого монастыря в Вильнюсе (1514), (по Lietuvos TSR)

Жировицкого монастыря. Вначале была построена деревянная церковь Иоанна Богослова, посвященная тезоименитому святому отца храмоздателя, Ивана Михайловича Ходкевича. Он служил воеводой в Киеве и внес свою лепту в основание Супрасльского монастыря, направив на жительство туда иноков из Киево-Печерской обители.

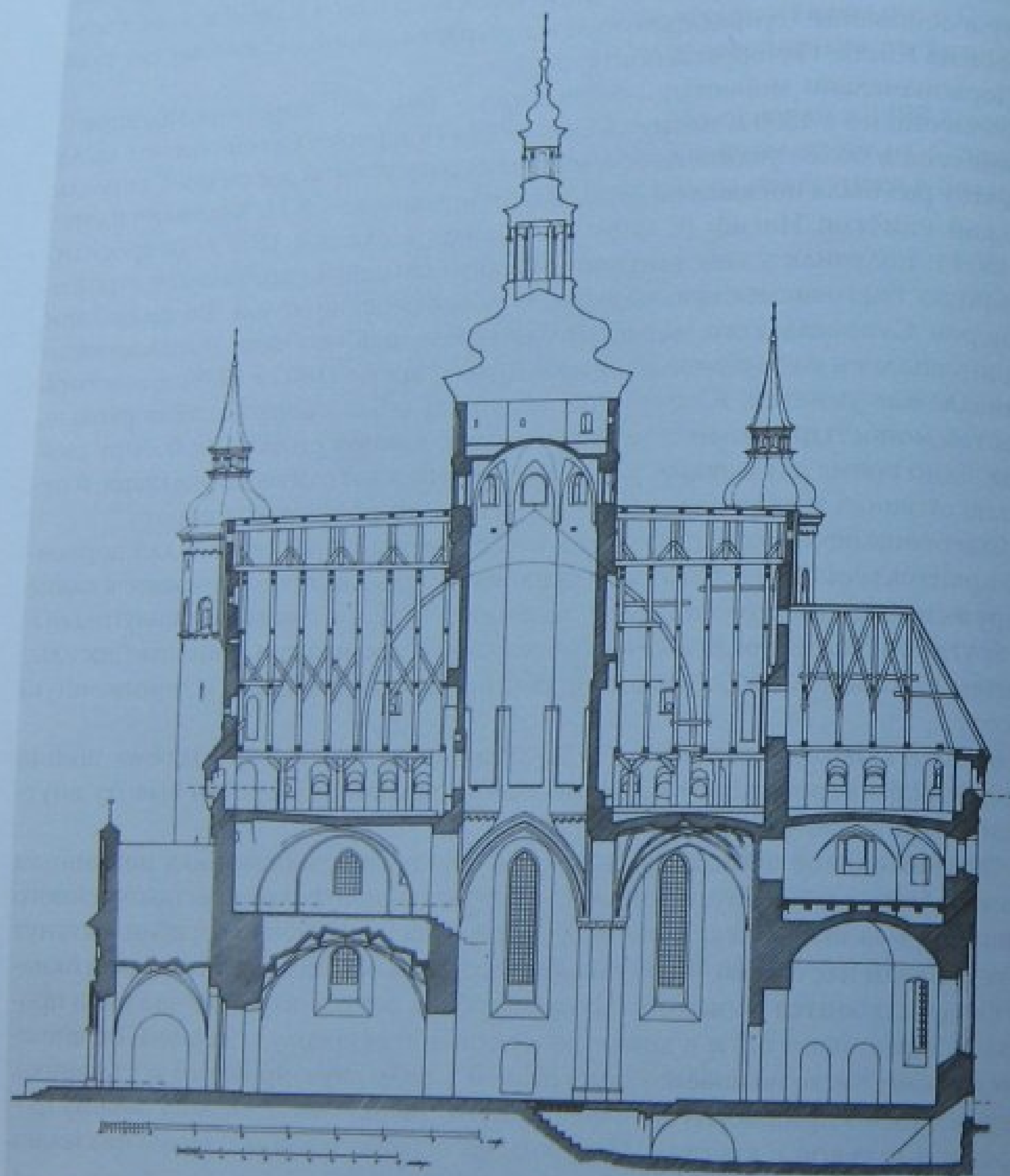
Первоначально монастырь располагался рядом с замком-резиденцией Ходкевичей, но в 1500 г. по просьбе игумена Порфирия Сеген обитель была перенесена в более уединенное место на берегу все той же речки Супрасль и на этот раз была посвящена Деве Марии Богородице. А.И. Ходкевич и смоленский епископ Иосиф (в миру Александр) Солтан в 1505 г. испросили, а в 1509 г. получили у константинопольского патриарха дозволение строить каменную Благовещенскую церковь и монастырские кельи. Впоследствии архиереи Супрасльского монастыря пользовались особыми привилегиями и приглашались на заседания сеймов. Долгое время (1603–1839) монастырь принадлежал униатам. К концу XIX в., наряду с Благовещенской церковью, в состав монастыря входили пристроенная с южной стороны к собору ризница, одно время служившая местом помещения католического алтаря, и отдельно стоящая каменная колокольня «в виде триумфальных ворот»[60].

Благовещенский собор воплотил в себе черты, характерные для церковной архитектуры XVI в. Соборная церковь — зальное, прямоугольное в плане сооружение, размером, без апсид, примерно 17×25 м, с четырьмя наугольными круглыми башнями. С восточной стороны устроены три граненые апсиды, причем боковые апсиды имеют совсем небольшие размеры и пониженную высоту.

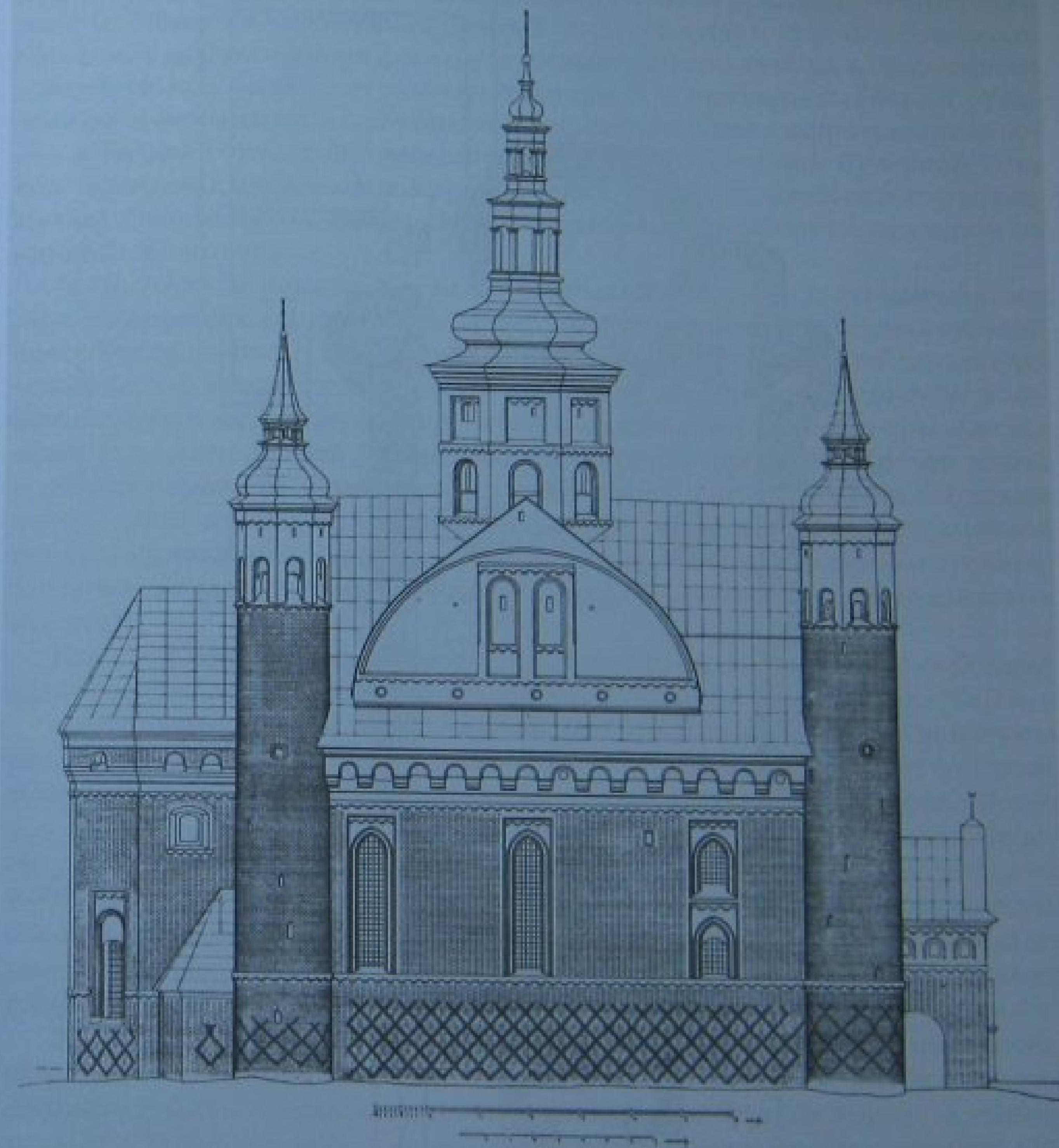
Высота боковых сводов — 11,2; аттикового этажа 2,2; подъема щипца кровли 12,6 метров, таким образом, высота крыши превышала высоту внутреннего пространства храма[61].

Отличительной чертой Супрасльской церкви, по отношению к названным храмам Литвы и Беларуси, являлось устройство центрально расположенного купола. Из-за высокой кровли несущий его восьмигранный барабан вытянут по вертикали настолько, что основание прорезанного полуциркульными окнами свода находится на высоте 24,6 м от уровня пола, центр объема храма прорезан узким, всего 5,7 м в диаметре, освещенным вверху колодцем. Во внешнем объеме он возвышается над крышей в виде двухъярусного восьмерика, нагруженного приплюснутой главой, двумя уменьшающимися по объему фонарями и главкой с крестом. Центральная вертикальная ось храма оказалась выявлена особенно ярко и динамично.

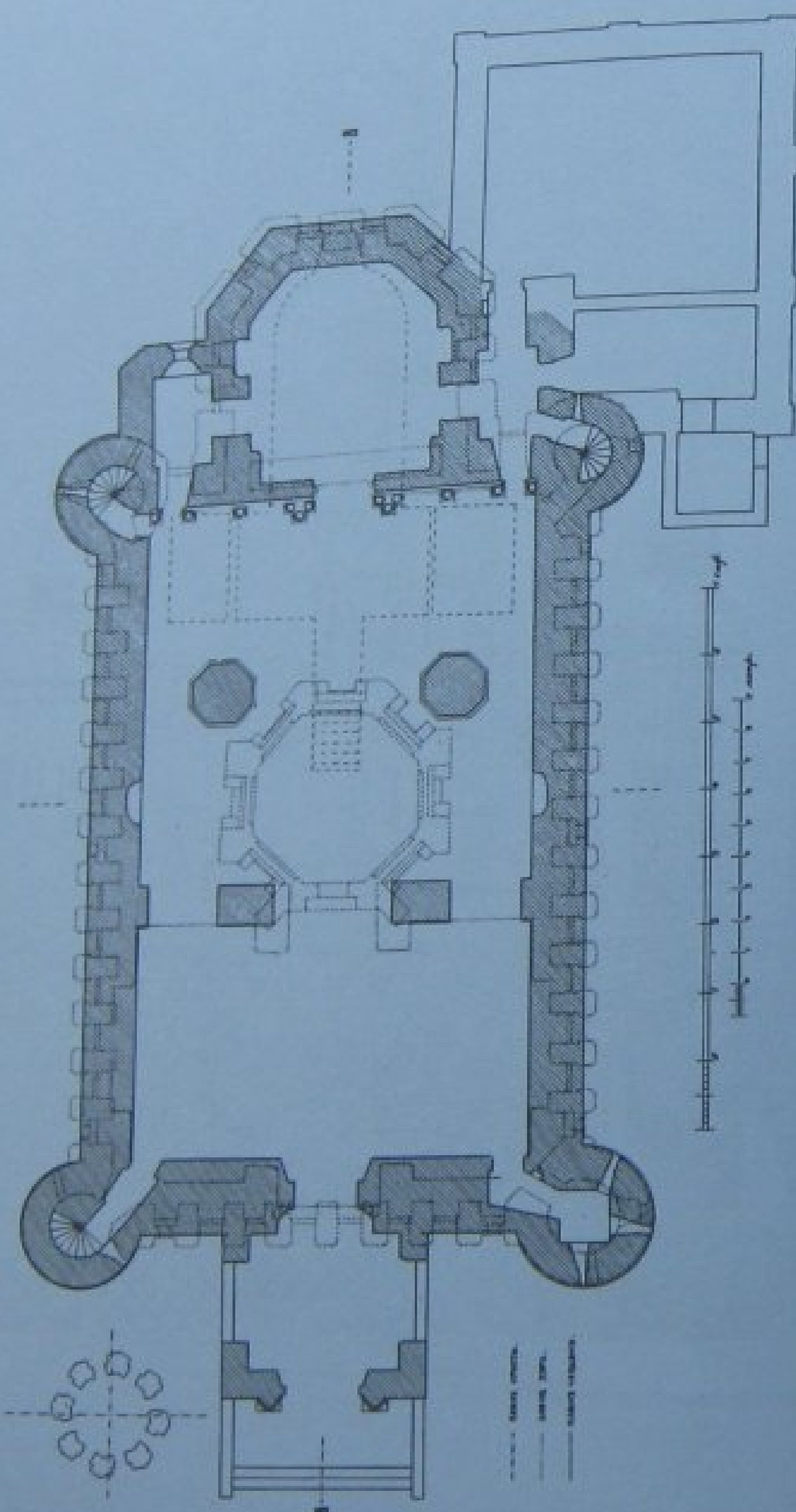
Другой особенностью храма является выявление во внешнем объеме крестовой структуры, посредством килевидных щипцов на всех четырех фасадах сооружения. Особое внимание привлекает рисунок декоративной обработки щипцов, в которые вписаны полуокружности с горизонтальным рядом полуциркульных ниш. Такой декор воспринимается отдаленной репликой оформления закомар древневизантийских, сербских и древнерусских хра-

13 Разрез Благовещенского собора в Супрасле, реконструкция П. Покрышкина

14 Северный фасад Благовещенского собора в Супрасле, реконструкция П. Покрышкина

15 Собор Благовещенского монастыря в Супрасли (1557). План, реконструкция П. Покрышкина

мов. Главный мотив внешнего декоративного убранства Благовещенской церкви — опоясывающие основной объем здания крупные арочные фризы и дробные зигзагообразные консольные ленточные рельефы, многократно повторяющиеся в украшениях прямых участков стен и круглых башенных объемов, в декоре щипцов фасадов и восьмигранника купола, в оформлении прямоугольных ниш со стрельчатыми окнами и притвора-барбакана. Указанные приемы внешней декорации сооружения имели широкое применение в позднеготической архитектуре Северной Германии, Северной Италии, где использовались как в гражданских, так и в культовых постройках. Цоколь Супрасльской церкви оформлен сетчатым ромбовидным узором из кирпича-железняка.

Н. Щекотихин полагал, что Благовещенский собор как бы подытоживает эволюцию православного зодчества XVI в. Его характерной чертой, по мнению ученого, является пришедшая из оборонного типа храмов постановка угловых башен, которая стала исключительно художественным приемом в монументальном зодчестве, а со временем подъем башен западного фасада стал задаваться выше уровня центрального фигурного фронтона. Прочно вошел в практику прием пристроенного ко входу в храм притвора-барбакана, также перешедший из оборонительного зодчества. Наиболее распространенной формой купольных и башенных завершений храма становились формы «прозрачного» восьмигранного барабана и слегка приплюснутых восьмиконтовых головок[62].

Имеются конкретные данные более чем о тридцати монастырях Беларуси, основание которых датируется второй половиной XV — началом XVII в.

Самым древним из них был Черейский Троицкий монастырь. Он получил свое название от имения, расположенного у озера Головля, к западу от Орши. В 1454 г. смоленский епископ Мисаил, из рода кн. Пеструцких, основал в Череи храм св. Троицы и монастырь и дал ему «всех людей и села свои, которые достались на его (Мисаила) долю после раздела отцовского достояния между им и братьями. В 1465 г. мать Мисаила, принявшая к этому времени монашество с именем Агафии, подарила св. Троице, на Головли, общему монастырю и сыну своему Мисаилу, владыце смоленскому, свою банду (крестьянский поселок) в Витебске, сельце Улановичи с пашенною землей и водами и сеножатями»[63].

В последующем активными ктиторами монастыря стали владельцы соседних с черейским имением владений: Семен, Федор и Василий Федоровичи Друцкие-Бабичи. Согласно личной челобитной Мисаила король Казимир грамотой 22 января 1469 г. утвердил все пожалования монастырю: села Обчина-Монастырь (собственно слобода при монастыре), Будилово, Плескачи, Клубиничи; имение Рыдомль и озера Головль и Золотино.

Владение Череи по наследственной линии переходило сначала к Друцким-Бабичам-Соколинским, а затем, после замужества наследницы, к ее супругу, королевскому писарю Богдану Сапеге (служившему в то время наместником в Мценске). Около 1495 г. Сапега по суду завладел этими имениями,

выгнав из них тещу с ее сыном. Затем он, частью откупив, а частью отсудив у других ктиторов монастырскую недвижимость, стал единовластным ее владельцем. В дальнейшем патронат над монастырем последовательно осуществлялся семью прямыми наследниками Богдана Сапеги. Третьим из них был канцлер Лев Иванович Сапега.

До Льва Сапеги в Черее был один деревянный монастырь при церкви св. Троицы, расположенный на берегу озера Головля. К концу XVI в. монастырь, по приведенному в грамоте выражению самого Сапеги, «спустел». Невдалеке от существующего Лев Сапега решил построить новый монастырь и разместил его на острове озера Головля, где до тех пор находился отстроенный его отцом, Иваном Ивановичем Сапегой, господский двор с домом и службами. Храм и корпуса нового монастырского комплекса возводились из камня, и, по-видимому, белый цвет штукатурной отделки сооружений послужил основанием для распространения в последующем наименования монастыря «Белоцерковский».

Белоцерковский монастырь был заложен в 1597 или 1598 году, и предварительно для него были отведены сады и огороды на острове, ему был передан также фольварк с пашней. Ктитор приобрел для монастыря всю необходимую церковную утварь. В нем находился напрестольный крест 1596 г. и плащаница, чудотворный образ Черейской Богоматери. Согласно грамоте, данной монастырю Сапегой, он создавался «с тем, чтобы обитель сия оставалась навсегда православной», первым ее игуменом был инок Исаия. Первый настоятель уже в 1601 г. подчинил монастырь униатам, сосредоточив в своих руках управление Черейским монастырем и Онуфриевским монастырем возле Мстиславля.

Черейское имение было огромным и состояло из трех волостей — Черейской, Худовской и Коревицкой; местечка Красный Стан, в котором мещане владели 30 волоками земли и занимали 6 рынковых плацов и 40 уличных; имения Коревичи, в котором проживали 2 боярина, 5 огородников, 24 дыма подданных и др.[64]

Монастырский комплекс не сохранился, не известны и изобразительные материалы по этому памятнику. В руинированном состоянии находится храм, который сооружен в традициях церковного зодчества XVI в. и позднее перестраивался униатами. Речь о нем пойдет в третьей главе.

В тех же, что и Черейский монастырь, восточных землях Беларуси в начале XVI в. действовал Охорский Преображенский монастырь, расположенный на берегу реки Сож, в местечке Охоре, Кричевского староства. Обитель просуществовала по крайней мере до 1783 г.[65]

Особое значение среди православных монастырей этого времени имел Слуцкий Свято-Троицкий (Тройчанский) монастырь. Он размещался в предместье Тройчаны, вниз по течению реки Случи. Ему подчинялся ряд местных близлежащих монастырей: Преображенский в Слуцке, Старчицкий Петропавловский, Грозовский Николаевский.

В 1455 г. великий князь московский Василий II записал Тройчанскому монастырю дворец на реке Локнее. В XVI–XVII вв. главными ктиторами выступали слуцкие князья Олельковичи и Радзивиллы. Завещание кн. Марии Радзивилл, «господаровны земель молдавских Янушовое Радзивиловое, воеводиное виленске, гетмановое великое кн. литовское», было написано в 1660 г. в Вильне, когда город был в руках московских воевод. Она хотела быть похороненной по обряду греческой веры в церкви Святого Духа в Вильно, а в случае ухода из него русских в слуцком монастыре «церкви, которая будет... ею фундована». Мария Радзивилл была погребена в склепе соборного храма Тройчанского монастыря, в саркофаге[66].

В истории монастыря упоминается о пяти храмах. Главная каменная церковь Св. Троицы дважды, в 1566 и 1660 годах, разрушалась поляками и была возобновлена в 1789 г. В храме покоились мощи св. мученика, младенца Гавриила, пострадавшего в 1690 г., и мощи блаженной Софии, последней владелицы города из рода князей Слуцких (Софии Юрьевны, скончавшейся в 1617 г.). Об архитектуре Троицкого храма будет сказано в следующем разделе. В монастыре действовали две другие деревянные церкви, одна из которых посвящалась св. Никите, в XIX в. обе церкви уже не существовали. Монастырь имел также домовую Благовещенскую и надвратную каменную Иоанно-Богословскую церковь. По инвентарю Тройчанского монастыря, составленному по смерти архимандрита Ф. Василевича (28.05.1678), «монастырские владения начинаются за Ильинскими воротами, перейдя мостик. Сам монастырь обнесен деревянной изгородью (высоким заметом). Ворота монастырские с двумя башнями (все деревянные) и с пустой церковью Св. Никиты.

Собственно ворот двое: одни запертые, другие открыты, но имеют все нужные приспособления для запора. В надвратной церкви сложены старые иконы. Входя через ворота во двор, по левую руку имеется каменный «скарбец» с подвалами — «пивница», пять деревянных жилых помещений; в одном из них трапезная. Дом архимандрита запущен, имеет мезонин, куда ведет винтовая лестница, кругом дома веранда. Один дом предназначался для гостей. За этими постройками до реки расположены сады, цветники: имеется специальный «сливовый сад». В инвентаре отмечены три виноградных лозы; в саду прудок. Убранства в домах очень мало: несколько диванов, одна кровать, скамьи и столы. В архимандричьих покоях висят латинские карты: Рима, Константинополя, Аугсбурга и Гамбурга, несколько гравюр, три образа на холсте, под распятием «pertopia» Петра Могилы. Окна частью с деревянными рамами, частью со свинцовой оправой. Печи кафельные (изразцовые) зеленые и разноцветные.

Во дворе находится колодец и компас на деревянном столбе. Против ворот деревянная церковь Благовещения, красивой архитектуры и окрашенная, в ней книг и утвари много, и они в большом порядке, описаны особо. Далее каменный Троицкий храм, который почти готов, алтарь еще реставрируется. Против храма разрушившийся навес для извести. Между церквами

стоит колокольня с одним большим, одним средним и двумя малыми колоколами, на земле же лежит разбитый колокол.

Хозяйственные строения: сарай, конюшни, хлева (один из них построен по-русски), баня, бровар, дом для работников... В местечке Тройчанах имеется 80 пляцов, 95 моргов и четыре застенка, там же монастырский шпиталь... 26 лиц (всего) владельцы несколькими пляцами одновременно... в городе два пляца: один в темном ряду, купленный Скочкевичем, другой — на «Казимержу», купленный епископом. Местечко Тройчаны принадлежит архимандрии Слуцкой»[67].

Монастырь славился редким собранием древних рукописей, актов, синодиков и других книг, часть которых описана в издании «Тройчанский архив». Позднее киевский митрополит Дионисий Балабан, с разрешения ктитора кн. Радзивилла учредил при монастыре Духовную консисторию, просуществовавшую до 1759 г. Здесь также находилась духовная семинария, в 1840 г. переведенная в Минск. Монастырский комплекс был существенно подновлен в 1867 г. и обнесен каменной оградой[68].

Слуцкий Ильинский мужской (с 1611 г. женский) монастырь известен с XV в., имел соборную церковь во имя Входа Господня в Иерусалим с приделами св. Илии Пророка и св. Иоанна Богослова, все его строения были деревянными. В XVII в. он обращен в унию. В XIX в. возвращен в православие, а в 1855 г. его причтовые постройки переданы Слуцкому Николаевскому монастырю[69].

Слуцкий Успенский женский монастырь находился при Виленской улице города, возле крепостного вала, у чугунных городских ворот. По сведениям преосвященного Филарета Черниговского основан задолго до 1515 г. Основными фундаторами были князья Олельковичи и Радзивиллы. По ведомости 1795 г. в монастырский комплекс входили соборная церковь в честь Входа Господня в Иерусалим, Троицкая церковь, Иоанно-Златоустовская. В древнейших ведомостях показана была церковь Крестовоздвиженская. В XVII в. при монастыре существовало православное братство.

Монастырь закрыт в 1845 г., его имущество было передано пинскому Варваринскому монастырю. Холодная церковь (соборная?) перевезена в село Завшицы, теплая Иоанно-Златоустовская в 1856 г. перенесена на замковую гору. Помещение игумении и кельи по синодальному указу отошли в ведение городского собора для размещения причта[70].

Там же, где и Успенский, на Виленской улице Слуцка, недалеко от базарной площади находился Слуцкий Преображенский братский мужской монастырь. Он был основан в 1600 г. Слуцким православным церковным братством, издревле существовавшим при Преображенской церкви и прекратившим существование в конце XVIII в. По грамоте иерусалимского патриарха Феофана монастырь находился в зависимости от одного патриарха Константинопольского, т.е. пользовался правом ставропигии.

Данные о составе комплекса монастыря не известны, упоминается только существовавшая при нем богадельня. Монастырь закрыт в 1797 г., в 1810 г.

церковь сделана приходской, а территория монастыря передана во владение собора.

«Из жития св. Дмитрия Ростовского видно, что 6-го декабря 1677 г. до 29 января 1679 г., когда св. Дмитрий был еще в сане пресвитера, по просьбе Слуцкого братства, он из Вильны переселился в Преображенский монастырь и жил здесь целый год, усердно занимался проповедью слова Божия и пользовался расположением и благодеяниями некоего благочестивого слуцкого гражданина Иоанна Скочкевича». Основными ктиторами монастыря были княгиня Мария, жена Януша Радзивилла, в 1660 г. записавшая на литовские монастыри 600 тыс. польских злотых; княгиня Каролина Радзивилл, в 1689 г. записавшая ему остров Кочов в Домантовичах; могилевский бургомистр Михаил Гутарович, в 1708 г. пожаловавший 1400 злотых на церковь и богадельню монастыря. Преображенский монастырь своим иждевением «устри», т.е. подновил[71].

Надворным подскарбием Александром Солтаном на месте чудесного явления в 1470 г. (по другим источникам в 1493 г.) иконы Божией Матери были заложены деревянный храм и Жировицкий Успенский монастырь в имении Жировичи Слонимского повета. Вскоре на месте второго явления иконы был построен другой храм — Явления Богородицы. В 1613 г. Жировицкий монастырь был обращен в унию и передан ордену бизитиан. Более подробно о нем будет сказано в главе об униатских монастырях.

Гродненский Борисоглебский (Коложанский) мужской монастырь был основан Еленой Иоанновной, дочерью Ивана III и женой великого князя литовского Александра. В 1500 г. верховные управители Великого Княжества Литовского пожаловали монастырю сад около Коложи. Монастырь существовал при Коложской церкви конца XII в. Считалось, что название места Коложа произошло в связи с переселением сюда Витовтом 11 000 плененных жителей Псковской земли в 1405 г.[72]

Монастырь пользовался правами выборного самоуправления и в полной мере испытал последствия исполнения права патроната. Игуменами монастыря в 1506–1546 гг. служили светские лица, назначаемые ктитором Богушем Боговитыновичем. Затем начальниками монастыря были светские деятели — Симеон Воллович и король Сигизмунд-Август (1560–1568), Павел Котович (1580), Дмитрий Халецкий (1591). Упоминается, что они разделяли монастырь, разгоняли монахов, лишали монастырь прежде приобретенных имений. В итоге монастырь был обращен в базилианский[73].

Петр Могила оспаривал права православных на Коложский монастырь, которому предполагалось быть «резиденцией или самого православного киевского митрополита, или его коадъютора для управления неуниатскими церквами и духовенством в Великом Княжестве Литовском». Это право западнорусской православной церкви по настойчивому требованию православных во главе с киевским митрополитом было утверждено универсалом короля Владислава IV (марта 14, 1633). Однако передача не состоялась в результате обмена Коложского монастыря на киевский Выдубицкий. Диплома-

том того же короля на сейме 1635 г. монастырь уже предоставлялся униатам, уступившим за него православным униатский Выдубицкий монастырь под Киевом с имениями его и перевозом. Повелением короля Августа II (17 сентября 1697) монастырь Гродненский «дан Виленским базилианам Св. Духа и всему Виленскому братству»[74].

Борисоглебская церковь серьезно пострадала от военных действий начала XVI и середины XVII веков. Московские войска Ивана Васильевича использовали ее в качестве артиллерийского плацдарма, насыпав на храм землю и обстреливая с полученной высоты замок Гродно.

Сохранилось описание церкви 1783 г., фиксирующее ее состояние до разрушения во время оползней XIX в.: «Церковь над самым Неманом, на высоком берегу и так как гора песчаная, с давнего времени постоянно обрушивалась, то храм в опасности. Из предосторожности под горою поставлены заборы, в промежутках засыпана земля и засажены деревья. Кирпич и известь в здании совершенно такие же, как в Полоцкой кафедральной церкви. Форма церкви прямоугольник, более продолговатый чем широкий. В нижней части стен, вокруг целого здания, вставлены камни разных пород и цветов. Выше, также вокруг целого здания, вделаны в стены кресты из черепиц зеленых и желтых глазированных. Крыша на церкви гонтовая, крепкая. Наверху три купола: два меньшие с железными вызолоченными крестами, имеющими посредине медные вызолоченные выпуклости в виде лучей, третий посредине крыши, тоже с железным большим крестом, хорошо вызолоченным, утвержденным на большом шаре, с медными выпуклостями-лучами, тоже вызолоченными.

Две двери: побольше и поменьше. Окон всех 10, обделанных в свинец, но так как окна очень невелики, то слабо освещается церковь. Каменный свод сохранился в целости только над главным алтарем; над самою же церковью свода нет... только деревянный потолок из выструганных досок на балках. Каменный свод признан обрушенным во время войн, когда из церковного здания было устроено нечто вроде крепости, на верх крепости насыпано было множество песка. Поставлены были пушки, из коих палили в замок.

В церкви три придела: посреди храма 4 круглые кирпичные колонны, с углублениями в виде кладовых, из которых одно с дверью, — в них ...железная пушечка и негодный к употреблению котел.

При главном алтаре, по обеим его сторонам, в стенах проделаны тесные коридоры — лесенки со ступенями, ведущие вверх в маленькие там помещения, с отверстиями из них к святому алтарю, в форме окон без стекла. На всей внутренней поверхности стен множество вмурованных кувшинов.

Иконостаса в церкви нет, остались следы его несомненного существования. У каменного столба с правой стороны деревянные скамьи. Такие же две деревянные скамьи у столба с левой стороны.

Главный большой алтарь с двумя колоннами столярной, частью резной работы, с позолотою и серебром в капителях. В алтаре в резной позолоченной раме с резными украшениями золочеными и осеребренными небольшой образ Пресвятой Богородицы, величиной с четверку обыкновенной писчей бумаги, писанный на холсте, наклеенном на деревянную доску — на нем риза серебряная, местом вызолоченная... По бокам алтаря две иконы. Покрова Пр. Богородицы — на холсте в черной раме и Успения Пр. Богородицы — тоже. Приделы — в первом икона Вознесения Господня; втором — левом изображение Гроба Господня и Пресвятой Девы Синайской, на полотне в черной раме резной работы»[75].

У левого клироса — вход в склеп-усыпальницу, под каменным плитным помостом. Между помостом надгробная плита супруги кн. Михаила Васильевича Голицына, княгини Анны Александровны, урожденной Головиной, умершей в 1784 г. Возле первого алтарного столба по правую руку погребен важный благотворитель Коложи — королевский писарь и троцкий городничий Богуш Боговитынович»[76].

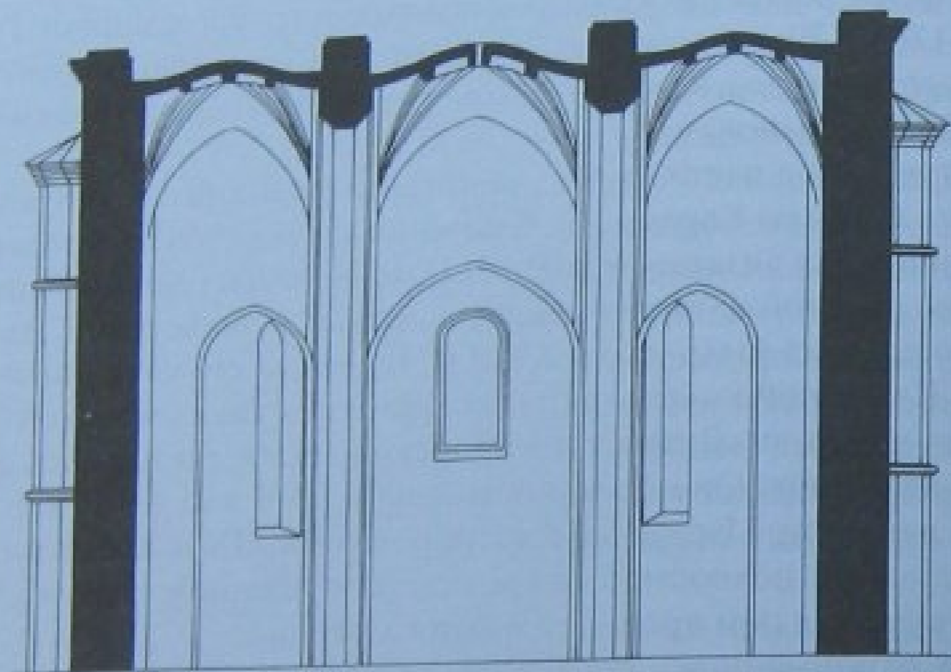
Своды и верхние части стен с карнизами храма были уничтожены при осаде Гродно королем Карлом XII. В нижних частях стен имеются различной величины ниши для сидения и видны также седалища для пресвитеров; шли они по стене главной алтарной части, замыкаясь пилястрами. Дверей было трое. Иконостаса не было уже в XVIII в., но следы его сохранились на столбах алтаря. Каменной колокольни при храме не существовало, что видно из плана храма чисто византийского происхождения, но имелась деревянная небольшая звонница. Она была построена в XVII или XVIII в. и разобрана вследствие ветхости. Церковь реставрировали в XIX в. после того как в результате оползней полностью оказалась разрушенной южная стена. Храм ныне действует, и в нем проводятся богослужения.

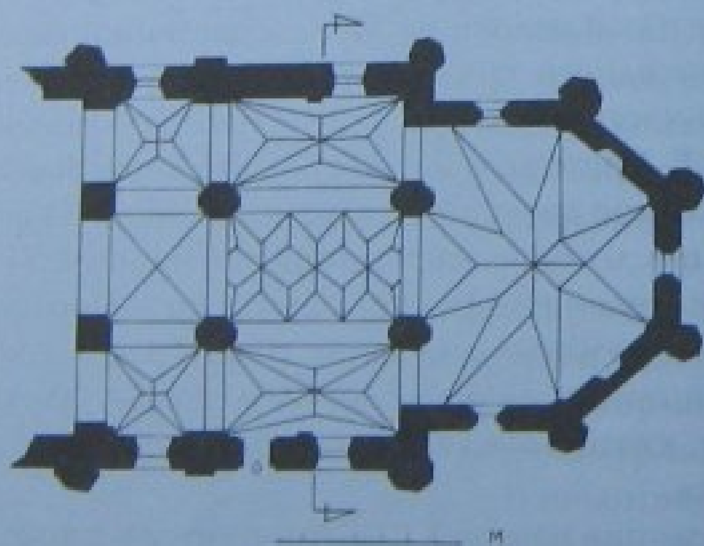
Подобно одноименному Гродненскому монастырю Новогрудский Борисоглебский женский монастырь известен главным образом своим каменным храмом. Он построен в 1517 г. (по другим источникам закончен в 1519 г.) на месте древнего храма второй половины XII в., возведенного полоцкими мастерами в формах трехапсидного храма, с трех сторон окруженного галереями, фрагмент его стены частично вошел в фундаменты более позднего сооружения. По материалам Е. Квитницкой известно, что Борисоглебская церковь была построена на месте более древней церкви, сложенной из плинфы и, возможно, сооруженной еще до переселения князем Ярополком Владимировичем в деревню Желну жителей разоренного им Друцка. Переселенцы построили новый замок князя и разбили поселение (1166). Храм заново был построен к 1519 г. князем Константином Острожским и западнорусским митрополитом Иосифом Солтаном, ктиторы наделили его значительными вкладами и землями возле Новогрудка.

Храмовое сооружение начала XVI в. по архитектурному решению близко братским церквам Богоявления в Остроге и Троицкому в Вильне. Это — зального типа храм без нартекса, на четырех столбах, в плане он был близок квадрату со стороной 14 м (по Е. Квитницкой); после реконструкции XVII в.

длина храма составляет 23,5 м, ширина по западному фасаду — 16 м. Церковь имеет одну, пониженную относительно основной высоты, пятигранную алтарную апсиду, звездчатые своды, стрельчатые окна и высокую щипцовую крышу, стены укреплены ступенчатыми контрфорсами.

Интерьер в своей основной части делится на две неравные по длине половины, своды которых опираются на крещатые столбы. В первой, самой узкой части рисунок нервюр сводов наиболее простой (свод среднего нефа был разобран). Ближний к иконостасу промежуток превышает по пролету предыдущий отрезок и имеет своды с более сложным рисунком. Расширенное про-

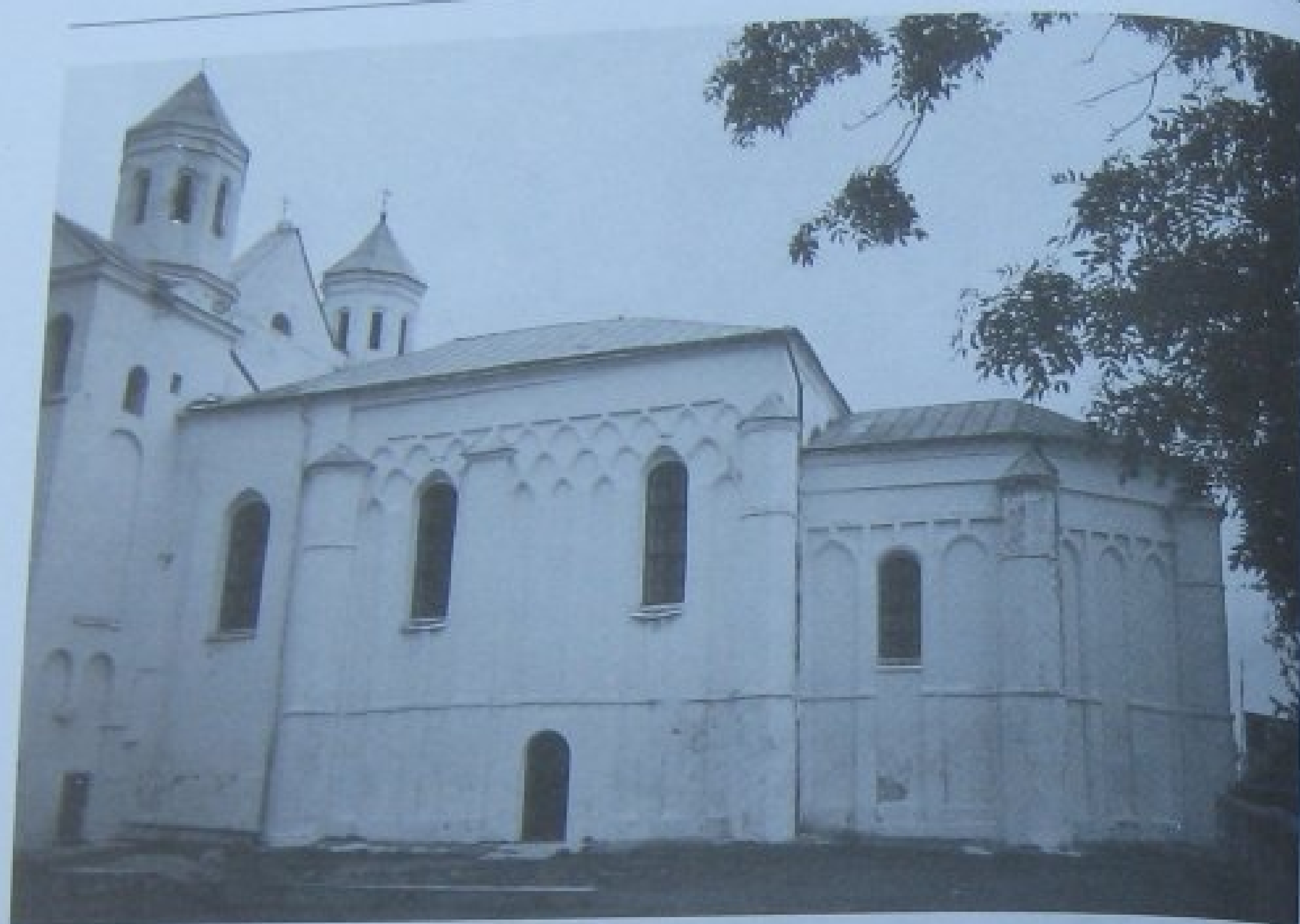

16 Борисоглебская церковь в Новогрудке (XII в., 1519). Разрез и план восточной части (относящейся к XVI в.), обмеры начала XX в.

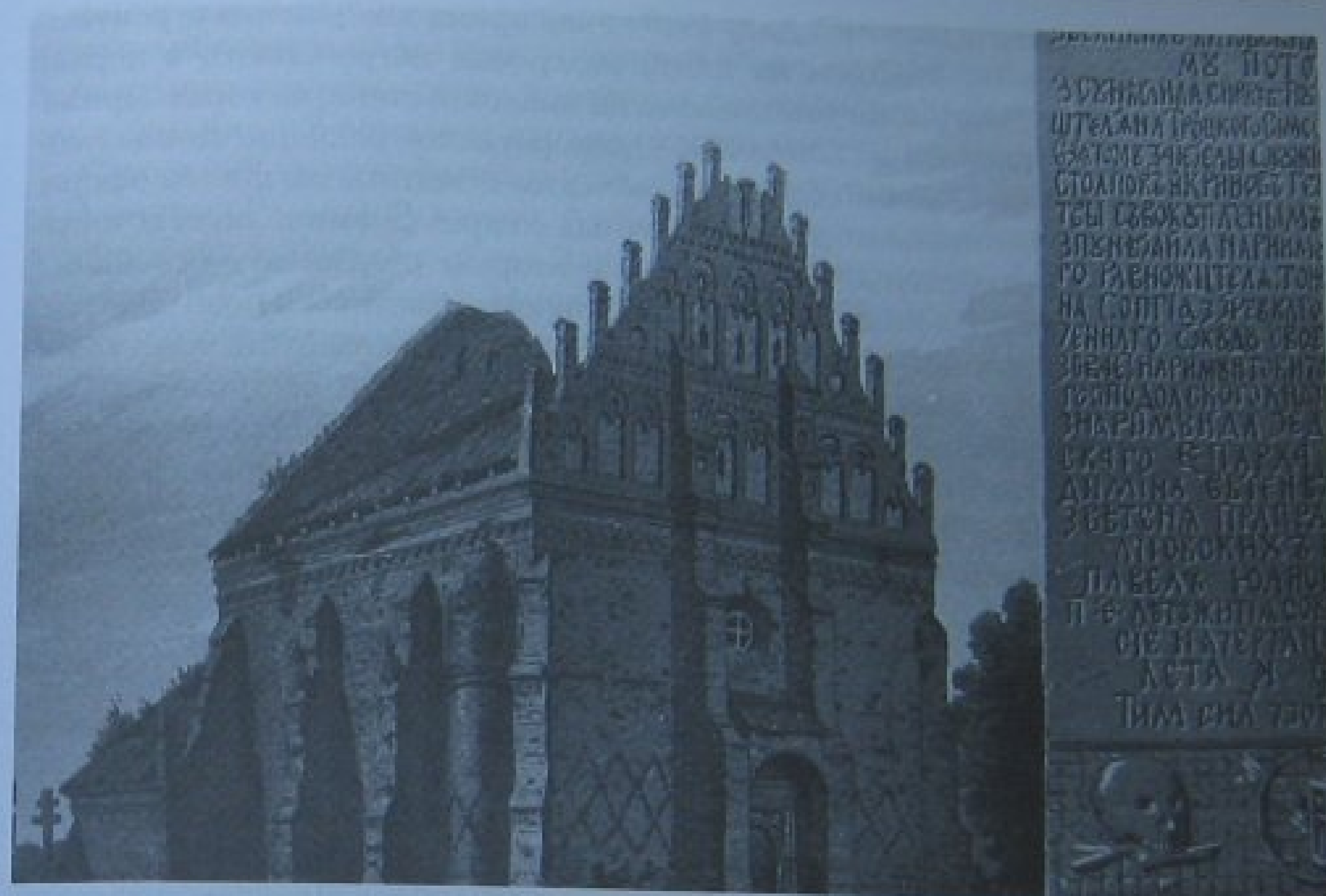
17 Алтарная стена в интерьере Борисоглебской церкви в Новогрудке

18 Южный фасад Борисоглебской церкви в Новогрудке

странство перед алтарем, по мнению Е. Квитницкой, было в какой-то мере не только изобретением неизвестного автора здания, но и отображением уширенных трансептов больших готических соборов, Запада. За деревянным иконостасом, стоявшим, судя по выступам столбов, там же где теперешний, раскрывал свои еще более богатые своды широкий алтарь. Возможно, первоначально интерьеры церкви были расписаны фресками.

Сохранился оригинальный декор фасадов на алтарной части церкви, неизвестный в каком-либо другом здании. Наружные фасады, как и в других церковных постройках Беларуси XVI в., первоначально не были оштукатурены целиком, декоративное убранство выполнено из специального формованного фасонного кирпича. Небольшое и несложное изменение формы кирпича дало возможность создать изящную и легкую сеть из переплетающихся стрельчатых арочек, включая и оконные проемы. Нарядные боковые фасады заставляют предполагать, что главный фасад был украшен еще более, о чем можно судить по сохранившимся арочкам щипца, узеньким по краям и широким в середине. Пониженный по отношению к остальному объему здания алтарь украшен менее вытянутыми и более широкими, чем по главной части, арочками из того же фасонного кирпича. Участки стен между алтарем и боковыми фасадами также имеют арочное украшение. Горизон-

19 Свято-Духовская церковь в Кодне (1513–1520), рис. В.В. Грязнова (по кн. П. Батюшкова)

тальный пояс кладки между уровнем земли и окнами стягивал как обручем обе части здания. На прямоугольных участках стен боковых фасадов устроены контрфорсы — лопатки; на углах стен контрфорсы граненые. Сильно выступающие столбы, расположенные по диагонали квадрата плана, — прием, широко применявшийся в сводчатых зданиях Великого Княжества Литовского[77]. Плетеный арочный узор рельефа, украшающего частично сохранившиеся фасады храма XVI в. и переходящего на граненые контрфорсы углов апсиды, имеет отдаленную аналогию с оформлением фасадов алтарной части храма монастыря Фрари в Венеции (XIV в.).

Борисоглебская церковь не имела купола и, скорее всего, подобно сохранившимся белорусским церквам-крепостям в Сынковичах и Маломожейкове, была покрыта высокой двускатной кровлей.

Храм был передан униатам, и в 1624 г. при нем были основаны женский и мужской монастыри[78].

Близкой к Борисоглебскому храму по решению плана является Свято-Духовская церковь, построенная во владельческом городе Сапегов Кодне, расположенном на западном берегу Буга (ныне в Польше). Каменный храм в своем замке в 1513 г. заложил воевода витебский и подляский Иван Семенович Сапега (в 1514 г., на 84-м году жизни отправленный послом в Рим, он принял

католичество, умер в 1516 г.)[79]. Дату 1520 г., как время завершения строительства, определяют по надписи на плите надгробия погребенного в церкви первого ктитора. Надгробие установлено на западной стене, на хорах. Примечательно сохранявшееся до конца XIX в. декоративное решение щипца главного фасада храма. Подобно северогерманским памятникам, щипец оформлен тремя горизонтальными рядами арочных с гирьками ниш, поля которых оштукатурены и побелены. Над первым и вторым рядами и у основания, по бокам третьего ряда ниш, находились вставки из цветных и позолоченных глазурованных изразцов с изображениями святых в «византийском стиле». По скатам щипца высились небольшие фигурные столбики, состоящие в сечении всего из двух фасонных кирпичей. Все фигурные украшения фасадов выполнены из лекального кирпича. Над двускатной черепичной крышей возвышалась небольшая башенка-колокольня с главкой. Более скромная нижняя часть главного фасада примечательна порталом, украшенным гербами Сапегов, круглым окном, сетчатым узором из кирпича-железняка, четко читаемым на более светлом фоне стены, выложенной из прекрасно обожженного кирпича ярко-красного цвета. Подобный узор свойственен и кирпичной готике Западной Европы. Так же как и в супрасльской церкви, цокольная часть коденского храма была выложена сетчатым узором черного кирпича[80].

Данное отступление, связанное с архитектурными особенностями вотчинного храма, как представляется, свидетельствует о широком многообразии приемов в церковном зодчестве Беларуси XVI в., причем отбор художественных средств в монастырском строительстве, очевидно, был более жестким, не допускающим выражения индивидуальных вкусов ктитора. И все же, как общие тенденции каменного православного зодчества Беларуси XVI в., следует отметить особое стремление к многоцветному узорочью в оформлении фасадов храмов, исполненных в формах поздней кирпичной готики, в которой проявляется влияние прежде всего северогерманской архитектуры.

Два православных монастыря — Варваринский и Богоявленский — были основаны в XVI в. в Пинске. Однако они, очевидно, не сложились как развитые архитектурные комплексы.

Пинский Варваринский женский монастырь существовал при кафедральной Пречистенской церкви, расположенной в Старом городе, к западу от замка[81]. Его деревянные здания были построены в 1521 г. Ктиторами монастыря выступали князья Пинские: кн. Феодор Ярославич и супруга его Елена Олельковна в 1520 г. записали ему дворище Пискаловщина в селе Особовичах.

После 1596 г. Пречистенская церковь перешла к униатам, и на месте Варваринского монастыря был устроен базилианский монастырь, на так называемой «базилианской горке»[82]. В 1636 г. король запретил пинскому магистрату принимать в Пинске православных монахинь, желавших основать свой особый монастырь вместо отнятого Варваринского[83]. Тем не менее монастырь продолжал действовать. В 1782 г. при монастыре были две церкви. Первая — соборная, которая после упразднения монастыря была приписана

к пригородной Лещинской церкви. Вторая — домовая теплая. Двухэтажный каменный корпус, после упразднения, в обмен на здания бывшего Пинского бернардинского монастыря, перешел к гражданскому ведомству под городскую больницу. В комплекс входили также два старых деревянных дома.

С древних времен Варваринскому монастырю принадлежали населенные имения Гольцы, Высокое, Лациск, Дубой, замененные в 1786 г. на Гай, Крайновичи и Гончари. Села Завидчицы и Житновичи были прикуплены игуменьей Е.Тризнянкою. Имения составляли 32 уволоки земли, включали 732 души обоего пола, сверх того в Пинске ему принадлежали 17 пляцов. В монастыре содержалось 9–14 монахинь, состояло училище для обучения письму, чтению и рукоделиям девиц дворянского и священнического сословия[84].

Первые упоминания о Пинском Богоявленском мужском монастыре датируются концом XVI в. Он возник в самом центре города, когда пинская землевладелица, жена слонимского судьи Раина Гарабурдина, выстроила на своем плацу, называемом Полозковским, над рекой Пиной церковь во имя Богоявления Господня и рядом с ней кельи, куда начали принимать православных монахов. Они, очевидно, переходили из Лещинского монастыря. Униатский епископ Паисий подал в суд, но действия ктиторши согласовывались с сеймовым постановлением 1609 г., запрещавшим насильно обращать православных в унию и отнимать у них церкви, выстроенные землевладельцами на собственные средства.

Со временем, на месте Богоявленского монастыря были размещены и построены иезуитский костел, коллегия и кляштор. Монастырь был взят силой: «13 сентября 1614 г. в полдень, собралось несколько сот своих подданных и вооружив их, (Паисий. — *И.С.*) повел эту толпу, среди которых находились и духовные лица из униатов, к новому монастырю. Одни перелезали через ограду, другие вломились в ворота, и началось постыдное дневное ограбление и разрушение церкви и монастыря. Крыша была раскидана и по бревнам разобрана церковь, причем крест и образа расколоты в щепы...

Православные Пинска обратились к королю Владиславу IV с просьбой, чтобы он утвердил в Пинске братство, разрешение на которое уже получено от константинопольского патриарха (в начале 20-х гг. XVII в. существовало братство при Свято-Духовской церкви), и дозволении устроить братский Богоявленский монастырь с церковью и школой. Владиславом утверждено было братство, разрешена постройка церкви и дано право «держати годных ученых школы наук вызволеных языков грецкого, латынского, русскаго и польскаго, мети семинарии, шпитали фундовати»[85]. По ведомости 1766 г. в нем были две деревянные церкви, в том числе одна ветхая. Согласно пояснениям к плану города монастырь Богоявленский греко-российский ветхий с церковью деревянной о трех престолах Богоявления, Благовещения Богородицы и Рождества Иоанна, привилегии утверждены в 1763 г.[86] В 1799 г. Богоявленскому монастырю были отда-

ны громадные здания иезуитского монастыря, упраздненного в 1793 г. Храм был переосвящен во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Богоявления[87]. Не удалось отыскать описание построек монастыря до передачи его иезуитам, потому об архитектуре его говорить не представляется возможным.

Возле Пинска существовали два монастыря, о начальной истории которых сохранились самые скудные сведения. В имении Дятловичи, при впадении реки Цны в Припять, уже в XVI – начале XVII в. действовал мужской Дятловицкий Спасо-Преображенский монастырь. Появление монастыря связывают с именем кн. Острожского, по мнению А.Миловидова, в 1560 г. основавшего недалеко от Пинска Дятловицкий монастырь с госпиталем. В справочнике П. Строева упоминается игумен монастыря 1615 г.[88]

До 1638 г. в имении Дубой, также в окрестностях Пинска, находился монастырь, посвящение которого стерлось в истории. Причиной тому, скорее всего, явилась передача монастыря в 1636 г., по воле кн. Радзивилла, иезуитам. В 1648 г. насельники монастыря и игумен Афанасий пытались противостоять иезуитам и после взятия казаками под руководством Небабы Пинска и Дубой возобновили в нем службы. Но в том же году игумен Афанасий был убит поляками, и иезуиты вернулись в Дубой[89].

В 1811 г. на месте монастыря, в центре села была выстроена каменная приходская церковь Рождества Богородицы на средства новой владелицы имения Клотильды Курженецкой. Храм в виде креста с одним деревянным куполом и двумя входными дверями[90]. Вид селения Дубой с деревянным куполом позднего храма изображен на рисунке Н. Орды.

Князья Анна Ивановна и Иван Васильевич Соломерецкие в 1558 г. основали Соломерецкий Покровский монастырь в своем имении Соломеречье, Минского повета. На его содержание записали села Боровляны и Бондичи. В 1639 г. Соломерецкий монастырь был подчинен Кутеинскому монастырю. В 1752 г. чесник минский Михаил Голеевский вместе с базилианами из Ракова разогнали православных монахов и захватили обитель. В 1753 г. при настоятеле Никодиме Шимановиче она переведена в унию и присоединена к Раковскому базилианскому монастырю. Последний построенный в Соломерецком монастыре храм деревянный и относится к 1863 г.[91]

Недалеко от Слонима в первой половине XVI в. был основан Драповский Успенский монастырь.

Другой православный монастырь был основан в 1567 г. в имении Заблудов, Гродненского воеводства, в 14 верстах от Белостока. Григорий Ходкевич основал здесь Заблудовский Успенский монастырь, в котором при основании были устроены богадельня и типография[92]. Заблудовский ставропигиальный монастырь принадлежал Слуцкой и Копыльской епархии, получил подтверждение прав в грамоте Августа II. Фундуш в 150 тыс. злотых был получен по завещанию Радзивиллов (1660)[93]. Он был упразднен в первой четверти XIX в.

Спасо-Преображенский монастырь во владельческом городе Друя на реке Двине был основан в конце XVI в. при самом древнем в городе деревянном храме Спаса Преображения. В последней четверти XVII в. он был передан униатам. Каменная однопрестольная церковь построена в 1676 г. (В 1890 г. в ней возобновлена служба[94].)

В имении Грозов владелец, помещик Мартин Володкович, основал в 1600 г. Грозовский Иоанно-Богословский мужской монастырь, он подчинялся Виленскому Свято-Духовскому братству. В монастырь наряду с Ивановской церковью входила Успенская деревянная церковь, построенная сыном первого ктитора, Григорием Володковичем, дополнительно пожаловавшим обители населенное имение Терпиловку, застенок Комаровщину, мельницу, сенокос на острове Дражном с правом пользования лесом и доходом с грозовских ярмарок. Другой фундуш в 500 злотых был получен монастырем по завещанию кн. Марии Радзивилл (1660)[95].

В 1842 г. владения поступили в казенное ведомство, взамен на денежное содержание. В 1860 г. монастырь упразднен и присоединен к Слуцкому Свято-Троицкому монастырю[96].

К XVI в. также относится основание монастырей в Красностоке, Миорах, Морочи, Богоявленского в Полоцке, хотя точная датировка их возникновения не известна.

Основанный жителями города Полоцкий Богоявленский монастырь поначалу имел деревянные строения. Судя по карте Полоцка 1707 г., соборный храм представлял собой квадратное в плане центрическое пятиглавое сооружение. Каменные постройки возводились во второй половине XVIII в., поэтому вопросы архитектурной организации монастырского комплекса будут рассмотрены в следующем разделе главы.

Начало XVII в. было отмечено основанием семи новых православных монастырей. Среди них Брагино-Селецкий Преображенский, Евейский, Жицкий, Ново-Дворский, Циперский, Минский Петропавловский.

Вначале князь Адам Карибуд-Вишневецкий и его жена, урожденная Ходкевич, основали одновременно, в 1609 г. два монастыря в своем имении Брагино-Селец, при реке Брагинке — мужской Спасо-Преображенский и женский Благовещенский. По условиям ктитора они подчинялись виленскому Свято-Духовскому монастырю, а «в случае чего, под управление архимандритов киевского Печерского монастыря»[97]. Тем не менее в 1726 г. Брагино-Селецкие монастыри переведены в унию. По инвентарю Спасо-Преображенского монастыря 1790 г. упоминается о вновь построенной деревянной церкви, иеромонахе Феодосии Медвецком, чудотворной иконе Божией Матери, о двух престолах храма и приделе Казанской иконы Божией Матери.

Оба монастыря в 1844 г. упразднены. Преображенская церковь оставлена приходской, в 1876 г. она была капитально перестроена. Храм деревянный в форме продолговатого креста с одним глухим куполом посредине и колокольней во фронтальной части. Стены покрыты масляной краской, крыша медянкой, внутренняя площадь 135 кв.м[98].

С 1619 г. начал действовать мужской Евейский Успенский монастырь в имении Евье, находившемся в 20 верстах к северо-западу от Трок. Вскоре ему в подчинение поступил другой вновь основанный Региной Григоровной Воллович, по мужу Огинской, Троицкий монастырь на берегу речки Кронки. В 1629 г. она пожаловала имение на Кронский общежитильный монастырь, который, как было сказано выше, ставился в зависимость своего же Евейского монастыря. В свою очередь, братия обоих монастырей ставилась в подчинение к виленскому Свято-Духовскому монастырю, во избежание отступления от православия. Монахи могли себе сами «выбирать архимандрита только из числа лиц, состоящих в послушании константинопольскому патриарху»[99].

Имение Новый Двор, расположенное в 25 верстах от Пинска, издавна являлось резиденцией князей Слуцких, известных своей приверженностью к православию. Здесь 15 октября 1578 г. было написано завещание Юрия Юрьевича Слуцкого, по которому его жене, княгине Слуцкой, урожденной гр. Тенчинской, воеводзянки краковской, и трем сыновьям поручалось «под страхом отеческого проклятия» оставаться всегда верными православию. Завещалось также похоронить самого кн. Юрия Юрьевича «по православному обычаю в Киево-Печерском монастыре, где лежит прах его предков»[100].

Успенский монастырь в имении Новый Двор был основан в 1618 г. Григорием Володковичем. По другим источникам, монастырь основан в XIII в. митрополитом Всероссийским Петром, который в дар обители пожаловал вновь написанную икону Божией Матери, прославившуюся впоследствии своими чудесами (в 1870-е гг. икона хранилась в Суражицком монастыре Черниговской епархии). Находясь в Пинской униатской епархии, монастырь был подчинен белорусскому епископу, считавшемуся викарием киевского митрополита[101]. В 1677 г. св. Дмитрий, митрополит Ростовский участвовал в проходившем под началом местных иереев в Ново-Дворском монастыре богослужении в праздник Успения Богоматери, когда местночтимый чудотворный образ Богородицы торжественно был перенесен из старой церкви в новую.

В 1817 г. монастырь закрыт, а церковь его сделана приходской. В 1862 г. была построена новая приходская церковь[102]. На протяжении XVII в. история этой обители была тесно связана с историей другого, Цеперского монастыря, в котором хранилась чудотворная икона.

Мужской Крестовоздвиженский монастырь в селе Цепра, на реке Лани, был основан в 1618 г. при церкви села, построенной во второй половине XVI в. Ктиторами храма и монастыря были местные помещики Богдан Маркович Долмат, его сын, владелец села, Константин Долмат с супругой Анной Юрковскою Долматовою. Монастырю были пожалованы село Цепра, сельца Болваны и Охрамовичи, своя часть имения Новый Двор в Пинске. На основании фундушевой записи вновь образованная обитель вводилась в управление и подчинение виленского Свято-Духовского монастыря.

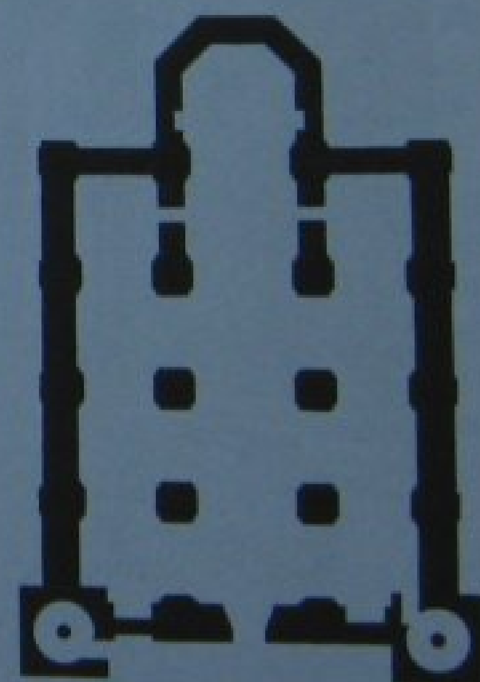
Пожалованные владения впоследствии стали предметом борьбы за право патроната над монастырем. Кн. Ян-Альбрехт Радзивилл объявил себя ктитором, но главный трибунальный суд декретом от 17 августа 1623 г. восстановил права владения Свято-Духовского монастыря в Вильне. В 1660 г. по завещанию кн. Марии Радзивилл был внесен фундуш в 500 злотых. Затем кн. Доминик Радзивилл в 1696 г. претендовал на право патрона над Цеперским монастырем. В результате в 1698 г. он был обращен в унию. За права православных на монастырь в письме от 19 февраля 1700 г. польскому королю Августу II вступился царь Петр I, но его заступничество не имело успеха[103].

Теперь уже Цеперский униатский монастырь пытался овладеть Ново-Дворским монастырем и его владениями. В 1743 г. настоятель первого Алексей Кондратович «напал на монастырь, православных монахов избил и разогнал и овладел их достоянием. В 1747 г. по жалобе Виленского Свято-Духовского настоятеля Мельхиседека Богдановича монастырь был возвращен православным и присоединен к Пинскому Богоявленскому»[104].

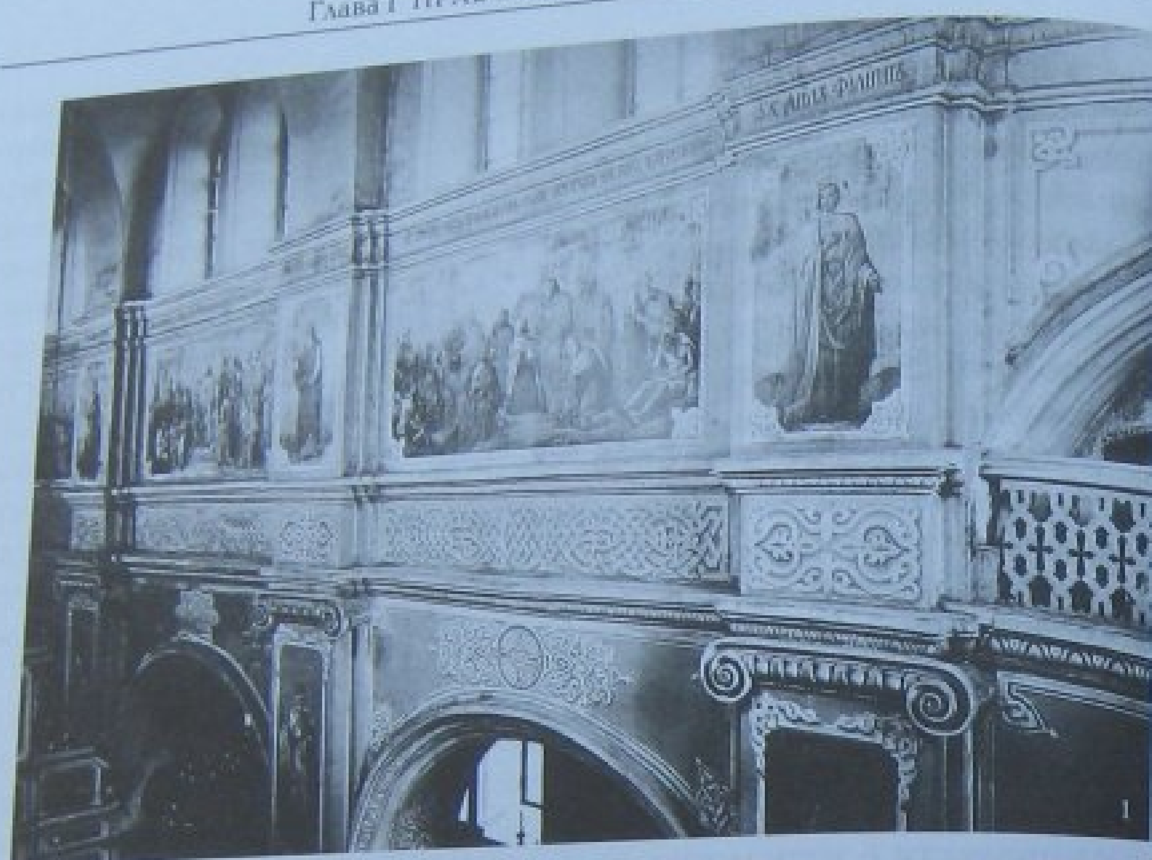
Самым поздним в исследуемый период монастырским комплексом стал женский минский Петропавловский монастырь. Его нельзя отнести к малоизвестным памятникам, и все же приводимые в литературе, порой противоречивые данные нуждаются в более подробном рассмотрении. Поэтому имеет смысл привести в хронологическом порядке ряд сохранившихся текстов, позволяющих уточнить время строительства монастыря и храма.

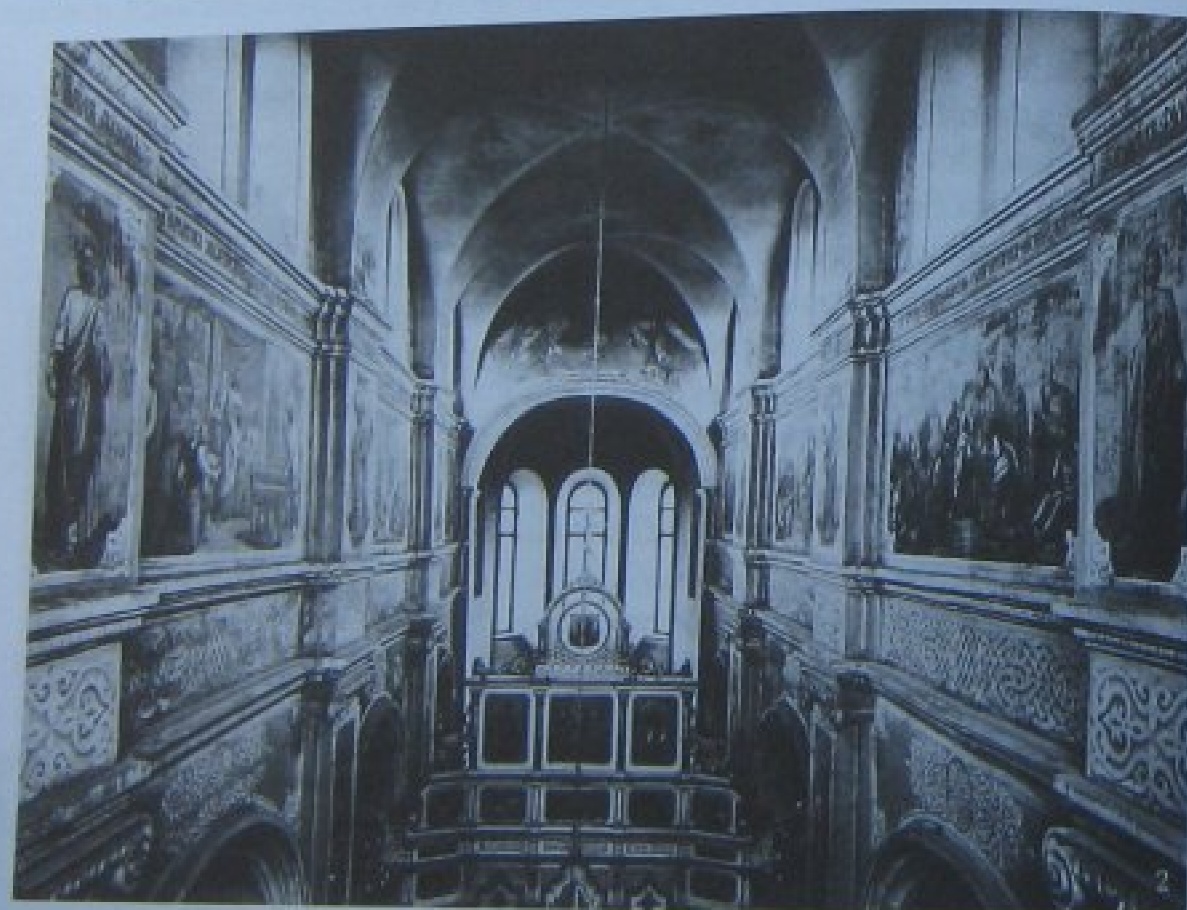
Ктиторами монастыря были Анна Огинская, Екатерина Жилинская, Горват, Анна Тышкевич, Адам Ванькович, Мартин Володкович[105]. Благословение на постройку монастыря было получено в 1619 г.

По выписи из фундушевого документа Анны Стеткевичевой из Огинских Петропавловский монастырь «1619 генваря 14 дому и пляцу своему в месте Менском на монастырь девичий общежитильный греческий благословил отца патр. Константина»[106]. Составленная основавшими минский Петропавловский монастырь помещиками доверенность на иск против униатского митрополита В. Рутского за преследование православия и недопускание к окончанию монастыря датируется 1620 г. В документе, в частности, писалось: «О будоване церкве в месте менском на Немизе лежачое, по другую сторону церкви Рождества Пресвятой Богородицы (соборная) школы пры той же церкви будучие и ж тую церковь заложения святых апостолов Петра и Павла и монастырь для

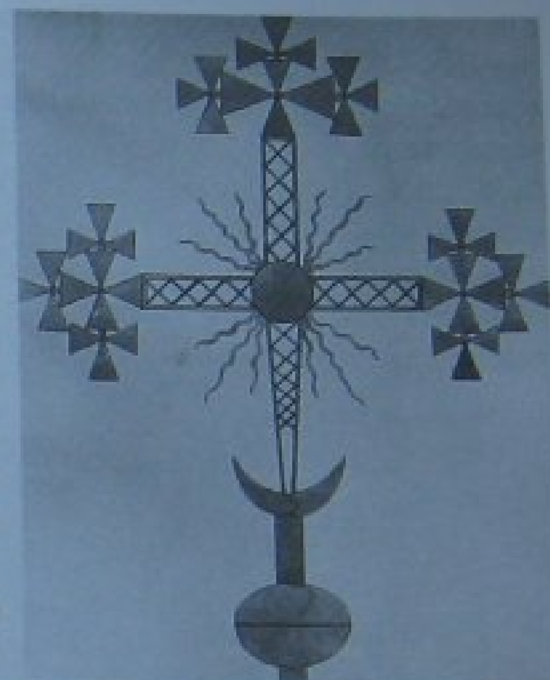
20 Собор Петропавловского монастыря в Минске (1619, 1623–1624). План подвалов собора, по Е. Квитницкой

21 Внутреннее убранство Петропавловского собора в Минске.
1) Боковая стена центрального нефа, фото начала XX в.
2) Центральный неф и алтарь, фото начала XX в.

мешканья иноков общежительный женский Св. Вознесения также школы пры ных для ученья детей наших»[107]. Выпись завещания Анны (Ганны Михайловны) Тышкевичевой, урожденной княжны Массальской, 7 марта 1620 г. отказавшей в пользу православной церкви Петра и Павла в Минске и Ильи в Олексивечах Гродненского уезда суммы. Выпись признания Возны Ромейковичем свидетельства о принятии минского Петропавловского монастыря во владение фольварка Пересны, отказанного ему судьею Мартином Володковичем в 1623 г. Строительство принадлежащих монастырю жилых корпусов и школы продолжалось до 1624 г., когда вышла разрешительная грамота митрополита Иова Борецкого на открытие при церкви Петра и Павла женского монастыря.

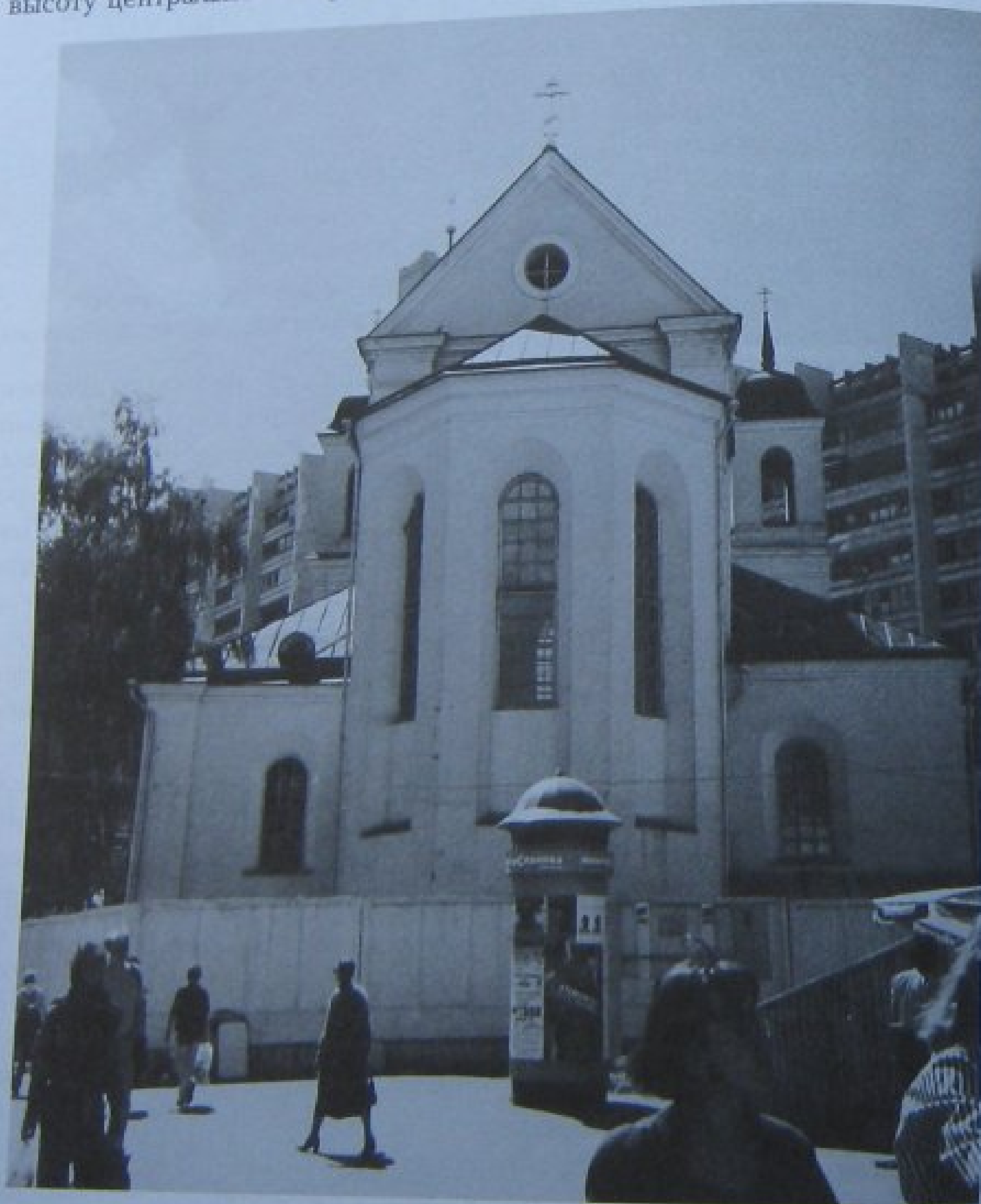
22 Крест Петропавловского собора в Минске, рис. Д. Струкова

Несколько лет спустя, в 1630 г., был внесен протест униатского духовенства на минский Петропавловский монастырь, занявший владения отобранного в унию минского Николаевского монастыря. В конце 1635 г. прибыл в Минск Петр Могила с целью содействовать укреплению положения строившихся в Минске православного монастыря и церкви св. ап. Петра и Павла. В год приезда в Минск Петр Могила издал грамоту, подтверждающую данное митрополитом Иовом Борецким 25 августа 1624 г. благословение на открытие в городе при Петропавловской церкви девичьего монастыря[108].

Таким образом, строительство Петропавловской церкви и монастыря продолжалось на протяжении 1619–1624 гг. Впоследствии храм реконструировался дважды: в 1795 г. на средства Екатерины II, когда был переименован в Екатерининскую церковь; в 1870–1872 гг. совершенно заново были переработаны внешние формы храма с намерением придать ему «русско-византийский» облик, подобно реставрированным в те же годы виленским церквам. Первоначальные внешние формы храму были возвращены в результате реставрации 1970-х гг.

Храм представляет собой шестистолпную трехнефную двухбашенную бескупольную базилику, размером, без апсиды, около 21×26 м. Оформление западного фасада церкви отчасти несет на себе следы православных храмов-крепостей XVI в. Трехъярусные четвериковые башни пристроены к западным углам храма. Контуры фасада четко фиксируют структуру трехчастного горизонтального и двухчастного вертикального построения базиликального храма, а фронтон в точности повторяет линии двускатного покрытия центрального нефа (цв. ил. IV). В остальном храм следует традиционным канонам

костельной архитектуры. В стереометрическом объеме бескупольного сооружения, как и в организации его внутреннего пространства, расчлененного шестью опорами и восемью перекинутыми между ними и наружными стенами арками, четко выявлены центральный высокий и боковые низкие нефы базилики. При осевой композиции храма свойственная ранее названным главным монастырским православным храмам общая центричность композиции не получила выражения ни во внутреннем пространстве, ни во внешнем объеме сооружения. Восточная стена завершается граненой апсидой во всю высоту центрального нефа, и ее стены прорезаны высокими стрельчатыми

23 Восточный фасад Петропавловского собора в Минске

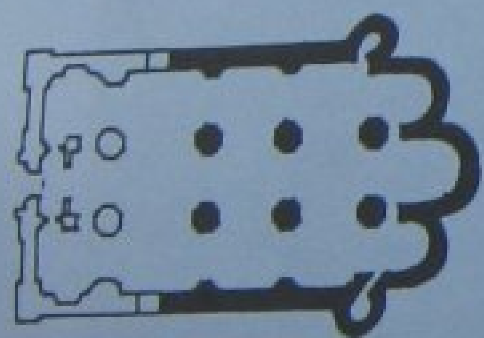

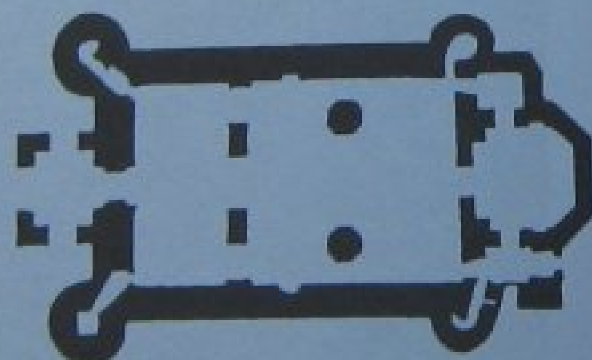
24 Николаевский собор в Бресте (XVI в.), рис. в книге XVIII в.

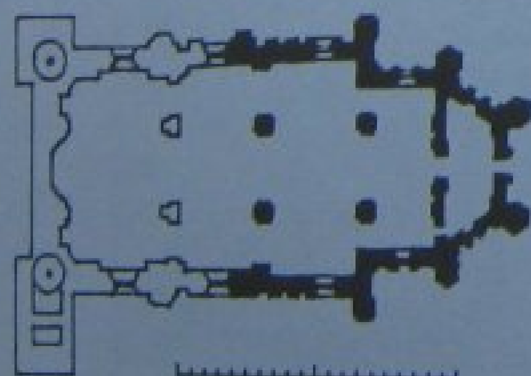
окнами. Художественной особенностью храма представляется совмещение форм главного фасада, еще звучащих отголосками храма-крепости XVI в. и католической базилики, отступающей от стилистики поздней кирпичной готики с характерными для нее неоштукатуренными поверхностями стены. Пожалуй, можно назвать еще только один похожий пример использования форм бескупольной базилики в архитектуре православного храма — это, судя по достаточно условному изображению в книге XVIII в., соборная Николаевская церковь в Бресте. В остальном история не сохранила примеров повторения в православном зодчестве подобного эксперимента.

Из проведенного обзора православного монастырского строительства XV — начала XVII в. следует, что нередко монастырский ансамбль складывался на основе одного только храма. Есть основания считать, что имело место отступление от принятого в архитектуре предшествующего периода принципа строительства в монастыре многих храмов.

Насколько можно судить по сохранившимся памятникам, неизменным оставалось следование правилу ориентации храма алтарем на восток. Художественно-стилистической основой развития церковного зодчества являлась романская архитектура и поздняя кирпичная готика, вероятно близкая северогерманским, в меньшей степени североитальянским образцам. Главной линией эволюции церковного монастырского строительства были центрические (примерно равносторонние в плане), зальные, бескупольные, четырехстолп-

25 Планы храмов монастырей XVI в. Аналитические таблицы автора:
1) Свято-Троицкая церковь в Вильнюсе (1514), по А. Янкявичене;
2) Борисоглебская в Новогрудке (XII в., 1519), по А. Чантурия;
3) Благовещенская церковь в Супрасли (1557), по П. Покрышкину

ные храмы с тремя или одной апсидой. Завершением храму служило высокое двускатное покрытие. Центрическое построение внутреннего пространства, вероятно, не было артикулировано во внешнем объеме сооружения и проявлялось разве что в постановке башен по четырем углам храма. Купольная крестообразная композиция во внешнем объеме храма характерна для единственного из известных памятников — Благовещенского собора Супрасльского монастыря.

Благовещенская церковь в Супрасле завершает генезис архитектуры соборного монастырского храма, подытоживающего переход от Средневековья к искусству Нового времени. Она, в определенном смысле, исчерпывает возможности художественного симбиоза византийского, готического и еще весьма неуверенного ренессансного понимания формы и, в некоторой степени, готовит почву для формирования нового типа храма, нового художественного прочтения церковного образа в архитектуре.

Н. Щекотихин, рассматривая эволюцию каменного храмостроения как движение от форм костела Виленского бернардинского монастыря к формам собора православного Супрасльского монастыря, считал, что в результате такой эволюции сложился новый тип православного храма — совершенно самостоятельный по концепции и стилистике архитектурный организм[109]. Данное наблюдение известного ученого, притом первого, кто увидел определенное художественное единство в разноконфессиональной культовой архитектуре края, безусловно, нельзя оставить без внимания. Высказанное суждение абсолютно справедливо, если рассматривать бескупольные православные храмы и современные им бернардинские костелы, прежде всего виленские (начало XVI в.), с точки зрения художественно-стилистического решения. Однако в данном случае необходимо обратить внимание и на отличительные черты приведенных памятников, связанные с различиями церковных традиций и богослужения, которые проявляются в пропорциях и структуре планов церковных сооружений — центрических в православных храмах и вытянутых по оси запад-восток — в католических храмах.

На православное монастырское строительство и церковное искусство начала XVII в. существенное влияние оказали радикальные перемены государственной и церковной жизни края. Важнейшие из них — объединение Польши и Великого Княжества Литовского в Речь Посполитую (1569); тотальное распространение католицизма на всем протяжении союзного государства и начало деятельности здесь иезуитов; заключение Брестской церковной унии (1596). Все эти изменения в начале XVII в. поставили православных в бесправное положение, зависимое от королевской власти и уязвимое со стороны римско-католического костела. Наиболее авторитетные монастыри и храмы были переданы униатам, на что православные Беларуси ответили основанием десяти новых монастырей. По условиям ктиторов они поручались руководству вновь образованного Виленским Троицким братством Свято-Духовского монастыря, игравшего объединительную роль до 1620-х гг. В то же

время православное монастырское зодчество стало испытывать более заметное влияние традиций католического храмостроения, примером чему служит Петропавловский монастырь в Минске (1619—1624).

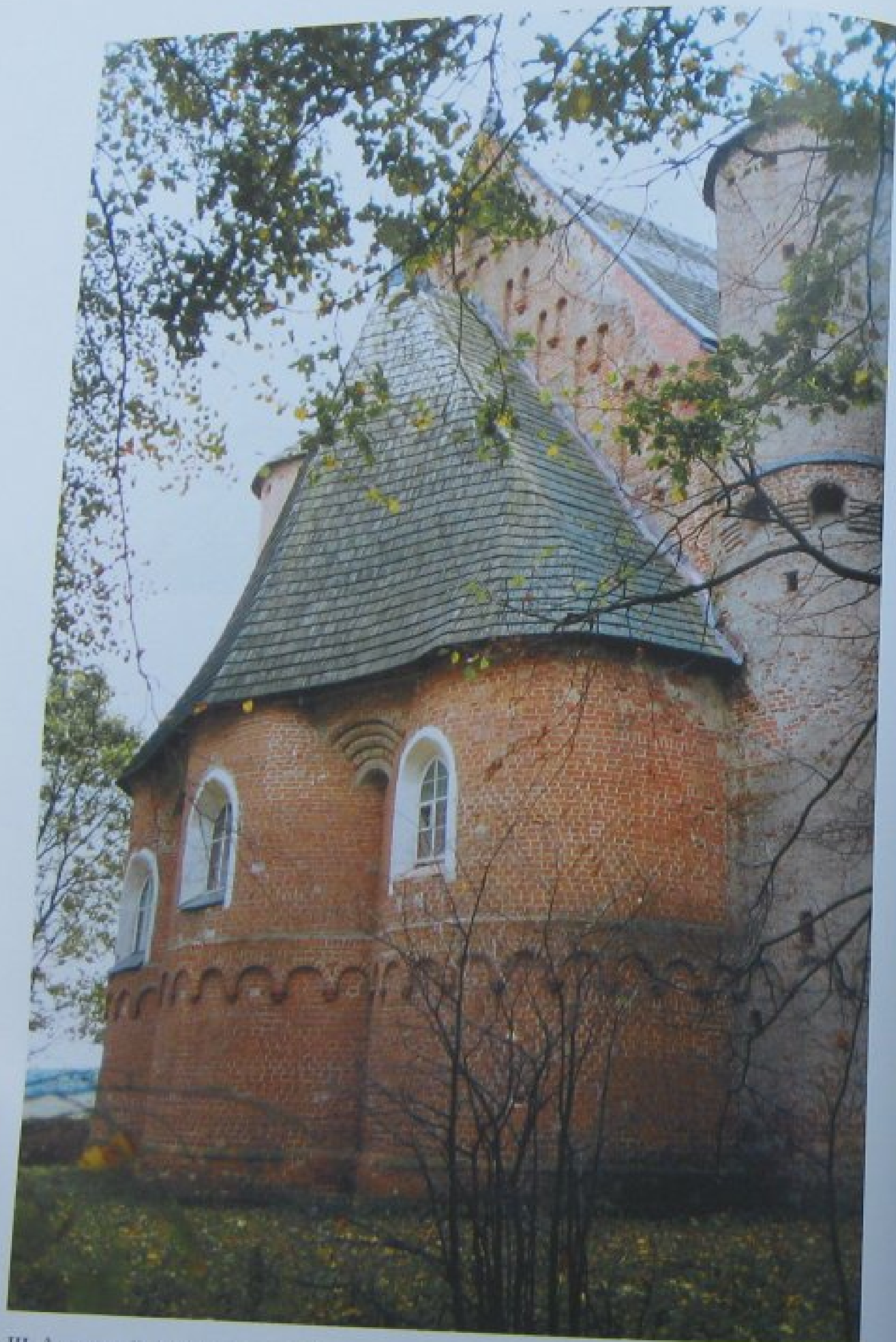
На фоне интенсивного распространения движения Контрреформации в Беларуси появились признаки утраты конфессиональной идентичности православного храма и монастыря. Однако в дальнейшем развитие православного и монастырского зодчества края не пошло по пути непосредственного продолжения предыдущего опыта. Линия заимствования и адаптации форм и приемов северогерманской кирпичной готики с характерными чертами рельефного, полихромного решения фасадов оказалась прерванной. Завершенным оказался также этап строительства монастырей-крепостей и оборонительных храмов.

I Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь (XI, XIX) с восточной стороны

II Храм-крепость Архистратига Михаила в Сынковичах (первая половина XVI), южный фасад

III Алтарный фасад храма в Сынковичах

IV Западный фасад Петропавловского собора в Минске (1619, 1623–1624)

V Собор Братского Николаевского монастыря в Могилеве (1669–1672)

VI Царские врата северного придела Николаевского собора в Могилеве

VII Благовещенский собор в Друе (1687), западная стена в интерьере

VIII Росписи в алтаре собора православного Благовещенского монастыря в Друе. Климент папа Римский (?)

IX Алтарная стена в интерьере Богоявленского собора в Полоцке (1761—1779)

X Церковь св. Екатерины и Евфросинии и корпус Богоявленского собора в Полоцке (1780–1788)

XVII–XVIII вв. Поиски архитектурной идентичности образа православного монастыря и храма

Западные центры православного монашества Великого Княжества
го постепенно утрачивали роль покровителей других братств и монастырей Литовско-
расположенных в восточных землях страны. Из влиятельных монастырей,
центров XV–XVI вв. некоторую силу сохранили только два православных
и Львовское, которые просуществовали до XVIII в. Движение братства, Луцкое
мации оказывало существенное влияние также на Речь Контрреформ-
православная реакция усиливалась и в связи со Посполитую. Анти-
цией королевской власти, которая видела в сложной политической ситуа-
своему военному противнику — России. православных опору и поддержку
новной причиной переноса в 1611 г. Политические мотивы явились и ос-
ва в Варшаву. Позиции Виленского резиденции польского короля из Крако-
были существенно ослаблены, братского Свято-Духовского монастыря
центр консолидации православного и постепенно на смену ему явился другой
товском, расположенный на самых монашества в Великом Княжестве Ли-
монгольской Руси таким пунктом восточных его территориях. Как и в до-
стал Киев.

Униатский митрополит Рутский только номинально носил титул киевско-
го. Не принятый братчиками и казаками в Киеве, он в основном находился
при кафедральном Свято-Троицком соборе в Вильно. В Киеве церковная
жизнь сплотилась вокруг архимандрита Успенского Печерского монастыря
Петра Могилы[110].

Петр Могила поселился в Киеве около 1626 г., принял монашество (1627),
был киевопечерским архимандритом, вступил на западно-русскую митропо-
личью кафедру при жизни старого митрополита Исаии Карпинского (1633).

Могила сумел построить диалог между церковными и светскими властя-
ми, которые вынуждены были пойти на принятие необходимых законов.
В 1632 г., накануне коронования короля Владислава IV, были сформулирова-
ны, приняты и утверждены статьи примирения. Права православной церкви
в Речи Посполитой провозглашались наравне с католиками и униатами, вос-
станавливались права православной иерархии, киевскому митрополиту воз-
вращались Софийский собор, все монастыри Киева и Киевской епархии.
Произошло разделение имущества, монастырей и епархий митрополии. Пра-
вославным предоставлялись Львовская, Перемышльская, Луцкая и учрежден-
ная, вместо Полоцкой, Могилевская (полное наименование — Мстиславская,
Оршанская и Могилевская) кафедры. За униатами оставлялись кафедры По-

лоцкая, Владимиро-Волынская, Пинская и Холмская. Митрополитом был избран Петр Могила[111]. Белорусские земли потеряли две древние епархии и получили одну, которую предстояло формировать заново.

Юридическое закрепление прав православных оказалось возможным как благодаря личным качествам Могилы, так и в результате существенной поддержки его начинаний именитыми белорусскими магнатами.

По опыту предыдущего времени, опорой для укрепления оставшихся у киевской митрополии монастырей, а также для создания новых монастырей в Могилевской епархии, должны были стать православные братства. Большая заслуга братств заключалась в создании училищ, в которых будущее православное духовенство получало достойное образование, позволявшее ему не уступать европейской учености католических священников. Многие видные деятели западно-русской церкви после окончания братских училищ продолжали свое образование в европейских заграничных университетах и коллегиумах[112].

Петр Могила, будучи еще архимандритом Киево-Печерского монастыря, задумал основать такую школу у себя в монастыре и для этой цели отправил несколько молодых людей для необходимой подготовки за границу. Новая школа учитывала опыт всесторонней реформы, проведенной в ранее основанной братской школе Киева (1615). Организованная при Киево-Печерском монастыре школа вскоре была соединена с братской школой при Богоявленском монастыре в Киеве, а с приходом П. Могилы на митрополичью кафедру последняя была преобразована в коллегию. Выходцы из Киево-Могилянской академии впоследствии и составили основу православного духовенства белорусских и украинских земель, они становились в управление монастырями, организовывали братства, создавали при них школы и училища, налаживали книгоиздание. Подготовленное Киевом ученое православное духовенство, как известно, впоследствии оказывало большое влияние и на церковную жизнь России — в период реформ патриарха Никона, реформирования русской церкви при Петре I. Наряду с киевским, одним из самых деятельных братств того времени стало Могилевское Богоявленское братство.

Однако существовала и иная сторона реформы. Влияние «европейской учености» обновило не только систему духовного образования, но и проникло в богослужебную практику. Примером может служить известный случай латинских заимствований в чин пресуществления Святых Даров во время литургии, которые вошли в служебники Гедеона Балабана 1604 г. и сохранялись до 1662 г. Более поздний пример исправления вкравшихся в богослужебную практику нововведений связан с деятельностью московского патриарха Иоакима: «Сам он принял пострижение в киевском Межигорском монастыре и, конечно, знал отступления малоруссов от православных обычаев. Еще в 1677 г. он приказал выдрать из псалтыри, что напечатан в Черкасском Новгородке, лист 239 для того, что ектении в молебне несходны с их же

книгами московскими... В 1682 г. Иоаким сделал своею ставропигиею киевский Межигорский монастырь... В январе 1688 г. митрополиту киевскому Гедеону запрещено было писаться митрополит "всея Руси"»[113].

В период управления П. Могилы (1633–1647) был основан ряд новых монастырей, большая часть которых располагалась в восточных землях Беларуси, на территории вновь образованной Могилевской епархии. Митрополит Киевский дал многим монастырям Беларуси, при самом их основании, право исключительной подсудности митрополиту Киевскому, с изъятием их из ведения епархиальных епископов[114].

Новое монастырское строительство на этот раз опиралось прежде всего на руководство и поддержку киевского митрополита и братии Киево-Печерского монастыря. Руководству последнего поручался основанный Стеткевичами Кутеинский мужской Богоявленский монастырь возле Орши. В свою очередь Кутеинский Богоявленский монастырь стал своего рода региональным епархиальным центром монастырского строительства. Многие вновь образованные монастыри епархии поручались руководству игумена Кутеинского Богоявленского монастыря Иоиля Труцевича, находившегося под послушничеством патриарха константинопольского. К организации строительства новой обители нередко привлекали основателей того же Оршанского монастыря Стеткевичей. Таким образом, новые обители опосредованно, через Кутеинский, подчинялись Киево-Печерскому монастырю. Названному кругу монастырей принадлежали Буйничский Свято-Духовский возле Могилева (1633), Марков Свято-Троицкий возле Витебска (повторно основан в 1633), Кутеинский Успенский женский возле Орши (1641), Барколабовский Вознесенский возле города Старый Быхов (1641), Тупичевский Успенский возле Мстиславля (1641).

Другие вновь основанные обители прямо подчинялись Киево-Печерскому: основанный Долматом Свято-Преображенский в Дятловичах (1622) и основанный Стеткевичем, при участии П.Могилы, называвшийся «новопечерским», Троицкий мужской в Прилуках (1635). Под опеку Киево-Печерского в это время переходили и древние обители Беларуси, как, например, Слуцкий Тройчанский (1678) и находившийся в подчинении к нему, вновь основанный Старчицкий Петропавловский (1670), или Соломерецкий, переведенный под управление Кутеинского Богоявленского монастыря (1639). П. Могила приезжал и осматривал монастыри Минска, Могилевской епархии, участвовал в освящении храмов, в частности, он посетил и осмотрел Кутеинский и Буйничский монастыри и остался доволен их устройством, о чем писал в 1644 г.[115]

Важную роль в монастырском строительстве Беларуси в это время также сыграл известный церковный деятель того времени Сильвестр Коссов. Родом из Витебского воеводства, он в течение ряда лет возглавлял кафедру философии в Киево-Могилянской коллегии, по поручению Могилы составил «Патерикон». В 1635 г. Коссов получил от короля Владислава IV привилегию

на епископство во вновь образованную Могилевскую епархию (1635–1647), а после кончины Могилы сменил его на митрополичьей кафедре (1647–1657), продолжая при этом управлять Белорусской епархией.

Западно-русская церковь, при слабом значении в то время константинопольского патриарха, обладала значительной независимостью. Она сохраняла эту независимость и после заключения Андрусовского договора 1677 г. и была подчинена московскому патриарху только в 1685 г. Однако после вхождения в состав Русской Православной Церкви киевская митрополия также долгое время продолжала пользоваться широкими правами и многие вопросы решала самостоятельно. Такая неофициальная, но фактически существовавшая независимость управления малороссийских земель сохранялась до конца царствования Екатерины II не только в делах церковных, но и гражданских[116].

В XVIII в. православные монастыри Беларуси пользовались покровительством русских государей. В начале столетия они получили ощутимую поддержку Петра I, который во время военной кампании против Карла XII несколько лет провел в военных походах на территории Беларуси и Литвы. 18 января 1718 г. православные монастыри белорусско-литовских земель подали прошение Петру I о притеснениях со стороны католической церкви и униатов. Это обращение послужило основанием для требований царя в адрес короля, чтобы в конституции было записано о правах принесших жалобу монастырей.

Август II издал манифест, в котором всем поименованным православным монастырям дано было торжественное обещание не только за себя, но и за наследников и за каждого подданного, свято хранить и блюсти все права и льготы, все постановления и конституции сеймовые и свободы православной церкви, когда-либо вошедшие в свод законов[117].

Учреждение в 1724 г. в России Синода поначалу мало сказывалось на управлении и жизни Киевской митрополии. До образования Минской епархии (1794) священнослужители Мозырьского, Речицкого и других уездов рукополагались киевским митрополитом, а некоторые из иереев учились в Киевской академии. Постепенное ослабление влияния Киева и введение общероссийского порядка в управление православными монастырями Беларуси стало заметным не после первого раздела Речи Посполитой и присоединения Беларуси к России, а после третьего раздела и в немалой степени было связано с уходом от управления епархией белорусского архиепископа Григория Конисского[118].

Новая страница истории православного зодчества края, охватывающая период XVII–XVIII вв., открывается в связи с возведением Виленского Свято-Духовского монастыря.

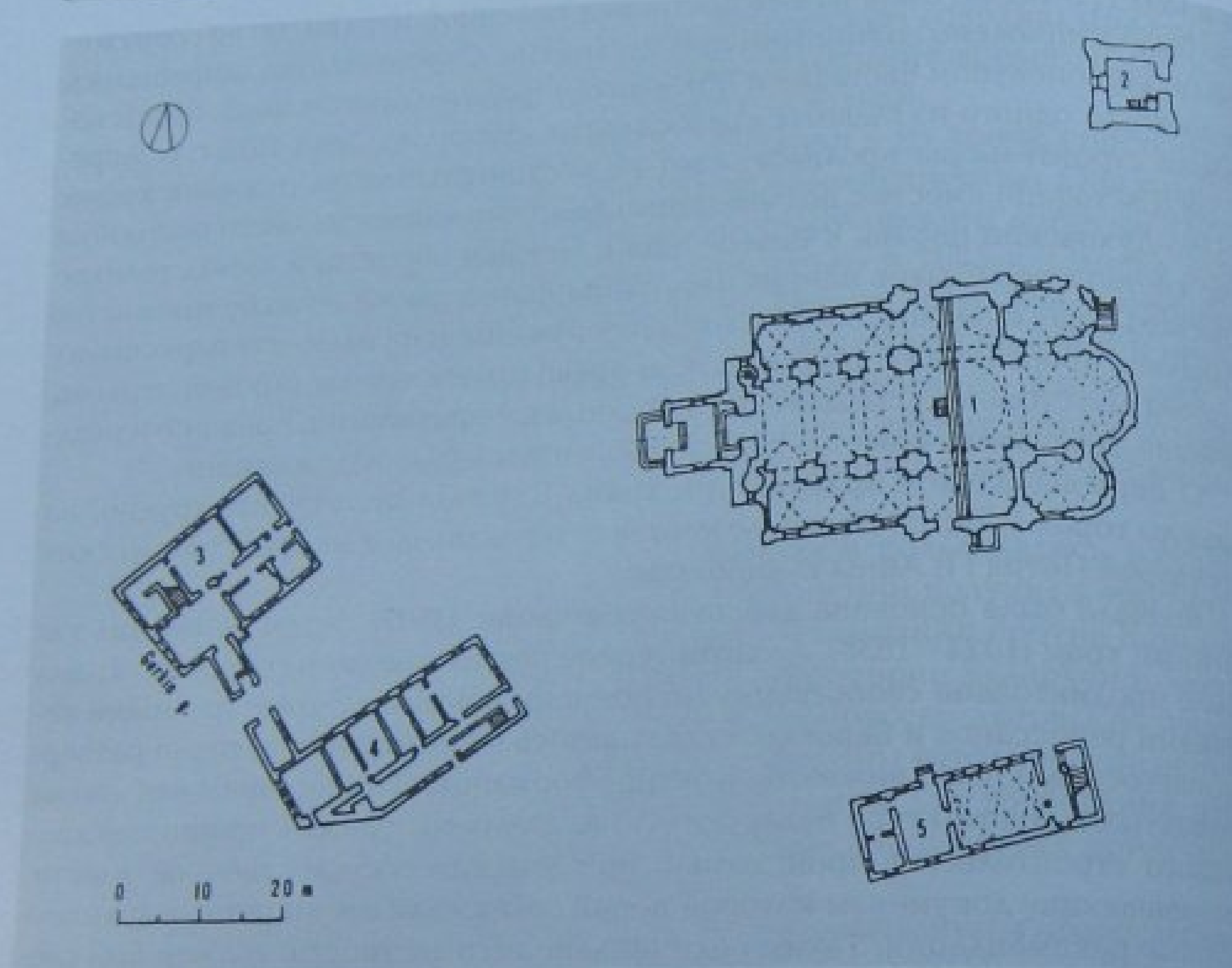
Виленский Свято-Духовский монастырь строился при активном участии брестского воеводы Зеновича, его жены, урожденной Воллович, а также жены воеводы смоленского Абрамовича. Первая монастырская церковь упоминает-

ся в 1597 г. В 1624 г. была начата постройка каменной церкви, но ее сооружение было сопряжено со многими препятствиями. Строительство запрещалось виленским бискупом Евстафием Волловичем (родным братом жены брестского воеводы, одного из главных православных ктиторов). Дело 1628 г. о запрещении строительства проливает свет на обстоятельства сооружения храма: «...он (Евстафий) вместе с подлежащими властями явился на место постройки Свято-Духовской церкви в Вильне, идя к Острым воротам, и застал великое множество каменщиков немцев и «другой нации», также великое множество «поспольства» и несколько монахов за сооружением фундамента церковного. Начались пререкания о том, имеют ли право православные строить церковь, причем обе стороны ссылались на выданные им привилегии, прежние и позднейшие. Дело заканчивается констатированием в суде изложенного»[119].

О первоначальной архитектуре храма Святого Духа судить трудно, он дважды горел (1714, 1749), после чего восстанавливался на средства русских государей Петра I и Анны Иоанновны[120].

Вначале была основана деревянная церковь (1597), затем ее сменил каменный храм (1624–1638). Архитектурное решение нового соборного храма было продиктовано свойственными времени новыми художественными веяниями ренессанса и барокко, складывалось под влиянием активно развернувшегося в крае движения Контрреформации. Принципиальная смена принятых в архитектуре Беларуси XVI в. позднеготических принципов храмового строительства происходила при участии государственной власти, разрешающие документы которой порой содержали и конкретные архитектурные рекомендации. Таким рекомендациям, в частности, должен был следовать проект собора Свято-Духовского монастыря. О них сохранилось конкретное указание, зафиксированное в последней редакции упоминавшегося ранее подписанного королем соглашения о «примирении» униатов и православных (1632): «Братству виленскому, названному свято-троицким, состоящему не в унии при церкви Святого Духа, дозволяется окончить начатую им церковь, но только по подобию других церквей и костелов, а не в виде крепости, и тому же братству, взамен церкви Св. Троицы, остающейся за униатским тамошним братством имеют быть даны в Вильне три церкви: Воскресения Христова, св. Иоанна и св. Юрия на предместье»[121]. Надо полагать, законодательные ограничения в выборе архитектурного решения храма, по существу запрещавшие дальнейшее православное строительство в духе церквей-крепостей XVI в., в равной мере распространялись на всю строительную деятельность православной митрополии того времени. Подтверждением тому могут служить последующие материалы данной главы.

Виленская Свято-Духовская церковь построена по принципу трехнефной купольной, двухбашенной, восьмистолпной базилики с трансептом. Крестовая структура плана выражена в стереометрическом объеме сооружения. Алтарная часть ориентирована на восток и оформлена тремя полукруглыми апсидами. Храм имеет три входа — западный с пристроенным

26 План Свято-Духовского монастыря в Вильнюсе (по Lietuvos TSR)

объемом притвора и два боковых. Сложно судить о первоначальных формах внешнего решения и внутреннего убранства, существенно изменившихся в результате реконструкции, осуществленной под руководством архитектора Яна Глаубитца (1749–1753). В последующем столетии неоднократно проводились подновления собора (1812, 1850, 1873)[122].

Современная планировочная организация Свято-Духовского монастыря, вероятно, в общих чертах может быть соотнесена с первоначальной. Комплекс имеет концентрическую композицию плана с отдельно стоящим в центре монастырского двора каменным храмом. Другой высотной доминантой является встроенная в монастырскую ограду колокольня, расположенная к северо-востоку от храма. Вход в монастырь осуществляется через каменные ворота с двумя примыкающими к ним с обеих сторон каменными корпусами, обращенными к улице своими торцевыми фасадами. Жилые и служебные корпуса расположены на границах участка. Обращает на себя внимание наличие только одного храма в ансамбле монастырского комплекса.

Виленское православное братство окончательно переселилось в Духов монастырь. Главную роль в укреплении переместившегося на новое место

братства стал Мелетий Смотрицкий. При храме помещались школа и училище, действовала широко известная в то время братская типография, после запрещения ее королем Сигизмундом III временно переносившаяся в Евье. Первым настоятелем монастыря и ректором братской школы был Леонтий Карпович, вторым настоятелем стал известный церковный деятель и автор религиозных сочинений Мелетий Смотрицкий. В начале 1620-х годов Виленское братство вновь устроило у себя училище довольно значительных размеров, поставило для него дом, имело учителей. В монастыре была составлена известная Славянская грамматика Мелетия Смотрицкого[123].

До конца 1620-х годов монастырское строительство Беларуси продолжало опираться на поддержку Вильно, но все более очевидным становилось усиление Киева как наиболее надежного защитника прав православного монашества. Переход к покровительству главным образом Киево-Печерского монастыря можно проследить на примере воссоздаваемых и вновь образуемых в этот период монастырей во владельческих имениях Купятичи, Дятловичи, Вольно.

Монастырь в имении Купятичи был основан в 1629 г. брестской каштеляншей Апполонией Воллович-Война, убедившей своего сына Василия Копца купить село Купятицкое и рядом с ним в честь явления чудотворного образа построить монастырь. Основанием для строительства монастыря послужило явление 15 ноября 1182 г. неподалеку от села чудотворной иконы Божией Матери. Место явления впоследствии получило название «Монастырщина». Чудеса Купятицкой иконы Божией Матери впоследствии, около 1644 г., были описаны игуменом здешнего монастыря Иларионом Делосовичем на основании разных источников, в том числе книги: Афанасий Кальнофойский «Тератургима».

Монастырь разместился при впадении реки Ясельды в Припять, в 7 верстах от Пинска. Первыми насельниками в Купятицкий монастырь были призваны монахи виленского Свято-Духовского монастыря. Кн. Мария Радзивилл по завещанию 1660 г. передала Купятицкому монастырю фундуш в 1 тыс. злотых. Имения первого ктитора монастыря Василия Копца в 1722 г. по наследству перешли к настоятелю Городыщенского бенедиктинского монастыря Людовику Тапиловичу. После вступления его в права наследования православные были изгнаны из Купятицкого монастыря. Купятицкая чудотворная икона Богоматери была перенесена в Киев. Ее поместили в левом приделе верхнего этажа кафедрального Софийского собора.

Позднее православные не раз пытались вернуть себе монастырь. По жалобе купятицкого игумена Михаила в 1723 г. королевские комиссары возвратили монастырь православным. Однако в 1743 г. настоятель городыщенских бенедиктинцев снова завладел им и подчинил обитель базилианам. Далее, по прошению ктиторши Мороз-Щербицкой и при участии митрополита Петра Могилы, монастырь повторно был возвращен православным. Для опеки над его правами на этот раз Купятицкий монастырь был присоединен к пинскому Богоявленскому монастырю.

Купятицкий монастырь был закрыт в 1817 г., его храм обращен в приходскую церковь. Монастырские строения не сохранились, и теперь наиболее древние известные храмы в Купятичах датируются 1852 и 1867 годами[124].

Мужской Спасо-Преображенский монастырь в имении Дятловичи, при впадении реки Цны в Припять. Он существовал уже в XVI в., а когда в начале XVII в. потребовалось возобновить деятельность обители, она сразу же была поручена покровительству Киева. В 1622 г. дворянин Константин Долмат записал церкви свои имения Дятловичи и Лунинец с условием, что настоятели православного монастыря в Дятловичах будут учреждаться Киево-Печерской обителью, чтобы первый навсегда оставался в послушании константинопольскому патриарху и киевскому митрополиту. Основание Дятловицкой обители последовало между 1622 и 1625 годами. До 1786 г. монастырь находился в ведении Киево-Печерской лавры и назывался «Новопечерским»[125]. Впоследствии Дятловичи играли немалую роль в церковной жизни края. Из дневника св. Дмитрия Ростовского известно, что в 1678 г. греческий митрополит Макарий Лигарид совершал в Дятловичах погребение скончавшегося в Люблине белорусского епископа Феодосия Василевича[126].

Об архитектурных сооружениях монастыря почти ничего не известно, под 1645 г. упоминаются только большие въездные ворота. За счет монастыря в 1822 г., на расстоянии 426 м от села была построена деревянная приходская Преображенская церковь в виде продолговатого креста с пятью глухими куполами и тремя входами[127].

В 1632 г. в своем имении Вольно, неподалеку от Новогрудка, подстолий новогрудский Криштоф Каменский и его жена Елена Друцкая-Горская построили каменный храм и основали мужской монастырь Святой Троицы[128]. Монастырь в XVIII в. принадлежал базилианам. В монастыре состояло училище для обучения базилианов философии. В 1839 г. храм превращен в приходский, в корпусах размещены насельницы закрытого Новогрудского Борисоглебского женского монастыря.

Своего рода поворотным моментом в истории православного культового зодчества Беларуси XVII в. явилось основание и строительство системы православных монастырей во вновь образованной Могилевской епархии. Создание новых монастырей осуществлялось под руководством церковных иерархов и непосредственным контролем игумена оршанского Кутеинского монастыря Иоиля Труцевича. Ктиторами и руководителями строительства всей группы новых монастырей выступали местные помещики Стеткевичи. Первым и возглавившим управление над другими обителями стал Богоявленский Кутеинский монастырь.

Он располагался при впадении речки Кутейны в Днепр, на расстоянии чуть более километра от Орши, вниз по течению Днепра, на противоположном от укрепленного города берегу реки. Временем основания монастыря считается утверждение в 1623 г. фундуша, когда Богдан и Елена Стеткевичи

пожаловали ему свои владения. Ставропигиальным монастырь утвержден грамотой иерусалимского патриарха Феофана и патриарха Константинопольского Арсения.

В 1842 г. распоряжением Синода монастырь был низведен в разряд третьеклассного, заштатного и приписан к переведенному из унии Оршанскому Покровскому. В середине 1990-х годов возобновлен действующий Кутеинский монастырь.

Деревянная соборная трехпрестольная церковь Богоявления была освящена в 1626 г. Петром Могилой. В плане и объемно-пространственной ком-

27 Богоявленский собор Кутеинского монастыря возле Орши (1626), рис. начала XX в.

позиции храм представлял собой разносторонний крест. Западный фасад имел форму плоской стены с фронтоном, остальные три торцевые части храма представляли собой пятигранные ограждения. Завершениями служили главки на концах ветвей крестообразного остова храма, над средокрестием помещался купол, увенчанный главой. Своды, северную, западную и южную стены собора украшали росписи, насчитывающие 38 сцен с изображением евангельских событий, а также событий из истории Орши. Предалтарной преградой главного престола служил пятиярусный иконостас. В храме был придел арх. Михаила. Вокруг храма вела обходная галерея[129].

Церковь была двухэтажной с усыпальницей в подклете, под которой, как полагают, находилась пещерная церковь. Пещерные сооружения действительно существовали на территории монастыря, и некоторые исследования пещер проводились в 1920-е годы[130].

Соборная Богоявленская церковь занимала центральное местоположение посреди монастырского двора (сгорела от удара молнии в июне 1885 г.). К юго-западу от нее находился второй отдельностоящий каменный Рождественский храм. Упоминается о его двух престолах (1812): нижнем — Рождества Христова, и верхнем — посвященном Андрею Первозванному. Храм имел осевую трехчастную структуру и состоял из пристроенных друг к другу, отдельно перекрытых шатровыми верхами объемов притвора с колокольней, собственно храма и алтаря. Такой тип храма часто встречается в украинской архитектуре. Реконструкция 1868 г. уничтожила верхний этаж, и церковь

28 Богоявленский Кутеинский монастырь, рис. Д. Струкова

Рождества Христова была перекрыта единой двускатной кровлей и переосвящена во имя Живоначальной Троицы.

Последняя реконструкция церкви проводилась в середине 1990-х годов в связи с возобновлением в ней богослужения. Воссоздание храма основывалось на свободной интерпретации мотивов культовой архитектуры Беларуси XVII в. и заимствовании во многом форм ранних каменных базилианский церквей. Реконструкция стала еще одним этапом варварского, непрофессионального обращения с историческим наследием, когда подлинный памятник, возможно даже неосознанно, приносится в жертву преходящим не столько художественным, сколько идеологическим конъюнктурным соображениям.

Сохранилось описание монастыря, составленное в 1812 г., после ухода из Орши французов: «...колокольня одна деревянная с двойными воротами и калиткою, колоколов четыре. Близ каменной церкви начинался деревянный флигель келий, где было четыре комнаты, сени, кладовые. К флигелю примыкало каменное строение, разделявшееся двумя сенями на три части: в первой — продолжались братские кельи (три); во второй — помещения игумена из четырех комнат и прихожей, амбар, кладовые, пекарня; за вторыми сенями — трапезная и кухня. Из других строений: амбар трехстенный каменный при оградной стене, для муки; амбар каменный при верандной стене, для хлеба; за ним деревянный — для крестьянского запасного магазина; при стене оградной каменная возовня, за нею вновь два амбара деревянных и ледник. При колокольне две ветхих кельи с комнатами. Вокруг монастыря каменная ограда, в ней двое ворот. При воротах к Днепру находится каменная кузница, пристроенная к ограде, и баня. Отдельно от монастыря находится хутор или скотный двор, в нем: большая жилая изба, пять скотных сараев, три сенных шестистенных пуни, винокурня, два овина... при речке Кутейне мельница с каменной плотиной на два камня... при слободе Песчанке шинковый дом с избой, амбаром и погреб... В монастыре богатая ризница — 35 риз, круг церковных богослужебных книг 120 томов, пять приборов священной посуды, четыре напрестольных креста»[131].

Планировка монастыря была регулярной, двор имел прямоугольную в плане форму. Продольные оси храмов, как и ось периметрального контура всего комплекса ориентировались по направлению северо-запад и юго-восток. Ворота размещались по центру стен ограды. В результате реконструкции конца XIX в. монастырь получил каменную ограду, в которой были устроены четверо ворот, в том числе с западной стороны у Днепра и с восточной стороны, выводившей на «черный», или «хуторный», двор. Двое ворот были устроены на северной стороне, причем над центральными, и ранее служившими главным входом, святыми воротами в 1889 г. была сооружена трехъярусная шатровая кирпичная колокольня[132]. В объемно-пространственной организации монастырского комплекса в целом проводился принцип двухосевой симметрии.

По соседству с мужским Богоявленским был основан женский Успенский Кутеинский монастырь, в XVII–XVIII вв. пользовавшийся особой опекой российских государей (упоминается, что царевна Софья Алексеевна заимствовала форму облачения оршанских монахинь для инокинь московского Ново-Девичьего монастыря). Комплекс женского монастыря также имел регулярную планировку, стены его образовывали прямоугольный двор, по размерам значительно уступавший мужской обители. В XIX в. монастырский двор окружала высокая каменная ограда, посреди западной линии которой помещалась деревянная надвратная колокольня (1832). Главная продольная ось двора, задававшая симметрию построения плана всего монастыря, имела ориентацию запад-восток.

В комплекс входили четыре храма. В геометрическом центре двора, вдоль продольной оси запад-восток помещался каменный соборный храм, освященный в 1635 г. во имя сошествия Святого Духа. Вероятно, это было второе строение соборного храма, сменившее первоначальное деревянное сооружение, посвящавшееся Успению Богоматери. Каменная Свято-Духовская церковь имела крестовую объемно-пространственную композицию и была перекрыта крестовыми сводами, опиравшимися на стены и пилястры, без отдельно стоящих опор. Такая трехчастная, иначе «трехлепестковая», система плана церкви впоследствии получила самое широкое распространение среди украинских храмов второй половины XVII в. Над центральным пространством средокрестия на восьмигранном широком барабане возвы-

29 Успенский женский Кутеинский монастырь возле Орши (1635), рис. Д. Струкова

шался граненый восьмиконтовый луковичной формы купол. Над каждым из декорированных арочными нишами фронтонов четырех выступающих плоскостей фасадов были установлены малые главки. С восточной стороны к основному объему примыкали три полукруглые апсиды, пониженные по отношению к основной высоте храма. Левый боковой придел посвящался св. Прокопию.

Остальные церкви и часовня монастыря были деревянными на каменном фундаменте: Успенская с пристроенной обширной трапезной и кухней (1769, реконструкция 1893), крестообразная в плане Покровская (1753), Николаевская (1824). В ограде монастыря помещались флигели для настоятельских келий, жилые помещения с надворными постройками, некоторые хозяйственные службы были встроены в монастырскую ограду[133].

Особое значение придавалось возведению нового братского монастыря в Могилеве, ставшего основным местом резиденции белорусского, точнее, мстиславского, оршанского и могилевского епископа Сильвестра Коссова. Здесь был основан Богоявленский монастырь. Подготовительные работы по возведению главной Богоявленской церкви монастыря были начаты еще в 1619–1620 гг., когда в Вильне вынужден был уступить свои позиции Свято-Духовский монастырь, и в то время, когда Петр Могила еще не приехал в Киев. Неудивительно, что на начальном этапе в строительстве монастыря активное участие принимало виленское братство.

Князь Ян Огинский пожаловал для храма и монастыря участок в центральной укрепленной части Могилева, прилегающий к главной Шкловской улице. Фундуш был утвержден королевской грамотой Владислава IV 1633 г., в которой говорилось: «...при котором мает быть монастырь законников рекгулы Св. Василия, в котором людей годных учоных хавать волно им будет. Притом позволено помяненой братии Братства Богоявления школы наук вызволеных языков вшеляких мети, семинария и школы будовати»[134].

Очевидно, при оформлении пожалования потребовались посреднические действия виленского братства. Упоминается, что на основании грамоты 1635 г. «Виленское Троицкое братство при церкви Святого Духа уступает братству Могилевский плац князя Яна Огинского, каштеляна Мстиславского»[135]. Несмотря на длительное юридическое оформление фундуша, историки считают началом строительства храма 1619 г., а завершение относят к 1633 г.[136] Другие документы говорят о более позднем строительстве храма: 1 августа 1636 г. Сильвестр Коссов совершил закладку храма Богоявления с двумя приделами — Сошествия Святого Духа и Рождества Богородицы[137].

Среди известных документов по храмостроительству Беларуси чрезвычайно редко упоминается строительство «по образцу», и могилевский Богояленский собор относится к числу таких исключений. Его велено было строить по плану киевского храма, а именно игравшей в то время важную роль в реформировании западно-русской митрополии киевской братской Богоявленской церкви[138].

Здесь необходимо уточнить — на какую из построек киевского храма Богоявления ориентировались зодчие в Могилеве. В течение XVII в. братская киевская церковь дважды отстраивалась заново. В 1615 г. опустошительный пожар уничтожил и храм и все другие постройки киевского Богоявленского монастыря. На его территорию стали претендовать иезуиты. Ктитором для его восстановления стала жена белорусского маршалка Стефана Лозки из Мозыря. В начале главы уже упоминалось о тесных связях, существовавших между православными двух этих городов, имевших прямое сообщение по Припяти. Мозырьская жительница Лозка пожаловала киевскому братству двор, участок, принадлежавшие им земли и доходы. На указанном участке вскоре были построены храм и школа, позднее преобразованная в Киево-Могилянскую академию.

Авторитет ктиторов киевской Братской Богоявленской церкви был и оставался настолько высок, что сын Стефана Лозки и Елизаветы Гулевич, винницкий подскарбий Михаил Лозка вместе с П. Могилой представлялся королю в качестве второго, то есть «запасного», кандидата на место митрополита[139].

Образцом для могилевской церкви Богоявления, очевидно, являлся именно Богоявленский собор Киевского Братского монастыря, выстроенный в 1615 г. на средства Лозки, изображения которого нам, к сожалению, не известны[140]. Сохранились чертежи другой, более поздней «архитектурной редакции» этого храма, а именно сооружения, построенного в 1690–1693 гг. при участии русского зодчего Осипа Старцева. Трудно сказать, насколько архитектурное решение нового храма было преемственным относительно предыдущей постройки. Проект фасада собора О.Старцева представлял собой двухбашенный купольный храм, в котором не выявлен пирамидальный профиль крестово-купольной базилики[141]. Значительно заглубленная относительно башен стена западного фасада оформлена широким трехчастным притвором-крыльцом с резным барочным фронтоном, между восьмериками парных боковых башен с высокими купольными покрытиями; над центральной частью фасада установлен резной трехчастный барочный аттик. Центральная часть фасада подчеркнута плотно сгруппированными окнами со сложно орнаментированными резными наличниками. В целом художественно-стилистическое решение фасада исполнено в формах «украинского барокко», становление которого приходится на период рубежа XVII–XVIII вв. (Позднее похожий принцип декоративно-пластического решения фасада был использован в архитектурной реконструкции Успенского собора Киево-Печерского монастыря 1720 г.) Поэтому об архитектуре Богоявленского собора в Киеве как о прототипе одноименного собора в Могилеве ничего более определенного сказать нельзя.

Могилевская Богоявленская церковь является одной из первых значительных каменных храмовых построек, осуществленных в период управления митрополией П. Могилы и под непосредственным контролем его ближайшего сподвижника, белорусского епископа С. Коссова. Богоявленский собор в Мо-

30 Братский мужской Богоявленский монастырь в Могилеве (1619–1936), фото начала XX в.

гилеве по конструктивному, планировочному и композиционному решению близок собору виленского Свято-Духовского монастыря (1624—1638), и оба эти храма в определенном смысле ознаменовали начало новой типологической линии развития соборных православных церковных сооружений.

Могилевская церковь Богоявления представляла собой крупную трехнефную базилику с десятью опорами квадратного сечения, в отличие от виленской, здесь имелись дополнительные промежуточные опоры в пролете трансепта, где на подпружных арках поддерживался купол. Базиликальный принцип построения сооружения сочетался с выявлением крестовой структуры храма, купольным завершением средокрестия. Двухбашенный многоярусный западный портал оформлял стеновую плоскость только лишь центрального нефа, а западные фасады симметричных боковых, пониженных крыльев базилики завершались невысокими фигурными асимметричной формы фронтонами, в результате чего в композиции фасада выделялся пирамидальный силуэт сооружения. Ширина плоскости наружного ограждения центрального нефа соответствовала ширине купола, а высота подъема щипца двускатного покрытия центрального нефа и боковых крыльев тран-

31 Богоявленский монастырь в Могилеве, фото 1909 г.

32 Колокольня Богоявленского мужского монастыря в Могилеве (1652, 1757—1760), фото начала XX в.

33 Элементы внутреннего декора Богоявленского собора в Могилеве (РО ВГУ).
1) Резьба по дереву на клиросе 3) Украшение северной двери иконостаса
2) Резьба по дереву на клиросе

септа задавалась высотой барабана центрального купола. Высота башен главного фасада также соответствовала верхнему уровню барабана купола. Купол доминировал в высотной композиции храма, и его форма читалась без наложения на нее других высотных акцентов. Тем самым достигался эффект монолитности многообъемной и многоглавой двухбашенной базиликальной и одновременно центрально-купольной композиции. Фронтальное восприятие западного фасада транслировало идею единства ярусного пирамидального построения фасада с усложняющимся и нарастающим ритмом декоративных арочных ниш от основания к верхней части храма и высоко поднятого купола, нагруженного фонарем и главой.

Содержавшийся в королевском постановлении, ранее упоминавшийся в связи со строительством виленского Свято-Духовского собора запрет на строительство храма типа оборонительной готической церкви, свидетельствует об определенной государственной политике в отношении развития храмовой архитектуры. Строительство виленского собора по типу купольной базилики дает основание предположить о стремлении властей Речи Посполитой проводить решения Тридентского собора (1545–1563) в отношении всех действующих на территории государства христианских конфессий. И если на примере многократно перестраивавшегося виленского собора сложно говорить о своеобразии интерпретации православными заданного им типа купольной базилики, то сохранившиеся изобразительные материа-

34 Иконостас Богоявленского собора в Могилеве (1636), фото начала XX в.

лы по соборным храмам могилевских братских Богоявленского и Николаевского монастырей позволяют разобраться в этом вопросе.

Наиболее ярким отличием православных соборов от современных им католических купольных базиликальных храмов является весьма скупое и осторожное использование приемов и форм барокко в решении внешнего оформления храма. В стереометрическом объеме здания предельно раскрыта (обнажена) структурная основа купольной базилики, более свойственная ренессансной традиции, нежели барокко. Такой прием ассоциируется с примерами незавершенного строительства храмов. В итальянском ренессансе сохранился пример подобного выявления объемно-пространственной структуры внешне незавершенной церкви Сан Лоренцо во Флоренции архитектора Брунеллески. Этот памятник был если не исключительным, то весьма редким случаем сохранения простейшего решения фасада храма, не украшенного самоценной декоративной композицией. (Впоследствии этот пробел пытались восполнить неоднократно. Со своими предложениями по декорации главного фасада Сан Лоренцо выступали самые блестящие зодчие эпохи — Леонардо да Винчи, Виньола, Деля Порта.)

Другие особенности архитектуры могилевского Богоявленского собора, как носителя новой концепции архитектурной идентичности православного храма, связаны с каноническими правилами богослужения и соответствующей им структурой храма. Во внешнем облике и внутренней структуре собора выделялось центральное пространство, отмеченное вертикальными формами купола с главой и крестом. Внутреннее убранство собора составляли фресковые росписи на библейские и евангельские сюжеты, высокий резной с позолотой иконостас. Нарастание физических объемов внутреннего пространства по горизонтальной оси, нарастающая динамика движения по горизонтали от входа на западе к алтарю на востоке — прерывались в зоне средокрестия, останавливались и фиксировались предалтарной преградой, высоким иконостасом, стеной, служившей своего рода посредником, по выражению П.Флоренского, «узревания образа».

Все три нефа заканчивались полукруглыми в плане апсидами: центральная, очевидно, была пристроена к плоской торцевой ограждающей восточной стене центрального нефа; боковые симметричные пониженные апсиды пристраивались к восточным торцам боковых нефов. К главному входу в храм, т. е. западному фасаду, был пристроен невысокий объем притвора-барбакана. Трансепт выделялся как в плане, так и в объеме церкви, и боковые ветви креста, поднятые до высоты основания купола, задавали крестообразную основу остова сооружения. В итоге создавалась четкая центрическая пирамидальная общая композиция храма. Художественными особенностями храма можно назвать чистую классицистическую объемно-пространственную композицию, отсутствие или минимальное применение изогнутых барочных поверхностей и форм. В иконографии западного фасада, оформленного горизонтальными поясами арочных ниш, отчетливо читаются моти-

вы архитектуры ренессанса, в определенной мере свойственные православному храмостроительству края предшествовавшего XVI в. Так что первые исследователи не без основания характеризовали Богоявленский собор в Могилеве как «церковь в смешанном итальянском стиле XVI в.»[142]

Богоявленская церковь помещалась отдельно от других монастырских сооружений и была смещена в южную часть монастырского двора. Последний имел неправильную полигональную форму и занимал вытянутый вдоль центральной Шкловской улицы Могилева узкий и затесненный участок. Богоявленский собор имел правильную ориентацию по оси запад-восток. Рядом с ним, с северо-восточной стороны находился другой отдельностоящий небольшой по размерам теплый каменный храм Иоанна Богослова, судя по всему, центрический, завершавшийся шатровым покрытием. На крутообразно расположенных хорах Иоанновской церкви был устроен престол во имя Святителя Николая. При Иоанновской церкви в 1669 г. утвердилось младшее братство.

Здание келий соединялось с третьей, вероятно трапезной, Всехсвятской церковью. Таким образом, трапезная церковь была встроена в корпуса, заполнявшие периметр монастырского двора. Настоятельский и жилые корпуса, дом для братских сходок, каменная богадельня, типография (каменное здание 1750 г.) размещались на периферии и по периметру участка, формируя тем самым плотный фронт застройки окружающих улиц города. На линию Шкловской улицы выходили многоярусная каменная колокольня (начата в 1652 г., завершена в 1757–1760 гг.) с пристроенными с одной стороны — каменным домом с двумя погребами и тремя амбарами, с другой — деревянным домом «о двух жильях» и шесть каменных лавок. Некоторые изменения в архитектуру Богоявленского собора были внесены работами 1750–1760-х гг., когда к нему были пристроены с северной стороны придел с престолом во имя преподобного Феодосия Печерского, а с южной — большой притвор[143].

Гравюрой с изображением Богоявленского монастыря была украшена изданная в 1702 г. в Могилеве «Книга житий святых». Оформление книги осуществлял один из искуснейших граверов того времени Василий Ващенко, некоторое время руководивший братской типографией при Богоявленском монастыре. Монастырь показан со стороны Шкловского предместья в панораме Старого города, на первом плане видны его бастионные укрепления с Королевской брамой вначале Шкловской улицы. За городскими укреплениями не видны монастырская ограда и окружающие периметральные постройки Богоявленского монастыря. Центральное место занимают архитектурные доминанты: центральнокупольный Богоявленский собор, справа — не уступающая ему по высоте колокольня, слева — шатровая Иоанновская церковь, за которой на втором плане показан второй шатровый объем — то ли алтарная часть Иоанновского храма, то ли завершение встроенной в корпуса монастырской трапезной церкви. Безусловной доминантой выступает крестообразное купольное сооружение Богоявленского собора. Точно так

же во многих других, более поздних панорамах и рисунках Могилева собор братского монастыря воспринимается главным, центральным сооружением города. Несколько романтическое впечатление о громаде купола собора передает рисунок Г. Лукомского.

Богоявленское братство вскоре основало и девичий, «паненский» монастырь. Он помещался через улицу от мужского и не имел своего храма[144].

После создания Белорусской епархии (1632) могилевская резиденция еп. С. Коссова первое время находилась в имении Печерске с приходской Крестовоздвиженской церковью, расположенном в предместье города. Владевший этими землями Киево-Печерский монастырь передал их могилевской епископской кафедре.

По типу Богояленского собора в Могилеве позднее была построена каменная церковь православного могилевского Николаевского монастыря. Ее история восходит к XVI в., когда при одноименной деревянной приходской церкви действовал Братский Николаевский женский монастырь. Время основания монастыря не известно, но известно, что в 1630 г. он был перенесен на подол, низкие пойменные территории к северу от укрепленного города. Грамота на постройку монастыря при могилевской Никольской церкви была дана Петру Могиле польским королем Владиславом IV в Вильне в 1637 г.[145]

35 Наружная стена ограды Николаевского монастыря в Могилеве

Николаевская церковь на подоле вначале была деревянной, а в 1669–1672 гг. на ее месте возвели каменную. Трехнефная базиликальная крестовая купольная шестистолпная Николаевская церковь по основным принципам построения повторяла соборный храм могилевского Богоявленского монастыря. Основными отличительными чертами ее были уменьшенные габариты и более изысканное декоративное решение западного фасада. Для него характерна более

36 Главный иконостас Николаевского собора в Могилеве

37 Фрагмент главного иконостаса Николаевского собора в Могилеве, фото начала XX в.

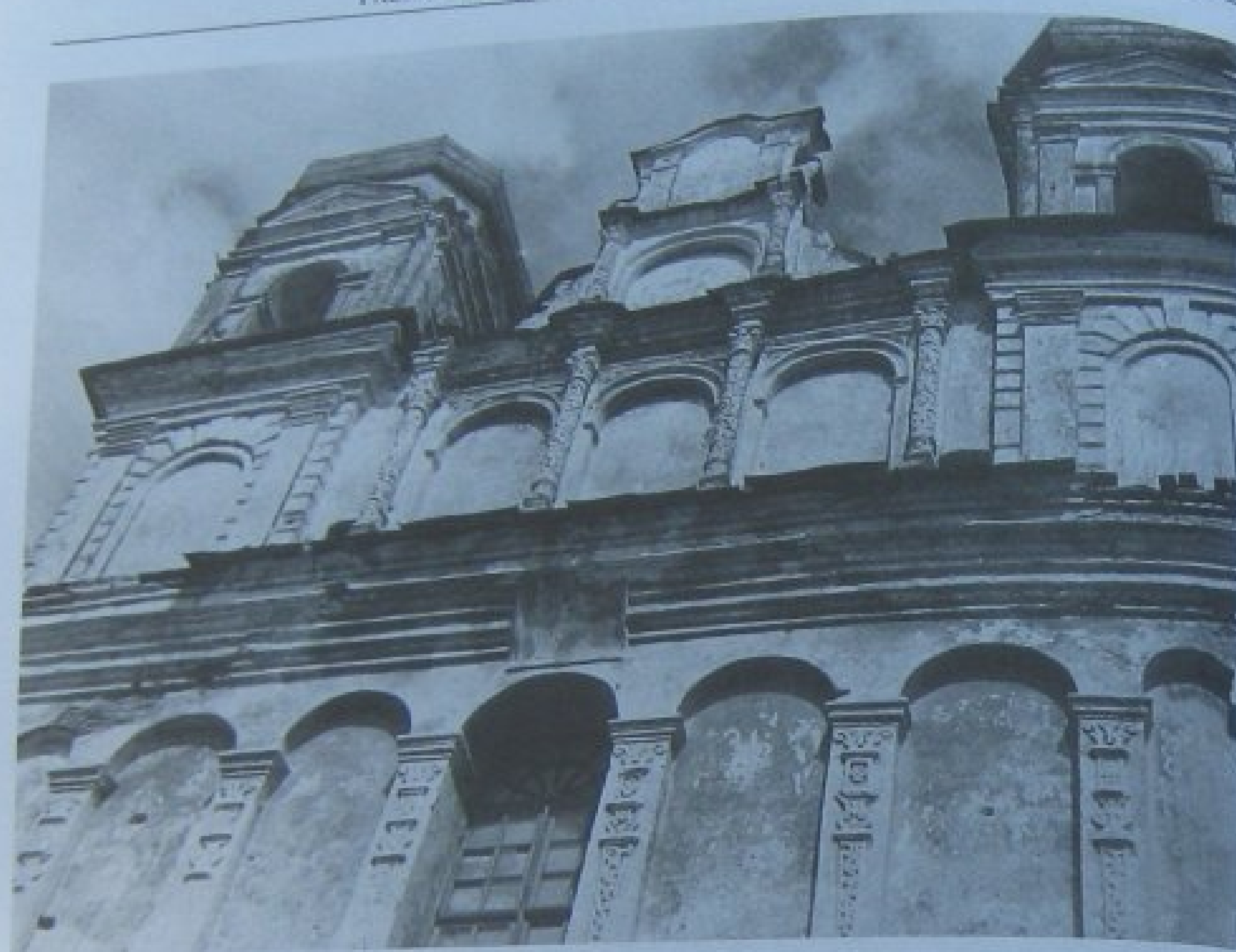
38 Завершение главного иконостаса Николаевского собора в Могилеве, фото начала XX в.

дробная прорисовка декоративных арочных поясов на плоскости стены и фронтоне, тонкий рисунок глав и башен (цв. ил. V). Впервые, как исключение среди других православных соборов ареала, в украшении фронтона применены резные коринфские полуколонны. Пристроенный притвор-барбакан имеет круглую в плане форму и изысканную отделку фасадов.

Одновременно с Николаевской церковью в монастыре были построены богадельня и дом для братчиков. Монастырь возобновлялся в 1754 г. в качестве мужской обители, одновременно продолжались строительные работы. В итоге монастырский комплекс получил регулярную прямоугольную форму плана и пополнился новой теплой каменной церковью во имя Онуфрия Великого (1793—1796) «на Никольском погосте»[146].

Два названных памятника являются наиболее известными в Беларуси примерами монументального храмового зодчества XVII в., в которых крестовая структура купольной базилики подчеркнуто отмечена в оформлении западного фасада.

Близкие могилевским каменным соборам принципы построения архитектуры храма были, видимо, свойственны и собору слуцкого Тройчанского монастыря (1678). Основанием для такого предположения служит рисунок Троицкого храма художника Д. Струкова. Со времени управления П. Моги-

39 Фронтон главного фасада Николаевского собора в Могилеве, фото середины 1940-х гг.

лы и до конца XVII в. православными были построены три купольные двухбашенные базилики на Украине — Михайловская церковь монастыря в Белостоке на Волыни (1636), возведенные уже несколько позднее, по проекту архитектора И. Баптиста Троицкий собор Троице-Ильинского монастыря в Чернигове (1679–1695) и Преображенский собор Мгарского монастыря на Полтавщине (1684–1692). Модификации этого типа соборного храма оставались главной темой в православном зодчестве Великого Княжества Литовского до раздела Речи Посполитой.

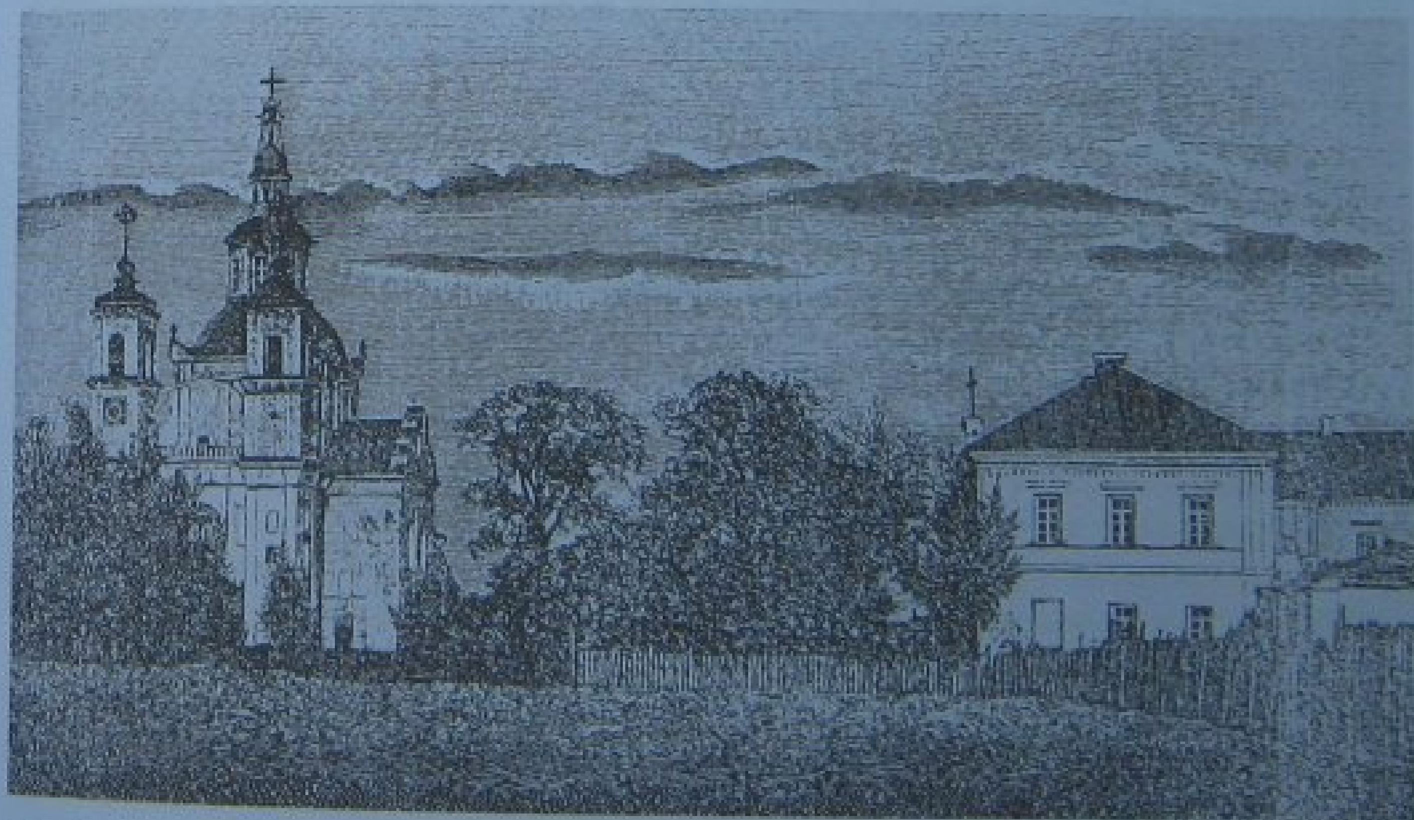
Достаточно четкое представление об особенностях архитектурно-планировочной организации православных монастырей Приднепровья можно составить по сохранившемуся ансамблю черниговского Троице-Ильинского монастыря, с которым монастыри Могилевской епархии имели самые тесные связи.

Подобно древнейшим христианским монастырям он имеет сложную разветвленную структуру и объединяет два удаленных друг от друга культовых комплекса — пещерный монастырь с Ильинской церковью (XI–XII вв.) и вновь возведенный к западу от него, через овраг, на высоком приподнятом над рекой Десной плато, Троицкий монастырь (XVII–XVIII вв.). Еще в конце XVIII в. переход от нового монастыря к упраздненному пещерному осуществлялся по-

средством специально устроенной, спускавшейся вниз по оврагу, крытой деревянной галереи[147].

Планировочная и архитектурно-пространственная композиция комплекса Троицкой обители следует принципам построения греческих монастырей. Он занимает обширный полигональной формы, иррегулярный участок, самым широким, восточным фронтом обращенный в сторону Ильинского комплекса. Углы ограды монастырского двора отмечены низкими, одноярусными башенными объемами. Троицкий монастырь окружен сплошной оградой, в системе которой южную границу составляют служебные строения и хозяйственный корпус с ледником, с западной стороны расположен архиерейский дом, в зоне северо-восточного угла устроены обширные ломаные в плане корпуса келий. Вход в монастырь устроен в восточной и северной стенах, и ворота размещены примерно посредине линии ограды. Главными являются расположенные у дороги, ведущей из Чернигова, северные ворота, над которыми со временем была выстроена

40 Собор слуцкого Тройчанского монастыря (1678), рис. Д. Струкова (РО РГУ)

41 Тройчанский монастырь в Слуцке, рис. начала XX в.

42 План Троице-Ильинского монастыря в Чернигове (РГВИА)

43 Троицкий собор Троице-Ильинского монастыря в Чернигове (1679–1675). Гравюра в книге: Дмитрий Ростовский «Руно орошенное». Чернигов. Типография Троице-Ильинского монастыря, 1691 г.

пятиярусная барочная колокольня (1771–1775). Восточный вход — Ильинские ворота — также был оформлен небольшим по размерам объемом с парными кардигардиями (начало XVIII в.).

Соборный храм, по традиции восточной церкви, занимал абсолютно центрическое положение в системе двора, причем в его постановке заметно стремление к совмещению центра главного купола собора с геометрическим центром двора. Троицкий храм имел два придела. Во имя св. великомученицы Варвары и св. Иоакима и Анны. Композиционная структура собора отвечает принципу восьмистолпной купольной базилики с трансептом. Однако во внешнем оформлении главного фасада храма в виде многоярусной ордерной системы пилястр присутствуют свойственные архитектуре Левобережной Украины конца XVII–XVIII вв. художественные приемы «украинского барокко». В решении центральной части главного фасада читается характерный для могилевских соборов прием выделения центральной высотной части базилики с барочным вырезанным фронтоном и примыкающими к нему угловыми башенками. В Троицком соборе Чернигова эти башенки трактованы в виде небольших глухих шпилеобразных объемов. Одновременно здесь применен свойственный католическим храмам и известный по минскому Петропавловскому собору прием расположения на западном фасаде двух пристроенных угловых ярусных четвериковых башен. Возможно, первона-

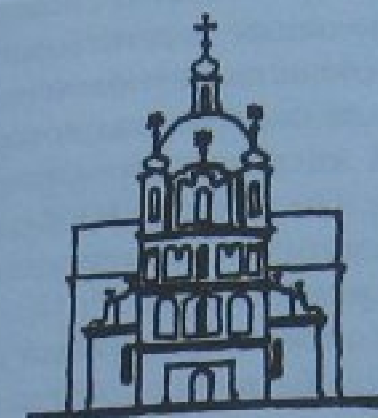
чальная архитектура собора в большей степени походила на каменные монастырские соборы 1630–1660-х гг. Могилевской епархии. Таким отображен облик Троицкого собора Чернигова в книге XVII в. Это храм пирамидальной композиции с боковыми наугольными башнями простого рисунка, в отличие от более поздних барочных ярусных глав на восьмериковых барабанах[148].

В Троице-Ильинском монастыре помещался и второй, Введенский храм с трапезной палатой и кухней (1677), расположенный к югу от собора, по параллельной ему оси восток-запад. К западу от комплекса размещались обширные монастырские сады.

В каменных соборных церквах православных монастырей Беларуси обращает на себя внимание стремление следовать ренессансному прочтению античности, упрощенная пластика стены и даже отказ от использования во внешнем декоре ордерной системы пилястр. В формировании внешнего облика храма прослеживается приверженность таким традиционным для православного храмостроения края XVI в. приемам декоративного оформления фасадов, как система лопаток и ярусных арочных поясов. Сдержанное, весьма осторожное отношение к барочным формам является существенным отличием православной церковной архитектуры Беларуси XVII в. от современного ей католического и униатского зодчества края. Разработка нового для православной архитектуры края типа архитектуры соборного храма осуществлялась в тесном взаимодействии с храмовым и монастырским строительством Киева.

Исследователи истории церкви не без основания считали П. Могилу в определенном смысле главным строителем Киева. На рубеже 1620–1630-х гг., когда произошло укрепление авторитета главы западно-русской церкви — «митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси», ему были возвращены Софийский собор, а также все монастыри Киева и Киевской епархии. Церковь смогла сконцентрировать усилия, ввести и обеспечить единоначалие в организации храмового и монастырского строительства. Главным объектом внимания стали храмы эпохи св. Владимира в Киеве. Были проведены раскопки остатков Десятинной церкви и в память о ней построена Николаевская церковь; восстановлен Софийский собор; воссоздана церковь Спаса на Берестове (1113–1125), расписанная тремя греками (афонскими монахами) и местным художником, выполнившими композицию «Дар Петра Могилы» (1643); возобновлена Михайловская церковь Киево-Выдубицкого монастыря; восстановлен Успенский собор черниговского Елецкого монастыря.

Приведенные ранее материалы по истории православного монастырского строительства свидетельствуют об особой роли Киево-Печерского монастыря в процессе создания и последующей деятельности белорусских обителей. Поэтому вопрос соотношения храмового монастырского зодчества Могилевской епархии и проводившейся на протяжении второй четверти XVII–XVIII вв. поэтапной реконструкции Успенского Печерского собора приобретает особое значение.

1

2

3

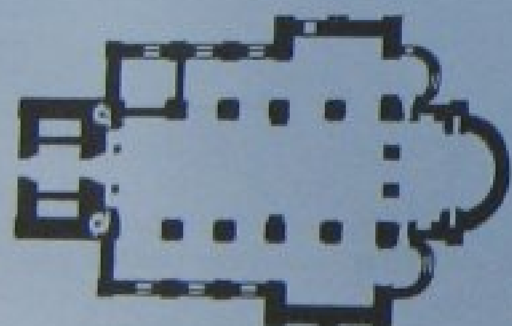
4

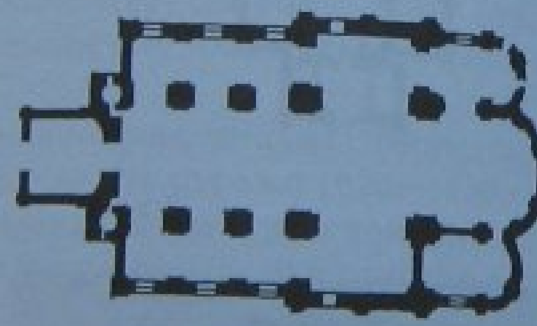
44 Архитектурный образ православного собора XVII в. Аналитические таблицы автора.

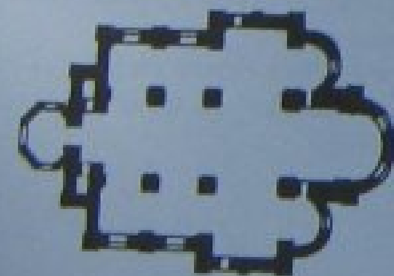
1) Богоявленский в Могилеве (1636)
2) Николаевский в Могилеве (1669–1672)
3) Свято-Духовский Кутеинский возле Орши (1635)
4) Успенский в Киеве по рисункам Л. Тарасевича к изданию Патерика 1702 г.

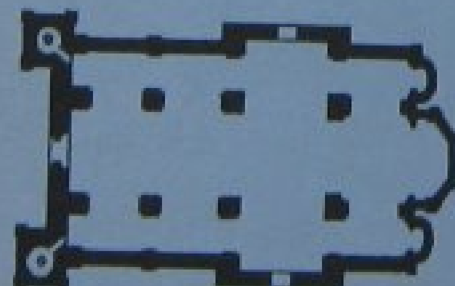
Успенский собор был основан в 1073 г., строился в 1075—1087 гг., освящен в 1089 г. Первоначально собор был крестовокупольным шестистолпным трехнефным, увенчан одним центральным полусферическим куполом на цилиндрическом барабане. В западной части помещался нартекс, над которым находились хоры. Восточная часть заканчивалась апсидами, трехгранными — снаружи и полукруглыми в плане — внутри. По мнению Ю. Асеева, «архитектура собора почти пятьдесят лет была образцом, по которому возводились городские и монастырские храмы по всей Древней Руси»[149].

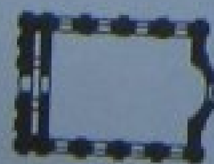
В конце XI – начале XII в. с северной стороны собора пристроили крещальню Иоанна Предтечи. Храм был разрушен ханом Батыем в 1240 г. и восстановлен только в 1470 г. Впоследствии не раз в нем проводились ремонтные работы, не вносившие, однако, существенных изменений в архитектуру храма. Ряд реконструкций осуществлялся в XVII в. Изображение собора в церковных изданиях этого времени, выпущенных типографией Печерского монастыря, передает эволюцию объемно-пространственной композиции сооружения от одноглавого (в книге «Иоанн Златоуст» (1623) и «Беседы на деяния св. Апостолов» (1624)[150], «Тератургима» Афанасия Кальнофойского (1638)[151] к пятиглавому храму («Печерский патерик» (1661)). Сохранился

45 Планы каменных соборных храмов XVII в. Аналитические таблицы автора.

1) Богоявленский в Могилеве (1636)
2) Николаевский в Могилеве (1669–1672)
3) Благовещенский в Друе (1687)
4) Свято-Духовский в Вильнюсе (1624, после 1749)
5) Троицкий в Чернигове (1679–1695)

рисунок Успенского собора, выполненный художником из свиты Януша Радзивилла, стоявшего во главе вошедшего в Киев литовского войска[152]. Это изображение датируется 1651 г., и храм на нем запечатлен пятиглавым с двускатным покрытием каждой из четырех ветвей выявленной в объеме крестовой структуры сооружения. На боковых фасадах отчетливо читаются закомары или подпружные арки сводов. У основания собора также видны невысокие пристроенные к нему приделы. Основное отличие рисунка 1651 г. от гравюры 1661 г. заключается в том, что на первом собор изображен в виде храма крестовой композиции, а на гравюре объемно-пространственная композиция никак не выявлена. Такое различие в трактовке изображения объясняется совершенно различным назначением рисунков. В первом случае — это реалистичный рисунок с натуры, игравший роль документа в хронике о победном вхождении Януша Радзивилла и его войск в Киев. Во втором случае изображение храма служит иллюстрацией церковной книги, в которой до конца XVII в. сохраняется условное, иконописное отображение образа храма с соответствующими искажениями перспективного и других принципов построения предмета.

Вернее всего, до середины XVII в. Успенский собор был перестроен в крестовый храм с пятиглавым завершением и меридиональной постановкой боковых глав. Такое предположение выглядит еще более убедительным, если учесть бурную строительную деятельность П.Могилы, вряд ли устоявшего против желания восстановить, украсить собор монастыря-защитника и монастыря-устроителя других обителей митрополии. Значит, первая реконструкция Успенского собора осуществлялась, надо полагать, в 1640-е гг., одновременно с сооружением соборных храмов монастырей Могилевской епархии.

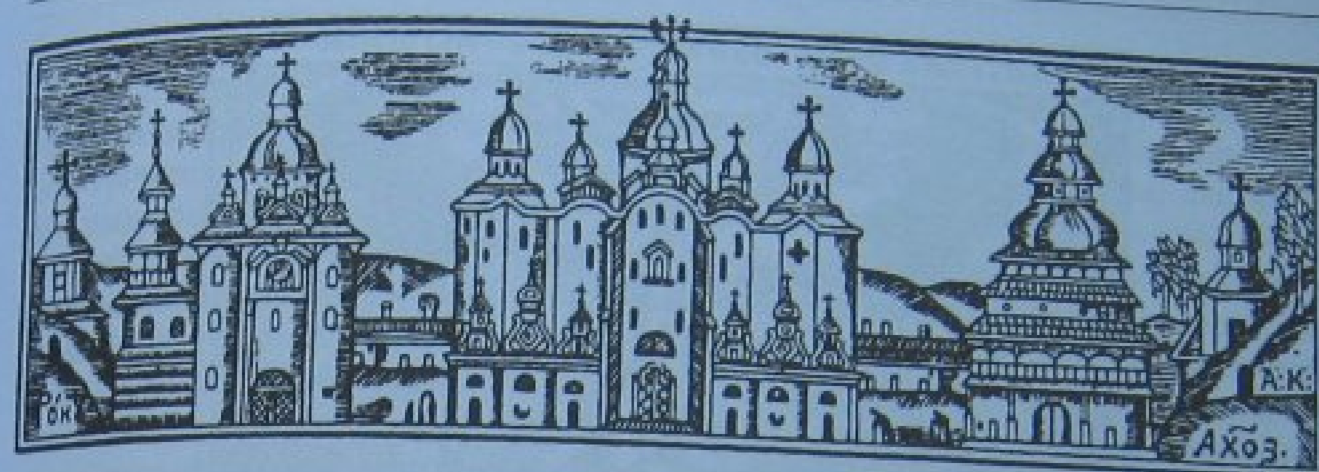
Временем последующей реконструкции Печерского собора называется 1669 г., после чего «собор стал семиглавым и перед его западным фасадом выросло шесть приделов, увенчанных небольшими фронтонами»[153], то есть перестройка осуществлялась в год строительства собора могилевского Николаевского монастыря. Изменением в облике Успенского собора явилось также возведение двух парных башен с фронтонами по сторонам от центрального поля западного фасада храма. Киевский Успенский собор после окончания реконструкции XVII в. зафиксирован на гравюрах «Акафиста» (1677 и 1693), заглавном листе «Требника» (1708), а также на одном из рисунков плана Киева И. Ушакова (1695)[154]. На всех указанных изображениях собор предстает в виде семиглавого центрического сооружения (одна из боковых глав скрыта за центральным куполом) с осевой постановкой боковых глав и двумя дополнительными башнями, увенчанными фронтонами на главном фасаде; к нему пристроен ряд одноэтажных приделов, каждый из которых завершен барочным фронтоном; на главном и боковых фасадах сохраняется абрис арочных закомар. Таким образом, иконография главного фасада перестроенного киевского Успенского со-

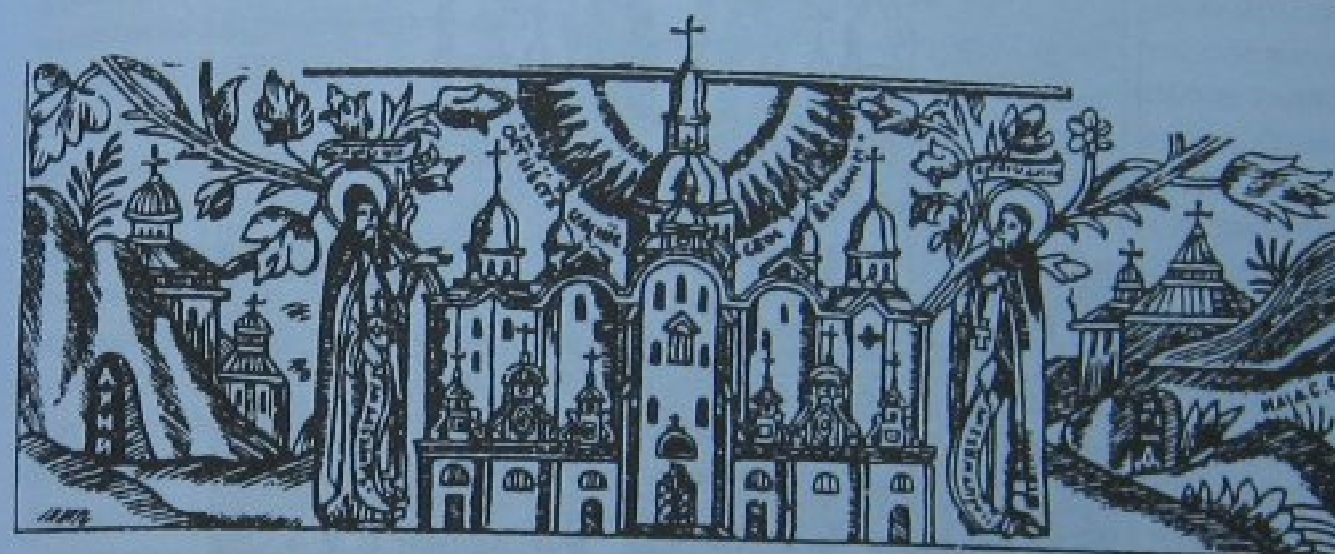

46 Эволюция форм киевского Успенского собора по изображениям в книгах типографии Киево-Печерского монастыря.
1) Беседы на деяния св. Апостолов, 1624 г.
2) Печерский патерик, 1661 г.
3) Акафисты, 1677 г.
4) Акафисты, 1693 г.
5) Требник, 1708 г.

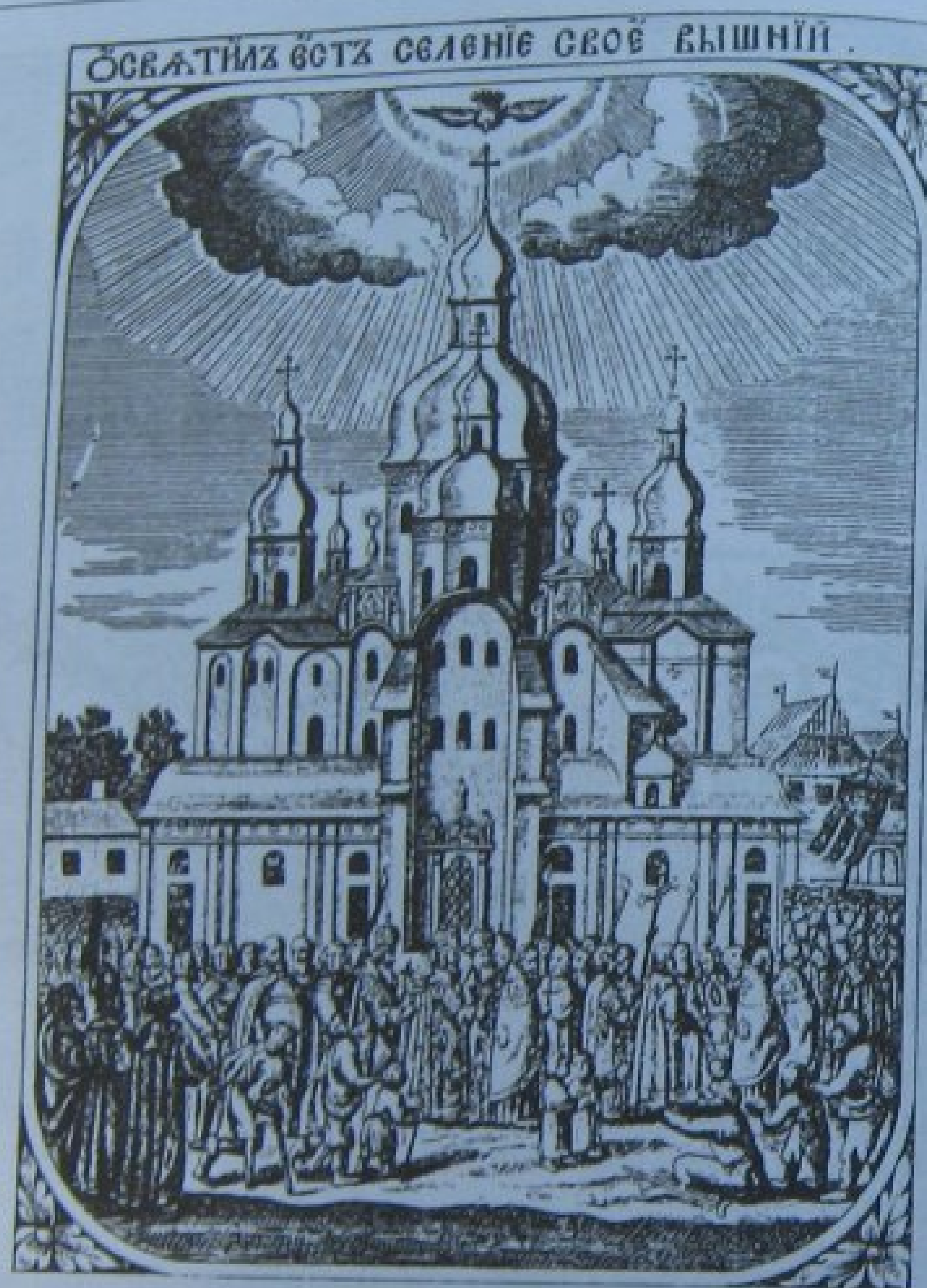

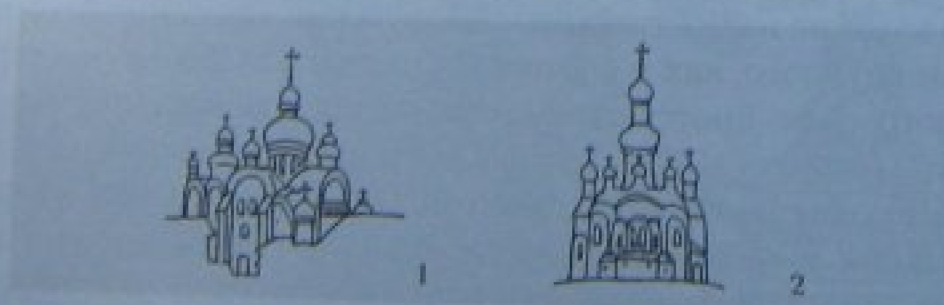

бора и каменных соборных храмов монастырей Беларуси XVII в. в целом следовала общей схеме: многоглавое центрическое завершение с осевой постановкой глав и двумя парными башнями по сторонам от центрального прясла фасада.

Среди изображений Успенского собора в изданиях типографии Киево-Печерского монастыря особое место занимают иллюстрации «Патерика» 1702 г.[155] Это издание иллюстрировал белорусский художник Леонтий Тарасевич, с именем которого, как и с именем Спиридона Соболя (мастера из могилевской типографии Братского Богоявленского монастыря, оформившего в Киеве книгу «Актоих» (1628)), связывают переход киевских иллюстрированных изданий к гравюре на меди. Леонтий Тарасевич родился в городе Глуске на Могилевщине, вместе с братом Александром (впоследствии привезшим в Киев станок для печатания гравюр) профессиональную подготовку получил в Аугсбурге, в гравировальной мастерской Килианов. В 1670—1680-е гг. художник работал в типографиях Вильно и Супрасля, где освоил новые жанры графики: «гравюра-тезис» («конклюзия»), гравюрный портрет и новые технические приемы гравюры[156].

Иллюстрации «Патерика» 1702 г., в отличие от схематичных и достаточно условных рисунков ранее названных источников, дают перспективно пост-

47 Успенский собор в Киеве из Печерского патерика 1702 г. (по книге Ф. Титова)

48 Успенский собор Киево-Печерского монастыря на рисунках XVII в.:

1) прорись с рисунка 1651 г.
2) прорись с карты И. Ушакова, 1695 г.

роенное изображение Успенского собора, на котором впервые отчетливо читаются и общая объемно-пространственная структура и архитектурные формы храма. В рисунке Л. Тарасевича, с одной стороны, показан реальный собор Печерского монастыря после реконструкции 1669 г., с другой стороны, его индивидуальные черты художником интерпретируются как образ типический, образ отвлеченного внеисторического храма. В результате построение главного фасада храма в целом полностью соответствует принципам центричности, симметрии и пирамидальности композиции. Для достижения такой правильности построения перед старинным фасадом, в отличие от существовавших в реальности множества притворов со своими барочными фронтонами, во всю ширину фасада показан сведенный под единую крышу одноэтажный симметричного рисунка притвор. Примечательно, что сложной высотной композиции завершения с разномасштабными барочными главами, башнями, придается более динамичный характер. Парные башни, фланкирующие центральную вертикаль фасада, приобретают барочный декор, украшены образами Иисуса и Богоматери, завершены шпилями и шарообразными звездами. Подчеркнуто преувеличенные по отношению к другим боковым главам размеры боковой главы на широтной оси, помещенной перед центральным куполом, еще более усиливают экспрессивный характер центрической, вертикальной динамики композиции сооружения, одновременно устремленного и вверх, по оси главного купола, и по диагоналям, по направлению к оси симметрии, серединной центральной линии его главного фасада. В композиционном построении главного фасада храма чувствуется стремление добиться концентрации движения по направлению к главной оси симметрии и одновременно по ней же вверх, по вертикали. Устройство у основания храма притворов во многом позволяет соотнести рисунок Л. Тарасевича как с храмовой святыней Киева, так и с соборными храмами Могилевской епархии XVII в.

Если рассмотреть отдельно центральный вертикальный фрагмент фасада Успенского собора на рисунке 1702 г., то перед нами предстает целостная вертикальная плоскость, завершающаяся аркой и поддерживаемая мощными контрфорсами; над нею возвышаются накладывавшиеся в проекции друг на друга две центрально расположенные главы, венчаемые по сторонам двумя парными башнями. Этот фрагмент, как абстрактная форма, может восприниматься определенной аналогией разработки темы западного, вертикального, центрального фрагмента фасада Богоявленского собора в Могилеве. Горизонтальная форма пристроенных у основания храма приделов ассоциируется с линией окружавших деревянные соборные храмы галерей. О выявлении в стереометрическом объеме крестовой структуры и осевой постановке глав в киевских и белорусских соборных храмах уже говорилось ранее.

В определенном смысле рисунок 1702 г. обобщает характерные черты архитектуры соборных храмов киевской митрополии XVII в. Особенности художественного языка и отмеченное ранее стремление, обобщая строитель-

ный опыт Киева и Могилевской епархии, в рисунке собора создать некий собирательный образ храма, внесли существенный элемент новизны в изобразительный ряд очередного переиздания книги. По мнению историков, новое издание «Патерика» 1702 г. предназначалось для поднесения Петру I.

В 1688 г. Киево-Печерский монастырь получил наименование лавры. После пожара 1718 г. последовала очередная и последняя реконструкция его Успенского собора. По проекту архитектора Ф.Васильева и под руководством мастера И. Каландина собор восстанавливался в 1722—1729 гг. Все пристроенные к храму приделы и часовни были надстроены до основной высоты сооружения, а все фасады, за исключенини восточного, разделены декоративным карнизом на два яруса. В 1767—1769 гг. при участии мастеров С.Ковнира и Ю. Белинского стены собора были увенчаны барочными фронтонами, с резьбой по свежей штукатурке. В такой технике были выполнены также обрамления оконных проемов и порталов, а фриз по периметру сооружения украсили круглые поливные керамические розетки. С особой пышностью была выполнена лепка на трех древних апсидах в виде переплетающихся виноградной лозы, цветов барвинка, подсолнуха, роз. В соборе помещалось надгробие кн. К.И. Острожского.

Результаты окончательной реконструкции собора Киево-Печерского монастыря фиксирует рисунок Успенского собора «Патерика» 1791 г.[157] Изображение в книге фасада храма, служащее иллюстрацией сюжета освящения святыни, в основе свой копирует рисунок Патерика предыдущего издания, повторяя его в несколько упрощенной графической манере. Иконография изображения неба и сцены явления Святого Духа в виде голубя, сюжет и персонажи стаффажа, заполнившего пространство перед собором, полностью дублируют рисунок 1702 г. Однако в иконографии фасада храма появляются значительные и весьма существенные изменения, отражающие последствия реконструкции 1720-х гг. Исчезает какое бы то ни было напоминание о пластике стен древнего собора. Стеновые поверхности приобретают упрощенный и уплощенный вид. Построение фасада трехчастное и совершенно симметричное: к центральному порталу примыкают боковые крылья, плоские стены которых равномерно расчленены карнизом на два этажа и пилястрами на три вертикальные части. Фасадные плоскости обоих крыльев храма завершаются фигурными барочными щитообразными фронтонами, у основания и над своими вершинами украшенными башенками-фиалами со звездами. Венчает собор семь глав (на фасаде видны только шесть из них), причем боковые главы над рукавами крестового остова храма одинаковы как по рисунку, так и по размерам; а две другие, более удаленные от зрителя главы, даны в сокращении. По простоте и ясности композиции, условности архитектуры изображаемого храма этот рисунок вполне мог служить моделью внешнего облика храмовой киевской святыни (есть основания полагать, что рисунок фасада киевского Успенского собора использовался в качестве образца при проектировании фасада Успенского собора Псково-Печерского монастыря). Успен-

ский собор киевского Печерского монастыря в древнерусской и позднее в западнорусской традиции являл собой идеальный прообраз соборного храма православного монастыря, знак образа, повторение которого означало следование правилам церковного искусства православной церкви и древнерусской церковной традиции.

Одновременно с характерным типом каменного соборного монастырского храма в 1630—1660-е гг. был выработан единообразный тип деревянного соборного храма православного монастыря. Первым примером его, как уже было сказано выше, стал Богоявленский собор Кутеинского монастыря. Эта типо-

49 Успенский собор в Киеве из Печерского патерика 1792 г.

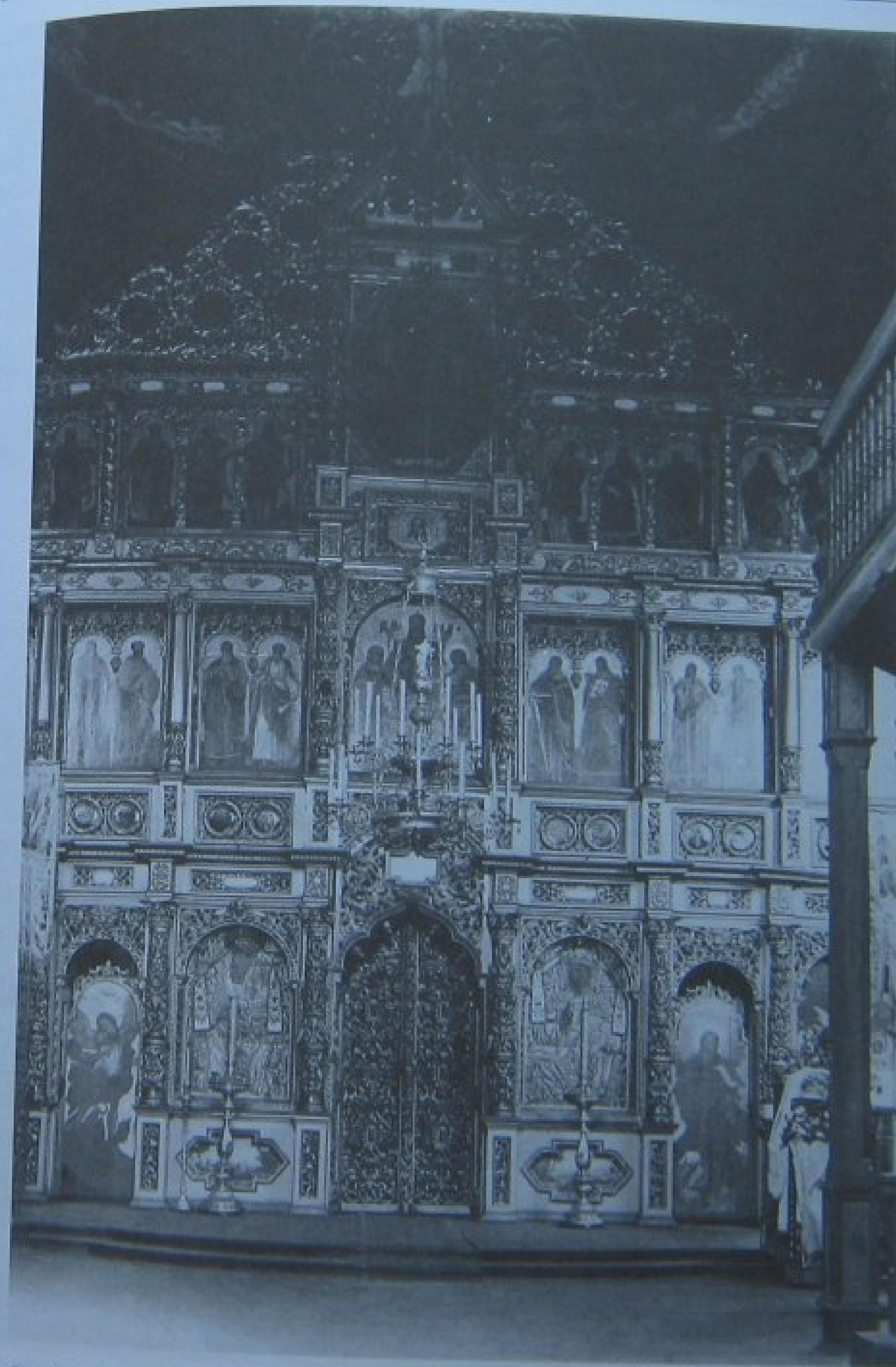
логическая линия храмостроения была поддержана в процессе последующего монастырского строительства Могилевской епархии.

Витебский Троицкий Марков мужской монастырь, находившийся в двух верстах от города, на левом берегу Двины, согласно преданиям, был основан в глубокой древности и в XVII в. воссоздавался заново. Его ктиторы — Лев Самуил Богданович Огинский и его жена София, а также Себастиан Мирский — в 1633 г. построили деревянные церковь и монастырские кельи. Петр Могила по просьбе основателей монастыря прислал игумена Елисея с братией, которым и были переданы пожертвованные имения с условием избирать себе игумена «из своей среды сообща с основателями монастыря», сохраняя «религию нашу старожитную греческую»[158].

После уничтожившего все постройки монастыря пожара 1690 г. сын ктитора, перешедший к тому времени в католичество, Симеон Карл Богданович Огинский распорядился возвести новые кельи и деревянный соборный холодный храм св. Троицы, освященный в 1691 г. (перестраивался в 1861 г.). В ограде монастыря находился двухпрестольный храм Покрова Богородицы с придельным правым престолом в честь апостола Марка. Церковь была выстроена в форме восьмерика на четверике.

50 Троицкий собор Маркова монастыря (1633, 1691), рис. Д. Струкова

51 Иконостас Троицкого собора Маркова монастыря, фото начала XX в.

52 Росписи свода Троицкого собора Маркова монастыря, фото начала XX в.

Троицкий собор воспроизводил характерную для главных монастырских храмов того времени крестовую планировочную и объемно-пространственную структуру. Отличительной чертой его, однако, было несвойственное крестообразным пятиглавым соборам Беларуси шатровое завершение центрального пространства средокрестия и четырех ветвей крестообразного остова храма. Троицкая церковь по периметру окружалась открытой галереей на фигурных столбах, над входом в которую была устроена крытая паперть с колокольней наверху и открытыми боковыми крыльцами. Стены и своды полностью были покрыты росписями на библейские сюжеты и сцены из жития святых[159].

Помимо основного обнесенного оградой замкнутого комплекса, монастырю принадлежали два другие располагавшиеся на значительном расстоянии и принадлежавшие ему храмовые комплексы. Один — расположенная на расстоянии 1,5 версты, в монастырской усадьбе, Параскевиевская церковь. Другой — храм Николая «на кладбище», выстроенный за оградой монастыря[160]. Николаевская церковь располагалась на пути из Витебска в Марков монастырь, и последний отрезок пути между ними был оформлен огороженным с обеих сторон, мощеным переходом. Такое усложненное построение церемонии входа в монастырь, возможно, соотносится с примером черниговского Троице-Ильинского монастыря, в котором древняя пещерная Ильинская церковь соединялась специально оформленным и протяженным переходом с возводившимся в XVII—XVIII вв. на соседнем возвышенном над Днепром плато комплексом Троицкого монастыря. Такие переходы, объединяющие

53 Троицкий Марков монастырь возле Витебска, рис. Д. Струкова

между собой отстоящие на значительном расстоянии друг от друга монастыри или составляющие одного монастыря, были нередким явлением в архитектуре Украины.

Согласно сохранившимся иллюстративным материалам Марков монастырь по периметру был обнесен деревянной оградой. Собор занимал центральное положение в системе монастырского двора. Пятиглавое завершение собора, вертикали глав других храмов монастыря, а также шатровые верхи колокольни и башен в ограде обители в панораме составляют образ, характерный для изображения обнесенного стеной древнерусского города.

О монастырях Витебска некоторое представление дает изображение Алексеевского монастыря на карте города XVII в., перестроенного из иезуитского монастыря, после перехода Полоцка во время русско-польской войны в руки русского царя Алексея Михайловича. Монастырь располагался на низких участках, образуемых при слиянии ручья и речки Витьбы. Монастырь имел концентрическую замкнутую композицию. В плане комплекс составлял иррегулярную форму — прямая линия стены оформляла только западную, расположенную вдоль линии улицы границу участка, в остальном контурам плана была придана овальная форма. Все строения были деревянными. Посреди монастырского двора стоял единственный храм, представлявший собой скомпонованные вдоль оси запад-восток прирубы объемов трехъярусной колокольни-притвора, собственно храма с двумя ярусами окон и алтарной части с граненой апсидой, а также двумя симметричными боковыми приделами, одинаковой высоты с основным объемом церкви. Храм венчали пять глав — над условным местом средокрестия, над колокольней, апсидой и над приделами. Святые ворота располагались в центре западной стены и по оси храма, палатка входа в монастырь была увенчана четырехконтовым бочкообразным покрытием с крестом. С южной стороны от входа к монастырской ограде примыкала колокольня с шатровым верхом. Малочисленные монастырские корпуса были сосредоточены главным образом у западной стены и в линии северной границы двора и только лишь пунктирно заполняли северо-западные границы комплекса. В архитектурно-планировочной организации витебского Алексеевского монастыря можно отметить отчетливую артикуляцию продольной оси запад-восток, создающей симметричную основу ядра, обозначенного постановкой храма и святых ворот; смещение соборного храма как центра композиции ансамбля ко входу, западным монастырским воротам.

Буйнический Свято-Духовский ставропигиальный мужской (с 1835 г. женский) монастырь находился в юго-западном пригороде Могилева, на правом берегу Днепра. Он был основан в 1633 г. на пожалования Стеткевича. Строился при активном участии игумена Кутеинского монастыря Иоиля Труцевича и по замыслу создателей должен был стать своего рода вторым отделением знаменитого оршанского монастыря. По уставу Иерусалимского и других святых обителей иноки обязывались «отправлять службу Богу

за ктиторов и потомство их Бога молить, как и в случае желания, школу и типографию при нем деревом и камнем расширять и всякое имущество монастырское прибавлять»[161]. Монастырь в 1798 г. был приписан к могилевскому братскому Богоявленскому.

Первоначально была построена деревянная соборная Свято-Духовская церковь. В конце XVII в. была сооружена вторая, деревянная церковь во имя Успения Богоматери. Возможно, это был теплый храм с трапезной.

В 1652 г. на смену деревянной Свято-Духовской начали строить большую каменную церковь. Храм имел три престола — главный в честь Святого Духа, придельные Иоанна Предтечи и Успения Богородицы. Каменный собор Святого Духа строился в два этапа: в конце XVII в. возвели стены, а во второй половине XVIII в. перекрыли его каменными сводами. Приделы существовали уже в XVIII в. При Григории Конисском алтарь Успенского придела напоминал сожженную шведами в 1708 г. деревянную церковь Успения того же монастыря. Храм обновлялся в 1810 г. на средства Яншина. В результате ремонтных работ 1862 г. церковь была оштукатурена, в 1897—1898 гг. был вызолочен иконостас, расписаны стены храма, устроено калориферное отопление. В художественных работах под руководством мастеров принимали участие монахини.

Ядро монастырского комплекса составлял обнесенный деревянной оградой небольшой по размерам прямоугольный двор. В его центральной части помещалась главная церковь Святого Духа и, сменившая Успенскую, церковь Николая Чудотворца, которая впервые упоминается в 1718 г. Позднее к Николаевскому храму пристроили деревянный флигель с шестью комнатами и трапезной.

По данным 1835 г. при въезде в монастырь стояла деревянная колокольня. Невдалеке от обители, при подъезде к ней стояла деревянная часовня, в 1848 г. замененная на новую. Кельи и другие строения, монастырская ограда были деревянными, причем ограда окружала монастырь не по всему периметру. После строительных работ 1899 г. поставили каменную трапезную с подвальным этажом и мезонином, монастырь обнесли каменной оградой, устроили амбар для хлеба и конюшни. За оградой располагались дом священника и хутор. Во второй половине XIX в. при монастыре действовали школа и училище для девочек, свечной завод[162].

В 1635 г. в имении Прилуки, расположенном в 16 верстах от Минска, на реке Птичь был основан Троицкий мужской монастырь. Инициатором и ктитором его стала подкоможина браславская, княгиня Анна Огинская (урожденная Стеткевич), получившая разрешение игумена минского Петропавловского монастыря и добившаяся от Петра Могилы назначения во вновь образованную обитель Иосифа Груковича с братией. Для содержания монастыря она пожаловала село Стукотичи и 5 тыс. коп грошей.

Храм монастыря стал местом погребения представителей многих знатных фамилий: князей Заславских, Горских, Вишневецких, Стеткевичей,

в том числе ктиторши монастыря[163]. В 1740 г. минский староста Иосиф Ивановский разогнал православных монахов, насильно завладел монастырем и его имением Стукотичи, что послужило началом упразднения монастыря[164]. По другим источникам, в 1735 г. он был переведен в унию.

Барколабовский женский Воскресенский монастырь находился на берегу Днепра, в 12 верстах от города Старого Быхова. По жалованной грамоте Богдана Стеткевича 24 июня 1641 г. во владение монастырю передавались «замок, имение Баркола со всеми до него принадлежностями... остров урочище, названное Барок в повете Оршанском...». «Я Богдан Вильгельмович, подкоморий Мстиславский... от милой к Бозу зошлой малжонки моее пани Елены Богдановны княжны Соломерецкой дарованым вечистым неотзовным правом записаное... записую на общежитильный девичий монастырь... то есть на монастырь инокинь черниц, который на том острове Борку за помочью Божиею забудованы быти мает. Также дозволяю и верую сим местом моим тому монастырови вольное рыбы ловенье в реце Днепру, почавши от монастыря, вказ аж до границы Быховской. Который то монастырь на острове Борку поручаю... господину отцу Иоилию Труцевичу, игумену Кутеинского монастыря... Иоил волен и моден будет монастырь на острове Борок заложиты, и в нем церкови и кельи и что потреба будет, муром и деревом будовати...»[165] Условием ктитора ставилось соблюдение чина «иноческого общежития по примеру Кутеинской пребывала навсегда в Православии»[166]. Монахинь было велено взять из Кутеинского монастыря. Грамота давалась игумену Иоилию Труцевичу и игумении оршанского Кутеинского женского монастыря Фотинье Киркоровне.

Деревянная церковь Вознесения была построена в 1648 г. и освящена в 1649 г. В 1679 г. под руководством киевского митрополита в Рождественском алтаре храма были положены мощи св. муч. Сергия и Вакха. В 1885 г. церковь была уничтожена случившимся от грозы пожаром. В конце XIX в. на месте сгоревшей была построена новая холодная деревянная церковь. Надпись на ее стене указывала об основании храма в 1648 г., «при державе Владислава IV, коштом Федора Богдановича Стеткевича и его сына Михаила Стеткевича».

Вторая церковь монастыря, во имя Иоанна Предтечи с приделом св. Николая была построена одновременно с Вознесенской[167].

Тупичевский мужской Успенский монастырь находился в северо-восточном пригороде Мстиславля, называемом урочище Тупичевщина, на месте где произошло явление иконы Богоматери. Праздником явления Тупичевской иконы почитался день 15 сентября, праздник Успения Пресвятой Богородицы. Впоследствии на Пасху, праздники Сошествия Святого Духа и Успения были установлены крестные ходы с иконой в древний Николаевский Замковый монастырь и Мазоловский монастырь в 10 верстах от города, в начале XVIII в. из-за притеснений со стороны католиков сведенные только к крестному ходу внутри монастыря и возобновленные в 1847 г.[168]

Владевший землей урочища и признавший чудесное явление мстиславский помещик Константин Ипатьевич Москевич заложил в 1641 г. на месте явления бесприходную церковь Сошествия Святого Духа. Кроме того, Москевич пожаловал храму две уволоки земли в урочище Тупичевщина, с целью основания при храме монастыря, и завещал жене Анне (урожденной Белицковне) и сыновьям Филимону, Самуилу и Мартину выполнить завещание по строительству монастыря. С момента основания для сохранения православия монастырь подчинялся игумену оршанского Кутеинского монастыря Иоилию Труцевичу, находившемуся под послушенством патриарха Константинопольского.

54 Местночтимая икона Божией Матери мстиславского Тупичевского монастыря

По написанному патриархом Никоном житии Труцевича известно, что ему поручались также и другие вновь основанные в это время православные обители — Буйничский и Барколабовский. В 1654 г. Труцевич вынужден был эмигрировать в Россию и под покровительством царя Алексея Михайловича по ходатайству Никона он был переведен в Иверский монастырь, по дороге в который, в Болдине, Труцевич скончался.

55 Тупичевский Успенский монастырь возле Мстиславля, рис. конца XIX в. (ГИМ)

Во главе «протекторов, опекунов и оборонцев» монастыря был назначен подкоморий мстиславский Богдан Вильгельмович Стеткевич, незадолго до того основавший Кутеинские Богоявленский (1623) и Успенский (1631) монастыри, а также монастыри Буйнический (1633) и Барколабовский (1641). Стеткевич предоставил Тупичевскому монастырю пожалование — принадлежавший ему пляц с домом и огородом (12 октября 1641 г.). В ответ на свой фундуш он получил разрешение от короля Владислава IV в Варшаве, в котором было записано фундатору право построить на пожалованном участке деревянную или каменную церковь, основать школы «наук русских, польских и латинских», построить для убогих госпиталь, в случае достатка — прикупить земли для кладбища; все монастырское имущество освобождалось от городской повинности. Монастырь подвергался нападениям и попыткам разграбления имущества со стороны иезуитов[169].

5 сентября 1708 г. Тупичевский монастырь посетил и присутствовал в его соборе на богослужении Петр I, оставивший обители охранную грамоту и пожалование в 300 р.[170]

Свято-Духовский храм строился Стеткевичем по проекту, типологически близкому ранее построенным под его попечительством соборным церквам других православных монастырей — крестообразный пятиглавый центрический деревянный собор с обходной галереей. В самом Мстиславле была построена православная школа, при которой возвели училищную братскую Успенскую церковь, остававшуюся в подчинении монастырю[171]. Церковь Святого Духа была освящена епископом Мстиславским, Оршанским и Могилевским Сильвестром Коссовым 1 октября 1645 г.

Собор — холодная церковь, деревянная на каменном фундаменте, размером примерно 24,1×23,4 м, завершалась куполом и расположенными по осям четырьмя боковыми главами. Купол, опирающийся на прорезанный окнами высокий восьмигранный барабан, завершался световым фонарем и помещенной на нем главой. По сравнению с собором Кутеинского мужского монастыря он имел значительно больший пролет. На уровне подклета к храму была пристроена окружавшая его по периметру крытая галерея. По линии гульбища стены собора были расписаны картинами главным образом военной истории Мстиславля.

Живописью были полностью покрыты внутренние стены и своды храма. Всего в церкви помещалось более 70 живописных композиций на библейские сюжеты, а также сюжеты апокрифичной литературы. В верхнем регистре барабана купола находился цикл росписей «Семь чинов ангельских», под ними показаны пустынники и юродивые, еще ниже — лики мучеников, апостолов и пророков; следующая композиция — «лики царей и цариц», далее показаны лики инокинь и преподобных отцов. В нижнем ярусе изображены евангелисты. Евангельские сцены богородичного и христологического циклов размещались по периметру стен храма, здесь получил свое иллюстративное отражение Акафист Богородицы. Сцены жизни Христа занимали ал-

тарь и южную стену храма, жития Богородицы — северную стену. Большое внимание уделялось сюжетам Страстного цикла, которые помещались на западной стене. В притворе были размещены сцены мучений раннехристианских святых[172].

Балконы и сени были уничтожены при перестройке 1877–1880 гг., тогда же храм был обшит тесом и покрашен масляной краской. Храм имел два престола — главный Сошествия Святого Духа и правый боковой, во имя Великомученика Георгия. Предалтарный иконостас резной, вызолоченный, пятиярусный. Чудотворная икона помещалась в нижнем ярусе, слева от Царских врат. В задней части храма были устроены хоры. Храм находился в центре обширного по площади монастырского двора.

Теплый деревянный на каменном фундаменте храм Введения во храм Пресвятой Богородицы построен в 1771 г., размером примерно 12,1×6,4 м. Позднее церковь была существенно перестроена. К храму примыкали настоятельские кельи.

Третья церковь монастыря посвящалась Святителю Николаю и была построена до XVIII в. Она помещалась в верхнем ярусе колокольни. Храм упразднен в 1839 г., после чего его иконостас был разобран, перенесен и установлен в теплой церкви Пустынского Успенского монастыря под Мстиславлем[173].

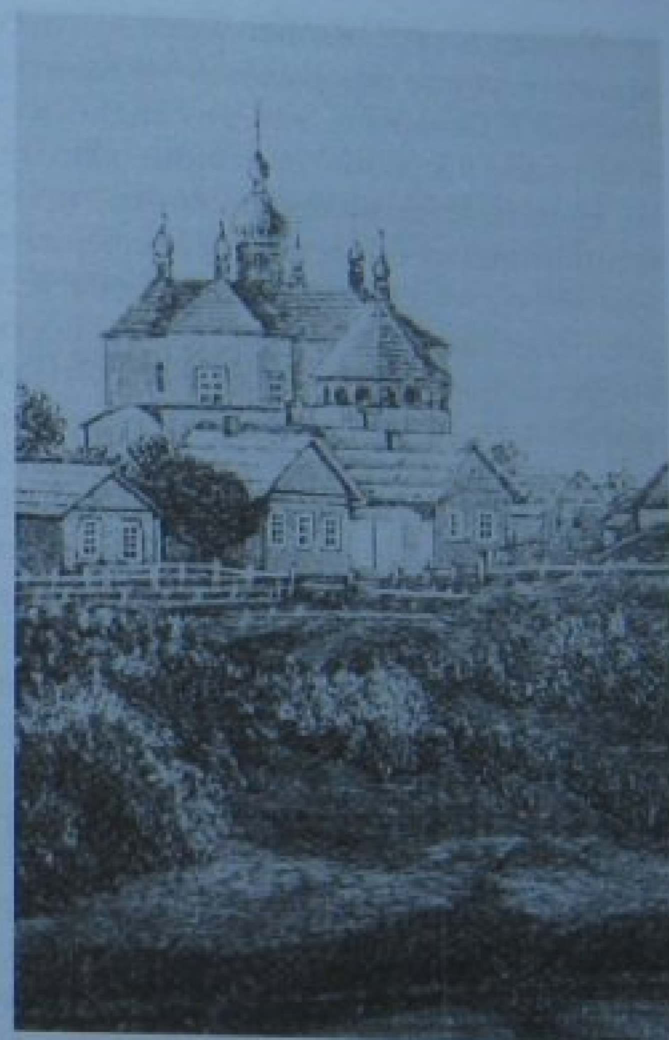
Соборный и два другие храма располагались рядом, составляли живописную группу высотных сооружений в центре обширного по площади монастырского двора. Все строения монастыря, включая настоятельские и братские кельи, были деревянными. Монастырь обнесен деревянной оградой, длиной 958,5 м. Под строениями монастыря и садами находилось 3916,5 кв.м, под сенокосами 45 378 кв.м, под кладбищем, рощами, рвами, зарослями, завалами и под рекой 25 203,5 кв.м земли[174].

Начиная с 1842 г. монастырь оставался приписным: к городскому Николаевскому (до 1877), Белыническому (до 1886), затем к Мазоловскому монастырям и преобразован в женский.

Собор был уничтожен пожаром, после чего его наиболее ценная утварь была увезена в Белынический монастырь (1877). Выстроенный на его месте новый каменный соборный храм, в формах неовизантийского стиля, был освящен в 1895 г. В 1887 г. на хуторе, вне ограды, выстроен монастырский деревянный дом, разделенный на две половины: в одной помещалась квартира священника, в другой — церковно-приходская школа для приходящих девочек. Монастырь владел двумя мельницами в деревнях Бугодоще и Михайловске[175].

Созданию сети новых монастырей в Могилевской епархии иерархами церкви придавалось особое значение: «Митрополит Киевский Петр Могила дал многим монастырям Беларуси, при самом основании их, право исключительной подсудности митрополиту Киевскому, с изъятием их из ведения епархиальных епископов (эти права впоследствии были подтверждены. — *И.С.*)... грамотой Местоблюстителя Русского Патриаршего Престола Стефана

Яворского от 1710 г., в которой он не только, наряду с другими монастырями, подтверждает право Тупичевского монастыря на ставропигиальность киевского митрополита, но и ссылается на бывшие у него для этого грамоты и фундуши. И действительно, митрополиты Киевские стояли в отношении Тупичевского монастыря как к своей ставропигии. Называя его в своих грамотах «принадлежащим Киевской епархии, они сами рукополагали сюда игуменов, иеромонахов и иеродиаконов, благословляли делать соборы и т. д. и только иногда поручали дело рукоположения епископам белорусским (митрополит Арсений Могилянский в грамоте — преосвященному Георгию Конисскому 1760 г.).

56 Воскресенский женский монастырь в Дисне, рис. конца XIX в.

С присоединением Беларуси к России Тупичевский монастырь, как и все монастыри Могилевской епархии, оставлен вне степеней, сравнительно с другими монастырями и... поступил в ведение епархиальной власти»176. Приведенный документ еще раз подтверждает особые связи белорусских монастырей XVII в. с Киевом.

К выстроенным под управлением П. Могилы, С. Коссова и И. Труцевича монастырям и их единым по типологии соборным храмам примыкает дисненский Воскресенский монастырь. Он находился в центре селения, расположенного на Двине и до XVI в. служившего вотчинным владением полоцких епископов. После упомянутого разделения имущества между униатами и православными монастырь, очевидно, сохранялся за белорусским могилевским епископом и, следовательно, отстраивался под непосредственным вниманием епископа С. Коссова. В монастыре находились две церкви — древняя Николаевская и большая Воскресенская. Деревянная Воскресенская церковь дисненского монастыря принадлежала к единому для монастырских соборов XVII в. типу крестового пятикупольного храма. В ней помещались три придела: Воскресения Христова, Святителя Николая и Анны Пророчицы. Иконостас главного престола имел семь ярусов, по рисунку, расположению икон и живописи он представлял собой точную копию иконостаса Успенского собора Киево-Печерской лавры. Каждый из иконостасов боковых приделов имел по пять ярусов[177].

Русскими исследователями XIX в. совершенно необычным воспринималось архитектурное оформление нижнего яруса этого собора, широко распространенное в Беларуси, как это видно из предыдущих примеров. В приведенном в журнале «Зодчий» описании обходной галереи дисненского собора высказана несколько наивная, но вполне простительная для исследователей того времени попытка объяснить назначение пристроек гульбища исходя из содержания литургического богослужения: «...темные с небольшим просветом коридоры, отделенные от самой церкви глухими стенами, в которых имеются узкие прорезанные решетчатые окна. Эти коридоры имеют свое историческое значение: в них присутствовали «оглашенные», то есть изъявившие желание принять святое крещение, но пока еще готовившиеся к принятию этого таинства, а потому, по первому возгласу диакона: «оглашенные изыдите», — они выходили из церкви в эти коридоры и в них служили дальнейшее богослужение»[178].

Вместе с храмами в центре монастырского двора, к юго-западу от собора располагалась отдельно стоящая колокольня. На многогранном высоком с глухими стенами основании возвышался второй ярус с арочными проемами, покрытый шатровой многогранной крышей и увенчанный барабаном и вытянутой над ним главой.

Два монастыря при древней Воскресенской церкви впоследствии сложились в принадлежавшем Синявским владельческом городе Старый Шклов, Могилевской епархии. Воскресенские монастыри располагались в самом укрепленном городе, на берегу Днепра. В 1661 г. здесь было основано православное братство, братчики которого построили на месте ранее существовавшей новую каменную церковь: «Филимоном Дегтяревичем, войтом, Станиславом Москевичем, Габриелем Королькевичем... сами от себя и именем целого братства». В 1747 г. на пожалования Адама Николая Синявского Воскресенская церковь отстраивалась заново[179].

Храм имел форму разностороннего креста, размером около 29,8×17,0 м. Соборная церковь Воскресения Христова имела два придела — Гурия и Почаевской Божией Матери. В храме находилась чудотворная икона Божией Матери «Утоли моя печали»[180].

При братской церкви прежде был основан Воскресенский женский, а в 1782 г. Воскресенский мужской монастыри[181]. Монастыри упразднены в 1847 г.[182]

Таким образом, в течение 1630–1660-х гг. на территории Беларуси были построены около 20 монастырей и возведены по крайней мере три каменных и четыре деревянных монастырских собора, в которых проведен совершенно новый по отношению к прошлому периоду принцип архитектурной организации храма[183].

Нельзя не упомянуть о таком ярком явлении православной архитектуры и церковного искусства Беларуси, как иконостас. Одновременно с поисками идентичности архитектуры соборного храма православного монастыря существенным образом изменилась архитектоническая система высокого иконостаса, ставшего важным элементом внутреннего убранства белорусских и украинских православных храмов еще в XV–XVI вв.

На раннем этапе в украинском и белорусском иконостасе доминировала главным образом живопись, живописным было также решение царских врат, в верхней центральной части помещалась икона «Распятие» или группа «Распятие с предстоящими», вырезанная на досках. В композиции тяблового белорусского иконостаса выделялся и подчеркивался крестовый стержень, образованный доминирующим апостольским чином по горизонтали и относительно более крупными по размерам и несколько приподнятыми над рядами образа Спасителя и икон с сюжетами евангельских событий по вертикали. В завершающем ряду образы пророков размещались на резных по контуру досках. Общими чертами для Беларуси и Украины являлся характерный коронообразный пирамидальный силуэт иконостасного комплекса, состоявшего чаще всего из четырех ярусов.

В середине XVII в. белорусский и украинский иконостас получил новую художественную интерпретацию, тесно связанную с ренессансной и барочной орнаментикой и архитектурой. На этом этапе он представлял собой пяти- или семиярусное сооружение с пространственной многоплановой архитектурой и развернутой пластической композицией, в центре которого по-прежнему выявлялся крестовый стержень. Широкое использование получают ярусные ордерные композиции. Особенностью иконостасов являлось введение дополнительного ряда «Страстей Христовых», сюжета, получившего впоследствии самое широкое распространение в религиозной живописи Беларуси и Украины. С Львовским православным братством связано создание таких известных памятников, как иконостасы в с. Большие Грибовичи (1638, мастер Петрахнович), Успенской церкви во Львове (1638), церкви Святого Духа в Рогатине (1644).

Иконостасные иконные комплексы были дополнены рядом изображений пророков, в то же время в живописных сюжетах иконостасов, в отличие от алтарей католических храмов, отсутствовали сюжеты, связанные с донаторами. Иконные комплексы органично соединялись с пышно развитой декоративной резьбой и вместе с архитектурой выступали главными компонентами синтеза искусств православного храма. Высокий иконостас подчеркивал вертикальную динамику центрального пространства церковного сооружения. В результате особенно убедительным становился контраст между внешним и внутренним обликом храма: между монохромным решением фасадов и полихромными образами иконостаса, стеновых росписей внутренних стен и сводов храма; между отсутствием ордерной барочной пластики фасадов и пышной резьбой иконостаса, отдельно стоящих киотов.

Сохранившиеся пятиярусные иконостасы белорусских мастеров выделяются значительными размерами, вертикальной динамикой и масштабностью композиции: иконостасы Николаевской церкви в Могилеве (1669)

57 Иконостас северного придела Николаевского собора в Могилеве, фото начала XX в.

58 Иконостас южного придела Николаевского собора в Могилеве, фото начала XX в.

(цв. ил. VI), Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве (1683–1685, мастера Клим Михайлов, Дорофей Золотарев). Украшавшая высокий иконостас деревянная скульптура и пышная объемная позолоченная резьба в Москве получила название «белорусская», иначе «флемская», резь

Время появления ордерного резного иконостаса документально не установлено. Вероятно, становление его происходило одновременно с возведением нового типа православных соборов в Вильно и Могилеве, т.е. в 1620–1630-е гг. Косвенным подтверждением тому служит появление в эти же годы двух близких по композиции, художественному и техническому исполнению произведений в католическом искусстве Польши. Это — главный алтарь в костеле св. Катажины монастыря августинцев в Кракове (1674, по другим данным 1634) и алтарь костела аббатства цистерцианцев (позднее кафедрального) в Пельплине (1623–1640, фундатор Леонард Рембарский II). Названные памятники польские ученые считают исключительным явлением, аналогов которому нет ни в предыдущем, ни в последующем искусстве алтарных композиций Польши[184]. Композиции указанных алтарей по существу ренессансные, резьба не сквозная, а накладная, отдельные мотивы и формы имеют сходство с распространенными в белорусской деревянной пластике. Основным различием между приведенными католическими алтарями и известными иконостасными комплексами является безусловное следование различным канонам иконографической программы, определявшей состав, размеры и общую композицию комплекса. Самым высоким уровнем мастерства архитектора и художника в Польше считалось умение проектировать, строить, украшать алтарь и главный фасад храма. Нет сомнения, что белорусские мастера в полной мере владели искусством сложных барочных композиций, так мастерски проявившемся при создании иконостасных комплексов. Однако искусство это, скорее в силу разработанной архиереями православной западно-русской церкви определенной идейно-художественной программы, не находило применения в образах архитектуры экстерьера соборного храма, его внешнем оформлении. В полную силу наработанное белорусскими мастерами искусство пышных барочных декоративных ордерных композиций проявилось в других условиях, после миграции их в Россию и последовавшим затем участием в процессе строительства московских храмов.

Освоение «барочной», а на самом деле, ренессансной орнаментики в православном искусстве XVII в. проявилось также в мастерстве изготовления изразцов, основными центрами производства которых были города восточной части Беларуси, входившие в состав Могилевской епархии, Шклов, Копысь, Мстиславль, Могилев. Работавшие в Москве белорусские мастера Иван Максимов, Степан Иванов (Полубес) и др. возродили древнюю традицию украшения фасадов храмов керамическими рельефными плитами. Прием использования в декорации фасадов поливной керамики происходит от традиционной немецкой архитектуры, элементы которой, очевидно, были привнесены и адаптированы на белорусской почве посредством строитель-

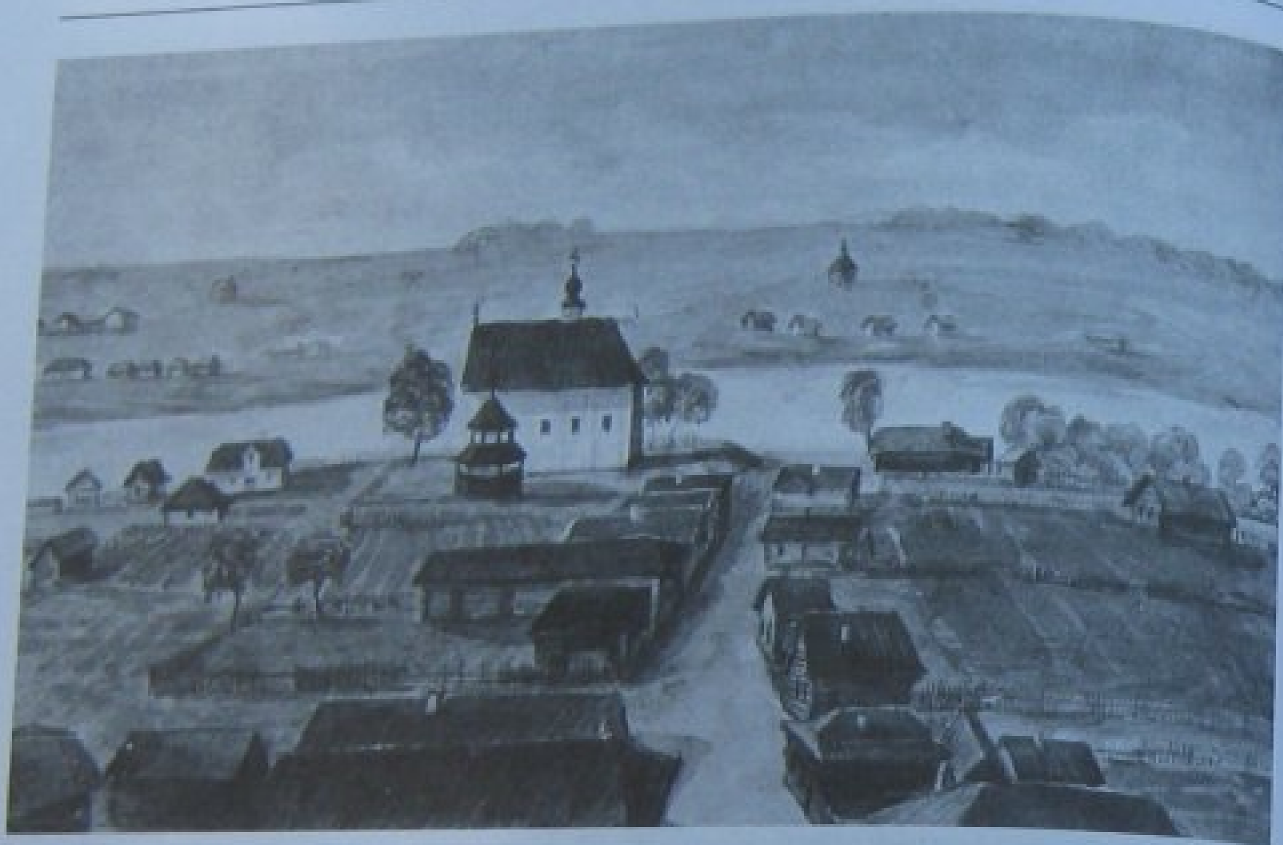
ной деятельности монахов доминиканцев. Выложенные при помощи изразцовых плит крестообразные узоры и орнаменты встречаются в белорусских православных храмах XV в. (Коложская церковь), XVI в. (Сынковичи). О фигурных изразцах, украшавших фасады православных храмов, известно по церкви в Кодне. Этот прием не получил развития в белорусском православном зодчестве XVII в., возможно, в связи с запретом на строительство храмов с лицевыми кирпичными стенами, типа храма-крепости, и распространением в дальнейшем каменного строительства с штукатурной отделкой фасадов. Однако накопленные белорусскими мастерами художественные и ремесленные традиции получили применение и в значительной мере были реализованы на московской земле. Одним из новых художественных мотивов изразцов в творчестве белорусских мастеров середины XVII в. стал разработанный на основе плоскостного рисунка итальянских тканей мотив «павлинье око», который был использован в орнаментальных фризах барабана Воскресенского собора в Новом Иерусалиме на Истре (1656–1685), Покровского собора в подмосковном Измайлове (1671–1679) и др.

После завершения русско-польской войны последовала антиправославная государственная и церковная реакция, препятствовавшая православному монастырскому строительству. Тем не менее в 1660–1680-е гг. были образованы несколько новых монастырей. Часть из них, однако, вскоре была отнята униатами: в имениях Невеи (фундуш кн. Марии Радзивилл, 1660); Мазолово — мужской Успенский (фундуш Марианны Суходольской, 1665). Местоположением вновь образуемых монастырей конца XVII–XVIII вв. по преимуществу были окраинные, пограничные с Россией северные и восточные области.

После 1670 г., недалеко от Слуцка, в ведомстве слуцкого Троицкого ставропигиального монастыря, на месте чудесного явлении Богоматери был основан Петропавловский мужской монастырь в имении Старчичи[185]. В монастырский комплекс входили два деревянные храма — Рождества Богородицы и Петропавловский. В 1738 г. братские кельи были уничтожены пожаром и вновь отстроены за счет Слуцкого монастыря. В монастыре находилась местночтимая и вторая чудотворная икона Богоматери Смоленской, принесенная в дар 2 февраля 1698 г. кн. Григорием Оссолинским, которому во сне было объявлено передать находившуюся в княжеских палатах икону Старчицкому монастырю.

В 1818 г. монастырь закрыт, церковь обращена в приходскую. Храм деревянный в форме продолговатого креста, размерами около 22,1×12,8 м, обшитый тесом. Кругом храма галерея из особого бревенчатого сруба[186]. 1873 г. в двух верстах от селения была построена новая приходская Петропавловская церковь, деревянная из брусьев, на каменном фундаменте, в форме продолговатого креста, внутренняя площадь 90 кв.м.[187]

В Друе, вскоре после перехода к униатам православного монастыря Спаса-Преображения, был основан другой Благовещенский монастырь. Он находился в укрепленной части города под наименованием «Сапежин», при впадении речки Друйки в Двину. Разрешение на строительство храма

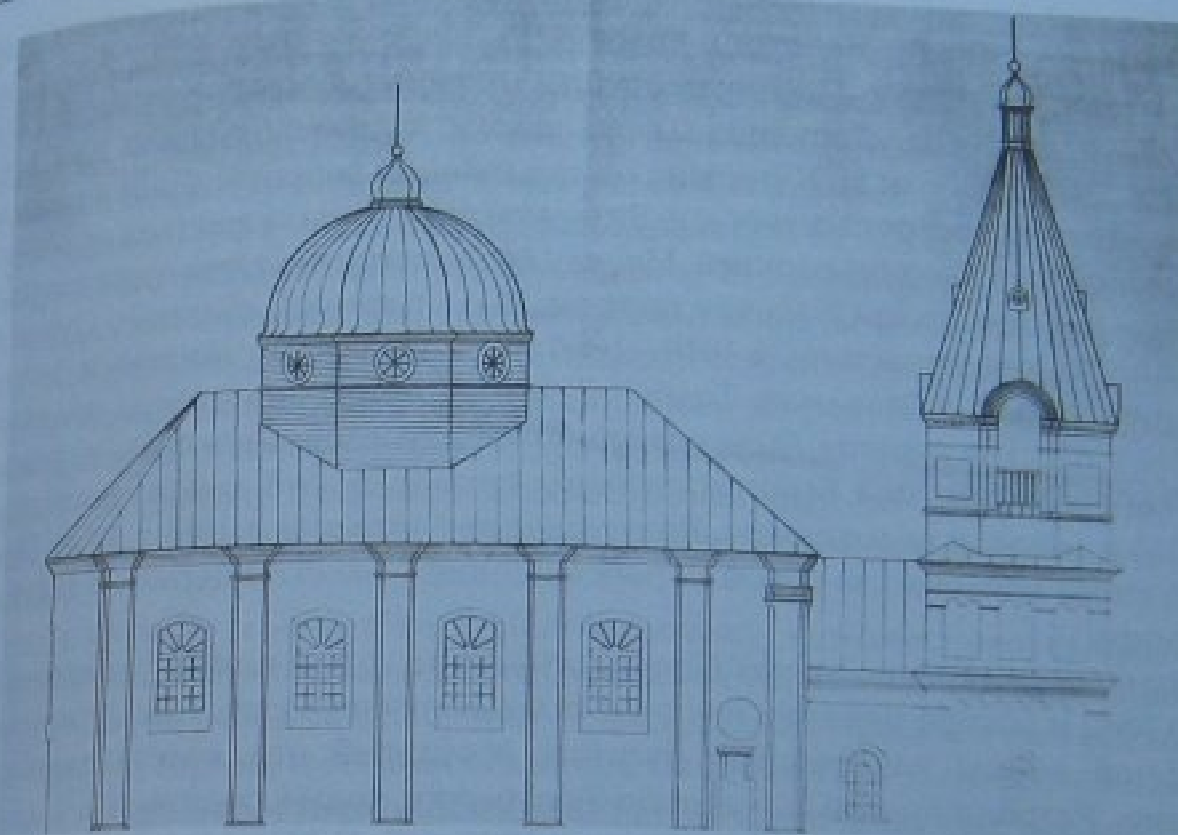

59 Благовещенский монастырь в Друе, рис. Д.Струкова (РО РГУ).

было получено 14 марта 1687 г. от владельца города Казимира Ивана Сапеги[188]. Благовещенская церковь монастыря в настоящее время находится в руинированном состоянии. Сохранился акварельный рисунок монастыря первой половины XIX в. и фотографии начала XX в.[189]

Монастырский комплекс представлял собой огороженный по периметру двор с одним отдельно стоящим в центре двора храмом. Рядом с ним, внутри двора размещалась колокольня, жилой корпус находился на периферии двора. Храм каменный, зального типа, бесстолпный с одной апсидой, безбашенный с высоким украшенным ярусами арочных ниш фронтоном, без притвора и нартекса, размером около 19×13 м. При входе две симметричные узкие боковые лестницы вели на хоры. Архитектура храма была ориентирована на один из традиционных типов церкви, вошедших в практику православного храмостроения белорусских земель в конце XV–XVI вв. (цв. ил. VIII, IX). Определенным аналогом внешнего оформления западного фасада Благовещенской церкви можно назвать украинскую церковь Иоанна Предтечи в селе Боворов, в окрестностях Тернополя. Ее современный облик сложился в 1747 г., после реконструкции древней замковой церкви XVI в.[190]

В XVIII в. продолжалось строительство каменных православных соборов. Два из них, возведенные в монастырях Могилева и Полоцка, следовали сложившейся в предыдущем столетии и характерной для Могилевской епархии общей типологической линии крестовокупольного базиликального храма, отличие, однако, заключалось в построении зального внутреннего пространства.

60 Благовещенский собор в Друе (1687), проект реконструкции середины XIX в.

История могилевского Спасо-Преображенского монастыря восходит к XIII–XIV вв., но окончательно его ансамбль сложился в XVIII в. Монастырь располагался над Днепром, на вершине холма Старого города, рядом с ратушей и центральным торгом. Первое документальное упоминание о нем относится к 1447 г. В 1569 г. впервые говорится о соборной Спасской церкви и при ней мужском и женском монастырях, известно так же, что в XVI в. заново возводились храм, школа и другие его постройки. Первоначально деревянный, монастырь неоднократно горел, сохранился договор 1593 г. артели плотников на возобновление церкви после пожара. Договором оговаривалось условие строительства Спасского собора по образцу Никольской церкви в том же городе: «...мы, верху менены дойлиды, змовили есмо с перерочными особами на церковь Светы Спаса дерево у лесе выпустить и самую церковь Святы Спаса, з звонницою, зо всеми и на все по достатку зробить, за певную суму пензей, за сто и сорок копъ грошей личбы литовское; яко ж у початку дали нам 40 коп гроши, а 50 коп гроши мають нам дати, на тот час, кгды тую робити почнем, а остаток тых пензей, пятдесят копь грошей мають нам отдати на тот час, кгды тую церковь и звоницу подостатку за всим на всем зробим и поставим, где нам указано будет, у восень теперешнюю, по Причистой першой, две недели спустивши; тое дерево, брусье, у долженю, мает быти осми сажон человека дорослого; а на пришлый год деветдесят четвертыю, маем церковь Светы Спаса на месцу самом, в Могилеве, у монастырю Светы Спаса, скоро з весны почать робить кшталтом таким, яко церк-

ви Святого Миколы есть уроблена; а увышки мает быть венцов сорок, а естьлибы того потреба будет, хотя и болш...»[191]

Братство при Спасо-Преображенском монастыре было основано в 1597 г., оно взяло под свое покровительство школу, существовавшую при церкви с 1577 г. После гибели И. Кунцевича и подавления сопротивления православного населения восточных городов Беларуси последовала жесткая реакция католической и униатской церквей. Наряду со многими другими православными храмами, могилевская Спасская церковь была передана униатам. Существовавший при ней монастырь в 1619—1650 гг. принадлежал униатам и был присоединен к ордену базилиан. Только в связи с принятием города подданства Москве Спасская церковь была возвращена православным и стала кафедральным собором, при ней были построены архиерейский дом и консистория, а в 1655 г. возвели колокольню. Возвращение Могилева в 1661 г. Речи Посполитой снова повлекло за собой переосвящение Спасской церкви в костел св. Казимира.

Церковь сгорела во время Северной войны, когда пожар уничтожил город (1708), и вскоре церковь наскоро была сбита из досок. После окончания Северной войны на средства русских государей она восстанавливалась в камне. Разрешение на каменную постройку храма состоялось в 1729 г., для этой цели в России были выделены 1000 руб. (1737). Могилевский епископ Иосиф Волчанский на месте прежнего храма 15 июля 1740 г. заложил новую каменную церковь. (До служения на могилевской кафедре Иосиф был архимандритом киевского Пустынско-Николаевского монастыря, в 1744 г. архиепископом Московским и Владимирским, погребен в алтаре еще неоконченного Спасского храма в Могилеве, 1754.) Строительство растянулось на многие годы, начатая церковь пострадала от пожара (1748) и снова восстанавливалась.

Основной строительный период приходится на время управления епископа Григория Конисского (1717—1795), вступившего на могилевскую кафедру в 1755 г. и ранее служившего ректором Киевской духовной академии. В 1757 г. приступили к возобновлению строительства храма и возведению только что основанной Консистории. К этому времени, вероятно, уже возвели остов и завершающие конструкции церкви, но она была лишена украшений и в «совершение не приведена»[192]. О Спасской церкви в Могилеве хлопотал епископ Григорий во время поездки в Петербург (1756), в результате Синод затребовал план церкви, который через духовника был передан императрице. При участии Александра Борисовича Бутурлина на строительство были выделены средства в размере 10 тыс. руб.

Завершающие работы по храму осуществлялись в 1757—1763 гг. под руководством известного и широко практикующего в строительстве православных и инославных монастырей виленского архитектора Яна Кристофа Глаубитца[193]. В Могилеве Я. Глаубитцем одновременно были построены Г-образные в плане двухэтажные корпуса Консистории и одноэтажные кельи с теплой

церковью. Летом 1756 г. Конисский вызвал Глаубитца из Вильны и заключил с ним контракт. Архитектор предлагал сбить немного стены и на внутренних столпах сделать стенки с окнами вверху и с особой крышей. Однако из-за дороговизны проекта решили строить по начальному плану. Храм первоначально был покрыт черепицей, затем железной крышей (1775). Церковь была освящена в 1762 г. и оставалась кафедральной до постройки в Могилеве Иосифовского собора[194]. По предположению Е. Квитницкой, на выбор архитектора для могилевской кафедры повлияло покровительственное отношение Г. Конисского к могилевской евангелистской общине, в свою очередь способствовавшей приглашению сюда одного из руководителей виленской евангелистской общины, архитектора Я. Глаубитца[195]. Не последнюю роль сыграл, по-видимому, и высокий профессиональный авторитет архитектора, осуществлявшего в то время крупные заказы полоцкого униатского архиепископа.

При соборном храме Спаса-Преображения и монастыре складывался крупный комплекс, включавший епархиальное управление, резиденцию епископа, духовные учебные заведения. Комплекс размещался в юго-восточной части Старого города, и его земляные бастионные укрепления служили границами участка монастыря и семинарии. На территории участка, как бы наслаиваясь друг на друга, с запада на восток следовали монастырский комплекс с линией торговых рядов по линии застройки Ратушной площади и Ветреной улицы. Торговая линия в количестве 48 лавок, приносившая монастырю немалый доход от аренды, была построена в 1797 г. Перпендикулярно и параллельно Ветреной улице размещались ломаные в плане линии здания Консистории и монашеских келий. Примерно посреди свободного пространства между корпусами и земляным валом помещался отдельно стоящий Спасо-Преображенский собор. К востоку от него выстроили архиерейский дом (дворец архиепископа), первоначально срубленный из дерева, а в 1774 г. отстроенный в камне. Главный вход в монастырь осуществлялся с запада, через пристроенные к торговой линии ворота, над которыми возвели многоярусную колокольню (1785). Она завершалась вызолоченной фигурой архангела Гавриила, в 1824 г. замененной крестом. Колокольня была заново перестроена в середине XIX в. (в XVI в. существовала деревянная колокольня, а в 1780 г. возникла необходимость в ее перестройке). Второй вход в монастырь был устроен со стороны Ветреной улицы, здесь была организована трапециевидной формы площадь перед дворцом архиепископа.

Восточнее монастыря сложился обширный, плотно застроенный комплекс могилевской духовной семинарии, открытой в 1759 г. Г.Конисским. Духовная семинария при Спасо-Преображенском соборе была организована на основе школы могилевского Братского Богоявленского монастыря. Семинария и типография вначале помещались в архиерейском доме. Новый комплекс возник при вновь построенном двухэтажном здании семинарии (1780—1785), заложенном Екатериной II во время ее пребывания в Могилеве. Комплекс семина-

61 Спасо-Преображенский собор в Могилеве (1740, 1757–1763), фото начала XX в.

рии имел свой отдельный вход со стороны Ветреной улицы, в его состав входили здание семинарии, часовенка, учительский дом, дом для ректора и проректора, множество служебных корпусов, в восточном углу был сформирован отдельный замкнутый хозяйственный двор с копаным прудом[196].

В предместье города при епископе Конисском строился комплекс загородной резиденции епископа, названной Печерск, в которой возвели храм св. великомученика Георгия[197].

В архитектурном решении каменного Спасо-Преображенского собора прочитываются традиции белорусского и украинского православного храмостроения XVII в. Это восьмистолпный купольный зальный храм с расширенным и выделенным в плане и объеме трансептом, двумя симметричными боковыми башнями при нартексе, с одной полукруглой в плане апсидой. В отличие от предшествующих ему памятников — это зальная базилика, в которой отсутствуют пониженные боковые, соответствующие боковым нефам крылья. Как отмечалось ранее, приступая к завершению храма, Я. Глаубитц предлагал устранить именно это расхождение, изменить именно зальный характер сооружения и привести его в соответствие с правилами трехнефной базилики, характерными для инославных культовых сооруже-

62 Южный фасад Спасо-Преображенского собора в Могилеве, фото начала XX в.

ний того времени. Переход к зальному типу купольной двухбашенной базилики в православном соборном строительстве происходил в архитектуре Украины еще в конце XVII в., в пору раннего «украинского барокко». Не вызывает сомнения подмеченное в свое время Е. Квитницкой сходство плана могилевского Спасского собора с планировочной структурой Троицкого в Чернигове (около 1679), собора Мгарского монастыря (1692), построенных Осипом Старцевым николаевского Войскового (1694) и Братского Богоявленского соборов в Киеве[198], хотя по своим физическим размерам могилевский собор, как и другие православные соборы Беларуси XVIII в., существенно уступал соборным храмам предшествующего столетия. При этом отмечалось, что построение интерьеров могилевской и названных украинских храмов существенно разнится: поскольку в украинских церквах боковые нефы разбиты на ярусы. По сравнению с фасадами Спасской церкви главные фасады и междубашенные плоскости этих фасадов украинских храмов значительно шире. Архитектурная обработка Спасской церкви скромнее, чем оформление фасадов, построенных тем же Глаубитцем костелов св. Екатерины (1741–1746) и ворот базилианского монастыря в Вильнюсе. Декоративная лепнина характерна для интерьеров храма, а во внешнем убранстве она применяется только в рисунках фронтона и наличников. К нововведениям Глаубитца можно отнести боковые диагональные главки, расположенные около купола над средокрестием, во многом напоминающие завершение Андреевского собора в Киеве, построенного по проекту Растрелли (1747–1753). Купол и главки могилевской церкви построены позднее основного объема, о чем свидетельствовал различный по размеру кирпич[199]. Похожий прием завершения храма был использован в соборной церкви Рождества Богородицы в Орше (1781)[200].

Относительно скромное использование барочного декора во внешнем убранстве собора могилевского Спасо-Преображенского монастыря, по сравнению с церковным зодчеством того времени Киева и Чернигова, оставалось присуще и другим, более поздним храмовым сооружениям православных монастырей Беларуси.

С XVIII в. связывают историю монастыря в имении Белосорока, на берегу реки Припять, который вместе с крепостными людьми подчинялся Киево-Печерской лавре[201]. В это же время действовал Преображенский мужской монастырь в городе Невеле, на северо-восточной границе Речи Посполитой. В нем помещались два храма. Соборная церковь Преображения Господня была двухэтажной, ее престолы посвящались: вверху — Преображению Господню, внизу — Николаю Чудотворцу с шестью приделами, один из которых во имя Нила Столобенского. Вторая церковь также посвящалась Николаю Чудотворцу[202].

В 1720 г. был основан Рождества Богородицы (Терешковский) монастырь. Название свое он получил от околицы, расположенной на границе с Московским государством. В 1723 г. монастырь назван скитским. Монастырские ке-

льи были построены на вершине городища. Храм Рождества Богородицы упоминается в 1724, 1743 и 1745 гг. Позднее он был переведен в унию. В 1795 г. здесь было до 24 зданий, винокуренный завод. В 1878 г. на месте небольшого монастырского каменного храма был выстроен новый деревянный[203].

В конце XVIII в. во владельческом городе Гомеле и его окрестностях были основаны свыше десяти старообрядческих монастырей, главными из которых были Спасский в самом городе и монастырь в имении Ветка под Гомелем.

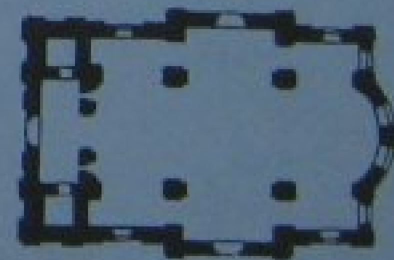
Ансамбль Богоявленского мужского монастыря в Полоцке можно рассматривать в качестве памятника, подытоживающего развитие монастырского зодчества XVIII в. Монастырский комплекс окончательно сложился к концу столетия, хотя, как сказано было выше, он действовал уже в XVI в. Размещался в городе, на правом берегу Западной Двины. Ему принадлежали имения Шепиловичи, Тресковичи, Новый Двор, Оболь-Лясково[204].

Первые строения были деревянными. Во второй половине XVII в. возводились здания братской школы, в которой преподавал Симеон Полоцкий. Здания XVI–XVII вв. не сохранились. Ктиторами монастыря были жители Полоцка, так, упоминается, что в 1668 г., при наместнике монастыря Гедеоне Дренич, мещанин Никита Авдеев Белоножка записал в пользу монастыря свой плац на Вознесенской улице в Полоцке, причем «чверть плаца тепер по пожаре Московском впусте»[205]. Два другие упоминания о монастыре также приходятся на время пребывания в городе русских войск во время русско-польской войны. Первый документ — челобитная игумена монастыря Игнатия с братией об освобождении монастырских крестьян от поборов и притеснений ратными людьми[206]. Другой — о передаче в монастырь кирпичей, принадлежащих «римскому костелу»[207].

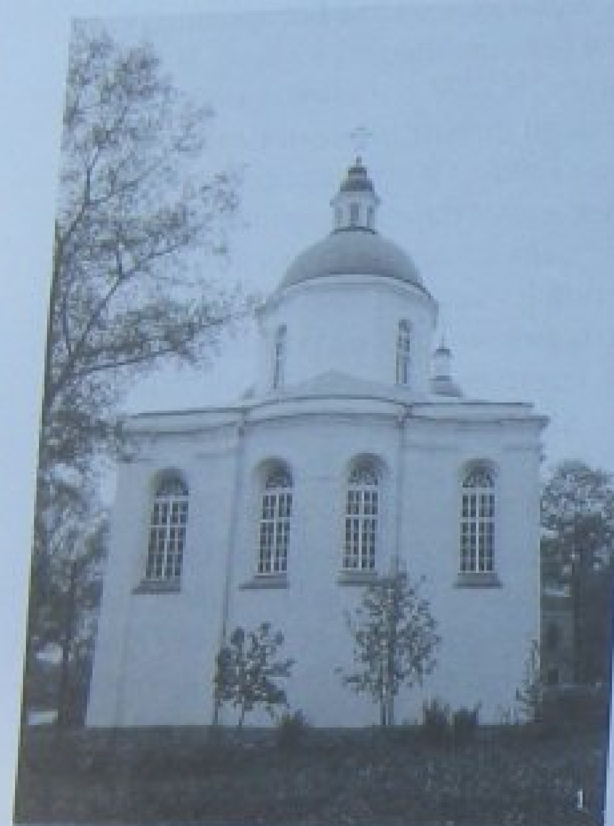
Особый интерес к полоцкому Богоявленскому монастырю, возможно не без участия Симеона Полоцкого, проявляла Москва. 27 марта 1686 г. патриарх Иоаким отдал игумену Богоявленского монастыря Игнатию Жигмонтову грамоту на непосредственную зависимость от Московского патриаршего престола. Обоснованием служило неимение архиереев законных. Хотя монастырь, как часть Могилевской епархии, должен был быть подчинен киевскому митрополиту[208].

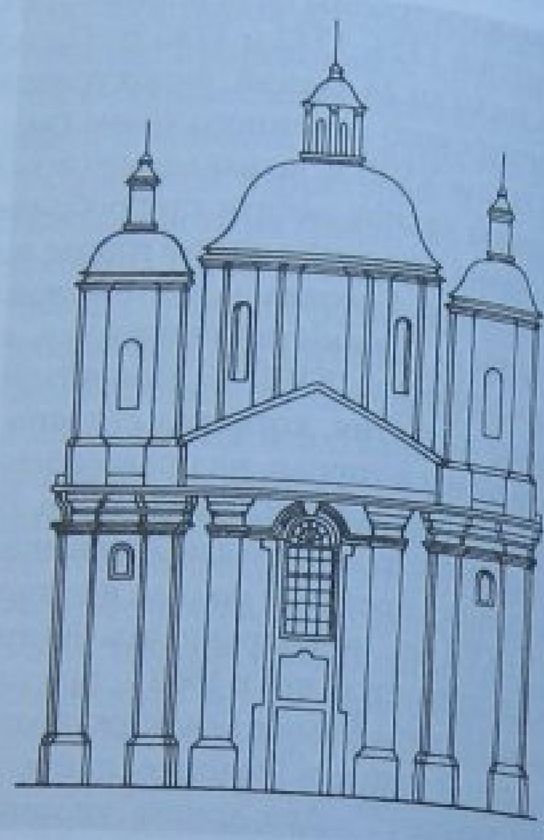
Каменная Богоявленская церковь построена в 1761–1779 гг. Планировочная и пространственная композиция Богоявленского собора во многом повторяет могилевский Спа-

63 Планы каменных соборов православных монастырей XVIII в. Аналитические таблицы автора.
1) Спасо-Преображенский собор в Могилеве (1740, 1757–1763, по Е. Квитницкой).
2) Богоявленский собор в Полоцке (1761–1779, по А. Чантурия)

со-Преображенский храм. Это купольный трехнефный зальный базиликальный храм с одной полукруглой апсидой и двухбашенным главным фасадом. Полоцкий собор отличается еще более лаконичным внешним оформлением, в котором совершенно отсутствуют барочные мотивы. Над средокрестием возвышается высокий граненый световой барабан, несущий сферический купол, увенчанный фонарем (цв. ил. X). Фраг-

64 Богоявленский собор в Полоцке.
1) Алтарный фасад.
2) Главный фасад (XVI в., 1761–1779, по А. Чантурия).

65 Свято-Духовский собор в Вильнюсе (1624, после 1749), рис. на титуле книги. 1893 г.

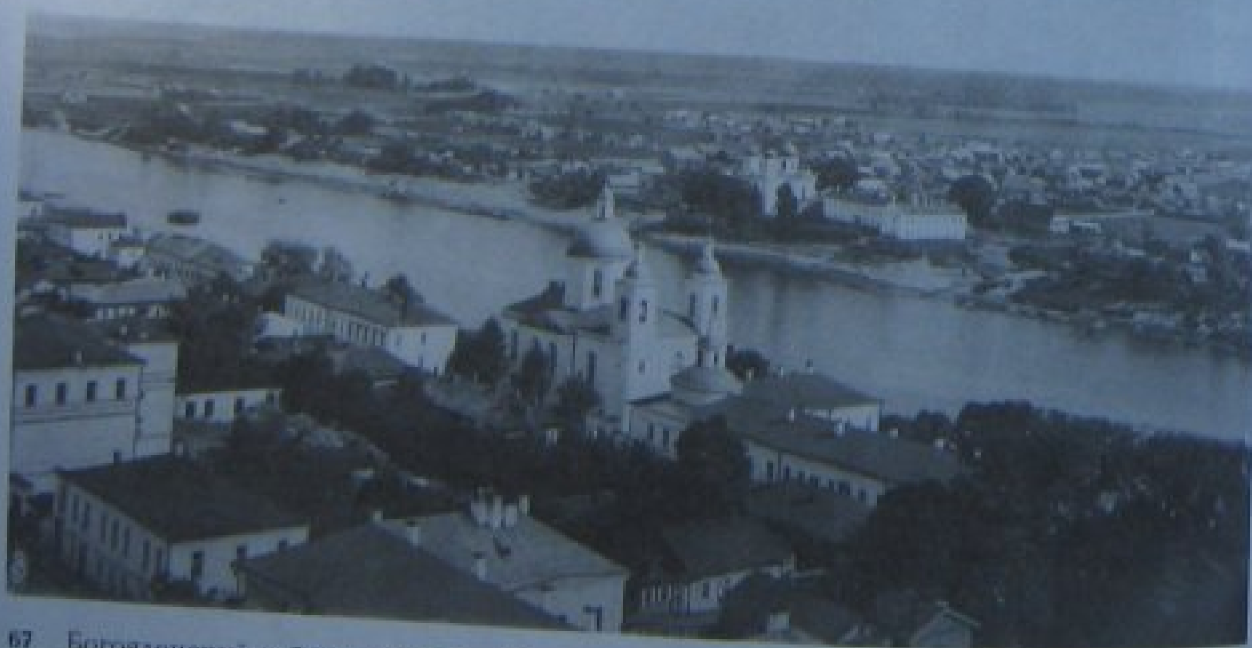
66 Западная стена и хоры в интерьере Богоявленского собора в Полоцке. 1893 г.

ментарно сохранились фресковые росписи. Внешнее убранство полоцкого Богоявленского собора более всего имеет сходство с предельно аскетичным внешним оформлением виленского Свято-Духовского собора после реконструкции середины XVIII в.

Каменные двухэтажные корпуса полоцкого Богоявленского монастыря построены в 1780–1788 гг., в них размещались школа, мужское духовное училище и др. (сохранились частично). Сохранился Г-образный в плане корпус, в восточной части которого размещались кельи, покои игумена, в угловой части находилась церковь Екатерининская и Евфросиньевская (цв. ил. XI). Реставрация 1970-х и 1990-х гг.

Представленное описание братских монастырей и монастырей, входивших в систему иерархического соподчинения называвшемуся белорусской лаврой Кутеинскому мужскому и опосредованно, а в иных случаях непосредственно, Киево-Печерской лавре, позволяет говорить о типологическом единстве планировочной организации православных монастырских комплексов и типологическом единстве архитектуры соборных храмов. Строительство во второй половине XVII в. каменных монастырских соборов в основном продолжало традиции, сложившиеся в православном храмостро-

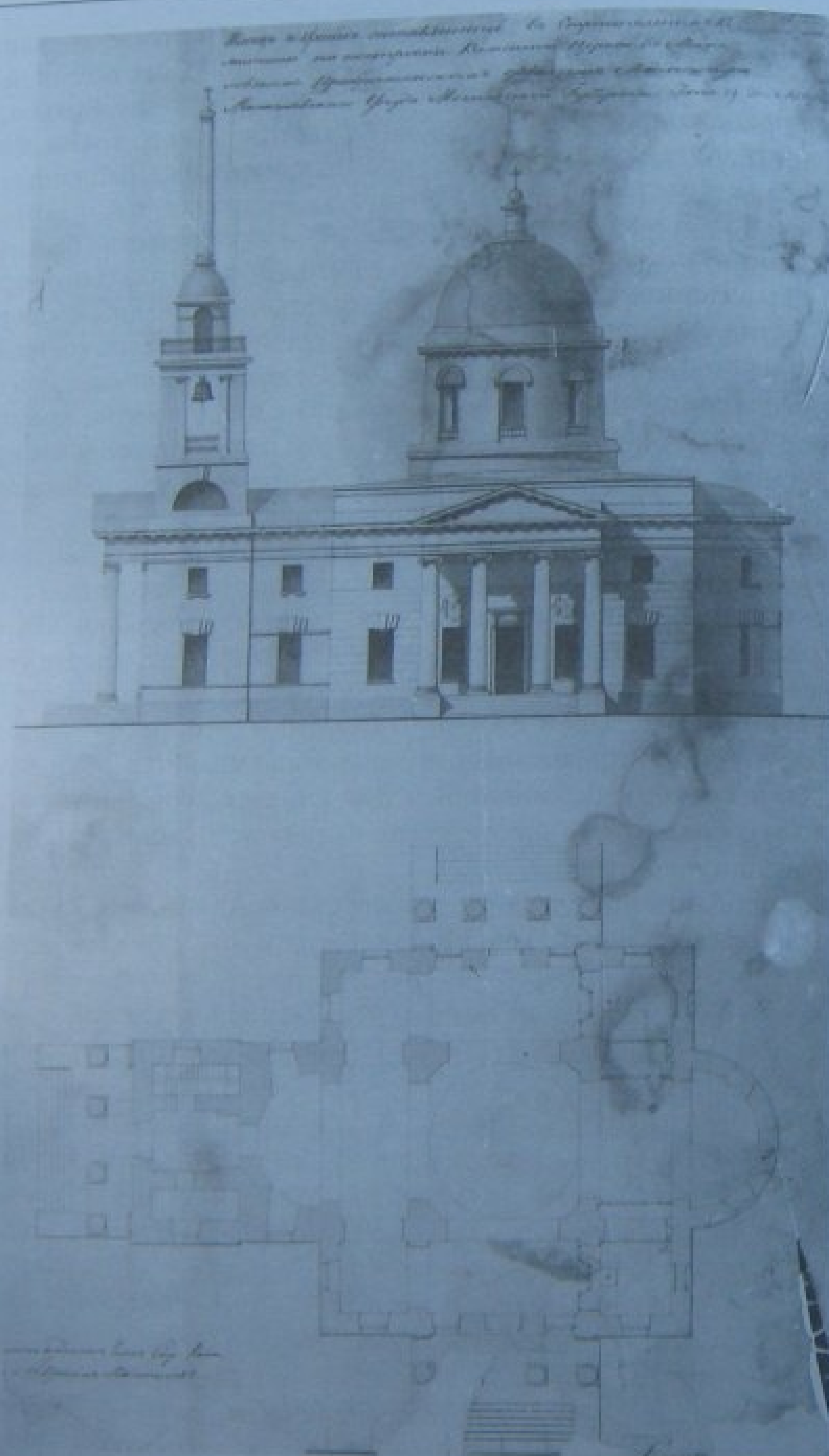
67 Богояленский собор в панораме Полоцка, фото начала XX в.

ении предыдущих столетий. Несмотря на отказ от прямого наследования образа оборонного типа церквей, характерных для западных областей Великого Княжества Литовского, в том числе Западной Украины, Вильно, Гродненщины, проводилось утверждение образа центрического храма, в объемно-пространственном построении которого применялись башенные и купольные формы. Вместе с тем православное зодчество несло и значительный импульс новизны. В монументальном каменном строительстве был выработан особый тип культового сооружения, в котором базиликальный принцип сочетался с выявлением крестовой структуры храма, купольным завершением средокрестия. Алтарная часть храма чаще всего отмечалась тремя, а позднее одной полукруглыми в плане апсидами. Создавалась четкая центрическая пирамидальная общая композиция сооружения. Развитие храмостроения прослеживается в архитектуре монастырей и существовавших при них тесно связанных между собой православных братств, действовавших в то время на территории Беларуси, Литвы и Украины.

В дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий развитие православного монастырского и монументального храмового строительства в крае практически приостанавливается. Поэтому в первой половине XIX в. архитектура классицизма почти не коснулась монастырского зодчества края, хотя, как известно, она достаточно широко входила в художественную ткань многих древних монастырей России. В Беларуси редким примером нового строительства собора православного монастыря является Мазолово возле Мстиславля, в котором сложившийся при униатах деревянный монастырский комплекс средствами архитектурной реконструкции был преобразован в православную обитель.

После присоединения униатов к православной церкви в Мазолове был возобновлен православный девичий монастырь. Восстановление обители начали со строительства нового каменного Вознесенского собора. Проектирование храма было инициировано синодальными властями, осуществлялось в Петербурге и было заказано известному архитектору А. Мельникову (проект 1827 г.)[209].

Обстоятельства заказа, очевидно, во многом и определили в целом не свойственную в то время православному монастырскому строительству края стилистику классицизма, в формах которой был спроектирован собор (холодная церковь). Структура, образ, стиль храма целиком соответствовали общим принципам храмового строительства России эпохи позднего классицизма. Вознесенский собор в Мазолово получил двухчастную осевую симметричную композицию: к четверику основного объема храма, завершавшемуся куполом, с запада примыкала трехъярусная колокольня со шпилем. Проект был выполнен на высоком профессиональном уровне. Епископ Гавриил освятил собор 22 февраля 1832 г. Наряду с главным престолом Вознесения Господня, храм имел правый престол во имя Преображения (освящен епископом Павлом, 1828 г.) и левый престол во имя Рождества Богородицы

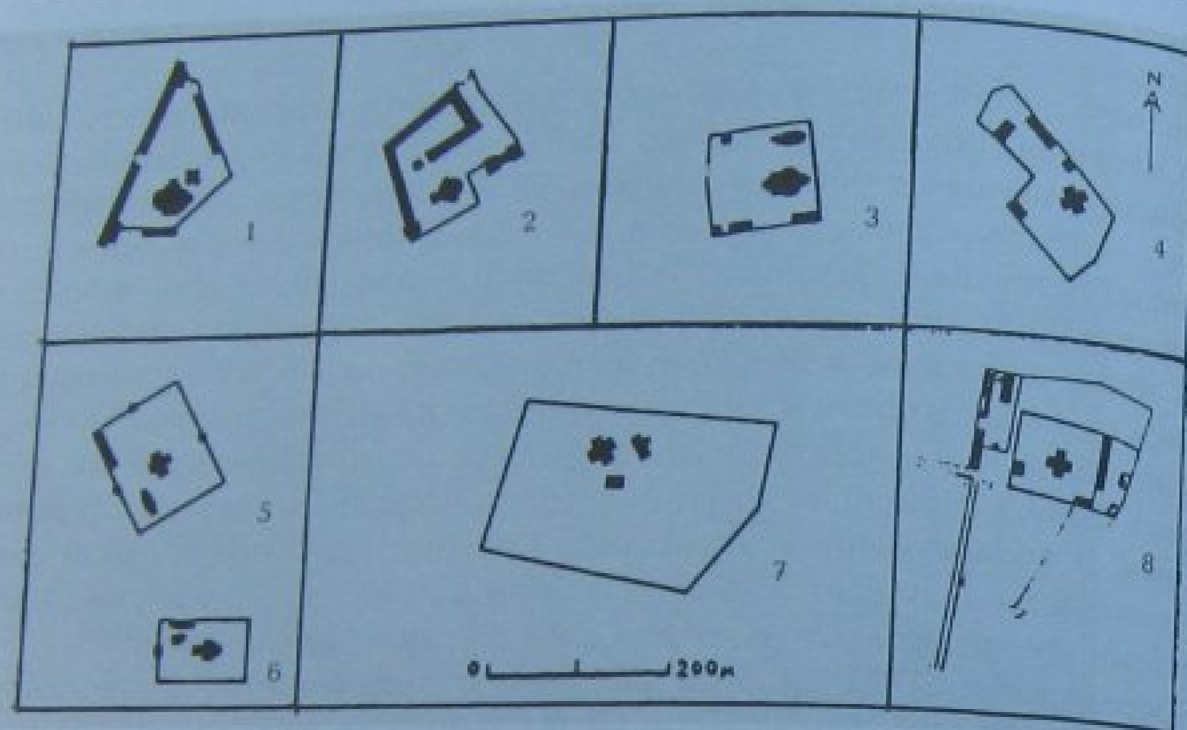

68 Проект нового Вознесенского собора Мазоловского монастыря (1827), (РГИА)

(освящен епископом Анастасием, 1802 г.). При новом храме возводился дом для священника.

В монастыре сохранялся второй, деревянный (теплый) однопрестольный храм Святителя Николая (освящение 1836 г. — вероятно, переосвящение после присоединения от униатов). Деревянный храм составлял единый блок вместе с монастырскими корпусами, в которых помещались покои настоятельницы, трапезная, больница. В каменной подвальной части монастырских корпусов были устроены погреба. Принцип соединения храма с главными монастырскими корпусами свидетельствует об их строительстве в период принадлежности монастыря униатам. Комплекс включал также два деревянных на каменном основании флигеля для монашествующих, стены которых были выкрашены желтой краской, а крыша из жести покрашена красным. В хозяйственный комплекс входили три амбара в одной связи, на каменном фундаменте. Монастырю принадлежал хутор с двумя людскими избами, пятью сараями, гумном, баней, кузницей, мельницей[210].

Проведенное исследование истории и архитектуры православных монастырей Беларуси позволяет сформулировать некоторые общие закономерности развития православного монастырского зодчества края. Основные принципы планировочной и архитектурно-пространственной организации монастырского комплекса на протяжении Средневековья и Нового времени оставались неизменными. Особенностями православного монастырского строительства оставались восходящая к древневизантийской традиции интегрированность функций, целостность и неделимость, дискретность и проницаемость внутреннего пространства всего монастырского комплекса. Православные монастыри чаще всего отличали многохрамие (строительство в пределах монастыря группы церквей), замкнутая концентрическая, а в крупных развитых архитектурных комплексах и многослойная композиция. Форма плана комплекса — полигональная, прямоугольная, концентрическая. Внешняя, окружающая двор стена с башнями, утратив со временем утилитарное, оборонительное назначение, остается неизменно присущей монастырю формой, транслирующей значение традиционного, канонического образа. Заметные изменения, трансформация традиционных форм в их взаимосвязи со значением и функцией, происходили в XVII в. Очевидным становилось стремление к регулярности планировочного построения внешней формы и общей композиции ансамбля. Роль высотной доминанты, в древности принадлежавшая главной оборонительной башне (пиргос), перепоручалась объему колокольни, многоярусное сооружение которой со временем получает строго определенное положение, акцентируя главный вход в монастырь, возводится над его святыми воротами. Неизменным оставалось соотношение «монастырь — кафоликон», которым утверждалось центральное местоположение и центрическая форма стереометрического объема собора. Притом собор представлял собой отдельно стоящее сооружение. Монастырю в целом оставались присущи те

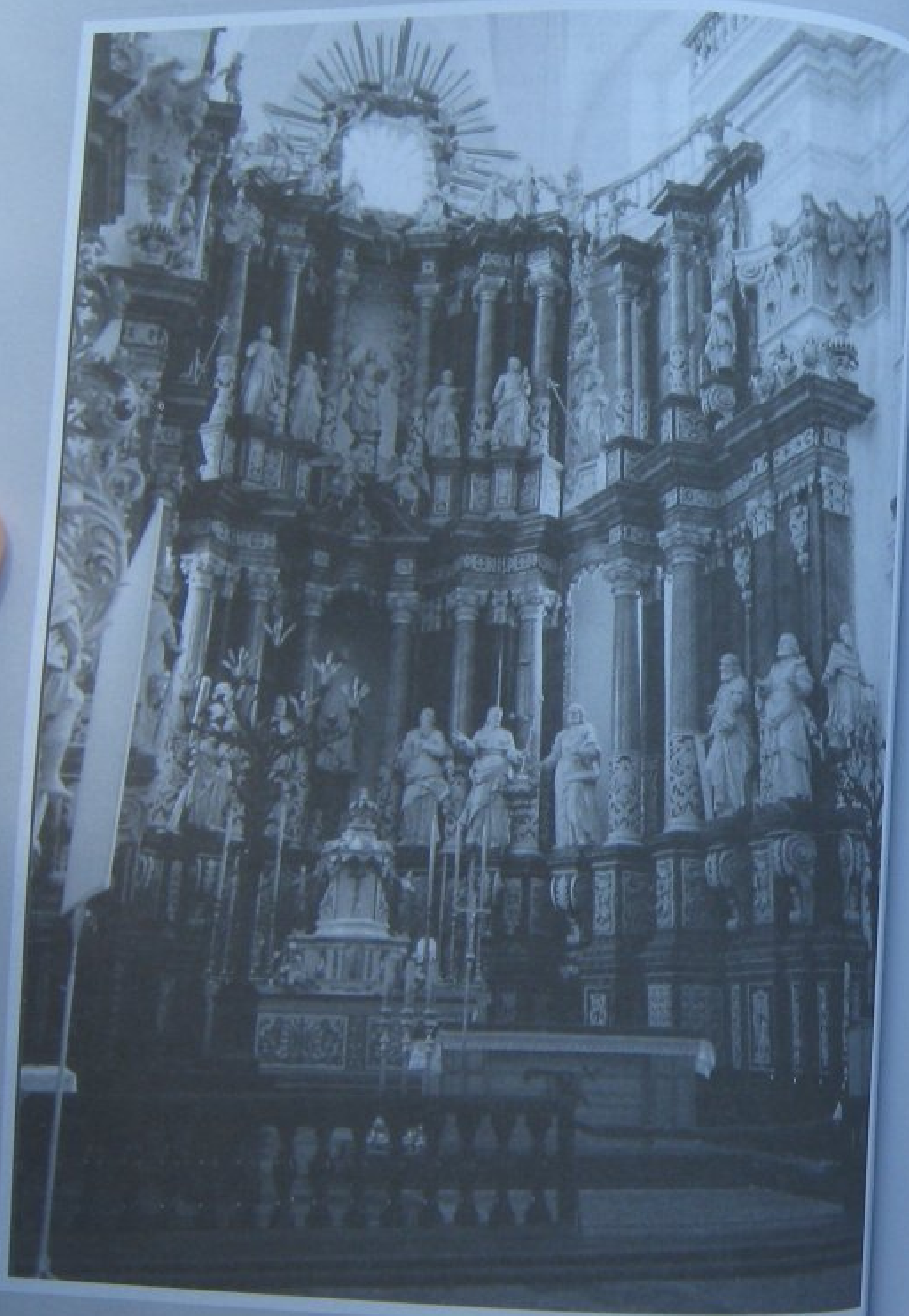

69 Схема планов православных монастырей XVII века. Реконструкция автора.
1) Могилевский Богоявленский.
2) Могилевский Спасо-Преображенский.
3) Могилевский Николаевский.
4) Дисненский Воскресенский.
5) Оршанский Кутеинский Богоявленский.
6) Оршанский Кутеинский Успенский.
7) Мстиславский Тупичевский Успенский.
8) Буйнический Свято-Духовский

70 Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь (XI в., XIX в.).
Схема современной планировки.
1) Спасо-Преображенский собор.
2) Крестовоздвиженский храм (1893).
3) Церковь прп. Ефросинии (трапезная).
4) Колокольня (1882).
5) Монастырский корпус (XVII в.).
6) Фундаменты храма-усыпальницы (XI в.)

же художественно-образные свойства, которые определяли также и специфику православного собора — в архитектуре монастырского комплекса проявляются многосторонность (многофасадность) общей композиции.

Простота и лаконичность форм христианского храма, свойственная раннехристианскому строительству и эпохе ренессанса, православным каменным храмовым строительством Беларуси была избрана предпочтительной. Эта нарочитая, по отношению к барокко, простота и даже аскетизм архитектурных форм становилась нормой на протяжении XVII–XVIII вв. Вместе с тем поздние, относящиеся к концу XVIII в. памятники монастырской храмовой архитектуры также заметно были чужды и классицизму, в то время как классицизм достаточно прочно входил в не связанное с монастырями усадебное вотчинное и городское соборное церковное строительство Беларуси.

Глава вторая

Монастыри орденов римско-католической церкви

Деятельность католических монашеских орденов на территории Беларуси берет начало на пороге XIV в. Официальной датой принятия литовцами-язычниками христианства по католическому образцу считается 1387 г., когда Ягайло (король польский Владислав Ягелло, 1386–1434) окрестил литовских феодалов и основал виленское бискупство. Миссионерская деятельность католических монашеских орденов была направлена не только и не столько на обращение неверных, язычников, противников христианского вероучения, сколько на утверждение вероучения католической церкви среди протестантов и православных христиан. К моменту прихода католических монашеских орденов традиции христианской церкви в ее восточных православных церковных законах насчитывали уже около пяти столетий своего существования и развития.

Строительство костелов на белорусско-литовских землях распространялось постепенно. Из древнейших каменных храмов сохранились Троицкий костел в Ишкольди (1472), костелы в Чернавчицах (1583), Гнезно (XVI в.) и Комаях (1603–1606). В Полоцке первые костелы известны с XV в.[1]

Вскоре после прихода католических миссионеров белорусские земли Великого Княжества Литовского становятся также ареной распространения вероучения реформатского движения. Возводятся кальвинистские церкви, так называемые «кальвинские зборы», в Несвиже (при Николае Радзивилле «Черном», 1515–1565), Свержени, Сморгони, Заславле (все три датируются серединой — второй половиной XVI в.).

Католическая церковь начинает оказывать фактически ощутимое влияние на духовную и хозяйственную жизнь края только в конце XV–XVI вв. Во многом этому способствовала Флорентийская уния 1439 г. На протяжении XV–первой половины XVI в. Великое Княжество Литовское развивалось в тесном взаимодействии с европейскими странами. Атмосфера веротерпимости способствовала чуткому восприятию и активному развитию новых веяний культуры Возрождения. Монастырское строительство латинской церкви в пределах белорусских земель преодолело несколько этапов развития, тесно связанных с традициями западнохристианской церкви и своеобразием архитектурных традиций отдельных монашеских орденов.

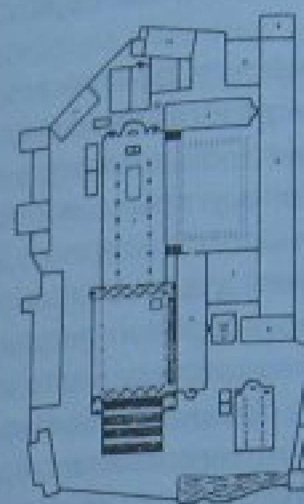
Необходимо коротко остановиться на генезисе и развитии типологии архитектуры монастырей различных орденов. Монастыри древнейших орде-

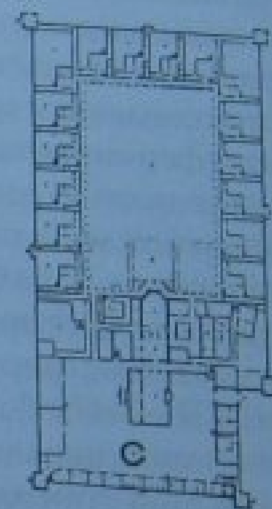
нов бенедиктинцев, цистерцианцев восходят ко времени зарождения монашества в VI в. и к христианской античности, основывающейся на древнеримской архитектурной традиции. В древнейший период отмечается три момента организации монашеской жизни. Первый относится к освоению земель и, как следствие, связан со строительством отдельных скитов (cellae) в местах, удаленных от аббатства, управляемых ограниченным числом монахов. Со временем эти скиты стали превращаться в резиденции настоятелей (praepositurae), а затем, особенно в IX в., в небольшие монастыри, руководимые приором (prioratus). Второй момент состоит в передаче церквей и церковного имущества светскими властями в руки аббатств, осуществлявших огромный культурный вклад в своем регионе. Третий момент, более связанный с движением религиозных реформ XI–XII вв., представляет собой объединение аббатств, с целью формирования вместе с другими монашескими сообществами единой сети, имевшей подчас весьма значительные географические размеры и в итоге распространившейся по всей Европе. Пример подобных сетей упоминается в Хартии каритатис (Charta caritatis) ордена Цито (Citeaus, иначе орден Цистерциум), одобренной Папой Каликстом II (23.12.1119). Впоследствии он послужил основой для других религиозных институтов. Новизна Хартии, представлявшей собой своеобразную модель свода законов, основанных на уставе св. Бенедикта, заключалась в том, что вводились элементы единообразия в управление орденом цистерцианцев, сохраняя при этом самостоятельность различных аббатств. Хартия каритатис обеспечивала единство в своей основе, но принимала во внимание разнообразие аббатств, распространившихся по всей Европе.

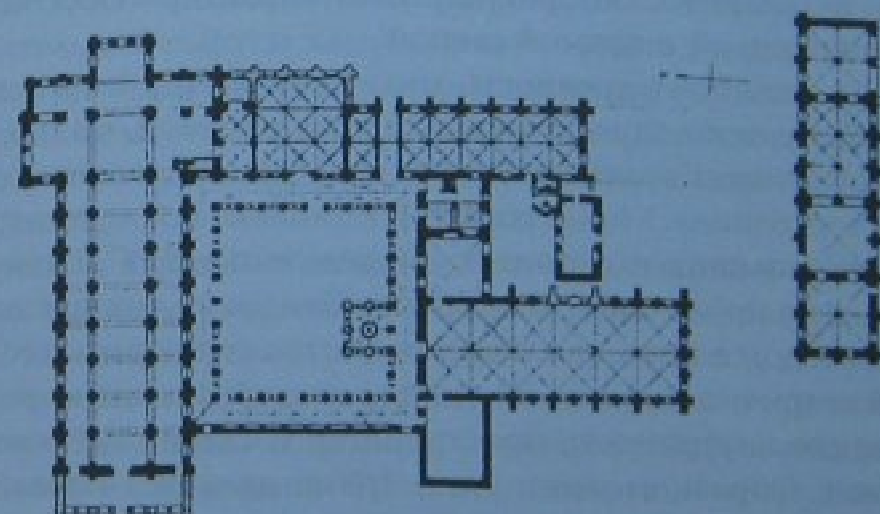
Основными образцами древнейшего типа монастырских комплексов являются расположенный возле Неаполя Монте Кассино (516), Сан-Амброджио в Милане (789). В этих древнейших памятниках главные монастырские сооружения располагаются внутри огражденного двора полигональной в плане формы. Перед входом в храм, по его продольной оси устроен квадратный двор, по периметру обведенный колонными портиками. В состав монастырского комплекса входят несколько храмов.

Второй этап обновления западнохристианской церкви связывают с XII в. эпохой Священной Римской империи. Еще Карл Великий принял необходимые меры для пересмотра текста Библии, чтобы вернуться к тексту святого Иеремии, многочисленные копии которого получили название Библии Алькуина.

Реформа XII в. привела к новой волне создания монатырей, на этот раз во Франции, Англии, Италии, Венгрии, Испании, Богемии, Моравии. Считается, что этот новый порыв нашел свое интеллектуальное воплощение в организации ордена доминиканцев, в создании произведений Фомы Аквинского. Сформированный в этот период новый тип организации пространства монастырей задавался памятниками, созданными в центрах влиятельнейших аббатств, таких, как аббатства бенедиктинцев Сен-Галлен (S.Gallo, с известной школой бенедиктинцев) и Клюни (1150). Сложившиеся в результате рефор

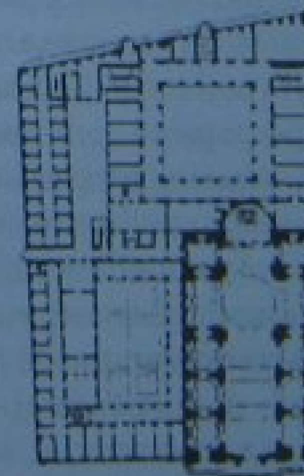

71 Типология архитектуры монашеских орденов (по кн. «Abbazie e monasteri d'Italia»).

1) Аббатство Монте Кассино (XI в.).
2) Монастырь Большой Шартрез (1084).
3) Аббатство де Фонтеней (1119–1147).
4) Храм св. Игнатия и Коллегио Романо в Риме (XVII в.)

мы типы архитектурно-планировочной организации монастыря сводятся к трем основным видам.

Монастырский комплекс возводится посреди иррегулярного замкнутого двора. Ядром его являются храм и пристроенные к нему с юга главные монастырские корпуса, сформированные вокруг прямоугольного двора-клуатра с крытой галереей вокруг двора. К сакристии примыкает восточное крыло, в котором помещается зал капитула. За ним следует южное крыло с помещениями для совместного труда монахов. Западное крыло предназначается для трапезной.

Организация монастыря, получившая наиболее широкое распространение, чаще всего иллюстрируется примером аббатства цистерцианцев де Фонтеней (храм 1137—1147). В целом в нем повторяется предыдущая схема, вместе с тем отчетливо проявляются свойственные цистерцианцам принципы рационализма. При этом ядро храма и пристроенных к нему главных монастырских сооружений расположено в центре двора, обведенного внешней оградой иррегулярной в плане формы. В свою очередь ядро всего комплекса получает четко геометрический регулярный, характер. Пресбитерий храма завершается не апсидой, а прямой стеной.

Другой, сложившийся в древности тип архитектурной организации монастыря характеризуется концентрической композицией, он получил распространение в монастырях ордена картузов и в Италии известен под названием «грандиозная чертозина». Монастырский комплекс по периметру имеет оборонительные укрепления и строится посредством двух замкнутых дворов, расположенных по продольной оси храма. Эти дворы окружают как пространство перед входом в храм, так и пространство со стороны его алтарной части. Храм симметрично встроен в систему монастырских корпусов и имеет четкое разделение внутреннего пространства согласно требованиям монастырского устава. Образцом этого типа храма является первый монастырь картузов Большой Шартрез (Grande Chartreuse), основанный св. Бернардом (1084). Другим примером может быть итальянский монастырь Сан Феличе (S. Felice) в Павии (VIII, X, XVI вв.)[2].

Новый этап развития монастырей наступил в XVI—XVII вв. Протестантская реформа XVI в. явилась первым серьезным выступлением против монашеского устройства. Однако волнения и разрушения, вызванные протестантской реформой, для католической церкви в конечном итоге оказались толчком к новому развитию. Тридентский собор (1545—1563) начал глубокую регулярную реформу и послужил началом нового расцвета монашества в латинской церкви. Решения собора касались и литургической службы, они прямо повлияли на утверждение определенного пространственного устройства католического храма. Период XVII—XVIII вв. стал временем восстановления аббатств и монастырских церквей, расцвета немецкого и итальянского барокко в архитектуре, искусстве живописи и скульптуры, музыке.

Выработанный Контрреформацией тип архитектуры монастыря связывают с конкретными образцами церкви св. Игнатио и коллегии иезуитов

в Риме (Collegio Romano). Он во многом являлся преемственным от предыдущего, сложившегося еще в XI—XII вв. Отличие, однако, заключалось в том, что монастырский комплекс главным фасадом обращен непосредственно к общественным пространствам. Монастырь имеет компактный план. Храм своими северным и восточным фасадами встроен в систему корпусов коллегиума, образующих три внутренних замкнутых двора регулярной в плане формы. Образцом комплекса храма и монастыря эпохи Контрреформации также принято считать Иль Джезу в Риме (храм 1568).

Самые древние католические ордена, такие, как бенедиктинский и цистерцианский, оказавшие существенное влияние на развитие культового строительства соседней Польши романского периода и готики, в Беларуси не получили активного распространения. Из десяти основанных здесь бенедиктинских монастырей наиболее древний берет начало на пороге XVI—XVII вв., в связи с возведением женского монастыря в Несвиже. В Беларуси насчитывалось только три цистерцианских монастыря, и они появились довольно поздно, только в XVII в. Особое место занимает Березовский монастырь — единственный представитель в Беларуси картезианцев, одного из старейших ответвлений бенедиктинского ордена. Став одним из заметных архитектурных явлений XVII в., он мало вписывается в общую канву истории белорусского зодчества и должен быть рассмотрен отдельно, в ряду построек наиболее древних католических орденов.

Важную роль в развитии католических монастырей в крае сыграли два других древних ордена, основанные в XII—XIII вв. — францисканский и доминиканский. По инициативе коронованных особ, под покровительством великих князей литовских Гедимина, Витовта, а также короля Сигизмунда I и его жены, королевы Боны (Сфорца), первые францисканские монастыри появились уже в XIV—середине XV в., например, в Новогрудке (1323) и Ошмянах (около 1400). Их первые деревянные постройки впоследствии были заменены монументальными сооружениями. До нашего времени также не дошли и изображения древнейших францисканских монастырей, потому об их архитектуре судить сложно. Из уцелевших на территории края самыми древними являются костелы в Пинске (1510) и Гольшанах (1618), в дальнейшем неоднократно перестраивавшиеся и подновлявшиеся.

Вслед за францисканцами пришли монахи-доминиканцы, которые основали свой первый в крае монастырь, разместив его в Островце (1468), ктитором выступил киевский воевода М. Гаштольд. Сохранились только более поздние сооружения этого монастыря (1787). Впоследствии доминиканцы стали одним из самых распространенных католических орденов в Беларуси, на ее территории им принадлежали свыше сорока монастырей. Время наибольшей строительной активности доминиканцев приходится на относительно поздний период, а именно XVII—начало XIX в.

Значительное влияние на культовое строительство Беларуси оказали кармелиты, первые монастырские постройки которых известны с начала XVII в.

Всего они основали 16 своих костелов и кляшторов, три из которых — в Бресте, Пинске, Глубоком — принадлежали движению обсервантов, так называемых кармелитов босых.

Великолепные, хотя и немногочисленные памятники оставили пиары и августинцы, а также другие прибывавшие на территории Беларуси католические ордена, такие, как капуцины, тринитарии, августинцы, бригитки, последователи мальтийского ордена, миссионеры, реформаторы (обычное название францисканской реформации), менее заметный след оставили мариавитки, комунисты, каноники регулярные (св. Августина) и др.

Не умаляя значения древнейших монашеских орденов, наиболее энергичную и решительную роль в сакральном строительстве западной христианской церкви в крае следует признать за относительно «молодыми» католическими монашескими движениями — орденами бернардинцев и иезуитов.

Интенсивное проникновение и развитие сети этих католических монастырей в Литве и Беларуси было обусловлено исторически. Древнейшие, сложившиеся в западноевропейских странах монашеские организации, имевшие прочные, веками устоявшиеся традиции, в том числе в деле умножения последователей своего движения, располагали своими ранее сложившимися знаменитыми центрами, своими обширными областями влияния и авторитетом в Европе и на других континентах. По активности и новизне средств миссионерской деятельности они в определенном смысле уступали молодым орденам.

Бернардинцы и иезуиты оказали наиболее решительное воздействие на Беларусь и во многом обеспечили успех и прочное положение католической церкви в крае. Нетрадиционные средства воздействия на паству, живая и энергичная пропаганда, предпринятые вновь образованными монашескими орденами бернардинцев и иезуитов, в первую очередь и более других способствовали распространению католицизма в белорусско-литовских областях. Однако используемые этими орденами способы и методы религиозной пропаганды были различными.

Деятельность ордена иезуитов отличалась особой закрытой формой централизованной иерархической организации «полумонашеского-полуполитического» типа со строжайшей дисциплиной. Образованный в середине XVI в. орден прежде всего ставил своей целью борьбу с реформацией и атеизмом. Руководствуясь девизом «цель оправдывает средства», иезуиты действовали любыми методами, пуская в ход лицемерие, предательство, коварство, ханжество, тайные и явные злодеяния и т. д.

Успехи и заслуги бернардинцев заключались в том, что они наиболее искусно сумели преодолеть стену отчуждения местного христианского населения. Они нашли себе верных сторонников и союзников, проводников своих правил и идей среди элитарных слоев польско-литовской, белорусской шляхты. Задействовав силы и возможности политико-административной власти, колоссальные материальные средства местных магнатов, они приступили к массовому

строительству своих монастырей. В пределах белорусских земель их насчитывалось свыше тридцати, и в количественном отношении монастырское строительство бернардинцев уступало только ордену доминиканцев.

О развитии монастырской архитектуры римско-католической церкви в Беларуси можно судить по сохранившимся, главным образом монументальным, памятникам зодчества. Основной объем монументального монастырского строительства здесь приходится на XVII–XVIII вв. Стилистически памятники монастырской архитектуры более всего связаны с традицией барокко, хотя в наиболее ранних сооружениях проявляются отголоски ренессансной художественной культуры. Архитектура барокко и рококо в католическом монастырском и храмовом строительстве Беларуси, в отличие от других европейских стран, остается равнодушной к одной из генеральных стилистических идей эпохи, связанной с системой, основоположником которой был Гварини. В планировочном и объемном построении храмов практически не встречается метод сопряжения нескольких близких по размерам и масштабу круглых, эллиптических форм. Зато другая генетическая линия барокко, которую принято связывать с именем Кристофа Динтценгофера, характеризуемая принципом соотношения пространственных форм стены как «стена-колонна», стала доминирующей в сакральном искусстве края. Принцип «стена-колонна» применялся в произведениях храмовой архитектуры различных католических орденов на протяжении XVII – начала XIX в. В то же время основой объемно-пространственной организации культового сооружения, символически выражающей сакральное содержание католического храма, оставалась базилика.

В проектной и строительной практике католической церкви не было разделения архитекторов по принадлежности к одному из орденских законов. Итальянский архитектор и математик — иезуит, ученик Виньолы Ж.-М. Бернардони наряду с костелами иезуитов в Несвиже и Кракове строил костел бригиток в Гданьске, бернардинов в Кальварии Зебжидовска в Польше.

Особенно отчетливо участие одного архитектора в возведении костелов различных орденов прослеживается по материалам XVIII в. Вероятно, это объясняется большим числом сохранившихся документов по позднейшему периоду строительства католической церкви. Доминиканин, преор в Розенах Людвиг Гринцевич, автор и строитель костелов доминиканцев в Друе, Розенах, Несвиже, Верболове, наряду с этим проектировал и строил костелы августинцев в Забялах-Волынцах и Вильно. Имя генуэзца Антони Параццо, работавшего над костелами доминиканцев в Друе и Забялах, связывают также со строительством костела, ратуши, библиотеки Платеров в Краславе, монастырей миссионеров в Освее, Вильно и Новогрудке. Архитектор Ян Кристоф Глаубитц, начавший свою карьеру в Вильно в 1737 г., принимал активное участие в реконструкции многих костелов и монастырей Литвы и Беларуси: фасады, колокольня и каплица св. Барбары, большой алтарь костела св. Яна в Вильно; ранее начатый Езефом Фонтана III костел мальтийского ор-

дена в Столовичах; восстановление после пожара православной церкви Святого Духа и костела св. Катарины в Вильно; дворец униатского митрополита Флориана Гребницкого в Струни под Полоцком и костел базилианов на основаниях древней Софии в Полоцке; костел кармелитов в Мстиславле. Глаубитц осуществлял экспертизу заложенных архитектором Овсюкевичем фундаментов костела базилианов в Борунах; участвовал в строительстве клаштора и каплицы базилианов в Троицком монастыре в Вильно; по заказу православной церкви проектировал и строил дворец архиепископа, монашеские кельи, здание семинарии в Могилеве и там же завершил строительство Спасского собора[3].

Достаточно разностороннее представление о специалистах, занятых в эклезиастском строительстве Беларуси, можно составить по материалам словаря иезуитов-художников.

В нем собраны подробные сведения о строительной деятельности членов этого ордена на протяжении XVI–XIX вв. По этим документам видно, что при возведении инославных монастырей были заняты выходцы из Италии, Англии, Франции, но в большей степени Германии и Чехии. Многие мастера были родом из Польши и белорусско-литовских земель. Они получали специальное архитектурное образование в местных коллегиумах. Некоторые, вероятно наиболее одаренные, люди из числа местных архитекторов получали возможность завершить свое образование и совершенствовать мастерство в западноевропейских центрах — Вене, Париже, Риме. С определенной долей уверенности можно сказать, что к концу XVIII в. в Беларуси сложились несколько своих архитектурных школ. Такие мастера, как Томаш Жебровский (1714–1758), его ученик профессор архитектуры Габриель Ленкевич (1768–1772) и ученик последнего Франтишек Карой (1731–1802), — сами воспитали плеяду мастеров. Некоторые из них оставили свои имена в истории монастырского строительства края. В их числе уроженец Литвы профессор архитектуры Матеуш Киселевский (1738–1802); родившийся в Витебске профессор архитектуры Василий Шляхта (1744–1774) и др.

Есть основания утверждать, что в XVIII в. сложилась и существовала профессиональная специализация архитекторов, разделение их по роду основной деятельности на практиков и теоретиков. И те и другие вели преподавательскую работу в многочисленных провинциальных коллегиумах. Среди теоретиков следует назвать Мартина Почобута (1728–1810), члена Королевской Академии наук в Лондоне и Французской Академии, именно ему было поручено составить новую и точную карту Литвы. Уроженец Малопольши Петр Святковский (1744–1793) подготовил пособие по военной архитектуре, 4-томный курс по технике декорационного искусства, выпустил в свет два издания пособия по сельскому строительству. Наряду с изданиями зарубежных теоретиков архитектуры эти отечественные издания, безусловно, сыграли важную роль в профессиональном обучении местных специалистов.

Предметом деятельности архитекторов были как работы по созданию каменных и деревянных алтарей, надгробий, так и создание храмовых сооружений, в равной степени требовавшие самого высокого уровня мастерства. Весьма широкая сфера деятельности архитектора, требующая от него универсальных знаний и мастерства, во многом была отличительной чертой зодчества Польши, Литвы и Беларуси, что очевидно следует из монографических трудов по польскому барокко.

Особое значение имели работы мастеров столярного дела, среди которых в крае значительную роль сыграли родившийся в Мазовии Антонион Лазуревич (1710–1949), уроженец Беларуси Миколай Грабовецкий (1718–1748), выходцы из Германии и Литвы Якоб Грум (1709–1790) и Андрей Сальцевич (1739–1808).

Неверным будет сводить роль мастеров столярного дела только лишь к работам по церковному декоративно-прикладному искусству. Безусловно, столярные и резные работы в католических храмах составляли широкую номенклатуру изделий: включение круглой пластики в архитектурные композиции алтарей, притом в отдельном католическом храме алтарей насчитывалось до десяти и более; амвон; сценографические композиции по декоративному оформлению церковных праздников; лавки, в том числе отличавшиеся богатой резьбой и предназначенные для пресбитерия; балюстрады; исповедальни и многое другое. Осуществлявшие названные работы мастера, кроме того, выполняли множество заданий архитектурного характера — конструкции завершения башен главами и шпилями сложной конфигурации, окна и двери, стропила кровли. Они привлекались также к разработке лепного декора экстерьеров каменных костелов, как-то: Андрей Бемер изготовил алтарь костела бернардинцев в Ивье, и он же стал автором каменного резного фронтона костела бернардинцев во Львове. Названные специалисты одновременно являлись и мастерами деревянного зодчества, им поручалось строительство деревянных храмов, часовен, колоколен, монастырских жилых, служебных и хозяйственных строений, оград. Так, упоминается, что приехавший из Вармии столяр Езеф Шилль (1707–1751), много работавший в костелах Вильно, Минска, Полоцка, Новогрудка и Бобруйска, в окрестностях Полоцка и на фольварках, принадлежавших иезуитской коллегии этого города, поставил «четыре костелка сельские»[4].

В монастырском зодчестве каменное строительство сочеталось с деревянным. Доля каменного строительства в общем объеме работ заметно увеличилась начиная с середины XVIII в. В этой связи достойна внимания деятельность каменных дел мастера Бенедикта Лоча (1714–1753) из Аугсбурга. В 1747–1752 гг. он активно налаживал кирпичное производство, руководил созданием заводов в Бобруйске, Новогрудке, Полоцке.

Архитектура инославных монастырей Беларуси основывалась на глубоких профессиональных знаниях истории архитектуры, изучении работ итальянских теоретиков архитектуры ренессанса и барокко, непосредственном знакомстве с проектами и творениями великих мастеров Бернини, Борроми-

ни, Гварини и других. В Беларуси, благодаря распространению иезуитских коллегиумов с их универсальной системой обучения, было налажено регулярное архитектурное образование. Можно говорить об участии в монастырском строительстве специалистов трех уровней. Среди них были иноземные мастера и выходцы из польских, белорусско-литовских областей, получившие дополнительное образование за рубежом; местные хорошо подготовленные архитекторы; грамотно проектирующие и строящие мастера строительного дела, передававшие свое искусство посредством обучения помощников непосредственно по ходу производства работ.

Далее постараемся отдельно проследить историю монастырского строительства наиболее влиятельных и распространенных в Беларуси католических орденов, определить особенности градостроительной роли монастырских комплексов, закономерности планировочной композиции, особенности архитектурной иконографии.

Бенедиктинцы, цистерцианцы, картузы

Начав свой путь в странах Ближнего Востока — Египте, Сирии, Палестине, — монашество стремительно распространяется в Европе. Здесь огромную роль сыграл св. Бенедикт (родился в 480 г. в Нурсии, сначала посвящал себя занятиям науками в Риме, на 14-м году жизни удалился в пустыню). Основное положение написанного им в начале VI в. в Монте Кассино «Устава святого Бенедикта» — это «ora et labora» (молись и работай). Орден бенедиктинцев обосновался почти во всех странах Европы. Бенедиктинские монастыри становятся центрами христианской культуры Средневековья. Однако уже в XI в. намечается упадок монашества. Радикальные реформы монашеской жизни кажутся ушедшими в прошлое, богатство и вовлеченность в политические интриги подрывают авторитет ордена, ощущается потребность в возврате к истокам — бедности, лишениям, молитвенным подвигам и физическому труду[5].

Картезианский орден основан после проведения Клюнийской реформы в 1084 г. св. Бруно (1030—1101), во время пребывания его профессором знаменитого университета в Реймсе, во Франции. В долине, на высоте 1200 м, в 24 км к северо-востоку от Гренобля он основал первый монастырь картузиан Шартрез (лат. Cartasia, откуда и пошло название ордена). Официально орден утвержден в 1176 г.

Центром возрождения монашества становится Клюни в Бургундии, в котором монахи снова строго придерживаются первоначальных правил ордена. Обратной стороной быстрого роста ордена вскоре снова становится увеличивающееся богатство и земельные владения, влияние света и политические интересы. Из-за преувеличенного влияния, придаваемого литургии и молитвенным обязанностям, у монахов почти не остается времени для физической работы.

Цистерцианский орден, также являющийся ответвлением от бенедиктинцев, был основан с намерением вернуться к истинным правилам ордена. Местом рождения цистерцианцев стал монастырь Сито в Бургундии. Основателями ордена считаются аббат Роберт и приор Альберих, вместе с братией покинувшие монастырь Молесм (1098), а также продолживший их начинания английский монах Стефан Гардинг. Он создал для монастыря модель свода законов «Charta caritatis», которая развивала положения устава св. Бенедикта.

Монастыри цистерцианцев располагаются в укромных лесных долинах, воплощающих идеал бегства от мира. Они должны были быть построены

прочно и функционально, без башенок, украшений и ярких цветов, исключалось все, что могло отвлечь от содержания Бога. По филитативному принципу каждое аббатство было самостоятельно и одновременно жестко включено в общий орденский союз. Центральная власть принадлежала генеральному капитулу в Сито, куда ежегодно обязаны были являться все аббаты.

Жизнь монахов была строго регламентирована, день разделен на две равные части, предназначенные для молитвы, работы и отдыха. Начиная с двух часов ночи и еще шесть раз в день собирались монахи для совместной молитвы в церкви. Вершиной литургической жизни монастыря являлась ежедневная месса. В зале для собраний зачитывался свод правил ордена, а затем совершалось поминовение усопших братьев. В трапезной дважды в день, зимой только один раз, осуществлялся прием горячей пищи. Один раз в день монахи имели право погреться в единственном отапливаемом помещении монастыря — калефактории. Вечерней молитве предшествовало чтение из священных книг. Устав монастыря предписывал ежедневно от пяти до восьми часов физической работы, так как она тоже вела к Богу и к познанию Бога. Монахи исполняли трудовое послушание — переписывая книги, ухаживая за больными, в мастерских, монастырских садах и на ближайших полях хозяйственного двора. Для выполнения необходимых монастырю работ в общину стали принимать «вольных братьев». Поскольку они были неграмотны и не должны были выполнять общие молитвенные установления, в ордене они считались членами второго ранга. Они жили и работали в особых помещениях и использовались как ремесленники в монастырских мастерских, как каменщики и плотники на строительных площадках, как рабочая сила на полях, в садах, виноградниках и при освоении новых земель.

В романской архитектуре цистерцианские церкви представляли собой особый тип церковного сооружения. Чаще всего он встречается в глухих низменных местах. В Германии, Франции, Бельгии XII–XIII вв. они отличались простотой плана и отделки, не имели колокольни, которую иногда заменяла деревянная звонница над крышей. Храмы по большей части были базиликами, реже зальной (однонефной) системы. Характерной особенностью было решение хор: при зальной системе хоры (пресбитерий) кончались плоской, прямо сведенной стеной. К пресбитерию примыкают две или три низкие и также прямоугольные капеллы, сообщающиеся между собой и открывающиеся в пресбитерий арками. При базиликальной системе низкие боковые нефы, продолжаясь по сторонам от полуциркульного в плане пресбитерия и встречаясь за ним, образуют обход за алтарной частью. К полукружию обходной галереи снаружи примыкает венец сообщающихся между собой капелл, нечто вроде второго, еще более низкого обхода.

Клуатры в цистерцианских монастырях примыкали к костелу чаще всего с юга. Их низкие, иногда двухэтажные галереи открываются наружу массивными полуциркульными арками, опирающимися на простые круглые столбы; в середине пролета каждой арки обычно помещается коротенькая ко-

лонна, разделяющая ее на две арки. Подобные арки используются в самих церквах и других монастырских помещениях[6].

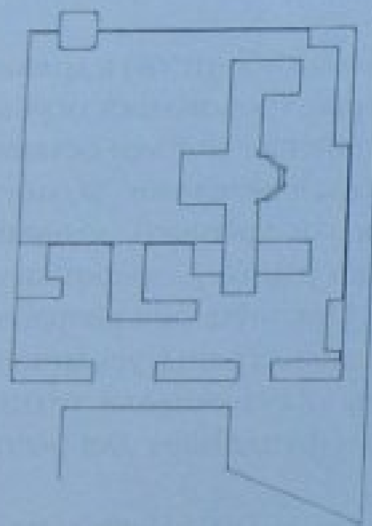
Цистерианцы и картузы предпочитали строить свои аббатства в долинах или в нездоровых, климатически вредных местах, которые требовалось осушать, оздоровляя земли. До настоящего времени цистерцианские монахи остаются мастерами дренажа, рекультивации земель, преобразователями экологически сложной среды. Они проектировали и прокладывали дренажи, канализацию, набережные, искусственные пруды для разведения рыбы, разрабатывали способы сохранения резервов воды на случай засухи. Наконец, они разрабатывали необходимые технологии для роста плодородия земель страны, увеличения производства продуктов питания и фуража. Картузы обеспечивали технический прогресс в хозяйственной деятельности, заложили фундамент для распространения ирригационных лугов в Лотарингии.

Бенедиктинцы и цистерцианцы основали и направляли деятельность многих знаменитых университетов для всеобщего обучения, среди которых Сан-Бернард коллегиум (Saint Bernard, 1245) в Париже, Оксфорд (Oxford, 1281) в Англии, Саламанка (Salamanca) в Испании, Метц (Metz) в Германии и др.

В течение XIII столетия в цистерцианских монастырях появляются признаки упадка. В XVI в. тяжелый урон ордену нанесла Реформация. Только расположенные в остававшихся католическими областях — Испании, Португалии и других — отделения ордена сумели пережить тяжелые времена и достичь в XVII–XVIII вв. нового расцвета.

72 Бенедиктинский монастырь в Городоще (XVII в.), рис. Н. Орды

73 Бенедиктинский женский монастырь в Несвиже (1590–1695), схема планировки комплекса, реконструкция автора

74 План Несвижа XVII в.:

1) коллегия иезуитов;
2) замок кн. Радзивиллов;
3) женский бенедиктинский монастырь;
4) бернардинский монастырь;
5) ратуша и монастырь доминиканцев

В Беларуси древнейшие ордена появились в пору их относительного кризиса, они оказали не самое заметное влияние на монастырское строительство края. Это обстоятельство в значительной степени отличает Беларусь от соседней Польши, где бенедиктинцы посредством саксонских монастырей оказали влияние на культовое строительство еще в романский период[7].

В Беларуси существовали немногочисленные, главным образом женские, бенедиктинские монастыри. Самый древний из них был основан в Несвиже (1590). Отдельное аббатство было организовано в 1659 г. в Городоще, около Пинска (иначе Городыще) приехавшими сюда монахами из Монте Кассино. Изображение городощенского монастыря сохранилось в альбомах Н. Орды. Другое аббатство возникло при упоминавшемся женском монастыре в Несвиже (1673). Вслед за этим бенедиктинские монастыри появились в Слониме (1669 г. деревянный, 1801 г. каменный), мужской и женский в Минске (1701), женские в Гродно (упоминается под 1740 г.) и Говезно (1742)[8]. В 1709 г. образовалась бенедиктинская польская конгрегация, соединившая все монастыри в одну организацию, но и после этого орден не поднялся из упадка. После упразднения в XIX в. многих католических монастырей Беларуси только бенедиктинский мужской монастырь в Минске продолжал действовать до начала XX в.

Цистерцианские монастыри размещались в таких белорусских селениях, как Вистичи (1678), Внетицы и Кимборы. На территории Беларуси был основан единственный монастырь картузов в поселке Береза (1602).

Принципы архитектурно-планировочной организации чертозины, подобные монастырю картузов Большой Шартрез, частично реализованы в комплексе монастыря бенедиктинок в Несвиже. Это был первый в крае женский католический монастырь и один из пяти монастырей, которые основал в конце XVI в. в своем владельческом городе Николай Христофор Радзивилл «Сиротка» вместе с братом, кардиналом Юрием Радзивиллом. Строительство монастыря продолжалось на протяжении 1590–1595 гг.

Монастырский комплекс располагался возле юго-восточного бастиона города-крепости, что автоматически обеспечивало ему две линии укреплений по границам участка. Дополнительно территория монастыря, в плане имевшая форму квадрата, размером примерно 100×100 м, по периметру была обнесена стеной. Южная часть квадрата плана была отрезана сплошной оградой и, по-видимому, имела назначение хозяйственного двора, посредством широкой улицы она свободно сообщалась с городом. Северная, большая по размерам часть монастырского двора, замкнутая сплошной оградой с воротами, отводилась для сакральной функции — исполнения монашеских обетов, она также разделялась на две части.

В центре помещался каменный однонефный храм, ориентированный алтарем на восток. По сторонам от него, симметрично располагались пристроенные каменные корпуса. Вход в храм, как это было принято в монастырях

75 Алтарный фасад костела монастыря бенедиктинок в Несвиже

самого строгого устава, осуществлялся непосредственно из внутренних коридоров монастыря. Архитектура костела отличается крайней простотой, сложные формы были использованы только в решении восточной алтарной стены, выступающей из-за линии монастырских строений. Причем между линией восточной стены корпусов и апсидой, на стыках их примыкания друг к другу сделан небольшой зазор, щелевидное углубление, которое усиливает значимость форм алтарной части храма. Торцевой части граненой апсиды, замыкающей пресбитерий, благодаря двум изломам, приданы вогнутые формы. Эта, слегка утопленная центральная часть торца апсиды имеет сегментное завершение. Впечатление напряженного движения форм восточного фасада храма усиливается контрастным сопоставлением высоты полуциркульных окон на гранях апсиды — центрального, значительно вытянутого в торце, и боковых, относительно невысоких, по угловым граням. К апсиде пресбитерия по сторонам пристроены две низкие симметричные прямоугольные простой формы объемы с окнами в восточной стене, а также еще меньший по размерам притвор к центральной торцевой части апсиды с дверным проемом.

Подчеркнутое выделение в архитектуре и главного парадного фасада храма, и его алтарной, восточной части, обращенной к наиболее потаенной сакральной зоне монастыря, свидетельствует об ориентации костела несвижских бенедиктинок на древнейшие и основополагающие для ордена образцы монастырской архитектуры.

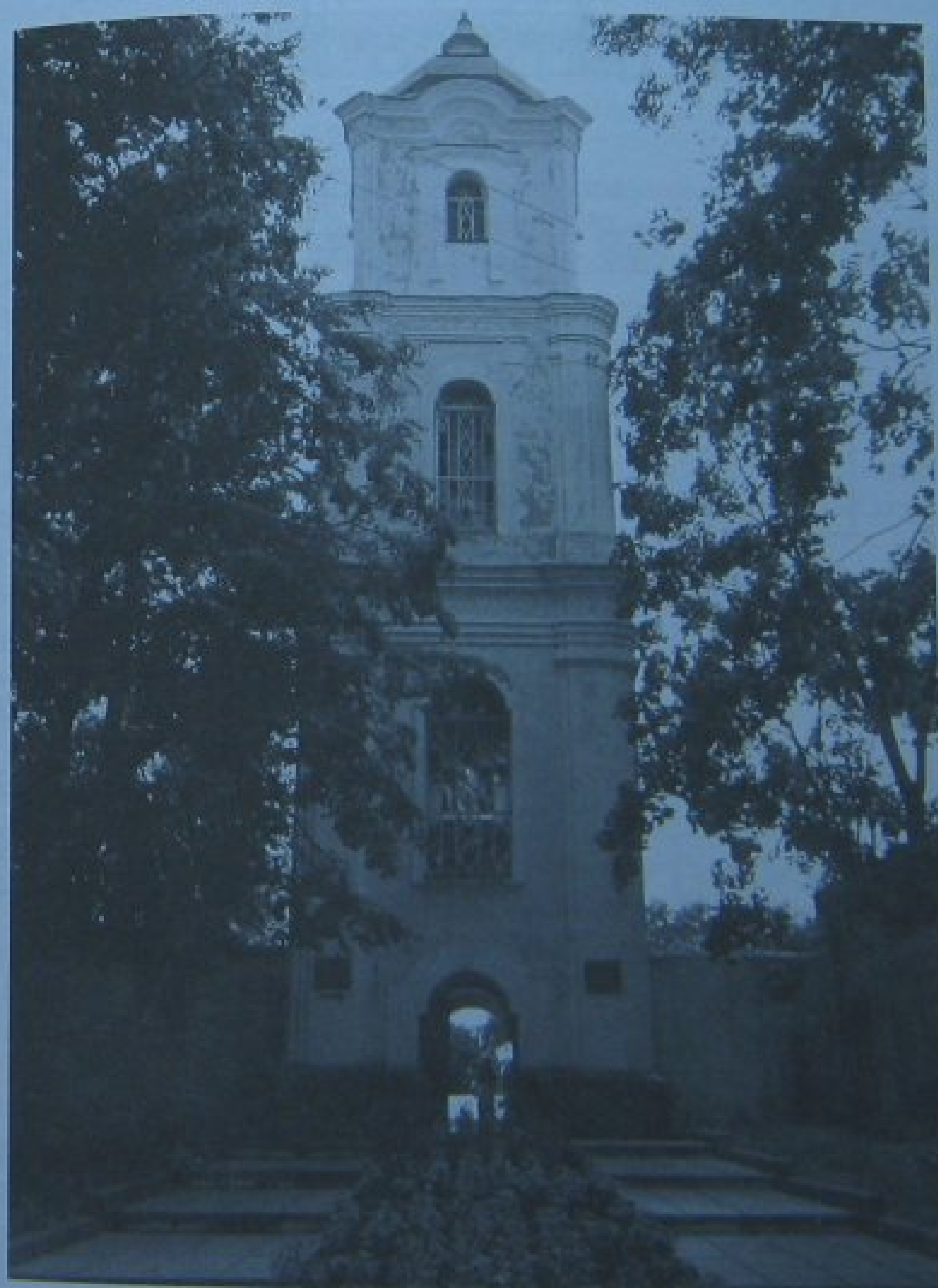
В целом ядро храма и пристроенные к нему монастырские корпуса имеют прямое сходство с приемом, который использовался при решении центрального фрагмента комплекса монастырей картузов. Однако на этом сходство с исходными образцами и заканчивается. Архитектурно-пространственная организация расположенных вдоль продольной оси храма двух замкнутых дворов, сформированных как с западной, так и с восточной, алтарной стороны храма, носит нерегулярный и достаточно случайный характер, впрочем, указывающий на стремление со временем осуществить периметральную застройку внутреннего и внешнего дворов. Тем не менее четкое разделение внутреннего пространства монастырского комплекса на две автономные зоны — восточную для посвященных (затворников) и западную для непосвященных — определенно отвечает функциональным требованиям, обусловленным строгим монастырским уставом бенедиктинцев.

Составленные Т. Маковским в начале XVII в. чертеж плана и аксонометрическое изображение Несвижа свидетельствуют об отсутствии высотных доминант в архитектуре монастыря XVII в. Только одна небольшая главка поднималась над центральной частью храма. Невысокими были также ворота входа в монастырь.

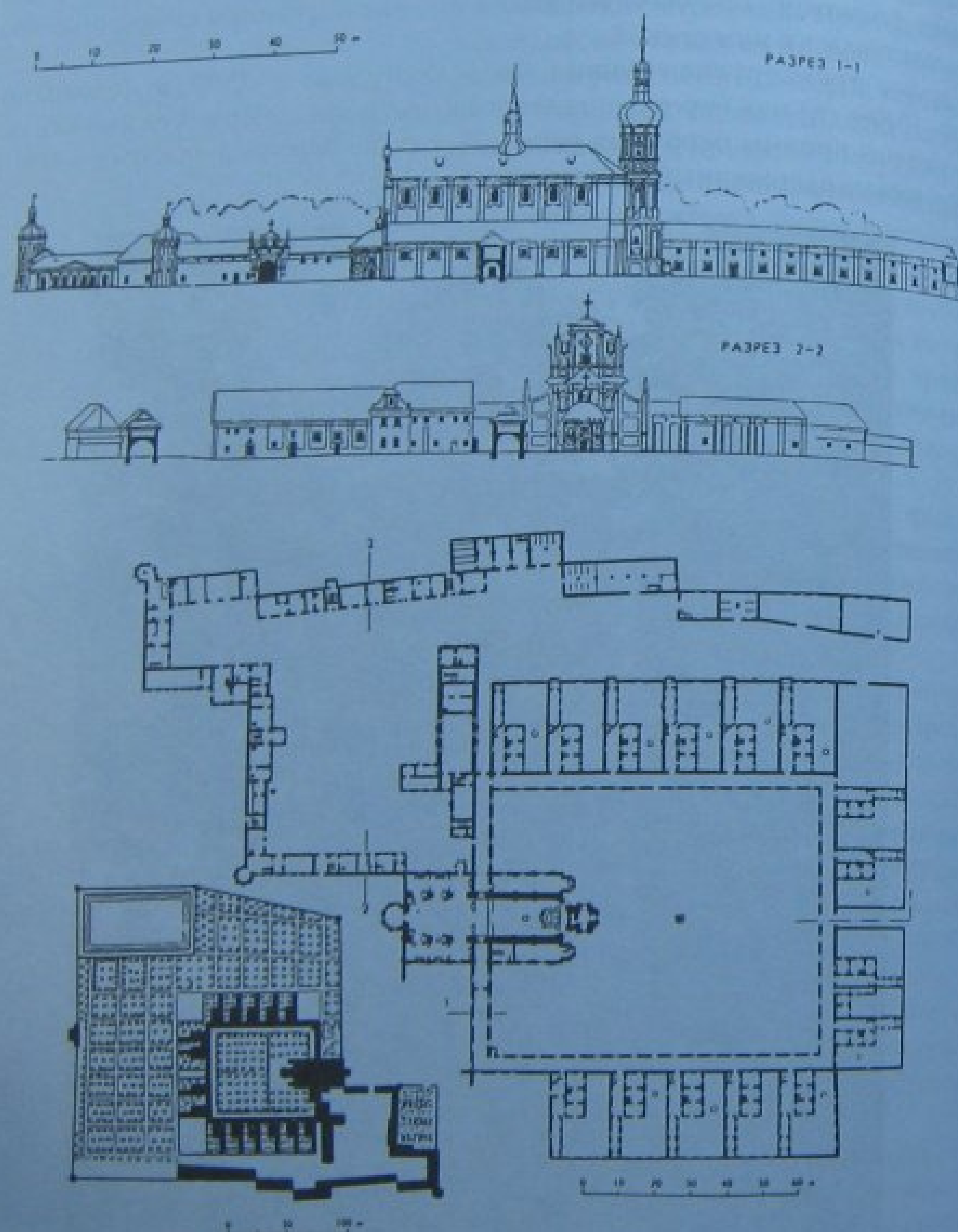
Позднее, в конце XVII–XVIII в., монастырь украсили две многоярусные башни. Согласно рисунку Н. Орды, к западному фасаду примыкала восьмигранная трехъярусная башня-колокольня, которая во второй воловине XIX в.

была разобрана. Трудно предположить, каким образом башня была пристроена к западному фасаду храма, разделенному лопатками на два вертикальных прясла стен, прорезанных полуциркульными разной высоты окнами в два уровня. Возможно, она была возведена рядом с костелом и стояла отдельно или соединялась с ним стеной.

Другая трехъярусная башня была построена в XVIII в. (очевидно, 1730–1840-е гг.) над воротами главного входа в монастырь. В ее формах использованы приемы барочных решений, однако барочная пластика и декор носят весьма сдержанный характер[9].

76 Колокольня монастыря бенедиктинок в Несвиже (1730-е)

77 Березовский монастырь картузов (1648–1689), обмеры 1830-х гг. (по Е. Квитницкой)

Единственный на территории Беларуси монастырский комплекс, в точности повторяющий образцы монастырей картузов XI в., был построен в имении Береза. Сохранившиеся и достаточно разноречивые свидетельства о начале деятельности ордена в Беларуси сводятся к тому, что основателем монастыря является Лев Сапега, а строителем его сын, Казимир Сапега. Оба именитых магната были известны необычайно активным строительством монастырей в различных областях Великого Княжества Литовского.

По одним сведениям, идея создания монастыря возникла под впечатлением, полученным Львом Сапегой от путешествия в Альпийских горах на вершину горы св. Бернарда. Канцлер получил разрешение о присылке к нему монахов из монастыря ордена св. Бруно и в 1602 г. заложил в своих владениях монастырь картузов, в котором настоятелями всегда оставались выходцы из монастыря св. Бернарда[10].

По другим источникам, Казимир Сапега, получивший от Папы Александра VII наследуемый титул «Князя Священной Римской империи» за деятельность в заступничестве католической религии в Польше (он основал несколько десятков католических и более 20 униатских монастырей), установил связь с орденом и получил согласие на основание монастыря у епископа Андрея Гембицкого. В результате в Брестское воеводство из Парадижа под Гданьском был направлен приор Филипп Кульман, который и избрал местечко Береза для размещения монастыря. В 1648 г. было получено разрешение генерального капитула ордена, после чего состоялись пожалования Казимиром Сапегой вновь образуемому монастырю крупных недвижимых владений[11].

Монастырь ордена св. Бруна был построен в 1648–1689 гг. Он располагался при речке Ясельде, в 34 верстах от города Пружаны. Строительством монастыря руководил итальянский архитектор, имя которого не сохранилось[12]. Березовский монастырь возводился по образцу «грандиозной чертозины». Его общая функционально-планировочная композиция и решение основных элементов ансамбля повторяют известные постройки картузов.

Монастырский комплекс состоит из двух обособленных и во многом противопоставленных друг другу замкнутых дворов. Они расположены по разные стороны от храма, вдоль его продольной оси. Со стороны главного входа (в данном случае к югу от костела) сформирован большой служебный двор полигональной в плане формы. Со стороны алтарной части храма устроен пристроенный симметрично и в единой с ним системе координат, недоступный извне, замкнутый регулярный комплекс для монахов-отшельников. По уставу монастыря, после прохождения послушания ни под каким предлогом монахи уже не могли переступить монастырских стен.

Комплекс для монахов строгого обета представлял собой П-образно расположенные ряды монашеских келий, с внутренней стороны объединенных между собой единым сквозным коридором, примыкающим к боковым сторонам храма и сообщающимся с ним. Тринадцать единообразных помещений-келий с отдельным входом в общий коридор-галерею представляли собой до-

мики, в каждом из которых были по три комнаты: первая предназначалась для занятий и имела выход в маленький садик, вторая служила для молитвы, третья для отдыха (такая система устройства келий сохраняется в монастыре Сан Феличе в Павии). Устав не позволял иметь постели и кровати, подушку заменял кирпич. Хотя в монастыре существовали общая столовая и сад, общая трапеза и прогулки совершались только раз в году, притом соблюдалось всегдашнее молчание.

Центром композиции являлись собор и внутренний двор монахов-затворников — наиболее сакральная часть монастыря, которой придавалось особое символическое значение. Характерная черта картузии — кладбище, находящееся в центре. Такое предназначение внутреннего сокрытого от профанов двора указывает на эсхатологическую направленность монахов. Как бы очерчивая его границы, вокруг проходит «большой крестный коридор», связывающий кельи между собой и с «малым крестным коридором». Именно коридор объединяет общие помещения внутри монастырского поселения, прежде всего церковь и зал капитула («парламента»). В Березе зал капитула располагался в отдельном корпусе, примыкавшем к большому коридору, к югу от храма.

Хозяйственные постройки и парк в картузии располагались на окраинах монастырских территорий. Согласно этому правилу в Березовском монастыре служебный и хозяйственный дворы находились к югу от сакральной зоны ансамбля, фронтом застройки отступая на значительное расстояние от храма. По остальным, восточной, северной и западной, сторонам от сакральной зоны были разбиты обширные регулярные сады, здесь же помещался большой регулярный пруд. Контуры внешних границ монастыря в плане имели полигональную форму и были обведены крепостными стенами, на углах которых возвышались невысокие многогранные башни с бойницами, покрытые куполом с фонарем. По периметру монастырский комплекс был окружен рвом. Монастырь имел располагавшиеся слева от входа в храм парадные и находившиеся за садом, в восточной монастырской ограде служебные ворота. Главный парадный вход осуществлялся через мощные сводчатые ворота, равные по ширине примыкающим к ним корпусам. Ворота также были снабжены бойницами, а над ними помещалась традиционная часовня. Ворота украшал богатый декор, близкий декору костела. В состав служебного и хозяйственного дворов входили здание богадельни (шпиталь), аптека, приемные, кельи рядовых монахов, трапезная, библиотека и хозяйственные службы[13].

Храм был освящен в 1666 г. Он представлял собой трехнефную базилику с одной небольшой центрально расположенной главой. К алтарному фасаду, обращенному в сторону замкнутого двора большого крестного хода, был пристроена мощная многоярусная башня-колокольня, оформленная арочными ордерными поясами и завершавшаяся крупной граненой главой и фонарем с крестом. Она отвечала требованиям оборонительного укрепления — имела исключительно толстые стены, небольшие проемы, на ярусах помещались пушки.

Главный фасад был разработан в формах пышной ордерной пятиосевой декоративной композиции, на углах его были установлены остроконечные пинакли, и в целом композиция приближалась к схеме «иезуитского фасада». При входе в храм был пристроен круглый, завершенный куполом барбакан — прием, широко распространенный в архитектуре католических и православных храмов этого периода.

Храм был симметрично встроен в систему монастырских корпусов и имел четкое разделение внутреннего пространства на три части, обусловленное необходимостью выполнения монастырского устава. Первая, восточная, в которой помещался главный престол, отделялась от остального пространства высокой деревянной решеткой. Здесь боковые нефы были отгорожены от центрального глухой стеной, и в них были устроены отдельные каплицы со своими алтарями. Эта удаленная и закрытая от внешнего мира часть храма предназначалась для затворников, каждому их которых в пресбитерии было отведено особое закрытое кресло.

Вторая, средняя, часть являлась собственно частью коридора большого крестного хода и служила для прохода в храм монахам строгого обета. Упоминается также о том, что узкое пространство между пресбитерием и тыльной стороной алтаря западной части костела служило для молитвы приготовлявшимся к монашеству строгого обета.

Третья, западная, часть внутреннего пространства храма, доступная для рядовых монахов и мирян, раскрывалась в боковые нефы шестью опорными столбами. Ее восточная стена с алтарем была оформлена в виде резного позолоченного иконостаса, имевшего северные и южные двери. Резьба была исполнена на дубе, по-видимому, самими монахами. Иконы были громадными по размерам. Самая крупная из них — «Распятие Спасителя», помещалась в центре алтаря. На ней были также изображены донаторы монастыря — портретные фигуры во весь рост Сапеги, его жены и слуги (лакея). В правой части алтаря помещалась икона Пресвятой Богородицы, с левой стороны — написанное на доске «Распятие». Около него была установлена расписанная под мрамор доска с аллегорической надписью: «Нищий, лишенный зрения, водим был мальчиком, водим был из деревни в деревню. На пути был им брошен, долго блуждал по лесу, пока наткнулся на крест и прозрел. Весть эта, конечно, распространилась по всему околотку и дошла до владельца этой местности, Льва Сапеги, человека благочестивого, коего иждивением и построен монастырь с костелом»[14].

Костел мужского цистерцианского монастыря сохранился в поселке Вистичи (Вистицы), расположенном в 13,8 км от Бреста. Это имение, знаменитое одним из древнейших в Беларуси костелом в Чернавчицах, в древности принадлежало королевскому роду Ягеллонов. Цистерцианский храм был посвящен св. Софии и основан на пожаловании подкоможего брестского Остафиана Тышкевича, фундуш утвержден сеймом в 1678 г., который и считается временем строительства храма.

Фиксационные чертежи (обмеры) первой трети XIX в. свидетельствуют о заложении на уровне функционально-планировочного построения комплекса системы, полностью согласующейся с традициями ордена. В архитектурной организации монастыря в полной мере учтены требования богослужебного назначения комплекса с условиями труда на поприще земледелия и повышения аграрной культуры, характерными для монахов-цистерцианцев.

Монастырь находился в центре селения, сложившегося по эксцентрической схеме планировки, свойственной частновладельческим местечкам края. Вместе с монастырем на городской площади, имевшей иррегулярный, средневековый характер, располагались церковь с колокольней, другой приходский храм, корчма, жилые дома[15]. Такая же эксцентрическая композиция была придана и самому монастырскому комплексу. Его ядро — костел и кляштор — было максимально приближено ко входу в монастырь, осуществлявшемуся непосредственно с главной площади.

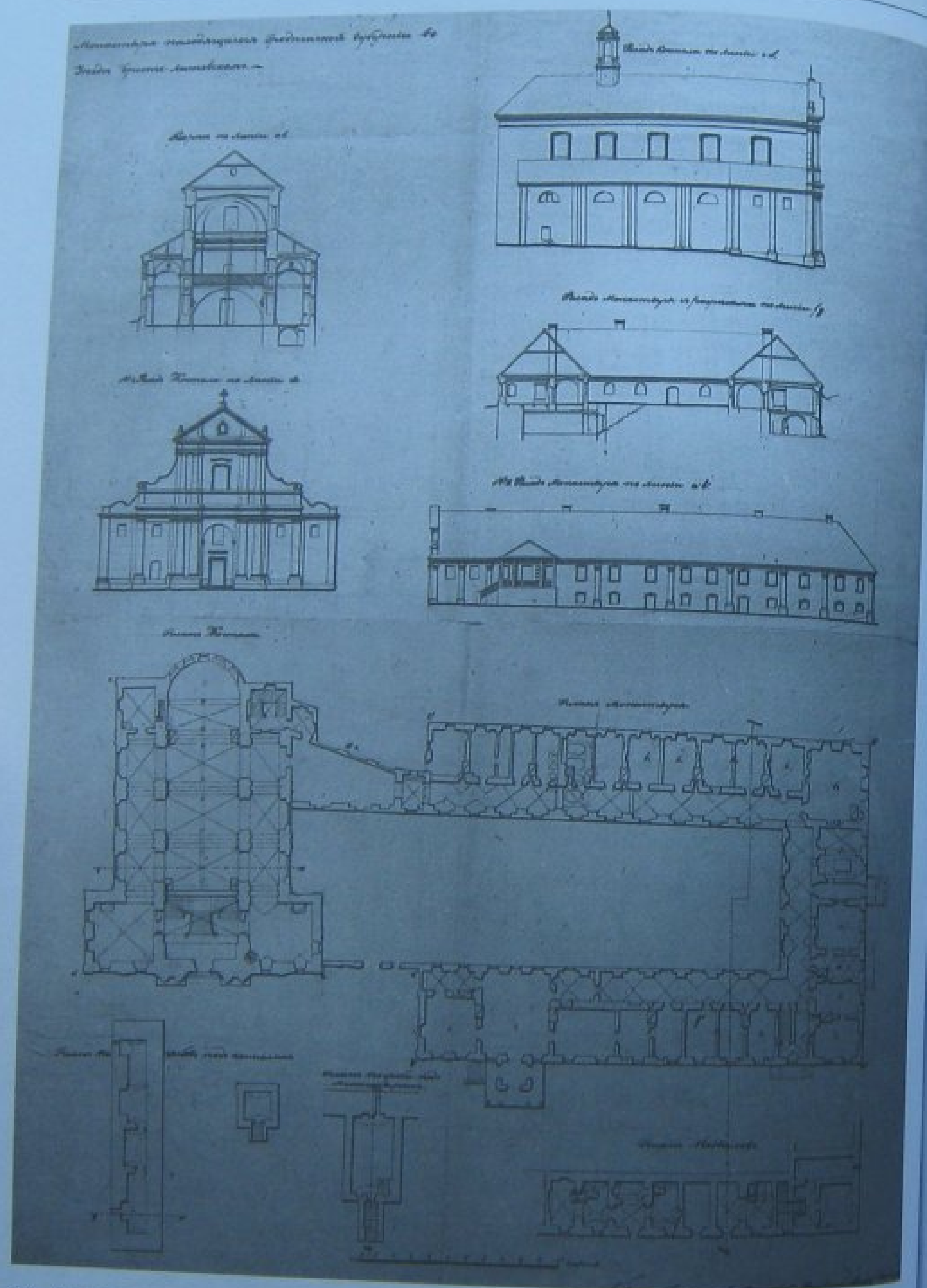
Каменные костел и монастырские корпуса составляют единый комплекс, система архитектурно-пространственного и планировочного построения которого сложилась у цистерцианцев еще в XII–XIII вв., а в период романской архитектуры и готики была перенята монастырским строительством Польши. Здесь, также как и в Великом Княжестве Литовском, в последующие столетия эта древняя схема оставалась основной, во многом неизменной техой построения архитектурного ядра комплекса католического монастыря.

Сложившийся в польскоязычной литературе термин «костел и кляштор» означает соединенные в единый блок храм и систему монастырских корпусов с устойчивой функционально-пространственной структурой на всех этапах реализации монастырского ансамбля: «Одновременно со строительством костелов и спустя недолгое время после их завершения возводились монастырские постройки, образующие вместе с костелом замкнутый прямоугольник — клуатр, по внутренней стороне которого проходила крытая галерея. В функциональной схеме размещения помещений сохранялась традиционная система бенедиктинского монастыря: сактистия (ризница) примыкала непосредственно к южному рукаву трансепта, далее шел зал капитула, имевший часто всего два или четыре опорных столба; лестница вела к расположенной на втором этаже спальне, под лестницей, как правило, помещалась тесная келья карцера; еще далее были сени, ведущие в монастырский сад; иногда имелся парлаторий; в завершении восточного крыла — большой зал фратерии, где занималась работами монастырская братия. Строительство монастыря начиналось обычно от наиболее важного восточного крыла... Наиболее представительным на территории цистерцианского монастыря был зал капитула с его нарядным порталом и сдвоенными проемами в стене внутренней галереи, через которые конверзы могли следить за собранием братьев — монахов»[16].

Существенным также является свидетельство о роли выработанных цистерцианцами форм архитектуры монастыря как типологического образца

78 Цистерцианский монастырь в Вистичах (1678), генеральный план по обмерам XIX в. (РГИА):
1) костел;
2) кляштор;
3) галерея;
4) сараи с конюшней;
5) клуня (рига, для хранения сена);
6) дом с ледником;
7) деревянные дома;
8) корчма;
9) пивоварня;
10) амбар;
11) дворницкая

79 Костел и кляштор цистерцианского монастыря в Вистичах, обмеры начала XX в. (РГИА)

«Архитектура цистерцианцев играла в первую очередь роль модели, и можно найти лишь немного примеров их непосредственного участия в строительстве. Примером отступления от принятой у цистерцианцев сдержанности в оказании услуг лицам и учреждениям, не относящимся к ордену, является цистерцианская строительная мастерская, существовавшая при резиденции Генриха I, самого могущественного покровителя ордена бернардинцев (св. Бернарда. — *И.С.*).»[17]

Как будет видно в дальнейшем, большинство орденов католической церкви в своей строительной деятельности на территории Беларуси на протяжении всего последующего времени придерживались выработанного цистерцианцами типа архитектуры монастыря. Безусловно, исходные образцы не повторялись буквально — со сменой стилистических эпох видоизменялись архитектурные решения костелов, в зависимости от градостроительной ситуации варьировалась ориентация комплекса по странам света, хотя чаще всего, по цистерцианским образцам, кляштор располагался справа от костела.

Подобное соотношение сохранялось и в Вистичах. Храм был ориентирован алтарем на запад (вернее, на юго-запад), и соответственно кляштор располагался к северу от него. Такое решение, вероятно, было обусловлено необходимостью развернуть главный фасад костела в сторону площади и к основной улице, вбиравшей в себя движение из удаленных от центра концов застройки селения. Кляштор был построен в полном объеме, он представлял собой каре двухэтажных корпусов, образующих внутренний двор-клуатр с обходным коридором, в литературе того времени именуемым по-польски «крыжганок» (cryszganok). Перед входом в костел была устроена паперть, в плане имевшая барочные очертания и огражденная балюстрадой.

Костел и кляштор размещались с левой стороны, сразу же за воротами входа в монастырь. Здесь была устроена прямоугольная площадь, за кляштором перетекающая в более узкое пространство хозяйственного двора, треугольной в плане формы. По сторонам иррегулярной на средневековый лад площади хозяйственного двора размещалась остальная застройка монастыря (по часовой стрелке): свирня (амбар), сараи с конюшней, скотный двор и хлев. В правом углу при входе в монастырь размещалась галерея (вероятно, для привратника).

За костелом и кляштором восточную часть территории монастыря занимал регулярно разбитый сад, в северо-восточном углу которого помещалось обширное здание кухни. За хозяйственными комплексами, в восточной половине территории, были устроены огороды и поля под пашенные культуры. Их внешняя, восточная граница была обведена прямыми линиями заполненных водой каналов, а в составе полей, отданных под земледельческие культуры, были устроены два автономных каскада регулярных прудов.

Костел, посвященный св. Софии (ныне Крестовоздвиженская церковь), построен в формах трехнефной безбашенной базилики, фасад решен в виде пятиосевой композиции. Несмотря на то что храм возводился в период раз-

витого барокко, сооружение отличается изысканной простотой и аскетизмом архитектурных форм, исконно присущих строительной культуре цистерцианцев. В интерьере и внешних формах отсутствует барочный декор.

Схема рисунка главного фасада храма близка «иезуитскому фасаду». Включение в состав нартекса двух симметричных, крупных по размерам квадратных в плане капелл потребовало выведения на фасаде двух дополнительных крайних составляющих звеньев, фасад получил пятиосевую композицию. Пресбитерий завершается полукруглой апсидой, внешние поверхности стен которой лишены какой бы то ни было пластической обработки. Перед костелом стояла невысокая двухъярусная деревянная звонница.

Немногие сохранившиеся памятники и материалы позволяют составить представление об архитектуре еще двух бенедиктинских монастырей, основанных в XVIII в.

В Минске мужской и женский монастыри бенедиктинцев располагались по соседству с монастырем иезуитов: первый — к северо-западу от него, на углу пересечения кварталов; второй — к югу, через улицу от иезуитского комплекса.

Все строения мужского бенедиктинского монастыря, включая костел, были деревянными. Брусяной на каменном фундаменте храм, обращенный алтарем на север, был построен в 1701 г. К нему примыкал одноэтажный с фундаментами кляштор постройки 1820 г. В состав монастырского комплекса также входили одноэтажный флигель (1829), амбар, флигель со слесарней, сарай. Территория монастыря разделялась на участки под строением 522 кв.м, огородом 1701 кв.м и садом 198 кв.м[18].

Минский женский бенедиктинский монастырь имел монументальную застройку. Он включал храм, обращенный алтарем на юг, и пристроенный к западной стороне нартекса кляштор, представлявший собой небольшой одноэтажный корпус, а также многочисленные служебные постройки. Костел и кляштор были поставлены с отступом от линии улицы, в глубь квартала. Главным фасадом храм ориентировался фронтально к улице. Он представлял собой двухбашенную базилику с пристроенным граненым пресбитерием. В одной из башен помещались колокола. Внутри костела, слева от пресбитерия находилась лестница, которая вела в подвал, из которого был прорыт подземный ход в находившийся по соседству иезуитский костел. Служебный двор включал один каменный и три деревянных флигеля[19].

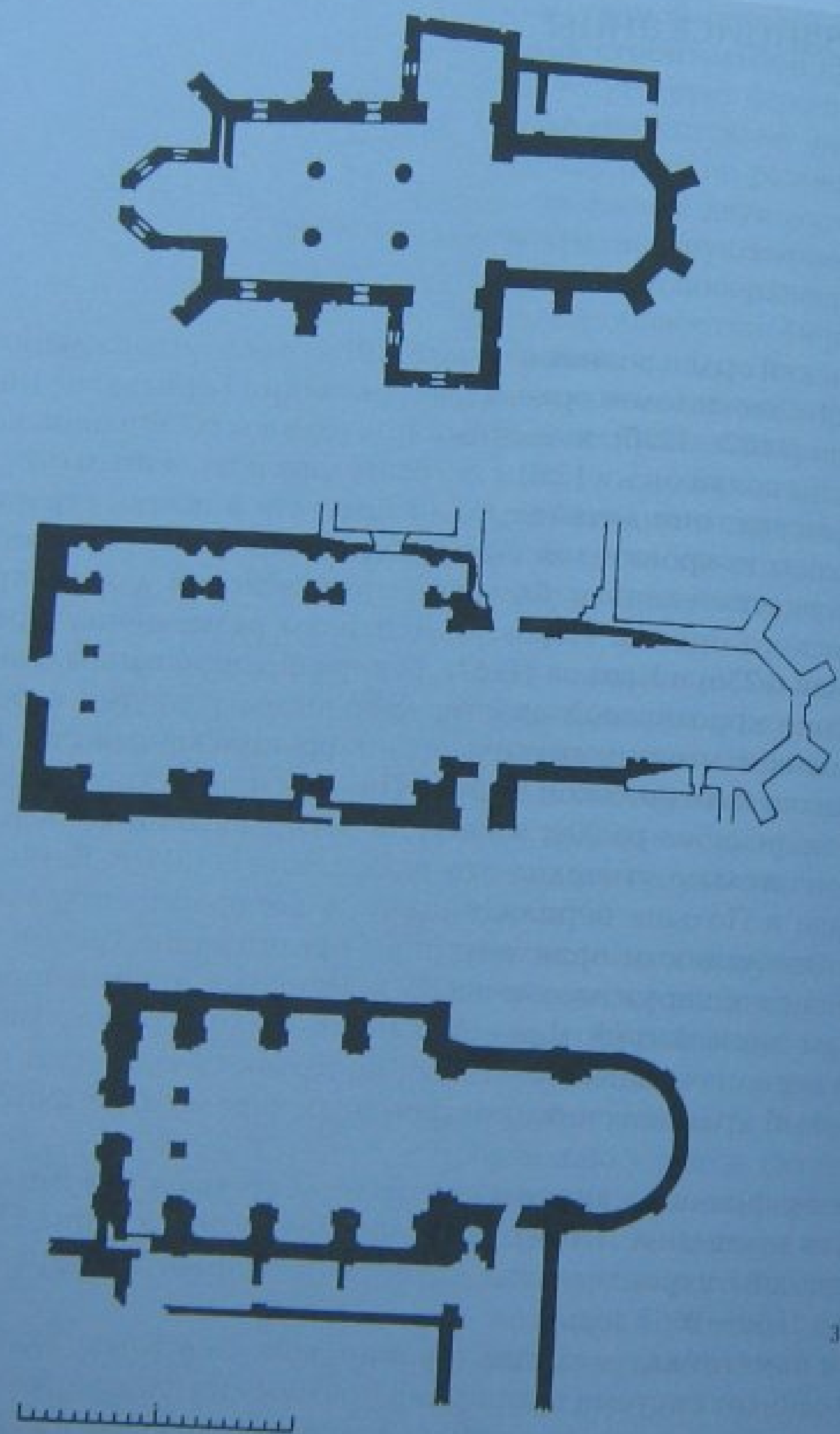
Францисканцы

Францисканский орден возник в начале XIII в., после утверждения Папой Иннокентием III. Основателем ордена был Джованни Бернардоне (Ян Бернардоне) из Ассизи (1182–1226), известный под именем св. Франциска. В Польше францисканцы появились в 1230-х гг., благодаря покровительству пястовских князей Силезских, они активно стали врастать в жизнь страны. При поддержке высоких покровителей были созданы законные основания для материального существования и благоприятные условия для распространения францисканского ордена. Первыми центрами размещения францисканцев стали Вроцлав (1236) и Краков (1237). Вскоре францисканцы снискали широкое признание королевской власти, дворянства и других слоев общества. Вместе с законом доминиканским, орден францисканцев стал важным элементом в жизни католической церкви Польши и польского общества.

В XV в. произошел раздел закона на обсервантов и конвентуалов. Папа Леон X окончательно утвердил это разделение в 1517 г. Ветвь обсервантов была названа в Польше бернардинцами, а ветвь конвентуалов — францисканцами. Особенности архитектурной организации храмов и кляшторов францисканцев обнаруживаются в XV в. Наиболее яркими представителями архитектуры монастырей францисканцев были Краков, Вильно, Пинск. В Кракове первоначальный комплекс построек складывался в 1237–1270-е годы, и первый храм, за счет пристроенных капелл, имел форму греческого креста[20].

Появление францисканцев и начало их деятельности в Вильно связывают со временем крещения Литвы, тогда фундатором выступил Петр Гаштольд. Основные этапы строительства виленского монастыря францисканцев — 1390, 1533 и 1650–1667 годы[21].

Все три памятника — костел францисканцев в Кракове, Вильно и Пинске — объединяет система пропорций построения плана храма, артикуляция горизонтальной оси главного нефа, т.е. движения, в целом характерного для базиликального типа храмов. В качестве отличительных особенностей названных костелов можно отметить также подчеркнутое выделение главного нефа в высоту по отношению к боковым крыльям базилики в объемно-пространственном решении храма посредством увеличения значимости несущих и разделяющих нефы опор, наконец, стремление к преимущественной артикуляции на главном фасаде исключительно центральной части, отвеча-

80 Планы костелов XVI в. Аналитические таблицы автора.
1) Францесканцев в Каунасе (1390, 1533, фасад 1610), (по Ф. Янкавичене).
2) Бернардинцев в Варшаве (1454, 1509, перестроен в 1660–1667), (по А. Милобензкому).
3) Францисканцев в Пинске (1396, 1610, 1720–1730), (по А. Чантурия)

ющей главному нефу костела. Кроме того, художественное, пластическое
решение главного портала древних костелов францисканцев отличается
предельной простотой и сдержанностью декорировки.

Возможно, перечисленные особенности францисканских костелов,
веденных в XIV–XV вв. на землях Польской Короны и Великого Княжества
Литовского, связаны (по крайней мере метафорически) с ориентацией на
главный образец — базилику св. Франциска в Ассизи (заложена в 1228 г., ос-
вящена в 1253 г.). Проект базилики, вместе со звонницей, был исполнен Бар-
толомео из Пизы (1239) и братом Елиастом. В этом главном храме францис-
канцев подчеркнуто горизонтальная организация внутреннего пространства
сооружения объяснялась двухуровневым разделением пространства бази-
лики. Базилика св. Франциска разделялась на нижнюю часть («базилика
дольна») и верхнюю часть («базилика горна»). Костел дольный, исполнен-
ный в форме латинского креста, первоначально задумывался как крипта, он
выполнен в романских формах. Поддерживаемый им верхний, «горний» ко-
стел исполнен в «гармонии готической»[22].

На территории белорусских земель среди других монашеских движений
католической церкви францисканский орден начал действовать одним из са-
мых первых. По преданию, два ранних храма и монастыря ордена были уст-
роены по обету. После поражения в сражении с татарами на реке Воркслe
в 1399 г. великий князь литовский Витовт в честь своего чудесного спасения
около 1400 г. основал два обетных костела и монастыря для францисканцев
в Ковне (ныне Каунас) и Ошмянах[23].

Последний был перестроен в XVII–XVIII вв., а в первоначальных формах
сохранился только костел Успения Богородицы в Каунасе. Он был построен
единовременно, в формах готики. Наряду с традиционной для архитектуры
Литвы и Беларуси того времени структурой трехнефного зального храма
с пристроенной алтарной частью и граненой, заметно вытянутой в длину ап-
сидой, францисканский костел имеет высокую башню-колокольню и две
симметричные, наподобие трансепта расположенные капеллы, подобно пер-
воначальной структуре базилики францисканцев в Кракове. По размерам
францисканский костел в Каунасе соответствует храмам кирпичной готики
западнобелорусских земель XV–XVI вв. Пристроенный ко входу в храм вы-
сотный объем колокольни выделяет базилику в Каунасе среди других косте-
лов Великого Княжества Литовского того времени. Большинство костелов
в Литве XIV–XVI вв. являлись безбашенными сооружениями, при которых
существовали отдельно стоящие колокольни.

Зальная часть костела в Каунасе имеет размеры 23,5×14,5×9,5 м, пролеты
нефов относятся как 1 : 1,65 : 1. Пресбитерий, отделенный стрельчатой ар-
кой, завершен граненой апсидой, размеры хора 12×8×8 м, он ниже и шире
среднего нефа. Низкие боковые капеллы также отделены от продольной ча-
сти арками. Таким образом, внутреннее пространство храма оптически рас-
членено на несколько частей, среди которых доминирует трехнефный зал.

Пространство зала едино и компактно, оно почти не нарушается стройными восьмигранными столбами — опорами сводов[24].

Одним из мест наиболее древнего монастырского строительства францисканцев на территории Беларуси является Пинск. Первое упоминание о монастыре датируется 1396 г. Значительные пожалования монастырю дала польская королева Бона Сфорца, получившая Пинск в свое пожизненное владение от супруга, короля Сигизмунда I Старого. В костеле хранился написанный на полотне портрет королевы Боны с надписью на польском языке, в которой указывалась краткая биография ктитора, приводились восхваления за ее благодеяния монастырю, призывы к молитвам за свою благодетельницу.

Монастырь размещается в гуще застройки Пинска и занимает один из кварталов в северо-восточной части города. Постройки монастыря первоначально были деревянными, а затем в 1510 г. возобновлены в камне. На этом этапе костел, вероятно, имел безбашенное решение фасада нартекса. Монастырь подновлялся после разрушений, полученных во время восстания 1648 г.[25] (цв. ил. XI).

Существующий монастырь представляет собой комплекс сооружений, сосредоточенных внутри обведенного каменной оградой двора. Вход в монастырь осуществляется через ворота, выводящие на площадку перед главным фасадом храма и нарядным барочным порталом входа в кляштор. Алтарной частью храм ориентирован на восток и соединенный с ним замкнутый, состоящий из трех корпусов кляштор с клуатром располагается с южной стороны костела. К западу от этого двора, опять-таки замкнутой системой корпусов, сформирован другой внутренний дворик. Монастырские корпуса перестраивались в 1920 г. по проекту архитектора Г. Гая.

Напротив входа в костел, внутри монастырской ограды, вне связи со входом в монастырь была построена отдельно стоящая трехъярусная каменная колокольня, по проекту архитектора К. Каменского (1817), в начале XX в. надстроенная еще одним ярусом. Обширные, свободные от застройки участки монастыря, находящиеся в северо-восточной части квартала, занимал сад.

В 1712–1730 гг. храм перестраивался, и были возведены дополнительные монастырские корпуса, очевидно, вокруг второго дворика. Во время реконструкции начала XVIII в. существенным изменениям подвергся главный фасад храма, он получил барочные формы: двухбашенная композиция с фронтоном и двумя поддерживающими его, убывающими по высоте ярусами, декорированными ордерными пучками пилястр и лопаток с антаблементом, в котором помещалась горельефная композиция «Стыгмацыя св. Франциска». По иконографии фасада близким аналогом пинской базилики францисканцев может служить костел Иоанна Крестителя в городе Дубровицы, Ровенской области (1695–1702), на Украине[26].

Костел францисканцев в Пинске представляет собой однонефную двухбашенную базилику с полукруглой апсидой и устроенными вдоль обеих стен рядами капелл. Линии капелл, формирующих крылья базилики, имеют свои

чуть пониженные односкатные черепичные покрытия. Неф и пресбитерий покрыты цилиндрическим сводом на распалубках, над ними установлена высокая двускатная черепичная крыша. В интерьере шесть деревянных резных и стуковых алтарей XVIII в. Наиболее богато оформлен главный алтарь со скульптурами св. ап. Петра и Павла в нижнем ярусе. В 1909 г. своды и подпружные арки костела были расписаны орнаментальными мотивами (художник Вишнецкий?).

Время наиболее активного распространения в Беларуси монастырей францисканцев приходится на XVII в. В этот период были основаны костелы

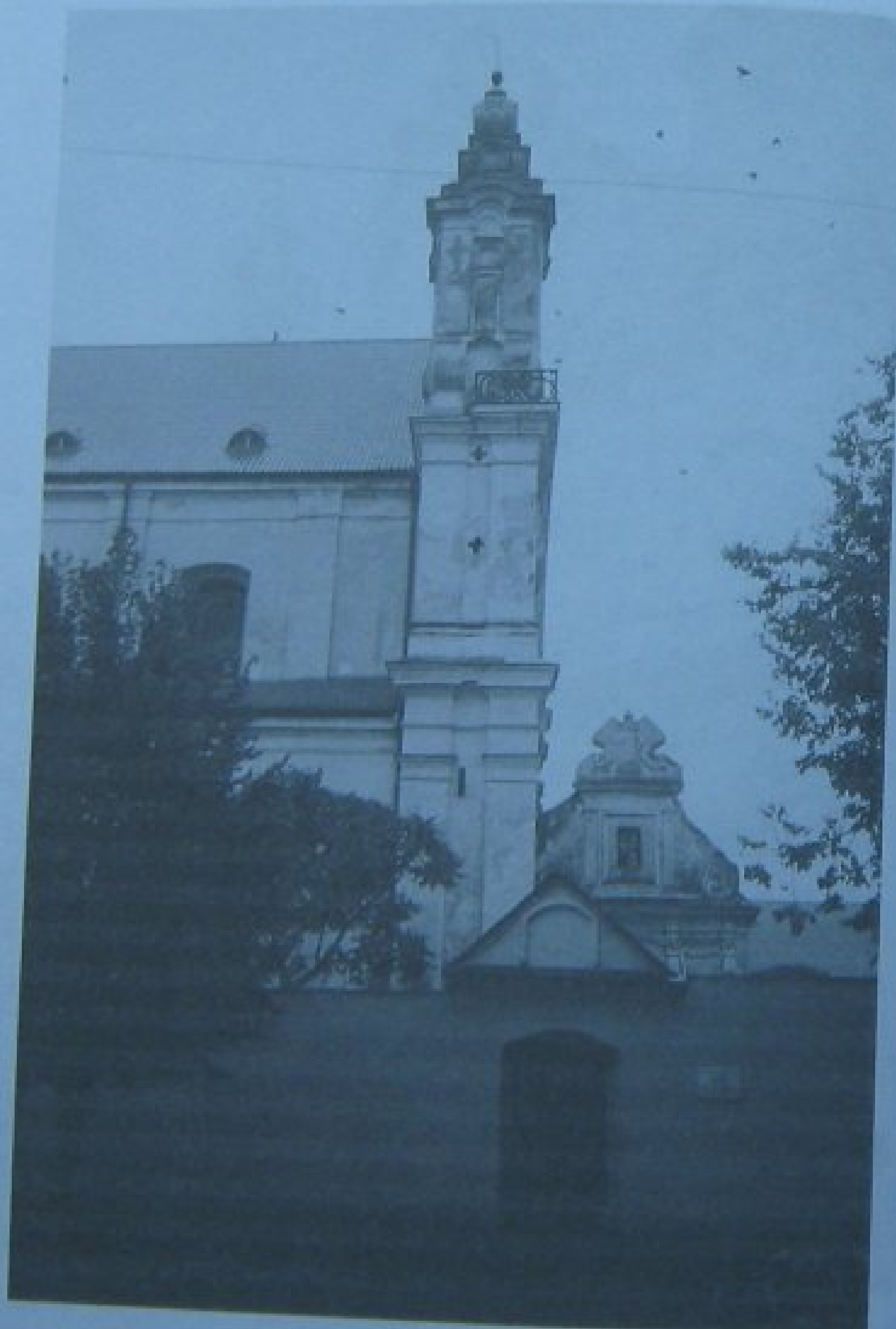

81 Главный фасад костела францисканцев в Пинске (1396, 1610, 1720–1730)

и кляшторы в Сенно (1609), Орше (1612), Гольшанах (1618), Гродно (1635), Полоцке (1648), женский в Минске (1649), Прозорках (1698).

Несохранившийся францисканский каменный костел во владельческом городе Сенно был построен в 1609 г. на пожалования Евстафия Курча и перестроен в 1772 г. по заказу и на средства владевших в то время городом Огинских. Они добились разрешения Папы Климента XIV на перенесение в костел из Рима мощей св. Фортуната и поместили святыню в своем храме.

Монастырь занимал обширные, возвышенные над озером территории, расположенные в центральной части города, по соседству с княжеским зам-

82 Монастырь францисканцев в Пинске, северный фасад

ком. Комплекс включал храм, кляштор, служебные постройки и находившийся к югу от храма обширный регулярный сад.

Алтарной частью храм ориентирован на восток, несмотря на противоречившую этому градостроительную ситуацию. В результате на главную площадь обращался боковой, северный фасад храма, а к озеру и замку раскрывался задний фасад. Костел представлял собой трехнефную бескупольную базилику с трансептом, выявленным в объемно-пространственной структуре сооружения. Главный фасад решен в виде безбашенной композиции и оформлен ордерной, барочной декорацией. Торцевая стена пресбитерия получила решение плоского ограждения с одним вытянутым по вертикали окном в сквозной, до основания сооружения лучковой нише[27].

О францисканском монастыре в Орше также сохранились только краткие исторические данные. Монастырь располагался в Заоршинье, в юго-восточной части города и занимал один из кварталов вдоль улицы, проложенной параллельно берегу Днепра. Он основан в 1612 г.[28] Костел, вероятно, однонефный, алтарем ориентировался на юг, главным фасадом он был обращен к улице и к реке, размещался с небольшим отступом от линии улицы, в глубь квартала. Каменный храм построен в 1680 г. на пожалования господина Костколььского (по другим источникам — Котковского). Храм посвящался Рождеству Богородицы, в нем помещались семь алтарей, в числе которых: Рождества Богородицы, Страстей Иисуса Христа, Покрова Пресвятой Богородицы, св. Франциска, св. Антония, св. Иосифа. В монастырский комплекс входили двухэтажный каменный кляштор и одноэтажные каменные кельи. Корпус кляштора стоял позади костела, немного вверх по поднимающемуся здесь рельефу[29].

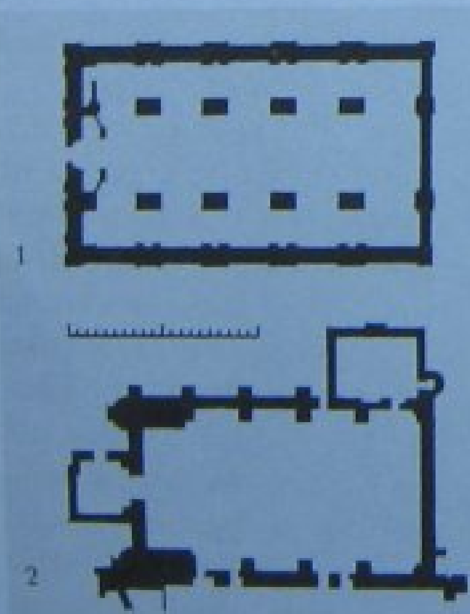
Монастырь францисканцев в Гольшанах располагался при укрепленном замке, был построен в 1618 г. по заказу владевшего в тот период городом Павла Сапеги[30]. На рубеже XVI—XVII вв. в своем владении он построил каменный четырехугольный в плане укрепленный замок и рядом с ним монастырь францисканцев, который составлял полный комплекс: монолитный объем костела и двухэтажного кляштора с замкнутым двором-клуатром.

Костел освящен во имя Иоанна Крестителя — каменная трехнефная прямоугольная в плане бескупольная базилика. Особенностью храма является то, что пресбитерий в плане и объеме сооружения не выделен. Главный и алтарный фасады разделены развитыми антаблементами и завершены фигурными аттиковыми фронтонами с полуциркульным завершением щипца фронтона и симметричными волютами. Фасады обработаны пилястрами и глубокими нишами. Окна имеют фигурные завершения, а на западном фасаде обозначены глухими нишами. Внутреннее пространство разделено 8 столбами, обработанными двойными пилястрами. Центральный неф перекрыт цилиндрическим сводом на распалубках и слабо выявленных подпружных арках. Стены завершены карнизами с деревянными балюстрадами. Боковые нефы перекрыты крестовыми сводами. Плоская алтарная стена расписана пер-

спективной живописью на архитектурные мотивы барокко, в верхней части изображена полукруглая конха апсиды. Храм не имеет нартекса, и только при помощи дополнительных устоев у западной стены, по ширине центрального нефа, устроены хоры, на которые ведет выступающая в интерьере узкая лестница. В правом нефе, близко от алтаря, ранее находились скульптурные надгробия П. Сапеги и его жены (ныне в Музее древнебелорусской культуры АН РБ).

Отступлением от правила в Гольшанах было построение кляштора с левой стороны от входа в костел. Необычным также являлось решение примы-

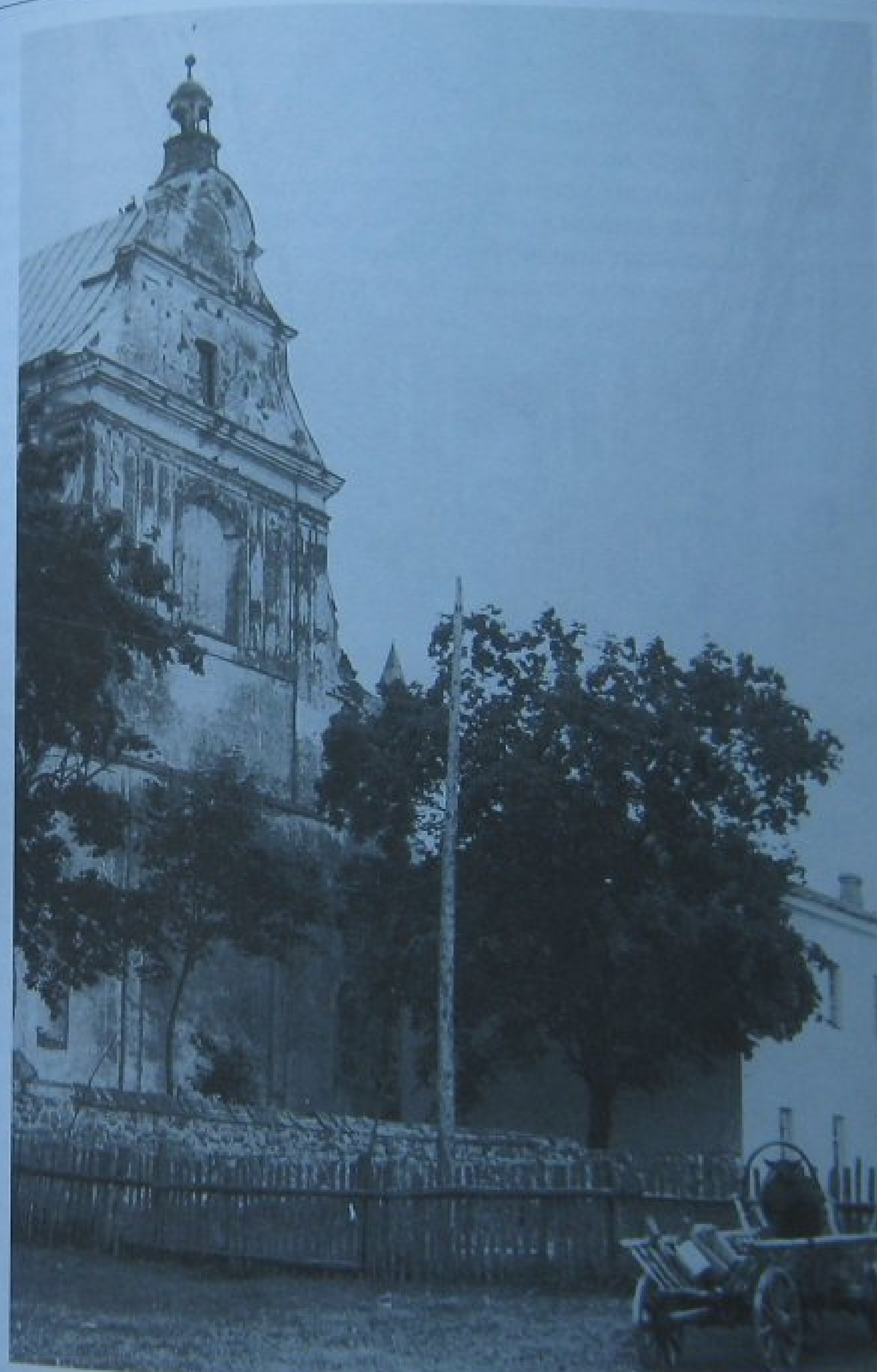

83 Францисканский монастырь в Гольшанах (1618), рис. начала XX в.

84 Костелы о. францисканов с прямой алтарной стеной.

1) Францисканский костел в Гольшанах (1418). (по А. Чантурия).
2) Костел св. Николая женского бернардинского монастыря в Вильнюсе (1594) (по Lietuvos TSR)

85 Алтарный фасад костела в Гольшанах, фото Е. Квитницкой

86 Росписи алтарной стены костела в Гольшанах, фото Е. Квитницкой

кания их друг к другу — проход из храма в кляштор осуществлялся не через сакристию, как обычно происходило в других монастырях, а из бокового нефа, по центру костела. Этим отчасти объясняется и незамкнутый контур обходной галереи внутреннего двора, опоясывающей только два крыла кляштора и замыкающейся при входе в угловую часовню. Оригинальным также является решение самой часовни, своей граненой апсидой выступающей за линии монастырских корпусов. Центрическое зальное помещение капеллы по плану имело форму шестигранника с глубокими трапециевидными нишами и было перекрыто сложной формы звездчатым сводом. С улицы был устроен дополнительный вход в капеллу. Каменные двухэтажные корпуса кляштора XVII в. частично разобраны в 1832 г.

Храм и кляштор помещались внутри монастырского двора, обнесенного каменной оградой из булыжного камня. Вход осуществлялся через ворота, надстроенные каменной колокольней. Колокольня — квадратное в плане, двухъярусное сооружение с невысоким четырехскатным покрытием, — судя по архитектурному решению, была построена в XIX в.[31]

Францисканский монастырь в Гродно был основан в 1635 г. Он построен на левом берегу Немана, в Занемонском предместье и стоит на круто поднимающейся по рельефу площадке. Костел и двухэтажный кляштор составляют трапециевидный в плане замкнутый двор-клуатр. Согласно традиции, храм ориентирован алтарем на восток, с кляштором к югу от храма. Второй разомкнутый в плане хозяйственный двор также примыкал к кляштору с юга. Небольшой и плотно застроенный участок монастыря по периметру обнесен каменной оградой[32].

Костел расположен внутри участка, и при входе в монастырские ворота перед ним устроена узкая площадка. Храм возведен в форме трехнефной бескупольной базилики с полуциркульной апсидой. Пресбитерий является продолжением центрального нефа. Главный фасад разделен на три яруса профилированными карнизами и завершен двухъярусным аттиком и треугольным фронтоном. Можно отметить характерный для францисканцев подчеркнутый вертикализм центрального поля аттика. Аналогичного рисунка аттик применен на главном фасаде францисканского костела в Вильнюсе (главный фасад 1610 г.).

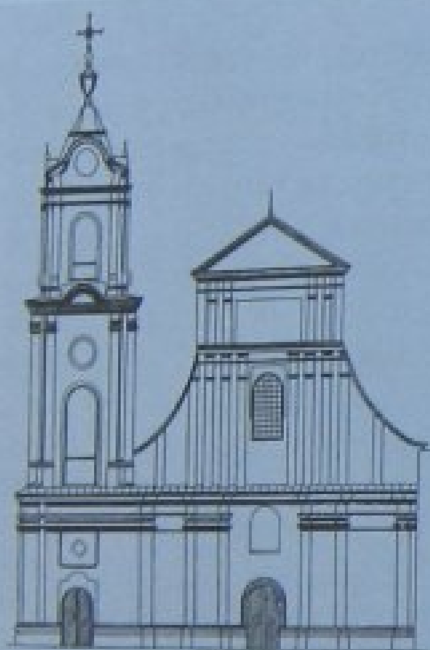
Боковые фасады и апсида прорезаны лучковыми и прямоугольными окнами, расчленены спаренными лопатками и завершены карнизными поясами. Центральный неф отделен от боковых нефов шестью столбами, нефы перекрыты крестовыми сводами, апсида — цилиндрическими. Нартекс, очевидно, первоначально не был выделен в интерьере, и только позднее, на уровне первого пролета, была дополнительно возведена стена, отделившая часть храма для притвора. Двухъярусный главный алтарь украшен скульптурой, накладной деревянной резьбой в стиле барокко с выкрашенными под мрамор деревянными деталями. Амвон в стиле рококо, декорирован горельефными изображениями четырех евангелистов.

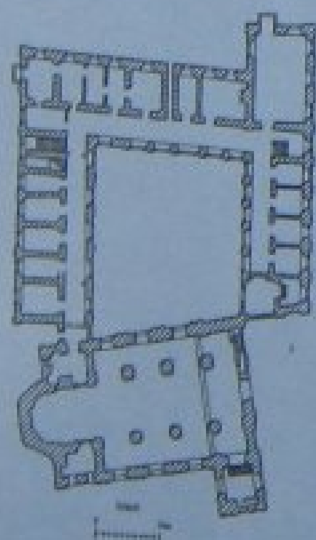
К главному фасаду пристроена монументальная четвериковая трехъярусная башня-звонница с отдельным входом, обращенная в сторону реки и расположенного за ней гродненского замка. Асимметричное расположение башни и ее формы указывают на оборонительный характер сооружения и то, что костел являлся одним из стратегических пунктов обороны города. Монастырь возобновлялся после пожара в XVIII в.[33]

По монастырю францисканцев в Полоцке сохранились только описания первой половины XIX в. Монастырь основали в 1684 г. Храповицкие, он располагался в нижней части правого берега Западной Двины и занимал один из кварталов по соседству с православным Богоявленским монастырем.

Каменный костел св. Антония главным фасадом был обращен в сторону улицы и слегка отодвинут в глубину участка, алтарем он ориентировался на юго-запад. Храм построен в 1648 г. и представлял собой трехнефную базилику со сводами, опиравшимися на четыре столба, размеры храма примерно 27,7×21,8×5,9 м, внутри и снаружи оштукатурен, покрыт гонтом[34].

Блок сооружений костела и кляштора не получил замкнутой, завершенной формы, и комплекс состоял из отдельно стоящих построек. Единственно сохранившийся каменный двухэтажный кляштор (13 жилых, 1 нежилое помещение) был оштукатурен только изнутри, с улицы покрыт черепицей, со двора — гонтом. Остальные монастырские корпуса были деревянными и в большинстве своем на каменном фундаменте: два хозяйственных флигеля, к одному из которых был пристроен сарай; амбары; сараи и кухня (2 жилых, 3 нежилых помещения); флигель с пристроенными конюшнями и сараями. Расположенная на участке кузница в то время не принадлежала монастырю. На участке под строениями было занято 1912 кв.м, под огородами — 2263 кв.м.

87 Францисканский монастырь в Гродно (1635), обмеры по кн. А. Чантурия

Минский францисканский женский монастырь не сохранился. В свое время он располагался на подоле города, недалеко от замка, рядом с православным Петропавловским монастырем. В 1649 г. францисканками был приобретен «космодамианский плац около церковища», т. е. соседние земельные владения православной церкви (в то время принадлежавшие Свято-Духовскому и Вознесенскому монастырям)[35].

Подобно полоцкому и оршанскому, главный фасад костела францисканок в Минске был ориентирован к улице (алтарем на северо-восток) и слегка заглублен в сторону участка. Застройка состояла из отдельно стоящих корпусов.

88 Центральный неф костела францисканцев в Гродно

Каменный костел был построен в 1763 г. Сложенный из хорошего качественного кирпича, он имел подвалы, сводчатые потолки, деревянную тесовую кровлю, внутри был оштукатурен и побелен, размеры сооружения 25,6×23,4×14,9 м. В начале 1830-х гг. храм перестроили под цейхгауз. Для этой цели разобрали верхнюю часть стен и кровлю, устроили междуэтажное перекрытие и лестницы; после реконструкции в нижнем этаже размещался полковой цейхгауз, в верхнем — мастерские и жилые комнаты[36].

Каменный одноэтажный кляштор с воротами (8 жилых, 1 нежилое помещение) был построен одновременно с храмом (1763), стены внутри и снаружи оштукатурены. Расположенный на косогоре, к северо-западу от костела, большой брусяной на кирпичном фундаменте одноэтажный дом включал кельи, кухню с пекарней и помещения для монастырской прислуги. Вдоль всего корпуса проходил коридор (14 жилых и 2 нежилых помещения), его фундаменты из кирпича, стены из сосновых брусьев. К нему был пристроен амбар на деревянных столбах. Другие деревянные бревенчатые на кирпичном фундаменте хозяйственные строения поставлены в 1827 г.: два сарая, один из которых был пристроен к конюшне. Участок, общей площадью под кляштором, хозяйственным двором и огородами 3729 кв.м, был обнесен забором из пластин.

Францисканский монастырь во владельческом городе Прозорок (Прозорки), возле города Дисна, над речкой Мяделкой сложился при основанном в 1698 г. (или 1677 г.) Янушем Щиттом приходском костеле, переданном в 1797 г. монахам-францисканцам. Монастырь известен только по схематичному описанию прошлого столетия. Комплекс был полностью деревянным. Костел на фундаменте из кирпича (1698), покрытый гонтом, имел размеры 18,5×16,3 м. Одноэтажный кляштор с гонтовой крышей; опять-таки под гонтовой крышей кухня; крытые соломой сарай, амбар и гумно[37].

Значительное число францисканских монастырей появилось в XVIII в. Среди них наиболее значимыми были в Ивенце (1702), Поставах (1717), Серафинах (1762), мужской в Минске (1763), Дисне (1773), Новогрудке (костел 1780), Сокольникове (1794), Гриневичах.

Францисканский монастырь во владельческом селении Ивенец (Ивенцы), расположенном к западу от Минска, основан в 1702 г. минским стольником Ваньковичем[38]. Каменные костел и соединенный с ним разомкнутый, Т-образный в плане формы кляштор располагались в глубине участка, за монастырской оградой. Монастырь занимал обширный участок на правом берегу реки Волма, под его строения отводилось 1593 кв.м, под сад — 3550 кв.м[39].

Костел построен в 1702—1705 гг., руководил работами местный мастер А. Чехович. Этот храм, вероятно, является первой у францисканцев Беларуси двухбашенной базиликой. Его своды и стены были выведены из кирпича, покрытия гонтовые, стены внутри оштукатурены и побелены. Костел имел два уровня, полы верхнего храма выложены мраморными плитами серого («дикого») цвета, в нижней церкви — кирпичом, в алтаре — полы деревянные.

Однонефный, зальный, он сохранил сложный барочный план с развитым нартексом, к пресбитерию симметрично пристроены две равновеликие ему, сложной барочной конфигурации капеллы. Пятиярусным башням приданы подчеркнуто убывающие вверх пропорции. Одна из башен служила колокольней. Отчетливо проявленные во внешнем декоре храма черты «виленского барокко» дают основания для предположения, что современный облик памятника во многом сложился примерно во второй половине XVIII в. В 1856—1860 гг. костел реставрировался по проекту архитектора В. Белявского и художника Я. Куратkевича[40].

Монастырские строения и двор обнесены каменной оштукатуренной стеной, шириной 1,42 м, высотой от 3, 7 до 6,4 м. Храм ориентирован алтарем на восток, и кляштор примыкает к нему со стороны северной сакристии. Главный кирпичный двухэтажный с подвалом монастырский корпус построен в 1741 г. (13 жилых и 13 нежилых помещений), внутри был оштукатурен, кровля частично черепичная, частично гонтовая.

Другие строения были деревянными. Бревенчатая богадельня с двусторонней обшивкой дранью (2 жилых и 4 нежилых помещения), в подвальном этаже помещались кухня, кладовая и пекарня. Хозяйственный двор был построен в 1800 г., в него входили: бревенчатая конюшня на 9 лошадей с пристроенным для хранения сена сараем; крытый соломой сарай; амбар с ледником; наполовину покрытый дранью и соломой хлев.

На месте ивенецкого римско-католического костела в 1870 г. был основан православный приход. Внутри храма были устроены два придела, «главный престол во имя Пресвятой Троицы, престол нижней, теплой церкви, устроенной в подвальной части, посвящен Архистратигу Михаилу. Внутренняя площадь храма 405 кв.м. Иконостас трехъярусный, 23 иконы»[41].

Францисканский монастырь был построен во владельческом селе Удела. Сохранился храм, расположенный внутри участка, обведенного каменной оградой. Так же как и в Ивенце, несколько необычной для белорусских францисканцев выглядит архитектура костела в Уделах. Он построен в 1740 г. и представляет собой шестистолпную, трехнефную зальную, т. е. равновеликую по высоте внутренних пространств, базилику. Судя по плану сооружения, храм был отдельно стоящим, он не соединялся с кляштором, хотя необходимый для этого переход мог быть уничтожен в ходе перестройки в православную церковь. Пресбитерий завершается полукруглой апсидой, и по сторонам его устроены сакристии. В плане выделен нартекс, и его очертания имеют отчетливо барочный характер, обеспечивая выразительную игру вогнутых и выпуклых поверхностей.

Главный фасад костела подвергся существенным изменениям в 1837 г., когда его первоначальные барочные завершения были заменены простым треугольным фронтоном. Во второй половине XIX в. перед главным фасадом костела, по оси центрального входа была построена квадратная в плане колокольня[42].

В поветовом городе Дисне францисканский монастырь являлся единственным католическим комплексом. Он был основан, очевидно, в первой половине XVIII в. По местоположению в городе он близок к ранее рассмотренному монастырю францисканцев в соседнем Полоцке, занимал квартал города на левом берегу Днепра. Костел и примыкавший к нему со стороны южной сакристии кляштор находились в центре монастырского участка. Храм был ориентирован алтарем на запад, что, по-видимому, объясняется необходимостью обращения главного фасада в сторону центра города.

Каменный костел был построен в 1773 г. в формах однонефной безбашенной базилики с пониженной по отношению к кораблю храма полукруглой апсидой. По обеим сторонам от пресбитерия были пристроены пониженные объемы сакристии. Нартекс не выделен, и только на дополнительных опорах во втором ярусе устроены хоры. Общее решение главного фасада дисненского костела соотносится с построенными почти на двести лет ранее храмами в Гольшанах. Сходство прочитывается в трехчастном делении стены фасада по вертикали пилястрами, в завершении фасада фигурным фронтоном, сочетании мелкой пластики обработки стены с гармонизированными соотношениями расположения трех полуциркульных проемов. В центре фасада вместо окна устроена глубокая полуциркульная ниша со скульптурой святого.

Храм был оштукатурен и побелен внутри. Снаружи белым были выкрашены главный фасад, а на других фасадах только ордерные элементы и наличники окон. Под костелом находились подвал и погреб[43].

В 1830-е гг. существовали еще два корпуса кляштора: старый деревянный бревенчатый (около 1734) и новый, коридором соединенный с костелом двухэтажный, каменный, внутри оштукатуренный, покрытый гонтом (1818).

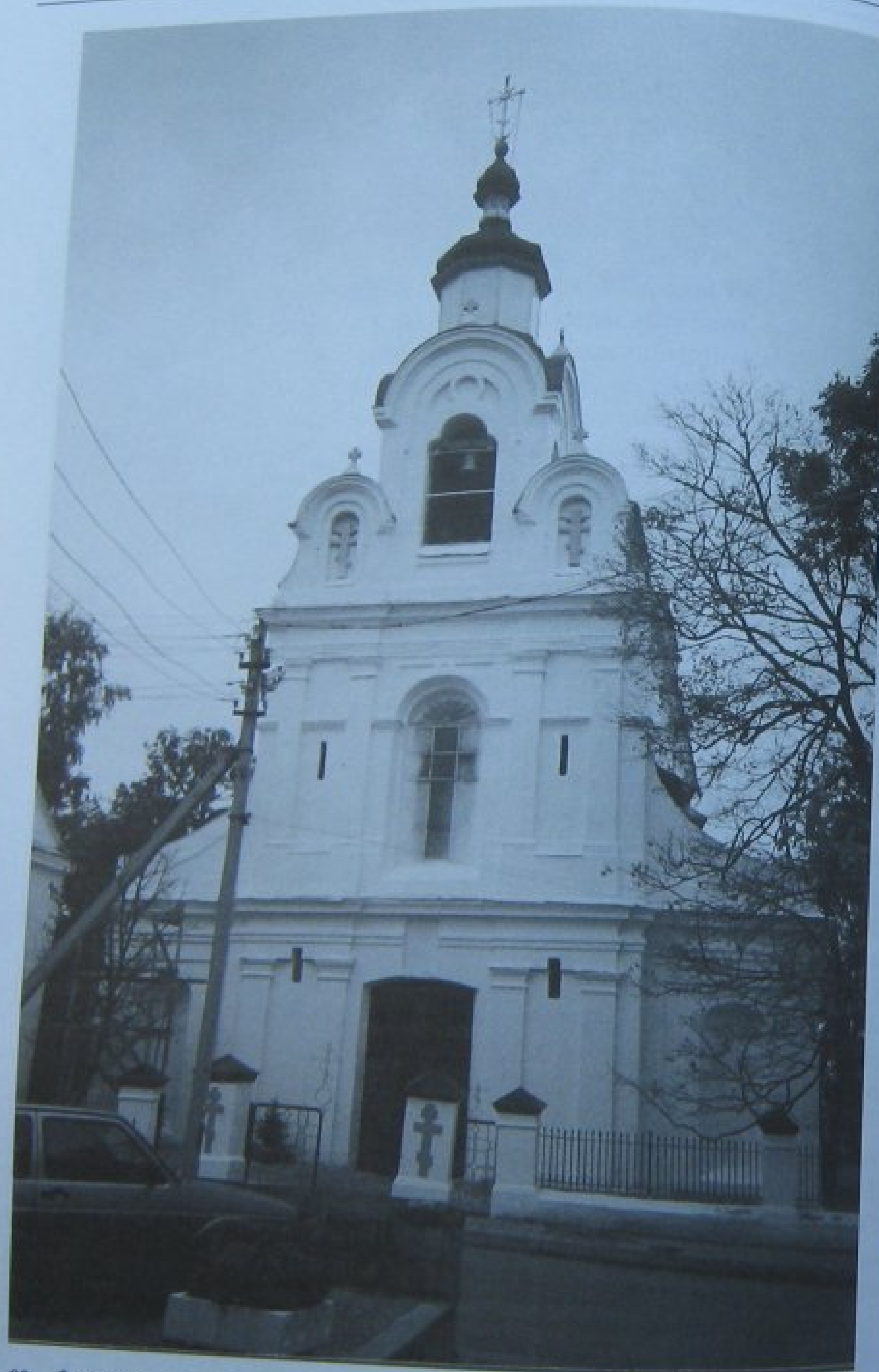
Остальные, хозяйственные и служебные монастырские строения были бревенчатыми и покрытыми гонтом и драницами: связанная с кляштором кухня (1830); незаконченный дом (1831); связанная с хлевом конюшня (1830); амбар на каменном фундаменте с погребами (около 1780-х); конюшня на 4 лошади с пристроенными двумя сараями, хлевами, пивоварней (1773), три стены которых выведены из кирпича, четвертая из бревен с кирпичными столбами возле дверей; хлев; каменный ледник (1773); кухня (1820). На монастырском участке под строением были заняты 1840,5 кв.м, а под огородами — 5305,5 кв.м.

Время появления францисканцев в Новогрудке связывают с деятельностью Гедимина (1323), первый храм, по преданию, был основан на капище Перуна. Сохранившийся здесь костел францисканцев, несмотря на многие перестройки, по архитектуному решению близок гродненскому храму ордена. Существующий каменный комплекс построен около 1780 г. в центре Новогрудка, в северном углу рыночной площади.

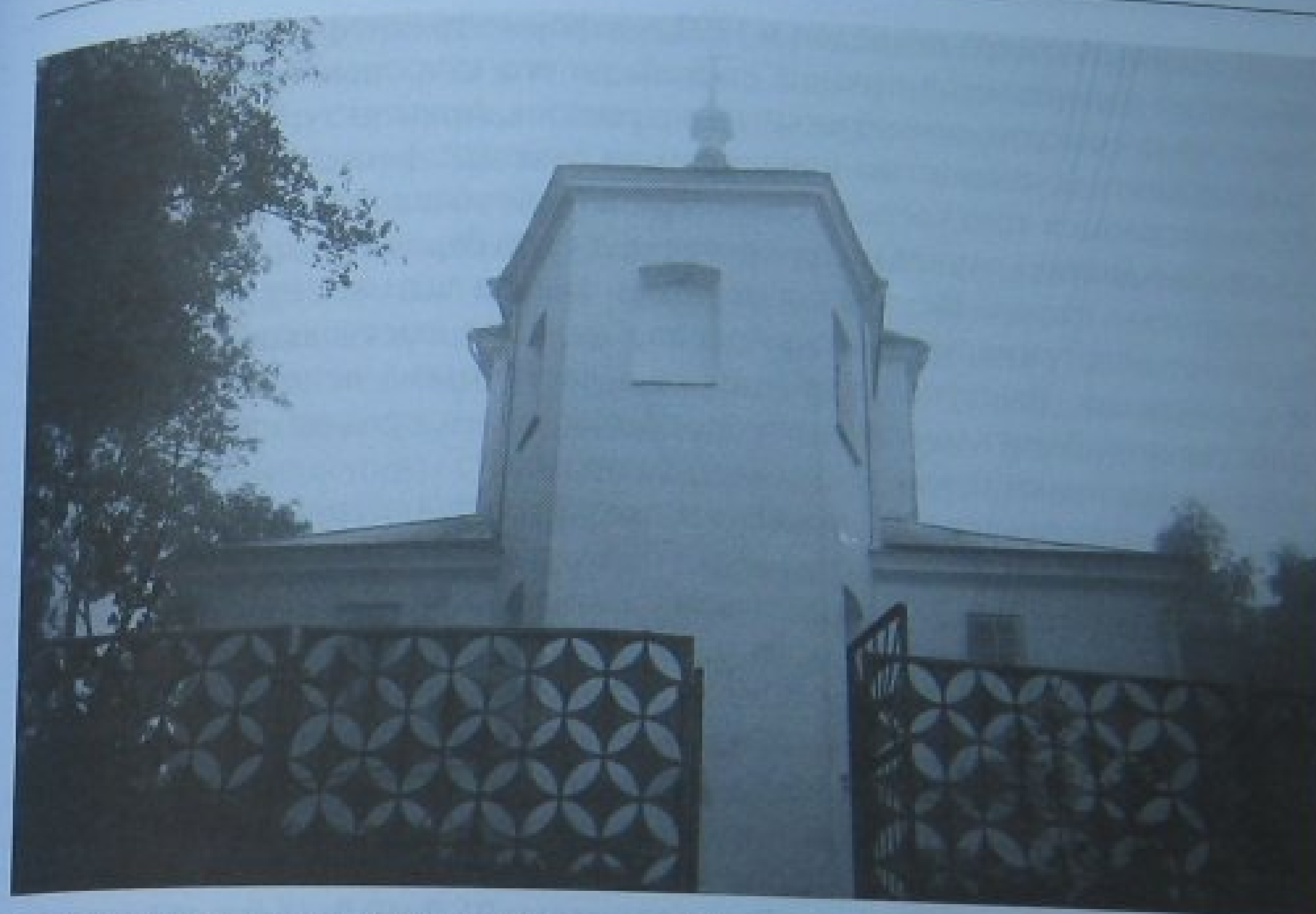
Структура храма во многом повторяет францисканский костел в Гродно — это трехнефная базилика с граненой апсидой; нартекс не выделен в плане, и только на дополнительных опорах во втором ярусе устроены хоры.

89 Францисканский костел в Дисне (1773), фото Е. Квитницкой

90 Францисканский монастырь в Новогрудке (1780)

91 Алтарный фасад костела францисканцев в Новогрудке

Костел в Новогрудке не имел встроенных и пристроенных башен и алтарем ориентирован на север.

О первоначальном решении фасада судить сложно, поскольку в XIX в. храм претерпел ряд изменений. В 1846 г. он был переосвящен в православный храм св. Николая, затем, после пожара 1852 г. капитально перестроен. Наибольшие изменения, очевидно, были внесены в оформление завершающей части главного фасада храма: аттиковый фронтон над входом заменен башенкой колокольни с полуциркульным верхом четверика, а переход от колокольни ко второму ярусу фасада осуществляется за счет меньших по высоте арочных форм.

Храм расположен с отступом от линии улицы. По описанию 1870-х гг., это кирпичное сооружение, в плане продолговатый прямоугольник с колокольней во фронтонной части, покрыт гонтом. Окна расположены в два ряда, двери одни. Перекрыт сводами на шести столбах, стены выбелены, полы деревянные, внутренняя площадь составляет 288 кв.м. Храм имеет два престола: главный во имя святителя Чудотворца Николая, придельный престол во имя св. Великомученицы Царицы Александры. Колоколов три[44].

Двухэтажный каменный кляштор находился к западу от храма и первоначально не был связан с ним переходом.

Сохранился комплекс францисканского монастыря в местечке Гриневичи (современное название Гринцевичи), построенный в XVIII в. Храм и кляштор располагались внутри обведенного оградой участка.

Каменный костел возведен в 1792 г. в форме трехнефной базилики. Пресбитерий завершается прямой стеной, по его сторонам пристроены пониженные по высоте симметричные сакристии. Архитектурный акцент в решении костела полностью перенесен на главный фасад. Традиционное для францисканцев трехчастное симметричное безбашенное построение фасада входа в данном случае интерпретировано по барочному искривленной поверхностью стены. Центральной части фасада в плане приданы полуциркульные очертания, она декорирована активно выступающими лопатками и пилястрами. Выступающая выпуклая часть храма использована для устройства хор. Выпукло-вогнутые очертания стены приданы также двум симметричным полям боковых фасадов базилики.

После преобразования костела в православную церковь (1870?) декоративное оформление главного фасада и интерьеры были изменены. Сохранись ворота (брама) каменные и монастырская каменная ограда XVIII в.[45]

Только по описанию известен еще один построенный в конце XVIII в. францисканский монастырь в местечке Сокольников (Сокольники), расположенном к северу от Витебска.

Кирпичными были только костел и кляштор. Костел был построен в 1794 г. и имел, очевидно, скромную внешнюю отделку; оштукатурен и побелен был только внутри; крыша на прямых плоскостях была покрыта гонтом, а на куполах — «бляхою». Размеры храма 25,9×19,0×16,8 м, указывают на трехнефную структуру сооружения.

Двухэтажный кляштор был построен в 1803 г., он имел подвалы и гонтовые кровли. Служебные и хозяйственные постройки возводились по одной технологии — фундаменты и основания из булыжного камня и бревенчатые стены. В состав хозяйственного двора входили: сарай с кирпичными столбами (1831, длиной 68,16 м), разделенный на пять частей для конюшни, возовни для экипажей и др.; корчма; дом и двор, покрытые соломой; покрытая драницами кухня (1804); покрытые тесом и соломой два амбара, училище под тесовой крышей; с драничной кровлей богадельня (1804).

Необычайно широко был развит хозяйственный комплекс монастыря. Если под строениями находилось 2830,5 м, то под садом и огородом — 22 500 кв.м.

Определенный интерес представляет опись строений принадлежавшего Сокольникову монастырю фольварка. В него входили «а) Каплица, костел (1730), деревянный на каменном фундаменте, крыт гонтом 16×7,1×6,0 м; b) Строение деревянное с каменными столбами 1801 г., длиной в окружности, с наружной стороны 176,8 м, ширина его различная, стены из бревен, покрыто соломой; c) Строение в одной связи с избой, бревенчатое, покрыто соломой; d) Хлев бревенчатый, покрытый соломой; e) Пуня (сарай) бревенчатый, покрытый соломой; f) Гумно, стены из неотесанных бревен, покрыт соломой; g) Курятня бревенчатая, покрытая соломой; h) Амбар бревенчатый, покрытый драницами; i) Мельница воловая, стены из обтесанных бревен, покрыта соломой. В 1830–1835 гг. при нем состояло 10 монахов и 320 монастырских крестьян»[46].

Отдельного рассмотрения заслуживают деревянные монастырские комплексы францисканцев XVIII в. Сохранились инвентарные описи по двум из них — в Поставах и Серафинах. Они размещались во владельческих имениях и располагали обширными землями, большая часть которых отводилась под хозяйственную деятельность.

Первый — во владельческом городе Поставы, Дисненского повета[47]. Костел, размером 24,1×25,9×10,8 м, был построен в 1717 г. Фундаменты и подвалы были выведены из кирпича, стены — из брусьев, обиты с обеих сторон досками, покрыт гонтом. Одноэтажный кляштор 1700 г. на кирпичном фундаменте, стены из брусьев, внутри оштукатурен, покрыт гонтом (15 жилых и 6 нежилых помещений). Отдельно стоявшая, сложенная из бруса колокольня имела размеры 8,5×7,8×10,7 м. Полы в колокольне были настланы только во втором этаже, порытия стропильные, кровля гонтовая. В состав хозяйственного двора входили амбар из брусьев; покрытые тесом бревенчатые сарай и конюшня. Под строениями 1174,5 кв.м, садом 648 кв.м, огородом 30 244,5 кв.м[48].

Упоминается об участии в строительстве костела в Поставах краковского архитектора Артура Гоебеля, работавшего на рубеже XIX–XX вв., который, возможно, осуществлял работы по алтарям и другим предметам внутреннего убранства храма[49].

Другой францисканский деревянный монастырь находился в имении Серафины, Игуменского повета, отстоявшем на 60 верст от большой дороги. Костел с двумя пристройками по сторонам, кляштор, колокольня и флигель были возведены одновременно в 1762 г. Все жилые и хозяйственные строения были одноэтажными.

Храм стоял на кирпичных фундаментах и подвалах, снаружи фундаменты и цоколь были оштукатурены и выбелены известью. Стены костела выведены из сосновых брусьев, полы выложены кирпичными плитами, крыша покрыта гонтом. Четырехъярусная колокольня, высотой 8,52 м до венчающего карниза, была сложена из сосновых брусьев и имела купольное завершение.

Кляштор (11 жилых и 2 нежилых помещений с погребом) помещался на кирпичном фундаменте, был сложен из сосновых брусьев и покрыт гонтом. Верхняя часть коридора кляштора вымощена кирпичом по ребро, в елку, отсутствовали полы только в пекарне.

Флигель из сосновых брусьев располагался отдельно (7 жилых помещений). Строения хозяйственного двора были сложены из сосновых необтесанных бревен и покрыты дранью: сарай с конюшней на 4 стойла (1804); гумно с навесом (1804); сарай для хранения соломы; сарай в одной связи с гумном; амбар с ледником (1817); малый амбар с навесом на столбах (1817); большой амбар для хранения хлеба в зерне, с засеками и навесом на столбах (1820). Двор монастыря был обнесен оградой из необтесанных бревен, высотой 0,71 м, и общая площадь участка составляла 23 328 кв.м[50].

92 Деревянный монастырь францисканцев в Свислочи, рис. Н. Орды

Некоторое представление об архитектуре деревянного костела францисканского монастыря позволяют составить материалы по Свислочи. Вид монастыря сохранился в альбомах Н. Орды.

Монастырь располагался рядом с господской усадьбой. Костел стоял в глубине участка, обнесенного деревянной на кирпичном и оштукатуренном основании оградой. Вход был оформлен воротами и выводил к боковому фасаду костела. Костел покрывала высокая трехскатная крыша. Над нартексом находилась четвериковая двухъярусная башня, а над пресбитерием – небольшая башенка-сигнатурка, обе были увенчаны крестами. С одной стороны к пресбитерию был пристроен придел, возможно сакристия. Перед входом в храм возвышалась отдельно стоявшая многоярусная колокольня. Все башенные объемы завершались четырехскатными покрытиями.

Рисунки и чертежи «костела школьного» и других строений в 1802–1803 гг. выполнил выпускник и профессор Виленского университета Михаил Шульц, некоторое время, в 1790-е гг., преподававший в Новогрудке[51]. Вероятно, во второй половине XIX в. костел возводился заново. В это время упоминается об участии в строительстве костела в Свислочи известного и работавшего в Кракове архитектора Зигмунта Генделя[52].

Францисканские монастыри чаще всего занимали определенное и характерное именно для них местоположение в городе, местечке, сельском имении. Как правило, они располагались в прибрежной зоне застройки поселения и открывались на широкие пространства рек, озер, а также окаймлявших замки естественные и искусственные, менее значительные водные преграды.

Ядро ансамбля составляли костел и кляштор. Предпочтение отдавалось восточной ориентации алтаря храма, этот принцип практически всегда реализовывался в сельских населенных имениях, где строительство монастыря не зависело от градостроительных ограничений.

Согласно строительным правилам древнейших католических орденов храм и кляштор составляли единый замкнутый комплекс с внутренним двором-клуатром, в котором храму отводилось угловое положение. Начиная с XVIII в. корпуса кляштора утрачивают замкнутый характер, комплекс костел — кляштор зачастую представляет собой как будто незавершенный, недовоплощенный характер.

Наиболее распространенным типом храма у белорусских францисканцев являлась бескупольная трехнефная базилика, отличительная особенность которой — глубокий пресбитерий (исключение составляет храм в Гольшанах). Нартекс, как правило, структурно не выделялся. Главный фасад в большинстве случаев имел безбашенные формы и трехосевую композицию, представляющую собой упрощенную вариацию «иезуитского фасада», в большей степени отсылающую к ренессансу, нежели барокко. Двухбашенные объемно-пространственные решения костелов, таких, как в Ивенце, Уделах, Пинске, являлись результатом позднейших реконструкций. Оформление внутренних стен, опорных столбов и сводов на протяжении веков оставалось сдержанным и было лишено барочной экспрессии. Во внешнем и внутреннем оформлении храма заметна ориентация на сдержанность художественной программы.

Бернардинцы

Бернардинцами во Франции и Италии называли цистерцианских монахов, но в Польше, Литве и Беларуси, как было сказано ранее, так именовали обсерванов или орденскую организацию, по строгости устава занимавшую промежуточное положение между меньшим и строжайшим уставами св. Франциска Ассизского. За ними закрепилось название «ордена Святого Франциска Ассизского, о. Бернардины». Наименование бернардинцев обсерванты приобрели здесь в результате того, что польский король Казимир Ягеллончик в 1453 г. построил для них церковь во имя св. Бернарда Сиеннского.

За особые заслуги обсервантов Папа Климент VI в 1342 г. предоставил им исключительное право охранять Гроб Господень и другие святые места в Иерусалиме. Тема Крестовой дороги, дороги Страстей Господних впоследствии неоднократно проводилась в строительной деятельности бернардинцев. Под Краковом, впервые на территории Речи Посполитой были воспроизведены в ландшафте местности основные топографические приметы дороги Крестовой и храма Гроба Господня в Иерусалиме. Создание такого комплекса в форме «Кальварии» осуществлялось бернардинцами в конце XVI в., по заказу Миколая Зебжидовского[53]. Первым архитектором, работавшим над созданием ансамбля Кальвария Зебжидовска, был Ж.М. Бернардони, до того времени возводивший костел иезуитов в Несвиже и принимавший участие в постройке костела св. Петра и Павла в Кракове.

Бернардинцы разделяли своих членов на три разряда: 1) священники и клирики, дающие обет послушания, целомудрия и нищенства и обязанные наряду с церковной деятельностью заниматься науками; 2) светские послушники, или «laiki professi», дающие одинаково с первыми обеты, они имели право носить капюшон, но не обязаны были обладать какими-либо научными знаниями; 3) миряне, дающие обет повиновения и целомудрия, но оставляющие за собой право свободно распоряжаться имуществом и лишенные права носить капюшон.

Как уже было сказано, в Польше бернардинцы обосновались в XV в. Король Казимир Ягеллончик поначалу в 1452 г. предоставил Владиславу Венгру с тремя его товарищами тесное помещение при церкви св. Креста в Кракове. На следующий год по двукратному королевскому приглашению и приглашению кардинала, краковского епископа Збигнева Олесницкого, в город

прибыл знаменитый проповедник, ученик и последователь Бернарда Сиеннского, св. Иван Капистан, незадолго до того находившийся в Чехии в связи с восстанием гусситов. Проповеди Капистана, произнесенные перед церковью св. Войцеха, привели к массовому обращению учащихся в академии юношей в монашеское звание и вступлению в орден. Бернардинцам был пожалован участок земли в предместье Кракова Стародом, неподалеку от замка, за городскими стенами, при западных воротах, под горой, где они построили деревянный монастырь с костелом св. Бернарда Сиеннского. Критором монастыря выступил брат кардинала, епископа Збигнева Олесницкого, воевода сандомирский Иван Олесницкий, фундуш утвержден в 1454 г.

Прежде чем перейти к истории строительной деятельности бернардинцев в крае, следует отметить два важных обстоятельства, позволяющих разобраться в архитектуре начального этапа возведения многочисленных монастырей ордена. Во-первых, в XVI — начале XVII в. храмовое строительство бернардинцев опиралось на опыт и зодческие традиции францисканцев, наработанные ими приемы и архитектурные решения. Во-вторых, анализ памятников свидетельствует о том, что на начальном этапе монументального строительства осуществленные бернардинцами постройки выделяются единством архитектурных решений на всем пространстве Речи Посполитой, в ключевых ее городах — Варшаве, Львове, Вильно, Гродно и других. Поэтому анализ монастырей Беларуси необходимо предварить основными сведениями о ключевых памятниках ордена, расположенных на сопредельных территориях.

В Варшаве первый бернардинский монастырь был основан в 1454 г. на пожалования княгини Анны Мазовецкой (урожденной Радзивилл). Услышанная ею во время пребывания в Кракове на церемонии бракосочетания короля с Елизаветой Австрийской проповедь Капистана, убедила Мазовецкую стать ревностным приверженцем ордена. В построенном на ее средства каменном костеле монастыря, размещенного на берегу Вислы, она назначила место своего погребения. После пожара костел был возобновлен в 1509 г. Он представлял собой базилику с глубоким пресбитерием и рядами пониженных боковых капелл[54].

Одновременно с Краковом и Варшавой бернардинцы развернули строительство во Львове, где в 1460 г. на пожалования воеводы сандомирского Юрия Мнишка возвели деревянный монастырь. Он располагался за чертой среднеместья, возле бастиона и был окружен крепостной стеной с бойницами. Строительство каменного комплекса монастыря относится к 1600—1630 гг.

Автором общего плана монастыря значится монах Бернард Авелид, строительство проводилось под руководством Павла Римлянина и Амбросия Прихильного. План костела был разработан в стиле позднего ренессанса, вначале возвели фасады двух нижних уровней костела. Работы по завершению храма продолжались в 1620—1630 гг. В итоге нижние ярусы главного фасада оказались оформлены пилястрами тосканского ордена, благодаря кото-

рым было четко выявлено трехнефное построение сооружения. Горняя часть главного фасада была украшена большим щитом-фронтоном усложненного, даже вычурного рисунка, близкого немецко-фламандскому варианту маньеризма. Автором завершения фасада костела бернардинцев и башни, примыкавшей к северо-восточному углу здания, стал вроцлавский скульптор и зодчий Андрей Бемер[55].

Первая служба в каменном костеле состоялась в 1611 г., после чего деревянный храм разобрали, и его местоположение было отмечено колодцем. В 1620 г. на этом священном месте монастырского двора поставили беседку в ренессансных формах, купол которой позднее был украшен росписью на темы чудес бернардинского монаха св. Яна из Дукли.

Каменный львовский костел бернардинцев польские исследователи относят к наиболее ярким памятникам, представляющим одно из трех основных направлений развития стиля раннего барокко в Речи Посполитой. Это направление ориентировалось на искусство Нидерландов и представляло главным образом слой состоятельных мещан, оно впоследствии оказалось наименее других подверженным искусству Контрреформации. В бернардинском костеле Львова отчетливо читается контраст соотношений высот пространства главного нефа и боковых крыльев базилики. Над ее внутренним оформлением с 1607 г. работал выдающийся художник, выходец из Силезии Ян Пфистер (лучшей его работой считается 13-метровой высоты алтарь над надгробием Острожских в кафедральном соборе в Тарнове)[56].

Почти сразу же после основания первых монастырей в Польше и Галиции, в 1468 г. бернардинцы появились в Литве. Первым в 1471–1504 гг. был построен деревянный монастырь с костелом во имя св. Георгия в Ковно. Ктитором его стал Станислав Сандзивоевич, пожаловавший монастырю земельный участок. Затем бернардинцы, возглавляемые викарием вновь образованной Польской провинции ордена бернардинцев Марианом Езиорковским, по приглашению короля Казимира IV прибыли в Вильно. Накануне приезда, по распоряжению короля, в городе, над рекой Вилейкой, близ мельницы для бернардинцев был построен деревянный монастырь с костелом св. Франциска и Бернарда. Диплом на владение им датирован 30 сентября 1469 г.

Позднее в Вильно были построены еще два женских бернардинских монастыря. Один из них, основанный в 1495 г. княжной Варварой Радзивилл и монахиней францисканского ордена Анной Олехневич, находился в Заречье. Первоначально деревянный, после пожара в 1794 г. он был выстроен в камне. Другой женский бернардинский монастырь в Вильно был основан в 1594 г. канцлером Львом Сапегой, неподалеку от мужского, при костеле св. Николая, заложенного в качестве родовой усыпальницы Сапегов.

Парный комплекс мужского и женского монастырей располагался к югу от замка, на левом берегу реки Вилеи. Монастыри отделяла улица, храмы были ориентированы алтарной частью на восток[57]. Планировка соседствующих комплексов виленских мужского и женского бернардинских монастырей

чрезвычайно пластична. Ей свойственны иррегулярные, прихотливые формы, характерные для средневекового города.

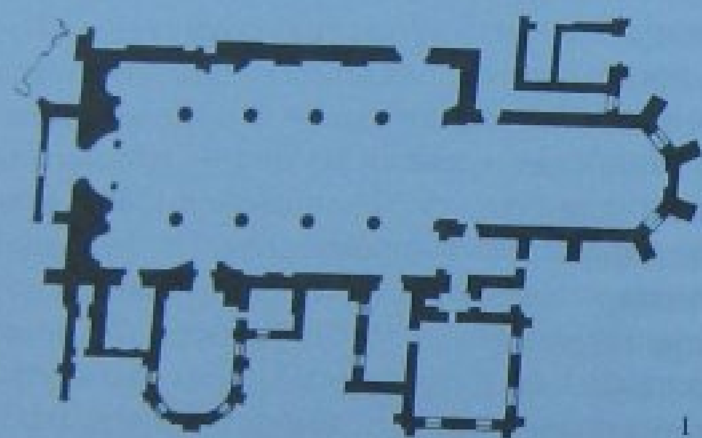
Масштабом и сложностью многосоставной структуры бернардинские монастыри Вильно XVII в. превосходили другие монастыри ордена на землях белорусско-литовского края. Первые деревянные постройки мужского монастыря датируются 1500 г., позднее на соседнем участке, чуть подальше от мельницы, сложился каменный монастырский комплекс. Современный его облик сформировался в период XV–XVII вв. В создании комплекса принимали участие виленский воевода Николай Радзивилл и его брат, кардинал Юрий Радзивилл. Строители объединили монастырь с церковью св. Анны, украсив ее главами. Каштелян виленский Героним Ходкевич пожертвовал монастырю близлежащий участок земли с дворцом и садами, другим его вкладом стали богатая утварь и орган. Архитектурно-пространственная композиция комплекса клаштора и костела формировалась как неразрывное целое. В комплекс мужского монастыря входят два храма. Наиболее древний из них — готический костел св. Анны XV в. Для строительства костела св. Франциска в 1506 г. приглашается мастер из Данцига (Гданьска) Михаил Карпентариус. По фундации воеводы виленского Михаила Радзивилла и кардинала Юрия Радзивилла возводятся пресбитерий (XV в.), северный неф и фасад (1516). Храм св. Франциска выполнен в формах кирпичной готики, имеет готический план с вытянутым и очень глубоким пресбитерием, стены поддерживаются мощными контрфорсами, храм имеет угловые пристроенные граненые башни и притвор-барбакан. Фасад украшен характерной для белорусско-литовской готики декорацией ярусных арочных ниш с выделением центра щипца одной, более крупной по размерам сигментной в плане нишей.

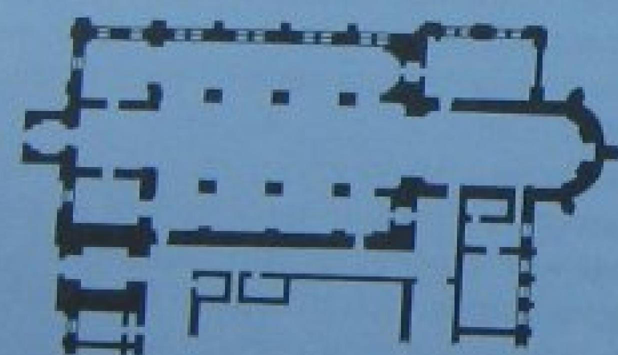
Комплекс имеет разветвленную, частично замкнутую, частично открытую структуру. Храмовый комплекс открыт к улице, на которую выходят церковь св. Анны и часовня Христа. Между ними устроены парадные ворота входа, за которыми открывается тесный иррегулярный двор перед порталом входа в костел св. Франциска. К югу от костела расположен боковой двор, на который выходит пристроенная к южной стене храма капелла «Трех королей» и примыкающая к сакристии капелла св. Николая. К северу от костела св. Франциска системой монастырских корпусов со встроенным залом рефекториума образован прямоугольный двор-клуатр. Далее на север комплекс монастырских корпусов образует четвертый замкнутый и наиболее обширный по размерам двор иррегулярных очертаний, повторяющий форму живописного участка между берегом реки и улицей города и предназначенный для служебных, хозяйственных функций.

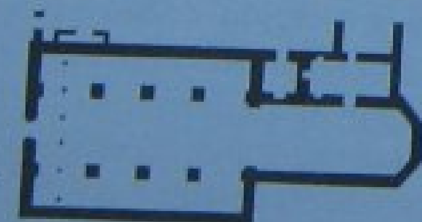
Строительство женского бернардинского монастыря осуществлялось в 1627 г. под началом мастера Ивана Каетки. Костел св. Николая выполнен в формах ренессанса, его особенностью является отсутствие выделенного объема алтаря или пресбитериума. Подобное завершение алтаря плоской стеной, как было показано выше, чуть ранее применялось во францискан-

ском монастыре в Гольшанах. Определенное единство архитектуры указанных памятников могло быть связано с участием в качестве заказчиков-храмоздателей представителей одного и того же рода Сапегов.

Монастырь виленских бернардинок представляет собой чрезвычайно плотно застроенный квартал города. Храм располагается внутри ограды монастыря. Она настолько близко отстоит от северного и западного фасадов костела, что пространства между ними похожи на узкие открытые коридоры, но не пространства аванплощадей, позволяющие оценить движение по направлению к сакральному зданию. С двух других сторон к костелу вплотную примыкают монастырские корпуса, которые на востоке составляют фронт застройки улицы, а на севере образуют прямоугольный двор-клуатр. Внешние контуры южного абриса плана монастыря снова приобретают живописность, повторяя прихотливые линии изгибов улиц средневекового города.

93 Трехнефные базилики бернардинцев XVI — начала XVII в. Аналитические таблицы автора.
1) Мужской монастырь в Вильнюсе (1500, 1516).
2) Мужской монастырь в Гродно (1494, 1595, 1618, 1753).
3) Мужской монастырь во Львове (1611)

Фактически одновременно с Вильно бернардинцы появились в Беларуси. В конце XV — начале XVI в. верховной королевской властью были основаны три первых и наиболее древних монастыря. Великий князь литовский (с 1501 г. король польский) Александр первоначально основал бернардинские монастыри на западе и востоке, в двух ключевых городах — Гродно и Полоцке.

Первым был основан мужской кляштор и костел в Гродно. В 1494 г. для него был выделен участок с огородом и садом в долине реки Неман, ранее, при короле Казимире Ягеллончике, занимаемый великокняжеским двором. Вскоре, в 1498 г., король основал бернардинский монастырь в Полоцке. Третьим пунктом размещения монастырей

ордена стало пожалование королем в 1504 г. виленским бернардинцам в качестве резиденции местечка Буда (позднее Будслав) в старостве Марконском, где были выстроены деревянные костел и монастырь.

После первых оснований великого князя и короля Александра активная деятельность ордена в Беларуси на столетие приостановилась и возобновилась только на рубеже XVI–XVII вв. С этого момента и в дальнейшем король, как правило, не принимал участия в основании бернардинских монастырей собственными пожалованиями. Инициатива полностью перешла к местным магнатским и шляхетским родам, служилому дворянству. В течение XVI–XVII вв. перечень ктиторов пополнялся все новыми и новыми лицами, открывавшими монастыри в своих владельческих селениях:

Несвиж	1594	кн. Николай Христофор Радзивилл
Брест, мужской	1605	Казимир Сапега
Кретынг	1610	кн. Иван Карл Ходкевич (он же строит пресбитерий и новый алтарь в храме св. Франциска бернардинского мужского монастыря в Вильно в 1614 г.)
Цытовяны	1614	Андрей Воллович
Гродно, женский	1621	Адам и Иван Сципионы
Дубровно	1624	виленский каштелян Николай Глебович и Юрий Карл Глебович
Минск, мужской	1624 или 1638	Иван Гонсевский (иначе Ян Кенсовский)
Ивье	1631	Николай Кишка из Цехоновца
Минск, женский	1633	Александр Служка
Слоним, мужской	1639–1645	Андрей и Екатерина Радваны
Слоним, женский	1664–1670	Юдыцкие и Комаровские
Орша, мужской	1653	староста гомельский Андрей Млоцкий
Друя	1643–1646	подканцлер литовский Казимир Ян Сапега

Мозырь	1645	полковник мозырьский Стефан Лозка
Глуск	1667 (1662?)	маршалок волковысский Александр Полубинский
Слуцк	1671	Людовика Каролина Радзивиллова (дочь Богуслава Радзивилла, жена Карла Филиппа, кн. Бранденбургского)
Витебск, мужской	1678	воевода витебский Иван Храповицкий
Воложин	1681	маршалок литовский Иосиф Богуслав Служка
Могилев, мужской	1687	Федор Ржевуский
Трашкуны	1696	Владислав и Анна Соколовские
Беницы	1700	казначей литовский Михаил Козел
Дантов	1701	референдарий литовский Иван Бжостовский
Пинск, мужской	1705–1718	кн. Вишневецкий и великий канцлер литовский Михаил Карибуд
Лукомль	1715	кн. Иван Лукомский (на месте православного Николаевского монастыря и при использовании православного храма для католического богослужения)
Микулин	1720	каштелян витебский Мариан Огинский
Сельцы	1726	воевода полоцкий Иосафат Селява
Мстиславль	1727	хорунжий витебский Иван Гурко
Березино	1737	хорунжий литовский Владислав Пац
Велоны	1752	Михаил Рык

Предпочтение, отдаваемое местными землевладельцами бернардинцам, во многом предопределило широкое их распространение в крае и значительную численность монастырей ордена, а также характер их территориально-географического размещения. Бернардинские монастыри стали важным градоформирующим фактором, прежде всего, частновладельческих городов и местечек. На них приходилось около 30 из 34 известных в Беларуси наименований поселений, где присутствовали бернардинцы.

Историю монастырского строительства бернардинцев можно проследить по сохранившимся памятникам, а также по письменным и графическим ис-

точникам, позволяющим составить представление о сооружениях утраченных. Ценным документом является карта Г. Лейбовича со схематичными рисунками монастырей. При всей условности изображений, в них отражены характерные черты объемно-пространственного построения комплексов[58].

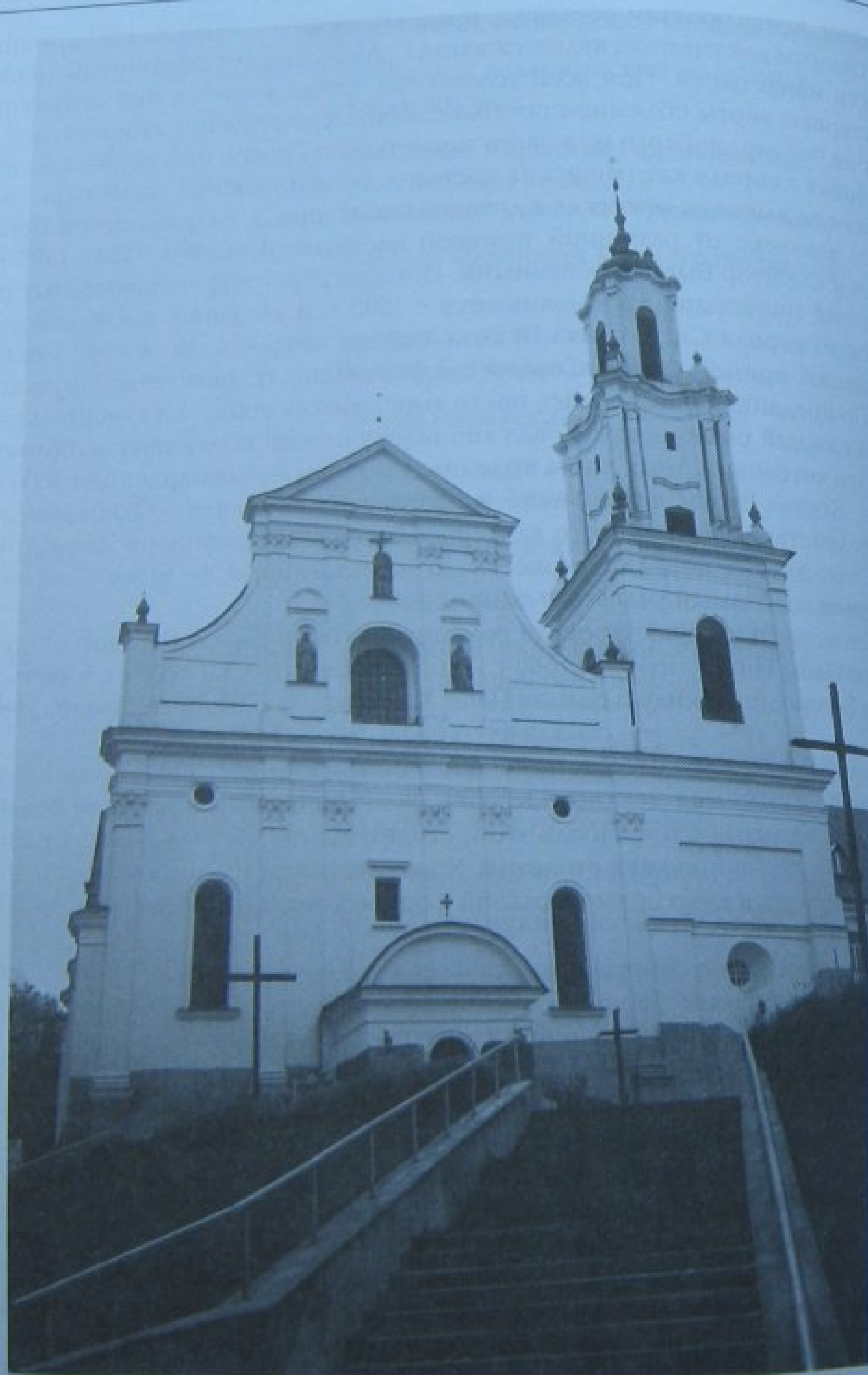
Храм бернардинского мужского монастыря в Гродно был первым из построенных в городе католических костелов. Бернардинский монастырь расположен на высоких отметках в древней части города, называвшейся Понемунье, недалеко от ратушной торговой площади. В период 1494–1595 гг. костел и кляштор были деревянными. История строительства каменных сооружений монастыря прослеживается с 1595 г. и связана с деятельностью польского короля Сигизмунда III Ваза. Работы начались после крупных пожалований, примерно в одно время предоставленных множеством фундаторов. По преданию, вернувшись после «московских войн», на строительство храма каждый рыцарь пожаловал «по талеру от конского копыта». Великий канцлер литовский Лев Сапега выделил гродненским бернардинцам 3000 талеров. Костел строился на месте «королевских конюшен». Одновременно при содействии гнезненского каноника Фабиана Конопацкого Анна Друцкая-Соколинская передала монастырю пожалованный ее мужу Стефаном Баторием земельный участок с садом.

При монастыре существовали религиозные братства: св. Варвары (индульгенция Папы Иннокентия XI 1686 г., Папы Иннокентия XII 1700 г.), в честь Зачатия Богородицы (индульгенция Папы Климента XI 1704 г.), св. Иоанна Непомука.

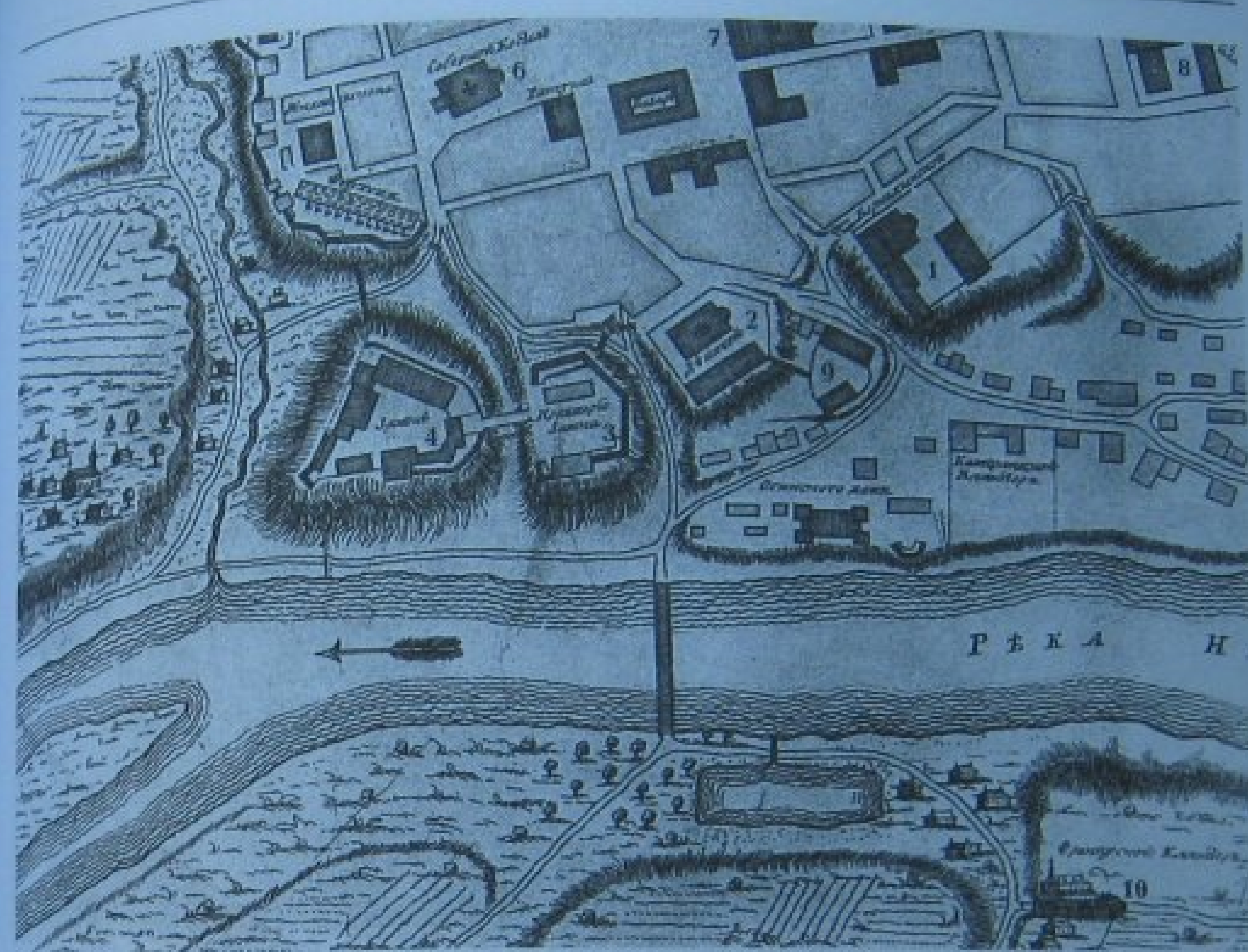
Костел освящен в 1618 г. епископом Виленским Евстафием Волловичем во имя Воздвижения Честного Креста, размеры плана сооружения без пресбитерия около 44×26 м. После этого строительство костела монастыря продолжалось в течение двух столетий. Храм и корпуса трапезной, келий образуют замкнутый двор прямоугольной формы, который примыкает к южному фасаду костела.

В архитектуре храма сочетаются формы поздней готики и барокко. На северном и восточном фасадах сохранились стрельчатые вытянутые готические окна и сильно выступающие контрфорсы. Эта наиболее древняя часть сооружения имеет сходные черты с костелом бернардинов в Вильнюсе. Определенное единство названных сооружений проявляется также в масштабе построек, поперечный шаг опор которых в осях составляет около 8 м.

Гродненский костел бернардинцев — бескупольный, трехнефный, базиликальный храм с глубоким, полукруглым на конце пресбитерием, стены которого укреплены мощными контрфорсами (цв. ил. XV). Главный фасад имеет асимметричное решение, справа к нартексу пристроена четырехъярусная надвратная колокольня, через которую осуществлялся парадный вход во двор монастыря. Щипец главного фасада украшен тремя скульптурами, помещенными в нишах. Ориентация алтарной части базилики восточная. В сакристии с 1792 г. находилось надгробие епископа Виленского, кн. Александ-

94 Бернардинский мужской монастырь в Гродно (1595, 1618)

95 План центральной части Гродно, чертеж XIX в.:

1) мужской бернардинский монастырь;
2) женский бернардинский монастырь;
3) Новый замок;
4) Старый замок;
5) Борисоглебская церковь на Коложе;
6) фарный (соборный) костел;
7) коллегия иезуитов;
8) мужской и женский бригитские монастыри;
9) кармелитский монастырь;
10) францисканский монастырь

ра Сапеги. При входе в костел, слева, на средства Лотеранской была выстроена исполненная в готических формах каплица в честь Богоматери. Всего в храме было устроено 7 алтарей, в том числе св. Франциска и Сердца св. Девы Марии (цв. ил. XIII).

Определенные изменения в структуру храма внесла реконструкция, проведенная после пожара 1753 г. Установлен новый орган, заново отлиты два колокола, соответственно в 1754 и 1759 гг. Живописные работы в интерьере храма в 1788 г. выполнили художники А. Грушецкий и Ф. Михалкевич. В костеле хранились собрание «исторических памятников» и библиотека[59].

Женский бернардинский монастырь в Гродно размещался на Озерской улице. Он основан в 1620 г. Адамом и Иваном Сципионами. Каменный костел заложен в 1621 г. и освящен в 1651 г. Костел представлял собой однонефную бескупольную базилику с полукруглой апсидой, ориентированной на восток. По главной оси, над нартексом возвышалась двухъярусная башня под колокола. Боковые части фронтона оформлены волютами, и на кон-

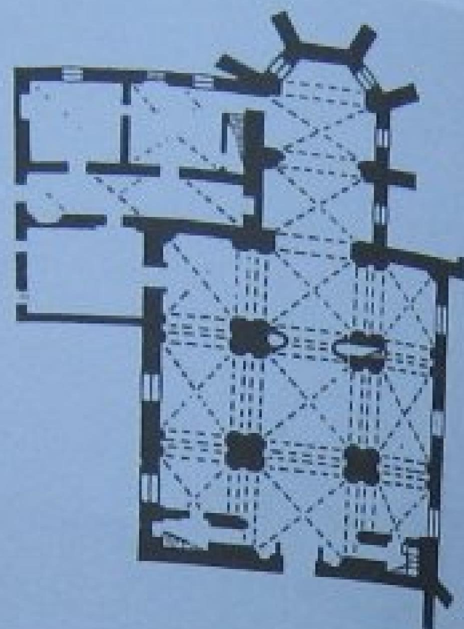
96 Монастыри в панораме Гродно, фото начала XX в.:
1) Старый замок; 2) Новый замок; 3) монастырь Рождества Богородицы; 4) фарный костел; 5) женский бернардинский монастырь; 6) коллегия иезуитов; 7) кармелитский монастырь; 8) мужской бернардинский монастырь

цах фронтона установлены шатровые башенки-пинакли. Отдельно стоящие корпуса не имели завершенного замкнутого в плане контура, они стояли по периметру квартала, занимаемого монастырем. Главный корпус каменного двухэтажного кляштора размещался параллельно южному фасаду костела[60].

В плане города мужской и женский бернардинские монастыри составляли крупный композиционный узел. Они размещались через улицу друг от друга, формируя самостоятельные кварталы города. Абсолютное повторение ориентации и соответственно взаимная параллельность постановки костелов и монументальных строений кляшротов, формирование в обоих случаях двора-клуатра к югу от храма позволяли воспринимать пару бернардинских монастырей как некие взаимосвязанные элементы города. Со стороны реки друг за другом следовали крупные монументальные комплексы женского, а за ним мужского бернардинских монастырей. Они располагались на отдельных, высоко приподнятых округлых площадках вдоль берега Немана и вторили похожей по масштабным соотношениям плана паре комплексов Старого и Нового замков в Гродно, составлявших «сердцевину» градообразующего ядра города.

Круг памятников XVI—начала XVII в., связанных со строительной деятельностью францисканцев и бернардинцев, включает несколько групп сооружений, отличающихся общностью композиционных и архитектурно-конструктивных решений. Первая группа — базилики с глубоким пресбитерием и пониженными крыльями, в которых помещаются ряды боковых капелл (костелы бернардинцев в Варшаве и францисканцев в Пинске). Вторая группа — крупные трехнефные базилики с элементами готики (костелы бернардинцев в Вильнюсе и бернардинцев в Гродно). Третья группа — базилики с плоской алтарной стеной (францисканцев в Гольшанах, бернардинок в Вильнюсе). Четвертая группа — однобашенные базилики (францисканцев в Каунасе и бернардинок в Гродно). Из широкого многообразия решений в последующей храмостроительной практике XVII в. наибольшее распространение получила трехнефная базилика с глубоким пресбитерием (соотношение длины пресбитерия к протяженности базилики колебалось от 1:1,25 до 1:1,35). К такому типу храмов принадлежали ранее рассмотренные костелы бернардинцев во Львове (1611) и францисканцев в Гродно (1635).

Для последующего каменного храмового строительства Беларуси характерно использование систем трехнефного и однонефного костела, причем

97 Костел бернардинцев в Ивье (1600–1633, вторая половина XVIII в.).
1) Рис. Г. Лейбовича; 2) План (ЗПГК)

оба типа сооружений претерпевали заметные эволюционные изменения на переломе эпох от XVII к XVIII столетию. Далее последовательно будут рассмотрены памятники, отражающие закономерности развития архитектуры двух указанных типов церковных сооружений.

Вначале речь пойдет о бернардинских монастырях, архитектура храмов которых основывалась на принципах построения трехнефной базилики. Известно о трех таких памятниках XVII в., возведенных в Ивье, Бресте и Друе.

Монастырь бернардинцев во владельческом местечке Ивье, Ошмянского повета, был основан в 1631 г. воеводой мстиславским и старостой вилькомирским Николаем Кишкой из Цеховца (Цехановца). Каменный Петропавловский костел представляет собой трехнефную двухбашенную базилику с глубоким пресбитерием, завершающимся пятигранной алтарной стеной. Планировочная композиция базиликальной части храма центрическая. При западной стене храма устроены узкие хоры, в большей степени характерные для православных храмов. Укрепления стен пресбитерия, осуществленные при помощи ступенчатых контрфорсов, сближают этот памятник с церквами рубежа XVI–XVII вв., несущими на себе черты романской архитектуры и готики[61]. Первоначально фасад костела имел характерное для многих бернардинских костелов XVII в. безбашенное завершение. Две симметричные башни над узкими хорами были возведены во второй половине XVIII в. По договору 1621 г. с воеводой Николаем Кишкой деревянный алтарь для костела в Ивье изготовил зодчий и скульптор Андрей Бемер (родом из Вроцлава). Имя этого художника хорошо известно в связи с его работами над фронтоном и алтарем бернардинского костела во Львове[62].

XI Францисканский монастырь в Пинске (1396, 1610, 1720–1730)

XII Костел иезуитов в Несвиже (1587–1593)

XIII Костел бернардинцев в Гродно, центральный неф и главный алтарь

XIV Бернардинские женский (1633, 1741) и мужской (1624–1642, 1752) монастыри в Минске

XV Бернардинский мужской монастырь в Гродно (1596, 1618)

XVI Храм монастыря бернардинов в Слониме (1645, 1664–1670), алтарная стена и современный иконостас

XVII Храм монастыря бернардинов в Слониме, хоры

XVIII Бернардинский монастырь в Будславе, главный алтарь большой базилики

XIX Бернардинский монастырь в Будславе, хоры большой базилики

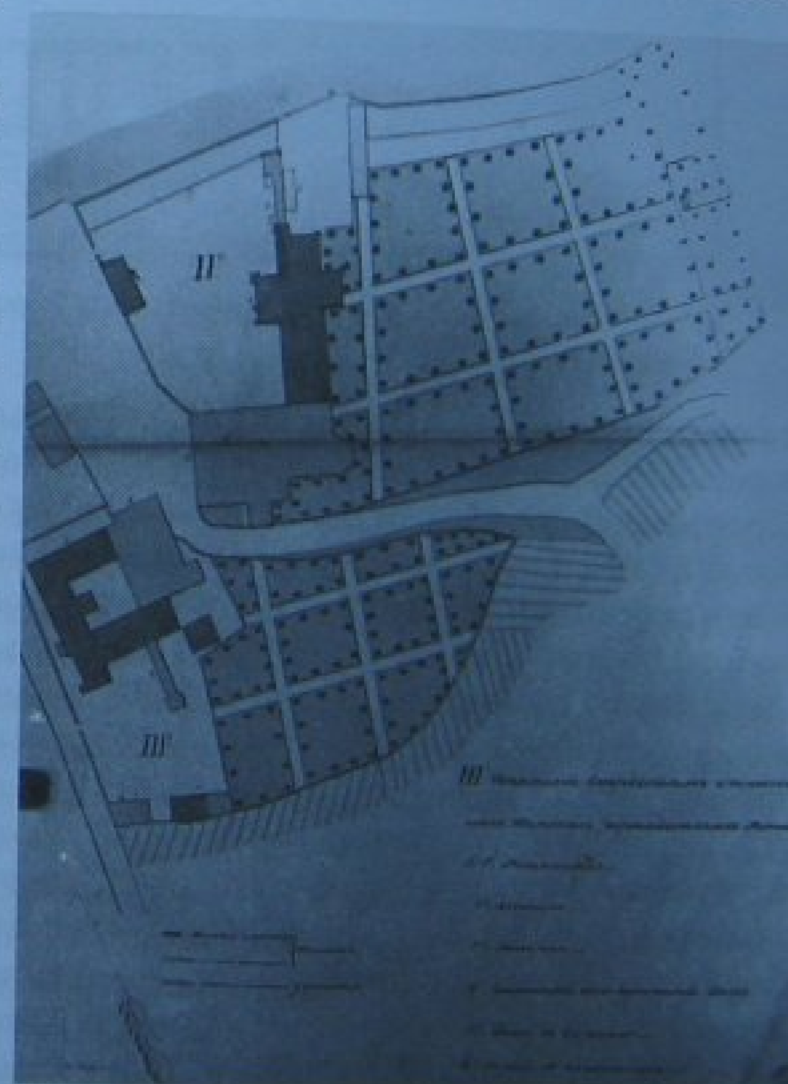
XX Бернардинский монастырь в Будславе (1504, 1589, 1649), фрагмент главного фасада большой базилики

Построенный в первой половине XVII в. двухэтажный каменный кляштор примыкает к костелу с северной стороны. Монастырь содержал школу духовной риторики, в нем находилась библиотека по теологии.

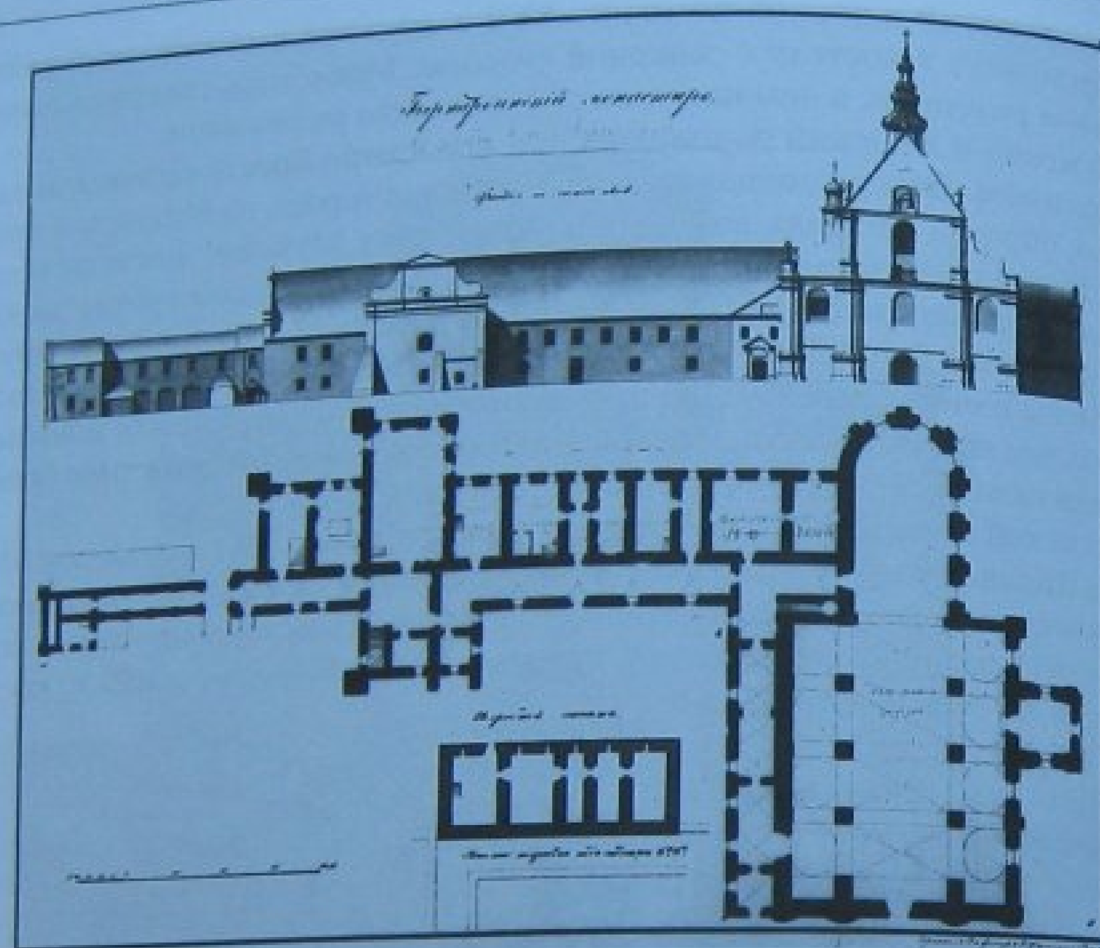
Мужской и женский бернардинские монастыри Бреста составляли единый ансамбль. Они размещались к юго-западу от города, на Волынском предместье, образуя площадь возле моста через реку Мухавец. Костелы обоих монастырей располагались рядом, их разделяла только узкая кривая улочка, притом главные фасады храмов были повернуты под углом друг к другу. Впервые среди бернардинских монастырей костелы порталами входа были обращены непосредственно на пространство городской площади и не были заглублены внутрь участка. Пресбитерий храма мужского монастыря ориентирован на восток, женского монастыря — на юго-восток[63].

Мужской монастырь бернардинцев был основан в 1605 г. епископом Мартином Шишковским, фундатором его был Казимир Сапега. Деревянный монастырь вскоре сгорел. На пожалования 1622 г. Яна Галемского было начато строительство каменных сооружений, которые были закончены в 1623 г.; костел освящен во имя Иоанна Крестителя.

Храм представлял собой трехнефную базилику с протяженным пресбитерием, по ширине равным центральному нефу, пресбитерий завершался полуциркульной в плане стеной. В храме помещались главный алтарь и 8 боковых алтарей. С южной стороны к костелу примыкала квадратная в плане каплица (часовня) Поцеев, в которой находился алтарь Богоматери. Полы в среднем нефе, пресбитерии и отчасти в боковых нефах были мраморными, в остальных частях деревянными. Костел был оштукатурен снаружи и внутри, а фасады побелены. Кровля над главным нефом черепичная, над боковыми нефами — гонтовая. Расчлененный пилястрами главный фасад четко выражает внутреннее трехнефное членение храма, горизонтальные тя-

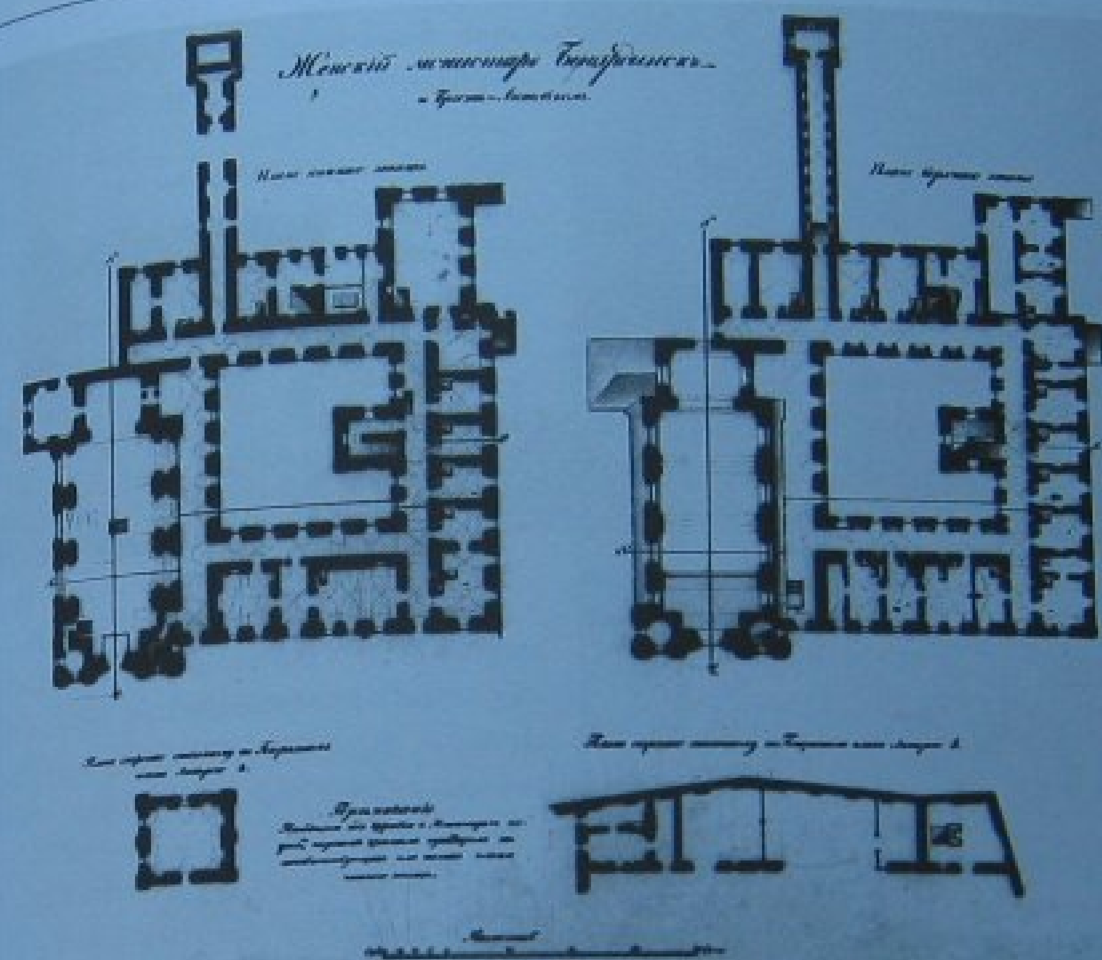
98 Ситуационный план размещения мужского и женского бернардинских монастырей в плане Бреста (РГИА)

99 Бернардинский мужской монастырь в Бресте (1622–1623), обмеры 1830 г. (РГВИА)

ги отвечают высоте боковых нефов. Каждый пучок пилястр при переходе к покрытию венчается большой статуей. Статуя помещалась также в центре фронтона. В центре фасада переходы к высокому треугольному фронтону над боковыми нефами оформлены пологими волютами. Над пресбитерием и при переходе, соединяющем костел и кляштор, поставлены небольшие башенки. В нартексе над входом располагались хоры.

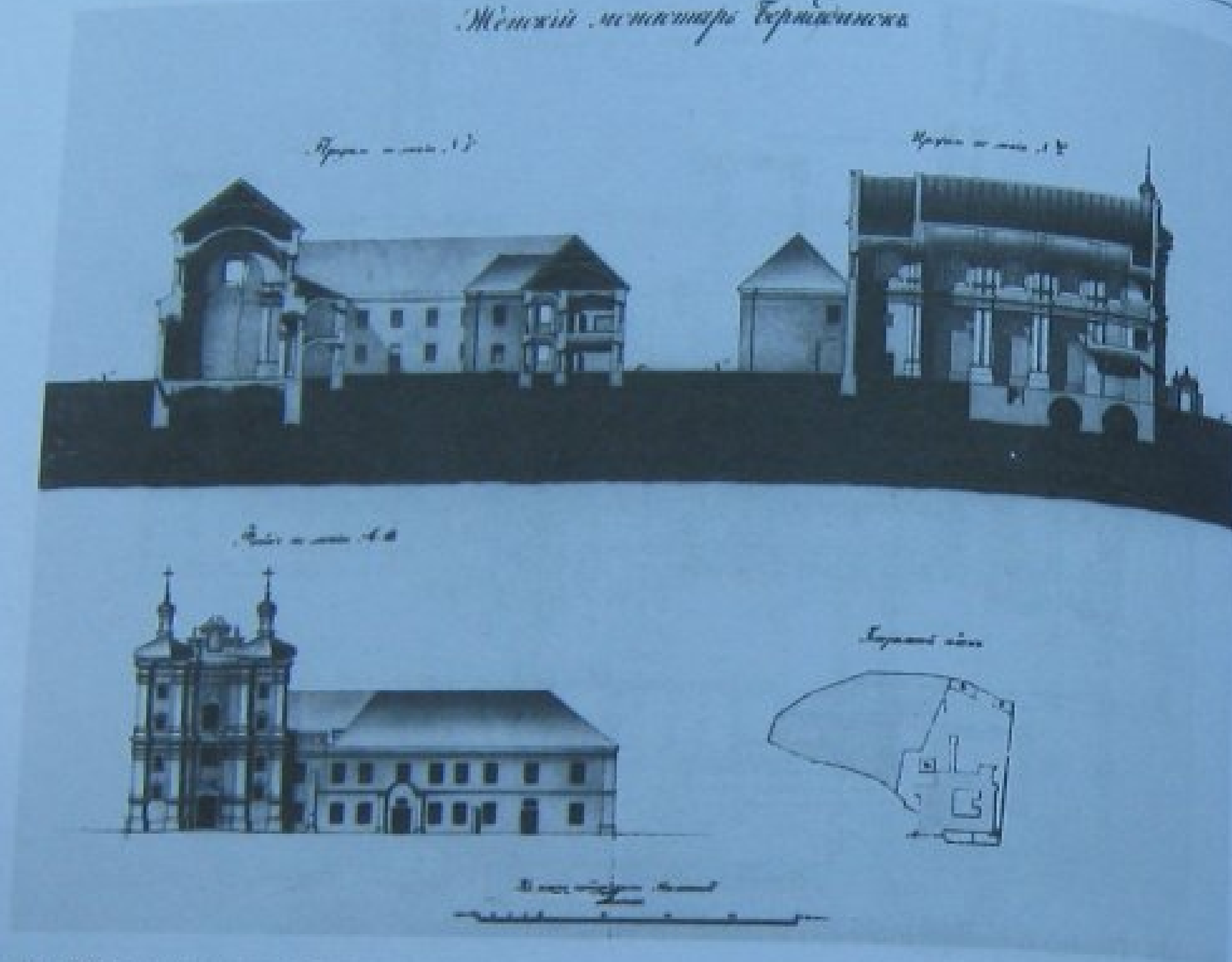
Кляштор составлял протяженный, незамкнутый корпус. Он примыкал к пресбитерию костела с северной стороны, со значительным отступом от красной линии площади. Западный ризалит и северный торец кляштора украшены фигурными фронтонами. Оба этажа каменного монастырского корпуса имели сводчатые перекрытия, распор сводов больших помещений передавался контрфорсами. Крыши были гонтовыми, пол в коридорах кирпичный, в остальных помещениях — деревянный. На первом этаже находились сакристия, скарбец (хранилище), трапезная с кухней и пекарней, три большие кельи верховных монахов. Две каменные лестницы вели на второй этаж, где помещались 22 кельи и новициат. Главный двор монастыря располагался со стороны площади. К востоку от кляштора и костела размещался обширный регулярный монастырский сад с хозяйственными постройками[11].

100 Планы бернардинского женского монастыря в Бресте (1750), обмеры 1830 г. (РГВИА)

Деревянный монастырь бернардинок был основан в 1624 г., каменные сооружения костела и кляштора были построены в 1750 г. Костел однонефный, перекрыт цилиндрическим сводом, распор которого сдерживали массивные сложной конфигурации, во втором уровне уменьшавшиеся в сечении внутренние устои. Слева от пресбитерия находилась сакристия. Две ажурные, расчлененные многочисленными раскреповками башни в формах «виленского барокко» украшали главный фасад храма. По рисунку башни имели сходство с иезуитским костелом в Юровичах (1746). В храме брестских бернардинок помещался главный двухъярусный деревянный позолоченный алтарь, малые боковые алтари располагались возле устоев стен костела.

В 1781 г. к западной стене храма было пристроено двухэтажное здание кляштора, образующее квадратный в плане замкнутый двор-клуатр, в котором находился садик. Помещение в первом этаже, возле пресбитерия предназначалось для исповедальни монахинь. Во время службы обитательницы монастыря, невидимые для прихожан, находились над главным входом в храм, на хорах, связанных коридором со вторым этажом монастыря. В первом этаже кляштора находились приемная, келья настоятельницы, трапезная, на втором — 13 монашеских келий. Оба этажа были перекрыты сводами.

101 Фасад и разрезы бернардинского женского монастыря в Бресте, обмеры 1830 г. (РГВИА)

По мнению Е. Квитницкой, архитектурное решение монастырского комплекса брестских бернардинок очень близко монастырю бригиток в Гродно (1642–1651).

К северо-западу от кляштора, оформляя фронт площади, за оградой был устроен второй небольшой монастырский двор, к юго-востоку — регулярный сад монастыря.

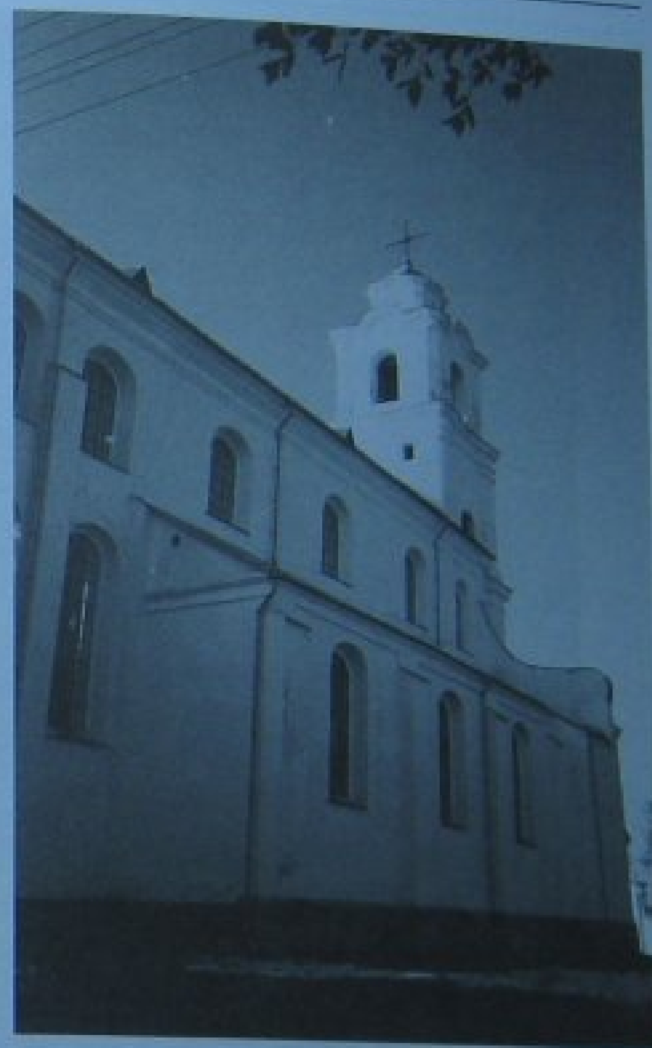
Во владельческом городе Друя монастырь бернардинцев был основан подканцлером Казимиром Львом Сапегой и построен в 1643–1646 гг. Город этот раскинулся вдоль южного берега Западной Двины и с 1496 г. принадлежал кн. Масальским, а с 1611 г. — Сапегам. Монастырь размещался на восточной окраине города, на вершине одного из холмов, обрамляющих берег Двины, и, по-видимому, монастырю дополнительно придавались и оборонительные функции.

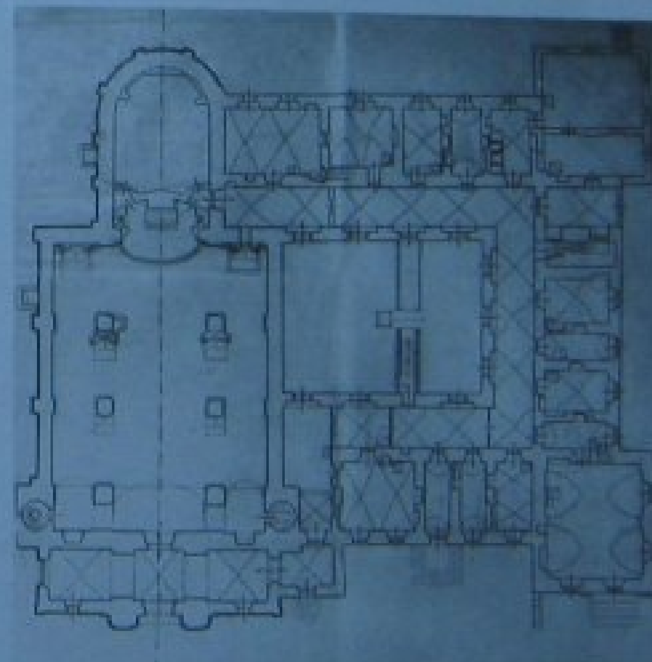
Каменные костел и кляштор составляют единый, монолитный комплекс, они построены одновременно и выдержаны в стиле раннего, строгого барокко. Костел освящен во имя Св. Троицы. Он представляет собой трехнефную однобашенную базилику с вытянутым, завершающимся полукруглой апси-

дой пресбитерием. К пресбитерию с восточной стороны примыкает сакристия. Пресбитерий ориентирован на север с таким расчетом, чтобы главный портал был фронтально обращен к центральной улице, трассированной вдоль Двины и пересекающей весь город. Над центральной частью нартекса возведена массивная четырехъярусная четвериковая башня-звонница, завершенная куполом. По ее сторонам, на главном фасаде торцы боковых нефов закрыты небольшими объемами с пластичными обобщенными волютами.

Оформление интерьера относится к концу XVIII в., здесь стены храма украшены ордерной пластикой, лепкой в технике стука. Пять алтарей и амвон были выполнены в 1764–1767 гг. в стиле позднего барокко. На хорах помещался орган середины XVIII в. Наряду с иконами стены украшали портреты, в частности копии портретов фундаторов костела Казимира Сапеги и его жены Барбары Тарнавской. Монастырь был знаменит своими колоколами: исполненный в мастерской Ганса Багема в Кракове большой колокол «Казимир»; старинный «Жыгімонт» («Сигизмунд», 1520); менее крупные колокола святого Франциска, святого Антония, «Ангел Божий». Эта примечательная деталь говорит об ориентации фундаторов на главные церковные святыни Польши. Колокола под теми же собственными именами сегодня являются предметом экспозиции музеев кафедрального собора Вавельского замка в Кракове[63].

Двухэтажный кляштор бернардинов в Друе примыкает к костелу с восточной стороны и образует замкнутый

102 Бернардинский монастырь в Друе (1643–1646), план храма и кляштора (РГИА)

103 Фрагмент бокового фасада костела бернардинцев в Друе

104 Главный алтарь костела бернардинцев в Друе, фото 1930-х годов из коллекции Я. Булгака

105 Главный алтарь костела бернардинцев в Друе

двор-клуатр. В середине XVIII в. костел и кляштор были обнесены по периметру арочной оградой с воротами (брамой) посредине, ориентированной по оси портала главного фасада костела. Таким образом, храм занял центрическое положение в плане монастырских территорий, оказался заглубленным относительно входа в монастырь (изобр. на суперобложке).

В результате реконструкции 1772 г. над храмом был надстроен купол; первоначальный облик храму возвращен после реставрации начала XX в.; служба в костеле возобновлена в 1995 г.

Построенные в XVII в. костелы бернардинских монастырей Ивье, Бреста и Друи продолжали линию трехнефной базилики с глубоким пресбитерием. Дальнейшая эволюция этого типа храма происходила по пути сокращения глубины продольного пространственного развития алтарной части базилики. В памятниках XVIII в. проявляются и другие характерные особенности построения храма, в определенной степени нивелирующие отличительные черты архитектуры начального этапа монастырского строительства бернардинцев. Наряду с уменьшением глубины пресбитерия, несмотря на отсутствие купольных композиций, во многих случаях в структуре базилики стали выявлять трансепт. Ведущей темой оформления главного фасада становится двухбашенная композиция. К числу памятников названной типологической группы относятся бернардинские монастыри Минска, Витебска, Мозыря, поселка Сельцы, Будслава.

106 Хоры костела бернардинцев в Друе, фото из коллекции Я. Булгака

Подобно гродненским монастырям, в Минске также сформировался парный комплекс мужского и женского бернардинских костелов и при них кляшторов со служебными постройками. Они располагались на северо-западной границе главной торговой и ратушной площади города, формируя нерегулярный фронт застройки в этой части площади Верхнего рынка. Каждый из монастырей представлял собой автономное

замкнутое в себе целое. В плане города они разделялись улицей, выводившей от площади Высокого рынка в сторону Немиги. Вместе с тем принципы подобия в объемно-пространственном построении монастырей задавали определенное архитектурное единство парного комплекса в целом. Высотные объемы бернардинских храмов Минска, так же как и в Гродно, в точности повторяли одну и ту же, в данном случае юго-восточную ориентацию. Кляшторные дворы-клуатры в обоих случаях примыкали к северным фасадам храмов. Завершение формирования каменных комплексов бернардинских монастырей происходило одновременно, в 1740–1750-е годы, и осуществлялось, по-видимому, по единому замыслу.

Мужской монастырь был основан в 1624 г. (или в 1638 г.) старостой красносельским Иваном Гонсевским (по другой транскрипции — Ян Кенсовский). Каменные сооружения мужского монастыря были построены в 1752 г. Они заменили существовавшие до 1642 г. деревянные строения каплицы и кляштора. Костел возведен в виде трехнефной базилики без трансепта; глубокий, на три пролета пресбитерий сужался в сторону торцевой стены. Первоначально над крышей, по центру костела возвышалась круглая шатровая башенка-сигнатурка, в которой находились «хоровые колокола». В костеле стояли 9 мраморных и стуковых алтарей, десятигласный орган, мраморный амвон[66].

Замкнутый комплекс каменных монастырских корпусов образует двор-клуатр, примыкающий к северному фасаду костела. В корпусах помещались кельи, трапезная, школа, шпиталь (больница для убогих). В линию ограды с южной стороны костела, обращенной к рыночной площади, были встроены торговые ряды лавок.

Женский бернардинский монастырь в Минске был основан в 1633 г. воеводой троцким Александром Служкой. Ансамбль монастыря окончательно сложился в результате реконст-

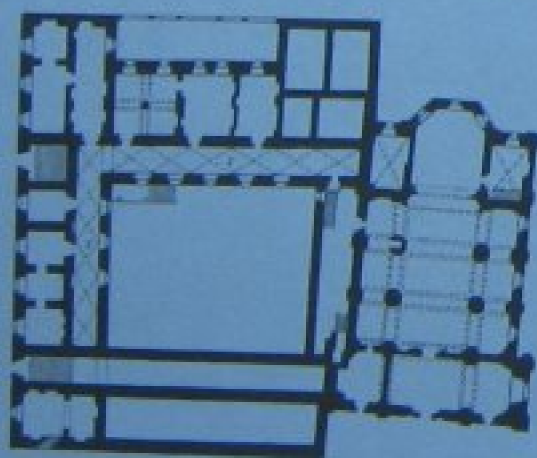

107 Хоры костела бернардинцев в Друе

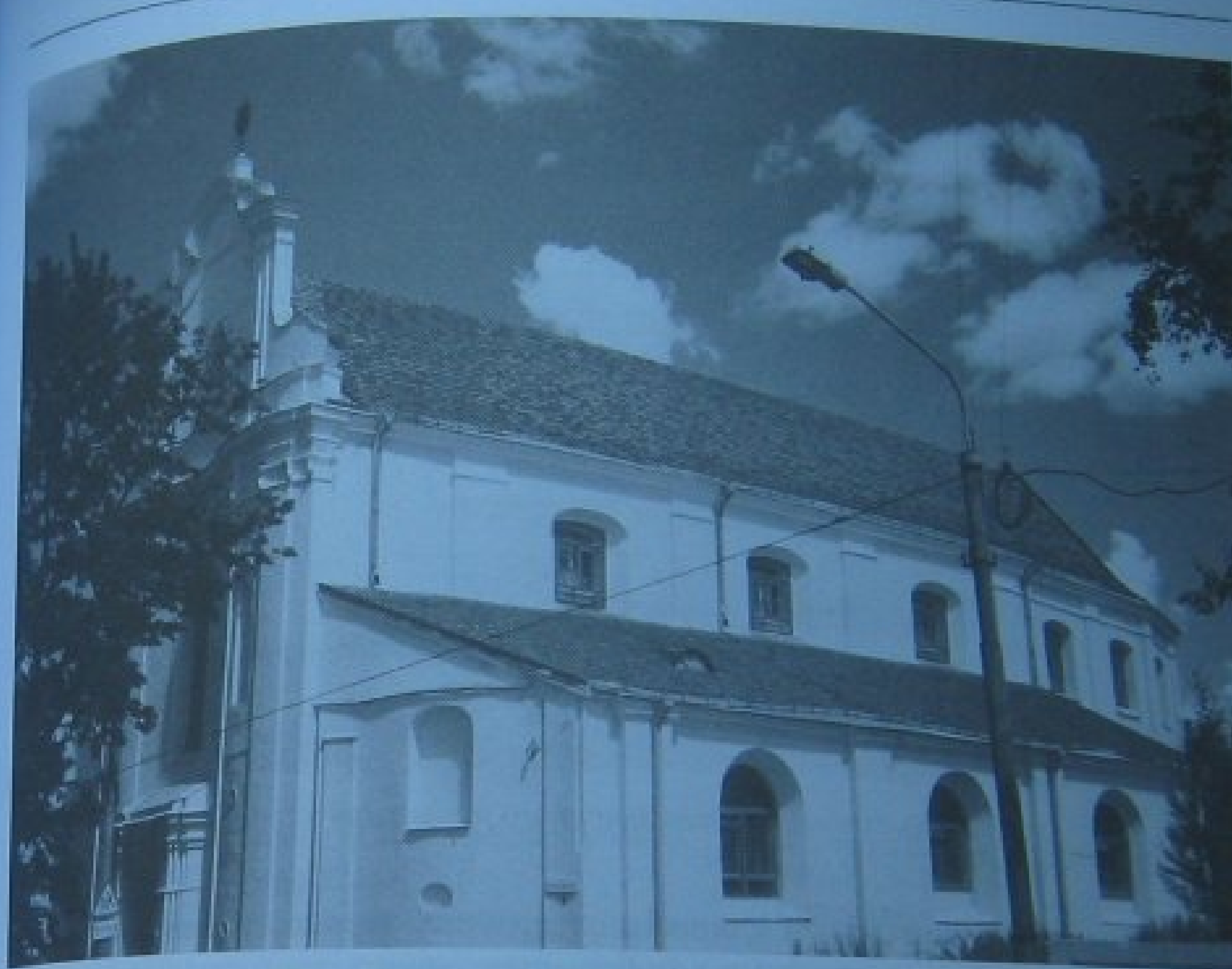
108 План центральной части Минска 1817 г. (РГА ВМФ):
1) монастырь бернардинок;
2) монастырь бернардинцев;
3) храм Святого Духа и базилианские; мужской и женский монастыри
4) доминиканский монастырь;
5) монастырь бенедиктинок;
6) иезуитский монастырь;
7) Петропавловский монастырь;
8) францисканский монастырь;
9) бонифратский монастырь;
10) монастырь бенедиктинцев;
11) рохитский монастырь

109 План монастыря бернардинок в Минске (1633, 1741) (по Т. Чернявской)

рукции, проведенной после пожара 1741 г. Храм базиликальный трехнефный без трансепта; своды опираются на шесть опор; пресбитерий завершается трехгранной алтарной апсидой, к которой пристроены две симметричные сакристии. Центральный неф перекрыт цилиндрическим сводом, боковые нефы — крестовыми сводами. В храме помещались 7 стуковых алтарей[67].

Главный фасад решен в виде симметричной композиции с двумя шес-

110 Бернардинский мужской монастырь в Минске (1624–1642, 1752)

тиярусными башнями барочного рисунка, высотой 43 м. Междубашенный портал ордерной системой пилястр разделен на три яруса и увенчан фигурным щитом со сдвоенными пилястрами и карнизными поясами (цв. ил. XIV).

В Витебске бернардинский мужской монастырь находился на ратушной площади города. Монастырь и кляштор составляли единый, монолитный комплекс с внутренним двором-клуатром. Главный северный фасад выходил непосредственно на площадь, соответственно алтарная часть ориентировалась на юг, а кляштор примыкал к храму с восточной стороны.

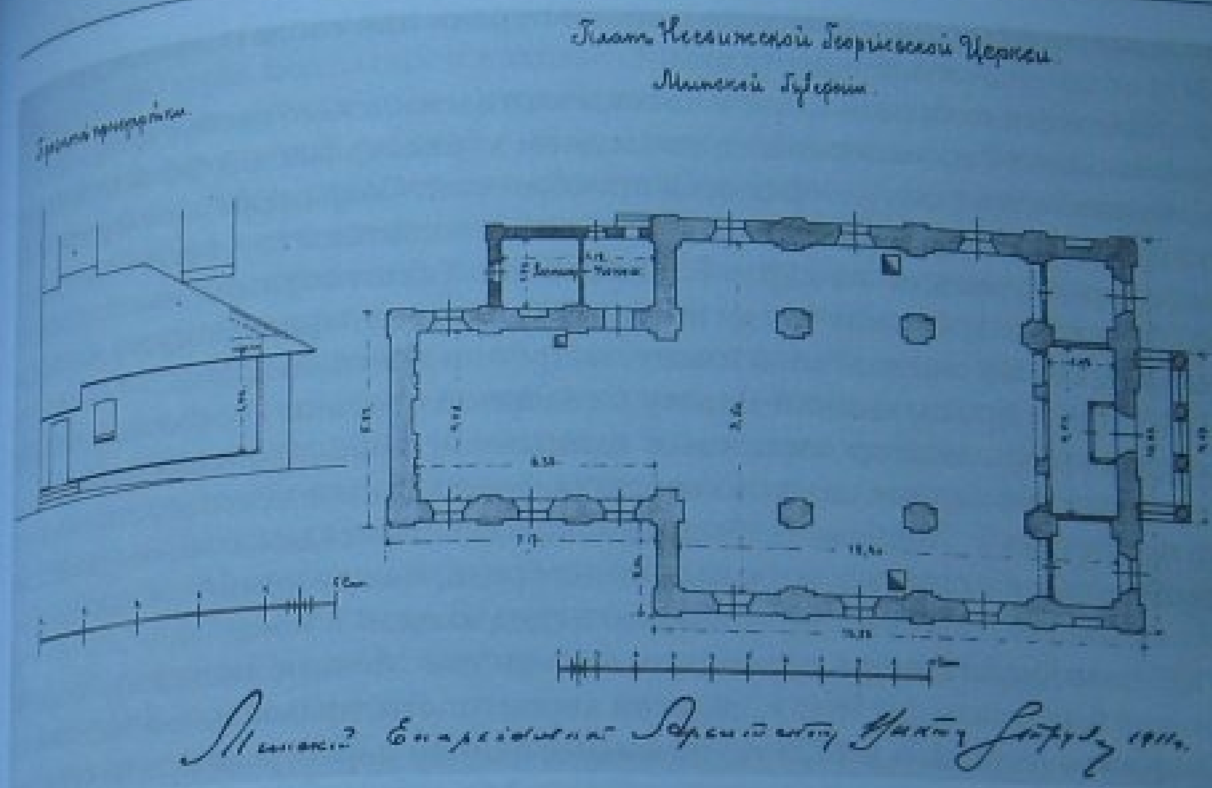
Основанный в 1676 г. воеводой витебским Иваном Храповицким, монастырь поначалу имел деревянные строения. Он дважды горел (1700, 1733). Строительство каменного костела было начато в 1737 г., а в 1755 г. состоялось его освящение во имя св. Антония. Храм представлял собой трехнефную двухбашенную базилику с трансептом, размером около 36,8×27,7×21,3 м, с двумя симметричными, примыкавшими к пресбитерию сакристиями. Центральный пролет был перекрыт цилиндрическим, а боковые — крестовыми сводами. План и главный фасад имели нехарактерные для храмов этого типа пропорции, близкие к квадрату, ширина фасада равнялась его высоте от основания до вершины центрального фронтона и одновременно высоте третьего яруса башен[68].

111 Фасад строений бернардинского монастыря в Витебске, обмеры 1839 г. (ЦГВИА)

Каменный двухэтажный кляштор со стороны рынка, в цокольном этаже слева от входа в монастырские корпуса имел девять торговых лавок и справа — другие разделенные на шесть частей каменные лавки. За кляштором, в западном направлении был устроен другой, хозяйственный двор трапециевидной в плане формы. Две внешние его границы формировались линиями каменных служб, куда входили сарай с конюшней на 20 лошадей, конюшня на 12 лошадей, пивоварня и баня. Здесь же размещались каменные мясные ряды с погребным этажом, жилые горницы и лавки. Вход в хозяйственный двор был оформлен воротами, украшенными «разорванным» барочным фронтоном. За каменными постройками располагались отдельно стоящие деревянные службы — брусяной амбар на каменном фундаменте, хлев, ледник, сарай[69].

К древнейшим бернардинским монастырям относится комплекс построек в Несвиже. Кн. Николай Христофор Радзивилл основал в своем владельческом городе бернардинский мужской монастырь в 1594 г. Подобно двум другим католическим монастырям города, иезуитскому и бенедиктинскому, бернардинский костел и кляштор заняли крайний угловой участок укрепленной части регулярно спланированного города. Градостроительное размещение бернардинского монастыря в Несвиже во многом напоминает местоположение другого, львовского монастыря того же ордена. В Несвиже бернардинцы обосновались в северо-западной части города, на одной улице с иезуитами, и фланкировали завершение этой ведущей от замка улицы. Планировочно и визуально костелы двух монастырей прямо были связаны

между собой, что в полной мере получило отражение на рисунке Н. Орды.

Монастырский комплекс бернардинцев построен в 1598 г.[70] Храм представлял собой трехнефную базилику, к алтарной части которой примыкала многоярусная четвериковая башня, покрытая шпилеобразным шатром. Как и иезуитский костел Божьего Тела, бернардинский костел пресбитерием был ориентирован на восток. Костел сгорел в 1793 г., и полагают, что заново построен в 1802 г. Сохранился проект ремонта храма 1911 г., к тому времени переосвященного в Георгиевскую церковь и преобразованного в приходский православный храм. Этот документ свидетельствует о типологическом сходстве планировочной структуры несвижской базилики бернардинцев и костела бернардинского мужского монастыря в Минске. Несвижский костел представлял собой шестистолпную трехнефную базилику без нартекса; глубокий пресбитерий завершался плоской алтарной стеной. Главный и алтарный фасады украшали фигур-

112 Проект реконструкции костела бернардинцев в Несвиже 1911 г. (РГИА)

113 Бернардинский монастырь в Несвиже (1594, 1598, 1802, 1911), рис. Г. Лейбовича

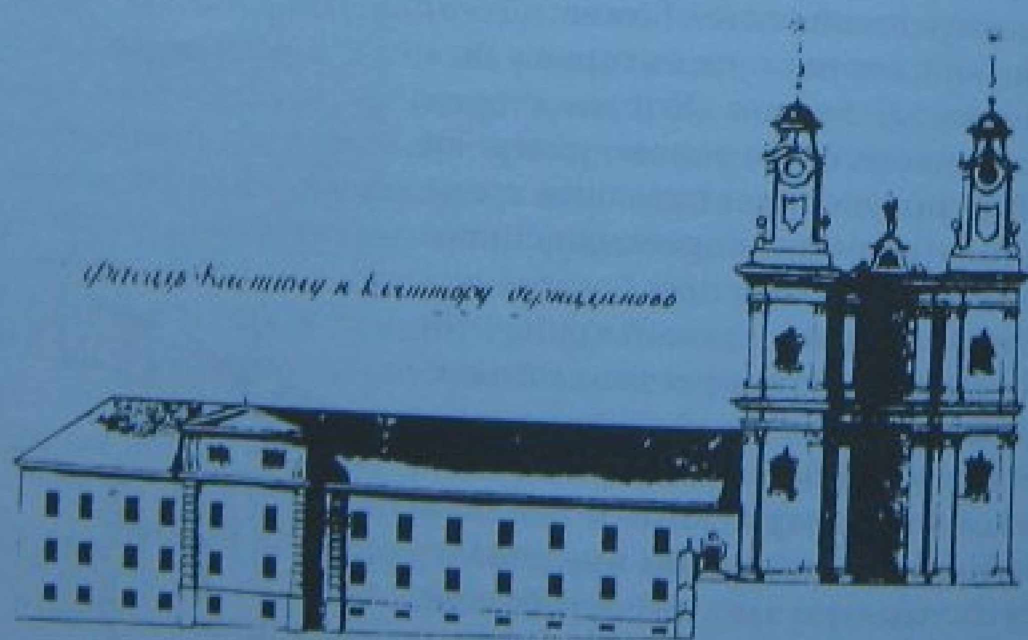
ные щиты-фронтоны (шестиколонный портик при входе появился в результате позднейшей реконструкции)[71].

Заметным отличием планов несвижского и минского костелов бернардинцев является использование в последнем характерных для барокко изогнутых линий стен главного фасада и пресбитерия. Сохранившийся чертеж плана храма бернардинцев в Несвиже во многом соответствует аксонометрическому изображению на карте Г. Лейбовича. Таким образом, можно предположить, что сохранявшийся до начала XX в. костел бернардинского монастыря в Несвиже в основе своей имеет постройки древнего храма.

Костел и примыкавший к нему с северной стороны П-образный в плане двухэтажный кляштор составляли единый ансамбль. В объеме жилого корпуса были три башни, одна из которых оформляла въездные ворота, как видно на рисунке Г. Лейбовича. Главным парадным фасадом комплекс монастыря обращался в сторону западных стен города, между ними было образовано пространство, служившее площадью перед входом в монастырь[72].

В поветовом центре Минского воеводства Мозыре монастырь бернардинцев был основан в 1645 г., по всей вероятности, православным человеком Стефаном Лозкой, а в 1737 г., очевидно, заново перестраивался на средства хорунжего литовского Владислава Паца. Монастырь занимал один из кварталов города, к юго-востоку от замка. Составлявшие единый комплекс каменные костел и кляштор были построены в 1748 г. и перестраивались в начале 1770-х гг.

Храм во имя св. Михаила алтарной частью ориентирован на юг. Он представляет собой трехнефную двухбашенную базилику с трансептом, алтарная часть завершается трехгранной апсидой. Центральный и боковые нефы пе-

114 Бернардинский монастырь в Мозыре (1737, 1748, начало 1770-х), обмеры XIX в.

рекрыты соответственно цилиндрическим и крестовыми сводами, над входом устроены хоры, под алтарем находится сводчатая крипта.

С восточной стороны к костелу примыкал кляштор: трехэтажное каменное строение под деревянной крышей с 18 жилыми и 10 нежилыми помещениями. Его главный фасад был украшен четырехэтажным ризалитом, в архитектурной развертке фасада всего комплекса композиционно поддерживавшим вертикаль храма. В монастырский комплекс также входили отдельно стоящие строения хозяйственного двора: деревянный одноэтажный флигель (1822); денежная изба, одноэтажная каменная, железом крытая (с 1831 г. уездное училище); дом одноэтажный деревянный или дом смотрителя (с 1830); классы одноэтажные деревянные (4 жилых и 3 нежилых помещения); дом деревянный для учителей; одноэтажная деревянная кладовая; дом деревянный одноэтажный (10 жилых и 2 нежилых помещения)[73].

Бернардинский мужской монастырь находился во владельческом местечке Сельцы, на северо-востоке Беларуси. Он основан в 1726 г. воеводой полоцким Иосафатом Селявой, к числу фундаторов также принадлежали Иезодрот Антоний Селява с женой.

Костел построен в 1726 г. Это каменная трехнефная базилика с трансептом, размером 31,2×19,7×16,7 м, где высота сооружения указана от земли до венчающего карниза. Всего в храме помещались семь алтарей, два из которых стояли в симметричных, устроенных в ветвях трансепта каплицах. Главный фасад представляет собой двухбашенную композицию, полукруглая алтарная апсида на фасаде не выявлена. Отделка была сделана только на главном фасаде здания, оштукатурены и побелены также были внутренние стены и своды. Храм освящен во имя св. Вероники.

Кляштор построен одновременно с храмом в 1726 г. «в две линии», то есть имел Г-образную в плане форму и примыкал к костелу. Это каменное двухэтажное сооружение со сводчатыми потолками, оштукатуренное снаружи и внутри.

Хозяйственные строения монастыря были деревянными: одноэтажный дом — людская; бревенчатое гумно; бревенчатый дом, в котором помещались пивоварня и баня; конюшня; хлев с сараями для складирования фуража; амбар; ледник; крытая черепицей кузница. Территория монастыря разделялась на участки, составлявшие под строением 1973 кв.м, садами 6601,5 кв.м, огородами 6525 кв.м[74].

Отмеченные особенности храма, нехарактерные для бернардинских костелов, и указание отдельных архивных источников на принадлежность селецкой базилики ордену кармелитов оставляют открытым вопрос о месте этого памятника в архитектурной типологии католического храмостроения XVIII в.

Особое место в кругу крупных трехнефных базиликальных храмов бернардинцев XVIII в. занимает Будслав. В этом селении бернардинский монастырь сложился на основе одной из самых древних в Беларуси резиденций ордена. Ранее уже упоминалось, что в 1504 г. великий князь литовский Алек-

сандр, в бытность его уже королем, пожаловал виленским бернардинцам местечко Буду в старостве Марконском, расположенном между Мяделем, Вилейкой и Глубоким. Позднее название Буда, в связи с переводом селения в 1732 г. в ранг города, было преобразовано в Будслав.

Наиболее подробные сведения о монастыре, включая и результаты последних исследований польских авторов, опубликованы в работе ксендза Владислава Завальнюка. Приводимые далее описания опираются главным образом на этот источник.

Королевским привелеем в распоряжение виленского монастыря бернардинцев были переданы «6000 моргов леса над рекой Сервеч в границах ее притоков Зуи и Турака, по которым монахи могли сплавлять лес в Вильну — на дрова, для строительства и на монастырские нужды. В летнее время один из братьев ордена жил для присмотра в деревянной сторожке посреди леса; эту сторожку и прозвали поначалу Будой»[75].

Вначале здесь поставили деревянную часовню и два домика для братии[76]. В 1589 г. (по Завальнюку, в 1591 г.) в междуречье Буда на смену первому был построен другой деревянный храм, освященный в честь Благовещения Пресвятой Девы Марии. Храм освятил виленский викарий, доминиканин Цириян из Сьроды.

История культа иконы Пресвятой Девы Марии в Будславе берет начало с 1613 г., когда после богослужения в Буде кс. Исаак по просьбе монахов-бернардинов уступил ее костелу. Икона была привезена в 1600 г. минским воеводой Яном Пацем (1560—1600), незадолго до кончины он перешел из кальвинизма в католичество. Пац получил икону из рук Папы Климента VIII в 1598 г. в Риме. Вначале он поместил святыню в часовне своего виленского дворца. Унаследовавший икону капеллан Паца кс. Исаак Соколовский (или Колокай) перевез ее в Долгиново, где был комендарием. После временного пристанища в этом селе, расположенном в 11 км от монастыря, чудотворная икона нашла свое окончательное пребывание в Буде.

Учреждение монастыря состоялось в 1661 г., когда деятельность бернардинцев в Буде была возведена в ранг конвикта. На самом деле монастырь начал складываться задолго до этого. Его ктитором выступил настоятель виленского монастыря Флориан Колецкий. Однако главным объектом его внимания оставался Вильно. На его пожертвования при костеле виленских бернардинцев была построена часовня св. Флориана, существенно пополнилась монастырская библиотека. Пожалования монастырю в Буде вносили также Януш Кишка (1586—1654; с 1621 г. воевода полоцкий, который в 1625—1627 гг. путешествовал с королевичем Владиславом по Италии), представители семьи Долмат-Исайковских.

Важными представляются сведения об архитекторе первого каменного храма. Строителем костела был мастер-каменщик Андрей Кромер, по национальности немец, а по вере — христианин восточного обряда: «Natione germanus, fide ruthenus». Характерно, что человек, чужой по крови и по вере,

оказался приглашен для постройки католического храма. «Наш» немец приехал из Полоцка, поселился на некоторое время в Буде (здесь он даже построил себе дом), а потом перебрался в Минск. Многолетнее пребывание А. Кромера в Буде говорит о том, что отцы бернардинцы пользовались его услугами не только при постройке костела. Вероятнее всего, мастера задержало здесь строительство монастыря.

Кирпичный объем костела XVII в. сохранился до наших дней. Строение это небольшое, одноэтажное, в плане прямоугольное, размером 10×20 м. Почти в неизменном виде сохранились его интерьеры: стены украшены прямоугольными пилястрами с лаконичными рельефами ангелов на месте капителей; расположенные в западной части хоры опираются на два столба; замечательной работы деревянный резной перспективный алтарь коринфского ордера украшен скульптурными фигурами Христа, Богоматери, святых апостолов и праотцев Ветхого Завета (установлен в 1649 г.). Первоначальный внешний вид костела известен благодаря иллюстрации, приведенной в рукописи ксендза Зелеевича. В 1650 г. по обе стороны фасада, увенчанного треугольным фронтоном, возвышались две стройные восьмигранные башни с высокими шпилями. На коньке двускатной крыши стояла декоративная главка с небольшой башенкой (сигнатуркой). Слева от костела показаны двухэтажные строения не существующего ныне монастыря.

115 Бернардинский монастырь в Будславе, рис. Г. Лейбовича

116 Бернардинский монастырь в Будславе (1504, 1589, 1649), рис. 1650 г. (по В. Завальнюку)

117 Большая базилика бернардинцев в Будславе (1767–1783) со встроенным древним храмом (1643), вид с западной стороны

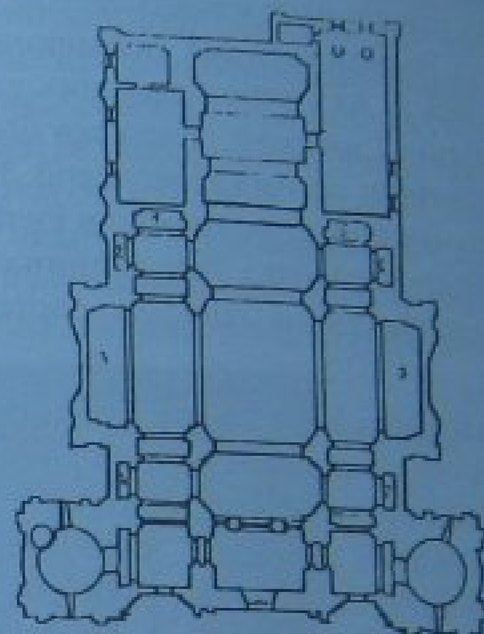
Эти данные хорошо согласуются со свидетельствами позднейших инвентарей. Костел 1643 г. можно с уверенностью отождествить с современной часовней св. Барбары в Будславском костеле. Все изменения сводятся к тому, что с западного фасада были убраны башни. Однако сохранилось прежнее количество окон и дверей, за исключением замурованного при перестройке первоначального входа в костел. Древний храм, включенный в состав нового церковного сооружения, находился с его северной стороны. Это объясняет, почему при строительстве большого костела была изменена его ориентация. Пресбитерий сегодняшнего храма повернут на запад — в обратную сторону по сравнению со старым костелом, построенным согласно древним правилам ориентации алтарем на восток.

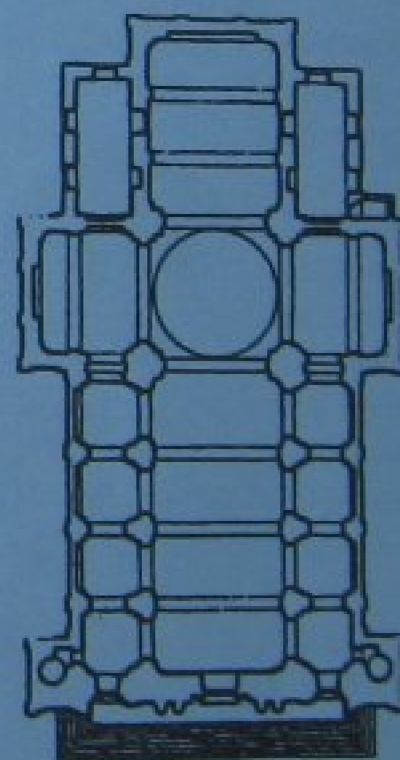
Хронист истории будславской базилики пишет: «Когда в 1767–1783 гг. с большим размахом шло строительство нового большого костела, он как бы взял в свои объятия старый, невзрачный по сравнению с ним деревянный (ошибка хрониста — каменный) костелик. Интересно было бы установить причины, которые заставили строителей с таким пиететом отнестись к старому костелику. Видимо, дело было в желании сохранить старый храм, в котором с самого начала его существования находилась чудотворная икона Божией Матери, пожертвованная отцам бернардинам в Будслав в 1613 г.»[77].

Подробно описана история строительства большой базилики: «29 июля 1767 г. был заложен краеугольный камень под новый костел. Закладку его произвел тогдашний гвардиан отец Константин Пенс. Имя архитектора-проектировщика костела остается до сих пор неизвестным. В довоенной литературе встречается предположение, что автором проекта был сам Константин Пенс. К такому выводу пришел профессор Марьян Моралевский, исходя из того, что отец Константин был сыном виленского архитектора Яна Пенса и сам получил архитектурное образование.

В последнее время установлением автора Будславского храма занимался Войцех Баберский, весьма убедительно связывающий его с деятельностью Юзефа Фонтаны (1716–1773), выходца из знаменитой семьи варшавских архитекторов второй половины XVIII в. (это был сын знаменитого Иосифа Фонтаны). Юзеф Фонтана был женат на сестре о. Константина Пенса. Результаты стилистического анализа других работ Юзефа Фонтаны на территории Великого Княжества Литовского (особенно Успенской церкви базилиан в Витебске), а также факт родства между архитектором и заказчиком дают все основания принять версию В. Баберского»[78].

Принимая доводы польских авторов, следует заметить, что план нового костела в Будславе в решении пресбитерия, нартекса и трансепта во многом повторяет план коллегиаты св. Анны в Кракове, также связанной с фамилией Фонтана (строительство 1689–1703 гг., голландский архитектор Тымпанови; скульптурный стуковый декор в «духе Бернини» выполнил резчик Балтазар Фонтана[79]; росписи — братья К.Я. Монти и К. Данкварт из Нысы; изображение св. Анны на большом алтаре художника Е. Семигиновского, по бокам пресбитерия жития

118 Планы базилик XVIII в.

1) Бернардинцев в Будславе (по В. Завальнюку).

2) Коллегиаты св. Анны в Кракове (1689–1703)

св. Анны художника Ш. Чеховича). Коллегиата св. Анны построена по образцу римского костела Сан Андреа Делла Валле.

Торжественное освящение костела в Будславе состоялось 7 сентября 1783 г. Акт этот совершил ксендз, епископ, викарий троцкий Францишек Алоиз Гзовский. Тогда же было изменено название костела: теперь он был освящен во имя Пресвятой Девы Марии. Костел огромен, он был одним из самых больших храмов в Речи Посполитой. Длина костела 62 м, ширина поперечного нефа 39 м, ширина корпуса 31,2 м. Фасад вместе с боковыми четырехэтажными башнями составляет 50 м (цв. ил. XX). По длине будславская

119 Фрагмент интерьера базилики в Будславе

базилика сопоставима с костелом св. Франциска монастыря бернардинов в Вильнюсе, но значительно превосходит его по ширине главного фасада, размерам нартекса с примыкающими к нему массивными боковыми башнями. Над пересечением нефов находится так называемый «слепой» купол (т. е. купол без окон). В удлиненном пресбитерии, за главным алтарем устроено место для монашеского хора; еще и сейчас там сохранились стулья и пюпитры. Дверь в северной стороне пресбитерия ведет в так называемый Ста-питры. Дверь в северной стороне пресбитерия ведет в так называемый Старый костел, в противоположной стене — вход в двухкомнатную сакристию. Второй этаж, где в 1939 г. находились библиотека и архив, в настоящее время не используются.

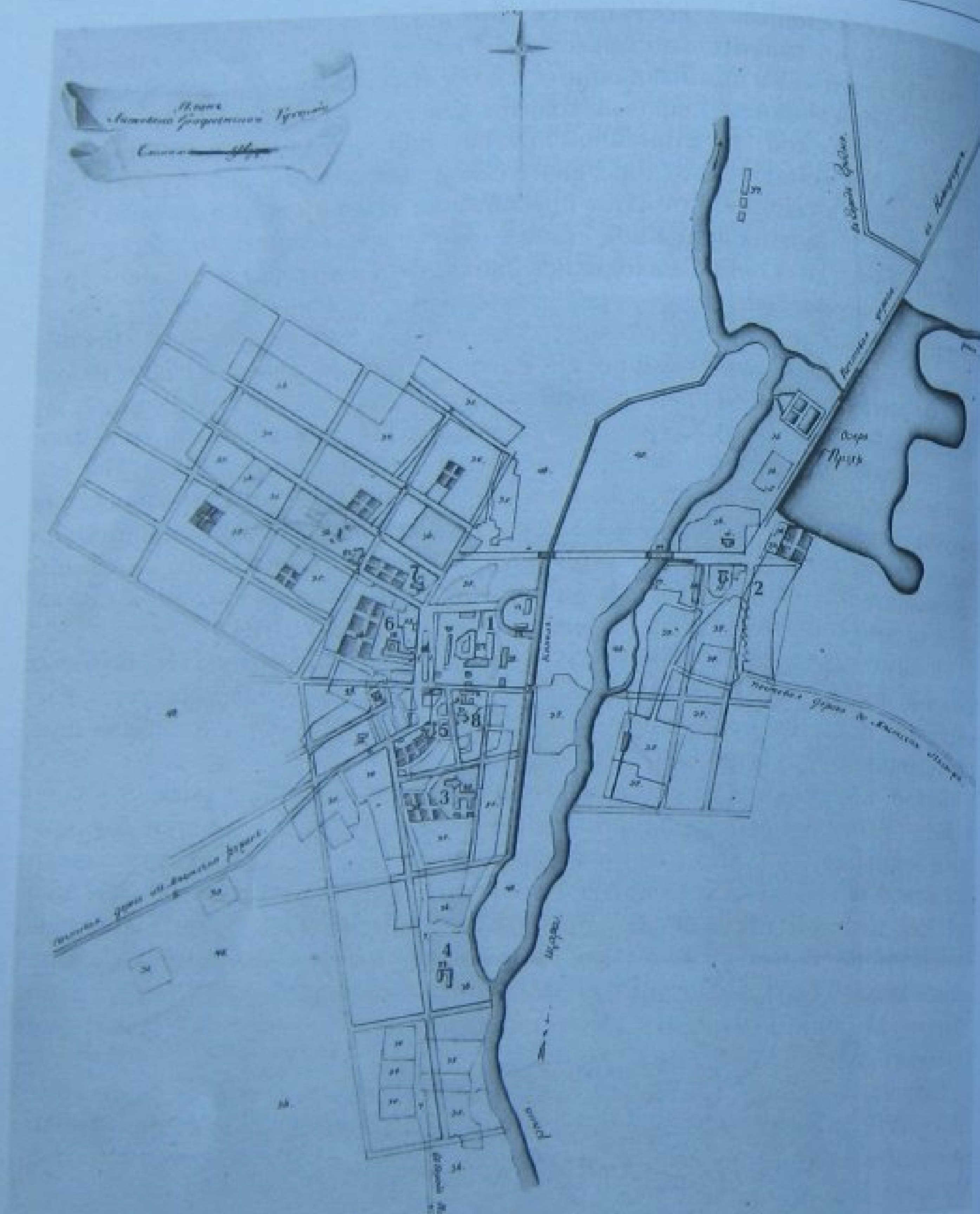
Внутри костела хорошо сохранились позднебарочные настенные росписи, выполненные в технике фрески. Особого внимания заслуживают иллюзорные алтари с колоннами в часовнях боковых нефов, а также на стене, замыкающей пресбитерий. Главный деревянный алтарь большой базилики был возведен одновременно с костелом и освящен 7 сентября 1783 г. Над его менсой поднимается, опираясь на четыре коринфские колонны, конфессия купола, увенчанная картушем с рисунком лодки св. Петра; под картушем видна надпись: «Твоей защите отдаемся, Святая Матерь Божия». Колонны составляют архитектурное оформление иконы Божией Матери Будславской, перенесенной сюда из старого алтаря (цв. ил. XVIII, XIX)[80].

Помимо главного в костеле, как и прежде, помещаются восемь боковых алтарей, посвященных св. Антонию, св. Иосифу с младенцем Иисусом, Распятие, св. Юды Тадеуша, св. Анны с иконой, св. Семейства, св. Казимира, св. Франциска, св. Барбары.

Возле костела находился каменный двухэтажный кляштор. Здесь в 1731–1797 гг. действовала школа моральной теологии и риторики. Здесь же были открыты двухклассная начальная школа (1793); действовали основанная женой ковенского хорунжего Барбарой Скорульской музыкальная школа (1756), и создан был оркестр для сопровождения богослужения в костеле. В состав монастырского комплекса входила кирпичная больница для бедных обоего пола. При монастыре в разное время существовали религиозное братство Матери Божией Шкаплерной, основанное монахом-кармелитом из Глубокого, и шесть светских братств.

Широкое распространение среди храмовых построек бернардинцев XVII–XVIII вв. получили однонефные базилики, эволюцию которых можно проследить на примере сохранившихся и утраченных памятников Слонима, Могилева, Бениц, Мстиславля, Полоцка, Пинска.

Мужской и женский монастыри бернардинцев в Слониме территориально не были связаны друг с другом[81]. Женский монастырь, основанный Юдыцкими и Комаровскими в 1645 г., размещался на Рынковой улице, напротив замка и оформлял западный фронт рыночной площади. Костел во имя Девы Марии заложен в 1645 г. и первоначально был деревянным. Каменный храм построен в 1664–1670 гг. — это однонефная однобашенная базилика с трехъя-

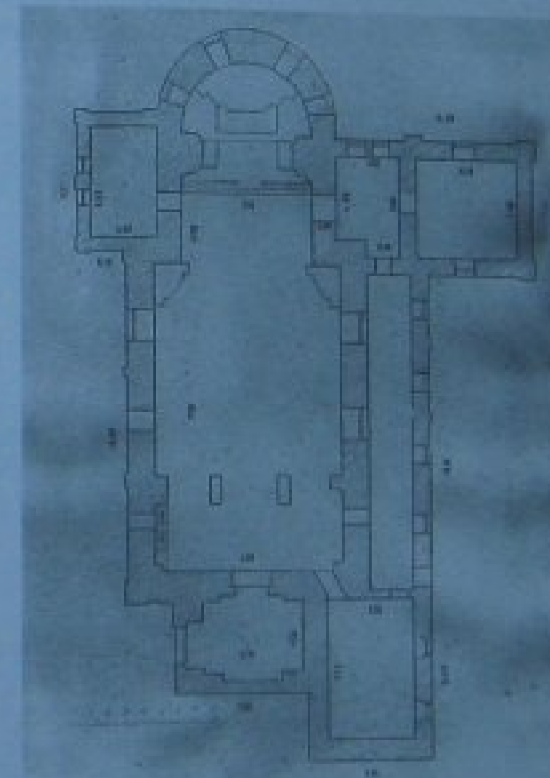
120 План центральной части Слонима XIX в. (РГВИА):

1) замок;
2) приходский костел;
3) монастырь бернардинцев;
4) монастырь бенедиктинок;
5) монастырь доминиканцев;
6) монастырь бернардинок;
7) монастырь каноников латеранских;
8) Спасская церковь;
9) синагога;
10) рынок

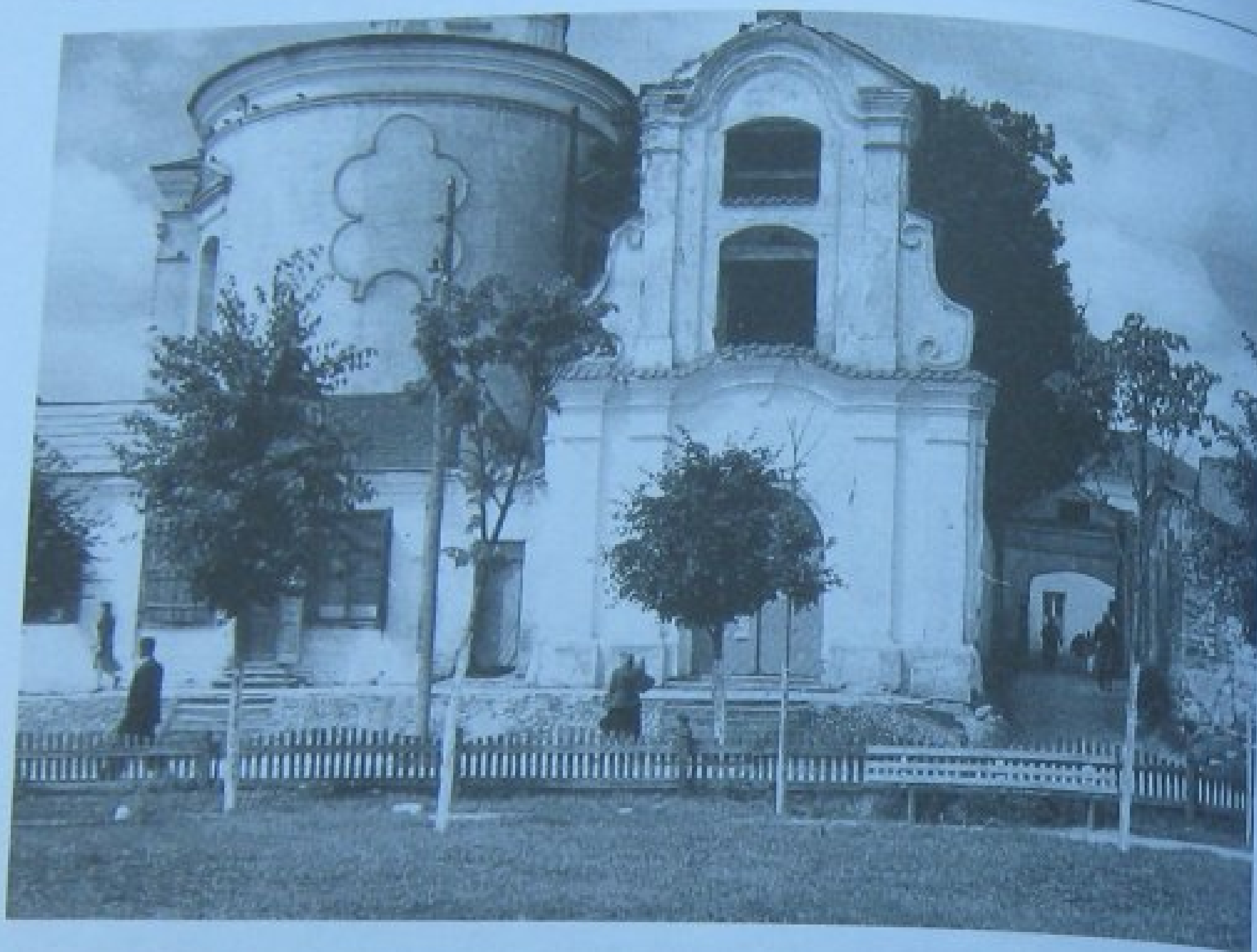
русной четвериковой башней-колокольней при входе. Внутреннее пространство перекрыто цилиндрическими сводами с люнетами, переходящими в более узкий пресбитерий с полукруглой апсидой. Алтарная часть базилики ориентирована на восток. Стены членятся массивными столбами-пилястрами, капители которых декорированы растительным орнаментом. Существующий интерьер сложился в 1751–1764 гг., главный двухъярусный алтарь датируется 1759–1765 гг., в боковых каплицах устроены четыре боковые алтаря. Стуковые орнаменты и скульптура алтарей выполнены мастером Геделем по эскизам неизвестного художника в стиле рококо.

В строительстве костела и кляштора участвовал архитектор Игнатий Оводович. Каменный кляштор 1764 г. составляет комплекс корпусов с прямоугольным замкнутым двором и примыкает к южной стене парлатория костела. После пожара в 1790–1793 гг.

121 Главный алтарь костела бернардинок в Слониме, фото Е. Квитницкой

122 План костела бернардинок в Слониме (1645, 1664–1670), (РГИА)

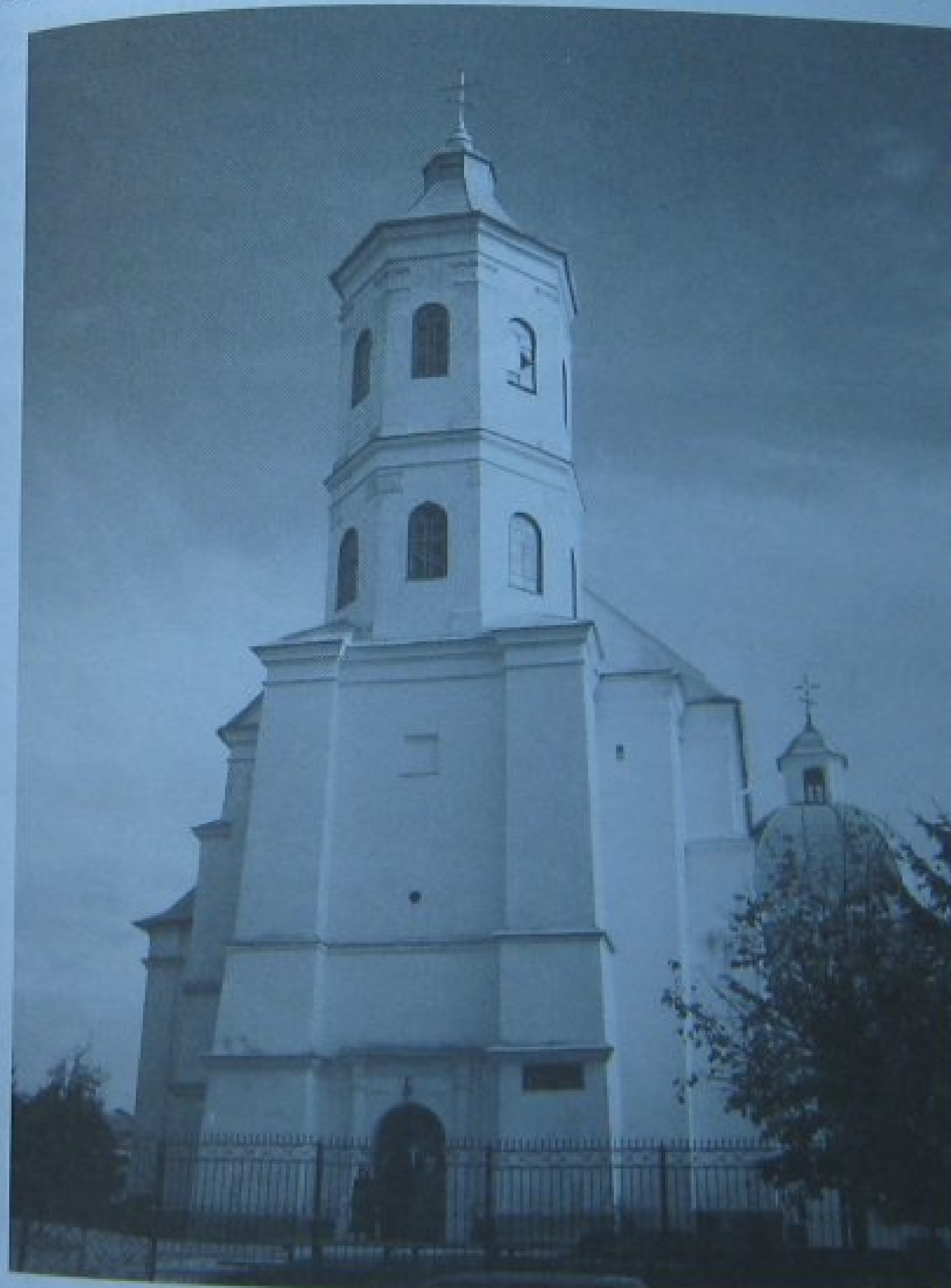

123 Монастырь бернардинок в Слониме, восточный фасад, фото Е. Квитницкой

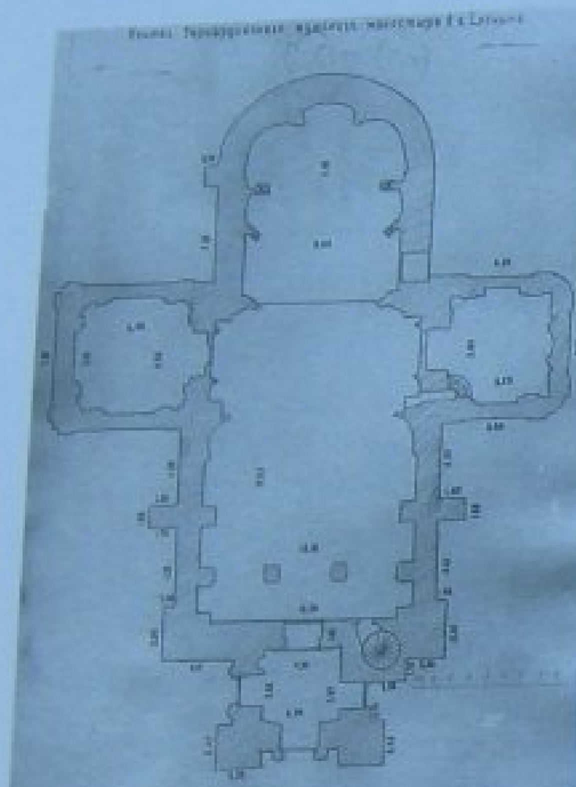
124 Западный фасад монастыря бернардинок в Слониме

монастырь перестраивался. Его территория была обнесена мощной каменной стеной с барочными каменными воротами, которые не сохранились.

Мужской бернардинский монастырь в Слониме размещался на Бернардинской улице, в северо-восточной части города, на левом берегу речки Щара и входил в систему оборонительных укреплений города. Монастырь основан Андреем и Екатериной Радванами в 1630 г., и сразу же был заложен деревянный костел. Каменный храм построен в 1639—1645 гг. и освящен в 1671 г. Он базиликальный однонефный, перекрыт цилиндрическим сводом, с трехъярусной башней-колокольней над притвором, северная стена укреплена

125 Бернардинский мужской монастырь в Слониме (1630, 1639—1645, 1668, 1750)

контрфорсами. По обеим сторонам пресбитерия пристроены квадратные в плане невысокие каплицы — северная 1668 г. и южная 1750 г. Главный пристенный алтарь датируется XVIII в., он имеет многоколонную композицию; в 1864 г. перед ним был установлен иконостас (цв. ил. XVI). Внимание привлекают несколько огрубленные, почти скульптурные формы имеющих трехчастную структуру изогнутых поверхностей опор и стен хор храма, устроенных над притвором (цв. ил. XVII).

С южной стороны к храму примыкал построенный в 1749 г. двухэтажный каменный кляштор, в торце которого находился зал (парлаториум).

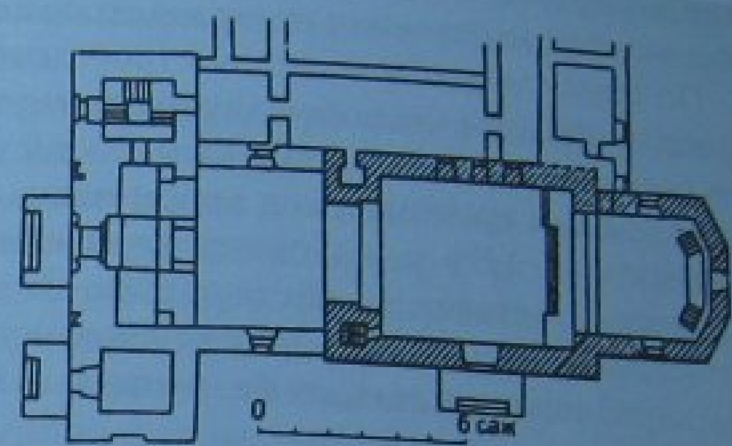
В Могилеве бернардинский мужской монастырь образовался при древнем ка-

126 План костела бернардинского мужского монастыря в Слониме (1639–1645, 1668, 1750) (РГИА)

127 Кляштор монастыря бернардинов в Слониме

менном приходском костеле. Здесь в свое время располагался каменный дом купцов бернардинов. Монастырь был основан в 1687 г. Федором Ржевуским. Выбранный для строительства участок находился на подоле, в низкой прибрежной части города, под стенами замка, возле самого Днепра. Новая каменная базилика бернардинцев, по мнению Е. Квитницкой, включала стены древнего храма, составившие северо-восточную алтарную половину обновленного и расширенного костела[82]. Таким образом, прежнее сооружение во многом диктовало структуру, размеры и масштаб монастырского храма.

128 Монастырь бернардинцев в Могилеве (XVI в., 1687), план (по Е. Квитницкой)

После окончания строительных работ костел св. Антония получил осевую четырехчастную структуру. По продольной оси к ранее существовавшим объемам храма и примыкавшего к нему алтаря с гранеными стенами апсиды были пристроены притвор и более широкий по отношению к ширине храма нартекс. Главный фасад украсился двухъярусными, симметричными башнями, покрытыми куполами. Центральный междубашенный портал с треугольным фронтоном был оформлен двумя симметричными раскрепованными парными пилястрами; в нише фронтона помещалась скульптура. Ширина главного фасада храма 21,3 м, ширина корабля по наружным стенам 12,8 м, длина корпуса 41,5 м[83].

Костел составлял с кляштором единое, монолитное сооружение. Кляштор, очевидно одноэтажный, примыкал к храму с северо-восточной стороны, образуя замкнутый двор-клуатр.

Во владельческом местечке Беницы бернардинский мужской монастырь был основан в 1700 г. казначеем литовским Михаилом Казимиром Козелом. В 1701–1704 гг. был построен каменный костел — однонефный, двухбашенный, купольный с граненой алтарной стеной. Трансепт и купол размещены почти посредине сооружения. Башни главного фасада выступают за пределы корабля храма, а его ширине соответствует центральный портал с фронтоном. Большой выразительностью отличается пропорциональный строй сооружения: высоко приподнятые лучковые окна, пилястры имеют очень вытянутые пропорции, два верхних яруса башен над карнизом резко сокращаются в размерах[84].

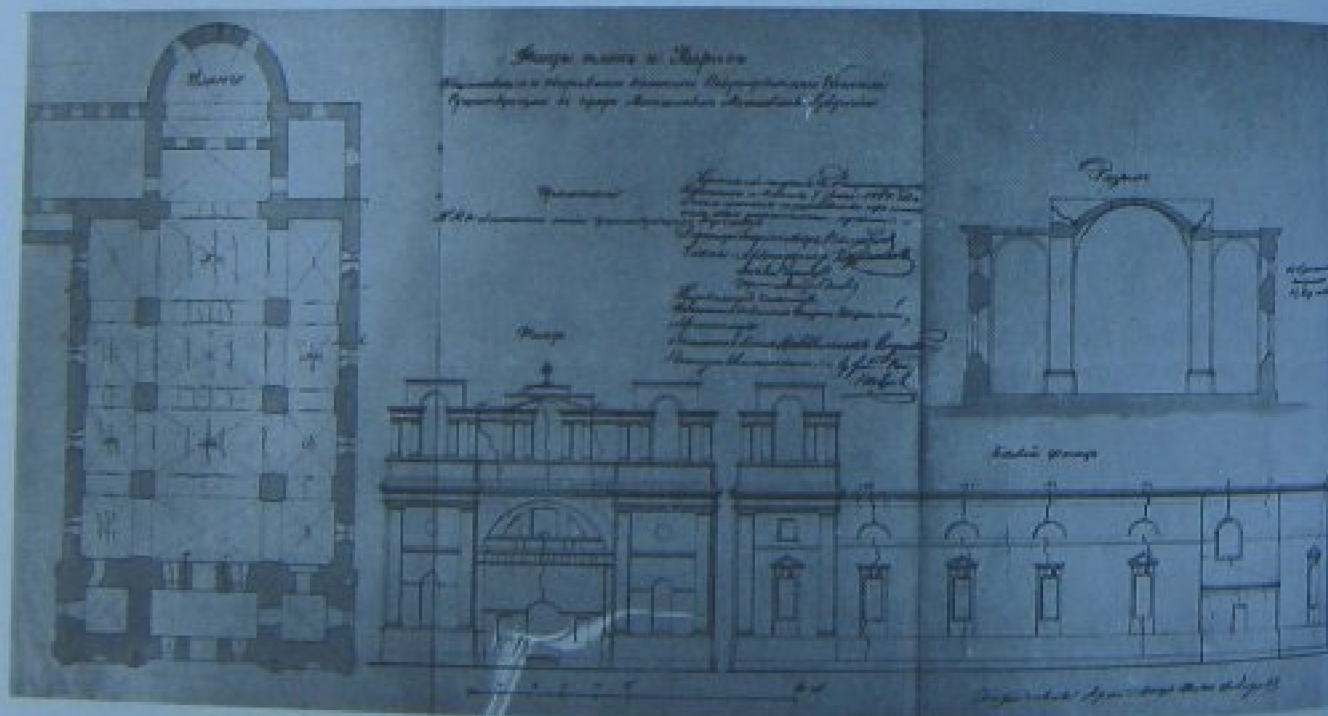
Бернардинский монастырь в городе Мстиславле был основан и построен в 1727 г. на пожаловании хорунжего витебского Ивана Гурко. Бернардинцы получили участок на северной стороне центральной рыночной площади, на месте, где ранее стояла древнейшая в городе православная Афанасьев-

ская церковь. По другую сторону площади примерно в то же время возводились каменные строения мстиславского коллегиума иезуитов.

По описи первоначально построенный деревянный костел с железным крестом представлял собой двухбашенную базилику, размером 12,8×26,3 м. Он был покрыт гонтом, главный фасад украшали две деревянные башни с железными крестами, под хором находилась капличка; алтарей деревянных пять. В 1775 г. на смену деревянному построили каменный храм, а прежний оставался действующим до окончания нового. Новый костел возводился, во многом повторяя предыдущий, но только уже как трехнефная двухбашенная зальная базилика и алтарной частью ориентировался на юго-восток.

Кляштор, построенный в 1784 г., сочетал кирпичные и деревянные одноэтажные корпуса и имел четырехугольную в плане форму с внутренним двором-клуатром. К костелу он примыкал с северной стороны. В описи оставлено подробное описание комплекса монастырских корпусов. Согласно описанию, кляштор «имеет четыре линии, в середине монастыря «крыжганок», в одной линии с юга, длиной 27,7 м, находятся две комнаты, за ними «феултор», за ними кухня с сенями, за кухней келья одна, надвое разделена, и склад. В этой линии каменной окон пять на двор и одно в коридор. Все окна имеют железные решетки. За первой линией такая же каменная korytrzewa (линия коридора), 20,6 м в длину, окон на крыжганок четыре.

Другая линия монастыря с востока имеет длину 24,9 м, в том числе 9,9 м каменная (ее часть) и 15 м деревянная. В каменной линии помещалась келья pszebozowego (преподобного) с тремя кладовыми. В келье преподобного окон пять с решетками железными. Третья линия деревянная, на севере име-

129 Бернардинский монастырь в Мстиславле (1727, 1775), обмеры XIX в. (РГИА)

ет 17,0 м, комнат четыре, окон четыре и коридорных окон три. Четвертая линия с запада длиной 9,9 м, с тремя жилыми комнатами и каменный коридор с тремя окнами для перехода в костел»[85].

Полоцкий мужской бернардинский монастырь был основан великим князем литовским и королем польским Александром в 1498 г. Первый кляштор был построен в 1502 г. и погиб в результате пожара 1563 г. Ктитором монастыря в 1670 г. выступил каноник виленский Казимир Горский. В 1695 г. монастырь был перенесен на левый берег Двины. (Его первоначальное положение показано на карте города начала XVIII в.[86])

На этот раз монастырский комплекс возвели в Задвинье, там же, где находился древний православный Бельчицкий монастырь. Возобновление костела и кляштора осуществлялось в 1696 г. на средства полоцкого воеводы Александра Служки. Каменный костел был построен в 1769 г. и освящен во имя св. Анны. Двухбашенная однонефная бескупольная базилика, оштукатурена снаружи и внутри и покрыта железом, размеры 15,0×17,0×14,2 м. К нартексу храма были пристроены две симметричные башни. Главным фасадом костел ориентирован к Двине, соответственно пресбитерий обращен на юг. С западной стороны к костелу примыкал каменный двухэтажный кляштор, крытый черепицей (30 жилых и 8 нежилых помещений). В монастырский комплекс входил также каменный дом, крытый черепицей. К нему были пристроены деревянные пивоварня, амбары, пекарня. Перпендикулярно пивоварне размещалась каменная, крытая черепицей баня. На территории монастыря также находились деревянный дом с сенями — людская; деревянные брусяные хлевы; конюшни и сараи на каменном фундаменте, стены которых были сложены из вмонтированных в кирпичные столбы брусьев; кузница деревянная с черепичной крышей; каменная ледовня; деревянный сарай.

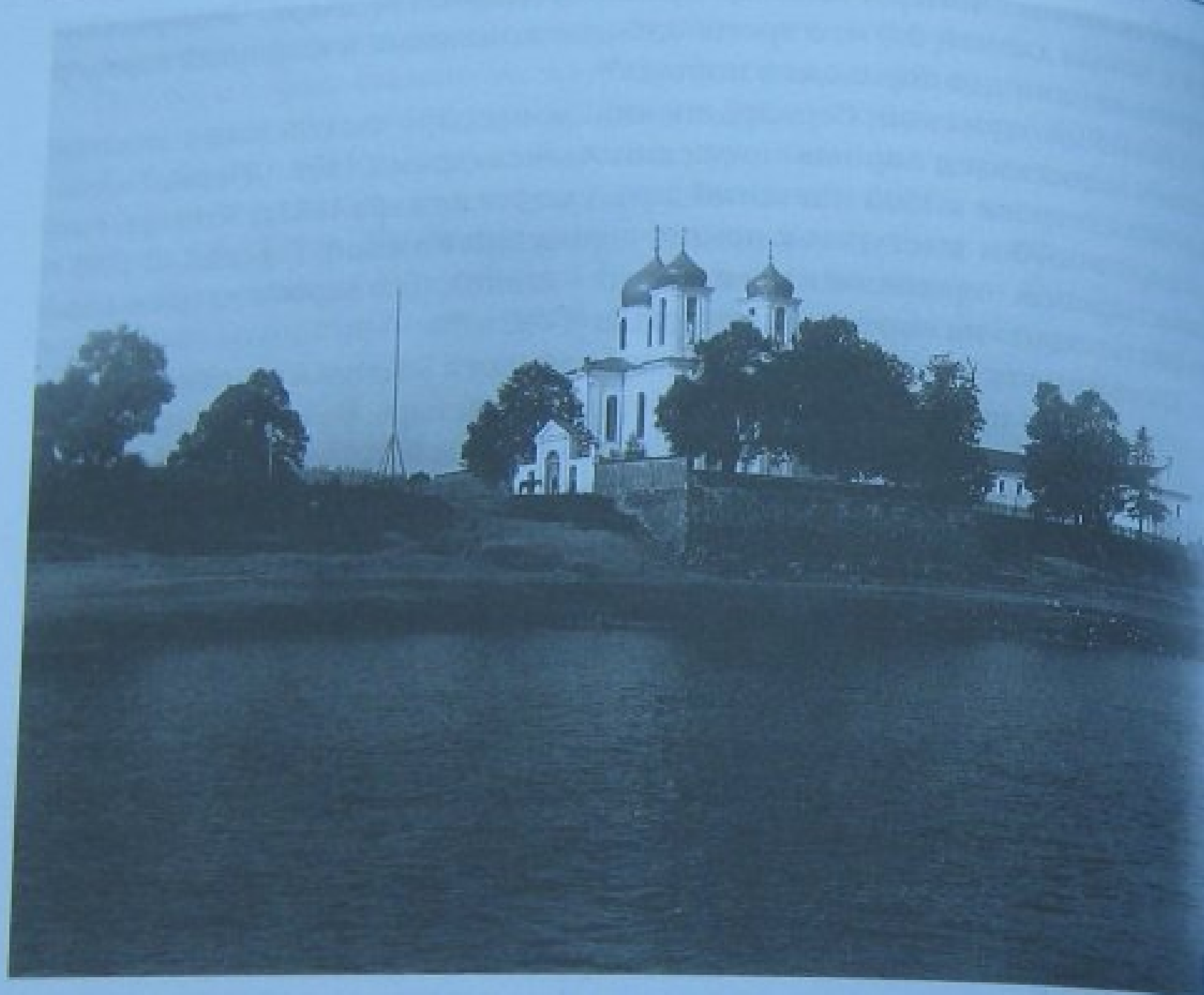
Монастырский комплекс окружала ограда. Со стороны Двины это была изгородь из частокола, устроенная на высокой каменной подпорной стене. Со стороны улиц ограда была каменной. Вход в монастырский двор осуществлялся с восточной стороны, его оформляли каменные ворота с чердаком. По обеим сторонам ворот были пристроены чуланы с дверями, над которыми помещались горницы с деревянными потолками и полами. В 1810 г. дополнительно была поставлена деревянная богадельня. Комплекс строений занимал участок 3780 кв.м, огороды 11 497,5 кв.м[87].

Сохранились руины храма и остатки кляштора. Некоторое представление об архитектуре монастыря передает схематичное изображение монастыря на карте Г.Лейбовича[88].

Владельческий город Пинск стал местом размещения бернардинского

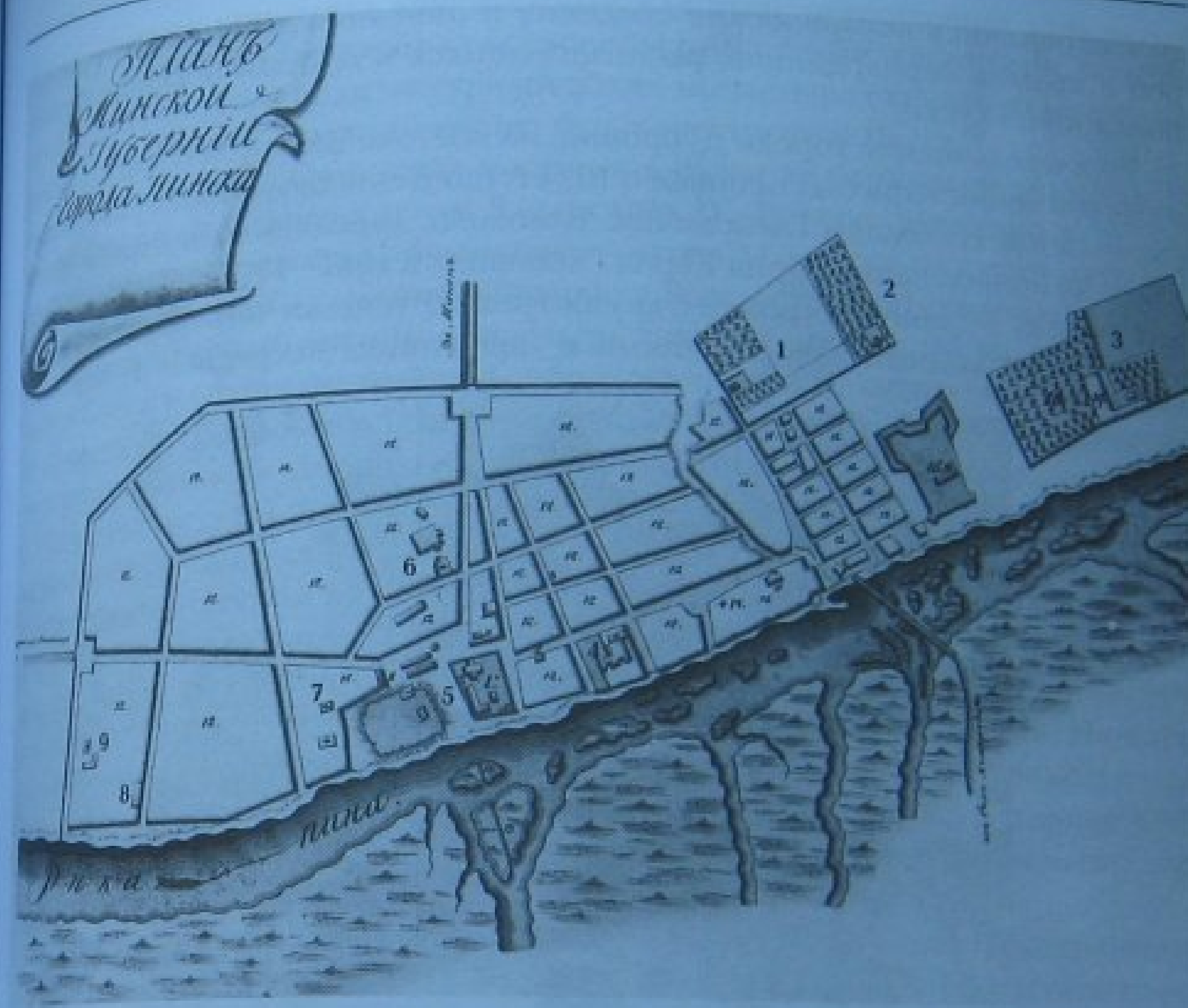
130 Бернардинский монастырь в Полоцке (1498, 1502, 1695, 1769), рис. Г. Лейбовича

131 Панорама бернардинского монастыря в Полоцке, фото начала XX в.

мужского монастыря начиная с 1705 г. Фундация великого канцлера литовского кн. Михаила Карибуда Вишневецкого в 1717 г. послужила началом строительства в следующем, 1718 г. первого деревянного монастырского комплекса в предместье Королин, на северо-востоке города. Каменный храм был построен на средства самих монахов-бернардинцев в 1786 г.

Размеры храма примерно 29,8×14,4×12,4 м. Это однонефная бескупольная базилика с полукруглым завершением пресбитерия, храм был покрыт черепицей и имел подвал. В нартексе были устроены хоры, опиравшиеся на два массивных крупных столба. Главный фасад костела с треугольным фронтоном и арочным порталом входа, по ширине равен кораблю храма. Подобно бернардинским храмам в Полоцке и Беницах, к храму со стороны главного фасада были пристроены две трехъярусные башни с двумя нижними четвериковыми и верхним восьмериковыми ярусами, завершавшимися небольшими куполами (не сохранились). Конха апсиды украшена росписями. При входе на территорию монастыря находилась отдельно стоящая каменная колокольня под черепичной кровлей, построенная в 1795 г. Ныне храм преобразован в православную церковь.

132 План Пинска, начало XIX в. (РГА ВМФ):

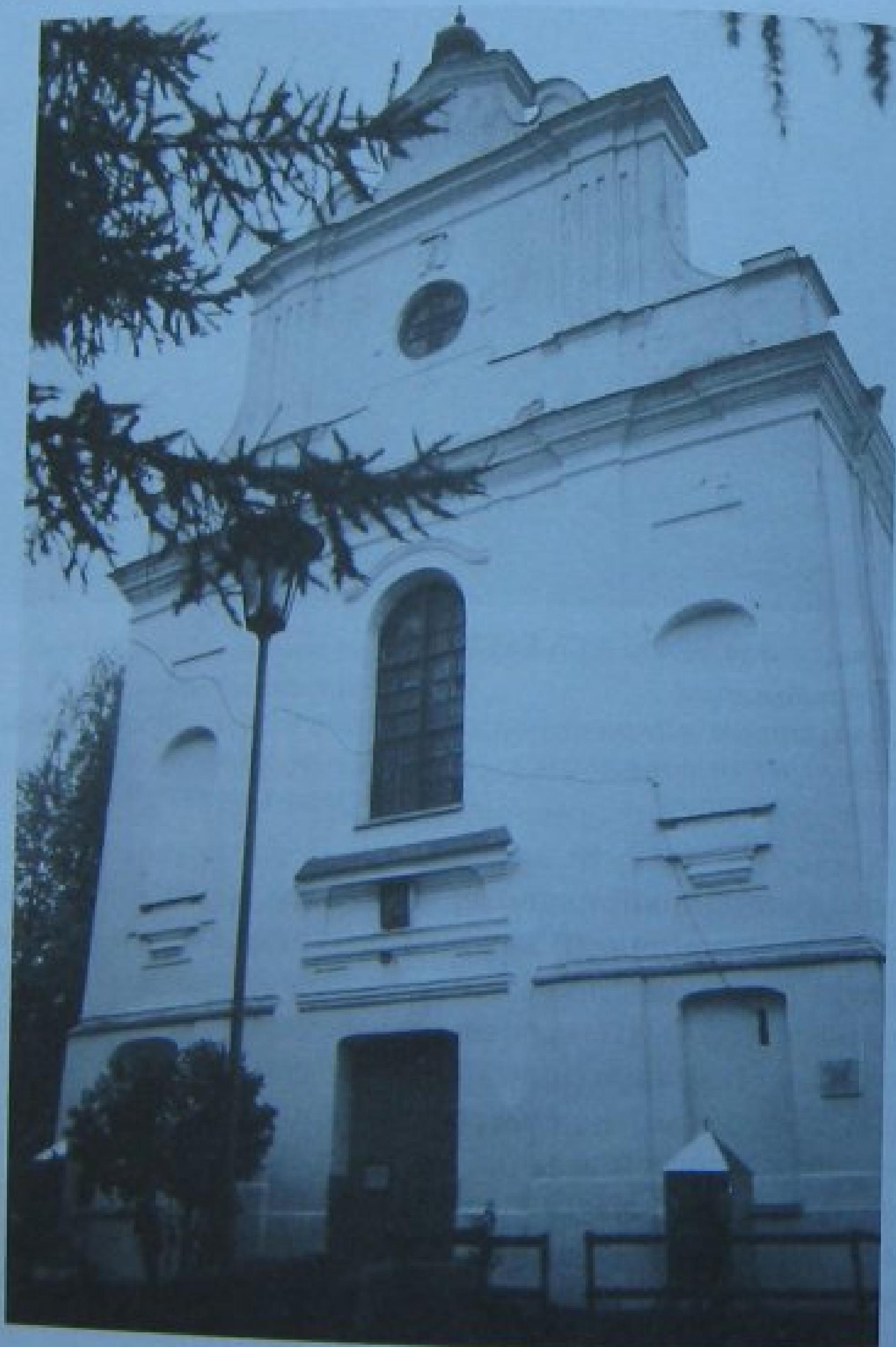
1) монастырь бернардинцев;
2) монастырь комунистов;
3) мужской базилианский монастырь;
4) монастырь францисканцев;
5) иезуитский монастырь;
6) доминиканский монастырь;
7) женский базилианский монастырь;
8) монастырь мариавиток;
9) монастырь кармелитов босых

Каменный двухэтажный кляштор 1829 г. под черепичной кровлей (2 жилых и 14 нежилых помещений) находился в одной связи с костелом. Сейчас он используется под медицинское учреждение. Остальные многочисленные строения монастыря были деревянными: одноэтажный новый кляштор (1826, 10 жилых и 3 нежилых помещения); одноэтажный старый кляштор (около 1730-х, 4 жилых и 7 нежилых помещения); пекарня (1831); двухэтажный амбар под черепичной крышей (1761); пивоварня с пристроенным сбоку деревянным поветом (1800); хлев (1829); бревенчатый сарай (1825); валовая мельница (1822, 3 нежилых помещения); навес (1820); птичник (1832); ледник; сарай для складирования извести; срубный колодец с воротом (1830).

Занимаемый монастырем участок разделялся на участки, составлявшие под строением 3073,5 кв.м, садом 14 647, 5 кв.м и огородами 1615,5 кв.м[89].

Сохранились исторические сведения и описания деревянных монастырей и храмов бернардинцев, располагавшихся в Дубровно, Орше, Слуцке, Воложине, Глуске.

Во владельческом городе Дубровно, на востоке Беларуси бернардинский мужской монастырь был основан в 1624 г. (по Денисову, в 1630 г.) виленским каштеляном Николаем Глебовичем. Комплекс деревянных построек возводился на пожалования Юрия Карла Глебовича в 1641–1716 гг. Костел — прямоугольная в плане постройка с двумя трехъярусными четвериковыми башнями с купольными завершениями и фронтоном посредине. К боковому

133 Бернардинский монастырь в Пинске (деревянный 1718, 1795, каменный 1786)

1795

фасаду костела примыкал двухэтажный кляштор, образующий замкнутый двор-клуатр, фасады кляштора расчленены пилястрами, карнизами, поясками. Первоначальный архитектурный облик монастыря схематично передает карта Г. Лейбовича. Древний костел был перестроен в 1809 г.[90]

Поветовый город Орша стал местом пребывания бернардинцев в 1636 г., по фундации польского короля Владислава IV. Вскоре, очевидно в 1653 г., на пожалования старосты оршанского Андрея Млоцкого на смену деревянному храму заложили каменную базилику Рождества Богородицы.

Мужской бернардинский монастырь занимал обширный участок на окраине Орши и оформлял площадь, образованную в Наднепровской (напольной) части города, возле моста через речку Оршицу. Первые небольшие костел и кляштор были каменными, но со временем обветшали, и уже к середине XVIII в. на смену им были выстроены новые соединенные между собой деревянные костел и кляштор. Они располагались вблизи городской площади с некоторым отступом в глубину участка, за монастырской оградой. Новый костел имел пять алтарей: Образа Господня, Покрова Пресвятой Богородицы, св. Анны, св. Франциска, св. Антония. Кляштор располагался к северо-востоку от храма и примыкал к восточной стороне пресбитерия. На карте Г. Лейбовича костел изображен однонефным двухбашенным храмом с пристроенной к пресбитерию со стороны кляштора башенкой. Алтарная часть храма была обращена на север с тем, чтобы главный портал ориентировать фронтально площади.

При костеле и кляшторе сохранялся старый каменный дом. Дополнительно была построена деревянная богадельня. К 1830-м гг. прибавились новые хозяйственные строения: амбар, ледник, — были выстроены ограда и ворота входа, устроены сажелки (хозяйственные пруды)[91].

Первоначальный облик монастыря бернардинцев в Слуцке можно также представить только по условному изображению на карте Г. Лейбовича. Слуцкий бернардинский монастырь был основан в 1671 г. и вскоре, в 1672 г. Людовика Каролина, урожденная Радзивилл, привезла из Кайдан в Слуцк типографию для издания латинской литературы.

Монастырь располагался возле замка, к востоку от него, за линией укреплений, на берегу реки Случь. Первые деревянные постройки в 1734 г. сменили новые, опять-таки деревянные. Костел представлял собой трехнефную базилику, главный фасад фланкирован двумя трехъярусными башнями. Судя по плану города начала XIX в., алтарной частью храм был обращен на восток, а главным фасадом — в сторону замка. Согласно описи 1834 г., в 1819 г. здесь был сооружен новый каменный костел, оштукатуренный снаружи и внутри, под черепичной крышей, с шестью нежилыми помещениями.

Новый каменный двухэтажный кляштор, одним углом пристроенный к костелу, появился около 1789 г., в обоих его этажах помещались коридоры. В монастырский комплекс входили жилой одноэтажный деревянный фли-

гель (1790, 5 жилых и 1 нежилое помещения), а также множество хозяйственных служб: пивоварня; амбар; баня (постройки 1800); деревянный сарай с конюшнями (1818); деревянный сарай на столбах, обитый дранью (1820); деревянный повет на столбах с хлевом; деревянная, рубленая кузница (1820); отходное место из сосновых брусьев. Под строением, садом и огородом были заняты 23 566,9 кв.м земли[92].

В местечке Воложине, Ошмянского повета, бернардинский монастырь был основан в 1681 г. и построен в 1690 г. Упоминается, что он был поставлен на месте костела, существовавшего с 1500 г. Постройки монастырского комплекса первоначально были деревянными. Костел представлял собой однонефную базилику, увенчанную граненым световым барабаном. С алтарной стороны пресбитерий завершался граненой апсидой. Главный фасад украшал фигурный фронтон сложного рисунка. Костел помещался в глубине участка, вход на монастырский двор оформляли башня и ворота.

После пожара 1815 г. костел отстраивался заново. На месте монастыря были возведены классицистический периптеральный храм и отдельно стоящая в том же стиле исполненная колокольня[93].

Особенным местоположением в плане поселения и усложненным объемно-пространственным решением отличался монастырь бернардинцев в Глуске. Этот владельческий город известен с XV в. и последовательно принадлежал Яну Ходкевичу (с 1568), кн. Полубинским. Монастырь был основан в 1667 г. Александром Полубинским. Он размещался внутри цитадели регулярной крепости с пятью бастионами, возвышавшейся над рекой Птичь, притоком Припяти.

Монастырь занимал северную половину укрепленного пространства крепости. Очевидно, этим объясняется усложненная объемно-пространственная композиция храма и кляштора. На карте Г. Лейбовича он выделяется концентрической формой и сложной соподчиненностью множества объемов. Можно только предположить, что костел был крупным сооружением, над трансептом базилики возвышался купол. Храм был освящен во имя Святой Троицы.

В комплекс входили деревянные двухэтажные строения кляштора (1677, 27 жилых и 2 нежилых помещения), деревянная кухня (1824) и сарай (1830). К западу от монастырских строений был разбит небольшой регулярный сад[94].

Обзор строительства бернардинцев показывает, что храмостроение ордена характеризуется приверженностью к определенной и малоизменяемой планировочно-пространственной основе — костел возводился в виде трехнефной или однонефной базилики с удлиненным (глубоким) пресбитерием.

Церковные сооружения XVI – начала XVII в. во многом отвечают принципам храмостроения францисканского ордена того времени, отличавшегося значительными размерами храмов, многообразием конструктивных и объемно-пространственных построений. На протяжении XVII – XVIII вв. в монументальном строительстве бернардинцев распространение получили трех-

нефные и однонефные храмы. При однонефной структуре к остову храма иногда пристраивались более поздние по времени каплицы. Они либо вносили асимметрию в композицию храма, либо подчеркивали симметричное построение базилики (исключение — имеющие трансепт костелы в Беницах, Сельцах). Храмы монастырей, на которые дополнительно возлагались оборонительные функции, имевшие стратегическое значение, чаще всего были однобашенными.

В эволюции внешних форм костелов бернардинцев прослеживается переход от безбашенных и однобашенных композиций к двухбашенному решению главного фасада, ставшему характерной чертой большинства памятников XVIII – начала XIX в. Двухбашенные костелы бернардинцев выделяются подчеркнуто декоративным назначением башенных объемов. Главным художественным и смысловым акцентом внешнего облика сооружения был фронтон и портал входа главного фасада храма.

Для XVII в. характерно строительство пристроенного к костелу завершенного комплекса кляштора с замкнутым контуром монастырских корпусов и внутренним двором-клуатром. В памятниках XVIII в. зачастую встречаются кляшторы, имеющие только один, два или три крыла, составляющие открытые композиции, имеющие некий незавершенный характер по отношению к строительной традиции ордена предшествующего времени.

Доминиканцы

Доминиканский орден основан в начале XIII в. испанским рыцарем Домиником Гусманом (в 1233 г. признан католической церковью святым) и быстро распространился во Франции, Испании, Италии. Главная задача ордена состояла в миссионерской деятельности среди неверных, церковной проповеди и богословия. Из ордена вышли Альберт Великий, Фома Аквинский, Савонарола и др.

Во главе ордена доминиканцев стоит избиравшийся сначала пожизненно, а позднее на шесть лет великий магистр. Управление отдельными территориями осуществлял провинциальный приор; каждым отдельным общежитием, включавшим более 12 человек, руководил конвентуальный приор. Приор подчинялся капитулу, т. е. общему собранию, созывавшемуся каждые три года.

Вскоре после утверждения устава (1215) доминиканцы прибыли в Краков (1222), в 1226 г. они поселились во Вроцлаве и Сандомире, дошли до Плоцка и Гданьска. В 1244 г. был основан их монастырь в Познани. На землях Польши XIII в. доминиканская архитектура отличалась широким разнообразием пространственных решений. У доминиканцев были собственные строительные артели, во главе которых стояли специалисты, прибывшие из Северной Италии, о чем свидетельствуют специфические черты техники производства кирпича и его орнамент[95].

Поколение, которое пришло на смену основателям первых монастырей нищенствующего ордена, пожелало иметь архитектуру более нарядную (далеко отстоящую от первоначального идеала костела-барака), демонстрирующую растущее значение и состояние ордена. Примером введения новых художественных мотивов в архитектуру базилики является костел доминиканцев в Сандомире (середина XIII в.). Это храм значительных размеров, с четырехугольной башней-звонницей, поставленной по итальянскому образцу асимметрично, в юго-западном углу фасада. Она поражает нарядностью своего северного фасада, обращенного в ту сторону, откуда прибывали идущие из города верующие. В центре стены бокового нефа, в выступе, выходящем за ее пределы и первоначально завершавшемся треугольным щитом, находился двустворчатый портал. Дверные проемы, украшенные частично покрытой глазурью керамикой, поражают богатством орнамента. Плетенка и ряды ромбиков, подражающих ювелирной шлифовке гранями, витой валик и ро-

зетты, листья пальметты и обрамленные ими головки подчеркивают важные структурные элементы: архивольты, арки, колонны, входящие в скошенные углы проемов.

Чисто кирпичные постройки доминиканцев и францисканцев, возведенные артелями под началом прибывших из Северной Италии специалистов, освоивших технику производства кирпича и его орнамент, послужили широкому распространению этой новой в Польше строительной техники. Сюда проникли формы, характерные для традиционных регионов кирпичного строительства, например из Ломбардии, а также Северной Германии. Новую строительную технику приносят пришельцы с Запада — из Северной Германии и Нидерландов, где этот способ строительства применялся уже в период раннего средневековья[96]. Такая техника строительства кирпичных готических храмов постепенно распространилась на монументальное храмовое строительство Беларуси. Черты кирпичной архитектуры доминиканцев с орнаментальным декором и использованием цветной керамики, как показано было выше, оказали существенное влияние на православное зодчество Беларуси XV–XVI вв.

Миссионерская деятельность доминиканцев в Беларуси осуществлялась на протяжении XVI – начала XX в.[97] После запрещения деятельности иезуитов функции образования католического населения края вначале были переадресованы пиарам, а затем главным образом монахам-доминиканам. В результате строительство доминиканских монастырей, и в большей степени костелов, продолжалось в XIX — начале XX в.

Древнейшие на белорусской земле монастыри доминиканцев были основаны в Островце (1474), Пинске (1542) и Гродно (1553).

Островецкий доминиканский монастырь возник на пожалования воеводы киевского Мартина Гаштольда в 1474 г. За историю монастыря пять храмовых построек сменили друг друга. Первая была деревянной. Новый костел св. Козьмы и Дамиана на пожалования Ивана, Николая и Елены Корсаков в 1616 г. возвели из кирпича. Затем, неизвестно, правда, когда, на ее месте снова был устроен деревянный костел. Следующие каменные костел и кляштор построили в 1785–1787 гг.[98] В 1866 г. сооружения кляштора были разобраны, а храм преобразован в православную церковь.

Сохранившийся и последний из доминиканских храмов в Островце представляет собой сооружение, в основе которого постройка конца XVIII в., коренным образом реконструированная в 1911 г. Храм трехнефный зальный, четырехстолпный. Центральный неф перекрыт цилиндрическим сводом с распалубками, боковые нефы перекрыты крестовыми сводами. В результате реконструкции внешнему облику костела приданы формы неоклассицизма, к главному фасаду пристроен плоский четырехколонный портик, и в целом подлинная, историческая основа сооружения совершенно искажена.

Пинский доминиканский монастырь в 1542 г. основала королева Бона (Сфорца), владевшая городом, вместе с другими наследственными имения-

134 Костел доминиканцев в Пинске (1666–1667), росписи алтарной стены, фото начала XX в.

135 Главный алтарь костела доминиканцев в Пинске, фото начала XX в.

ми Олельковичей. Известно, что деревянные костел и кляштор были построены в 1666–1667 гг. на пожалования воеводины троцкой Марии Лукреции Копцовой (из маркграфов Строцци). Монастырь в 1747 г. сгорел, и только в начале XIX в. возвели каменный храм[99].

Монастырь занимал один из центральных кварталов города. Доминиканский костел алтарной частью ориентирован на юго-восток, а порталом входа в сторону главной площади города. Он поставлен на красной линии площади, напротив иезуитского костела[100].

Сохранился чертеж бокового фасада храма на проекте его перестройки в православную церковь (1860)[101]. Очевидно, костел представлял собой трехнефную бескупольную и безбашенную базилику, пресбитерий которой имел общую высоту с главным нефом и завершался полукруглой алтарной стеной. Подобно бернардинскому костелу Орши, конха апсиды пресбитерия была украшена перспективными росписями на архитектурные сюжеты. Об этом свидетельствует фотография интерьера пинского доминиканского монастыря начала XX в.[102]

В советское время храм был преобразован в кинотеатр, а в 1998–1999 гг. последовала очередная ретрореконструкция сооружения. После возвращения его русской православной церкви здесь снова, как и на рубеже XIX–XX вв., восстанавливается храм св. Варвары.

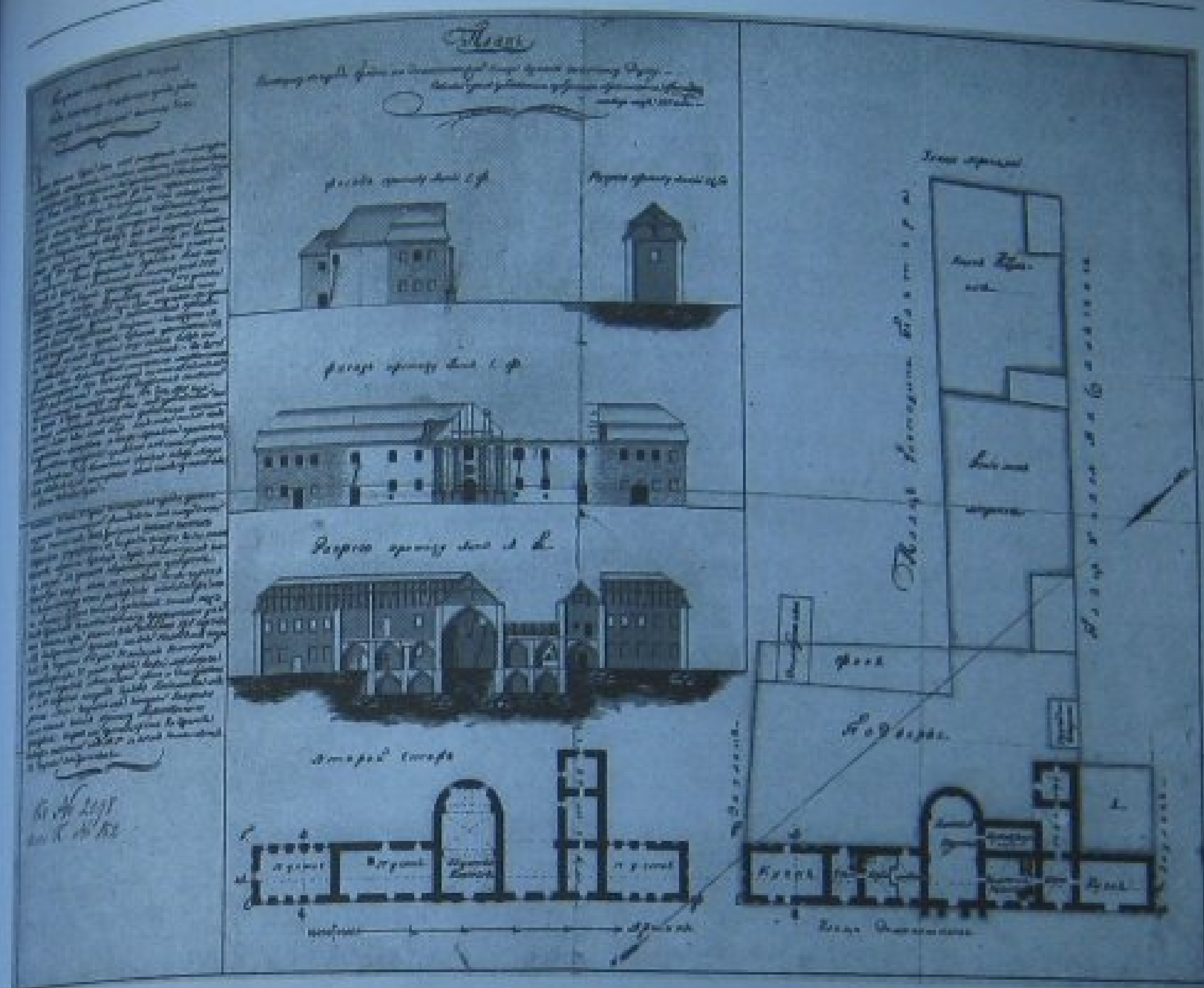
Гродненский доминиканский монастырь размещался в центре города на Виленской (Доминиканской) улице. О его основании сохранились только косвенные и противоречивые данные. По одним источникам, монастырь основан в 1553 г., костел Св. Духа заложен в 1633 г., кляштор каменный построен по инициативе приора Фомы Ганусевича. При костеле находился шпиталь для отцов доминиканов, а при монастыре действовало уездное училище (до 1830)[103]. В 1874 г. костел был закрыт и разрушен.

По другим данным, основание монастыря датируется 1551 г. и связано с пожалованиями королевы Боны. Начало строительства кляштора относят к 1619 г., строительные работы проводились также в 1792 г.[104]

Монастырь занимал два квартала, и его основные здания составляли непрерывную линию застройки улицы. Костел главным фасадом выходил на красную линию вместе с пристроенными к нему по сторонам корпусами кляштора. Свято-Духовский храм представлял собой однонефную базилику с полуциркульным завершением алтарной части[105].

Наряду с другими зальными белорусским храмами начала XVII в., этот памятник Е. Квитницкая относила к ренессансному направлению зодчества края, возникшему под влиянием нидерландского ренессанса. Причем, по мнению исследователей, мастера ориентировались на образцы архитектуры бюргерского или цехового дома Нидерландов и, таким образом, в большей степени на светское, нежели церковное искусство[106].

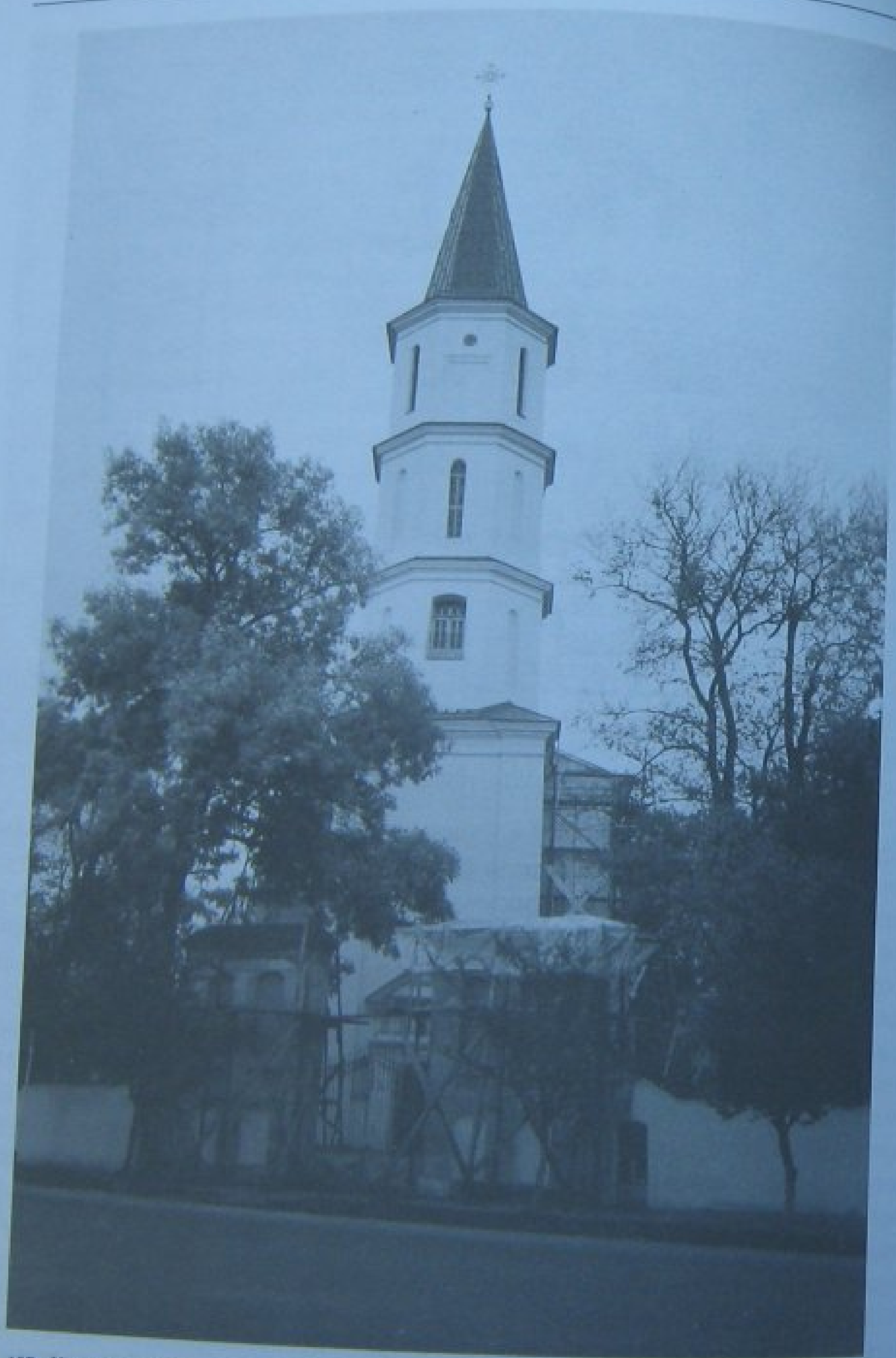
Монастыри XVII в. по хронологии основания выстраиваются в следующую линию: Ружаны (1615), Деречин (1618, 1690), Столбцы (1621), Брест (1635), Но-

136 Доминиканский монастырь в Гродно (1553, 1633), обмеры XIX в. (РГИА)

вогрудок (первая половина XVII в.), Ошмяны (1667), Буховичи (1678), Дуниловичи (1683), Смоляны (1680), Раков (1684), Друя (1697). Насколько можно судить по сохранившимся памятникам и документам, наиболее распространенной структурой костела доминиканцев в это время были однонефные зальные сооружения с пристроенными по сторонам каплицами и базиликальные храмы с боковыми рядами капелл, разделенных глухими перегородками. Строительство кляшторов не было ориентировано на создание замкнутых комплексов с клуатром, в одних случаях корпуса соединялись с кляштором, в других, – строились отдельно стоящими объемами. В доминиканских монастырях, деятельность которых в первую очередь была направлена на проповедь и обучение, благотворительность, менее значительное развитие получали хозяйственные функции. В результате монастырский комплекс доминиканцев, как градостроительная система, по сравнению с монастырями других древнейших орденов имел менее разветвленный характер.

Доминиканский монастырь в своем владельческом местечке Ружаны был основан Казимиром Львом Сапегой[107] при каменном костеле, построенном еще его отцом, канцлером Львом Сапегой, в 1617 г. В этот знаменательный год во время военных походов Ружаны впервые посетил король Владислав[108].

137 Костел доминиканцев в Ружанах (1615, 1787)

Костел Св. Троицы представляет собой небольшой по размерам храм в формах однонефной зальной базилики с полуциркульной апсидой и многоярусной башней над порталом входа. Хоры устроены на двух отдельно стоящих и двух приставленных к стенам колоннах притвора. Главный фасад костела обращен в сторону площади владельческого города. Колокольня состоит из трех равновеликих по высоте и поперечным размерам восьмериков на четверике, увенчанных высоким граненым шатром, ее отличает особое изящество. Согласно рисунку середины XIX в., ранее башня имела двухчастное завершение, ее венчала двухступенчатая граненая восьмиконтовая глава.

Через полтора столетия по сторонам к храму были пристроены две симметричные капеллы: Св. Креста (1768) и св. Варвары (1787, архитектор Я.С. Беккер). Позднее храм перестраивали: после передачи православной церкви над апсидой возвели купол (1850), затем восстанавливали после пожара (1891). В настоящее время костелу возвращены прежние формы и в нем возобновлено католическое богослужение.

Скульптура в главном алтаре и боковых часовнях исполнена И. Прукнером. Амвон, своды и подпружные арки украшены лепным стуковым орнаментом. Главный алтарь в пресбитерии представляет собой четырехколонную композицию с раскреповонным лучковым фронтоном, на котором размещены скульптурные изображения ангелов, лепной орнамент и герб Сапегов. Между колоннами установлены скульптурные изображения св. Петра и Павла. В XVIII в. внутреннее убранство костела пополнилось новыми деталями. Пресбитерий от храма отделяет кованая ограда, в рисунке которой использованы завитки волюты, цветы и монограммы фундатора костела. Своды искусно расписаны сюжетами на евангельские темы, в 1789 г. было установлено надгробие над могилами донаторов (цв. ил. XXII, XXIII).

Костел расположен в глубине обнесенного каменной стеной участка, по его периметру стояли монастырские корпуса. Ворота входа в монастырь фланкировали две симметричные двухэтажные прямоугольные в плане башни, прорезанные двумя полуциркульными окнами на первом и втором уровнях, причем высота второго этажа почти вдвое превышала первый.

138 Мемория кн. Сапегов в костеле доминиканцев в Ружанах

Ружаны оставались основной резиденцией рода до 1786 г., а затем Александр Сапега перенес ее в расположенное неподалеку другое наследственное имение, Деречин. Сохранились воспоминания о быте усадеб XIX в.[109]

В Деречине также располагался доминиканский монастырь, который после пожара середины XIX в. не восстанавливался и не сохранился. Представление о нем позволяют составить только краткие письменные сведения и рисунок Н. Орды 1877 г.

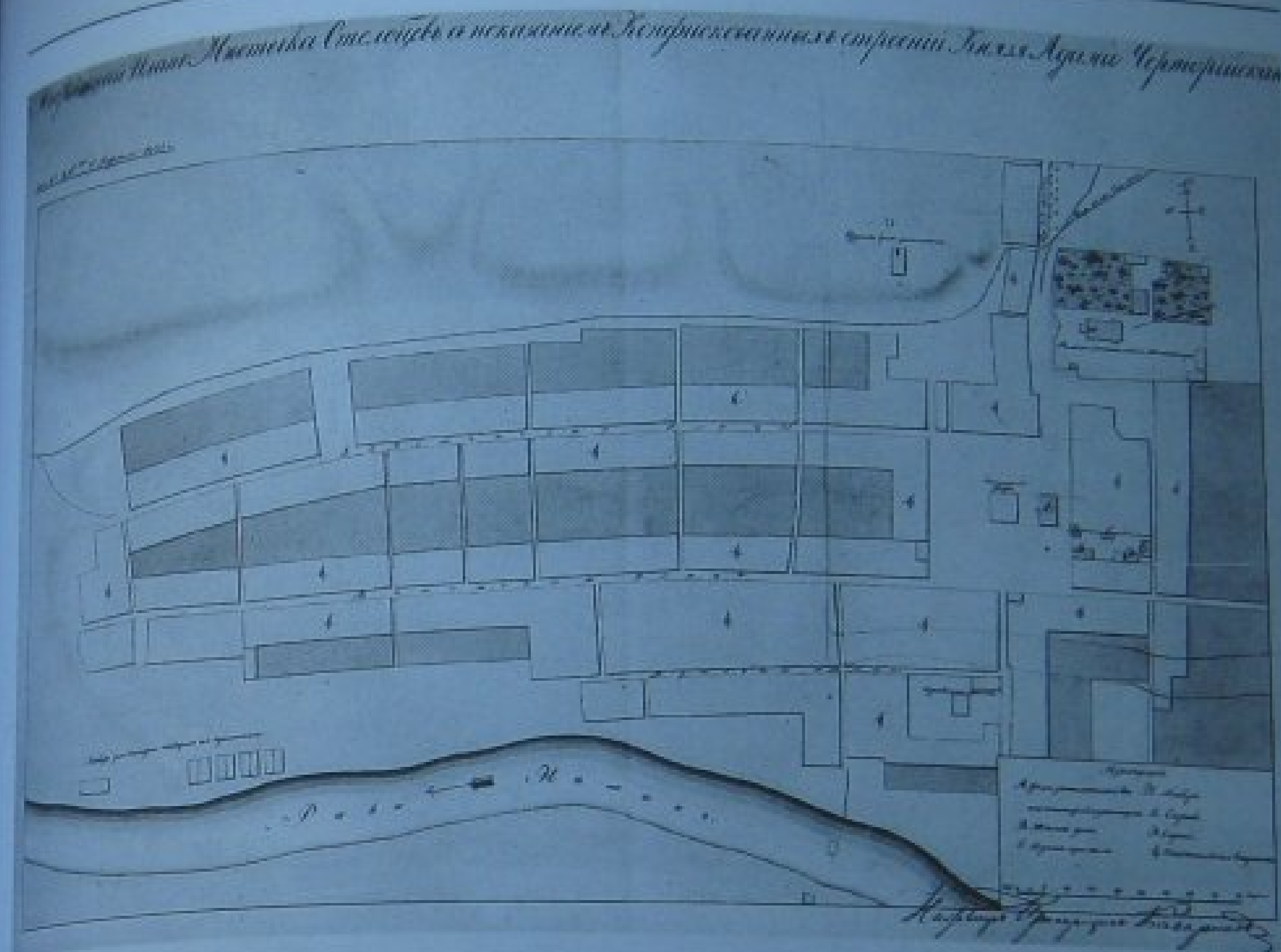
Отцы доминиканцы обосновались в частновладельческом местечке Деречин Слонимского повета в 1618 г., и первоначально монастырь создавался при деревянном храме. Монастырь фундовал в 1629 г. каштелян мстиславский Константин Полубинский.

В 1690 г. на месте деревянного был построен каменный костел. Это безбашенная базилика с пятью боковыми каплицами по обе стороны от центрального нефа. Две капеллы завершались куполами. Главный трехчастный фасад — упрощенная модификация «иезуитского» и отличается от распространенной у францисканцев композиции двухэтажным построением боковых крыльев. Интерьер храма украшали фресковые росписи на библейские сюжеты. Здесь было установлено надгробие фундаторов монастыря и владельцев селения. Костел соединялся переходом с двухэтажным кляштором, который имел сложную в плане форму.

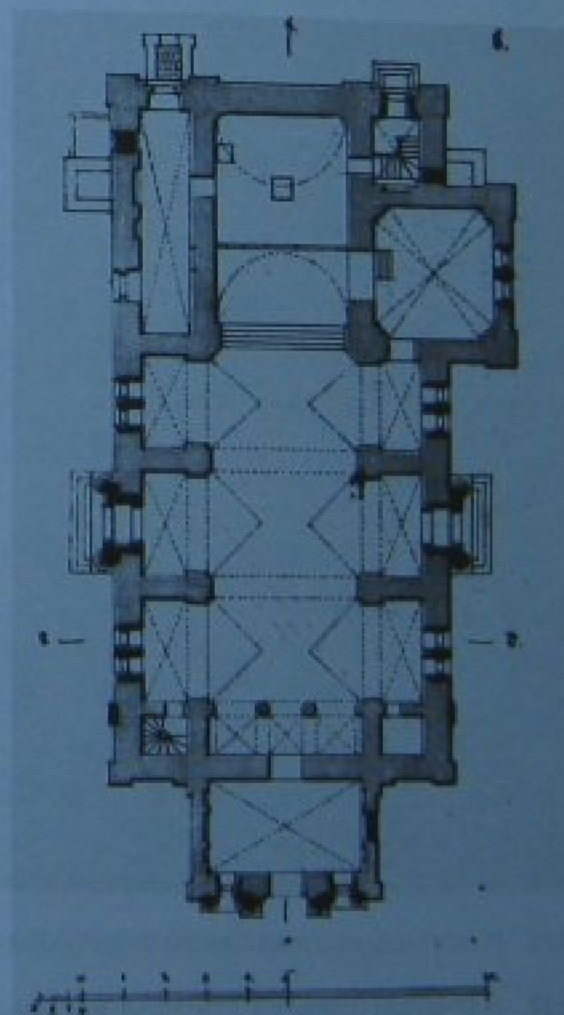
Подобно многим другим монастырям владельческих местечек, доминиканские костел и кляштор располагались возле торговой площади Деречина, они фланкировали въезд из селения в господскую усадьбу. Костел и кляштор находились в глубине монастырского двора. Главный фасад храма был обращен в сторону площади. Перед ним, справа от ворот при входе в монастырь, возвышалась отдельно стоящая башня-колокольня с часами. Монастырская ограда с трехчастной арочной брамой, очевидно, достаточно позднего происхождения. По аналогичному проекту были устроены ограждения в ранее упоминавшемся монастыре францисканцев в Свислочи[110].

Местом строительства монастыря доминиканцев также стало частновладельческое местечко Столбцы, Минского повета. По распространенному правилу, монастырь располагался возле торговой площади и по соседству с резиденцией владельца, в данном случае к северу от нее[111].

Каменный костел построен в 1621—1640 гг. по фундации Служков. Он располагался главным алтарем на восток, размещался в центре небольшого по размерам участка (под строением 1498, 5 кв.м, под огородом 531 кв.м), находился за оградой и ориентировался в сторону площади. Принадлежавшие монастырю сады размещались вне главного комплекса. Костел занимал южную часть участка. Бревенчатая, отесанная с обеих сторон, покрытая гонтом колокольня (1763) помещалась в южной линии ограды. В северной части, среди зелени располагались кляштор и хозяйственный двор. Отдельно стоявший каменный двухэтажный кляштор с подвалом (1775; 12 жилых и 8 нежилых помещений) был с двух сторон оштукатурен и побелен, покрыт гонтом. Хозяйственные службы были деревянными: на фундаменте из булыжника людская (1820; 3 жилых и 3 нежилых помещения); амбар (1800); конюшни на три лошади с сараем (около 1821); сарай; ледник (около 1817)[112].

Храм построен в формах базилики с двумя рядами капелл по сторонам от главного нефа, по три с каждой стороны. Завершение пресбитерия устроено прямо сведенной стеной. Башни имели одинаковое во всю высоту квадратное сечение. Южная башня получила невысокое четырехскатное шатровое покрытие, северная завершалась высокими сложной формы ступенчатыми гранеными главками. С южной стороны к пресбитерию (XVIII в.?) дополнительно была пристроена

109 План местечка Столбцы, 1833 г. (РГА ВМФ)

110 План костела доминиканцев в Столбцах, обмеры 1874 г. (РГИА)

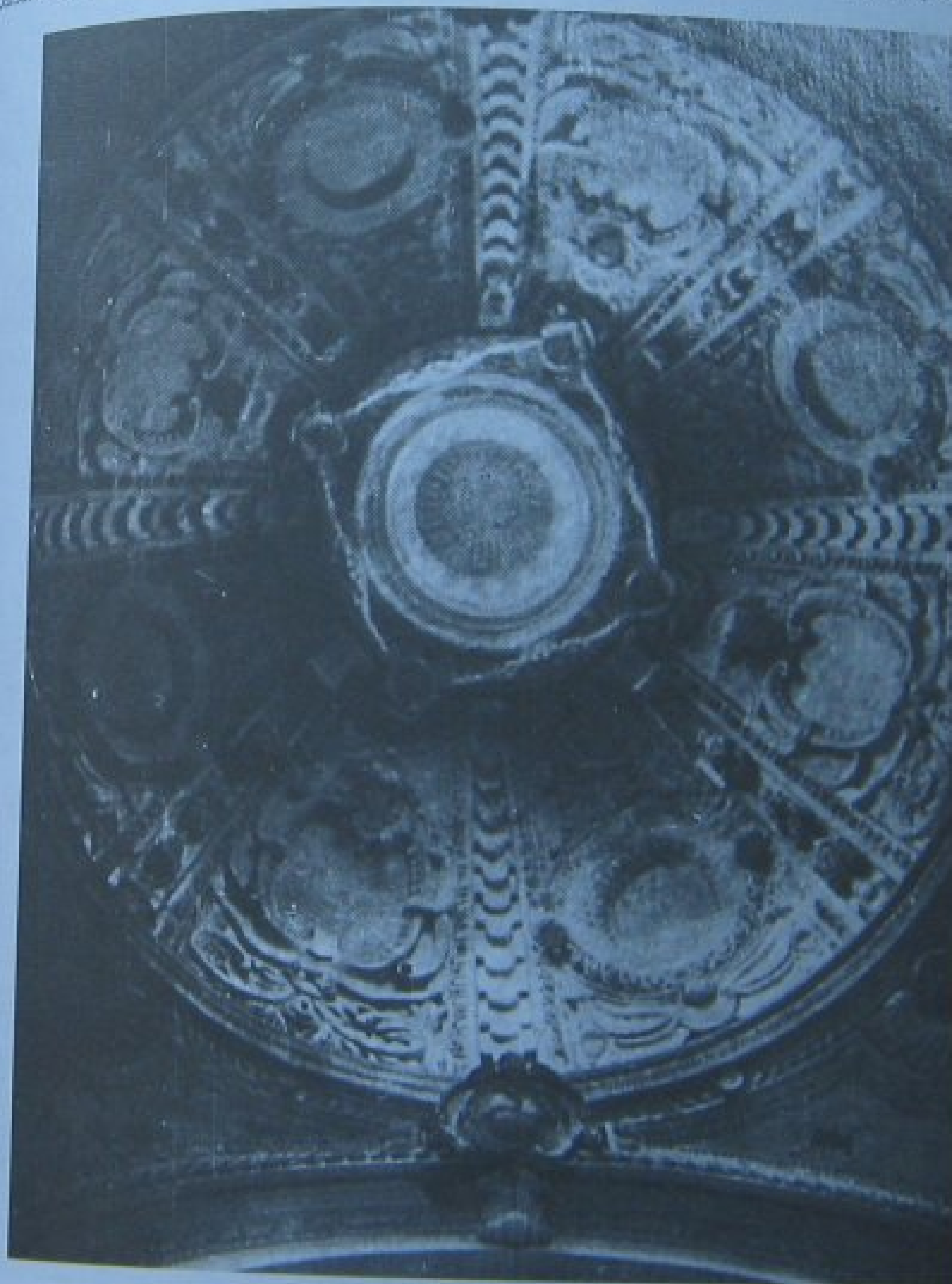

141 Костел доминиканцев в Столбцах (1621–1640), фото из коллекции Я. Булгака

142 Алтарный фасад костела доминиканцев в Столбцах, фото из коллекции Я. Булгака

крупная, превышавшая по высоте боковые нефы и квадратная в плане капли-ца, покрытая высоким куполом и фонарем.

Очевидно, одновременно со строительством капеллы пышной лепной пластикой и росписями были украшены интерьеры храма. По мнению польских авторов, лепные композиции на сводах большой капеллы и в тимпанах арок центрального нефа, с использованием мотивов гирлянд, картушей, парных рельефных изображений ангелов, имеют сходство с отделкой купола костела св. Терезы в Вильно (1635–1650) и украшением расположенной в нем каплицы св. Казимира. Работы эти были исполнены художником К. Тенцалли (C. Tencalli).

143 Свод купола капеллы в костеле доминиканцев в Столбцах, фото из коллекции Я. Булгака

144 Главный алтарь костела доминиканцев в Столбцах, фото из коллекции Я. Булгака

145 Завершающая часть главного алтаря костела доминиканцев в Столбцах, фото из коллекции Я. Булгака

Главный алтарь представлял собой полуциркульную в плане шестиколонную композицию коринфского ордена, увенчанную сложным барочным аттиком и круглой скульптурой. Окно-люкарна в торце пресбитерия обрамлено пышным горельефным наличником, изображавшим небо с головками ангелов. Своды над пресбитерием украшены лепным орнаментом[113].

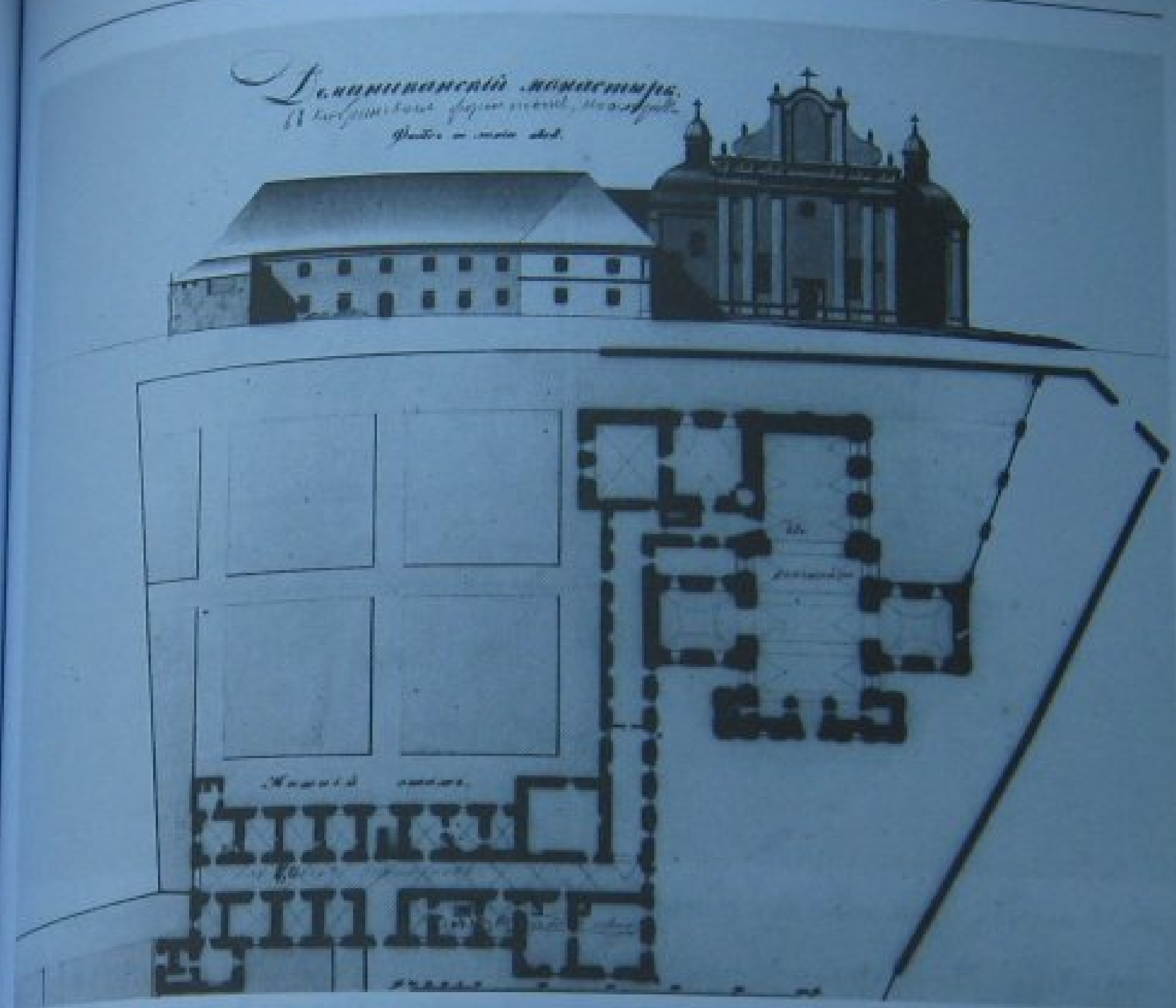
Во второй половине XIX в. разрабатывался проект перестройки костела для православной церкви. Он предусматривал надстройку главы над пресбитерием, увеличение высоты главного фасада и установку шатра над его фронтоном. Над башнями проектировались новые луковичные завершения, планировалось пристроить к главному фасаду притвор, также увенчанный небольшой главой. Наконец, предполагалось пробить две дополнительных двери входа со стороны центральных боковых каплиц храма[114].

Достаточно камерный характер носили сооружения монастыря доминиканцев в Бресте. Он находился на периферии города, при дороге из Старого города в Кобринском предместье. Занимаемый им участок с юго-запада ограничивался ручьем. Монастырь был основан в 1635 г., каменный костел отстроен в 1696 г.[115]

Храм размещался в глубине участка, и его местоположение не привязывалось к градостроительной ситуации, главный алтарь был ориентирован на восток, а вход в монастырь с улицы осуществлялся с юго-западной стороны. Конфигурация участка и правильная ориентация храма потребовали строительства каменного двухэтажного кляштора на значительном расстоянии впереди от костела. Для сообщения между ними был устроен протяженный коридор, примыкавший к северной каплице и подводивший к сакристии и пресбитерию костела. Территории к северу от костела и кляштора занимал монастырский сад, к югу — небольшой хозяйственный двор и площадь перед храмом.

По плану костел представлял собой зальный бесстолпный объем с плоской алтарной стеной пресбитерия. По поперечной оси храма к нему были пристроены симметричные крупные каплицы, завершавшиеся куполами с фонарем. Несмотря на выделение в плане нартекса, главный фасад получил безбашенное решение, он расчленен пилястрами с развитым антаблементом. Верхний ярус представлял собой сложной конфигурации аттиковый фронтон с лучковым завершением центральной части и волютами по сторонам. Такое решение свидетельствует о возможной проектной соотнесенности доминиканских храмов Бреста (1696) и Деречина (1690), а также и с более ранними по времени костелами ордена в Ружанах (1617) и Гродно (1633). Причиной сходства архитектурных решений названных костелов во многом являлось их близкое территориально-географическое положение в западном регионе края.

Доминиканский монастырь в Заславле существовал на протяжении 1678–1833 гг. Для костела была использована построенная в XVI в. протестантская церковь. Монастырь находился в замке — на высоком холме, окруженном высоким валом и рвом, системой земляных фортификационных ук-

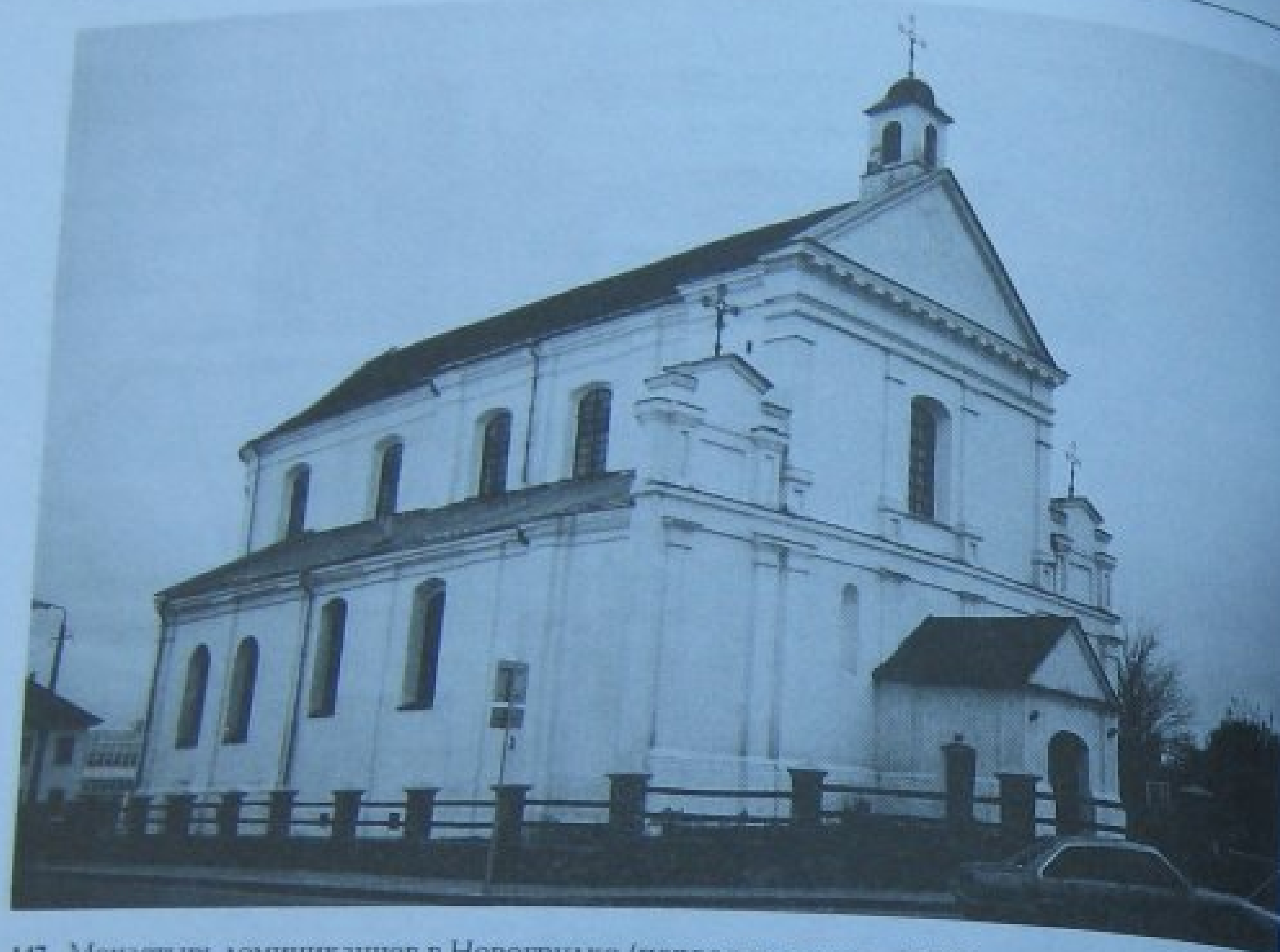
ил Доминиканский монастырь в Бресте (1635, 1696), обмеры 1930 г. (РГВИА)

реплений с четырьмя бастионами. Внутри бастионных укреплений и располагался монастырь. Владельческий город Заславль Минского повета принадлежал Глебовичам. По инвентарю 1690 г., за исключением храма, все постройки замка были деревянными[116].

Костел доминиканцев посвящался Михаилу Архангелу, имел два погреба, снаружи и внутри был оштукатурен. Остальная застройка монастыря была деревянной: отдельно стоявший двухэтажный бревенчатый кляштор на кирпичном основании с подвалом (1773, 12 жилых и 5 нежилых помещений); бревенчатые кухня и пекарня; ледник с чердаком; хлев и дровяной сарай под одной крышей; конюшня (1827)[117].

В 1840 г. храм переосвящен в православную церковь Спаса-Преображения[118].

Размещение Заславльского монастыря внутри крепостных укреплений не являлось исключением. Доминиканские монастыри были выстроены также в двух регулярных крепостях на восточных землях Беларуси — Улла (около 1669 или 1678, по фундушам Самуэля Лукомского и Бронислава Позысенского; монастырь был упразднен в 1832 г.[119]) и Остров (иначе Островно,

147 Монастырь доминиканцев в Новогрудке (первая половина XVIII в., 1751), главный фасад

монастырь основал воевода мстиславский Александр Сапега в 1621 г.). Возникновение крепостей связано с войной между Россией и Речью Посполитой. Так, в частности, по указу Ивана Грозного в качестве форпостов к западу от России возвели систему регулярных оборонительных гарнизонных укреплений, куда входили также Туровля, Ситна, Козьян, Красный, Суша, Сокол[120]. После завершения военных действий посреди ряда крепостей того времени выстроили монастыри доминиканцев. Другим примером возведения монастыря внутри укреплений владельческого города является упомянутый выше бернардинский монастырь в Глуске.

Доминиканский монастырь в Новогрудке, как и пять других католических монастырей города, располагался вблизи рыночной площади. Мужской доминиканский монастырь был основан конюшим литовским и воеводой виленским Кристофом Ходкевичем в первой половине XVII в. Позднее здесь сложился женский доминиканский монастырь.

Костел Архистратига Михаила был построен в первой половине XVIII в. Это — трехнефная базилика с безбашенным плоским фасадом, по структуре близкая францисканским храмам своего времени (цв. ил. XXI). Центральный и боковые нефы перекрыты соответственно цилиндрическим сводом на распалубках и крестовыми сводами, которые украшены лепным геометрическим орнаментом.

148 Алтарный фасад монастыря доминиканцев в Новогрудке

После пожара храм подновлялся в 1751 г. Повторная реконструкция проводилась в связи с его перестройкой в православную церковь. В 1829 г. перед храмом была построена отдельно стоящая каменная двухъярусная колокольня. При монастыре до 1830 г. существовало уездное училище. Храм перестраивался в 1831 г.[121]

Одним из простейших архитектурных решений костела доминиканцев является сохранившийся храм села Буховичи, расположенный в полукилометре к востоку от самого села. Он построен в 1674 г. в форме зального бесстолпного и двухкамерного сооружения — к основному объему храма с восточной стороны пристроен прямоугольный в плане меньший по размерам объем пресбитерия. Углы храма и пресбитерия укреплены контрфорсами. Их устройство придает сооружению асимметричный характер. Контрфорсы в одних случаях диагональные, в других — прямые, они отличаются также размерами, как по длине, так и по ширине. В целом храм производит впечатление не профессиональной, но ремесленной архитектуры. Решение главного фасада, очевидно, было самым простым — плоская стена со скромным порталом входа и фронтон.

В 1882 г. костел преобразован в православную церковь. Над алтарем, устроенным не в пресбитерии, а в восточной части самого храма, возвели небольшую луковичную главу. К главному фасаду пристроили трехъярусную

колокольню, в верхнем ярусе с восьмериком и шатровым покрытием. Пробили дополнительные боковые двери в северной стене храма[122].

С архитектурой XVII в. связан комплекс построек доминиканского монастыря в селе Зембин, хотя он окончательно сложился только в начале XIX в. Монастырь основан в 1640 г., и вначале действовал деревянный костел. Каменный храм на его месте возвели в 1809 г. Он построен в форме трехнефного зального сооружения с полуциркульным завершением пресбитерия и двумя симметричными сакристиями. Структура храма традиционна для костелов Беларуси XVIII в. орденов францисканцев и бернардинцев. Во всех трех нефах устроены крестовые своды на подпружных арках. В структуре храма нартекс не выявлен, и хоры опираются на две сложные в плане дополнительные опоры. Соответственно фасад безбашенный, и его расчлененная лопатками стена завершается фигурным фронтоном, приподнятым над дополнительно устроенным аттиком. Иконографически фасад костела в Зембине близок решению фасада костела доминиканцев в Бресте. Главный алтарь — каменная колонная архитектурная композиция со стуковым лепным декором, интерьер расписан художником Вебером из Варшавы.

Дверные проемы, прорезанные в южной сакристии и южной стене храма, свидетельствуют о возможном намерении построить в будущем замкнутый комплекс примыкающего к нему кляштора с клуатром. Однако застройка монастыря так и оставалась в основном деревянной. Одноэтажный кляштор и хозяйственный двор составляли значительное число строений, занимавших площадь 1586 кв.м. Перечень служебных строений: кухня (1822); пристроенные друг к другу амбар и ледник; конюшня с сараем (1832); сарай для фуража; богадельня; прачечная (1824); недостроенное здание неизвестного назначения; наконец, каменный погреб. Монастырь имел обширный сад в 7726,5 кв.м[123].

Доминиканский монастырь во владельческом ратушном местечке Смоляны, Оршанского повета, был основан в 1680 г. Для его местоположения определили участок на северо-западной окраине местечка, возле реки Дерновка, на котором с начала XVII в. существовал укрепленный замок. От него оставалась невысокая прямоугольная площадка, окруженная искусственными водоемами.

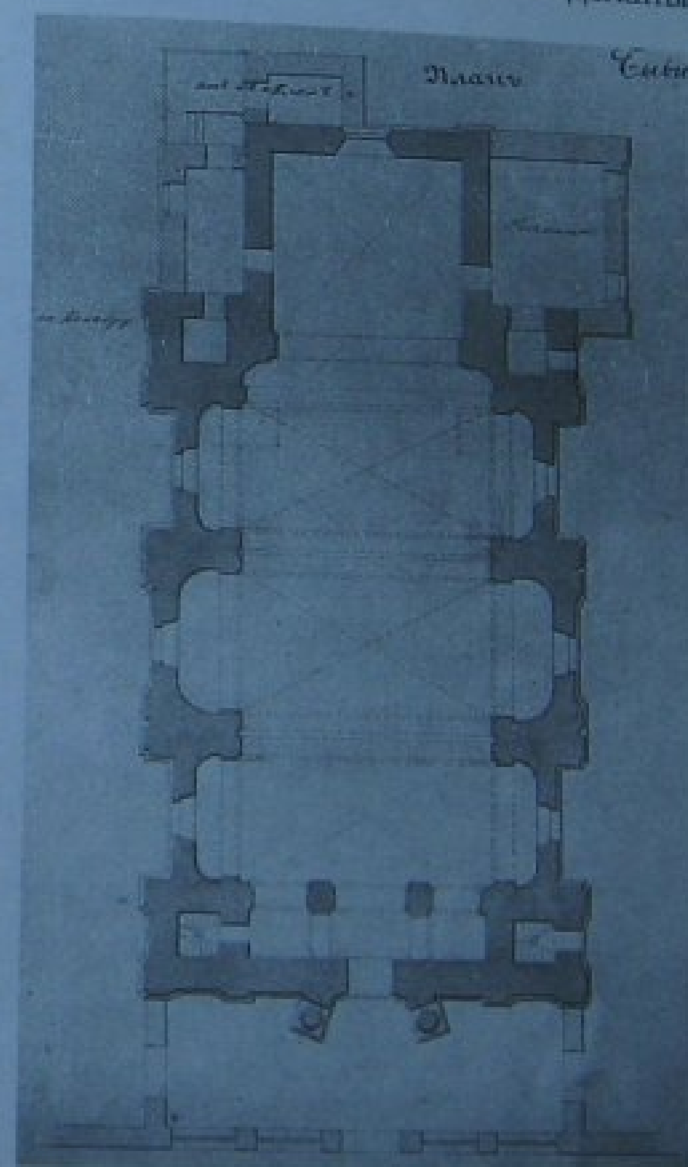
Фундаторами монастыря стали кн. Иероним Любартович-Сангушка и его жена Констанция Феодора, урожденная Сапега. В своем местечке они поставили два храма — во имя Благовещения и в честь небесного патрона фундатора преп. Иеронима, при котором и был основан доминиканский монастырь[124]. Фундушевая запись предписывала жить при кляшторе шести доминиканам-иеромонахам, которые каждую пятницу должны отправлять заупокойную литургию за поименованных в документе родственников донаторов. Костел перестраивался в 1899 г. под руководством архитектора Довкши. По его рисункам были сделаны алтари, большая люстра[125]. Параллельно северному фасаду костела построен каменный одноэтажный кляштор.

Храм возведен в форме трехнефной двухбашенной купольной базилики. Пресбитерий имеет полуциркульное завершение. По стилистике храма и пластике его внешних форм, в особенности двухбашенного портала, сооружение носит отчетливо позднебарочный характер. В целом памятник является исключением из ряда доминиканских храмов. Архитектура храма ближе униатским церквам и позднебарочным костелам второй половины XVIII в. Скажем, иконография главного фасада имеет много общего с церковью в Толочине, а рисунок разорванного междубашенного фронтона аналогичен церкви в Вольно.

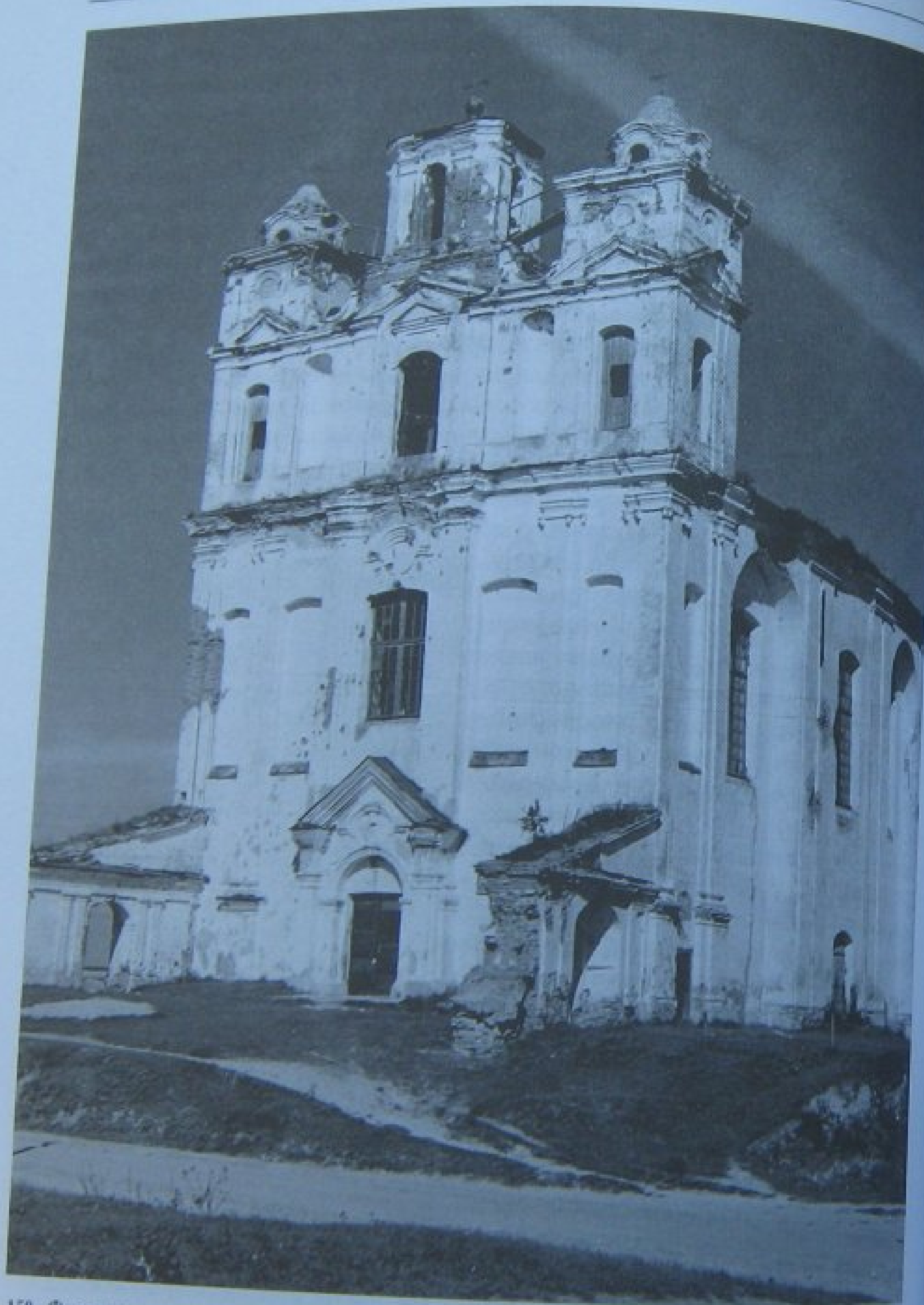
История доминиканского монастыря во владельческом местечке Княжицы известна со времени строительства костела. Каменный храм Архистратига Михаила был возведен в 1681 г. на пожаловании Константина Паца, а в XVIII в. преобразован в униатскую церковь.

Костел имеет характерную для доминиканских сооружений XVII в. структуру бесстолпного зального объема с выделением ряда боковых капелл посредством пластического членения стен храма. В каждой из стен устроены по три со скругленными углами ниши, причем центральные из них сделаны вдвое большей глубины, нежели боковые, таким образом, в структуре храма был выделен нартекс. Такому ритмическому членению внутреннего пространства на капеллы снаружи, на боковых фасадах, отвечает чередование полуциркульных ниш во всю высоту костела и гладких плоскостей. Пресбитерий завершается прямой стеной, по обе стороны от него размещены низкие асимметричные сакристии и вертикальные колодцы для лестниц. Две башни, квадратного сечения по всей высоте, фланкируют западный фасад храма. Спокойная пластика обработки главного фасада нарушается только установкой двух круглых колонн портала, повернутых под углом к плоскости его основной стены.

Перед главным фасадом, при помощи двух пристроенных к углам арочных стен была сформирована аванплощадь, об окончательном замысле которой по сохранившимся материалам составить представление не представляется возможным.

149 Костел доминиканцев в Княжицах (1681), план, обмеры 1869 г. (РГИА)

150 Фасад костела доминиканцев в Княжицах, фото Е. Квитницкой

Храм перестраивался в 1869 г. для приспособления к православному богослужению. По чертежам проекта реконструкции можно предположить, что указанная аванплощадь была задумана на этом этапе строительства в качестве паперти перед храмом. Первоначальная архитектура претерпела множество изменений. Заново был переработан портал входа. Поставленные под углом колонны были разобраны, над дверями появилась арочная ниша с треугольным фронтоном, а над окном под карнизом лучковая арочка и под ней круглая вставка. Башни надстроили дополнительными четвериковыми ярусами с вычурными главами; похожий ярус, предназначенный для колоколов, надстроили над центральной частью аттика; лучковые формы завершений изменили на треугольные фронтоны. Прорезанные в боковых фасадах симметричные дверные проемы, надо полагать, также появились в результате реконструкции[126].

Свойственные названным памятникам XVII в. принципы построения храма доминиканцев были использованы во владельческом городе Клецк, Несвижского повета. Монастырь был основан в XV в. и располагался на рыночной площади.

Каменный костел был построен по фундации ксендза Станислава Казимира в 1683 г. Он представлял собой бесстолпную зальную двухбашенную базилику с подвалами. По сравнению с княжицким костелом, клецкий храм имел более простой план. Отличительной чертой клецкого доминиканского костела являются заметно повышенный угол кровли и соответственно дополнительный ярус в построении главного фасада, благодаря чему в силуэте храма появились готические черты. Костел подновлялся в 1745 и 1826 гг., в результате более покатые (спокойные) формы башенных завершений были заменены высокими гранеными шатрами.

Каменный двухэтажный кляштор (1763, 11 жилых и нежилых помещений) соединялся с костелом посредством пристроенного деревянного коридора (1790). Хозяйственные строения в основном были деревянными: соединенные между собой людская и кухня (1819), конюшня на четыре лошади; амбар; ледник; гумно. Погреб с кирпичными стенами и сводами имел земляную кровлю. Под строением находилось 1477 кв.м, а садом и огородом соответственно 6835,5 кв.м и 9702 кв.м[127].

Со сменой веков в архитектуре доминиканских монастырей получили отражение новые художественные веяния, связанные с поздним барокко и маньеризмом. Распространенной структурой храмов стала трехнефная базилика с трансептом и двухбашенным решением главного фасада, причем в пропорциях фасада заметна тенденция к подчеркнутой артикуляции вертикальных форм, внешней экспрессивности сооружения. Такую эволюцию внешних форм храма ранее можно было проследить в бернардинских монастырях XVIII в. В доминиканских костелах высота башен начинает превышать высоту собственно самого храма, от цоколя до венчающего карниза.

Однако эти особенности изменения форм проявлялись не сразу, постепенно преодолевая традиции XVII в. Так, наиболее ранний из известных костелов доминиканцев в Посине (Поссин, Позин) соединяет в себе черты архитектуры ордена прошлого и наступившего столетия.

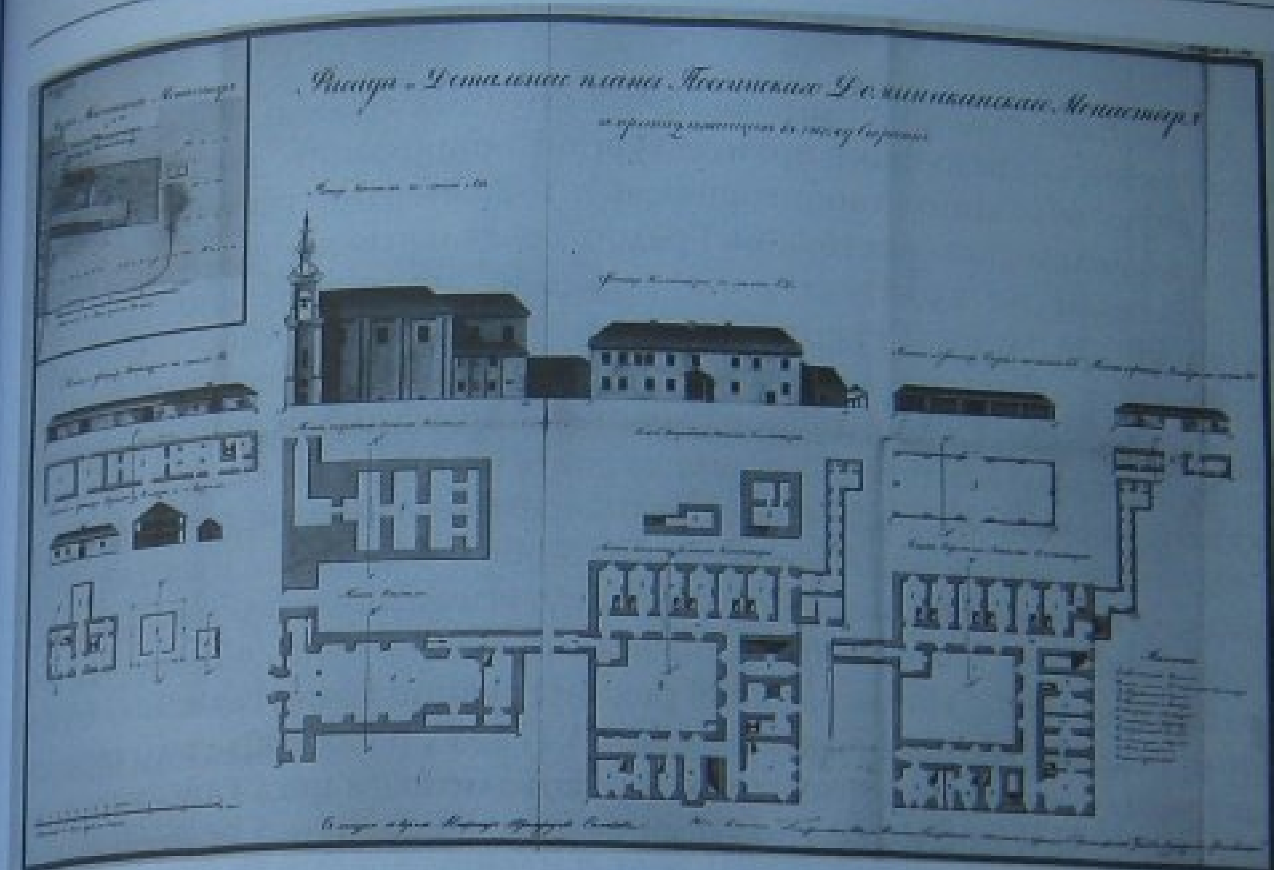
Костел и кляштор доминиканцев в Посине основал в 1694 г. бискуп инфляндский Николай Корвин-Поплавский, другими ктиторами стали Казимир Погорский, польский король Ян III Собесский. Монастырь подвергся разрушениям в 1753 г. и после этого был отстроен в камне. Здесь размещалась кафедра бискупов инфляндских.

Монастырь занимал восточную часть владельческого местечка, находившегося в Люцинском повете. Торговая площадь местечка была устроена таким образом, чтобы восточный фронт ее застройки формировался монастырским комплексом. Костел помещался за оградой и занимал эксцентрическое место на участке монастыря, своим западным, главным фасадом он выдавался в сторону площади.

Каменный костел с подвалом возвели в 1720 г. Это зальная бесстолпная базилика, для размещения боковых алтарей которой вдоль стен предусмотрены незначительные по глубине капеллы, пресбитерий завершается сегментным в плане углублением в толще плоской алтарной стены. По сторонам от пресбитерия устроены симметричные, меньшие по высоте сакристии. На этом общее сходство посинского костела с храмами Столбцов, Княжиц и Клецка заканчивается. Новым для костелов доминиканцев становится прием пристроенных к базилике и фланкирующих главный фасад парных башен, барочные формы верхнего яруса и завершения башен. Кроме того, здесь применили прием, свойственный как древнейшим, так и новейшим европейским монастырям эпохи Контрреформации, — за восточной стеной пресбитерия было устроено зальное помещение, вместе с южной сакристией примыкавшее к ведущему в кляштор коридору.

Основные постройки монастыря, костел и двухэтажный каменный кляштор возводились, очевидно, единовременно. Кляштор (25 жилых, 21 нежилых помещений) имел подвалы и был покрыт частично черепицей, а частично гонтом. Он размещался к востоку от костела и составлял с ним единый комплекс, симметричный относительно продольной оси. Монастырские корпуса имели квадратную в плане форму, образуя внутренний замкнутый двор, с трех сторон окруженный корпусами, а с четвертой, западной, глухой стеной. На стыке этой стены с северным крылом кляштора был устроен узел примыкания с коридором-переходом между костелом и кляштором. Длинный тупиковый коридор соединял кляштор с вынесенными к монастырской ограде санитарными помещениями.

С южной стороны, за костелом и кляштором были спланированы две узкие полосы земли, занятые хозяйственным двором и садом. Более обширный сад занимал восточную территорию монастырского участка. Общая площадь сада составляла 7200 кв.м, к северу от храма и кляштора располагался огород, размером 652,5 кв.м.

151 Доминиканский монастырь в Посине (1720), обмеры 1835 г. (РГИА)

Хозяйственные службы монастыря были выстроены в смешанной технике кладки — из кирпича и булыжного камня. Среди них покрытый черепицей амбар, разделенная на семь отдельных помещений винокурня, в которой кроме производства помещались жилая комната и баня с сенями; сараи для складирования фуража; корчма. Остальные строения были деревянными. Среди них примыкавший к корчме изба-амбар, другой двухэтажный амбар с крытой галереей (1760), ледовня[128].

Похожее, во многом аскетическое отношение к внешнему архитектурному декору храма, издавна присущее древним нищенствующим орденам, представляет монастырь доминиканцев в Витебске.

Каменный костел был построен в 1731 г. в формах трехнефной зальной безбашенной базилики; полы были выстланы кирпичом. Главный фасад разделялся на три равновеликие вертикальные части, каждая из которых завершалась фронтоном. Похожее решение главного фасада использовано в иезуитском костеле Орши. В витебском костеле доминиканцев помещалось шесть алтарей, включая главный, отгороженный от остального пространства храма перилами.

Остальная застройка монастыря была одноэтажной, деревянной: кляштор на каменном фундаменте (1810); флигель (7 жилых и 1 нежилое помещение); ледник; амбар на каменном фундаменте; пивоварня без пола и потолка; конюшня, сарай. Монастырские строения занимали 1530 кв.м, при них находился только огород в 3420 кв.м. Монастырь дополнительно владел несколь-

кими участками в городе, застроенными и сдаваемыми в аренду жителям Витебска[129].

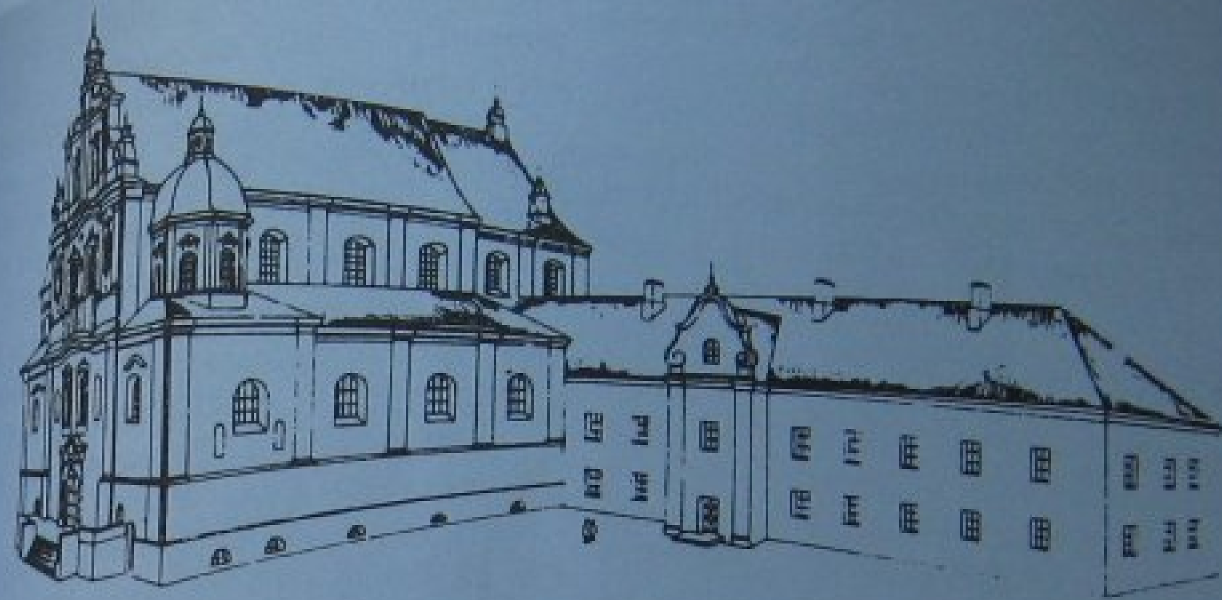
Монастыри ордена доминиканцев в крупных городах, очевидно, имели определенную специфику архитектурной организации, в частности обусловленную меньшими территориальными размерами участка, по отношению к владельческим местечкам. Градостроительные условия во многом также повлияли на архитектурное решение доминиканского монастыря в Минске. Он занимал квартал северо-восточного угла рыночной площади как бы в шахматном порядке позади комплекса Свято-Духовского базилианского монастыря. Определенное сходство с ним прослеживается в решении доминиканского костела. История строительства доминиканского костела и кляштора связана с наслоением разновременных реконструкций.

Монахи-доминиканцы впервые прибыли в Минск из Вильно в 1605 г. и вначале построили деревянную каплицу. Известно, что монастырь восстанавливался после пожара 1615 г. Каменный костел, судя по всему, заложили незадолго до 1623 г. Начало первой реконструкции храма связывают с 1709 г. Вторая реконструкция осуществлялась в 1781 г., о чем свидетельствует контракт между минским бурмистром и руководителем цеха каменщиков Андреем Макаревичем и настоятелем монастыря Бенедиктом Рыбчинским.

Костел посвящался во имя св. Томаша (Фомы Аквинского). Он был построен в формах безбашенной трехнефной базилики. Стеновая плоскость главного фасада имела изогнутую, выпукло-вогнутую форму, характерную для барокко второй половины XVIII в. Однако в целом иконография фасада костела отвечает характеру бюргерской архитектуры, еще в начале XVII в. получившей распространение в католическом строительстве Беларуси. Исходя из указанных предпосылок и ссылаясь на польских авторов, исследователи находят возможным говорить о стилистическом единстве между минским доминиканским костелом и доминиканским костелом в Латычеве возле Винницы (1613), а также и бернардинским костелом Преображения в Люблине (основан в 1557 г., строительство конца XVI в., при участии каменщика и мещанина люблинского Мартина де Родолфиса). Указание на столь разновременные постройки в какой-то степени только подтверждает определенный маргинальный характер измененного многочисленными реконструкциями минского доминиканского костела[130].

По сторонам нартекса были устроены капеллы, завершавшиеся симметричными восьмигранными купольными ротондальными объемами.

Храм пресбитерием ориентировался на север, фронтально ориентировался в сторону рынка и был слегка смещен от красной линии в глубь участка. К его восточной сакристии примыкал кляштор (1823, 20 жилых и 1 нежилое помещения); безусловно, о монастырских корпусах упоминается и ранее (1703 и др). Двухэтажное с подвалом позднее кирпичное здание состояло из двух Г-образно соединенных корпусов и торцом выходило на красную линию улицы. Остальная застройка была деревянной: одноэтажный дом с ко-

133 Доминиканский монастырь в Минске (1605, 1615, 1623, 1709, 1781), рис. В. Сташнюка

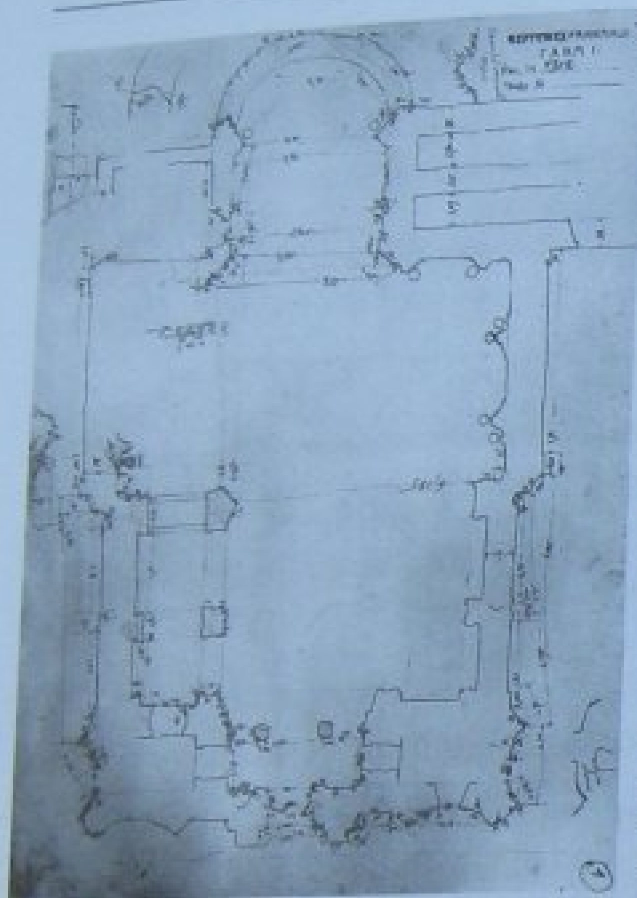
ридором, разделенный на кухню с пекарней и жилье для прислуги (1825); сарай с конюшней на четыре лошади и хлев (1833); амбар, связанный с ледником и отхожим местом (1823); колодец с навесом на четырех столбах (1833). Застройка и огород занимали 9949,5 кв.м, остальные принадлежавшие монастырю участки были в других местах города, суммарно составляли 5445 кв.м и сдавались в аренду жителям Минска[131].

Яркое отражение нового художественного направления эпохи позднего барокко и маньеризма проявилось в строительстве доминиканского монастыря в Друе. Заложенный в 1697 г. Петром Кочаловским, он получил и второе название — «Кочаловский монастырь». Завершение строительства костела различными источниками датируется 1702 и 1767 гг.[132] Более достоверной представляется поздняя дата, исходя из участия в строительстве костела архитекторов Людвига Гринцевича и Антонио Параццо.

Храм посвящен Успению Богородицы. Он представлял собой четырехстолпную трехнефную базилику с трансептом, имел подвалы. Пресбитерий завершался полуциркульной апсидой, по сторонам к нему были пристроены сакритии. В структуре отчетливо выделен нартекс с двумя боковыми башнями, фланкирующими главный фасад храма.

Главный фасад был симметрично украшен пучками пилястр сложного рисунка. Над центральной стеной базилики и порталом был поставлен двухъярусный, барочный аттик с колонными пилястрами и волютами в каждом из убывающих вверх ярусов. Три яруса возвышавшихся над стенами храма башен суммарно превышали высоту храма от основания до венчающего карниза.

Активная пластика вогнутых поверхностей стен на фасадах свойственна только главному порталу входа, боковые и алтарный фасады имели более

153 Костел доминиканцев в Друе, обмеры плана (АК).

скромное оформление. В интерьере особенно тонкой и дробной профилировкой стеновых плоскостей выделяется трансепт, в котором посредством устройства сложного рисунка ниш и обрамляющих их колонных композиций в пространстве интерьера выделялись четыре боковых алтаря[133].

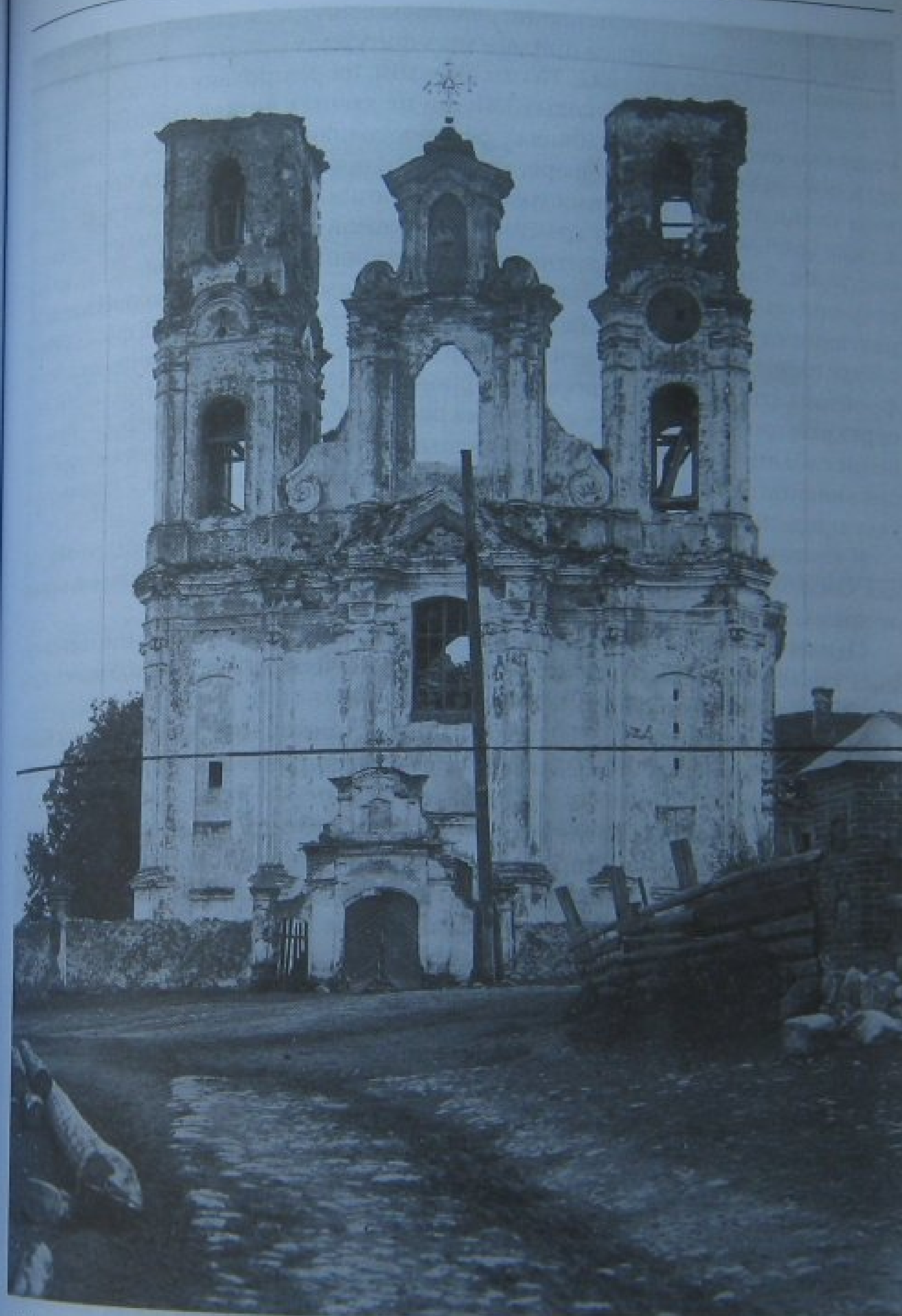
Эти вмонтированные в стены алтари дополнительно были убраны скульптурой, своды и стены храма украшали росписи. Упоминается, что в храме стояли надгробия.

Костел замыкал одну из улиц Друи. Он размещался за оградой, но максимально приближался к ней и ориентировался на городские пространства, занимая эксцентрическое положение на монастырском участке. Перед входом в костел в невысокой каменной ограде были устроены трехарочные барочные ворота с аттиком.

Двухэтажный кляштор соединялся с костелом, примыкая к одной из сакристий храма. Он состоял из одного оштукатуренного и побеленного, покрытого черепицей корпуса (1767, 17 жилых и 25 нежилых помещений). Основные служебные и хозяйственные строения также были каменными: одноэтажная богадельня (6 жилых и 1 нежилое помещения); двухэтажный оштукатуренный амбар с пристроенными неоштукатуренными сараями и кузницей (1767); одноэтажные связанные между собой и покрытые в отдельности гонтом, черепицей, соломой, драницами пивоварня, прачечная, хлева, конюшни, людская, сарай. Деревянными были ледник, хлев и беседка в саду. Строения занимали 3177 кв.м, а огород и сад соответственно 3388,5 кв.м и 6061,5 кв.м[134].

Некоторые общие черты с построением доминиканских храмов в Друе и Посине характерны для костела монастыря в Дуниловичах. Он размещался во владельческом местечке Виленского повета, известном с XVI в. От монастыря сохранился только храм.

Первый монастырь доминиканцев в Дуниловичах был построен в 1683 г. Почти столетие спустя здесь возвели новые сооружения костела и кляштора. Храм Св. Троицы датируется 1769—1773 гг. Его объемно-планировочная структура представляет собой трехнефную с трансептом двухбашенную базилику. Начертания плана имеют много общего с Успенским костелом в Друе. Основное различие заключалось в формах пресбитерия и торцевых

154 Доминиканский монастырь в Друе (1697, 1702, 1767), фото начала XX в.

стен трансепта. Они решены посредством выпуклых стеновых плоскостей, такие же округлые формы придавались фигурному завершающему карнизу торцевой плоскости аттика. Таким образом, формирование особых художественных пространств боковых каплиц на концах ветвей трансепта для постановки алтарей в Дуниловичах распространяется не только на интерьер, но и обозначается в экстерьере, внешних формах храма. Здесь прослеживается очевидная связь храмостроения доминиканцев с распространенными к тому времени приемами архитектуры храмов униатских базилианских монастырей. Такая связь заметна также в решении пресбитерия. С западной стороны он обстроен сводчатыми помещениями, вместе с сакристиями образующими П-образный обход вокруг пресбитерия. Западный фасад решен в виде плоской, прямо сведенной стены, и только рисунок завершающего ее фронтона соотносится с формами фронтонов трансепта. Центральный неф перекрыт цилиндрическим сводом на распалубках, боковые нефы — крестовыми сводами с фресковыми росписями. Значительные изменения претерпел внешний облик костела в результате реконструкции XIX в. Главному фасаду приданы простые уплощенные ордерные формы.

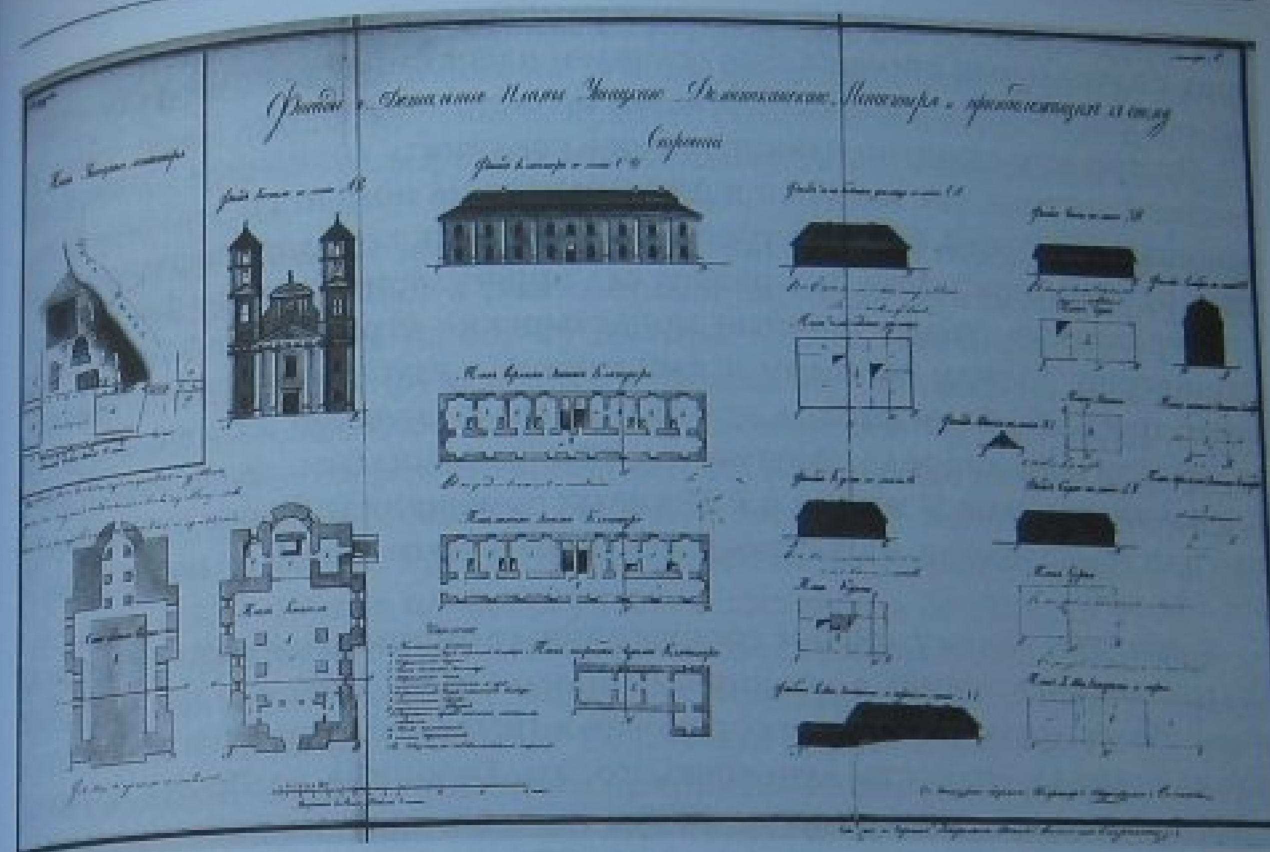
К костелу со стороны северной сакристии посредством коридора примыкал кляштор, который, подобно монастырю в Посине, располагался к западу от храма.

Одним из наиболее поздних примеров монастырского строительства ордена является комплекс построек во владельческом местечке Ушачи. Оно расположено между Лепелем и Полоцком.

Монастырь основан в 1780 г. владельцем имения, минским воеводой Яном Костишем (Koscіesza) Жаба, род которого еще ранее построил в этом местечке униатский базилианский монастырь.

Каменный костел возведен из кирпича в 1796 г., покрыт гонтом, оштукатурен и побелен с обеих сторон. Структура и композиция храма в упрощенном варианте повторяла построение Успенского костела в Друе. Очевидно, по сравнению с этим, вероятно, исходным образцом ушацкий храм абсолютно лишен пластического оформления поверхностей внутренних стен и столбов, а также боковых и восточного фасадов. Оформление западного фасада решено в скупых классицистических декорациях. Слегка выступающий по ширине центрального нефа ризалит декорирован большим четырехпилястровым портиком, пилястрами отделаны также углы фасада. Над портиком поставлен мощный аттик с упрощенными барочными очертаниями и простым декором, над сегментным (лучковым) завершением которого было установлено скульптурное изображение святого.

Башенные объемы, встроенные в систему нартекса, возвышаются над храмом вначале высокими четвериковыми ярусами, только немного уступающими по высоте храму. Затем башни наращиваются двумя равновеликими восьмериковыми ярусами с шатровым верхом, увеличивающими общую высоту колоколен еще на один порядок. Так что и в отношении пропорций

155 Доминиканский монастырь в Ушачи (1780, 1796), обмеры 1833 г. (РГИА).

внешнего объема храма, его силуэтной композиции с очень небольшой долей приближения его можно соотнести с храмом в Друе или значительно более древним в Клецке.

Профессиональные качества архитектуры костела невысоки. Возможно, это связано со снижением общего объема католического строительства в крае после присоединения его к России (1772), а также возникшими в крае затруднениями свободного обмена архитекторами, мастерами других строительных специальностей на всем протяжении белорусско-литовского края.

Монастырь в плане имел прямоугольные очертания. Он открывался в сторону регулярно спланированной площади рынка. Границы монастырского двора задавали линия площади, линия улицы и береговая линия реки Ушач. Троицкий костел, находясь за монастырской оградой, занимал эксцентрическое, угловое положение на участке монастыря и вплотную приближался к фронту застройки улицы и продольной линии площади. Его главный фасад являлся доминантой центра селения. К югу от костела, вдоль площади, за оградой, был разбит сад. За ним, на красной линии улицы было построено одноэтажное бревенчатое с отесанными с обеих сторон стенами здание училища (4 жилых и 1 нежилое помещения).

Двухэтажный кирпичный с подвалом кляштор состоял из одного корпуса (13 жилых и 4 нежилых помещения) и был покрыт вальмовой крышей. Он имел коридорную планировку с жилыми помещениями в восточной части корпуса. Вход в здание располагался в центре корпуса и оформлялся порта-

лом в виде арки с замковым камнем и тимпаном. Фасад кляштора в пределах трех центральных проемов был оставлен плоским, а его крылья симметрично декорировались раскрепованными пилястрами.

По проекту кляштор планировалось соединить коридором с южной сакристией костела, так же как и в Друе, однако на момент составления фиксационных чертежей была отстроена только часть коридора-перехода. К востоку от кляштора также был разбит сад иррегулярной в плане формы.

Деревянные, хозяйственные монастырские строения располагались на периферии. Между костелом и кляштором, в глубине участка возвышался трехъярусный объем амбара, примыкавший к западной стороне обширного монастырского огорода. Другие службы размещались вдоль берега реки: бревенчатая кухня (4 жилых и 2 нежилых помещения); бани и пивоварня; сараи для сена; ледник. Под строением было занято 1876,5 кв.м, под садом — 1665 кв.м[135].

К поздним монастырским сооружениям доминиканцев относится также сохранившийся костел в поветовом городе Орша. Вместе с тем монастырь имеет более древнюю историю, основан в 1650 г. и построен на пожалования жителя города, старосты лучановского, кн. Геронима Альбрехта Друцкого-Соколинского. По плану города 1830-х гг., в его комплекс входили деревянные одноэтажный кляштор и костел св. Викентия. Каменный костел в это время был заложен, и строительство еще только начиналось. Предполагалось устроить семь алтарей: св. Викентия, Страстей Господних, св. Фадея, Рождества Пресвятой Богородицы, св. Яцека, св. Доменика, Распятия Господня[136]. Храм представляет собой бесстолпную базилику, декоративное убранство на фасаде получил только нартекс[137].

Сохранились описания трех деревянных монастырей доминиканцев, построенных в Ракове, Хлопеничах и Речице.

Достаточно крупным комплексом построек и обширным хозяйственным производством обладал монастырь доминиканцев во владельческом местечке Хлопеничи (Холопеничи), Борисовского повета.

Костел был построен в 1750 г. и представлял собой крупное сооружение с 6 помещениями, устроенными под сводами из балок и мелких досок. Стены храма сложены из бревен, отесанных с обеих сторон и обитых снаружи досками; полы в храме были покрыты кирпичом, в пресбитерии — дощатые; кровля гонтовая. В середине 1830-х гг. запасены уже были материалы для строительства каменного костела. Одновременно с храмом построили отдельно стоявшую колокольню, бревенчатые стены которой снаружи были обиты гонтом, а крыша покрыта драницами. Высота колокольни составляла 8,5 м.

Двухэтажный с погребом кирпичный кляштор представлял собой крупный отдельно стоящий корпус (1750, 18 жилых и 10 нежилых помещений). Наружные стены оштукатурены и побелены были только на первом этаже здания. Крыша по одну сторону была покрыта гонтом, по другую — драницами. Кляштор восстанавливался после пожара 1806 г.

Хозяйственные службы состояли из деревянных построек: соединенные между собой людская, конюшня на 14 лошадей и два сарая; кузница; амбар; дровяной сарай; ледник; брусяной, крытый соломой пчельник; колодец с навесом. Монастырские земли были обнесены частично каменной и частично деревянной оградой[138].

Деревянный комплекс доминиканского монастыря в городе Речица занимал одно из ключевых мест и располагался перед входом в замок-резиденцию речицкого старосты, на берегу Днепра. Костел был построен в 1798 г., опирался на кирпичные фундаменты с подвалом, стены были сложены из бруса, кровля гонтовая. Одноэтажный брусяной кляштор состоял из разновременных частей — старой постройки (1807, 9 жилых и 6 нежилых помещений) и новой, использовавшейся для училища (1827). Хозяйственный двор включал две бревенчатые кухни (1807); конюшню на 8 лошадей (1807); амбар с ледником (1827). Общая площадь участка составляла 20 520 кв.м[139].

Во владельческом местечке Ракове, расположенном к западу от Минска, монастырь был основан в 1686 г. княгиней Констанцией Теодорой, урожденной Сапегой, женой кн. Геронима Сангушки. Деревянный костел Св. Духа в 1742 г. сгорел. Благодаря стараниям приора Володкевича, вероятно, в 1824 г. костел был отстроен заново. Рядом с ним стояла деревянная колокольня «наподобие навеса» (1809).

Остальные деревянные постройки также датировались началом XIX в.: одноэтажный с подвалом кляштор (1807); конюшня на 3 лошади с сараем для фуража (1809); ледник; богадельня (1809). Строения занимали 103,5 кв.м., монастырские огороды — 3384 кв.м[140].

Некоторое представление об архитектуре костелов доминиканцев дает фотография монастырского храма в Полоцке. Первоначально деревянный, в начале XIX в. он был отстроен в камне. Главный фасад базилики оформлен плоской стеной с пилястрами и завершался простым треугольным фронтоном во всю ширину храма. Монастырь был основан в 1680 г. земским слонимским Стефаном Бжуховским, по другим источникам — в 1670 г. виленским каноником Казимиром Горским. Он размещался на центральной площади города и формировал северный фронт ее застройки[141].

Заключая исследование доминиканских монастырей, следует подчеркнуть, что в конце XVI—XVII в. наиболее распространенным типом объемно-планировочной структуры храмов были бесстолпные зальные базилики с пристроенными к боковым стенам костела симметричными и асимметричными капеллами (каплицами), что вносило в архитектурную композицию храма живописное начало. Нередко каплицы завершались купольными покрытиями. В архитектуре и семантике внутреннего убранства костела активное выражение находит личностное начало фундатора. В распространенном приеме разновременного встраивания в храм отдельных капелл проявляется особая роль частной литургии (личного благочестия). Пышно украшенные и во множестве поставленные в костеле алтари отвечают правилам литурги-

156 Доминиканский монастырь в Полоцке (1680, начало XIX в.), фото начала XX в.

ки католической церкви. Важным представляется проследить в будущем закономерности посвящений алтарей-престолов, которые, возможно, позволят выявить семантическое единство храмов католической церкви в целом, ее различных орденов, а также региональную специфику строительства католических монастырей в крае.

Костел, с одной стороны, обслуживает монастырь, с другой — открыт и активно внедряется в духовную и общественную жизнь населяющих города и местечки людей. Объемное решение главного фасада на протяжении периода от конца XVI до начала XIX в. можно представить как эволюцию от безбашенного к однобашенному храму, а затем, к двухбашенным композициям позднего барокко, во многом близким архитектуре других католических орденов, прежде всего бернардинского. В XVIII в. распространенной структурой доминиканских храмов стала трехнефная базилика с трансептом, причем в пропорциях фасада заметна тенденция к подчеркнутой артикуляции вертикальных форм, внешней экспрессивности сооружения. Высота башен начинает превышать высоту собственно самого храма, от цоколя до венчающего карниза.

Доминиканские монастыри занимали центральное местоположение не только в системе владельческих местечек, но и крупных городов.

Активное строительство монастырских комплексов продолжалось и после воссоединения Беларуси с Россией в течение долгого времени и не прерывалось до 1830-х, а во многих случаях и до 1860-х годов. Все это время монастыри сохраняли полученные ими по фундушевым документам земельные владения и приписанных к ним крестьян. Такое существенное экономическое преимущество перед православными монастырями способствовало более интенсивному строительству монастырских комплексов доминиканцев.

Иезуиты

Организация и деятельность ордена иезуитов тесно связана с движением Контрреформации, возникшим в XVI в. в Италии и Испании, а вслед за этим распространившимся на всю Европу. Последствия и влияние Контреформации спустя долгое время ощущались во многих странах христианского мира.

Создателем движения был Игнатий Лойола, выходец из небогатой семьи испанских дворян. Утверждение ордена, первоначально на условиях ограничения его численности до десяти человек, произошло в 1540 г. Решением Папы Павла III, а в 1552 г. Папой Юлием III условие это было отменено.

Устав ордена предписывал строгую субординацию: Папа, генерал, провинциал, ректор, рядовые исполнители. Вступление в орден начиналось с прохождения послушания, двухлетнего новициата, завершавшегося принятием монашеских обетов. Затем следовал двухлетний период пребывания в разряде схоластиков и интенсивного обучения греческому и латыни на основе изучения текстов греческих и римских авторов. Следующий год посвящался изучению философии, физики, математики. Далее вменялось в обязанность преподавать три года в низших классах коллегии. Затем четыре года изучения теологии, права, церковной истории. Блестяще выдержавшие последние экзамены имели право преподавать философию и теологию в учебных заведениях ордена. Они допускались к принятию четвертого обета беспрекословного подчинения Папе Римскому.

По «Великой хартии» иезуиты не попадали под действие высшей духовной юрисдикции и подчинялись непосредственно Папе. Орден отличала исключительная дисциплина поведения членов всех ступеней иерархии. И. Лойола разработал порядок дисциплинарных упражнений. В основу морали была положена теория «пробабилизма» (правдоподобия), позволявшая обосновывать правильность любого действия для достижения поставленных орденом и его членами целей. Сохранились принадлежавшие иезуитам тексты, открыто призывающие к подкупу, политической и экономической дискриминации, физическому насилию[142].

В качестве примера можно привести отрывки из неопубликованного ранее документа начала XVIII в., представляющего собой проект борьбы с православными в Беларуси, Литве и на Украине: «Ежели целость и безопасность Государства основывается на взаимной любви, а любовь более всего поддерживается единством веры, то мы, Поляки, желая целости и безопасности

своему Государству, всевозможно должны стараться с особенным усилием о единстве веры между подданными. Поелику же это единство в краях Руских, как в коронных, так и к Великому Княжеству Литовскому принадлежащих кажется (особенно простому народу) наиболее разрушается разностью веры, то Государственные чины и каждый Поляк в особенности, желающий сохранить целость и безопасность своего отечества, должен поставить себе в обязанность, чтобы Греческое вероисповедание, Латинскому противное, всячески выводить, то презрением, то преследованием, то притеснением тех, которые держатся оного, и другими, сколько то возможно, действительными средствами. Будучи Поляком, в жилах коего течет кровь древних Поляков Латинского Вероисповедания, и желая от всего сердца счастия моему Отечеству и вместе большаго распространения Римско-Католической веры, я с своей стороны почитаю средства следующия действительнейшими к искоренению суеверных Греческих обрядов и введению на место их обрядов Латинских, вместе с верою св. Римской Церкви, и представляю сии средства всем истинным поборникам веры...

Дворянство Греко-Российского Вероисповедания, хотя оно и остается в Унии, а тем более отщепенцы, ни к каким не должны быть допускаемы Государственным должностям, особенно же к таким, в которых они могут приобресть друзей, нажить имение и снискать какое-либо уважение, и таким образом покровительствовать всем своим единомышленникам, что должно ограничить на сеймах новым строжайшим прежнего постановлением. В особенности же каждый Поляк должен в собраниях чуждаться Руского, в соседстве не заводить с ним дружбы, разве для своей выгоды; в разговорах в присутствии Руского более всего говорить о суеверии Руских и тому подобное. После сего я почти могу уверить, что всякий лучше захочет переменить вероисповедание и совершенно отказаться чтоб он был когда-либо Руским, нежели во всю жизнь терпеть столько досад и огорчений...

Зажиточнейшие обыватели Отечества не должны принимать Руских ни в какие услуги, особенно не допускать их туда, где они могли бы сколько-нибудь образоваться, разве в том только случае, когда можно надеяться, что они откажутся от своего вероисповедания, ибо таким образом пребывая в невежестве, они впадут в крайнюю нищету и останутся в самом презренном уничижении...

Так как в Городах и местечках Руских находится еще значительная часть зажиточных жителей Руских, то и сих нужно довесть до нищеты и невежества, чтобы они ни могли ни деньгами, ни умом помочь себе, и достигнуть сего можно следующим образом. Ежели Города находятся в Земских имениях, то наследственные владетели одним введением жидов и помещением их в центре Города погубят Руских. Ибо евреи по природе своей хитрости приберут в свои руки все средства к приобретению доходов и завладевши всем в Городе вытеснят Руских жителей из города и заставят их вступить в крес-

тьянство. Ежели же Города считаются в имениях, принадлежащих двору, то Государственные чины под разным предлогом должны мало по малу заставлять и приучать к барщине жителей тех из Городов, которые не столь значительны, в прочих же кроме введения жидов, для вышеупомянутой цели нужно хоть немного ввести Римских...

Самый трудный к разрешению узел в сем благодетельном начертании составляют Архиереи и Священники, коих нужно ослепить, чтобы они не могли ни возвыситься, ни думать, а тем более делать, что захотели бы... Архиереи, кроме того, что должны быть назначаемы из тех, которые находятся в родственных связях с фамилиями Римского вероисповедания, чтобы и при жизни благодетельствовали им, и то, что по смерти будет оставаться, доставалось бы в наследство не Руским, но Полякам. Сверх того мы и преемники наши никогда не должны допускать Руских Епископов к заседанию в Сенате, чтобы они не доставляли своему вероисповеданию никаких важных преимуществ, не старались о возвышении своих единоплеменников, не заводили дружбы с почтенными и везде уважаемыми в Отечестве лицами...

Епископы наши все вообще взявшись, так сказать, за руки должны приводить в действие с особенным тщанием то, чтобы Руские Архиереи носили титул викарных, оставаясь сами в зависимости и подчиненности, чтобы они и их Священники повергаемы были ревизии наших прелатов, публично наказываемы за преступления, и чтобы им выставляемы были на вид их суеверия. Ибо таким образом... народ, будучи понуждаем Руским начальством, удобнее склонится к тому, чтобы отступить от существенных своих обрядов...

Священники... будучи оставлены без образования в невежестве, они не в состоянии будут ни знать своих обрядов, как и когда оные установлены от Греческой Церкви, ни ясно и убедительно доказывать, что они ни в чем не изменены, ни суеверны, ни наконец основательно противиться уничтожению оных. А для того, чтобы удержать их (что для нас весьма нужно) в столь грубом невежестве, самым действительным средством почитаю бедность, в которой они как доселе оставались, так они из оной никогда не выйдут, если станем поступать следующим образом. 1-е. Нужно, чтобы помещики не делали никаких эрекций, с тем, чтобы каждый рукополагающийся в Священники покупал для продовольствия себя и своего семейства ту землю, которой пользовался его предшественник; таким образом продающие и покупающие будут придерживаться Симонии, как меня учили наши Богословы. 2-е. Если где находятся древние эрекции, то и так имеющие право давать одобрение (ius repraesentande) при выдаче оного могут брать деньги от поступающих во Священника без всякого разрешения совести, не за одобрение (чтобы это не показалось тогда некоторым образом вещами церковными), но дабы пусть оне в самом начале поставили Священника не в состоянии запастись суеверными еретическими книгами. При выдаче же одобрения не должно описывать грунтов обстоятельно; ибо таковые одоб-

рения могут служить вместо эрекций, для всех выгод, какими пользуется наше духовенство... С таким-то благоразумием поступали древние Поляки, предки наши, достойные бессмертной славы... Ибо Священнику нигде не позволено было брать водку, как только у Еврея Арендатора, и если Еврей ловил с оной на дороге Священника, или отыскивал в доме, то тотчас выводил пару волов с Священнического двора. Не позволялось также молоть в другой какой-либо кроме означенной мельницы, а если Священник это нарушал, то Евреи разбивали амбар или кладовую, забирали и всякой хлеб. Таковыми и сим надобными средствами предки наши многих отщепенцев заставили обратиться. Употребляя и мы сии средства, успеем при помощи Божей перевесть и прочих на Униатов и со временем всех обратить в Римско-католиков... а через то доведем их до такой бедности, что они не в состоянии будут иметь и приличного одеяния, а тем более богатства. Как же им теперь запасаться потребными книгами, или что важнее, давать детям своим хорошее воспитание. С прекращением сих приобретений законных и незаконных они лишатся всяких доходов и всяких средств к поддержанию своего состояния. Вообще все мы должны стараться предложить на сеймах П.П. Епископам нашим и сей проэкт, чтобы они собором (Sinodaliter) постановили, что за всякия требы должно платить и обязали бы Архиереев, чтобы они предписали протопопам или наместникам, чем и за что должен довольствоваться Священник. Поступая таким образом, мы не допустим Священников вытти из бедности, что для нас будет весьма полезно, а для Руских нестерпимо, и сверх того, возбудим еще в крестьянах посредством такой потачки приверженность к себе, а к Священникам ненависть, чем удобнее преклоним их, когда захотим, на свою сторону...

Семейства Священников во всем должны зависеть от местного Господина, начальства и для большего их унижения должны быть строго наказываемы за самыя малейшия преступления или неповиновение. При сем надобно распускать слухи, что сыновья каждого попа, обыкновенно поповичами называемые, кроме одного, который на место своего Отца имеет поступать, не освобождаются от крестьянства, что они не могут поселяться в вольных городах, ни переходить с одного места на другое; когда они придут в такое состояние, что не станут верить сим неосновательным слухам, то нужно будет сделать постановление, под предлогом будто бы это делается для побуждения их к образованию себя; те же из поповичей, которые не достигнут надлежащего образования, остаются навсегда крестьянами своих Господ. А поелику они имеют свободный вход в наши публичныя училища, подобно всем дворянским детям, то дворяне должны их преследовать... Таким образом пусть никто не считает нужным делом запрещать всем детям Греко-Российского (исповедания) Духовенства поступать в училища, потому что 1-е — дети дворян, как обыкновенно случается, в буйной молодости, сделав какое-нибудь преступление, будут иметь случай сложить вину на Руских, 2-е — Руские получат от нашего духовенства хорошее образова-

ние, еще более станут объяснять своему народу, что Таинства Римской Церкви имеют такую же важность, как и Таинства Церкви Российской, что обряды одни другим не противны, что Римско-Католическое вероисповедание и вероисповедание Греческое есть одно и то же; что все с течением времени к удобнейшему преклонению упорных умов Руских послужить может...

Но если бы по какому-нибудь случаю (чего, впрочем, не надеюсь) Руские достигли надлежащего образования, то надлежит с ними поступить таким образом: уговаривать тех, которые захотят оставаться в духовном звании, чтобы они вели жизнь безбрачную, показывать им более, нежели другим, уважения, давать более свободы, увеличивать доходы и пр. и пр. Когда же таким образом все имеющие намерение поступить в Священники с охотою станут избирать род жизни безбрачной, тогда намерения наши вполне достигнут своей цели. Ибо по смерти безбрачных Священников некому будет заступать их места, крестьянским детям запретить учиться, поповичей не будет, Рускаго дворянства также мало и то без всякого образования; и так дело дойдет до того, что мы станем определять на сии места своих приходских Священников (Plebanos) нашего Римского вероисповедания, а нам это и нужно...

Особенно непреклонен и других в непреклонности удерживать способен простой народ Руской, умеющий только читать свои писания. Итак, нужно устранить причину таковаго их упорства, и упорство само собою исчезнет (что не трудно нам, Полякам, сделать), если запретить детям своих крестьян учиться в находящихся при Церквах школах... Почему Экономам и Управителям нужно бы внушить в их инструкциях, дабы они строго смотрели за тем, чтобы крестьянские дети приучаемы были не к книгам, но к плугу, сохе, оралу и пр...

Чтобы удобнее погубить со временем Руских, для сего не худо бы записывать в особую общую книгу все случающиеся в их обрядах неблагопристойности, срамныя слова и поступки против Римлян и частныя приключения Священников... дабы когда этот проэкт начнет приходить в действие, светский видит основательные причины таковых поступков со стороны Поляков... весьма полезно будет к подкреплению наших замыслов, разглашать хорошо обдуманные против них вымыслы, тайно подбрасывать под именем Священников, а лучше бы и самих Архиереев, Руския сочинения вредныя республике, вредныя жизни польскому, вредныя вере Католической, возводить на них мятежи и убийства, только бы это служило в свое время немаловажным к уничтожению в Польше Греческой Религии, поводом и сильным как для Духовного, так и для светского состояния, как для сенаторов, так и для прочей шляхты побуждением к выполнению спасительного предприятия...

Когда все сие в продолжение известного времени будет приготовлено, то к самому делу должно приступить не вдруг, не везде в одно и то же время, даже и не во всех местах; нужно начать с тех удаленных мест, где более католиков нежели Руских, и начать не без причины, выставляя, например, Священникам их худой образ жизни, соблазнительное поведение, незнание или нерадение в учении и правилах веры, небрежности в совершении необходимых для спасения таинств и другия сим подобныя нелепости. Таким образом постепенно с усмотрительностью и благоразумием, когда успеем в некоторых местах, то поощрением, то обманом, то укоризною привесть Руских на Римлян; то все останутся в той мысли, что при помощи Божией, во всей стране Руской, к общему всех желанию будет процветать Римское вероисповедание...

Но поелику народ Украинский, Подольский и Волынский держась своего вероисповедания готов произвесть мятеж, то в таком случае, ежели трудно будет предавать смерти и по малочисленности Польских войск удержать мятежников... всех таковых ревнителей отдать в услугу Татарам, они скоро приберут их в свои руки, а оставшийся после них край заселить народом Польским и Мазовецким, не подумайте, чтобы Россия вступилась за Руских, когда они уже сделаются Униатами, ибо надобно знать, что Униатов более нежели нас ненавидят Руские и желали бы видеть их за отступление от раскола в крайнем несчастии. Впрочем, хотя бы и расположена была к Униатам Россия, все мы можем сделать ее и для них такою, какою захотим...»[143]

В Королевство Польское иезуиты были вызваны в 1565 г. кардиналом Гозием, архиепископом Варлийским (по данным Т. Габрусь, они впервые прибыли из Рима в Польшу в 1554 г.). Вслед за этим, в 1569 г., т.е. в год заключения Люблинской унии, они появились в Вильно. Здесь в 1570 г. была основана коллегия, а в 1579 г. состоялось учреждение иезуитской академии. Главным идеологом Контрреформации в Литве и Беларуси был первый ректор Виленской академии Петр Скарга. На территорию Беларуси иезуиты впервые прибыли в 1573 г. Целью путешествия была Орша — один из отдаленный восточнобелорусских городов. Следующим пунктом миссионерских интересов ордена в 1579 г. стал Полоцк. Однако только во второй половине XVII в. в десяти белорусских городах: Несвиже, Орше, Бресте, Пинске, Гродно, Витебске, Новогрудке, Минске, Слуцке, Жодишках — были созданы коллегии — специальные учебные заведения для воспитания молодежи.

Основными учебными дисциплинами, как уже говорилось, были теология, философия, греческий и латинский языки, математика и физика. Дополнительно в коллегии обучали многим светским навыкам: плаванию, верховой езде, фехтованию, танцам, владению игры на музыкальных инструментах (музыкальные бурсы), приемам театрального искусства. В дополнение к коллегиям существовало 5 резиденций с постоянным пребыванием иезуитов (Бобруйск, Могилев, Мстиславль, Слоним, Юровичи). Коллегии объединяли вокруг себя находившиеся в селах и местечках 75 миссий — места эпизодического пребывания иезуитов, необходимые в качестве форпостов для распространения влияния ордена среди сельского населения края[144].

Полный состав комплекса сооружений иезуитских коллегий включал костел, школу младшего и старшего отделений, театр, библиотеку, типографию, аптеку, шпиталь, богадельню. В отличие от монастырей других орденов не предусматривались кельи для монашеского бдения, отшельничества и уединенной молитвы.

Ватиканом в Литве в 1607 г. была утверждена особая «провинция иезуитов», включавшая все белорусско-литовские территории. В белорусских землях крупные иезуитские сакральные и учебные комплексы формировались, как правило, по одному в каждом отдельном городе или сельском поселении (в определенном смысле исключение составляли Несвиж и Слуцк), в то же время в Вильно — столице Великого Княжества Литовского их насчитывалось четыре.

Орден был упразднен во всех странах Европы решением Папы Климента XIV, подписавшего в 1773 г. буллу об иезуитах, после этого некоторое время орден сохранялся в одной только Российской империи. Учереждения иезуитов, разумеется, продолжали существовать главным образом на территориях, присоединенных по разделам Польши, т. е. в большей степени на белорусских землях. Екатерина II запретила обнародовать папскую буллу в «ее владениях». Такое решение было вполне последовательным в свете неоднократно провозглашаемой императрицей политики ненасильственного отношения к разным вероисповеданиям в пределах империи. Екатерина не скрывала, что во многом эти свободные взгляды складывались под влиянием произведений Вольтера, дружбу с которым она очень ценила. В помещенной в «Кельнской газете» за 1780 г. статье раскрывались мотивы высочайшего решения царицы о предоставлении убежища иезуитам: «...дабы открыть на севере счастливое убежище сим ревностным наук любителям, предопределившим себя по состоянию своему к распространению просвещения, и так принять их благосклонно и предоставить им другое отечество взамен того, из коего они изгнаны»[145].

В результате в 1773 г. в Полоцке был открыт новициат, а позднее полоцкий коллегиум был преобразован в иезуитскую академию. Только монаршим указом 1820 г. орден иезуитов был упразднен и оговорены условия их отъезда из России[146].

В Вильно самым первым является комплекс иезуитской академии при храме св. Иоанна (коллегия 1570 г.). Затем в XVII—XVIII вв. возводится комплекс иезуитского монастыря при костеле св. Игнатия (1622—1647) с помещением здесь новициата. Третий монастырь — св. Казимира на ратушной площади (костел 1604—1616; проект Д.М. Бернардони, руководил строительством его ученик по Несвижу, уроженец Минска, Иван Франкевич; завершением строительства руководил уроженец Слуцка Павел Бокша[147]). Наконец, монастырь св. Рафала за Неманом (костел 1752 г., фундуш строительства каменного храма Михаила Костика).

На территории Беларуси первый иезуитский костел и коллегиум были построены в частновладельческом городе Несвиже, который принадлежал Радзивиллам, одному из самых знатных, богатых и влиятельных магнатских княжеских родов Великого Княжества Литовского. Основателем его выступил маршалок надворный в.к.л, каштелян трокский, воевода трокский и виленский Николай Христофор Радзивилл «Сиротка». В отличие от своего отца, протектора иноверцев Николая Радзивилла «Черного», в 1553 г. основавшего в Вильно первую кальвинскую общину, Сиротка был ревностным католиком и покровителем иезуитов. Он уничтожил в Несвиже основанный отцом приход реформаторской церкви и велел разобрать деревянный кальвинский храм, решив на его месте возвести каменный католический костел.

Фундуш на основание несвижской коллегии иезуитов от 19 августа 1584 г. был утвержден 4 февраля 1585 г. на сейме в Варшаве королем Стефаном Баторием. Согласно этому документу, «иезуитам выделялись две площадки по сторонам улицы Водной. На восточной стороне улицы предполагалось возвести коллегиум с хозяйственными постройками, садом, огородом... на таких же размеров площадке с западной стороны в это время уже строился костел, что позволяло датировать начало его строительства приблизительно 1583—1584 гг.»[148].

В Несвиже базилика иезуитов была третьим на этом месте храмом. Здесь находился кальвинский храм, а в 1581 г. по распоряжению Сиротки был за-

137 Несвиж, гравюра Т. Маковского

ложен и вскоре возведен каменный католический костел. Это «сооружение имело план в виде равноконечного греческого креста с граненой алтарной частью»[149].

Существует мнение, что первоначальный проект был связан с византийской традицией храмостроения. Однако на самом деле пристроенные к кораблю пониженные боковые капеллы, придававшие плану сооружения форму греческого креста, нисколько не меняли базиликальную природу костела и четко сохраняли генетическую связь с католической архитектурой. В частности, аналогом первого проекта костела иезуитов в Несвиже может служить ранее рассмотренный костел францисканцев в Каунасе. Исходя из сказанного, можно предположить, что отказ от первоначального замысла строительства костела иезуитов в Несвиже связан не столько с каноническими противоречиями, сколько с новыми художественными веяниями храмового католического зодчества. Важную роль играли и амбиции ордена, заинтересованного в распространении собственного художественного образца храма в своих новых провинциях.

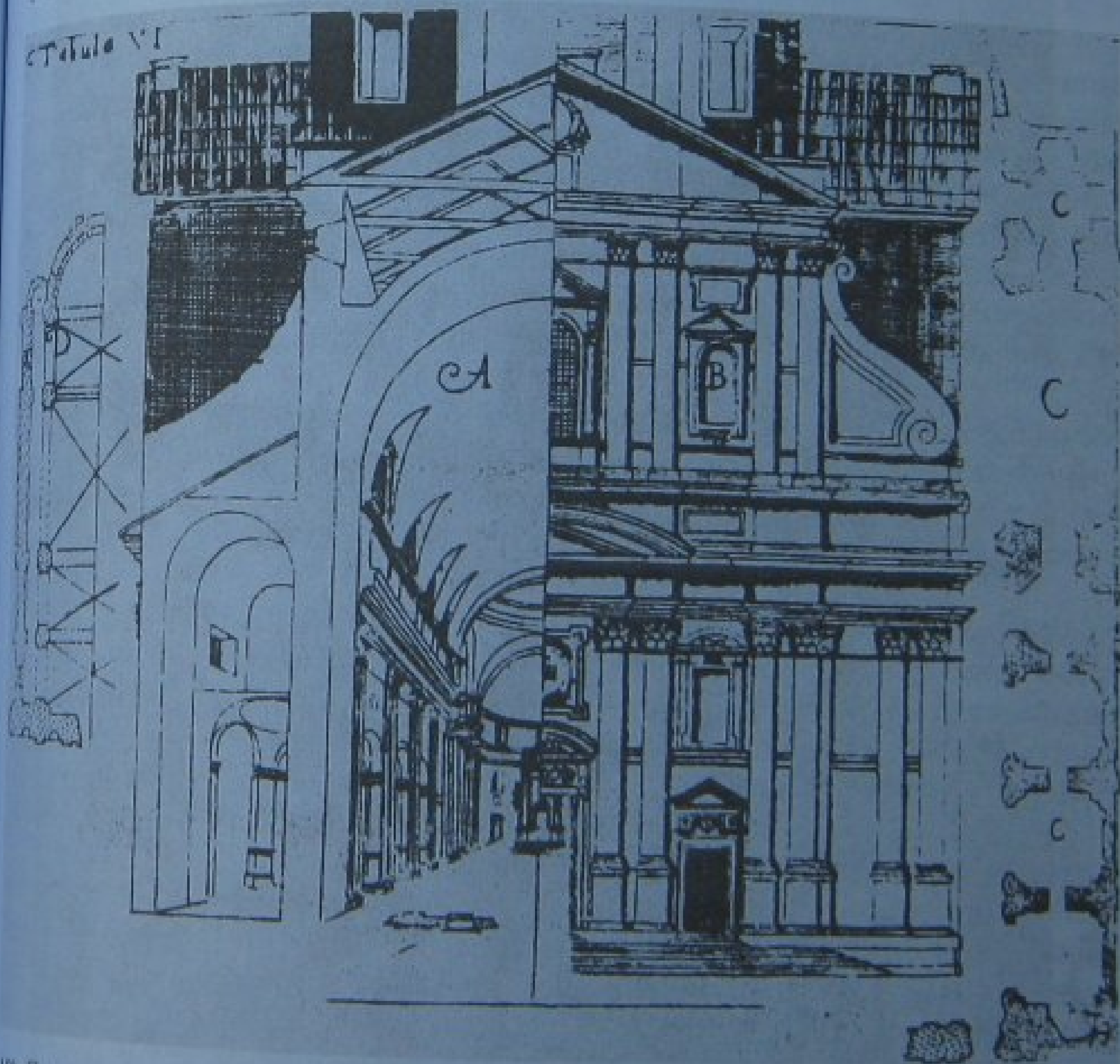
К только что построенному костелу предъявлялись претензии относительно небольших размеров и недостаточной пышности архитектурного решения. Действительно, после растянувшихся на два года раздумий монахи-иезуиты, провинциал (региональный генерал) ордена И. Кампано, заказчик и его брат, кардинал Юрий Радзивилл, пришли к совместному решению о сносе первого костела и строительстве нового. Как сказано в посланном в Рим письме И. Кампано от 26 июня 1586 г., «фундатор потребовал «возвести костел по нашему образцу»[150].

В основании коллегии также принимал участие постоянно находившийся в Ватикане при папском дворе генерал ордена Клавдий Аквавива. Проект костела иезуитов был разработан итальянским архитектором, родом из города Комо, учеником Виньолы во время строительства Иль Джезу, Джованни Мария Бернардони (1541–1605). Он вступил в закон иезуитов в 1563 г., а в 1582 г. отправился в Речь Посполитую, где возглавил строительство иезуитских костелов и коллегиумов, храмов других орденов. Одновременно с работами в Несвиже Бернардони строил костел в Калише и костел бригиток в Гданьске. В 1599 г. он был вызван для проведения работ при костеле св. Петра и Павла в Кракове, строившегося с большими погрешностями архитектором Бристусом. Упоминается, что на ход строительства Петропавловского костела в Кракове и св. Казимира в Вильно большое влияние оказывал Павел Бокша. Последняя работа Бернардони заключалась в проекте самого раннего костела и кляштора бернардинцев в Кальварии Зебжидовска (1603–1617)[151].

Бернардони прибыл в Несвиж по приглашению Радзивилла Сиротки в июле или августе 1585 г. Образцом для строительства костела была взята римская Иль Джезу (1568)[152], и в определенном смысле базилика иезуитов в Несвиже является уменьшенной копией знаменитого римского храма. Ширина несвижского костела составляет около 24 м, т. е. 2/3 ширины Иль Дже-

зу, кроме того, храм в Несвиже по отношению к образцу укорочен на один пролет в длину.

Освящение краеугольного камня при закладке костела в Несвиже происходило 14 сентября 1587 г. Недавно найденные чертежи плана несвижского костела иезуитов, датируемые второй половиной 1580-х гг., позволяют оценить первоначальный архитектурный замысел иезуитского храма. В отличие от дошедшего до нас сооружения вначале не было боковых капелл, но на месте нынешних входов в боковые капеллы уже изначально предусматривались дверные проемы. В нартексе были запроектированы встроенные круглые башни с винтовыми лестницами, ведущими на эмпоры, предназначенные для учеников школы. (Эмпоры, или боковые, хоры были разобраны в 1705 г.) Первоначальным проектом предусматривалось придать прямоугольную форму окнам центрального нефа и барабана купола.

158 Проект костела типа иезуитского, опубликованный в пособии по архитектуре для учебных курсов коллегии иезуитов 1678 г.: В.Н. Вансовский. «Callitectonicarum». Tabl.VI. (по Т. Зарембской)

Средний неф храма перекрыт цилиндрическим сводом с люнетами, боковые нефы — крестовыми сводами. Строительство костела было закончено и первая служба совершена в 1593 г., в присутствии Бернардони, храм посвящался имени Божьего Тела. За всю историю своего существования костел не подвергался серьезным разрушениям и кардинальной перестройке. Изменения касались главным образом внутреннего убранства храма.

Впоследствии основными пожалованиями костела и коллегии явились фундуши Михаила Радзивилла (1604) и виленского воеводы Карла Радзивилла (1761).

159 Костел иезуитов в Несвиже (1587–1593), главный фасад

Поначалу главный алтарь был создан на пожалования младшего брата Сиротки Альберта Радзивилла, в 1671 г. его сменили новым, еще раз замененным в 1701 г. Сам Сиротка фундовал алтарь св. Казимира в северном крыле трансепта. Среди других известно об алтаре св. Игнатия, установленном в 1636 г. В 1678–1680 гг. купол покрыли медью. Приготовленная для этих целей жесть на протяжении тридцати лет хранилась в подземном склепе. В 1677 г. княгиня Катарина, родом из Собесских, фундовала великолепный цибориум, покрытый серебряными бляхами, и алтарь св. Франциска Ксаверия, образ которого впоследствии был обновлен (1706).

В начале XVIII в. велись обширные работы по украшению храма. В 1706 г. центральная часть главного алтаря украшается скульптурными фигурами Матери Божией Латеранской и расположенных по сторонам от нее св. Михаила и св. Ангела Хранителя (1745); фигура Божией Матери была изъята из главного алтаря и помещена в каплице конгрегации учеников в здании коллегиума.

В 1705 г. разбираются хоры и пристраиваются боковые калицы св. Петра и св. Андрея, при этом одновременно положены привезенные из Крулевца мраморные плиты в пресбитерии. В 1714 г. на пожалования Казимира Мавского был создан алтарь св. Барбары с фигурами и сценами Страстей Христовых. В 1722 г. появился симметричный предыдущему алтарь св. Магдалины, позднее позолоченный. В 1739 г. на средства ксендза Михаила Казимира под хором поставлены два малых алтаря стуковые с алебастровыми фигурами — св. Флориана на горе и хранителей от заразы св. Роха и св. Себастьяна.

В 1724 г. был построен фонарь на куполе, в связи с чем основательно было исправлено покрытие храма. Основное покрытие было закончено в 1736 г., а на сакритиях и капеллах св. Петра и св. Андрея — в 1740 г. В этом же году на фасаде были установлены скульптурные фигуры св. Игнатия и св. Ксаверия.

1750–1753 гг. стали временем коренной реновации внутреннего убранства костела, осуществлявшейся по инициативе кн. Михаила Казимира Радзивилла «Рыбеньки». Всеми работами руководил архитектор Казимир Жданович. Заново были оштукатурены стены, увеличены окна, все деревянные алтари заменены стуковыми, все стены были покрыты живописью[153]. Современники относили несвижский костел к наилучшим в Литве.

Главный алтарь создан по чертежам и при участии архитектора и художника Маурици Педетти, прибывшего из Северной Италии (1719–1799)[154]. Фрески на сводах центрального и боковых нефов, в пресбитерии, трансепте, нартексе, боковых каплицах и в куполе исполнены в стиле барокко в 1750–1770-е гг. с участием художника К.Д. Гесского (реставрация 1900–1902). Мраморные алтари в крыльях трансепта украшены скульптурой, в главном алтаре помещена картина К.Д. Гесского «Тайная вечеря» (1753). В костеле находились надгробия XVII–XIX вв., в крипте устроена

160 Фрагмент бокового фасада костела иезуитов в Несвиже

капница св. Креста и фамильная усыпальница кн. Радзивиллов. Общий объем костела остался неизменным, о чем свидетельствует перспективное изображение Несвижа начала XVI в. Т. Маковского; изменению подверглись только детали.

Фундаментальные исследования по несвижскому костелу иезуитов и введению его в контекст архитектуры Речи Посполитой были проведены польским ученым Ежи Пашендой. По его мнению, этот памятник является первым храмовым сооружением на территории государства того времени, получившим в плане форму латинского креста с куполом над трансептом

[illegible] Костел иезуитов в Несвиже, разрез (по Е. Пашенде).

и безбашенным барочным фасадом. Эти черты делали его похожим на римский храм Иль Джезу. Отмечаются и существенные отличия, так план несвижского костела имеет только три нефа, по сравнению с образцом отсутствуют боковые линии капелл.

По сравнению с другими постройками иезуитов несвижский костел значительно ниже не только таких крупных костелов, как в Люблине, Вильно и Кракове, но и по сравнению с костелами, по размерам близкими несвижскому, к примеру, в Калише. Соотношения ширины центрального нефа к высоте в Несвиже составляет 10×17,8 м, в Калише — 10,3×20,3 м. Пропорционирование внутреннего пространства и фасада несвижского костела сближает его в большей степени с храмами итальянскими, нежели польскими. От фасадов иезуитских костелов в Калише, Люблине и Львове, скомпанованных в одной пластике, несвижский храм отличается подчиненностью крайних звеньев осевому направлению, а также подчинением осевому началу построения композиции фасада. Композиция фасада несвижского костела наиболее приближается к краковскому, за исключением упрощенных деталей, что в большей степени объясняется итальянским влиянием.

Передние стены трансепта разработаны как двухчастные с парными окнами и пилястрами посредине. Такое редко встречаемое решение можно видеть в костеле св. Казимира в Вильно, построенном учеником Бернардони Франкевичем, а также в краковском костеле св. Петра и Павла, основной объем которого создал Бернардони[155].

Костел, как и весь город Несвиж, серьезно пострадал во время захвата его казаками в 1654 г., а затем войсками русской армии в 1659 г. Храм восстанавливался под руководством профессора математики из Вильно, инженера Освальда Кригера[156]. В 1773 г., после упразднения закона иезуитов, костел был преобразован в парафиальный, в таком качестве он остается до наших дней.

Перед костелом, со стороны въезда на мост, ведущего к господскому замку, стоит кирпичная неоштукатуренная звонница. Время строительства ее неизвестно, но, согласно рисунку Маковского, она появилась не позднее костела. Возможно, для колокольни была использована одна из старинных въездных башен при воротах, ведущих в замок. По иезуитским хроникам в ней в 1635 г. был помещен большой колокол и повторно другой большой колокол в 1700 г. Башня восстанавливалась дважды, после разрушений, нанесенных казаками (1655), и позднее (1678–1680) (цв. ил. XII). Симметрично колокольне, с другой стороны от костела, возле улицы находится отдельно стоящая каплица, в крипте которой была помещена гробница Булгарина. Часовня построена в 1744 г., а на следующий год в ней была установлена фигурка Божией Матери Ленчицкой, которая до того времени находилась в коридоре-переходе из костела в коллегиум. Часовня предположительно была построена по проекту архитектора М. Падетти[157].

Костел возводился в едином ансамбле с каменным коллегиумом, располагавшимся непосредственно за костелом, но не связанным с ним крытым

встроенным переходом. По одним источникам, проект коллегиума составлялся на месте, в Несвиже, а затем уже отсылался на утверждение в Рим. По другим — проект был подготовлен в Риме (генеральным архитектором в то время был Джованни Россис), а затем уже отослан в Несвиж. Заказчик пожелал увеличить внутренний двор до 23,0×23,0 м вместо 17,4×20,2 м, а также в соответствии с местной традицией сделать отдельный выход из школы, минующий помещения монастыря.

Строительство коллегиума началось в 1586 г., когда сюда приехал кардинал Кампано, а значит, еще до приезда Бернардони, задержавшегося в Люблине в связи с заложением там фундаментов храма. Возведение коллегиума было завершено, по мнению Ростовского, уже в 1588 г. Согласно другим источникам, в 1599 г. была завершена четвертая часть комплекса. После отъезда из Несвижа Бернардони строительство коллегиума завершал Франкевич. Коллегиум неоднократно подновлялся и перестраивался после военных разрушений (1655 и 1660), пожара (1693) и т.п. Школа здесь размещалась до 1773 г., а затем была переведена в кляштор доминиканцев. В 1835 г. в здании коллегиума устроили казармы, и вскоре комплекс коллегиума был окончательно уничтожен рядом пожаров (1836, 1843, 1888)[158].

Одновременно с костелом Божьего Тела в двух верстах от Несвижа иезуиты построили костел св. Рафала (1584–1593). Позднее они предприняли строительство второго коллегиума в Несвиже при костеле св. Михаила, в 1732 г. его заканчивал Казимир Зданович[159].

Этот костел располагался на центральной рыночной площади города, позади ратуши, и при нем находился доминиканский кляштор. После упразднения коллегиума при костеле Божьего Тела иезуиты осуществляли свою деятельность при костеле св. Михаила. В 1790 г. они предприняли его реставрацию, работы вел геометр и строитель князя Кароля Радзивилла Коханки в Несвиже Леон Лютницкий. Одновременно он реставрировал деревянную униатскую церковь в Несвиже[160].

Вторым по времени центром начала деятельности иезуитов в Беларуси стала столица древнего Полоцкого княжества. В Ливонскую войну, во время очередного похода польского короля Стефана Батория против царя Ивана IV, в 1579 г. польско-литовские войска взяли Полоцк. В этой связи Стефан Баторий обратился к ректору Виленской иезуитской академии Петру Скарге с просьбой о немедленном командировании в город миссионеров Общества Иисуса. Уже 2 июля 1580 г. в Полоцке закладывается орденский дом, указ об основании которого издается задним числом. В 1582 г. официально оформляются королевские пожалования на основание резиденции, которая в 1585 г. преобразуется в коллегию.

Иезуитам были переданы значительные участки городских земель: плац «Волкова вежа» в Верхнем замке; остров на Двине, где прежде помещался княжеский двор и православный монастырь Иоанна Предтечи; территория возле площади рынка, между замком и городом. Последний из названных

участков принадлежал кальвинистам, которые в связи с королевским указом лишились права на эту землю. Основная часть пожалований заключалась в предоставлении иезуитам восьми православных монастырей и девяти церквей со всей принадлежавшей им собственностью[161].

Таким образом, иезуиты получили все православные храмы за исключением св. Софии. «Для коллегиума король предложил иезуитам место на острове Двины, где прежде был Иоанно-Предтеченский монастырь, а для жительства — бывший Петропавловский монастырь в Верхнем замке. Замок король также отдал иезуитам. Однако иезуиты нашли это место неудобным для себя...»[162]

Православные жители и кальвинисты города не подчинились указу и под началом воеводы Николая Дорогостайского в 1587 г. обратились за помощью в восстановлении своих прав к решению сейма. Но борьба за пересмотр названных королевских пожалований не увенчалась успехом.

Существовало предание о предзнаменовании, случившемся во время вступления иезуитов во владение Петропавловским монастырем в полоцком замке: «В праздник св. апостолов Петра и Павла Петр Скарга, смотря из замка издали на улицы и дома города, заметил площадь и на ней храм, посвященный Фотианскому обряду блаженным апостолам Петру и Павлу, а близ него жилые строения, обладатели которых, как бы предупрежденные и пораженные неведомо каким страхом, без сопротивления уступали их входившим гостям и постепенно переселялись в другие места...»[163]

Для определения места строительства иезуитского костела и кляштора король Стефан Баторий отправил в Полоцк литовского подскарбия Федора Скулина, который составил необходимые чертежи для возведения первых домов, хозяйственных строений ордена, разбивки садов. Место размещения полоцких иезуитов было выбрано в соответствии с правилами, которых они традиционно придерживались при основании своих коллегий, резиденций, миссий, орденских домов в коронных городах. Иезуитские сооружения в Полоцке разместились между замком и располагавшимся в центре главного посада торжищем. Монастырский ансамбль как бы фланкировал главный въезд в замок и одновременно занял господствующее положение на рыночной площади города.

Первые сооружения иезуитского костела и кляштора были деревянными. Строительство велось под руководством членов ордена, в 1625–1632 гг. работы возглавлял уроженец Мазовии и земляк Скарги, мастер столярного, слесарного и малярного дела Валенты Будак. В 1625–1626 гг. в Полоцке преподавал архитектор, родом из Восточной Пруссии, Освальд Крюгер (около 1598–1655), параллельно работавший над созданием костела св. Игнатия в Риме[164]. Под руководством преподававшего в полоцком коллегиуме Матея Скарбевского здесь был организован театр, ставивший драмы на исторические, библейские, античные сюжеты.

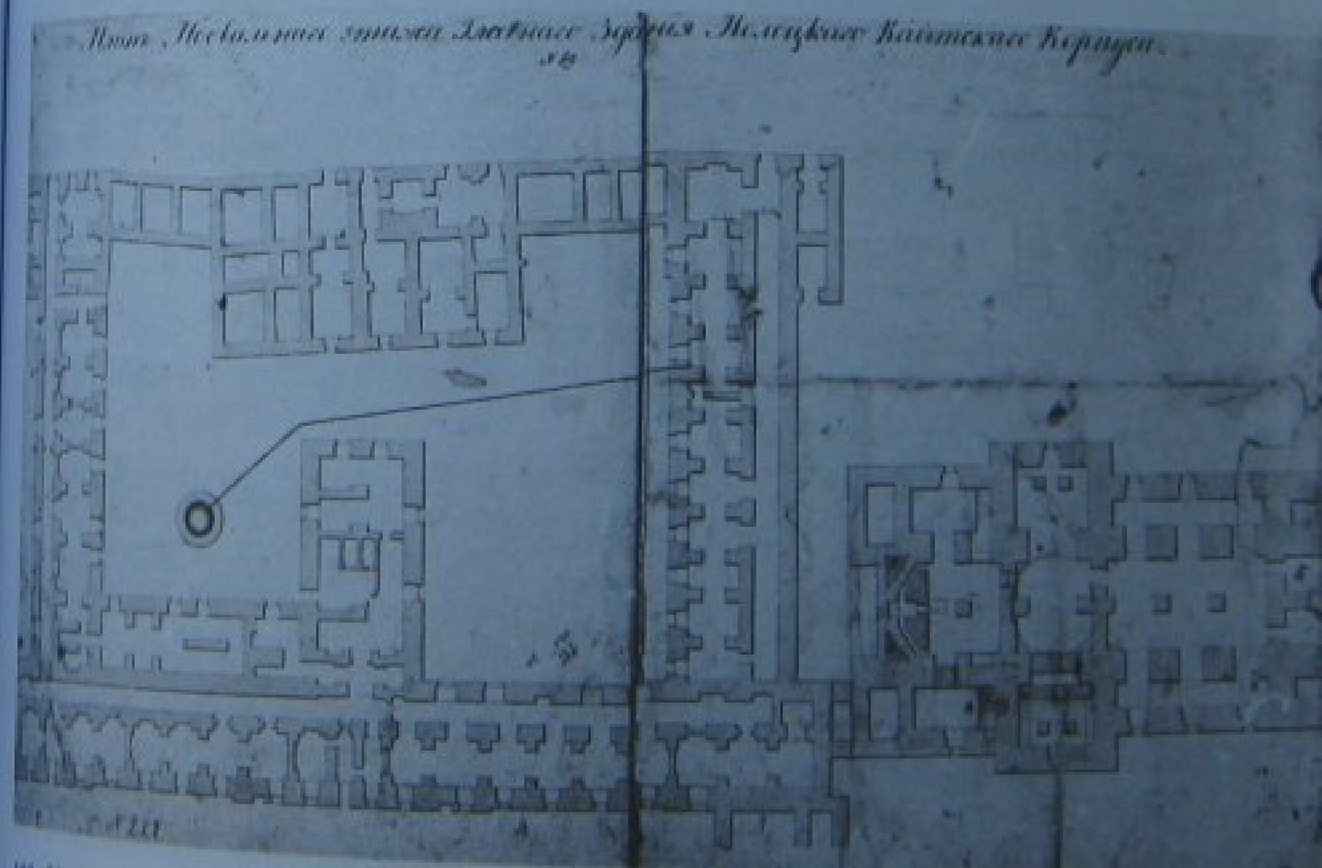
К началу XVIII в. иезуитский костел св. Стефана близ Верхнего замка Полоцка, коллегиум и другие постройки почти полностью пришли в негод-

ность. Сильные разрушения принес пожар 1641 г., а после взятия Полоцка в 1663 г. войсками царя Алексея Михайловича иезуитский костел подвергся окончательному разорению: «...православные жители города и духовенство разобрали иезуитский костел и из добытого материала выстроили двор для владыки»[165].

Между тем значение полоцкой коллегии продолжало расти. Коллегия постепенно становилась крупнейшим землевладельцем и начала оказывать огромное влияние на хозяйственную, культурную и религиозную жизнь в крае. По инвентарю 1623 г. ей принадлежали 3 местечка и 87 деревень с населением до 10 тысяч жителей, в ее ведении находились 16 костелов и 10 миссионерских пунктов. По данным 1726 г., полоцкие иезуиты основали в своих владениях 15 костелов и 22 униатских церкви[166].

Для строительства нового каменного костела, кляштора и других входящих в комплекс монастыря построек польский король Ян-Казимир полностью передал полоцким иезуитам участок до Черного ручья, огибавшего подножие Верхнего замка, то есть участок, частично занятый кальвинским збором. В годе застроенная иезуитами территория увеличилась до 0,7 гектара.

Новый костел возводился по проекту итальянского архитектора. В 1733–1735 гг. его строительство началось под руководством выходца из Варшавы архитектора Казимира Мателаковского (1671–1740), ранее, в 1713–1715 гг., преподававшего в полоцком коллегиуме. Каменные стены на ранее заложенных фундаментах возводились в 1738–1746 гг. под началом каменных дел мастера, родом из Баварии, Бенедикта Месмера[167].

182 Коллегия иезуитов в Полоцке (1585, 1733–1746), план костела и кляштора (РО ВГУ)

Храм был освящен в 1745 г. во имя св. Станислава. Подробное описание костела и коллегиума на основании архивных материалов составлено Е. Квитницкой. Трехнефная базилика с трансептом, над средокрестием которой устроен купол на высоком барабане. Главный фасад представлял собой двухбашенную композицию. Наружное архитектурное оформление очень сдержанно, почти скупо, но общие размеры сооружения (24×47 м в плане) и его стройные пропорции придают костелу особую выразительность, устремленность вверх. Степень декоративной обработки фасадов увеличивается по направлению вверх вместе с уменьшением размеров отдельных элементов. Благодаря этому костел не перегружен, как многие современные ему памятники, декоративными элементами, и в то же время ему присущи высотность и вертикализм, характерные для «виленского барокко». По описям известно, что алтари базилики были богато украшены стуком и живописью, позолоченной и посеребренной медью, а своды и стены расписаны фресками, пол покрыт тесаным камнем, в пресбитерии в шахматном порядке чередовались черные и белые мраморные плиты. (Из документов иезуитского архива в Волькенбурге (Голландия) следует, что во второй половине XVIII в. в Полоцке мастером по резьбе работал иезуит Лазуревич, а живописцем был иезуит Морелевский. Кровля состояла из медных листов. На башнях находились колокола и часы с боем. Часы работы виленского мастера Густава Мудни погибли при разборке башен в 1836 г.)

Каменный коллегиум в Полоцке был самым большим среди монастырей Беларуси. До пожара 1750 г. к огромному каменному костелу примыкали деревянные постройки. Затем на месте сгоревших корпусов возвели каменные. Высокие грунтовые воды заставляли принимать особые меры при строительстве: в основание главного здания были заложены подземные каменные водостоки, дренирующие почву, в стенах устроены вентиляционные ходы, подвалы снабжены водоспусками. Громадный Е-образный в плане трехэтажный коллегиум занимал площадь 7180 кв.м[168].

При главном входе в коллегиум был разбит регулярный террасированный сад, по береговому склону спускавшийся к Двине. Вестибюль парадного входа «сообщался с большой парадной (летней) трапезной, помещавшейся в среднем выступе коллегиума. Выступ имел ту же высоту, что и прочие трехэтажные части коллегиума. К трапезной примыкала одноэтажная кухня. Полы в трапезной были деревянными только возле стен. Посредине они были кафельными с отопительными каналами. Стены были увешаны картинами, амвон справа от входа отделан стуком. Над трапезной находился музей с библиотекой, содержавшей в разных шкафах с позолоченными бюстами более 23 тысяч томов. Остальные помещения были разделены кирпичными стенами. Сообщение осуществлялось по огибающему все здание коридору. Перекрытия всех этажей — сводчатые. Крыши крыты черепицей. В кирпичных и изразцовых полах проложены отопительные каналы. Камины и печи почти не применялись»[169].

XXI Костел доминиканцев в Новогрудке (первая половина XVIII в., 1751), главный алтарь

XXII Костел доминиканцев в Ружанах (1615, 1787), главный алтарь

XXIII Костел доминиканцев в Ружанах, хоры

XXIV Костел иезуитов в Гродно (1685, 1647—1663, 1667), центральный неф и главный алтарь

XXV Костел иезуитов в Гродно, хоры

XXVI Костел иезуитов в Минске (1657, 1700, 1750), центральный неф и главный алтарь

XXVII Бригитский монастырь в Гродно (1632, 1642–1651)

XXVIII Северный портал храма бригитского монастыря в Гродно

Значительные строительные работы велись в последней четверти XVIII в. под руководством профессора архитектуры Габриеля Ленкевича. Параллельно продольной оси костела, с юга, через улицу строится трехэтажный, без подвалов, корпус, оконченный к 1778 г. В первом этаже находилась типография с книжной лавкой, во втором — училище, в третьем — театр с уборными для актеров. Для возросшего количества учащихся с северной стороны костела пристраивается двухэтажный конвикт (общежитие), повернутый в плане под прямым углом от костела к ранее построенному главному зданию. В 1780 г. в Полоцк приезжает Екатерина II. К этому времени отстраиваются в камне все одно- и двухэтажные здания хозяйственного двора. Они располагаются вдоль рва нижнего замка, поворачивают к югу и заканчиваются двухэтажным флигелем с воротами, ведущими на мост к Верхнему замку. Около этого флигеля находилась аптека с лабораторией и сушильней (на чердаке) для трав. В подвалах аптеки был колодец, соединенный системой водопроводных труб со всеми нуждающимися в воде производственными помещениями и с другими монастырскими колодцами. Наряду с характерными для монастырского хозяйства амбарами, конюшей, каретником, пекарней, коптильней, пивоварней, здесь были мастерские (слесарная, токарная, столярная) и суконная фабрика[170].

Таким образом, разветвленная система монастырских сооружений коллегии представляла огромный по размерам учебно-хозяйственный комплекс, способный на независимое и полное самообеспечение. Он был блестяще оборудован для обучения наукам, а также всевозможному художественному, строительному, ремесленному мастерству и экономическим навыкам.

Много проектировавший для коллегии Г. Ленкевич одновременно был, очевидно, одним из самых блестящих преподавателей за всю историю полоцкой коллегии. Будучи учеником Томаша Жебровского, Ленкевич, можно сказать, создал собственную архитектурную школу, воспитал известных в будущем архитекторов, таких, как Франтишек Карой, Василий Шляхта и др. Из описаний коллегиума конца XVIII – начала XIX в. известно, что курс архитектурного обучения проводился по двум факультетам: гражданской и военной архитектуре. Лучшие ученики отправлялись на стажировку за границу. В музее хранились 484 архитектурные гравюры. В «архитектурном кабинете», где обучали рисованию и архитектурному проектированию, находились многочисленные модели ордеров, конструктивных узлов, образцов фундаментов, модели устройства плотин, строительства домов, установки памятников т. д.

После упразднения Виленской академии иезуитов центром ордена стала Полоцкая коллегия. Здесь вновь обращенные служители закона проходили новициат. В 1812 г. коллегия была преобразована в иезуитскую академию наук и приравнена к университету. В Полоцке работал будущий генерал ордена, архитектор и математик Габриель Грубер. Он родился в Словении, в орден вступил в Австрии и был придворным физиком при австрийском императоре

163 Главный фасад коллегии иезуитов в Полоцке (РО ВГУ)

164 Вид на полоцкую коллегию иезуитов со стороны реки Двины, фото начала XX в.

Иосифе II. В Варшаве он по заказу короля Августа выполнял живописные работы. В 1784 г. (по другим источникам, в 1785 г.) Грубер прибыл в Полоцк, преподавал и вскоре занял место ректора коллегии. По его инициативе был построен новый корпус, соединивший главный и театральный корпуса. В нем разместились основанные Грубером физико-математический музей, кабинет практической химии, картинная галерея, обсерватория и специализированные кабинеты: архитектурный, физический, естественно-историческкий, минералогический, этнографический и другие. Рядом с этим корпусом был сделан вход в коллегиум. Южнее аптеки дополнительно были построены два флигеля: бурса и богадельня.

165 Портрет Г. Грубера, неизв. худ.

Профессиональный художник, Грубер расписал зал театра перспективной живописью на религиозные сюжеты. В царствование Павла I Грубер был назначен ректором коллегии иезуитов в Санкт-Петербурге и в 1802 г. стал генералом ордена. Он оказывал заметное влияние на церковную политику России. Усилиями Грубера с поста католического митрополита был смещен и отправлен в свое родовое имение под Могилевом Станислав Богуш-Сестренцевич, а на его место заступил рекомендованный генералом ордена Бениславский. Грубер погиб при загадочных обстоятельствах в собственной квартире во время пожара, уничтожившего дом иезуитов в Петербурге. Грубер был погребен в полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре, в то время использовавшемся в качестве резиденции генерала ордена.

После высылки иезуитов из России монастырский комплекс был передан ордену пиаров, с условием сохранить здесь учебное заведение. Последствием событий восстания 1830 г. явился отъезд пиаров из Полоцка в Вильну. В 1836 г. в зданиях полоцкого коллегиума разместилось военное учебное заведение кадетского корпуса.

Следующим по времени местом обоснования иезуитов был Гродно, один из крупнейших и политически значимых городов западнобелорусских земель. Инициатором основания иезуитской коллегии в Гродно выступил король Стефан Баторий. В 1585 г. для этой цели он пожаловал имение Кунджин и 10 тыс. злотых. Баторий дважды посещал Гродно и скончался здесь в доме напротив главного (фарного) костела и через улицу от костела иезуитского. После королевской фундации последовали частные пожалования, которые

вносили фамилии знатной белорусско-литовской шляхты и духовенства. Однако иезуитская миссия в Гродно была создана не сразу, а только в 1622 г., в 1625 г. преобразована в резиденцию, а в 1664 г. переведена в ранг коллегии. Коллегия объединяла 7 миссионерских пунктов. Школа основана в 1665 г. Станиславом Козалуцким. Конституцией «вального» сейма 1778 г. все движимое и недвижимое имущество освобождалось от всех земских сборов и от военных налогов[171].

Монастырский комплекс расположен на площади рынка, началом строительства коллегии считается время основания ее польским королем Стафаном Баторием в 1585 г.

Каменный костел построен в 1647–1663 гг. Франциском Далматом-Исайковским, освящен в 1667 г. епископом виленским, кн. Александром Сапегой во имя св. Франциска Ксаверия (знаменитого проповедника христианства в Китае и Японии XVI в.). Трехнефная купольная базилика с трансептом, размером в плане 30×60 м, высотой более 50 м. Башни главного фасада перестроены в середине XVIII в. и получили сложные барочные формы. Одновременно в стиле барокко была изменена архитектура фасада в целом — трехъярусный двухбашенный фасад разделен горизонтальными поясами антаблементов и кар-

166 Коллегия иезуитов в Гродно (1585, 1647–1663, 1667), рис. Н. Орды

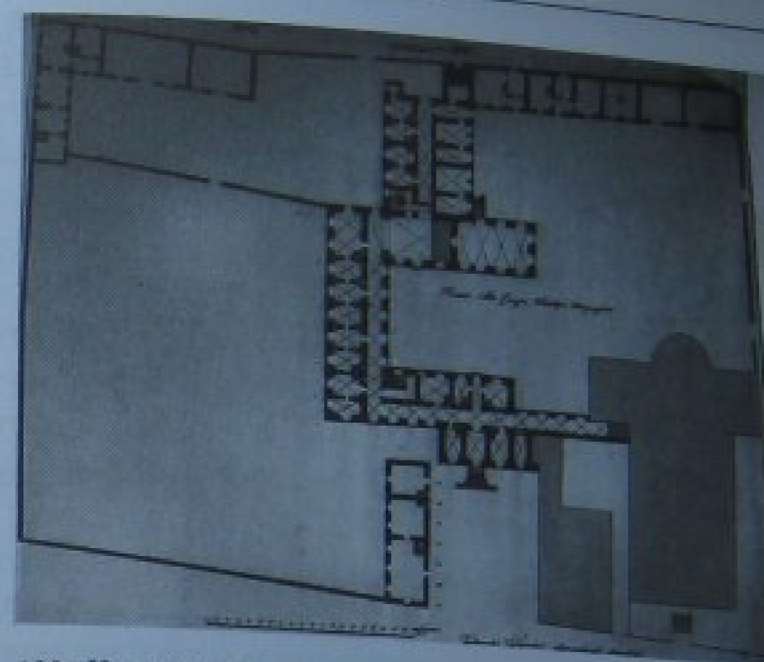
167 Фрагмент бокового фасада костела иезуитов в Гродно

низов, а по вертикали двойными пилястрами сложного профиля, кроме того, его украшали прямоугольные и арочные ниши и проемы со скульптурой. Со стороны полуциркульной в плане апсиды пристроены две каплицы, завершенные сферическими куполами. Боковые фасады решены в строгих формах раннего барокко: раскрепованы двойными пилястрами, тонкими карнизными поясами, прорезаны большими лучковыми и арочными оконными проемами.

В интерьере центральный неф отделен от боковых нефов двумя аркадами на опорных столбах. По периметру центрального нефа над антаблементом устроена галерея с балюстрадой. При входе — хоры с органом. Фресковая живопись середины XVIII в. состоит из 14 сюжетных композиций, которые помещены в арочных нишах. Цикл росписей фриза посвящен патрону костела св. Франциску Ксаверию; на сводах фигуры четырех евангелистов. Особенностью системы росписей храма, как отмечают исследователи, является асимметричная композиция фресок, вписанных в прямоугольные и вытянутые по горизонтали рамы. Единый ансамбль художественного убранства интерьера формируют главный, восемь кулисных и три боковых алтаря, амвон. Главный алтарь сделан в 1736 г. из тонированного под мрамор дерева в стиле позднего барокко, имеет трехъярусную композицию со множеством коринфских колонн и пилястр, раскрепованными антаблементами, украшен накладной резьбой, скульптурными изображениями апостолов, евангелистов и др. Овальное окно над главным алтарем в пресбитерии повторяет оформление светового проема над алтарем собора св. Петра в Риме, исполненного Бернини. Аналогично решены кулисные алтари. Один из алтарей южного нефа выполнен в начале XIX в. в технике стука и стиле классицизма. Амвон в стиле рококо поддерживается консолью в виде раковины, выполнен в середине XVIII в. Балдахин декорирован скульптурными изображениями евангелистов, ангелов, амуров, богатой золоченой резьбой[172] (цв. ил. XXIV, XXV).

Комплекс сооружений гродненских иезуитов занимал один из кварталов возле рыночной площади. Храм ориентирован алтарем на восток и получил угловое положение в застройке квартала, главным фасадом он обращен к площади. Первыми каменными сооружениями кляштора стали двухэтажное здание аптеки и здание школы, своими торцевыми фасадами помещенные на красной линии улицы. Здание коллегиума первоначально отстояло от храма и помещалось к юго-востоку от него. Окончательно комплекс иезуитов сформировался в XVIII в., когда каменные корпуса коллегиума с библиотекой сложились в сложную систему корпусов, соединенных переходом с костелом. Непрерывная, ломаная линия корпусов с северной стороны примыкала к каменной ограде, образуя замкнутый двор сложной конфигурации в плане. Для хозяйственных служб был отведен юго-восточный угол квартала[173].

Важным пунктом для иезуитов была Орша, занимавшая центральное положение между Витебском и Могилевом в восточных областях государства.

168 Кляштор иезуитов в Гродно, обмеры XIX в. (РГИА)

В 1590 г. здесь была основана резиденция. Подобно другим первым пунктам активной деятельности иезуитов в Беларуси, начало их пребывания в Орше было ознаменовано вытеснением протестантов. Лев Сапега приобрел участок, прежде занимаемый кальвинским збором, и передал его иезуитам для строительства костела.

Первым прабощем (настоятелем) костела стал присланный из Вильно Яков Лаурент. Оршанская резиденция иезуитов усилиями, прежде всего, королевской власти в 1612 г. преобразуется в коллегию. Главным фундатором выступает король Сигизмунд III (1609, 1612, 1616). Коллегия утверждена Папой Павлом V, затем сеймом 1616 г. Крупные пожалования в монастырь внесли польский король Владислав IV (1634), ксендз Мартын Сикорский-Кокошка (1635); коллегия осуществляла и собственные приобретения (1730). Оршанской коллегии подчинялись Фашчов (Фащевка), Погосте с 200 душами крепостных. В 1789–1802 гг. над постройками полоцких иезуитов работал Томаш Жебровский[174].

Коллегия иезуитов располагалась в центре Орши, возле замка и занимала обширный участок полигональной в плане формы. Соединенные между собой костел и кляштор были смещены в западную часть двора, и костел открывался в сторону замка, а также первоначально существовавшей при входе в замок площади рынка. Замкнутый двор коллегиума был обращен в противоположную сторону, к новому рынку, сложившемуся к востоку от монастыря иезуитов. Портал главного входа в коллегиум был украшен высоким многоярусным, барочным щитом. В состав монастыря входили также школа, бурса, аптека, хозяйственные службы. Монастырский двор был обнесен каменной оградой[175].

Первоначально постройки монастыря были деревянными. Упоминается о фундации каменных костела и двухэтажного здания коллегиума королем Яном Собесским в 1690 г., но более определенных сведений об этом этапе строительства не сохранилось. Известно, что каменный костел во имя Архистратига Михаила был заложен в 1741 г., осуществлялся по проекту архитектора Фонтана. В 1746 г. строительство было приостановлено в связи с браком фундаментов, затем возобновили работы в 1749 г. и завершили их в 1757–1758 гг., руководил строительством Бенедикт Месмер[176]. Костел — шестистолпная бескупольная зальная базилика с отчетливо выявленным трансептом. План храма име-

ет форму латинского креста, пресбитерий завершается плоской стеной. В храме помещались пять алтарей: Архистратига Михаила, Рождества Богородицы, Распятия Иисуса Христа, св. Иеремии, св. Игнатия[177].

В 1822 г. школа и приход иезуитов в Орше были переданы монахам-доминиканцам, коллегиум преобразован в уездное училище, а костел в 1825 г. передан православной церкви. Проект последующей перестройки храма принадлежал архитектору А. Блонди (1835)[178].

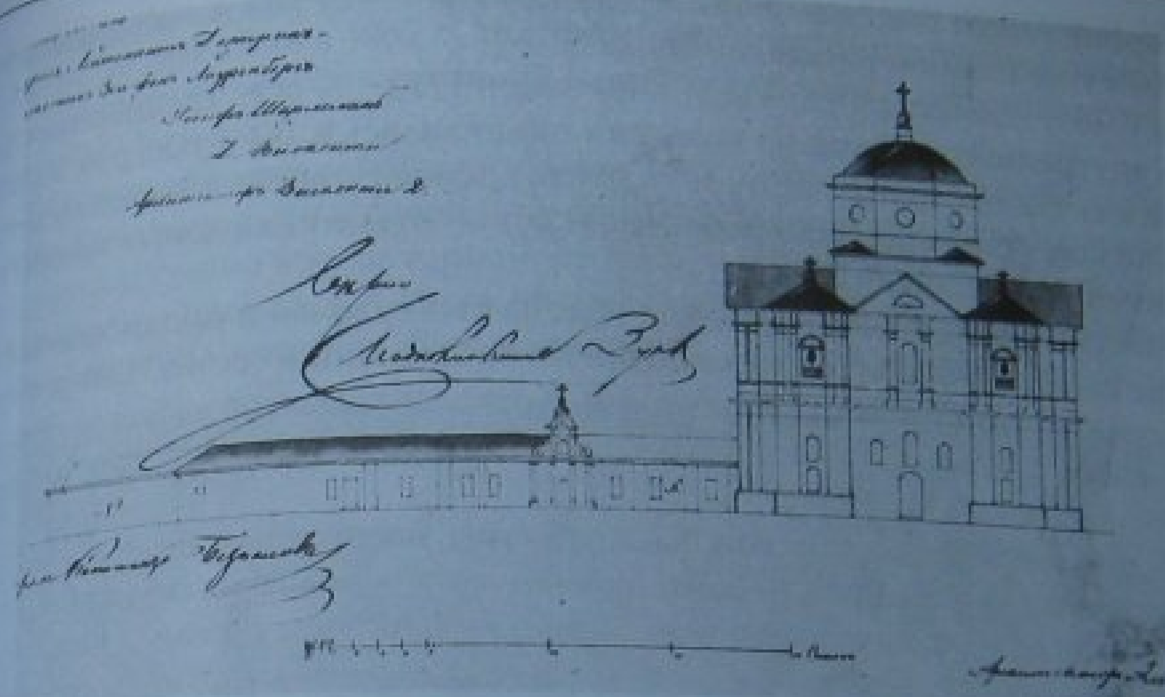
Создание учреждений иезуитов в Бресте связывают с именем епископа луцкого Павла Валуцкого. Совместно с виленским епископом Валерианом Протасевичем Шумковским он вызвал иезуитов в Брест, и первым делом ими была захвачена кальвинская типография[179]. Пожалования Валуцкого положили начало основанию в 1616 г. миссии, в 1620 г. ее преобразовали в резиденцию, а в 1629 г. — в коллегию иезуитов (по другим данным, коллегиум основан в 1623 г. Казимиром Львом Сапегой)[180].

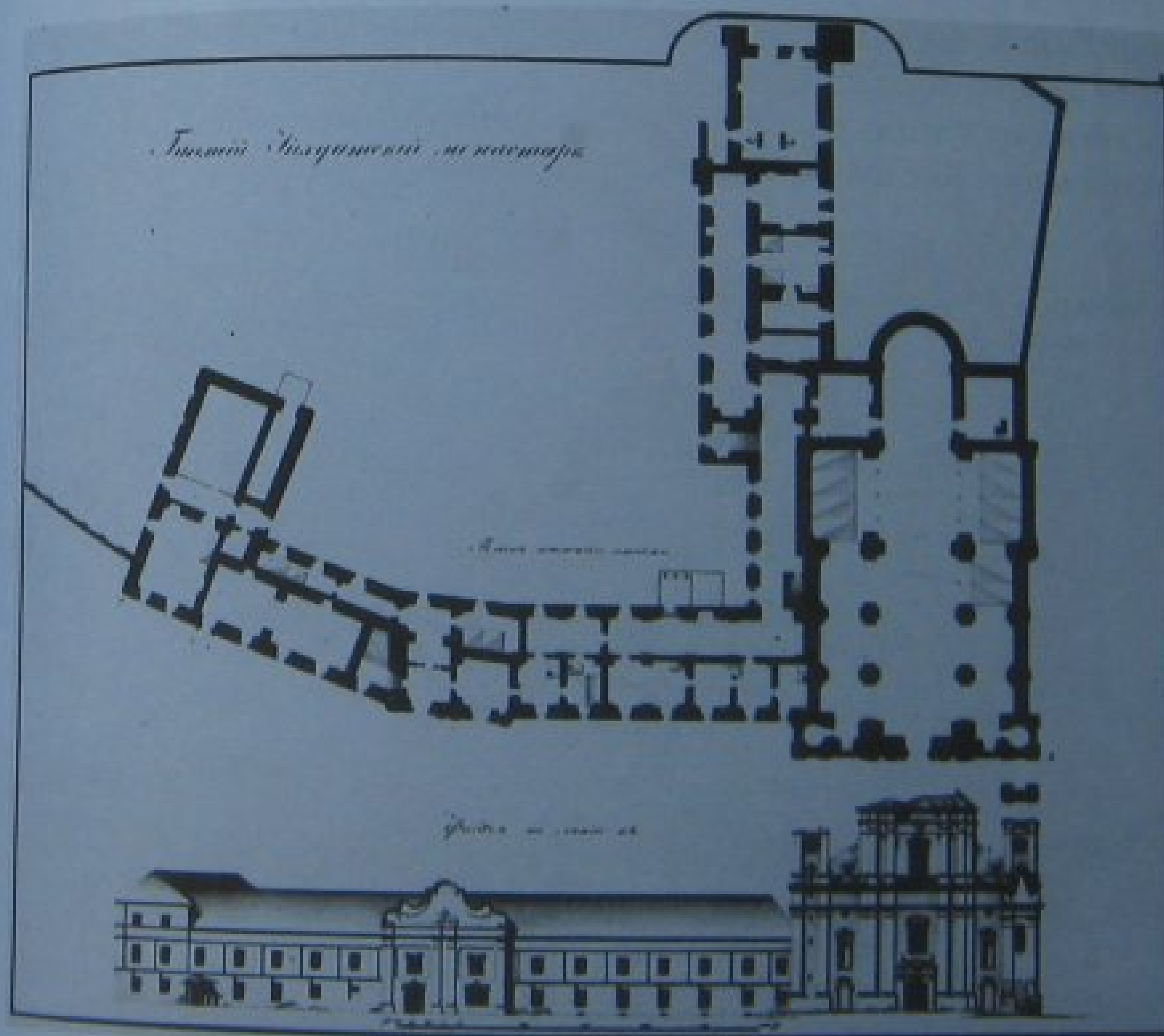
В 1622 г. началось строительство деревянного костела, освященного во имя Иисуса и св. Казимира. Основные фундуши предоставили К. Годзельский и А. Петигорская (фольварк Адамков и 100 злотых на заложение костела, 1622), Леон(?) Сапега (участок земли с каменным домом, имение Деревна с деревнями Мольтки и Меневеж, 1623), Казимир Сапега (фольварк Понивка с одноименной деревней, 1650), польский король Михаил Корибуд Вишневецкий (деревня Плоски и участок земли в Прилуках, 1669). Для нужд коллегии вблизи р. Мухавец был построен кирпичный завод (действовал до 1713 г.). Годовой доход коллегии за 1749 г. составил 95 000 злотых.

Монастырь занимал обширный участок, равный трем городским кварталам, обнесенный стенами. Центральную часть территории составляли два перетекающих друг в друга двора — двор при коллегиуме с небольшим аптечным садом и хозяйственный двор. С обеих сторон к центральным дворам примыкали замкнутые дворы с садами: за костелом для цветов, в западной стороне — обширный регулярный сад коллегиума. В аптечном саду коллегиума были устроены свои колодцы.

Двухэтажные корпуса коллегиума представляли разомкнутую систему построек. Они соединялись с костелом посредством перехода в сакристии и галереи вдоль северного фасада храма, выводившей к западной линии застройки монастырского двора, расположенной по красной линии вдоль ратушной площади улицы. В обращенных к улице корпусах располагались аптека, трапезная, студенческий парлаториум. Хозяйственный двор включал кухню, амбары, пивоварню, конюшню с возней и другие службы. В целом планировочная композиция монастырского комплекса носила иррегулярный характер, костел занимал угловое положение на юго-западе участка.

Каменный костел построен в 1678 г., после разрушений русско-польской войны. Он представлял собой трехнефную, восьмистолпную, бескупольную, двухбашенную базилику. В костеле были установлены 13 алтарей, на хорах — орган. Главным фасадом храм выдвигался на линию улицы. Еще более

169 Костел и кляштор иезуитов в Орше (1590, 1612, 1789–1802), проект надстройки купола XIX в. (РГИА)

170 Коллегия иезуитов в Бресте, обмеры 1830 г. (РГВИА)

в сторону улицы выступала пристроенная к костелу колокольня, фланкиро-
вавшая угол главной площади города.

В 1773 г. монастырь упразднен, по описи 1773—1774 гг. стоимость постро-
ек и внутреннего убранства коллегии оценивалась в 161,5 тыс. руб. В 1830-е
годы, в связи со строительством на месте древнего города военной крепости,
здание коллегиума переоборудовано под комендантский дом, остальные со-
оружения были разобраны[181].

Миссионерской деятельностью ордена был охвачен и расположенный на
Двине город Динабург, некоторое время входивший в состав Полоцкого во-
еводства, а затем Витебской губернии. Костел и коллегию иезуитов здесь ос-
новал в 1626 г. смоленский воевода Александр Гонсевский. Костел был зано-
во перестроен в 1746 г.[182]

Другим стратегически важным пунктом на востоке Беларуси являлся
Мстиславль. Деревянный иезуитский костел в городе был основан в 1616 г.
В 1690 г. на пожалования супругов Цивинских при нем учредили миссию, по-
зднее резиденцию, а затем в 1717 г. коллегию. Основные фундуши предоста-
вили супруги Гноинские (имения Гразь и Гразин), Люция Ильиничева (1813,
деревня Слинковщина); монастырю принадлежали имение Засекле в Ор-
шанском повете, деревня Точка и др.

Коллегия иезуитов располагалась в центре Мстиславля, возле главной
площади рынка. Костел размещался с небольшим отступом от линии площа-

171 Монастырь иезуитов в Мстиславле (1616, каменный 1738, 1757), фото начала XX в.

ди и обращался к ней главным фасадом. Каменный храм заложен в 1738 г.
и был почти завершен в 1757 г., но только что возведенные хоры рухнули по
вине архитектора; строительство было возобновлено под руководством ар-
хитектора Месмера[183].

Храм представляет собой двухбашенную трехнефную бескупольную ба-
зилику с выделенными в плане и на фасадах трансептом и завершающимся
полукруглой стеной пресбитерием, по сторонам которого устроены две сим-
метричные сакристии. К северу от костела был построен двухэтажный ка-
менный корпус кляштора, сообщавшийся с храмом посредством перехода

172 Хоры костела иезуитов в Мстиславле, фото 1980-х гг.

через сакристию. В дополнение к названному корпусу только одноэтажное здание аптеки было каменным. Строения монастырского комплекса не составляли развитый тип ансамбля с замкнутым клуатром и другими замкнутыми дворами со своими функциями.

В начале XIX в. иезуитский монастырь был передан православному Тупичевскому монастырю и переосвящен в Николаевскую церковь. Реконструкция костела в православный храм сводилась пржде всего к надстройке над средокрестием купола и пристройке к главному фасаду большой прямоугольной паперти (1836)[184].

Фундатором и инициатором строительства храма и кляштора иезуитов в Пинске в 1631 г. стал кн. Станислав Альбрехт Радзивилл. Огромный по размерам комплекс каменных построек иезуиты возвели на месте православного Богоявленского женского монастыря. Коллегия утверждена в 1638 г. (упоминается о протесте 1648 г. монастыря на пинских мещан, разоривших иезуитскую церковь и монастырь и «делавших возмущение»)[185]. Пинской коллегии принадлежали селения Дубоя, Бродница, Баландиче, Мокре, Сташаны и другие.

Наряду с Полоцком и Гродно, это был один из крупнейших, монументальных культовых ансамблей Беларуси. Он располагался на участке между берегом реки Пины, что при древнем замке города, и главной рыночной площадью. Костел занимал угловое положение по отношению к кляштору и был ориентирован алтарной частью на восток. Массивные трехэтажные, Г-образные в плане корпуса кляштора находились к югу от храма и сообщались с ним посредством специально устроенного крытого перехода в сакристию. В кляшторе размещались покои настоятеля, иезуитские классы, кельи профессоров, аптека. Здесь некоторое время действовала школа философии и теологии.

Архитектурное решение храма по единству стилистического решения в формах барокко, оригинальности художественного замысла, последовательности его воплощения не имеет аналогов в архитектуре края. Это трехнефная, восьмистолпная, зальная, двухбашенная крестовая базилика с трансептом, размером, без пресбитерия, около 42,6×25,8×29 м. Таким образом, высота сооружения до венчающего карниза превышала ширину корпуса по главному фасаду. Фасады были прорезаны двумя ярусами единообразно оформленных полуциркульных оконных проемов с барочными сандриками. Крылья трансепта имели одну высоту с кораблем, и фасады торцевых стен трансепта и пресбитерия были оформлены единообразно, они завершались глухими куполообразными сводами, над которыми возвышались кресты. Над средокрестием, прямоугольной в плане формы, устроен элипсовидный глухой купол, извне нагруженный главой на изящном барабане. В храме хранились мощи св. Андрея Баболы (он 20 лет преподавал в окрестностях Пинска и был убит казаками, в 1648 г. вошедшими в Пинск).

Особенно пышным и эффектным барочным декором отличался главный фасад костела. Он разделялся на два яруса, верхний — представлял собой

171 Костел иезуитов в Пинске (1631–1638), обмеры начала XX в.

174 Боковой фасад костела иезуитов в Пинске, фото начала XX в.

трехчастную композицию, составленную из трех почти одинаковых самостоятельных эдикул — двух симметричных боковых со стилизованными ионическими пилястрами и приподнятой над осевым арочным порталом центральной с тосканскими пилястрами. За боковыми эдикулами, над нартексом были установлены двухъярусные башни, решенные в барочных формах очень сложного, измельченного и порой вычурного рисунка, что позволяет предполагать в архитектуре башен руку другого мастера, нежели автора основного остова храма.

По сторонам главного фасада костела были пристроены симметричные декоративные галереи-крылья с вогнутыми стенами в сторону площади перед костелом. Двухъярусной системой пилястр стены галереи разбивались на три части со сквозным проемом по центру. Верхний ярус имел ступенчатый профиль, от храма к краю галереи его украшали триады арочных сквозных проемов[186]. Скупые сведения по истории строительства монастыря и храма не позволяют понять причины и выяснить обстоятельства появления такого совершенно оригинального для Беларуси архитектурного произведения.

Еще одним пунктом пребывания иезуитов был Витебск. По преданию, первые миссионеры ордена иезуитов (католические священники Дреноций и Михаил) были оставлены в Витебске посланником Папы Римского к московскому царю Ивану IV Антонием Поссевином по просьбе местных католиков. Иезуиты положили начало католическому храмовому строительству в до того исключительно православном городе. В Витебске особенно активную деятельность развернули монахи и сторонники ордена, прибывшие из Полоцка. Они захватили православные монастыри с их угодьями и церковь св. Алексея, человека Божия.

Документальные данные свидетельствуют, что резиденция ордена была создана в 1639 г. по инициативе смоленского воеводы Александра Корвин-Гонсевского, пожаловавшего иезуитам 1000 кв. миль земли на Смоленщине и пристань на Двине; поддержку в создании резиденции оказали и оршанские иезуиты. Для постройки здания коллегиума, костела, школы по ходатайству ксендза Станислава Косинского польский король Владислав IV в 1640 г. пожаловал личные земли для учреждения коллегии. В 1641 г. жена воеводы смоленского Паца купила для коллегии имение Комунево, другими фундаторами выступили подстолий Витебского воеводства Андрей Гурко (половина пляца с постройками в Витебске), витебский городской судья Юрий Гомолинский. В 1676 г. витебский коморник И. Пресмыский предоставил фундуш для музыкальной бурсы (имение Жуково).

Резиденция преобразована в коллегию в 1682 г., которая утверждена сеймовой конституцией в Варшаве (1690). В 1693 г. коллегия владела 7 имениями и 24 деревнями.

В 1822–1839 гг. комплекс монастыря иезуитов и училище принадлежали базилианам. В 1843 г. после соответствующей реконструкции костел преобразован в православный кафедральный собор[187].

Иезуитская коллегия располагалась на территории Нижнего замка. Деревянные костел и кляштор построены в 1640 г. В 1654 г. на его месте был возобновлен православный Алексеевский монастырь. Построенный в 1649 г. костел был сожжен во время Северной войны в 1708 г. Новый храм возведен в 1713–1731 гг. (по данным ЛІМ — 1716–1761 гг.) на пожалования каштеляна Мариана Огинского, его жены Тересы, и на средства католической шляхты. Каменный коллегиум окончен в 1799 г.[188]

Костел — трехнефная, шестистолпная, бескупольная базилика с трансептом. Квадратная форма средокрестия дает основание предположить о заложении в проекте определенного конструктивного задела для последующего возведения открытого светового купола. Сохранились чертежи реконструкции храма XIX в., по которым, однако, сложно судить о первоначальном решении фасадов. Композиция декоративного оформления фасада построена на двухъярусном его членении высоким гуртовым, многопрофильным карнизом и системе вертикальных членений посредством раскрепованных пилястр с выделением центра композиции за счет увеличения ширины про-

175 Монастыри в панораме Витебска, рис. XIX в.
1) Костел иезуитов (1639–1640, 1649, 1713–1731, колокольня 1799, купол надстроен во второй половине XIX в.).
2) Успенский мужской базилианский монастырь
3) Воскресенская (Рыноковая) церковь,
4) Монастырь бернардинцев

стенка и ширины окон над порталом входа. В композиции фасада задан динамичный убывающий ритм горизонтальных членений по направлению от основания к завершению храма.

После упразднения в Витебске костела и кляштора иезуитов базилика была преобразована в Николаевский собор. В XIX в. рядом с ним возвышалась четырехъярусная колокольня: «...приходившаяся прямо на восток от зрителя с замковой вышки (она) составляла часть величественного здания кафедрального Николаевского собора и архиерейского дома при нем и стояла над домовой церковью (малою, теплою). Она имела четыре этажа: нижний — притвор и церковь, второй — часовой механизм в отдельной комнате и две другие комнаты, на высоком потолке овально-лежачее отверстие с циферблатом; третий этаж — столбы по периметру с четырехконечными крестами на вершинах, помещались колокола, при которых еще держались коромысла, как при колоколах католических: верхняя часть — грузная безоконная глава одного типа с главой собора, представлявшая фигуру буквы Х и увенчанная четырехконечным крестом. При капитальном ремонте собора 1872 г. башня снесена, часы увезены из Витебска и новые установлены на ратушной башне»[189].

В результате реконструкции костела и в связи с преобразованием его в Николаевский православный городской собор (1843, 1872), над главным фасадом надстроили две башни, а над средокрестием установили купол.

Сохранилась базилика иезуитов, построенная во владельческом местечке Замостье. Каменный костел датируется 1649 г. Сооружение представляет собой квадратный в плане зальный объем храма с пятигранной алтарной апсидой и башнеобразным притвором, обработанным рустом (притвор конца XVIII – начала XIX в.)

Центральные области Беларуси, в частности Минск, иезуиты начали официально осваивать с 1654 г., в период русско-польской войны. Бискуп (католический епископ Смоленский) Иероним Сангушка за 800 злотых купил у мещанина Г. Ненера участок в центре города и подарил его иезуитам, в 1657 г. здесь началось строительство дома и костела. Инициатива основания и фундуш для будущей коллегии принадлежали И.Сангушко, который купил дом на Высоком рынке и выделил 70 000 злотых на содержание иезуитов. Миссия была открыта в 1672 г., коллегия — в 1682 г. (по фундации Бжостовских, Лукомских, Огинских и др.). Позднее фундаторами монастыря были референдарий в.к.л. Киприан Павел Бжостовский и его жена Рахиль Думиновна, урожденная Раевская (1680), стольник полоцкий Дарибог и его жена Изабелла Быховцева (1681), канцлер Марциан Александр Огинский (1685), епископ Виленский Константин Казимир Бжостовский (1712), староста родошковичский Анатолий Огинский (1721). Упоминается о вкладах в монастырь также и знаменитого сподвижника Петра I гр. Б.П. Шереметева, пожаловавшего костелу «богатую монстрацию, около 100 империалов»[190].

Вначале представители ордена возвели каменный костел (его проектный план и сегодня хранится в римском архиве иезуитов), школу, бурсу и коллегиум. На смену первому храму в 1700 г. начали возводить новый каменный костел, который был освящен виленским бискупом К. Бжостовским во имя Иисуса, Марии и св. Барбары (1710). Завиша Кристоф Станислав(?) доставил в дар костелу мощи св. Фелициана (1713). Строительство продолжалось до начала 1730-х гг., когда в башнях были установлены привезенные из Гданьска (Данцига) часы и колокола, после того долгое время продолжались работы по внутренней отделке храма. В его художественном оформлении участвовали художники Якуб Бретзер, Матеуш Бейтник, Игнаци Дарецци, архитектор Франтишек Карой, столяр Ян Шеферс.

Храм представляет собой трехнефную двухбашенную, бескупольную базилику. Алтарная часть — пристроенный и слегка пониженный по отношению к центральному кораблю глубокий пресбитерий, завершающийся полукруглой в плане стеной (цв. ил. XXVI). На концах боковых нефов устроены капеллы, во внешнем объеме отмеченные купольными завершениями различной формы.

Главным фасадом храм был обращен к площади Высокого рынка с ратушей и алтарной частью ориентировался на юго-запад. С обеих сторон к кос-

телу примыкали два замкнутых двора кляштора. На красную линию площади выходили корпуса коллегиума и школы, вплотную пристроенные к храму, слегка заглубленному внутрь монастырского участка. В состав монастыря также входили следующие постройки: кухня, трапезная, пристроенные к костелу извне и сообщавшиеся с учебными корпусами коридорами две симметричные сакристии, бурса. Хозяйственные службы включали конюшню, каретный сарай, кузницу, деревянный амбар, деревянную пивоварню. В южном дворике был разбит сад.

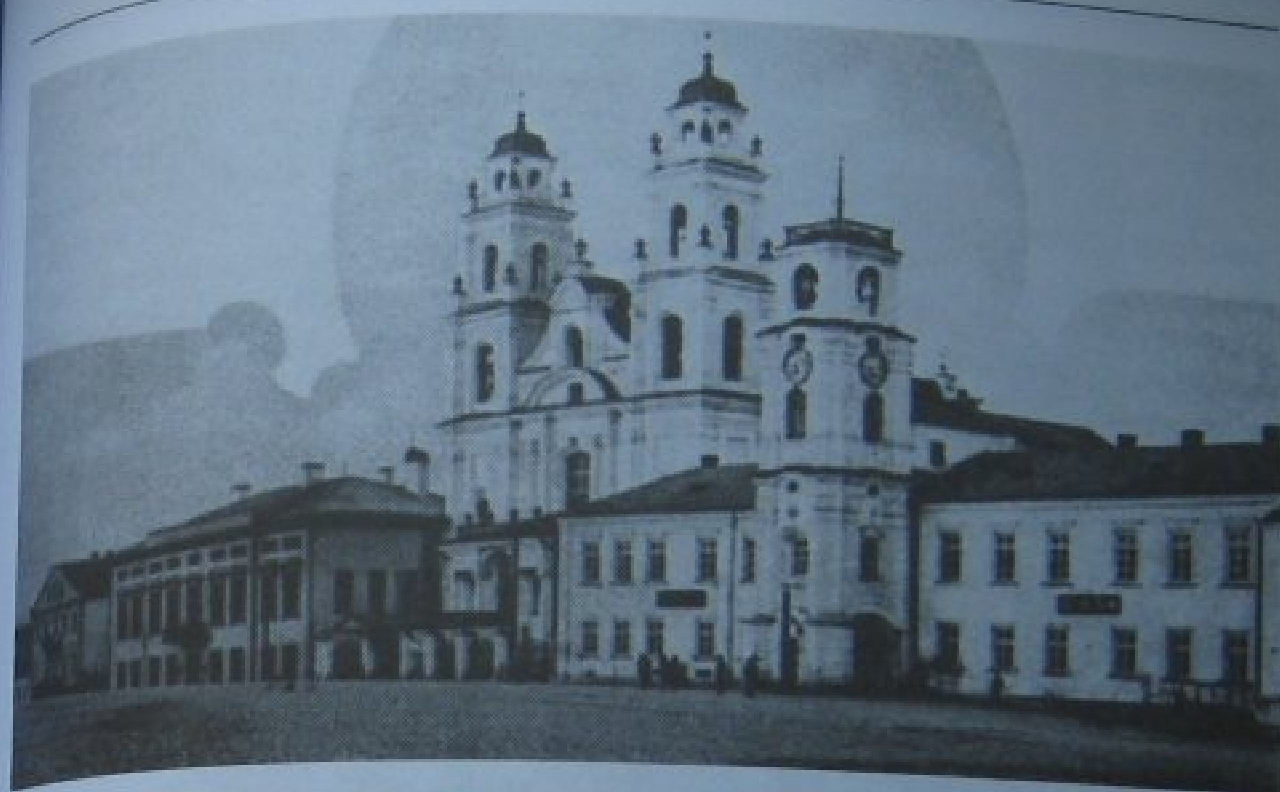
Коллегия минских иезуитов была утверждена в 1714 г., супериором сюда был назначен брат бискупа виленского Антони Бжостовский. Строительство здания коллегиума закончено в 1750 г., оно представляло собой двухэтажные корпуса, в крыле, расположенном со стороны ратушной рыночной площади, центральное место занимала трехъярусная башня с часами, после 1820 г. в нем размещалась городская дума. На месте возведенных в 1656—1683 гг. каменного здания и деревянной часовни во второй половине XVII—XVIII вв. при коллегиуме было построено здание театра. В комплекс монастыря входили другие каменные и деревянные жилые и хозяйственные постройки.

Еще в составе Речи Посполитой, в результате упразднения ордена, Мариинский костел был преобразован в парафиальный (приходский) (1773), а позднее буллой Папы Римского преобразован в кафедральный (1798). Значительные подновления храма проводились в 1850—1854 гг., живописные работы выполнял виленский художник Валасевич, проект реконструкции и руководство реализацией проекта принадлежали минскому губернскому архитектору Казимиру Мельхиеровичу Хощановичу. После реконструкции крыша костела была покрыта металлическим листом и покрашена, новое декоративное оформление получили фасады сооружения, заново устроены притвор и вход в храм и осуществлена его побелка. Стены и своды были заново расписаны, подновлена решетка на эмпорах, значительно реконструированы хоры и целиком изменена декорация органа. Капеллы св. Троицы и св. Фелициана были расписаны в технике аль-фреско, капитальной реконструкции подверглись алтари.

После перевода в ранг парафиального (1869) костел снова становится кафедральным (1917), в период между указанными событиями Минской диацезией (католической епархией) продолжал руководить могилевский римско-католический бискуп, резиденция которого находилась в Санкт-Петербурге.

Храм продолжал действовать до 1945 г., был закрыт в 1947 г. и передан спортивному товариществу «Спартак», затем перестроен под детский спортивный клуб (1950, архитектор Н. Дроздов). Начиная с 1993 г. костел заново восстановлен польскими реставраторами[191].

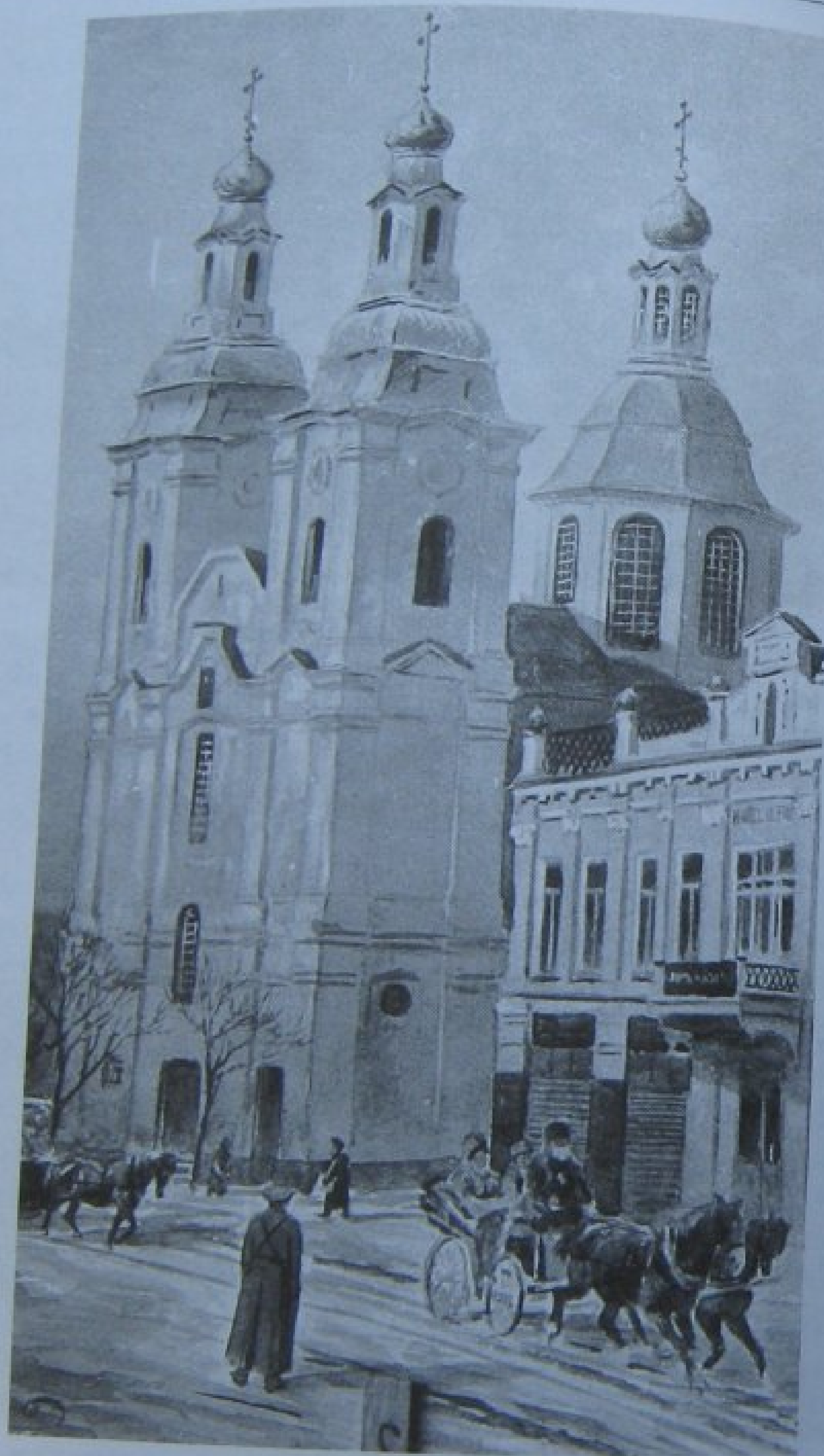
Иезуитами был построен каменный костел в местечке Кривошин, расположенном в южной части Новогрудского повета. Он сооружен в 1670 г. в формах двухбашенной трехнефной базилики с полукруглой апсидой и небольшой сакристией. В интерьере сохранились первоначальные барочные

176 Костел и кляштор иезуитов в Минске (1657, 1700, 1750), фото начала XX в.

177 Костел иезуитов в Минске

178 Костел иезуитов в Могилеве (1699–1725, купол надстроен во второй половине XIX в.), неизв. худ. (ГИМ)

формы и фрагменты художественного убранства XVIII в. Центральный и боковые нефы перекрыты крестовыми и цилиндрическим сводами на подпружных арках, при входе на двух столбах устроены галереи хоров. Стены обработаны пучками пилястр, профилированными тягами и лепниной.

Костел в 1863 г. был упразднен и преобразован в православную церковь. Существенной переработке подверглись внешние формы храма, фасады которого заново были декорированы в русском стиле, по мотивам московского барокко. В 1869 г. над центральным нефом на четверике возвели двенадцатигранный барабан, увенчанный куполом и луковичной главой. Над притвором возведена восьмигранная колокольня с пирамидальным шатром и луковичной главкой. Двухъярусные боковые башни декорированы двускатными щитами и завершены малыми куполами на многогранных барабанах.

Иезуитами в Могилеве в 1604 г. был построен фарный костел св. Казимира, освященный в 1614 г. Позднее, в 1678 г., по инициативе каноника смоленского и пробоща могилевского Здановича представители ордена прибыли в Могилев, а вскоре на Шкловской улице отстроили отдельный комплекс костела и кляштора. Костел был возведен в 1699–1725 гг. и освящен во имя св. Ксаверия. Он располагался в Старом городе, возле Королевских ворот и занимал угловое положение в системе монастырского комплекса. Это — небольшая по размерам трехнефная двухбашенная бескупольная базилика, без трансепта, пресбитерий завершался полукруглой стеной, сакристии были устроены в конце боковых крыльев базилики. Главным фасадом храм обращался к улице, его алтарная часть получила западную ориентацию. Неправильной формы, Г-образный в плане кляштор (около 1686) располагался к югу от костела, за ним, вдоль главной улицы города следовал двор в форме неправильного четырехугольника, обстроенный со стороны улицы каменным зданием школы (1699), а по другим сторонам периметра двора — хозяйственными службами. В глубине двора располагался монастырский сад.

После упразднения иезуитов костел был преобразован в полковую православную церковь 1-й армии (1820), переосвящен во имя Воскресения Христова (1833) и надстроен деревянным куполом на высоком граненом барабане (1848)[192].

Пунктами наиболее позднего строительства иезуитами своих храмов и комплексов стали Новогрудок, Юровичи, Бобруйск, Слуцк, Лучай.

Коллегиум в Новогрудке был основан в 1714 г. хорунжим новогрудским Ю. Головней, и этому коллегиуму подчинялись девять миссионерских пунктов[193]. Постройки костела и кляштора не сохранились.

Особое место в истории края занимает монастырь иезуитов во владельческом местечке Юровичи (Юревичи), расположенном на берегу реки Припять, недалеко от города Речицы. Он был построен на месте древней православной обители, основанной по назнаменованному событию, связанному с чудотворным образом Богородицы. Эта икона почиталась христианами разных конфессий и сыграла определенную роль в истории православной и ка-

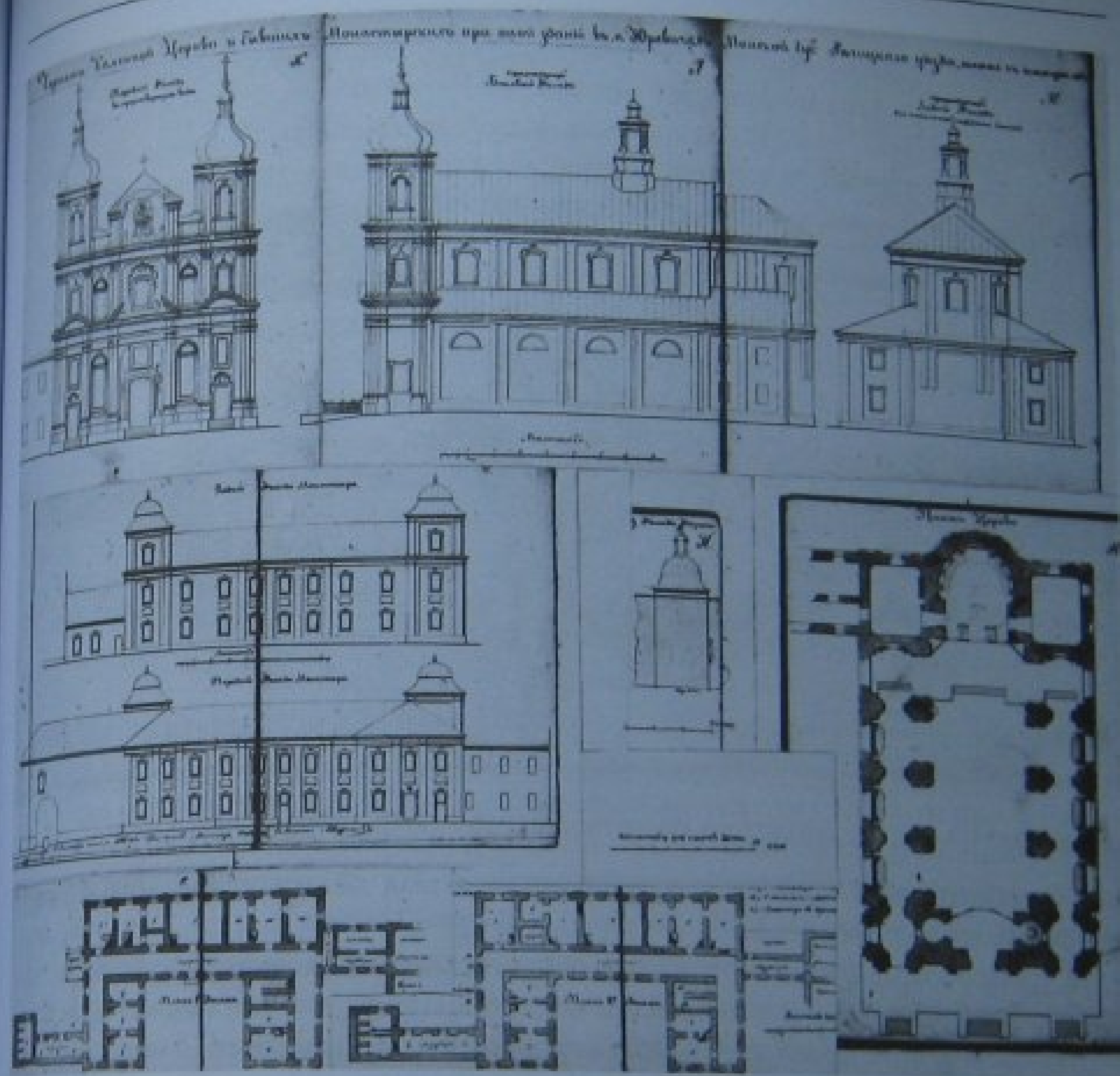
толической церкви на территории Беларуси и Украины. В Юровичах в 1726 г. была учреждена миссия, а затем резиденция иезуитов. Однако по масштабам основательности и монументальности построек комплекс иезуитов в Юровичах сопоставим с коллегиями ордена в крупных городах Беларуси.

По преданию, на горах Юревических некогда был город Юрьев с крепостью Видоличе и православным монастырем, в котором находилась чудотворная икона Божией Матери. Следы этой иконы впоследствии возникают в записках иезуита Франтишка Колерто, который указал на местонахождение иконы в 1630 г. у гетмана Конецпольского, воевавшего с казаками. Казаки, узнав, что чудотворная икона Божией Матери находится у Конецпольского, истребили под Переяславлем всю пехоту польского войска, чтобы вернуть икону, но гетман отправил ее в город Бор Подольской губернии. Казаки устремились за святыней, тогда Конецпольский отправил икону в Галицию. Некоторое время спустя хранившие имущество гетмана львовские иезуиты среди вещей Конецпольского нашли икону. Она стала известна во Львове и Кракове. По разрешению гетмана с чудотворной иконой католический священник Мартин Торовский осуществлял миссионерскую деятельность среди православных Волыни, Подолии и литовского Полесья. Его проповедническая деятельность со святыней продолжалась 12 лет. В 1673 г. он останавливается на Юревических горах, «где чудотворная икона, как бы сама избирает для себя место своего селения». Приезд Торовского и стал началом основания в Юровичах иезуитского монастыря[194].

Он размещался возле владельческого местечка, на высоком холме, окруженном плодовым садом. Основной объем работ по возведению костела и кляштора был выполнен в 1710—1746 гг., после чего они понемногу продолжались до 1825 г.

Костел был освящен во имя Рождества Богородицы. Это — трехнефная двухбашенная каменная с подвалом базилика, без трансепта, с выделенным нартексом. Пресбитерий храма неглубокий и в плане имеет выпукло-вогнутые барочные очертания, оканчивается пресбитерий полукруглой стеной, вплотную к которой поставлен главный алтарь. По сторонам пресбитерия две симметричные сакристии, из которых северная соединялась с кляштором. Дверь из сакристии выводила в двухэтажный коридор (после 1746), служивший сообщением с помещениями двухэтажного П-образного в плане кляштора. Кляштор каменный двухэтажный был покрыт черепицей (18 жилых и 14 нежилых помещений). Симметричная объемно-пространственная композиция кляштора была подчеркнута двух- и трехъярусными башнями на углах дворового фасада.

Монастырский комплекс в плане имел почти регулярные очертания, по форме приближаясь к вытянутому прямоугольнику. Монастырь был обнесен каменной оградой, высотой 2,8 м, толщиной 0,7 м, на протяжении ограды поставлены 8 круглых каменных башен с черепичными кровлями, в диаметре 4,3 м, высотой 6,4 м, без окон и дверей. Замкнутая территория монастырского двора дополнительно разделялась стенами на три внутренних замкнутых

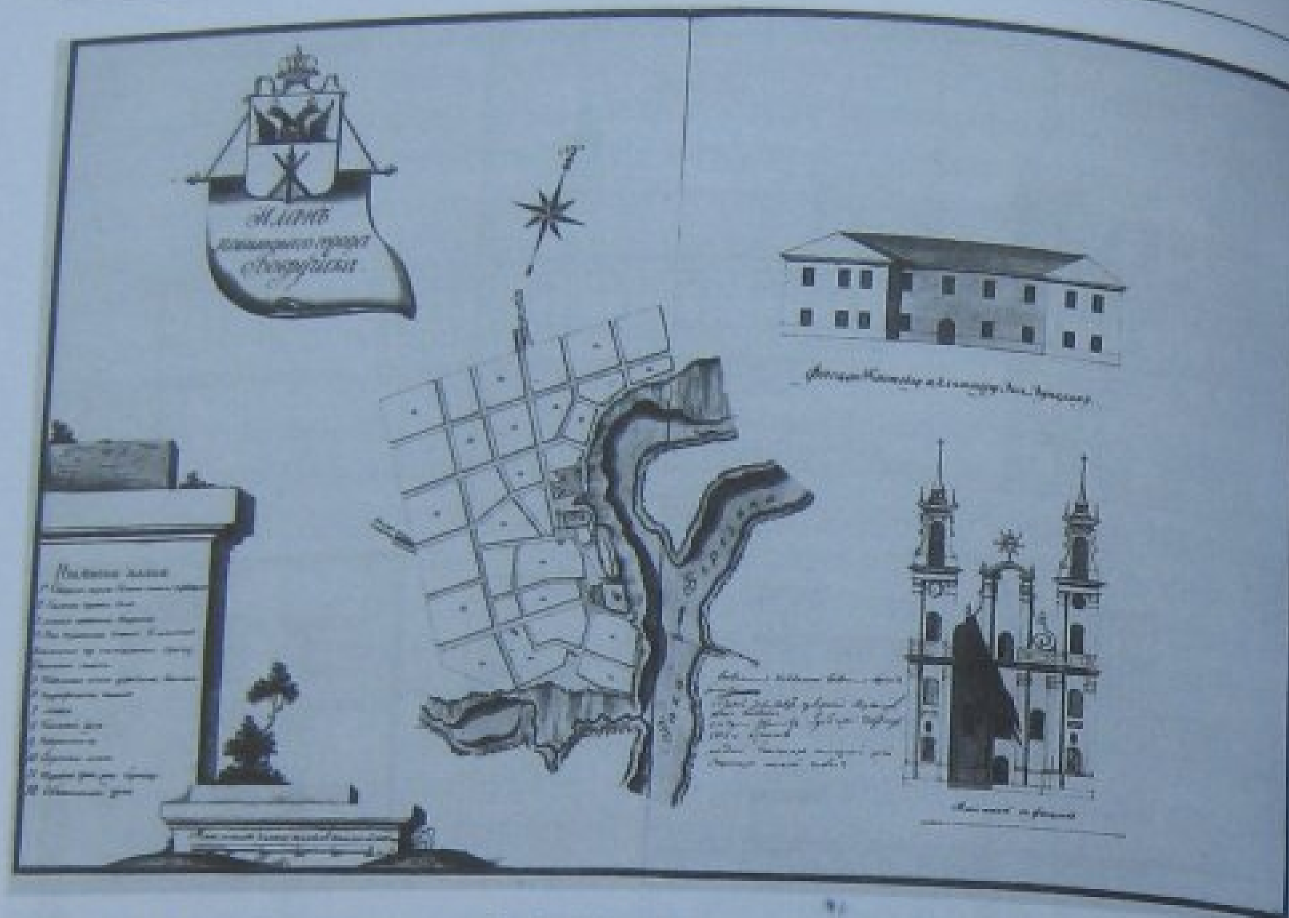

179 Костел и кляштор иезуитов в Юровичах (1710—1746, до 1825), обмеры XIX в. (РГИА)

дворика. В южном дворике помещался только храм, который занимал центральную часть дворового протранства. Северный участок территории монастыря разделялся на три других отдельных дворика: открытый — для коллегиума; малый, замкнутый — для монашествующих; сложной Г-образной в плане формы хозяйственный двор.

Самым крупным сооружением хозяйственного двора было встроенное в северную стену монастырской ограды каменное одноэтажное строение (около 1763), в котором соединялись сарай, конюшни, кухня с ледником, винокурня (3 жилых и 7 нежилых помещений); амбар деревянный (1825). В зоне хозяйственного двора и по пути входа во двор коллегиума был устроен колодец с воротами и навесом. Сад располагался внутри монастырской ограды. Под строением и садом находились 16 123,5 кв.м земли.

После высылки иезуитов сооружения кляштора были переданы военному ведомству (начало 1830-х гг.), костел был разделен перекрытиями на два

180 Костел и кляштор иезуитов в Бобруйске (1746—1780), обмеры 1800 г. (РГИА).

этажа, оборудован печами и использовался под казарму[195]. В 1866 г. костел преобразовали в церковь.

К XVIII в. относится сооружение иезуитского монастыря в Бобруйске. Монастырский комплекс располагался на правом берегу реки Березины, в центре города и формировал застройку его центральной рыночной площади.

Каменный храм представлял собой трехнефную двухбашенную бескупольную базилику, исполненную в формах барокко. Его строительством руководил Томаш Жебровский (1746—1780). Каменное двухэтажное, П-образное в плане здание иезуитского училища, по-видимому, не было связано с храмом, в строительстве училища принимал участие Якуб Руофф (1732—1747)[196].

Кляштор иезуитов в Бобруйске в начале XIX в. использовался для присутственных мест[197].

Иезуитский монастырь был основан также в имении Лучай, в 6 верстах от местечка Дуниловичи. Каменный храм был построен в 1776 г. на пожалования Тадеуша Огинского и семьи Рузынов. Костел посвящался св. Тадеушу. По форме плана и организации внутреннего пространства, пропорциям внешнего объема сооружения храм близок мстиславскому иезуитскому костелу. Отличительной чертой лучайского храма является выявление в плане трансепта и устройство над средокрестием ложного купола. Характерной особенностью также являются барочные реминисценции в оформлении фасадов и интерьеров, причудливое соединение приемов классицизма и позднего барокко.

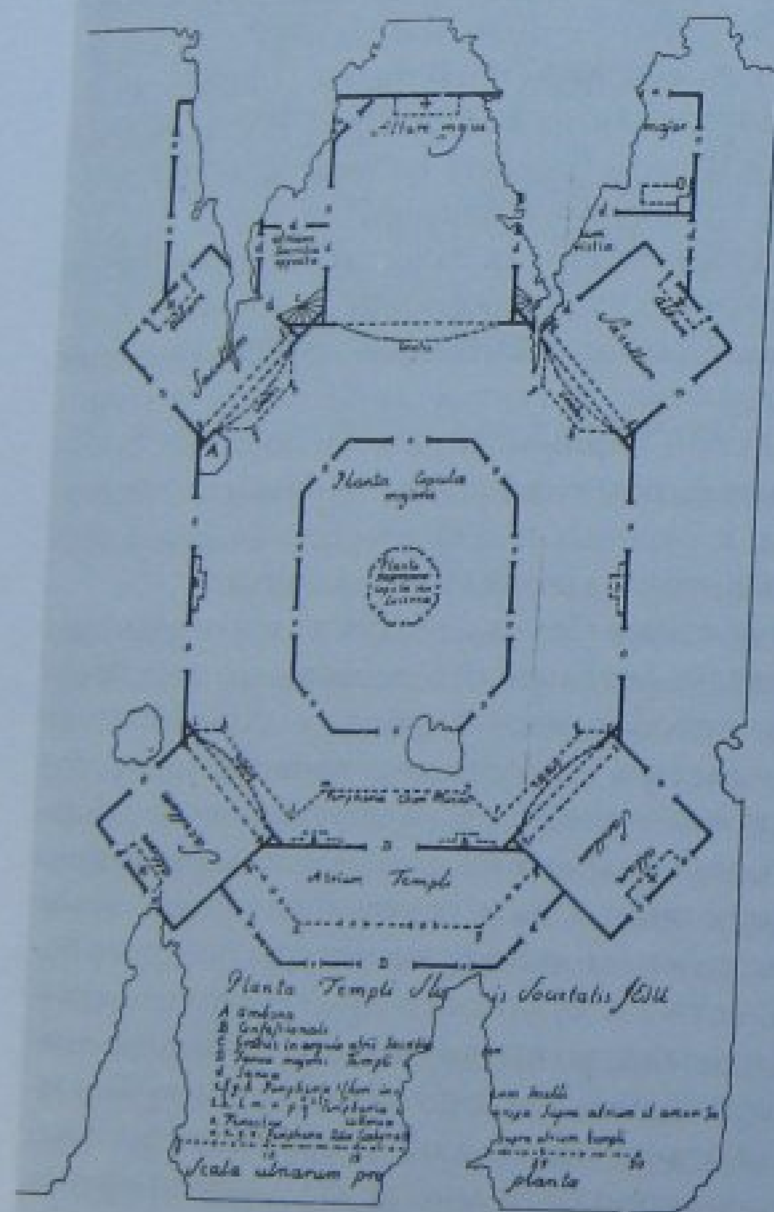
Коллегии иезуитов, как правило, имели каменные храмы и кляшторы. Деревянные монастырские комплексы характерны главным образом для резиденций и миссий, таких, как Фащев, Уперовичи, Туревичи и др. Строительство деревянного храма в коллегиях иезуитов расценивалось как мера вынужденная и временная, рассчитанная на последующую замену его каменным костелом. Достаточно подробные сведения сохранились о таком деревянном архитектурном комплексе коллегии иезуитов во владельческом городе Слуцке.

Впервые иезуиты получили участки городской земли в Слуцке от подчашего витебского Ивана Слоньского и его жены Катерины Бокшанки, эти участки были отданы Несвижской коллегии. В 1696 г. вторая жена Слоньского Марианна, из рода Луковских Бекеров, выделила средства на основание миссии ордена при фарном костеле Слуцка. Среди первых ктиторов монастыря упоминаются также владельцы Слуцка — дочь Богуслава Радзивилла, Людовика Каролина Радзивиллова и ее муж Карл Филипп, кн. Нейбургский. На территории Старого города, неподалеку от Востровской (Островской) брамы за период 1698—1704 гг. сложился небольшой по размерам деревянный комплекс иезуитов с каплицей, кляштором и школой.

Вначале в Слуцке была основана миссия для трех монахов иезуитов (1693), затем резиденция (1704). Наконец, староста речицкий Героним Клоцкий предоставил в 1706 г. большие пожалования на основание коллегии в Слуцке (1714), в том числе фундатор отдал иезуитам свой дом при кальвинском сборе, передал им на пять лет свой кирпичный завод и позволил брать в лесу дерево для отопления. Строительство коллегии развернули на обширном участке в другой части Слуцка, в Заречье, или Новом городе. Здесь был построен деревянный комплекс коллегии с храмом Святого Духа.

Деревянный Свято-Духовский костел в Слуцке заслуживает отдельного рассмотрения. По мнению Е. Пашенды, детально исследовавшего этот несохранившийся памятник, он занимает особое место в храмовом строительстве Беларуси, да и в целом почетное место в истории деревянного зодчества Польши. «Его композиционная основа — восьмерик с наружными каплицами-вежами (капеллами-башнями), не восходит ни к традиции деревянного строительства костельного, ни церковного. Есть основания считать такое композиционное решение результатом влияния архитектуры позднего барокко и рококо на деревянное зодчество. К художественной системе позднего барокко восходит форма центрическая, но вытянутая, отвечающая форме овала, часто применявшаяся в рисунке плана храмов эпохи барокко. Барочными приемами являются также обогащение силуэта, сопряжения боковых стен центрального объема и окружающих его дополнительных прирубов главной доминанте купола, ромбовидная постановка башен, которые в сочетании с ломаной стеной создавали беспокойную ткань фасадов. Все это напоминает складчатые, подвижные композиции позднего барокко... (в слуцком костеле) формы барокко не имитированы в дереве, но приспособлены к возможностям материала. Стены простые, формы округлые или овальные раз-

работаны в виде многогранников. Одна только форма, не согласующаяся с материалом, — это аркады проемов в каплицы из центрального пространства храма, но эта форма к тому времени являлась весьма распространенной в деревянных костелах»[198]. Действительно, купольная, центрическая форма храма иезуитов в Слуцке, богатая пластика всех его четырех фасадов соответствуют принципам построения православной деревянной соборной церкви. Вместе с тем легко читаются и существенные различия, такие, как горизонтальная динамика развития внутреннего пространства вдоль продольной оси, формирование окружающих центральный объем прирубов не по сторонам ветвей креста храма, как в православных церквах, а по диагональным осям, т.е. размещение каплиц по углам костела. Для развития архитектуры позднего барокко и рококо в целом характерным является обращение к октохонту, центрической форме или вытянутым вдоль продольной оси сложным многогранным композициям планировочного построения храма, примерами могут служить церковь св. Иоанна на Горе в Праге, архитектор Килиан Игнац Динтценгофер (проект 1729, строительство 1730–1739); Фрауен-кирхе в Дрездене, архитектор Георг Бер (с 1726); св. Петра в Вене, архитектор Андреа Альтомонте (1751–1753). Как видим, новые стилистические тенденции в церковной архитектуре Центральной Европы получили определенное отражение также и в монастырском зодчестве Беларуси, хотя здесь немного подобного типа сооружений. Так в виде октохонта построен каменный костел монастыря кармелитов в Мяделе, о котором речь пойдет позднее.

181 План деревянного костела Святого Духа коллегии иезуитов в Слуцке (1804–1808), (по Е. Пашенде)

Деревянный на каменном фундаменте, костел Святого

Духа представлял собой прямоугольное в плане зальное сооружение с четырьмя завершавшимися башенками-каплицами по углам, пресбитерием и симметричными сакристиями, пристроенным трапециевидным притвором с хорами для музыкантов во втором ярусе. Храм завершался граненым куполом на восьмигранном световом барабане и граненой же главкой с крестом. Причем, благодаря деревянным конструкциям, он не опирался на систему дополнительных опор, хотя купол в диаметре значительно уступал по размерам ширине нефа.

Автором такой оригинальной архитектурной композиции, полагают, является Гжегож Енгелль, хорошо знавший архитектуру, в 1714 г. он был ректором коллегии в Слуцке. Упоминается о повторном строительстве деревянных костела Святого Духа и здания коллегии в 1720 г. префектом конвикта в Слуцке, архитектором Яном Клаусом. Надо полагать, в результате реконструкции была сохранена первоначальная, барочная форма костела. Всего в нем помещалось 11 алтарей. Оформление интерьера храма растянулось на 1721–1736 гг. Среди предметов его внутреннего убранства упоминаются новый алтарь аббатства (statuario artificio); серебряный табернакль; присланный Папой Римским Иннокентием XIII каштеляну троцкому Ивану Сапеге образ Богоматери; два новых алтаря с привезенными из Праги образами св. Станислава Костки и Алоиза Гонзаго (в то время канонизированными); резной алтарь с образом св. Иосифа; пожалованные храму княжной Радзивилл пять жирандолей из налибокского стекла. На двух противоположных стенах помещались две памятные таблицы в резных рамах с фигурами и образами, на одной из них — портрет и жизнеописание фундатора Геронима Клокоцкого, на другой — образ св. Геронима и история фундации. Хоры были украшены скульптурным изображением Богоматери, на хорах помещался орган.

Отдельно, возле монастыря был построен каменный со сводами скарбец. Под пресбитерием костела построена каменная крипта для захоронения законников (членов ордена) и для защиты от огня положена каменная плита. В 1732 г. была построена звонница, а годом позднее стены костела обшили досками[199].

В плане монастырский комплекс представлял собой квадрат, центром композиции которого был костел, за ним был разбит сад. В комплекс входили коллегиум, два флигеля, бурса, школа, аптека, хозяйственные строения, трехэтажная каменная скарбница, плодовый сад. Для коллегиума было приспособлено и реконструировано ранее существовавшее жилое строение. Здание представляло собой двухэтажный, прямоугольный в плане дом, покрытый высокой ломаной крышей, стены его снаружи были обшиты досками, вдоль всего сооружения была устроена галерея. В нижнем этаже коллегиума находились кельи, в верхнем этаже — кельи и кабинеты. Над столпообразным крыльцом, оформленным балюстрадой, размещался зал. В 1715–1736 гг. в коллегии существовал школьный театр. Построенный в 1713 г. одноэтажный в плане флигель с мезонином, покрытый гонтом, включал столовую, галерею, кухню, камору, в его мезонине помещался зал. В центре второго флигеля находилась башня, на вер-

ху которой также располагался зал, завершавшийся куполом со звоном. По сторонам башни в одноэтажных крыльях размещались жилые покои для посетителей, в мезонине — два зала. Здание бурсы было одноэтажным, прямоугольным в плане. Школа размещалась в одноэтажном, крестообразном в плане здании с крыльцом. Аптека имела в центре прихожую с кухней, жилую комнату аптекаря с башенкой-алькежем и по другую сторону лабораторию. Над прихожей в мезонине помещался зал. Ограда монастыря, первоначально деревянная, из частокола, в 1772 г. была заменена каменной стеной. Вдоль нее размещались хозяйственные службы: кухня (пекарня), истопная изба (варыўня), конюшня (стайня) и каретный сарай (вазоўня), кузница, столярные мастерские, винокурня (бровар), хлевы, амбары (свирны).

После ликвидации ордена в 1773 г. и комплекс был передан кальвинистам. Весь комплекс за исключением скарбницы сгорел в 1804 г. С 1819 г. здесь размещался монастырь мариавиток, после упразднения которого, в 1840 г. оставшиеся постройки комплекса были разобраны.

Завершая исследование строительной деятельности ордена, следует отметить, что иезуитское движение опиралось главным образом на свои учреждения в ключевых и крупнейших городах белорусских земель. На западе — такими пунктами стали города Гродно, Брест, Новогрудок; в центре — города Минск, Пинск; на востоке — Полоцк, Витебск, Орша, Мстиславль, Мозырь, Могилев. При этом, в отличие от других орденов, более плотная сеть монастырей и других представительств иезуитов была создана на востоке страны. В меньшей степени иезуиты участвовали в монастырском строительстве частновладельческих городов и местечек, где находились только миссии и резиденции (исключение Несвиж, Слуцк). Архитектурные комплексы резиденций и миссий ордена, как правило, были деревянными. В число резиденций входили Раков, Туревичи, Бобруйск, Дрогичин, Мозырь, к миссиям относились Волковыск, Ворончанск.

Появление иезуитов в городе, как правило, было вызвано политической необходимостью, стратегическими интересами католической церкви и королевской власти или местной администрации. В XVI в. коллегии в свободных городах учреждались в целях, во-первых, искоренения кальвинизма, во-вторых, сокращения числа православных монастырей и приходов, а значит, контактов с населением соседних областей в составе Российского государства. Жесткие меры по усилению королевской власти и влияния католицизма были предприняты, прежде всего, в связи с событиями Ливонской войны. В XVI в. инициаторами и активными фундаторами открытия иезуитских коллегий выступали король Стефан Баторий, канцлер литовский Лев Сапега, члены ордена из виленской академии. В XVII в. продолжателями укрепления и распространения ордена по-прежнему оставалась королевская власть и католическая церковная иерархия — короли Сигизмунд III и Владислав IV, епископ Луцкий Павел Валуцкий и католический епископ Смоленский Иероним Сангушко.

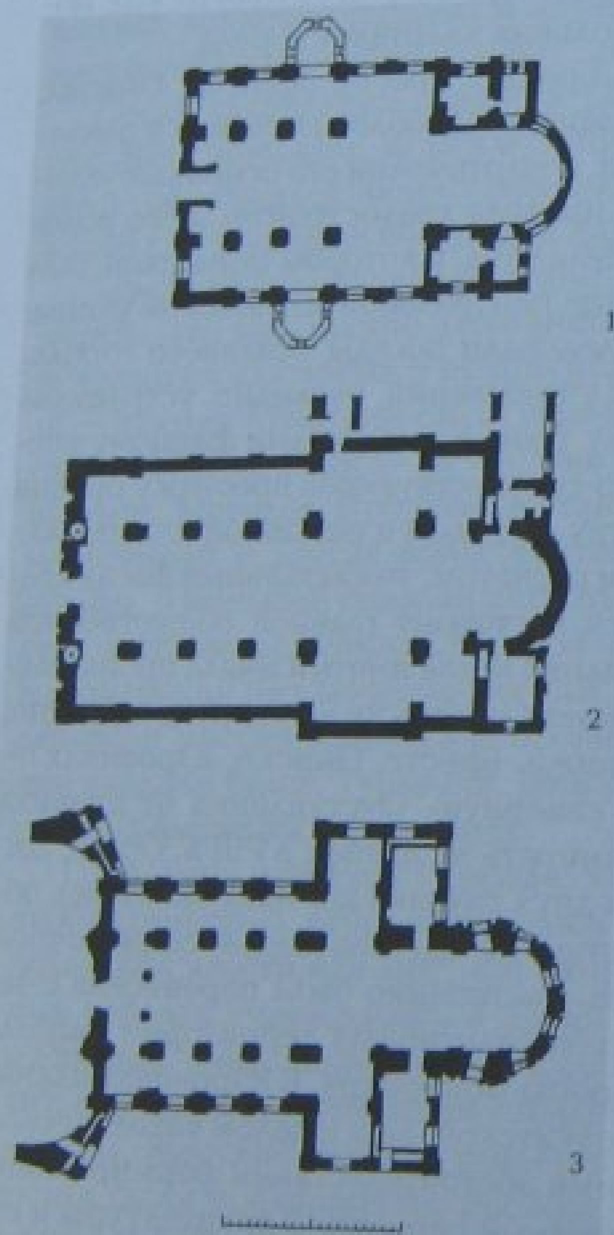
Иезуитские монастыри занимали, как правило, строго определенное, всегда центральное место в системе города. С момента основания первых монастырей иезуиты старались строить свои костелы и примыкавшие к ним корпуса кляшторов между замком, являвшимся укрепленным градоформирующим ядром города, и торжищем, находившимся при главных воротах замка средневекового города. Тем самым иезуитский монастырский ансамбль как бы фланкировал главный въезд в замок и одновременно приобретал господствующее положение в посадской части города. Занимаемые иезуитским монастырем территории были обширнее, нежели городские участки, освоенные строительством других католических монастырей. Территории католических монастырей простирались до размеров нескольких кварталов города.

Так, иезуитские монастыри Полоцка, Гродно, Бреста, Минска, Пинска, Витебска, Мстиславля, Динабурга, Орши заняли наиболее выгодное и заметное место в геометрическом центре города, средоточении его основных уличных путей. Исключением из указанного правила градостроительного положения иезуитских монастырей является Могилев, в котором монастырь был построен на противоположном замку конце центральной Шкловской улицы, возле Королевской брамы, за которой следовали посады земляного города. Такая необычная постановка иезуитских учреждений, очевидно, устраивала иезуитов потому, что ранее построенному теми же иезуитами фарному костелу в Могилеве уже было предоставлено соотвествующее престижу ордена центральное местоположение по соседству с замком и ратушной площадью.

Иезуитский костел сооружался с таким расчетом, чтобы главный фасад храма с его пышным порталом раскрывался в сторону главной общественной и торговой площади города. Поэтому базилика могла иметь и имела произвольную ориентацию главного алтаря: в Могилеве и Минске — южную; в Гродно, Полоцке, Витебске — западную; в Несвиже, Бресте, Пинске, Юровичах — восточную; Мстиславле, Динабурге — северную. Отступления от правила раскрытия костела к площади можно заметить на планах XVIII в. Орши, Динабурга и местечка Юровичи. В первых двух случаях костелы оказались обращены к площади своей алтарной частью вследствие переноса рыночной площади. По мере роста города площадь постепенно была перенесена с затесненного призамкового участка в глубь селитебных территорий напольной части города, то есть с тыльной стороны монастыря. В Юровичах планировка монастыря мало соответствует иезуитской, да и в целом католической традиции, что объясняется историческими обстоятельствами формирования монастыря, особой, более гибкой программой церковной архитектуры и относительно поздним временем строительства на пороге XIX в.

Местоположение иезуитских монастырей в частновладельческих городах-резиденциях определялось принципиально иначе, нежели в древних свободных коронных центрах. Владельческие города имели свою, более позднюю традицию функционально-пространственной и планировочной организации города, восходившую к Ренессансу, началу Нового времени. Замок и посад об-

разовывали эксцентрическую композицию, составляли два полюса в формировании плана и застройки города. При этом главный его сакральный центр, как правило католический, в том числе иезуитский монастырь, располагался не на плащади рынка, а при замке владельца, фланкируя вход в замок. Характерными образцами владельческого города Беларуси были Несвиж и Слуцк. Основанные здесь иезуитские монастыри были расположены на призамковых участках. Им придавалась также стратегическая функция форпоста защиты господской резиденции от внешнего нападения, а также нападения со стороны внутренней, от угрозы восстания посадского населения владельческого города. Главный фасад костела и всего ансамбля монастыря обращался в сторону площади, образованной при мостовом въезде в замок.

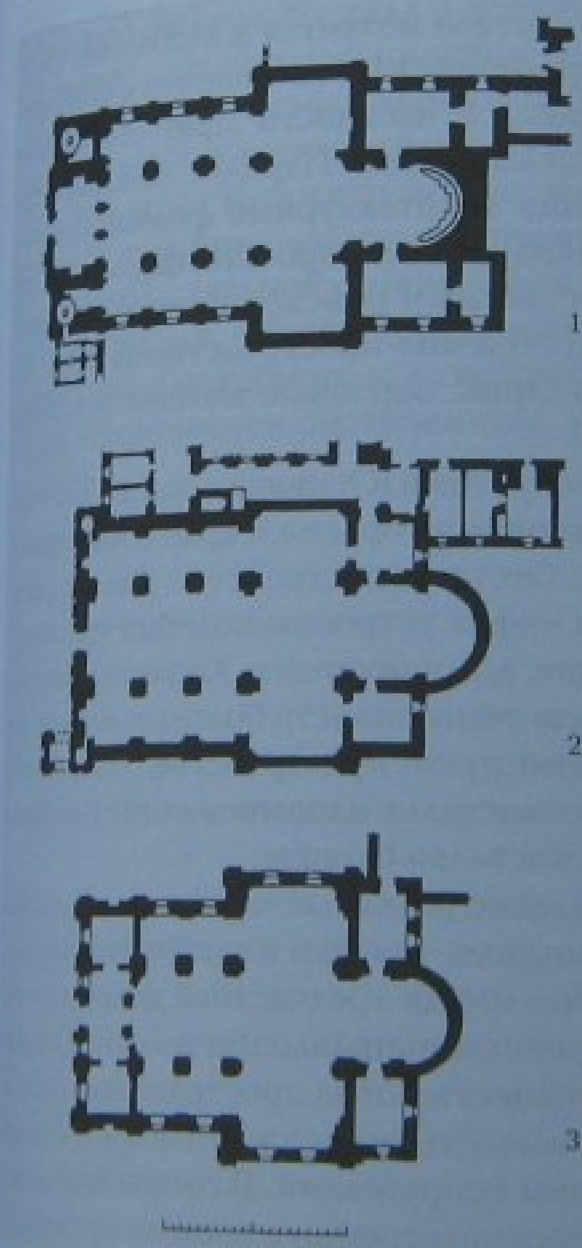
182 Планы костелов иезуитов конца XVI – середины XVII в. Аналитические таблицы автора.

1) Несвиж (1587–1593).
2) Гродно (1647–1663), по Е. Кветницкой.
3) Пинск (1631–1638)

Целесообразным представляется рассмотреть эволюцию формально-стилистических свойств архитектуры монастырей иезуитов, по возможности определяя круг участвовавших в строительстве архитекторов и мастеров строительного дела, в том числе иноземных. При этом хронология создания иезуитами монументальных монастырских комплексов выстраивается иначе, нежели последовательность их основания, а именно — Несвиж, Пинск, Гродно, Брест, Витебск, Полоцк, Мстиславль, Орша, Могилев, Юровичи, — что получило отражение в аналитических таблицах планов костелов ордена.

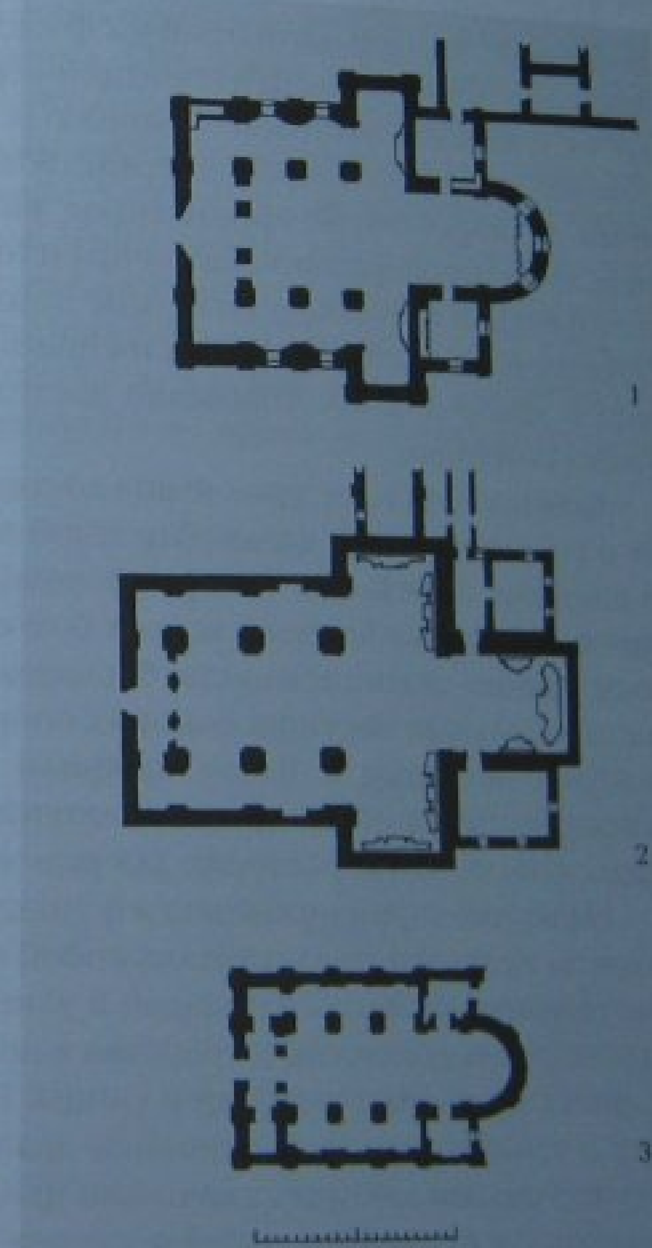
Первые сооружения иезуитов конца XVI – XVII вв. привнесли в храмовое строительство края новую для него систему купольной трехнефной базилики с трансептом, в плане которой четко выявлялась форма латинского креста. Архитектура каменных костелов ордена отличалась укрупненным масштабом и характерным для раннего итальянского барокко строгим, следующим прежде всего логике конструктивного построения сооружения, декоративным решением внешних

форм храма. Ранее уже отмечалось сходство костела в Несвиже с римской Иль Джезу, получившее отражение в общей объемно-пространственной композиции, иконографии фасада. Общим в построении плана храма является форма латинского креста с квадратом средокрестия как пространственным и конструктивным основанием купола. Вместе с тем в Несвиже вместо боковых капелл устроены два боковых нефа, а две отдельные, выступающие вне стен храма капеллы были пристроены позднее. Вместо четырех в Несвиже только три ряда опор, отделяющих поперечные нефы. Следовательно, внутреннее пространство базилики имеет менее выраженный протяженный характер. В Несвиже к ап-

183 Планы костелов иезуитов второй половины XVII – середины XVIII в. Аналитические таблицы автора.

1) Полоцк (1733–1735, 1738–1746).
2) Брест (1678).
3) Витебск (1713–1731)

184 Планы костелов иезуитов XVIII в. Аналитические таблицы автора.

1) Мстиславль (1738, 1757).
2) Орша (1741–1758).
3) Могилев (1699–1725)

сиде пристроены сакристия и скарбница, которые потребовали удлинения пространства пресбитерия.

Иконография главного фасада костела иезуитов в Бресте (1678) имеет сходство с порталом церкви св. Барнаба коллегиата Марино (Гроттаферата) в Риме, возведенного в 1653 г. План костела, как и в Несвиже, имеет три (в Джезу четыре) поперечных нефа. А в остальном — в пропорциях соотношения алтарной и центральной части, в прорисовке плана притвора с круглыми очертаниями лестничных винтовых проходов на хоры — план брестского костела иезуитов следует Джезу.

Принципиально иная система построения плана, объемно-пространственной композиции и иконографии фасадов костела иезуитов в Могилеве, тяготеющая к архитектурным образцам бернардинцев. Много общего в планировке иезуитских костелов Полоцка и Орши, в частности прием решения завершения пресбитерия, посредством плоской стены. Наряду с общими чертами планировочной организации, внешние архитектурные формы указанных храмов совершенно различны и индивидуальны. Барочные формы решения фасадов в Полоцке созвучны художественным поискам позднебарочной архитектуры соседних Чехии и Польши. В объемно-пространственном решении и декоративном убранстве костела в Орше барочные мотивы уступили место романике.

Композиция и рисунок плана костела иезуитов в Юровичах свидетельствует о разрыве связей позднебарочной архитектуры ордена в крае с ведущими и первыми образцами Контрреформации. Отсутствует трансепт, два симметричных боковых алтаря в торцах боковых нефов устроены подобно трехнефным храмам францисканцев, бернардинцев, доминиканцев. Характер рисунка центральных несущих боковых опор и системы пилястр боковых нефов, их выпукло-вогнутые в плане профили формируют пространства, более чем в предшествующих по времени иезуитских костелах напоминающие боковые ряды капелл, что характерно для римских костелов барокко.

Наиболее территориально и функционально развитые монастырские комплексы иезуитов представляли собой обширные участки в застройке города, растянувшиеся вдоль площадей и улиц. Они имели трехчастное деление внутреннего дворового пространства в поперечном направлении по отношению к линии застройки площади и улицы. На общественные пространства площадей и улиц выносились основные здания монастырского комплекса с богато украшенными декором уличными фасадами сооружений. В состав монастыря входили несколько линий построек. Непосредственно к костелу примыкал главный двор, в нем размещалась коллегия. Следующий двор образовывали жилые корпуса для монахов и священнослужителей, аптека и т.д. и здесь же разбивался монастырский сад. С другой стороны к коллегии примыкал хозяйственный двор (Брест, Полоцк, Орша, Юровичи).

Крупные монастырские комплексы иезуитов Е. Квитницкая сравнивала с системой организации феодального замка: «...в целом высшее учебное заведение иезуитов представляло собой феодальную, основанную на крепостном труде монастырскую усадьбу со всеми принадлежавшими ей постройками, к которой были добавлены учебные помещения. Подобный же характер имели и культурно-промышленные центры, организуемые магнатами». Эволюция градостроительной организации иезуитских комплексов на протяжении XVII–XVIII вв., по мнению исследовательницы, состояла в постепенном перемещении здания коллегиума из глубины участка монастыря на линию главной площади города, в результате формировался «грандиозный, протяженный, открытый к пейзажу фасад»[200]. Такая закономерность была обусловлена прагматичными соображениями, необходимостью строительства в первую очередь костела и хотя бы одного крыла кляштора, соединявшегося переходом через сакристию с храмом. Основные тенденции развития комплексов коллегии иезуитов можно представить, как стремление перейти от отдельных построек храма к сложным системам частью замкнутых, а частью открытых в сторону города многочастных структур, в строгом соответствии с функциональным назначением сооружений. Многие расхождения в градостроительной организации построенных иезуитами ансамблей, несоответствия их общим принципам эксцентрической композиции костела, кляштора, служебного и хозяйственного блоков монастыря, в значительной мере объясняются постепенным, растянутым во времени процессом строительства.

Кармелиты

Община кармелитов была основана в 1155 г. в Палестине, у источника св. Илии, на горе Кармель группой крестоносцев во главе с Бертольдом из Калабрии. Главный приор Симон Шток препоручил орден особенному покровительству Пресвятой Девы Марии, после чего кармелиты стали называться братиею Пресвятой Девы (1245). Вытесненные из Палестины сарацинами (1238–1244), кармелиты поселились на Кипре, в Сицилии, Италии, Англии, Франции и Испании. Подобно францисканцам, кармелиты разделились на конвентуалов и обсервантов, последние получили название «кармелитов босых» (1431, 1459). Женский орден кармелиток основан во Франции, при генерале Иоанне Баптисте Соре (1452), его монастыри получили распространение главным образом в Испании и Франции, а также Австрии и Баварии. В конце XV в. образовалась польская провинция ордена.

На белорусско-литовские земли орден пришел после 1506 г., когда канцлер в.к.л, воевода виленский кн. Николай Радзивилл выстроил кармелитский монастырь в предместье Вильны; фундация была утверждена Папой Львом X (1517). Со временем польская кармелитская провинция была разделена на польскую и русскую провинции (1687), а последняя затем на русскую и литовскую (1756), которые после вхождения Беларуси и Литвы в состав России снова были слиты в одну провинцию (1820).

В Беларуси монастыри и резиденции кармелитов получили распространение в XVII в. По времени основания выстраивается следующая последовательность монастырей: Мстиславль (1616), Радомль возле Чаус (1619), Берестовицы (1620), Белыничи (1624, по Д. Толстому, 1622), Княжицы возле Могилева (1632), Глубокое (1639), Гродно (1650), Чаусы (вероятно, первая половина XVII в.), Мозыки возле Мстиславля (1714), Пинск (1734), Стайки (1744), Могилев (1752), Мядель (Старые Медзеолы 1754), Гудогай (1764), Бельск[201].

Начало строительной деятельности в крае совпало с введением церковной регламентации в сфере строительства ордена[202], когда были утверждены образцы планов костелов и кляшторов для каждой провинции. В Риме для провинции польской 25 января 1622 г. был утвержден определенный план in modo crucis, принятый орденом для важнейших храмовых святынь. Конституцией закона определялись размеры костела. В соответствии с указанными правилами, в частности, был построен костел кармелитов в польском городе Висниче Новом (архитектор Матей Трапола(?), начало строительства 1629).

Размеры его составляли в длину 34 м; ширина между пилястрами равнялась 9,6 м; ширина каплиц 4,2 м; длины сакристии, скарбца, ораториума и каплицы по 9,6 м. Ширина трансепта устанавливалась в половину ширины святыни (храма), а длина — в одну восьмую. Основные проектные размеры костела, таким образом, определялись решениями генерального капитула кармелитов, а не архитектором или фундатором. Строительные правила ордена впервые принимались и издавались в 1614, 1617 и 1620 гг. Согласно регламентам конституции 1623 г., ширина костела между крайними пилястрами не должна была превышать 9,6 м. Длина рассчитывалась пропорционально ширине, но ограничивалась до 34,8 м. В отличие от распространенной у иезуитов системы пятиосевой композиции фасада, для строительства костелов кармелитов задавалась трехосевая схема композиции фасада. Следование образцовым проектам кармелитов получило отражение и в других польских костелах кармелитов того времени, например в храме св. Терезы в Бердычове (1624–1636).

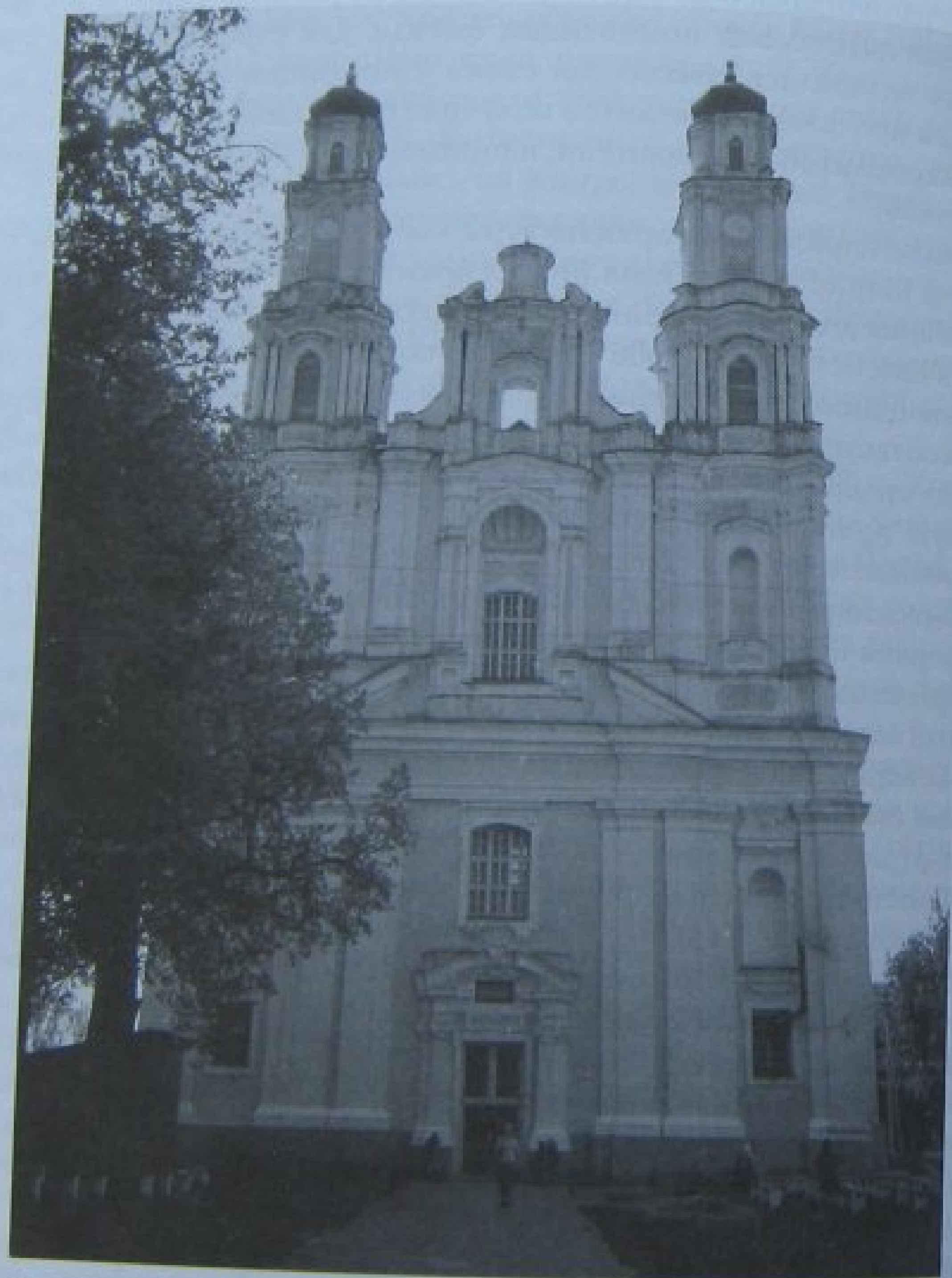
Основными примерами архитектуры костелов кармелитов в Риме считаются Санта Мария делла Скала (фасад архитектора Оттавиано Маскерини) и Санта Мария делла Виттория (проект архитектора Карла Модерна, фасад Джованни Баттисто Сори, 1608–1620). Декорация фасада была более скромной по сравнению с внутренним убранством и производила впечатление суровой. В соответствии с принятой символикой, применение в интерьере коринфского ордера должно было обозначать внутреннее пространство как прекрасную душу Христа, соответственно оформление внешнего облика храма символизировало его тело. Себастьян Серлио и Пьетро Катанео выражение символики внешнего оформления храма «под знаком Христа Спасителя» доверяли несколько упрощенной (испорченной) «дорике»[203].

В оформлении внутреннего пространства Висничского костела доминировал главный алтарь Христа Спасителя. Во внешнем оформлении значительную роль играл карниз, который опоясывал весь корпус костела. Над треугольным фронтоном была установлена фигура Христа на щите. В идейной программе получили отражение принадлежность ордену кармелитов и роль фундатора. Фигура Христа на щите над фронтоном главного фасада говорила о посвящении храма. Алтарь св. Терезы де Авила, посвященный известной подвижнице и реформатору ордена кармелитов (1515–1582), фигуры патронов кармелитов, пророков Екклезиаста и Иезекииля, изображенные на росписях сакристии отсылали к истории ордена. Таблица в украшении портала и изображения на фризе внутри костела запечатлели память о фундаторе храма и его отце.

Регламентация масштаба, пропорций и иконографии архитектурного решения храмов и монастырей кармелитов получила заметное отражение также и в памятниках Беларуси XVII в.

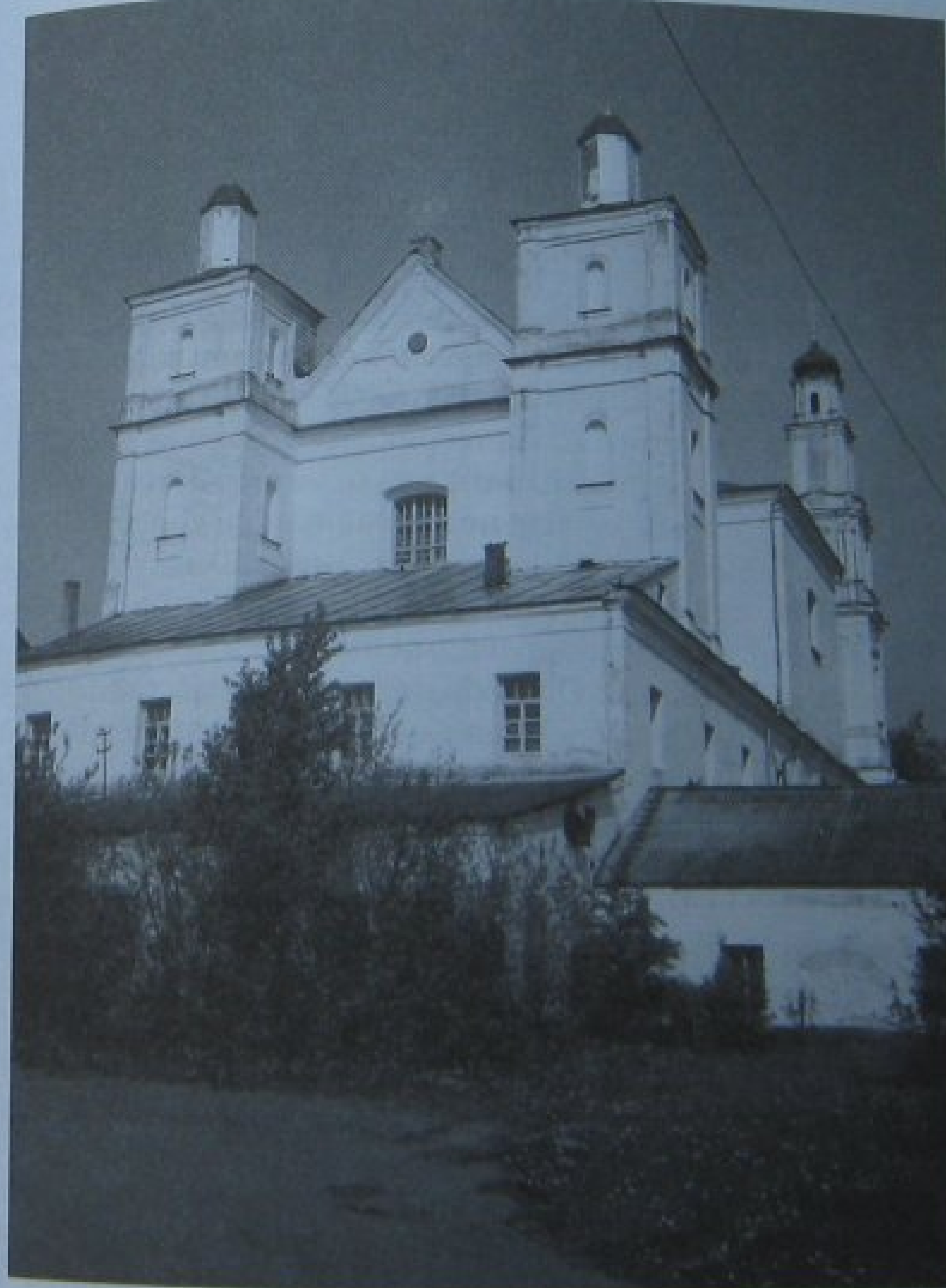
Одним из наиболее древних и сохранившихся в крае построек кармелитов является монастырский комплекс в Глубоком, Лидского (позднее Дисненского) повета. Монастырь находился в центре юго-восточной части владельчес-

кого города, при озере Глубоком. Костел и монастырь кармелитов босых был основан воеводой и старостой мстиславским Иосифом Корсаком. Роду Корсаков принадлежала северо-восточная часть селения. По завещанию фундатора в 1640 г. кармелитам жаловались имение Ластовица с 19 деревнями, имение Пшедолы с 6 деревнями и имение Свило со всеми его деревнями, другая недвижимая собственность. В окрестностях Глубокого кармелиты имели две филии (резиденции), располагавшиеся в Мамае и Дмитровщине. Аналогичной задаче, связанной с управлением церковных приходов, служило возведение кармелитами в XVII в. в Глубоком униатской церкви св. Троицы[204].

185 Монастырь кармелитов в Глубоком (1640, 1654, реконструкция главного фасада 1743, 1782)

Первые деревянные строения в 1654 г. были заменены каменными. Главный фасад, вернее, внешние формы нартекса храма, а также его интерьеры в 1735 г. перестраивались по проекту И. Глаубитца. На хорах костела в праздники собиралось до 40 музыкантов. Каменные ворота в монастырь были возведены одновременно с реконструкцией храма. В XVIII – XIX вв. при монастыре действовали начальная школа и конвикт на 12 неимущих дворянских детей, богадельня и гостиница; находилась библиотека, насчитывавшая до трех тысяч книг, собрание картин, гравюр и географических карт; существовали физический кабинет, аптека.

186 Костел кармелитов в Глубоком, задний фасад

К монастырю были приписаны около 6100 крепостных крестьян (1775). После восстания 1793 г. местечко Глубокое было введено в состав Минской губернии. Монастырь упразднен в 1842 г., художественная и научная коллекции вместе с собранием книг были вывезены в Вильно. В 1895 г. костел преобразован в православный храм и над средокрестием надстроен деревянный купол (вместе с деревянными завершениями башен купол сгорел в 1944 г.). С западной стороны к костелу примыкал трехэтажный, прямоугольный в плане кляштор с внутренним двором. Две линии монастырских корпусов разобраны в 1892 г.[205]

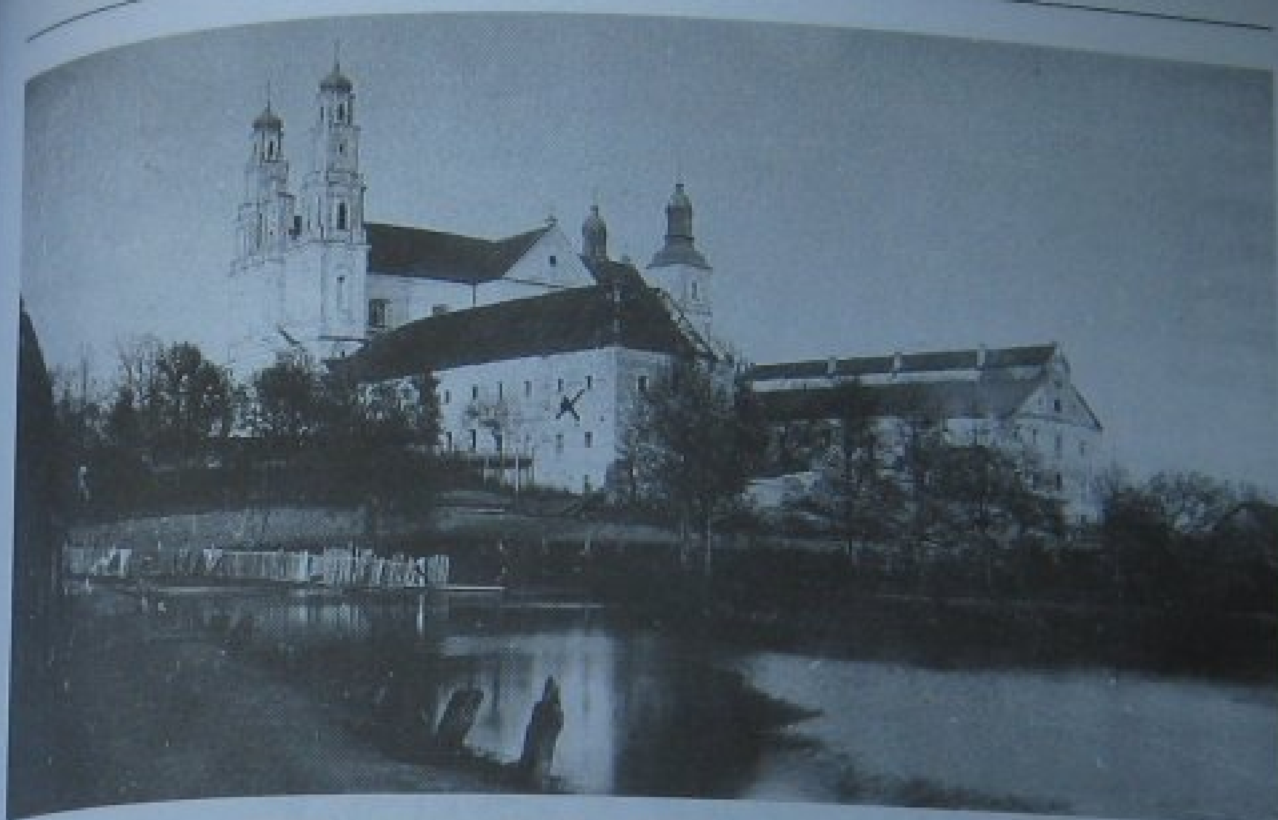
Костел кармелитов в Глубоком построен в виде трехнефной бескупольной базилики с трансептом. Основные параметры сооружения отвечают ряду основных требований ордена: взятые в чистоте между несущими опорами расстояния между пилястрами центрального нефа 9,6 м; ширина боковых каплиц 4,2 м; длина трансепта равна половине ширины центрального нефа. Алтарная часть базилики ориентирована примерно на восток.

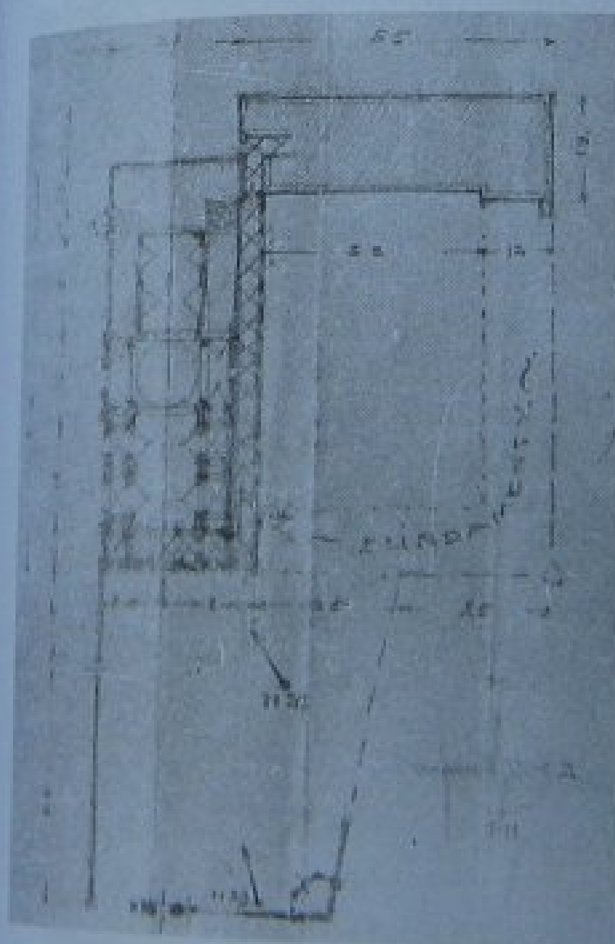
Торцевая сторона пресбитерия замыкается прямой стеной, встроенной в более низкие, окружающие костел корпуса, в которых помещаются сакристия и скарбец. Место средокрестия в интерьере оформлено ложным и плоским куполом. Задний, западный фасад костела решен в сдержанных формах, его венчает треугольный фронтон, украшенный крестообразными лопатками с круглой нишей в центре, и две симметричные четвериковые башни на углах.

Названные черты архитектуры храма редко встречаются в костелах других орденов на территории Беларуси, но в полной мере присущи двум кармелитским монастырям Вильно. В Беларуси и столице Великого Княжества Литовского кармелиты появились одновременно. В Вильно из сакральных комплексов кармелитов наиболее древними являются монастырь св. Терезы при часовне иконы Богоматери Остробрамской (первый храм 1627 г.; основание на пожертвования Стефана Паца каменного комплекса 1633–1650 гг., архитектор Ульрих, фасад проектировал Константин Манома) и монастырь св. Иосифа (основан 1620–1630 гг., костел 1638 г.)[206].

Сложно говорить о первоначальном оформлении главного фасада костела в Глубоком. Подобно виленским костелам ордена, его решение, вероятно, также следовало римским архитектурным образцам, а именно трехосевой композиции с оформлением дольной части базилики системой пилястр, а горней части — треугольным фронтоном и волютами по сторонам. (Примечательно, что волюты такого характерного рисунка, применявшегося в оформлении фасадов кармелитских костелов, позднее появились в двух верхних ярусах иконостаса Глубокского костела (1895)).

Кляштор примыкал к костелу с северной стороны. Подобно храму в Висничах, вдоль стены базилики протянут крытый переход, замыкающий галерею-переход вокруг прямоугольного внутреннего двора-клуатра. Из трех трехэтажных корпусов частично сохранилась только одна линия, восточная. Монастыри кармелитов в Глубоком и св. Терезы в Вильно имеют во многом

187 Панорама монастыря кармелитов в Глубоком, фото конца XIX в. (РГИА)

188 План костела и кляштора кармелитов в Глубоком, обмеры конца XIX в. (РГИА)

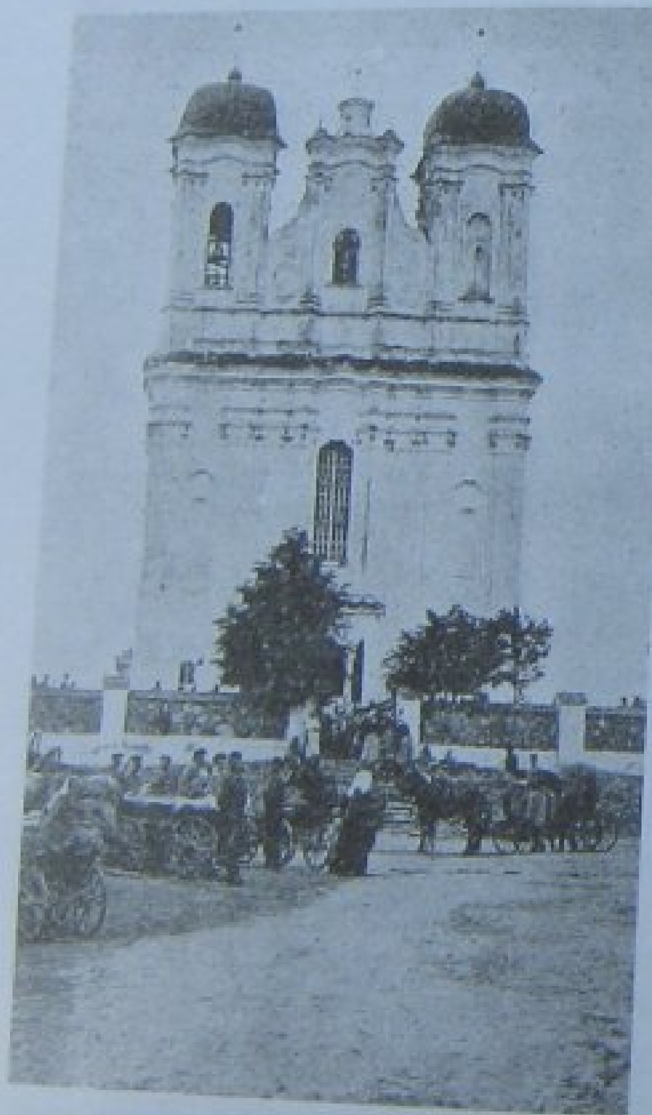
189 Портал входа в костел кармелитов в Глубоком

похожее архитектурное решение сопряжения костела и кляштора, как на плане сооружений, так и в иконографии алтарного фасада. Отличие заключается только, в первом случае, двухбашенном и симметричном решении алтарного фасада храма, а во втором случае, однобашенном и асимметричном завершении восточного фасада костела. Таким образом, на начальном этапе строительства кармелитов в пределах белорусско-литовских земель проводились единая типология архитектурной организации монастыря и храма, а также единообразие внешнего оформления базилики.

Строительство ордена в Глубоком не ограничивалось возведением монастыря. Прямо напротив него кармелиты возвели вторую базилику, приходский храм и передали его униатам. Троицкий костел был построен на противоположной стороне площади и главным фасадом обращен в сторону костела кармелитов. Вначале он был деревянным (1743), затем отстроен в кирпиче (1782), а позднее стал фарным костелом в Глубоком. Современный облик Троицкой церкви сформировался в два этапа. Сначала была возведена бесстолпная зальная двухбашенная базилика (первоначальный вид костела сохранился на почтовой открытке). Затем она была расширена и превращена в трехнефную крестовую базилику с трансептом (1902–1908). Изменения, внесенные в архитектуру храма, в особенности совершенно переработанная иконография главного фасада, позволяют предположить, что замысел наиболее позднего этапа реконструкции был связан также с кармелитами. Обновленный облик Троицкого костела в Глубоком воспринимается репликой другой храмовой святыни ордена, наиболее почитаемой в Беларуси XVIII в. базилики кармелитов в Белыничах.

Сохранились еще два комплекса кармелитов XVII в. — это монастыри в Берестовице и Мстиславле, архитектурный облик которых, однако, существенно искажен последующими перестройками.

О монастыре в Берестовице существуют самые скудные сведения. Деревянный костел св. Троицы построен в 1620 г. на пожалования Константина Паца, храм перестраивался в XVIII в., а в 1866 г. был преобразован в православную церковь.

190 Троицкий костел в Глубоком (1743, 1782), фото конца XIX в.

191 Троицкий костел в Глубоком после реконструкции 1902–1908 гг.

Существующий каменный храм представляет собой трехнефную шестистолпную бескупольную базилику с трансептом. В построении плана никак не проявились строительные правила ордена: средокрестие в плане не квадратной, но прямоугольной формы; пресбитерий заканчивается полукружием апсиды. Возможно, чрезмерно вытянутые крылья трансепта образовались в результате последующей реконструкции. Вместе с тем за основу композиционного построения фасада костела принята трехосевая вариация «иезуитского фасада». Характерной особенностью берестовицкого храма является высокая цокольная часть и высокая дольная часть, соответствующая высоте центрального нефа и трансепта. Иконография фасада, скорее всего, отвечала правилам ордена: нижний ярус оформлен системой пилястр тосканского ордера, утраченный декор второго яруса фасада, скорее всего, составляли пилястры коринфского ордера, а переход от верхнего к нижнему ярусу осуществлялся посредством симметричных волют.

Кармелитский монастырь в Мстиславле основан в начале XVII в., при этом называются различные даты — 1614, 1637 и 1638 гг. Фундуш был утвержден в 1631 г. королем Сигизмундом III. Костел построен в 1654 г. на средства войского мстиславского Кароля Якова Мадалинского. Каменный кляштор датируется 1667 г.

Монастырь был расположен на предмостной площади, напротив замка города, через глубокий ров от него. Храм посвящен Успению Божией Матери. Он реконструировался в 1746–1750 гг. (архитектор И.Глаубитц), существенно изменен был главный фасад и покрытия костела, стены которого украсили росписи. Частичные изменения внесены при реконструкции 1887 г. В 1830–1835 гг. при монастыре состояли 3 монаха и 105 монастырских крестьян[207].

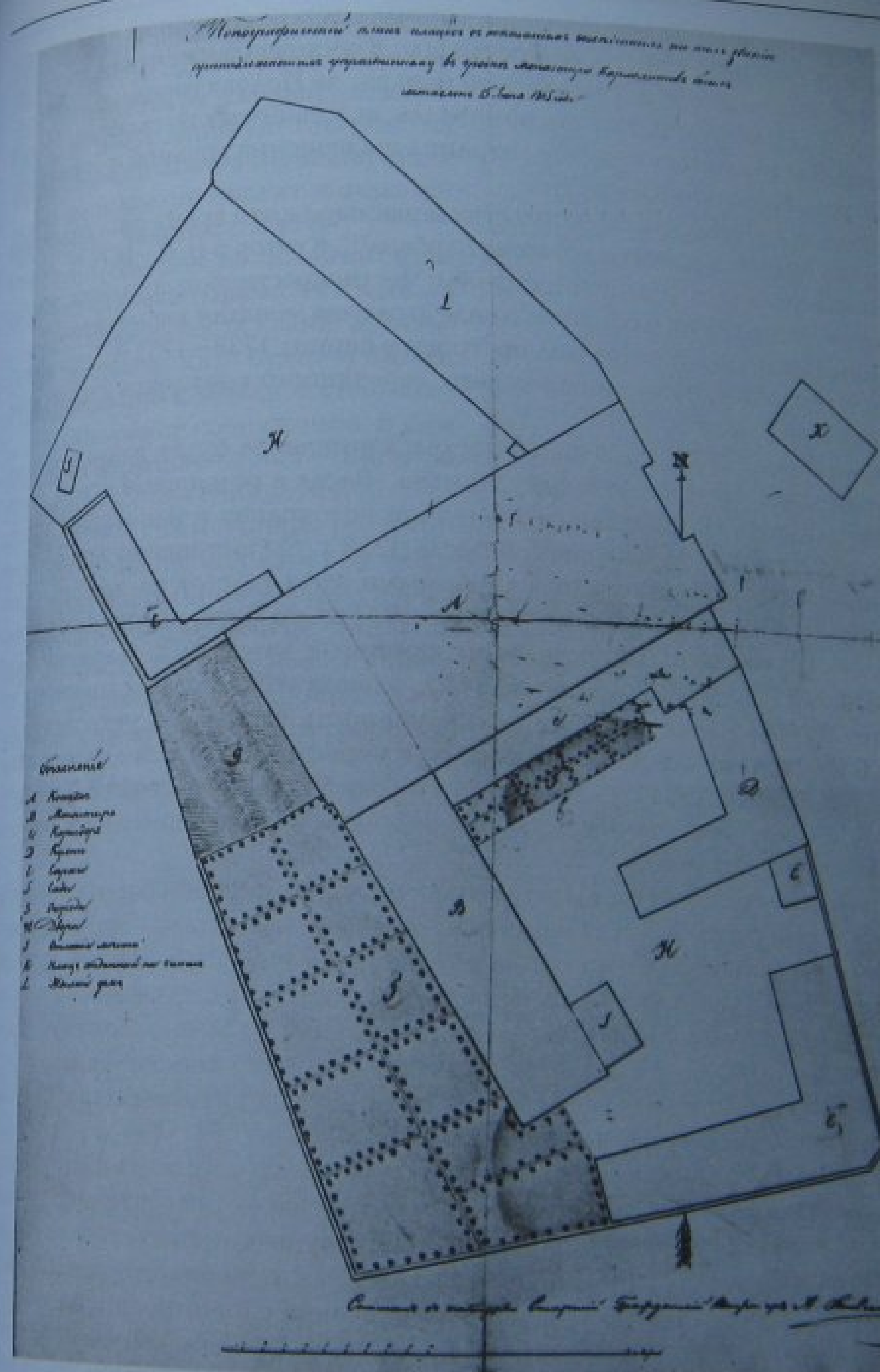
Костел ориентирован главным алтарем на восток и имеет граненую апсиду. Он представляет собой трехнефную шестистолпную базилику, без трансепта и без отдельно пристроенных объемов сакристий. Сохранившийся в виде единичного корпуса, каменный двухэтажный кляштор примыкает к храму с северной стороны.

Каменные сооружения кармелитских монастырей в Гродно, Белыничах, Могилеве, Чаусах, Засвири, Мяделе относятся к XVIII в.

Монастырь в Гродно, к сожалению, не сохранился, вместе с тем памятник подробно исследован и описан Е. Квитницкой[208].

Точная дата появления монахов босых кармелитов в Гродно неизвестна. В литературе имеются указания, что «около 1650 г. некто Андрей Котович пожертвовал против Честнокрестненской церкви кармелитам босым часть земли, на которой они построили небольшой деревянный костел»[209]. По крайней мере, в 1650-е гг. были построены деревянный ориентированный апсидой на юг костел и деревянный кляштор кармелитов. Этот комплекс зафиксирован планами Гродно 1655, 1674, 1706, 1758 гг. Его костел имел 5 золоченых алтарей.

Униатский митрополит Киприан Жоховский в 1674 г. предоставил гродненским кармелитам церковный участок и кладбище братства цеха кожевни-

192 План монастыря кармелитов в Гродно (1650, каменный 1738–1752). (РГИА)

ков. До этого времени данный участок занимала одна из старейших в Гродно православных церквей — Честного Креста, или Крестовоздвиженская, со временем переведенная в унию. Возле этой церкви, на Подоле города, в прибрежной части Немана издавна располагалась кожевническая слобода. Новый каменный кармелитский костел сохранил посвящение древней и упраздненной церкви Честного Креста[210].

Главным фундатором строительства монастыря в это время стал виленский каштелян Андрей Котович и его жена Барбара[211]. Ктитор в 1671–1676 гг. скупил земельные участки города по Мостовой и Честнокрестненской улицам, числом 11 плацов, огородил их и оформил в виде фундуша монахам кармелитам[212].

Новый каменный костел был построен в период 1738–1752 гг., его разместили через улицу, напротив прежнего, деревянного комплекса кармелитов, на Мостовой улице[213].

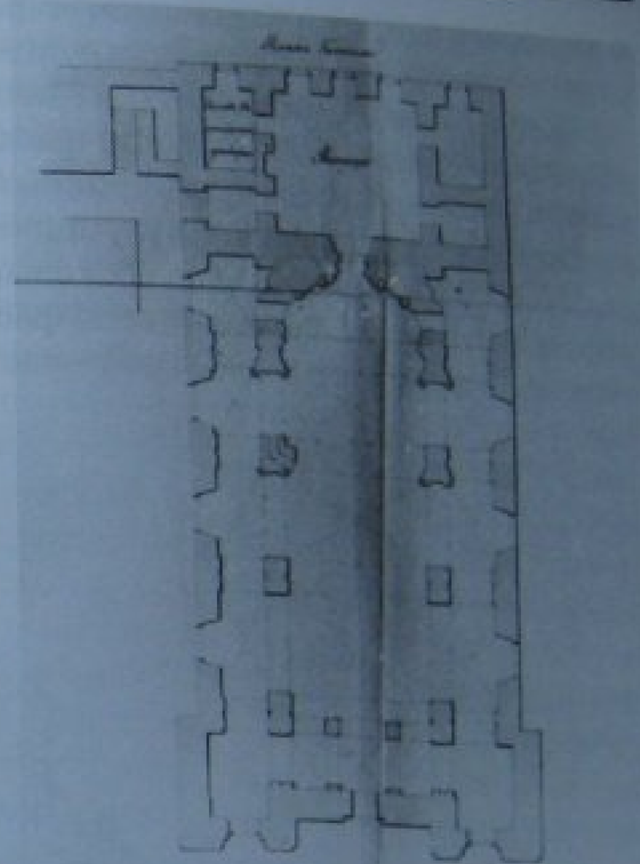
По описанию 1752 г.: «Новый костел кармелитов будет великолепным. Основательно строится на берегу Немана. Фасад в романском стиле, очень украшенный»[214]. Примыкавшая к ризнице колокольня и некоторые другие части монастыря достраивались и после 1798 г.[215] Постепенно деревянные строения монастыря заменялись каменными, хотя участок по-прежнему назывался «Старым монастырем». В 1843–1847 гг. на месте деревянных монастырских строений были поставлены каменные казармы[216]. Кармелитский монастырь в Гродно был закрыт в 1845 г., здания его переданы военному ведомству. В 1881 г. они перешли в собственность города для устройства казарм. В 1903 г. началась разборка костела и перестройка жилого корпуса кляштора, где осенью 1904 г. разместился Гродненский крепостной батальон[217]. В результате от монастырского комплекса остались фундаменты и небольшой фрагмент застройки.

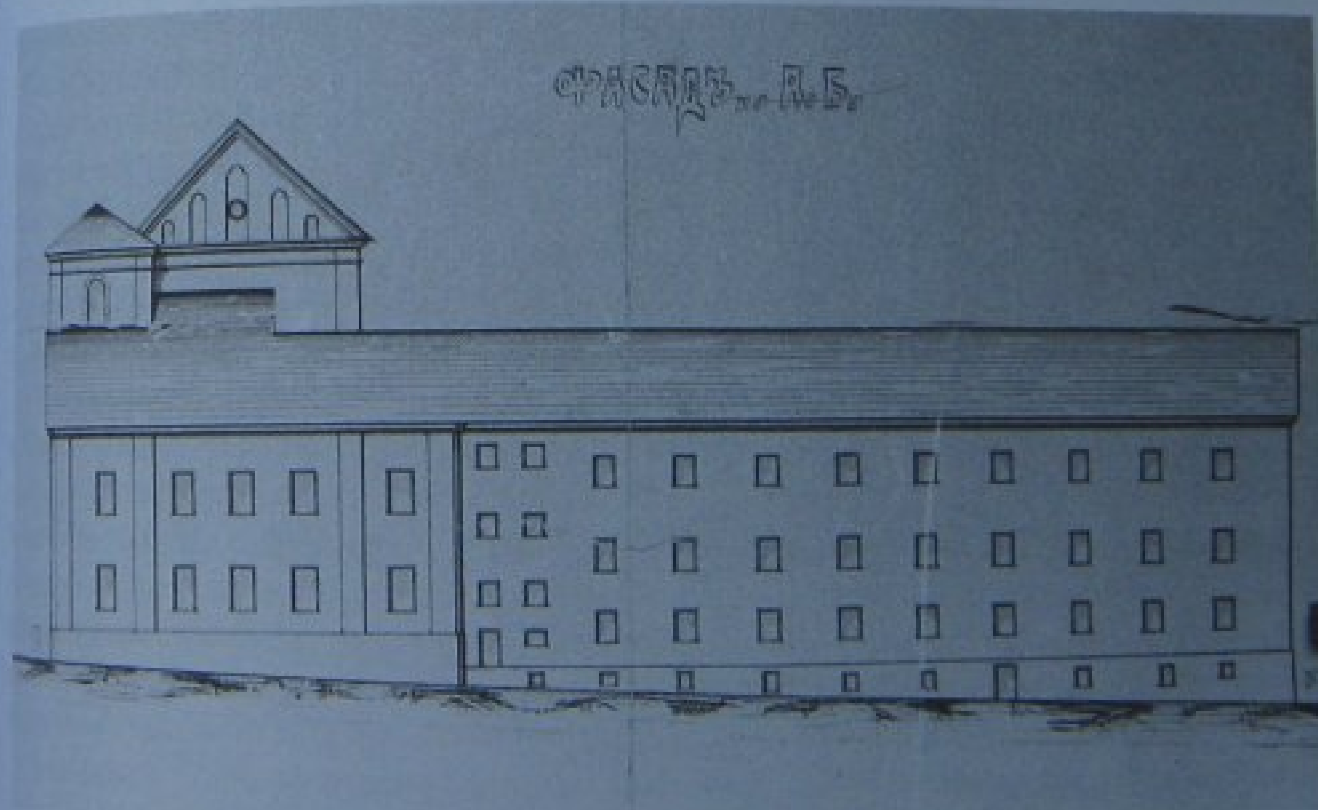
Каменный комплекс монастыря размещался на неправильном по очертаниям пологом участке, спускавшемся к реке. Костел занимал эксцентрическое угловое положение относительно кляштора и выходил на красную линию улицы, ведущей от рынка на Подол. Замкнутый с клуатром комплекс кляштора, иррегулярной формы, находился к югу от храма, разомкнутый хозяйственный двор — к северу от костела. Внешнюю конфигурацию плана определяла кривая линия магистрали. Сад и огород размещались в глубине участка, непосредственно за кляштором и костелом[218].

Вдоль южного фасада храма был устроен крытый коридор в сторону корпуса келий, под прямым углом примыкавший к сакристии (ризнице). Жилой трехэтажный корпус имел коридорную систему планировки, сводчатые перекрытия, подвалы. С противоположной стороны коридора, вдоль улицы размещался Г-образный в плане корпус трапезной с пристроенной к нему на конце кухней. Трапезная выходила на улицу глухим фасадом. Далее угловое положение на участке занимали две расположенные под острым углом друг к другу линии хозяйственных корпусов. Под пекарней и кладовой находился погреб для овощей. На территории монастыря располагался трехэтажный

доходный дом на 20 комнат, служивший в качестве одного из источников доходов монастыря. На дворовом фасаде дом имел длинную галерею на деревянных столбах, заменявшую коридор, по примеру многих жилых домов Гродно, начиная с XVI в.

Особым образом, по аналогии с кармелитскими монастырями XVII в., была решена алтарная часть храма: пресбитерий встроен, как будто утоплен в примыкающий к западной стене костела двухэтажное сооружение. В нем находились три помещения — в центре квадратная летняя сакристия, по сторонам от нее, симметрично расположенные, меньшие по размерам скарбец (склад костельной утвари — ближе к кляштору) и зимняя ризница. Алтарный фасад костела имеет характерное решение, он завершен треугольным фронтоном и пристроенной

193 План костела кармелитов в Гродно (РГИА)

194 Алтарный фасад костела и кляштора кармелитов в Гродно (РГИА)

с западной стороны башней. Этот фасад расчленен пилястрами, а размеры окон и высота этажей имеют укрупненный масштаб.

Главный фасад костела, по мнению Е. Квитницкой, характерен для течения «виленское барокко». Решение фасада отражает базиликальную структуру храма: боковые части фасада прикрывают крайние нефы, а средняя, слегка заглубленная часть соответствует широкому главному нефу. Дольная часть фасада костела несколько выше боковых нефов и в определенном смысле является декорацией. Горняя часть фасада имеет двухъярусное построение, отсюда во фронтоне дважды повторяется прием парных симметричных волют

195 Фасад костела кармелитов в Гродно, рис. Е. Квитницкой

при переходах между горизонтальными ярусами. Деление на нефы отмечено типичным для «виленского барокко» сгруппированными коринфскими пилястрами, поддерживающими раскрепованный антаблемент. Промежутки между пилястрами боковых частей заполнены большими фигурными окнами и нишами со статуями. В центральной части над входом и венчающим его окном находится ложа для музыкантов, которые играли во время торжественных процессий.

Следует заметить, что общая иконографическая схема главного фасада гродненской базилики кармелитов следует образцам, принятым кармелитами для строительства своих костелов в польской и русской провинциях еще в XVII в. Использование системы коринфских пилястр в оформлении первого и второго ярусов главного фасада восходит к римской церкви Санта Мария делла Скала. И только особая, характерная для гродненского костела более дробная система членений фасада и усложненная и беспокойная трактовка форм его декорировки указывает на относительно позднее время строительства каменной базилики кармелитов в Гродно. Завершением фронтона служил сложный резной двухъярусный щипец. Он прикрывал крутую черепичную крышу костела. Края щипца обрамляли спускавшиеся в каждом его ярусе волюты, вероятно увенчанные характерными для указанного стилистического течения металлическими вазами, усложняющими силуэт фасада и дополняющими завершающий фигурный фронтон костела крест. В обоих ярусах щипца находились ниши со статуями.

Об интерьерах костела известно сравнительно немного. Сразу за входом помещался опертый на четыре каменных столба музыкальный хор, где находился орган. Хор соединялся с балконом на восточном фасаде костела. Интерьер был украшен статуями и резным стуком. В главном трехъярусном алтаре, равном по ширине центральному нефу, находилось огромное, раскрашенное деревянное распятие. Под ним помещался образ Богоматери. У промежуточных устоев располагались алтари, также богато декорированные. Полы костела в главном нефе и пресбитерии были выстланы мраморными плитами, в остальных частях — кирпичом.

Наиболее известным в истории Беларуси является монастырь кармелитов в Белыничах. Он размещался посреди владельческого местечка, на плато, высоко приподнятом над рекой Друтью. Лев Иванович Сапега 1 марта 1624 г., в память о битве с казаками, основал в своем вотчинном имении деревянный костел и монастырь ксендзов кармелитов. Фундуш (утвержден в 1653 г.) включал три деревни — Церковища, Техтино и Угольщизна, сверх того, кармелитам были отписаны четыре участка в Белыничах с находившимися на них мещанскими дворами и огородами (запись 1625 г., утверждение 1628 г.).

Местечко вначале принадлежало Сапегам, затем Огинским, позднее Кожуховским, после польского восстания (1863–1864) и конфискации имения оно было приобретено С.Мясоедовым, а от него впоследствии перешло по наследству к Н.Н. Фермору[219].

Деревянные постройки костела и монастыря были заменены каменными сооружениями в 1756—1761 гг., ктиторами на этот раз стали сразу несколько известных фамилий — Сапеги, Огинские, Радзивиллы и др. Строительство было приурочено к торжествам коронации Белыничской чудотворной иконы Богоматери.

Существовало несколько преданий о происхождении чудотворной иконы в кармелитском монастыре. Две из них повествуют о православном происхождении святыни. Первая говорит, что икона прежде находилась в древней белыничской Ильинской православной церкви, она имела греческую надпись, и, по учению православной церкви, на ней было изображение благославляющего Богомладенца. Вторая версия сводится к тому, что икона могла быть похищена латинянами с ворот оршанского Кутеинского монастыря в XVII столетии, во время нападения на этот монастырь, а затем перенесена в Белыничский костел.

Третья легенда повествовала о латинском происхождении иконы: «Во основанном Львом Сапегою монастыре не было еще чтимого образа; монахи прилагали большие старания к тому, чтобы найти хорошего живописца; но так как в этих метах такого человека найти было трудно, то монахи кармелиты неоднократно возносили к Господу Богу мольбы о помощи им в приобретении образа, и молитва их была услышана. Приходит вечером к настоятелю монастыря в одежде пилигрима живописец и говорит ему и монахам: «Отцы! Долго вы заботились о приобретении образа, я живописец: если хотите, то будете иметь образ по вашему желанию». И так как не было готовой доски, на которой можно было написать образ, то пилигрим взял оконную ставню и начал писать на ней образ Богоматери, а ксендзы в это время, по просьбе пилигрима, служили литанию. Не успели окончить служение литании, как образ Богоматери с Богомладенцем был уже готов. Тогда живописец сказал монахам, что икона, которую я написал вам, сама себя приукрасит ризою, и стал невидим. Живописец этот был Ангел»[220].

В 1624 г. Казимир Сапега «украсил драгоценными камнями икону... и обложил серебром алтарь. На основании латинской надписи на серебряной табличке, пожертвованной иконе Павлом Ивановичем Сапегой, икона находилась в кармелитском монастыре не позднее чем с 1665 г.»[221].

Монастырь занимал один из центральных кварталов местечка, главные фасады костела и кляштора формировали фронт торговой площади. За нею начиналась прямая и длинная аллея, подводившая к комплексу господской усадьбы Огинских со службами и регулярными садами. Ориентация костела алтарем на юг, очевидно, была обусловлена градостроительными условиями[222].

После упразднения кармелитского монастыря (1876) в его строениях поместили православный Николаевский мужской второклассный монастырь, перемещенный из Мстиславля (март 1877)[223].

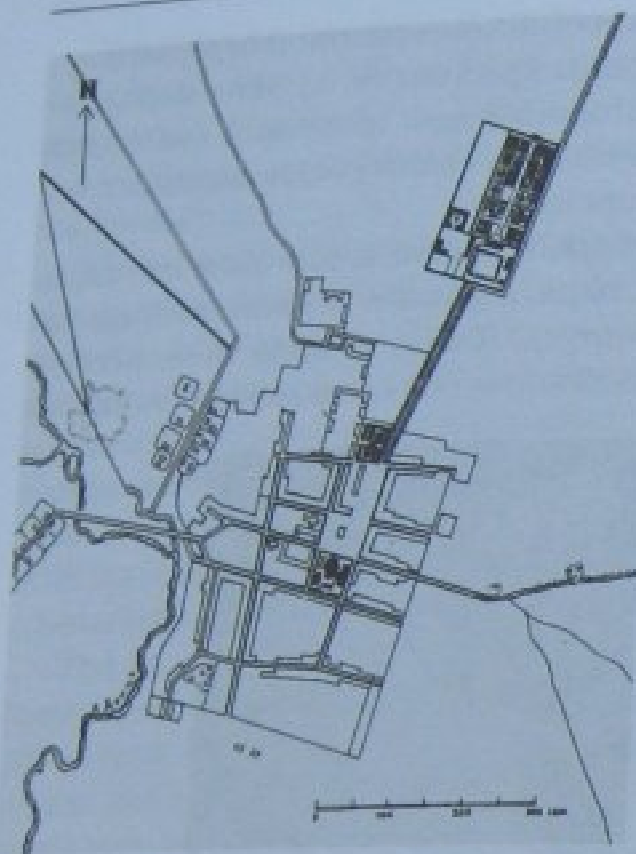
Частично сохранился только кляштор монастыря, об остальных его сооружениях сведения можно почерпнуть только из исторических очерков

начала XX в. Монастырь «с главных сторон обнесен каменной оградой с чугунными решетками и обсажен вдоль ограды красивыми, лучших пород деревьями. На дворе его — большой двухэтажный дом, имеющий вид с двух сторон правильного треугольника, одним концом своим соединяющийся непосредственно с церковью, с левой ее стороны»[224].

За костелом, с южной и восточной сторон, ближе к торговой площади, располагались каменные строения монастыря, вдоль его южной границы находились деревянные хозяйственные корпуса. Кляштор представлял собой Т-образное в плане здание, средней линией корпусов соединенное с сакрис-

196 Икона Белыничской Божией Матери

197 Ситуационный план размещения монастыря кармелитов и резиденции кн. Огинских в Белыничах, прорись с карты XIX в. (РГВИА)

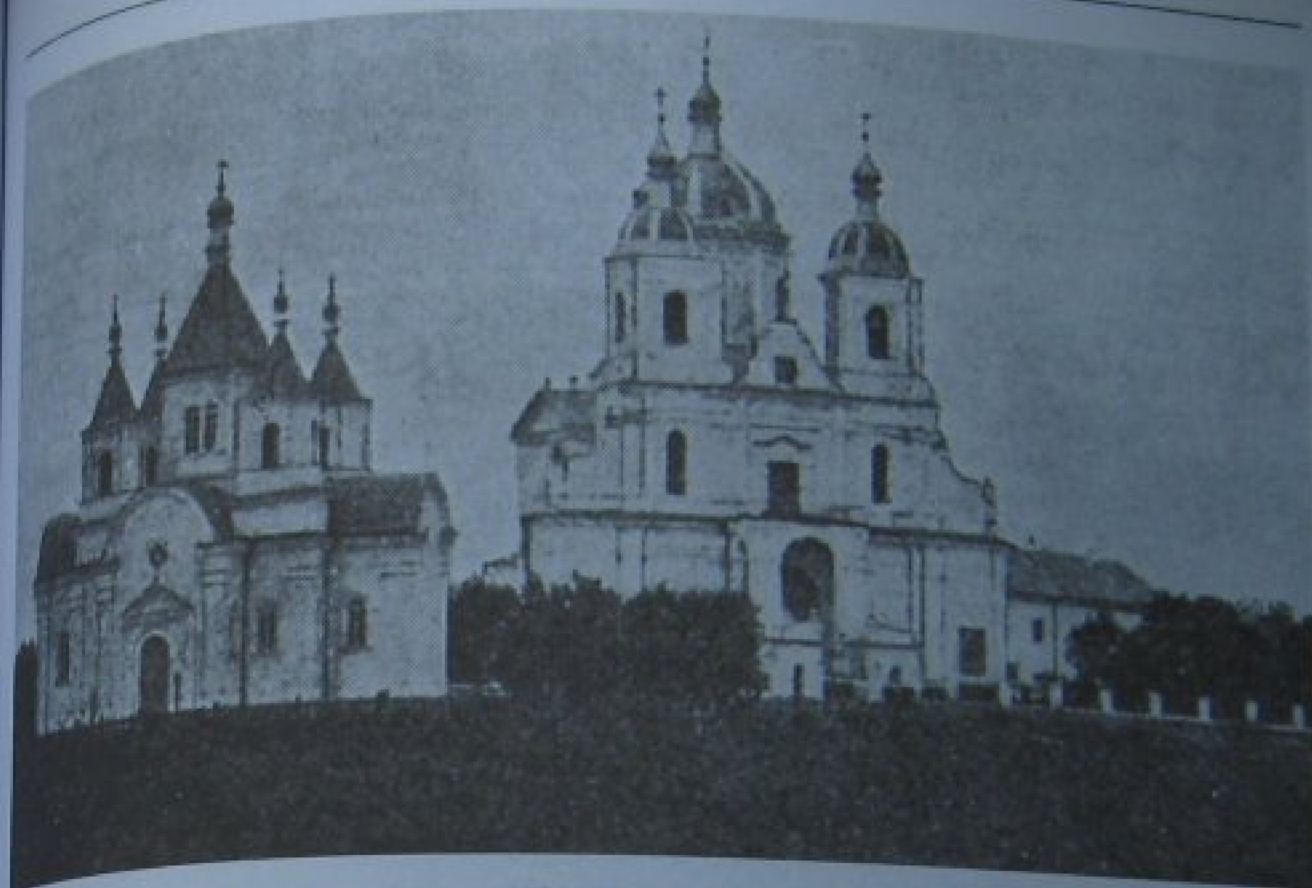
тией храма. Своды кляштора были расписаны.

По описанию, «церковь монастыря каменная, о трех главах, красива и высока, видна почти за десять верст, особенно с восточной и юго-западной стороны... особенно характерна передняя часть храма вблизи. Над главным двухъярусным фасадом, украшенным колоннами и пилястрами, высятся две стройные четырехугольные башни, накрытые восьмигранными куполами, эти башни служат колокольнями. Посредине фасада, перед входными вратами устроен высокий каменный тамбур, плоская кровля которого представляет собою балкон. Помещенный между башнями небольшой, почти треугольный фронтон увенчан фигурой Христа Спасителя в терновом венце, который держит высокий осьмиконечный крест»[225].

Таким образом, храм представлял собой двухбашенную трехнефную базилику с трансептом и полукруглой в плане апсидой пресбитерия. Из очерка неясно, существовал ли купол до реконструкции костела, по распространенному обычаю надстраивавшийся в XIX в. после передачи православному ведомству. Вытянутые пропорции барабана купола, верхний уровень которого соответствует высоте башен главного фасада, дает основание предположить позднейшее происхождение купола.

Фасад построен по пятиосевой композиционной схеме: заметный акцент получает центральная часть фасада, разрабатываемая как барочная, даже маньеристическая, целостная вертикальная трехъярусная двухбашенная трехосевая композиция. Фигурный венчающий фронтон в центре разработан в форме пьедестала для фигуры Христа. Особое значение центральной части фасада подчеркивается несколько выдвинутым вперед тамбуром-порталом, служащим основанием для часто устраиваемого у кармелитов балкона для музыкантов, игравших во время многочисленных, происходивших на площади перед храмом церковных церемоний.

Крайние боковые части нартекса, отвечающие пониженным боковым крыльям базилики, были заглублены и решены в качестве самостоятельно пристроенных элементов, вместо окон здесь по вертикали устроили пары ниш, внизу прямоугольной, а вверху крестообразной формы. Сопряжение

198 Костел кармелитов в Белыничах (1624, 1756–1761), фото конца XIX в.

нижнего яруса фасада с верхним, соответствовшим базилике горней, осуществлялось посредством характерного для кармелитов приема крупных симметричных волют.

В архитектуре данного памятника можно проследить две разнонаправленные тенденции. Первая связана с традиционалистским подходом и бережным отношением к исходным образцам. Вторая тенденция связана с сильным влиянием художественных веяний XVIII в., когда простота и целостность, лаконичность и равновесие однородных форм в сочетании «дольнего и горнего», получившие свое совершенное воплощение в архитектуре римских храмов кармелитов XVI–XVII вв., отступают перед стремлением к созданию динамичной и выразительной вертикальной композиции.

Примечательно описание внутреннего оформления храма: «Внутри храм разделяется на три так называемых корабля, или нефа; средний неф значительно шире и выше боковых и отделяется от них столбами (по два с каждой стороны), которые поддерживают основание арок. Оканчивается средний неф полукружием, или так называемым абсидом; против алтаря, над входом в храме устроены хоры, опирающиеся на ряд колонн. В боковых нефах устроены по одному приделу — в честь св. Пророка Илии и в честь Святителя и Чудотворца Николая; главный же престол устроен в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Храм вмещает в себя более 3-х тысяч человек... освещается большими окнами. Стены и столбы, поддерживающие арки, украшены различных разме-

ров иконами, писанными как на холсте, так и прямо на штукатурке (al fresco), живопись этих икон довольно хороша, а некоторых даже очень хороша; особенно четыре огромных изображения св. Евангелистов, помещенные на столбах средней части храма... Чудотворная икона помещается на высоте почти 4,3 м от пола; для подступа к ней, на высоте более 2,1 м во всю ширину алтарной апсиды устроена площадка с перилами; справа и слева на эту площадку ведут чугунные лестницы с перилами.

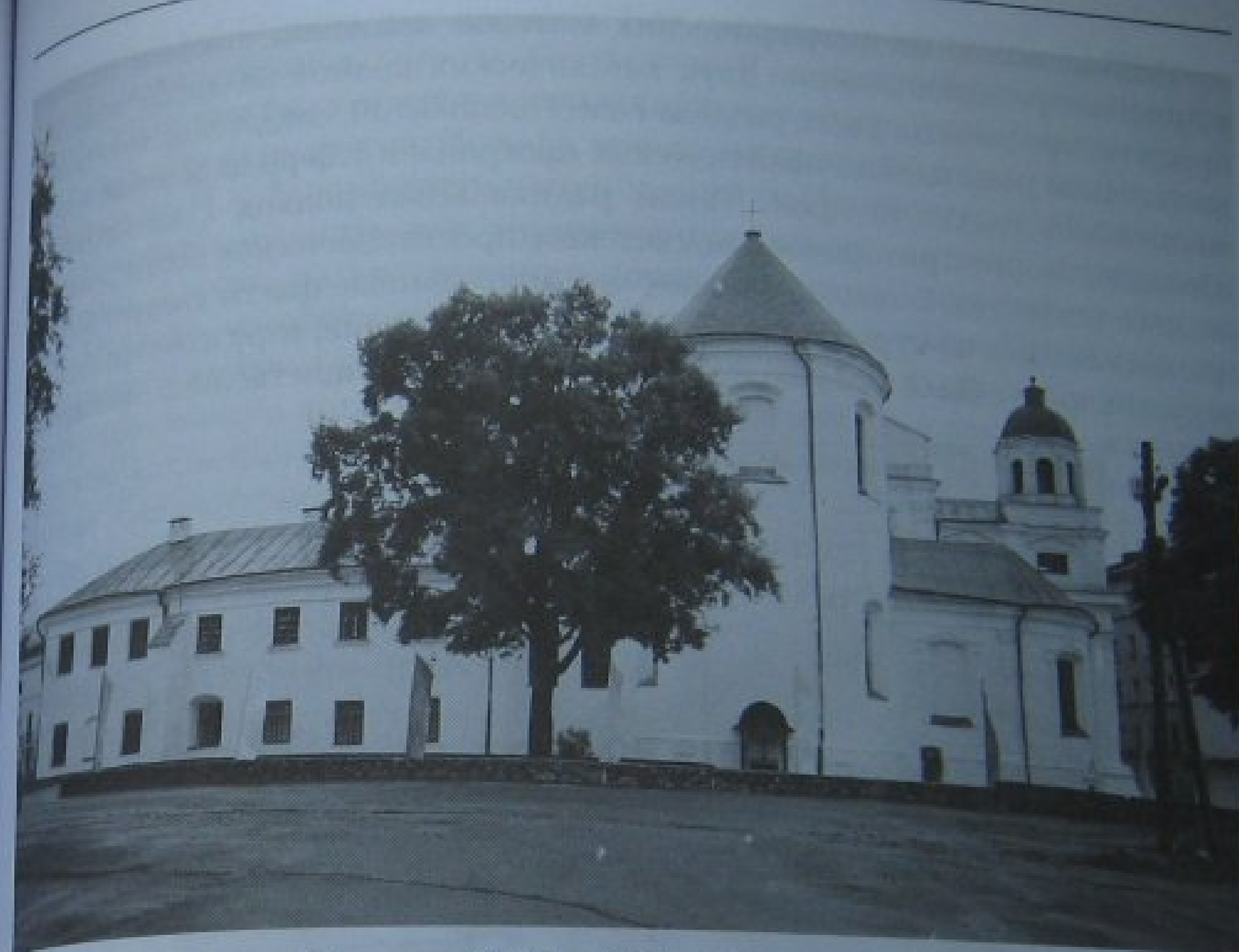
Возле чудотворной иконы, по обеим сторонам от нее, обращают еще на себя внимание 4 огромных, гораздо выше человеческого роста гипсовых изваяния, которые в народе слывут под именем «апостолов» (изображения каких-то святых римско-католической церкви); когда костел передан был православным в 1876 г., то головы с этих статуй сняты, а один скульптор из Вильно приделал к туловищам новые головы библейского типа»[226].

Широкое почитание иконы Богоматери Белыничской среди верующих православных и католиков составило славу монастырю, перешагнувшую границы Великого Княжества Литовского. Белыничи называли «вторым Ченстохово». Поэтому вполне закономерным видится, что после разрушения в начале XX в. белыничского костела кармелитов, его иконографические черты примерно в то же время были воспроизведены в другом храме, основанном когда-то теми же кармелитами, Троицком костеле в Глубоком.

Монастырь кармелитов в Могилеве был основан в XVII в. на пожалования польского короля Сигизмунда III. Костел и кляштор находились в Старом городе, напротив Королевских ворот, и первоначально были деревянными. Каменный костел во имя Успения Богородицы возведен в 1738–1752 гг. и освящен в 1765 г. С 1773 г. он служил кафедральным храмом католических митрополитов и в 1782 г. был переосвящен во имя св. Станислава. Каменный кляштор пристроен к костелу с южной стороны, в нем помещались семинария и типография[227]. В 1830–1835 гг. при монастыре состояли 2 монаха, приписных крестьян к этому времени уже не было[228].

Судя по панораме Могилева, изображенной на одном из сюжетов росписей храма, первоначально каменный костел был построен в формах трехнефной бескупольной базилики. Алтарной частью храм ориентирован на север, пресбитерий в плане имеет полуциркульное завершение торцевой стены. Главный фасад был оформлен в виде трехосевой двухбашенной композиции с высоким резным фронтоном. Можно предположить два возможных варианта структуры костела до реконструкции. Первый — это шестистолпная базилика с раскрытыми в сторону главного нефа пространствами псевдотрансепта. Вторая — храм, подобно костелу кармелитов в Вистичах, был построен в формах четырехстолпной базилики, а к глубокому пресбитерию по сторонам примыкали открывавшиеся в боковые нефы капелла и сакристия.

Внешние формы могилевского костела кармелитов претерпели существенные изменения в 1782–1784 гг., по инициативе католического архиепископа Станислава Богуша-Сестренцевича, позднее возведенного Екатери-

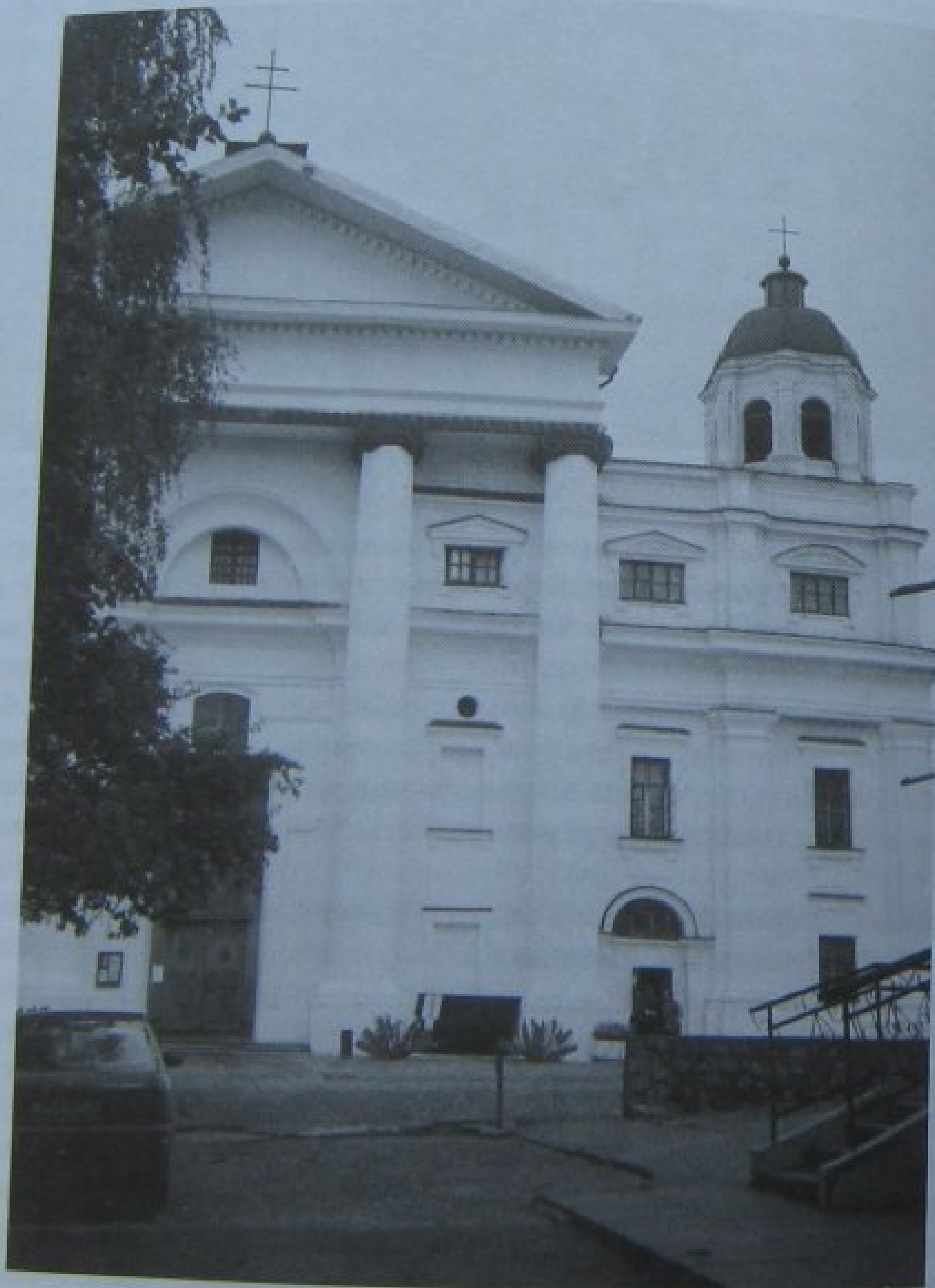

198 Костел кармелитов в Могилеве (XVII в., 1734–1752, 1765, 1782), алтарный фасад

ной II в сан первого в России митрополита католической церкви. Коренным образом был перестроен главный фасад и вся южная часть храма. Со стороны входа дополнительно возвели массивный объем нартекса, по ширине равный поперечным нефам базилики, а по длине существенно превышавший ширину храма. В результате композиция главного фасада приобретала редкую для костельной архитектуры края семиосевую схему. Крайние боковые звенья фасада завершены восьмигранными ротондальными объемами-фонарями, центральная часть украшена четырехколонным ионическим портиком.

Подобное решение фасада в Беларуси имеет только один памятник — это костел в имении Малятичи. Имение с 1784 г. принадлежало С. Сестренцевичу и располагалось неподалеку от Кричева и Мстиславля. Костел в Малятичах был построен после отставки митрополита, в 1787–1794 гг., когда он удалился на покой в свою деревню. Храм этот не сохранился, однако примечательно то, что он в большей степени известен как пример подражания знаменитому римскому образцу. По воле заказчика храм возводили в качестве уменьшенной в 32 раза копии кафедрального собора св. Петра в Риме. К реализации столь претенциозной идеи были привлечены ведущие виленские архитекторы, проект разрабатывал Л. Стуока-Гучавичус, руководил строительством его ученик Я. Подчашенский[229].

Использование иконографических мотивов храмовой святыни Ватикана в архитектуре одновременно двух католических храмов Беларуси, возводившихся вскоре после первого раздела Речи Посполитой, свидетельствует о самодостаточной роли идейно-политических программ в ущерб церковной и художественной традиции края. Такой радикальный подход к копированию образцов говорит о риторическом, светском, просвещенческом понимании церковного искусства. Возможно также, что приведенные факты следует воспринимать как один из курьезов екатерининского времени, игру аллегориями, которую вправе были позволить себе главы могущественных монархий,

200 Главный фасад костела кармелитов в Могилеве

вершители судеб Европы того времени. Как известно, в Могилеве в 1780 г. состоялась торжественная встреча Екатерины II и австрийского императора Иосифа II. Встреча была отмечена закладкой нового кафедрального православного собора города во имя св. Иосифа, проект которого, по словам самого автора, архитектора Н.А. Львова, соотносился с римским Пантеоном, и действительно его можно расценить как миниатюрную копию античного римского памятника. В ответ на это решение портал кафедрального католического храма Могилева уподобляется главной ватиканской святыне. Такие курьезы в храмовом строительстве края единичны и свидетельствуют о приходе в эпоху классицизма нового эстетического сознания, основанного на аллегорическом мышлении и утрате образного символического, метафорического видения архитектурной формы храма.

Станиславовский костел приобрел заметную роль в политической и церковной жизни того времени, с чем в немалой степени, очевидно, связаны и значительные работы по его художественному убранству, проводившиеся в период реконструкции. В костеле поместили скульптурные изображения св. Станислава и Христа, художника Маевского; скульптурный образ св. Марии Магдалины, художника Горавского; сцены «Воскресение» и «Христос во гробе» художника Антакольского; были осуществлены значительные работы по росписям стен и сводов храма.

Строительная практика кармелитов в крае включает также примеры небольших храмовых построек. К группе бесстолпных зальных базиликальных сооружений с пристроенным пресбитерием, полукруглой в плане формы относятся костелы в Засвири и Чаусах.

Засвирский мужской монастырь располагался в центре местечка, недалеко от Мяделя. Каменный костел построен в 1713–1714 гг. Одноэтажные каменные корпуса кляштора составляли замкнутый комплекс, образуя прямоугольный двор-клуатр. Кляштор располагался к северу от храма, был пристроен к боковой стороне пресбитерия, где находился дверной проход, третьей линией корпусов он примыкал к башне. Кляштор частично разобран.

Главный фасад костела имеет трехосевую композицию, в его пластическом убранстве ордерные формы отсутствуют. Центральная часть завершается простым треугольным фронтоном, несколько утопленным относительно двух симметричных боковых четвериковых башен. Ко входу пристроен вытянутый в плане и с полуциркульным завершением объем притвора-барбакана. По общей объемно-пространственной композиции и стилистике пластического решения костел в Засвири близок архитектуре приходских костелов, получивших широкое распространение в Беларуси конца XVI–XVII вв., к примеру св. Михаила в Новогрудке и др.

Сведений об истории монастыря кармелитов в Чаусах совсем немного. Костел посвящен во имя св. Антония. В 1830–1835 гг. при монастыре состояли 4 монаха и 317 монастырских крестьян, монастырь упразднен в 1832 г., в 1849–1853 гг. здания монастыря перестроены для батальона штаба и лаза-

рета. Во второй половине костел был надстроен деревянным глухим куполом и переосвящен в Воскресенскую церковь[230].

Сохранившаяся фотография конца XIX в. позволяет отнести костел к типу однонефной двухбашенной базилики с пристроенным пресбитерием полукруглой в плане формы. Алтарной частью храм ориентировался на запад, что задавалось градостроительной ситуацией размещения монастыря в центре местечка и необходимостью раскрытия его в сторону торговой площади. Композиция главного фасада строится по трехосевой схеме, три горизонтальных яруса обработаны плоскими пилястрами тосканского ордера. Кос-

201 Костел кармелитов в Мяделе (1754)

тел помещался с отступом от линии площади и был несколько заглублен внутрь участка. Кляштор примыкал к костелу с боковой стороны апсиды и в целом градостроительная композиция костел-кляштор близка решению монастыря в Засвири.

Одним из наиболее поздних каменных комплексов кармелитов является монастырь в местечке Старые Медзиолы (ныне Мядель), Вилейского повета. Костел и кляштор кармелитов был основан владельцем местечка Антони Станиславом Кошчицем в 1754 г. Фундатор привез из Рима и поместил в костеле реликвии св. Юстина.

202 Главный алтарь костела кармелитов в Гродно, фото начала XX в.

В центре монастырского комплекса был построен каменный костел св. Станислава. Со стороны главного фасада его фланкировали размещенные возле границы монастырского участка каменный двухэтажный с подвалом кляштор (13 жилых и 9 нежилых помещений, в которых устроены кирпичные полы) и покрытая черепицей часовня. Остальные постройки были деревянными. В состав хозяйственного двора входили два амбара (один на кирпичном фундаменте), ледник из брусьев. В монастыре находилась отдельно стоящая колокольня из брусьев, покрытая гонтом. Участок под строениями монастыря насчитывал 1111,5 кв.м, под садом 7255 кв.м, огородом 7348,5 кв.м. Монастырь упразднен в 1832[331].

Храм кармелитов в Мяделе нарушает правила строительства базиликальных костелов и имеет центрическую форму. Это восьмерик на четверике с восьмигранным куполом, прорезанным четырьмя люнетами. Завершением купола храма служит барочный восьмигранный световой фонарь. Купол был покрыт листовым железом, а основная часть кровли — гонтом. Во внутреннем убранстве костела использованы элементы рококо: по всему периметру стен проходит система спаренных пилястр с капителями, объединенных профилированным карнизом; ниши для скульптуры завершены конхами, украшенными раковинами; стены расписаны. В храме помещались портреты Кошчицев и была устроена их родовая усыпальница.

Главный фасад украшен портиком на высоком цоколе с двумя отнесенными друг от друга на значительное расстояние симметричными парами коринфских колонн, несущих разорванный треугольный фронтон. Во фронтоне устроен характерный для кармелитов балкон. Притом по степени декоративного убранства прочитывается четкая дифференциация фасадов — градация их оформления: от сложного, в оформлении лицевого главного фасада, к простому, в декорировке алтарного фасада. Центральная композиция главного фасада схематично повторяет архитектурную композицию алтарей, распространенную среди храмов кармелитов, в том числе гродненского костела кармелитов.

Композиционная и художественная перекличка между главным фасадом костела и его главным алтарем становится заметной и в других памятниках кармелитов середины XVIII в. Еще один пример — построенный в те же 1750–1755 гг. по проекту архитектора Ф. Гоферио виленский костел древнейшего монастыря св. Юрия (основан в 1506 г. Николаем Радзивиллом). Его главный фасад повторяет не только композиционную основу, но дублирует и характерные скульптурные формы алтаря.

Другие ордена

В Гродно сохранился комплекс мужского и женского монастырей ордена св. Бригитты. Он был основан св. Бригиттой, происходившей из шведского королевского рода и приобщенной к лику святых после смерти мужа.

Гродненский мужской бригитский монастырь основан в 1634 г. женой маршалка в.к.л. Александрой Собесской-Веселовской. Пожалования составляли ряд земельных участков в Гродно (1641) и несколько фольварков в Гродненском и Волковыском поветах (1642). В 1643 г. привелеем короля Владислава IV был подтвержден акт основания монастыря со всеми участками. Одновременно в 1643 г. Криштоф Веселовский и его жена Александра основали при том же храме женский бригитский монастырь.

Каменный костел построен в 1642–1651 гг. Алтарной частью храм ориентирован на восток. Корпуса кляштора примыкают к храму с южной и восточной сторон, образуя с юга замкнутый прямоугольный двор-клуатр, по периметру обведенный сквозной крытой галереей. Помимо жилых и административных помещений, кляштор включал расположенный в угловой части комплекса зальный объем, в первом этаже которого находилась трапезная, во втором — библиотека. Корпуса женского монастыря примыкали к храму с восточной стороны и по второму этажу имели выход на органную трибуну, изолированную от прихожан. Уставом ордена бригиток предусматривалось ежедневное пение всех служебных молитв — часов, утрени, вечерни, комплеториума и дополнительно ежедневной мессы в честь Девы Марии, а в конце всех служб обязательное исполнение антифа «Ave Maria». Особенностью ордена св. Бригитты было отсутствие органа[232].

Ядро монастыря — костел-кляштор — расположены внутри монастырского двора, обнесенного каменной оградой, высотой до 5 м и кое-где встроенными в нее другими каменными монастырскими строениями. В ограде устроены двое ворот, соответственно двум входам в костел: главному западному и боковому северному. Главные ворота фланкированы симметричными восьмигранными оборонительными башнями (верхи башен изменены в ходе последующих перестроек) (цв. ил. XXVII, XXVIII). По другую сторону улицы монастырем была построена каменная капелла. При монастыре, внутри ограды располагался сад. На территории монастыря сохранился деревянный лямус[233].

Храм построен в формах однонефной базилики. Наиболее насыщенный декорацией главный фасад решен в виде двухбашенной композиции с доми-

нантой центральной вертикальной оси. Завершением фасада служат расположенные на одном уровне две симметричные боковые башни и аттик в виде квадратного щита с треугольным фронтоном и двумя волютами внизу. Восточный и северный фасады костела оформлены пилястрами коринфского ордена, несущими антаблемент, фриз которого декорирован полихромным орнаментом в технике сграффито. В результате затесненности участков между стенами монастыря и храмом особую значимость приобретает художественное оформление порталов входа, убранство которых в костеле бригиток исполнено с замечательным мастерством.

Только по оставшимся обмерным чертежам можно составить описание архитектуры монастыря бригиток в Бресте. Здесь в 1623 г. был построен деревянный монастырский комплекс. Сменившие его каменные постройки возвели в 1751 г.

Монастырь размещался в предместье Пяски, градостроительной ситуацией была продиктована ориентация костела, обращенного главным, восточным фасадом в сторону перекрестка двух дорог и следующим за ним переезда через ручей по направлению в центр города. Двухэтажный каменный кляштор представлял собой незамкнутую структуру, в плане имел П-образную форму и примыкал к костелу со стороны северо-восточной сакристии. Около половины участка занимал монастырский сад.

План костела имел центрическую, двухосевую композицию и несколько усложненный рисунок. К центральному овальному, в плане трехнефному объему, завершенному куполом на восьмигранном барабане, по продольной оси были пристроены равновеликие прямоугольные в плане объемы притвора и пресбитерия с двумя симметричными сакристиями. Богатое пластическое оформление главного фасада было выполнено в стилистике позднего барокко. Интерьер был украшен стуковой лепной декорацией, возле каждого из восьми массивных сложного рисунка опор стояли деревянные позолоченные скульптуры святых. В дополнение к главному помещались еще 10 деревянных алтарей[234].

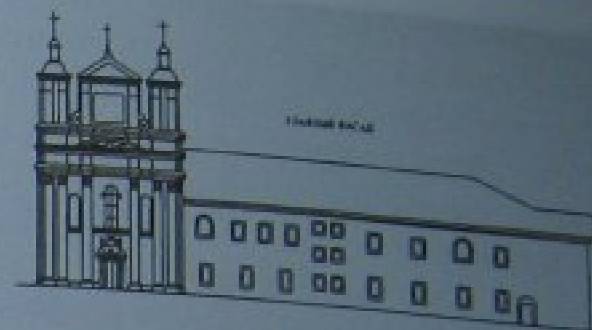
Несколько монастырей были построены в Беларуси орденом тринитариев. Монашеский орден основан Иоанном де Мафа и пустынником Феликсом де Валуа в 1199 г. для выкупа пленных у мусульман. И.де Мафа родился в 1160 г. в Провансе, в набожной дворянской семье. По преданию, ему было видение ангела в белой одежде с красным крестом, по бокам которого в оковах стояли два невольника в кандалах — один христианин, другой язычник. Проект ордена принят Папой Иннокентием III после того, как ему, по преданию, было то же явление. Орден получил название de la Trinite' и вначале имел очень строгий устав, запрещавший вкушать в обычное время мясо и рыбу. Спустя десять лет после основания Папа дал ему помещение и церковь в Риме. Благодаря поддержке короля Филиппа Августа орден быстро распространился во Франции. Простой народ называл тринитариев «братьями ослов», так как им запрещалось ездить на лошадях, запрет этот был отменен

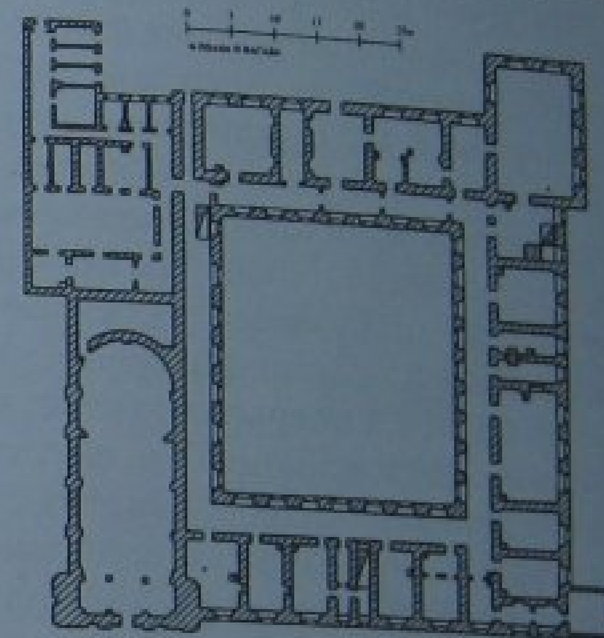
в 1217 и 1267 гг. Орден получил распространение в Испании, Италии Польше и других странах. В конце XVIII в. насчитывалось 300 монастырей. Орден был упразднен незадолго до Великой французской революции.

В Орше костел тринитарского женского монастыря, освященный во имя св. Троицы, был построен в 1714 г. на средства судьи троцкого Адама Саковича и его брата Владислава. Монастырь занимал обширный квартал города возле главной площади рынка. Каменные костел и примыкавший к нему с севера Г-образный в плане кляштор занимали угловое положение на монастырском дворе и раскрывались в сторону рынка. В костеле помещались восемь алтарей: Страстей Христовых, св. Казимира, св. Иоанна Богослова, Рождества Богородицы, св. Фадея, св. Каина, св. Троицы, св. великомученицы Екатерины. Среди монастырских построек значительное место занимала деревянная богадельня[235].

Монастырь упразднен в 1831 г., сохранившиеся фрагменты его корпусов вошли в состав ныне существующего на этом месте больничного комплекса.

Одним из древних монастырей тринитариев в крае является несохранившийся комплекс в городе Бресте. Он располагался в Кобринском предместье. Построен в 1730–1760 гг. Костел во имя св. Барбары ориентирован алтарной частью на запад и обращен

283 Бригитский монастырь в Гродно (1632, каменный костел 1642–1651), обмеры А. Чантурия

284 Звонница во дворе гродненского костела бригиток

главным фасадом к улице. Он построен в формах центрической бесстолпной базилики, к которой со стороны пресбитерия примыкают два симметричные двухэтажные корпуса кляштора. Коридором, проведенным вдоль торца пресбитерия, эти корпуса соединены между собой. Коридор имел также ответвление, к которому планировалось пристроить новые корпуса кляштора.

В центре венчающего главный фасад костела аттика помещалась фреска с эмблемой ордена тринитариев, позднее замененная изображением креста. В интерьере размещались 7 резных алтарей, украшенных скульптурой[236].

Монастырь тринитариев был построен во владельческом местечке Молодечно (ранее Вилейского повета, Минского воеводства). Сохранилось составленное в 1834 г. описание строений монастырского комплекса. На это время каменный с подвалом костел нуждался в восстановлении после пожара, и службу временно проводили в двухэтажном каменном здании кляштора, построенного в 1656 г. Он представлял собой достаточно крупное, покрытое гонтом сооружение (21 жилое и 15 нежилых помещений), стены всех помещений были оштукатурены изнутри. При храме возвышалась сложенная из бревен и покрытая гонтом, квадратная в плане отдельно стоящая колокольня: со сторонами 6,4 м, высотой 11,7 м. В состав комплекса входили два жилых деревянных одноэтажных флигеля: один из отесанных бревен, с оштукатуренными внутри стенами, имел 4 жилых и 4 нежилых помещения; второй из бруса с 5 жилыми и 3 нежилыми помещениями.

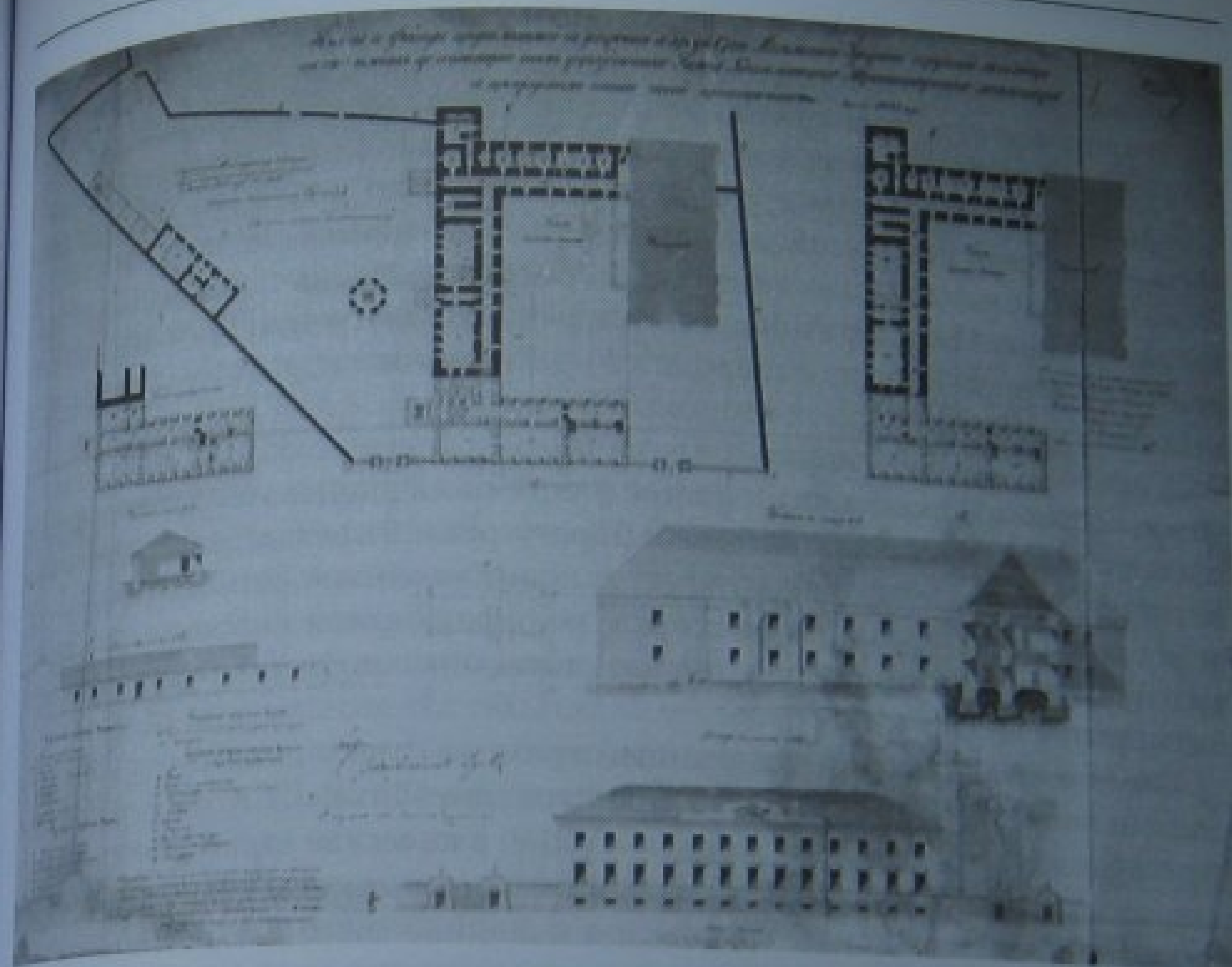
Все строения хозяйственного двора были деревянными: в одной связи конюшня на 8 лошадей и сарай для экипажей, покрытые тесом; пекарня; в одной связи хлев и сараи для фуража; ледник; свиной хлев; пчельник (1832). На монастырском участке под строением находилось 2484 кв.м, садом 2214 кв.м и огородом 14 458,5 кв.м земли[237].

Храм в Молодечно специалисты относят к середине XIX в. Он располагается внутри ограды. Это трехнефная базилика, с трехосевой композицией главного фасада и высокими трехъярусными боковыми башнями, портал входа оформлен трехчастным пристроенным притвором. Частично сохранились керамические плиты пола пресбитерия.

Сохранился комплекс монастыря тринитариев в селении Кривичи. Ранее это владельческое местечко принадлежало роду Кишков и располагалось в Вилейском уезде Минской губернии (ныне Мядельский р-н).

Костел построен в 1776 г. (возможно, 1796 г.). Каменный двухэтажный кляштор (1796), состоящий из одного жилого и трех нежилых помещений (очевидно, ризницы, скарбницы и трапезной), примыкает к костелу со стороны бокового фасада пресбитерия. Второй, одноэтажный деревянный кляштор соединялся с кухней. В состав комплекса входила небольшая деревянная, сложенная из брусьев, отдельно стоящая колокольня высотой около 4 м.

Хозяйственный деревянный двор включал амбар на кирпичном фундаменте с погребами; конюшню на 7 лошадей с двумя сараями; сарай и ледник.

235 Тринитарский монастырь в Орше (1714), обмеры XIX в. (РГИА)

На монастырском участке под строениями было занято 1957,5 кв.м, садом 4959 кв.м и огородом 16 200 кв.м земли[238].

Храм представляет собой каменное однонефное однобашенное сооружение с подвалом. Квадратный в плане пресбитерий пристроен в виде самостоятельного объема и не имеет декоративной обработки фасадов. Основной художественный акцент сделан на разработке форм квадратной в плане трехъярусной башни входа. Убывающие от основания вверх по высоте ярусы башни имеют срезанные углы четвериков, завершением башни служит граненый купол. Полы храма ранее были выложены кирпичом. Скульптурные формы главного алтаря специалисты относят к стилистике классицизма.

В Витебске тринитарский монастырь появился довольно позно, в 1802 г. и располагался на высоких отметках, в Заручьевском предместье города.

Монастырь августинцев в Бресте можно отнести к наиболее древним католическим культовым постройкам. Первый деревянный кляштор был построен августинцами после 1380 г. за пределами Бреста, между реками Угринка и Мухавец. Он был сожжен татарами в 1666 г. В 1672 г. монастырь перенесли в центр города, на торговую площадь. Он занимал один из кварталов города, и монастырский участок по периметру был обнесен каменной стеной. В состав комплекса входили костел и кляшстор с трапезной, кухней,

пекарней, кельями. При монастыре были три торговые лавки. На участке располагались сад и огород.

В процессе строительства каменного костела использованы стены жилого дома. Костел возведен в формах однонефной однобашенной базилики (1683–1686 гг., перестраивался после пожаров 1801 и 1808 гг.). В украшении главного фасада использованы парные, расположенные по сторонам башни волюты и пирамидальные пинакли. Перекрытия храма были деревянными. На алтарной и боковых стенах были изображены алтари. Костел пресбитерием ориентировался на северо-восток. Каменные корпуса кляштора примыкали к храму с северной стороны[239].

К древнейшим в Беларуси сохранившимся постройкам августинцев относится костел в Михалишках (ранее местечно Вилейского повета). Костел и кляштор располагались на левом берегу реки Вилия, в северо-восточной части поселения. Монастырь августинцев (каноников регулярных) был основан в 1622 г. владельцем местечка, референдарием коронным Яном Циприаном Бжостовским. Монастырю принадлежали села Лабудзе, Буйвидзе, Видзилишки.

Вначале был построен деревянный храм, на смену которому в 1635 г. поставили каменный костел во имя архистратига Михаила. Костел, возможно, перестраивался, по крайней мере, в XVIII в. в качестве строителя храма упоминается архитектор К. Пенс[240]. В крипте храма помещался родовой некрополь Бжостовских.

Такой тип храма на протяжении нескольких столетий получил распространение среди приходских и монастырских костелов различных орденов, он встречается даже у кармелитов.

Большая миссионерская и образовательная роль принадлежала монастырям местечка Любашево (Любешов, или Новый Дольск) на реке Струмень Пинского повета. Здесь размещались костелы и кляшторы пиаров и капуцинов. По последнему сохранились обмерные чертежи, позволяющие представить архитектурный облик монастыря.

Он был основан в 1761 г.на средства каштелянов браславских Яна и Фелицианы Чосновских-Чарнецких. Крупный каменный трехнефный костел и замкнутый вокруг двора-клуатра кляштор составляли единый, монолитный комплекс, исполненный в аскетичных формах романики. Стены костела, за исключением одного заднего алтарного фасада, были оштукатурены и побелены. Блок костел-кляштор с примыкавшим к последнему небольшим хозяйственным двором располагались на красной линии улицы, за ними следовал монастырский сад.

Двухэтажный каменный кляштор был построен из хорошего высококачественного кирпича, стены его с обеих сторон оштукатурены, крыша гонтовая (1766 г., 16 жилых и 51 нежилое помещение). Хозяйственный двор включал каменную одноэтажную пивоварню (1803 г., 3 жилых, 3 нежилых помещения); размещавшиеся вдоль границы монастырского двора камен-

ную конюшню (1794), состоявшую в одной связи с деревянным ледником (1829). Монастырь окружала построенная в 1772 г. каменная ограда[241]. Памятник подвергся разрушению в 1832 г.

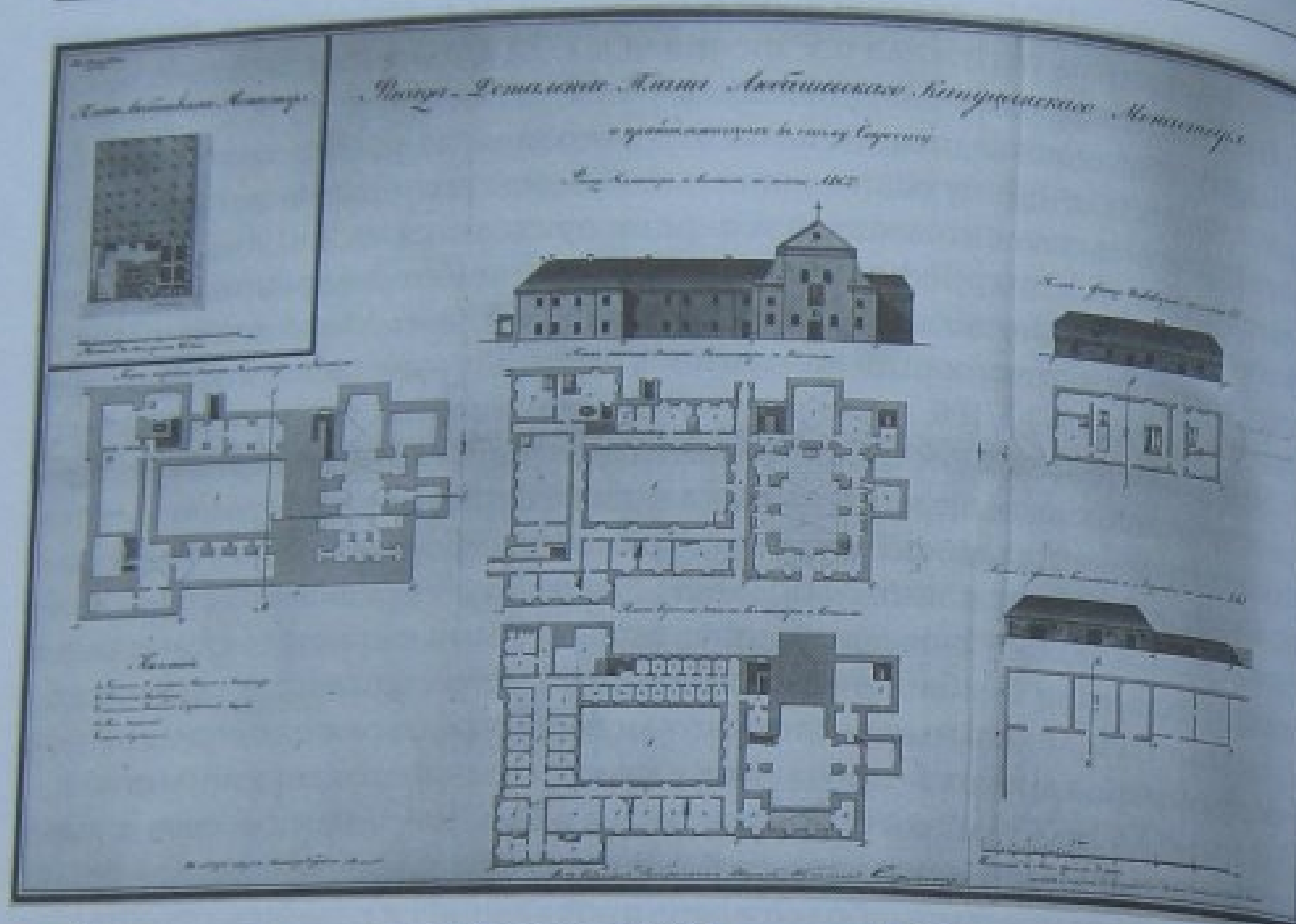
Подытоживая исследование католического монастырского зодчества Беларуси, следует подчеркнуть, что основной объем монументального монастырского строительства католической церкви приходится на XVII–XVIII вв. Он связан с эпохой Контрреформации и художественно-содержательной программой, выработанной сакральной архитектурой Рима. Многократное повторение упрощенных вариаций «иезуитского фасада» отмечается в оформлении костелов Беларуси XVII в. орденов иезуитов, кармелитов, францисканцев.

Основным принципом объемно-пространственного построения культового сооружения, символически выражающим сакральное содержание католического храма, оставалась базилика. Храмовое строительство католических орденов определяется многообразием структуры церковного сооружения: трехнефные и однонефные базилики с встроенными и пристроенными капеллами, башенные и безбашенные объемно-пространственные композиции. Купольные базиликальные костелы стали весьма редким явлением в архитектуре края и чаще других встречаются в строительной практике иезуитов.

В конце XVI–XVII вв. в Беларуси, как и в Польше, получили свое отражение два направления искусства барокко — формы северогерманской и нидерландской архитектуры, более всего проявившиеся в раннем строительстве бернардинцев и доминиканцев, и восходящая к итальянскому искусству «аристократическая» линия барокко, воплощенная прежде всего в строительстве иезуитов. Наряду с указанными направлениями, в рамках эпохи барокко, художественной основой католического церковного искусства оставался широкий плюрализм стилей и течений, включая реализм и натурализм. В наиболее ранних сооружениях отчетливо проявляются отголоски ренессансной художественной культуры.

Архитектура позднего барокко и рококо в католическом монастырском и храмовом строительстве Беларуси XVIII в., в отличие от других европейских стран, в целом осталась индифферентной к одной из генеральных идей эпохи, связанной с методом вариаций сопряжения нескольких близких по размерам и масштабу круглых и эллиптических форм. Зато другая генетическая линия барокко, характеризуемая принципом соотношения пространственных форм стены как «стена-колонна», стала доминирующей в сакральном искусстве края.

В проектной и строительной практике католиков не было разделения архитекторов по принадлежности к одному из орденов. Итальянский архитектор, иезуит Ж.-М. Бернардони, наряду с костелами иезуитов в Несвиже и Кракове, строил костел бригиток в Гданьске, бернардинцев в Кальварии Зебжидовска. Особенно отчетливо участие одного архитектора в строительстве костелов различных орденов, а иногда и православных монастырских храмов прослеживается по материалам XVIII в.

206 Капуцинский монастырь в Любашеве (1694, каменный 1745), обмеры XIX в. (РГИА)

В монастырском зодчестве Беларуси были заняты выходцы из Италии, Англии, Франции, но в большей степени из Германии и Чехии. Многие мастера были родом из Польши и белорусско-литовских земель. Особо следует отметить роль таких ярких белорусских мастеров XVII в., как И.Франкевич и П. Бокша, творчество которых во многом ознаменовало приход западной архитектуры барокко на земли края, а также и в сакральную архитектуру Вильно. Белорусские мастера профессиональные навыки приобретали непосредственно в процессе строительства и получали специальное архитектурное образование в местных коллегиумах. Некоторые, вероятно наиболее одаренные специалисты из числа местных архитекторов, завершали свое образование и совершенствовали мастерство в западноевропейских центрах — Вене, Париже, Риме. В Беларуси, благодаря созданию сети иезуитских коллегиумов с их универсальной системой обучения, было налажено регулярное архитектурное образование, в процессе которого были заняты первоклассные итальянские, немецкие, австрийские архитекторы.

Общая для большинства католических монастырей эксцентрическая планировочная композиция комплекса, единый и монолитный объем костела и кляштора, сочетание открытости костела с замкнутостью пространства кляштора были обусловлены уставом, требующим выделения специального пространства для богослужения монахов (пресбитерия) и организации для них отдельного от мирян прохода в храм, через пристроенную к пресбите-

рию сакристию (ризницу). Разделение членов ордена по степени посвященности и соответственно разграничение исполняемых ими обязанностей в монастырской архитектуре находит отражение в дифференциации, рациональном и иерархическом разделении пространства монастырского комплекса, четком функциональном зонировании территории и формировании ряда дворов различного назначения.

В католическом монастырском зодчестве Беларуси наиболее часто повторяется принцип построения соединенных в монолитный блок храма и кляштора. Корпуса кляштора формировались вокруг прямоугольного двора-клуатра, по периметру отмеченного крытой галереей («крыжганак» — от польского «krużganek»). Кляшторы XVIII в. зачастую не получали своей завершенной замкнутой формы, корпуса составляли разомкнутые структуры, включавшие только два или одно крыло.

Блок неразрывно связанных объектов «костел-кляштор», отвечавших главному назначению монастыря, составлял основу комплекса, являлся сакральной зоной ансамбля. Таким образом, выстраивался замкнутый мир монашеского послушания, отвлеченный не только от общественной светской жизни, но и отороженный от хозяйственной, служебной зоны того же монастыря. Главным фасадом сакральный комплекс максимально раскрывался в сторону общественных пространств города или сельского поселения. Самые эффектные архитектурные и скульптурные формы внешнего декора придавались лицевому фасаду храма и примыкавшему к нему крылу кляштора. Храм и соединенный с ним кляштор располагались внутри монастырской ограды и занимали эксцентрическое, чаще всего угловое положение в системе монастырского двора и планировочной композиции ансамбля в целом. Наружное ограждение также было неоднородным: каменные стены и ворота по лицевой линии комбинировались с деревянной оградой по другим, второстепенным внешним границам монастырского участка. В архитектурном построении ансамбля в целом и его отдельных структурных элементов отчетливо повторяются такие качества, как односторонность, однофасадность композиции.

Глава третья

Униатские базилианские монастыри

Согласно имеющимся данным на территории Беларуси в разное время действовали около 120 униатских монастырей, в том числе около 70 были основаны непосредственно униатами, а другие, более древние, в разное время отошли от православной церкви. Таким образом, самыми многочисленными в Беларуси являлись монастыри католические[1].

Флорентийская уния, которую с 1439 г. одновременно с патриархом и епископами греческими, подписал митрополит Киевский Изыдор, явилась первой между католической и православной церквами. Затем ее положения легли в основу 33 пунктов Брестской унии 1596 г. Она была подписана Папой Клементом VIII и киевским епископатом в лице двух епископов — Ипатия Поцея, Кирилла Терлецкого и митрополита Рогозы. По этому случаю в Риме была выбита медаль «Ruthenis receptis» (На воссоединение русских)[2].

Польские авторы трактуют события Брестской унии в тесной связи с развитием церковной жизни России того времени. Данный ракурс освещения обстоятельств состоявшегося в Бресте объединения церквей представляет происходившее как некое особое и драматическое стечение обстоятельств, приведших к неизбежности принятия унии, и, надо признать, в такой логике есть свои основания. Объяснения, в частности, сводятся к столкновению интересов киевской митрополии с только что установленным патриаршеством в России: «Унии этой воспротивилась Москва, ей недоставало земель княжества Московского, властелины которого примерялись к «господарению» в византийском христианстве и к роли Москвы как «третьего Рима». На Синоде епископов в 1448 г. они создали «конкуренцию» киевской митрополии с резиденцией в Москве. Руководствуясь антиримскими настроениями, в 1589 г. завершили гигемонистские намерения установлением патриархата... Трудно себе вообразить состояние духа епископов киевской православной митрополии, которые в последней декаде XVI в. встали перед поистине драматичным выбором: либо поддаться диктату патриархата Московского, либо еще раз поддаться идее унии церковной с Римом. То была совершенно реальная альтернатива»[3].

Существовали две несхожие между собой позиции в отношении униатов, одна принадлежала польской королевской власти, другая — римско-католической церкви. Король Сигизмунд III Ваза самовольно отдал распоряжение, по которому было подготовлено 30 параграфов проуниатских постановлений.

Согласно этому документу утверждалось, что бискупы и митрополиты должны быть выбираемы среди духовенства русского, они должны хорошо знать церковное право и обряд византийско-славянский, им и власти церковной надлежит иметь все церкви, монастыри, архимандрии, игуменства, семинарии духовные, школы и братства церковные.

В свою очередь иерархи церкви стремились к реформам, освобождающим их от кураторства короля. Предпринимались попытки сделать шаг по пути самоопределения. Этому способствовала «Столица Апостольская» и на это вынужден был пойти король Сигизмунд. Под давлением Папы униатское духовенство должно было иметь одинаковые права и привилегии наравне с клиром латинским (так оно и было в части освобождения от налогов, подати). Священники (иначе бискупы), занимавшие соответствующее положение в иерархии униатов, могли получить кресла в сенате наравне с епископом Латинским.

Как известно, Польша никогда этих обязанностей не выполняла. В итоге сложилась второсортность, вторичность униатского костела в восприятии католиков. Костел греко-католический был сведен до второсортного и трактующегося как «холопский»[4].

Униатская церковь находилась в зависимых и отягощенных многими сложными моментами отношениях с римско-католической церковью. Разработанные посредством иерархов митрополии киевской и подтвержденные Папой Клементом VIII особой буллой Magnus Dominus статьи (артикулы) предусматривали определенные права для униатских священников. Прежде всего, следует подчеркнуть, что Восточный Костел в Речи Посполитой признал примат Папы Римского и католические догматы, которые nota bene узаконивали сближенность с православными. Восточный костел сохранял церковные свои обряды, такие, как литургия, язык, иерархия, теология, духовность, право церковное, обычаи, юлианский календарь и возможность утверждения брака посредством венчания. Униаты получили выгодное для них право оставаться верными обряду восточному, гарантии запрещения замены церкви на костел и неизменения церковного имени, превращенного посредством «латинников»[5].

Единственный монашеский орден греко-католической церкви, иначе униатов — базилианский, — был узаконен Папой Пием IV в 1561 г. Первоначально он сложился в Испании, затем в Италии. В отличие от католических орденов, базилиане следовали общежительному, служившему основой православному монашеству, уставу св. Василия Великого. По имени святого орден и получил свое название. Центром базилиан был монастырь Гроттаферрата в Риме.

Дореволюционные исследователи сходились во мнении, что при общем сохранении восточного обряда и монашеского устава Василия Великого, его цели были такими же, как и у ордена иезуитов. Кроме того, иезуиты активно участвовали в подготовке Брестской унии, и этому событию предшествова-

ло издание П. Скарги «О единстве Церкви Божией под одним пастырем и о греческом от сего единства отступлении». Папа назначил самых опытных иезуитов для организации ордена базилиан в литовских провинциях.

Принципы организационного построения и иерархия управления орденом базилиан

Папа Павел V в 1613 г., через генерала ордена иезуитов Аквавиву, дал разрешение братьям Иисусовым беспрепятственно переходить в орден базилиан. В 1621 г. базилиане открыто заключили союз с иезуитами и торжественно назвались их братьями. Иезуитское духовенство и влияние этого ордена на управление делами базилиан способствовало их превращению в особенно сильную организацию, которая руководила всей униатской церковной жизнью. Во главе ордена стоял генерал, или, как он назывался для смягчения русского слуха, протоархимандрит, который подчинялся только Папе, он собирал конгрегации — собрания руководителей монастырей и базилианских школ[6].

По конституции ордена униатское монашество освобождалось из-под власти епархиальных архиереев и монашеская община подчинялась только избираемым самой общиной генералу, в данном случае протоархимандриту. По первоначальным правилам протоархимандрит должен был избираться из числа простых монахов. Он не мог быть ни епископом, ни викарием, но только «старшим» одного из монастырей. Он избирался на 4 года созываемой митрополитом избирательной конгрегацией. В свою очередь протоархимандрит раз в 4 года должен был созывать свою генеральную конгрегацию для рассуждений по делам ордена. Протоархимандрит назначал должностных лиц ордена, руководящих лиц в монастырях и осуществлял наблюдение над монастырями. Помощниками его были 4 генеральные советника, или консульторы, избираемые протоархимандритом, они начальствовали над ближайшими к резиденции митрополита монастырями. Старший из них назывался протоконсультор.

Упорядочение внутреннего устройства унии и, в частности, ордена базилиан начинается с митрополита Иосифа Вельямина Рутского. Преемник Поцея, он начал реформу униатской церкви с монашества, которое по своему образованию, материальной обеспеченности, независимости положения и влиянию в народе представлялось наиболее пригодной силой для поддержания в народе унии. Именно Рутскому приписывается образование по образцу латинских монашеских орденов, особенно иезуитского, из униатского монашества особого ордена, т.е. базилианского[7].

В Риме всегда жил прокуратор восточных базилиан, посредник дел ордена с Римом, представлявший орден перед римским престолом. Папа Урбан VIII в 1639 г. подарил ордену в Риме церковь Сергия и Вакха, в которой богослужение совершалось на славянском языке. Этот храм стал резиденцией прокуратора базилиан в Ватикане[8].

Монастырский устав базилианского ордена: на примере правил новициата Жировицкого монастыря и устава Гродненского женского монастыря

Жировицкий монастырь, как игравший первостепенную роль в ордене, имел свой новициат. Новициатом руководил специально образованный и опытный монах. С физическими увечьями не принимали. Новициат продолжался один год и шесть недель. Послушникам преподавали закон Божий, книги аскетического содержания и уроки упражнения в благочестии: стоянии на коленях с размышлениями о прочитанном Евангелие; давалось понятие о внутренней молитве и другие подобные медитации. После прохождения новициата поступающего принимали в орден. Монастырь не был многочисленным, при малом количестве братии он нередко обладал реальной властью в городе или сельском поселении, располагал значительными материальными средствами.

Управление монастырями базилиан велось строго по решениям конгрегаций; обязательства предписывались самому архимандриту и назначаемым на 4 года помощникам — старшим. Настоятель ежедневно обязан был не менее получаса проводить в раздумии о делах своих монахов, результаты раздумий он записывал в специальную тетрадь и потом показывал ее и обсуждал свои планы с членами Духовного Собора. У настоятеля был помощник — монитор, который еще назывался ревнителем и на обязанности которого лежал контроль за правильностью действий настоятеля.

Вся братия, по своей обязанности, должна была сама собой, не спрашивая старшего, открывать монитору как свои недостатки, так и недостатки своих ближних. Помимо официальных помощников монитора, у старшего существовал еще негласный помощник-блюститель, он никому другому не должен был быть известен. Настоятель раз в три месяца обязательно призывал к себе брата и спрашивал его о здоровье, не испытывает ли каких искушений, о молитве, о помыслах, об уставах ордена, о чтении духовных книг. Далее, чисто по-иезуитски, настоятель выспрашивал у призванного о других, что он заметил за ними дурного или хорошего. Приведенные правила определяли порядок жизни базилиан-клириков. Одновременно с ними в ордене существовал низший класс монашества — базилиан-лаиков. Это были чернорабочие, которых клирики держали в черном теле и о их духовном и умственном развитии заботы не проявляли. Все монастырские клирики и лаики обязаны были оставаться в монастыре на всю жизнь, хотя по инструкции ордена монах имел право оставить в любое время орден и уйти из него, но фактически таких лиц сажали в монастырскую тюрьму.

Базилиане стремились, чтобы все духовенство было, по примеру католической церкви, безбрачным, детей «белого духовенства» осыпали насмешками[9].

Сохранился текст устава гродненских базилианок, написанный митрополитом Афанасием Шептицким. Основные его положения сводились к следующему:

Прежде принятия монашества полагается год жить в монастыре на испытании. Ежегодно, в день св. Василия должен быть возобновляем обет монашества. Монастырские ворота день и ночь должны быть на запоре; при воротах звонок.

Мужчины не должны иметь входа в монастырь, исключая тех, кому позволят таковой церковные правила (духовник и др.). Монахини должны являться к богослужению вместе, а не каждая порознь. Выход из монастыря разрешается только в случае настоятельной нужды, притом не иначе как вдвоем. За трапезой читаются жития святых или правила св. Василия Великого.

Вступающая в монастырь послушница из светского сословия должна представить взнос в 1500 злотых. Распоряжаться монастырскими суммами, состоявшими из взносов, могла только «старшая» монастыря, и только по согласованию с внесшей эти суммы сестой[10]. Таким образом, правила монастырской жизни согласовались с порядком католических монастырей.

Богословские и богослужебные основы деятельности базилиан

Епископы Поцей и Терлецкий представили Папе Римскому условия унии западно-русской церкви с латинской, в которых соглашались признавать главенство папы. Вместе с тем они требовали оставления в неприкосновенности обрядов и догматов западнорусской церкви, а также не принуждения к обрядам, совершаемым римлянами. Вскоре те же епископы признают исхождение Святого Духа и от Сына, для евхаристии принимают без различия хлеб квасной и пресный, признают чистилище и действительность индульгенций, принимают постановления флорентийского и тридентского соборов[11].

На состоявшемся в 1720 г. в Замостье соборе все униатские монастыри были включены в состав базилианского ордена. Униатами в это время были приняты католический Символ веры, учение о папской непогрешимости и прочие. С тех пор униаты начали совершать богослужение с различными отступлениями от православной церкви, вводятся новые богослужебники, монстрации и другие новшества[12]. Папа Римский дал митрополиту право дважды в один день совершать литургию, надевать в случае нужды светскую одежду, отчитывать розарий, когда тот не мог совершать божественной службы.

Различия между правами и принципами деятельности ордена униатов и белым духовенством закладывались во время проходившей в Новогрудке первой конгрегации 1617 г. Тут же митрополит предложил обратиться к польскому королю с просьбой о «привилее» ордену избирать иерархов из числа своих членов. В 1635 г. такой привилей был предоставлен королем Владиславом IV. В результате орден освобождался от управления униатским митрополитом. Причем в митрополичий сан позднее избирались главным образом протоархимандриты ордена базилиан. Впоследствии униатское белое духо-

венство нередко подвергалось притеснениям со стороны своих единоверцев базилиан. Таким образом, действия ордена не всегда совпадали с интересами униатских священников и униатов прихожан.

Вступив на митрополичью кафедру, Рутский добился у короля привилегии на подчинение ему всего духовенства греческого обряда в Речи Посполитой и право входить в управление других епархий.

В 1686 г. под влиянием Рима были установлены и утверждены Папой договорные статьи (Nexus), определяющие отношение ордена к митрополиту, в результате орден получил полное внутреннее самоуправление. Без согласия ордена митрополит не мог никого возводить на архиерейские места. Базилианский орден фактически захватил в свои руки управление униатской церковью.

К практике соединения сана митрополита и протоархимандрита ордена вернулись в начале XVIII в., при митрополитах Льве Кишке и его преемнике Афанасии Шептицком. При нем в 1739 г., наряду с ранее сложившейся литовской конгрегацией (Св. Троицы), за которой остались монастыри литовские и белорусские, образовалась другая, также считавшаяся русской «коронная» конгрегация, или провинция, Покрова Пресвятой Богородицы. В ее состав входили монастыри Львовской, Перемышльской, Холмской, Каменецкой, Киевской, Владимирской и Луцкой епархий. Таким образом, фактически произошло создание украинской конгрегации базилиан.

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Основной целью ордена были проповедническая и просветительская деятельность. Базилиане получали образование в школах (папских алюминатах) в Риме, Вене, Праге, Ольмюце, Брунсберге и Вильке, где для членов ордена Папа назначил 22 места. Папа разрешил свободное вступление в орден католикам.

Деятельность базилианских монастырей базировалась на прочном материальном фундаменте. Монастыри базилиан существовали за счет наследуемых ими владений православных монастырей, частных пожалований на новые униатские монастыри и доходов от своих имений. Настоятели заботились о ведении в имениях эффективной хозяйственной деятельности. С этой целью фольварки, мельницы, питейные дома, другая монастырская собственность на определенный срок предоставлялась частным лицам в аренду. Как и католические монастыри, базилиане давали под залог крупные денежные ссуды, получая с них проценты, а в случае неуплаты и сами заложенные имения. Постепенно орденом были накоплены значительные денежные средства и недвижимые владения[13].

После присоединения к Российской империи базилианские монастыри долгое время сохраняли свою собственность. Имущественно они оказались в положении более предпочтительном по отношению к православным монастырям, поскольку земельные владения последних отошли в казну еще в 1764 г. Только указом 1842 г., спустя четыре года после присоединения униатов к православной церкви, бывшие базилианские монастыри были уравне-

ны в правах с православными монастырями. Такие благоприятные обстоятельства нимало способствовали завершению начатого базилианами после Северной войны в начале XVIII в. обширного монастырского строительства.

По указу Екатерины II в 1795 г. базилианский орден и особенно его система образования молодежи были взяты под особый, специальный контроль. Для лучшего руководства, контроля и влияния все базилиане по монаршему указу были подчинены униатскому полоцкому архиепископу. Таким образом, за некоторое время орден лишился своей самостоятельности, а польские дворяне потеряли право поступать в базилианский орден. Постриги разрешалось совершать только над теми лицами, которые свободно владели славянским языком и знали чин греческого богослужения[14].

Во время правления царей Павла и Александра I церковь униатская была еще толерантна. При коллегиуме католическом в Петербурге была создана автономная секция униатская, а при Виленском университете организованы униатские семинары[15].

Участие белорусских и украинских униатов и католиков в ноябрьском («листопадовом») восстании 1830—1831 гг. стало основанием для окончательной ликвидации унии в Беларуси и Украине. Первоначально была упразднена униатская митрополичья кафедра. В начале 1830-х гг. образована занимавшаяся делами воссоединения специальная греко-униатская духовная коллегия. Распоряжения греко-униатской коллегии исподволь подготавливали воссоединение униатов и православных. В 1834 г. во всех униатских церквах были введены славянские служебники и молитвенники, иконостасы, православная утварь и облачение священно- и церковнослужителей.

В 1837 г. униатская церковь была передана ведению Святейшего Синода, через год, после кончины униатского митрополита Булгака, председателем греко-униатской коллегии был назначен епископ Литовский Иосиф Семашко, получивший сан архиепископа. Местоположением кафедры архиепископа был определен Вильно, и туда же из Жирович перевели духовную семинарию. В 1841 г. вышло высочайшее повеление о передаче фундушевых населенных имений в казну[16].

Деятельность ордена была прекращена в результате присоединения униатской церкви к общероссийской. Воссоединение церквей происходило постепенно, путем серии реформ, в течение нескольких десятилетий. Очевидно, что в то время вполне осознавалась деликатность проблемы государственного вмешательства в духовную жизнь и церковные традиции края. Участниками воссоединения церквей в качестве основной своей заслуги определялся мирный характер акции. На выпущенной по этому случаю памятной медали было выбито: «Отторгнутые насилием (1596), возсоединены любовию (1839)»[17].

Наиболее острые вопросы, возникающие в связи с исследованием истории униатов и базилианского ордена, стали подниматься в научных кругах только в последнее время. На последние десятилетия также приходятся первые работы, посвященные отдельному исследованию церковного искусства униатов[18].

Малоизученными остаются памятники храмового и монастырского зодчества, не разработана архитектурная типология униатских монастырей. Одной из задач данной главы является попытка проследить архитектурную типологию храмостроительства и монастырского строительства базилиан, выявить в нем общие и особенные черты по сравнению с православным и католическим монастырским зодчеством края.

На первом этапе после заключения унии для богослужения по новому обряду использовались существующие православные церкви. Они вместе с приходами передавались под управление униатским священникам. В обширном новом строительстве не было необходимости. Иная ситуация сложилась на рубеже XVII–XVIII вв. Многие перешедшие к базилианам монастыри изначально закладывались деревянными и со временем обветшали. Большой урон был нанесен русско-польской, а затем и Северной войнами, театром событий которых выпало быть Беларуси. В 1695 г. правительство вынуждено было освободить базилиан сроком на один год от всех налогов «ввиду разорения военными постоями». Потребовалась одновременная реконструкция целого ряда монастырей, необходимо было развернуть обширное каменное строительство храмов и монастырей. В XVIII в. базилиане стали влиятельным законом и в пределах коронной конгрегации основали десятки новых коллегий. Оказавшиеся в их числе Бучач, Кристинополь, Гумань, Збараж и др. успешно конкурировали с иезуитскими коллегиями в деле укрепления католицизма в обряде восточном[19]. Расцвет униатского монастырского строительства приходится на 1730–1790-е гг., а местом его локализации, наряду с западноукраинскими областями, явились белорусские земли, порубежные с Россией[20].

Материалы по архитектуре униатских монастырей будут представлены в хронологическом порядке. Открывается глава разделом о монастырских комплексах, основной строительный период которых приходится главным образом на XVII в. и только отчасти на последующее столетие. При этом основное внимание уделяется эволюции типа бесстолпного зального храма базилианского монастыря. Далее исследуются монастыри, архитектурные ансамбли которых сложились в XVIII – начале XIX в. Причем материалы этого периода помещаются в двух самостоятельных разделах, что связано, прежде всего, с особенностями стилистического и типологического развития архитектуры базилиан времени позднего барокко. Вначале рассматриваются монастыри, храмам которых свойственны формы купольной базилики, а затем монастыри с бескупольными трехнефными базиликальными храмами, стилистически относящимися к «виленскому барокко».

Несмотря на то что тема «виленского барокко» поднималась не одним исследователем, художественная специфика течения представлена довольно расплывчато. Этот термин был введен в искусствоведение еще в 1930-е гг. По мнению М. Мореловского, начало этого художественного движения следует отнести к 1730–1735 гг. Второй этап связывают с 1735–1750 гг., когда влияние

новой сакральной архитектуры Вильно распространяется на развитие искусства всего белорусско-литовского ареала. Наконец, третий этап приходится на 1750–1776 гг. В храмовом строительстве указанного времени происходит активное развитие стилистики позднего барокко и становление свойственных памятникам региона особенных декоративных приемов и форм. Сущность этой эволюции заключается, с одной стороны, в постепенном вытеснении остатков местных, близких ренессансу мотивов и одновременно пересмотре и отборе ряда приемов и декоративных средств из архитектуры предыдущего времени. С другой стороны, мотивы барокко, рококо и позднего маньеризма сливаются в один стиль. Поступательность развития форм особенно хорошо видна по отношению к «выкроенным» мотивам, вместе с тем впервые появляются необычные, в определенном смысле смелые и диковинные декоративные элементы (ворота виленского Свято-Троицкого базилианского монастыря, 1749 г.)[21].

Последовательный анализ истории строительства монастырей показывает, что храмовое униатское зодчество XVIII в. совсем неоднородно. Определяя общие границы развития стиля периодом 1730–1776 гг., можно заметить, что «виленское барокко» в меньшей степени затронуло купольные базиликальные храмы, как-то: бесстолпные зальные (Рождества Богородицы в Гродно, 1728–1751; Успенский в Тадулино, церковь в Браславе), трехнефные (Николаевский в Бресте и св. Юра во Львове, 1744–1759; Успенский в Витебске, 1745–1785; Свято-Духовский в Витебске, 1792–1793).

Мотивы местной декоративной, маньеристической модификации барокко в значительной мере были присущи бескупольным бизиликальным храмам крестообразной объемно-пространственной композиции (св. Софии в Полоцке, 1738–1750; Рождества Богородицы в Березвечье, 1756–1768; Покровский в Орше, 1768; Вольно, 1768; Успенский в Пустынском Мстиславском монастыре, 1801–1808). Формы маньеристического барокко нередко встречаются также в базиликальных храмах с одной продольной осью развития пространства, то есть без трансепта (апп. Петра и Павла в Бресте, 1788; Василишки, 1769; Успенский в Толочине, 1787).

Итак, при рассмотрении истории монастырского базилианского строительства края видно, что на начальном этапе возводились по преимуществу бесстолпные, зальные церковные сооружения.

Однонефные храмы и начало базилианского строительства

Решения Брестского собора повлекли за собой перераспределение монастырского и церковного имущества. В результате православная церковь лишилась многих своих древних и авторитетных центров, в числе которых оказались монастыри Свято-Троицкий в Вильно, Успенский в Жировичах, Свято-Духовский в Минске, Варваринский и Богоявленский в Пинске, Онуфриевский возле Мстиславля, Софийский собор в Полоцке и многие другие. Монастырское зодчество базилиан XVII в. тесным образом было связано с деятельностью Иосифа Вениамина (Вельямина) Рутского и Льва Кишки. Они были наиболее влиятельными униатскими архиереями в Беларуси и Литве. Рутский основал орден еще при митрополите Поцее и в его епархии организовал Бытеньский, Жировицкий, Новогрудский униатские монастыри. Рутский был первым протоархимандритом ордена, совмещавшим управление базилианами с должностью митрополита[22].

Примерами организации базилианских монастырей на основе переданных униатам православных храмов и православных обителей являются Новый Свержань, Череи (Белоцерковский монастырь), Новогрудок.

В местечке Новый Свержань, расположенном на реке Неман Минского повета, базилианский монастырь был основан при древней православной церкви Успения Божией Матери, переданной в начале XVII в. униатам. Датой начала монастыря называется 1743 г., а его ктитором стал кн. Михаил Радзивилл (по данным И. Чистовича — каштелян виленский Станислав Радзивилл)[23].

По преданию, здесь в лесу на дереве в 1500 г. была найдена икона Богородицы. На месте явления образа впоследствии поставили деревянную церковь Успения, которую в 1590 г. заменили каменным храмом. Существующий каменный храм датируется началом XVII в., т.е. в период принадлежности униатам. Еще в XIX в. в нем продолжала храниться местночтимая икона Божией Матери с Предвечным Младенцем, писанная по золотому фону на деревянной доске и покрытая серебряной ризой[24].

В объемно-пространственном построении церкви использованы приемы, употреблявшиеся как для простейшего типа православных, так и католических каменных храмов. Храм представляет собой зальный объем без сводов и контрфорсов, пропорции плана которого соотносятся примерно как 2:1. С восточной стороны к нему пристроены алтарь с прямо сведенной, без апсиды стеной, и два симметричные низкие объема сакристии. К западной стене пристроен одной ширины с храмом притвор с массивным четвериковым объемом башни без проемов. Вход в храм осуществляется через две боковые двери притвора. Третья дверь пробита в северной сакристии, что означает возможное устройство в этом месте перехода из храма в кляштор. В конце XVIII в. в церкви помещалось 5 алтарей.

О характере застройки монастырского комплекса известно только то, что кляштор был построен из брусового дерева и имел квадратную в плане форму. В монастырском корпусе располагались классы и кельи для семинаристов, а также трехклассная школа[25].

Монастырь состоял в главном владении провинциала литовских монастырей[26]. Существенная реконструкция храма и окружающей его застройки была проведена после упразднения монастыря, последовавшего в 1833 г. Обветшавшие к тому времени монастырские корпуса были разобраны. Внутри храма вместо алтарей установили иконостас — «окрашенный белилами с крашеными же карнизами и золотыми рамами, 17 икон разной величины расположены в один ряд». По описанию XIX в. церковь была накрыта черепичной крышей с одним глухим фронтовым куполом, стены выбелены известью, деревянные части купола покрашены масляной краской. Внутренняя площадь 180 кв.м, потолок подшит досками и покрашен белилами, стены выбелены известью, пол в алтарной части деревянный, а в остальном кирпичный[27].

Описанием засвидетельствовано, что храм обнесен оградой, с одной стороны каменной, с другой — деревянной. Подобные ограждения из различных материалов — с парадной стороны из кирпича, а со стороны хозяйственных служб из дерева — широко употреблялись в католическом монастырском строительстве.

О монастырских корпусах и служебной, хозяйственной застройке других базилианских монастырей, существовавших при древних православных храмах в имении Череи и городе Новогрудке, практически не осталось никаких сведений

Частично сохранилась Троицкая церковь Белоцерковского монастыря в имении Череи Сенненского повета. О ее основании и начальной истории подробно говорилось в главе, посвященной православным монастырям. Необходимо только напомнить, что каменный Белоцерковский монастырь основал канцлер Лев Иванович Сапега (1597 или 1598), который завещал оставить его православным (1599). Лев Сапега сам определил место строительства, расположив монастырь неподалеку от прежней деревянной обители, на острове озера Головля, где до того времени находился господский двор с домом и службами его отца, Ивана Ивановича Сапеги. Богатым вкладом Льва Сапеги во вновь отстраиваемый монастырь были также напрестольный крест (1596), плащаница, чудотворный образ Черейской Богоматери.

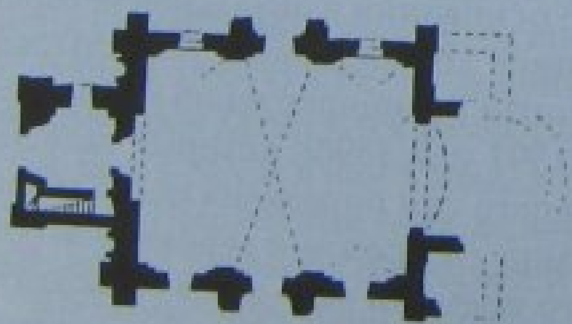
Первый настоятель, инок Исаия в 1601 г. подчинил монастырь униатам, сосредоточив в своих руках управление Черейским и Онуфриевским мстиславским монастырями. Монастырь был введен в достоинство архимандрии, которая в качестве королевских бенефиций отдавалась различным лицам в пожизненное владение[28].

В 1639 г. игуменом монастыря был ксендз Назарий Чапский, в 1750 г. — Киприан Яворовский. В 1804 г. в нем были 4 монаха и 1 клирик. После воссоединения униатов и православных монастырь упразднен, и Троицкий храм переведен в разряд приходской церкви[29].

Сохранились остатки церкви Св. Троицы, по которым восстановлена ее планировочная структура. Храм был трехчастным. К зальному бесстолпному объему собственно храма с востока был пристроен алтарь с полуциркульной апсидой и примыкавшими к нему двумя симметричными пониженными сакристиями. К западной стене была пристроена трехъярусная четвериковая колокольня, с несколько убывающими по размерам ярусами. Композиционное построение колокольни, равно как и пластическое решение главного фасада выполнены в стилистике позднего барокко XVIII в., что сближает Троицкую церковь с храмом Онуфриевского монастыря возле Мстиславля. Восточная часть храма не сохранилась.

Наиболее древней является центральная часть белоцерковского храма, пропорции плана которой, без апсиды, выражены соотношением примерно 1,5:1. Центричность пространства подчеркивается системой покрытия, представляющего собой сомкнутый свод на шести распалубках с крестовой центральной частью, фиксирующей геометрический центр внутреннего пространства храма. Своды опираются на мощные ортогональные контрфорсы по углам храма и четыре симметричных контрфорса на боковых стенах, а также усиливающие работу контрфорсов внутренние пилястры, оформленные в виде пучков пилястр. По центру боковых стен пробиты дополнительные дверные проемы.

Можно предположить, что Троицкая церковь в своей основе имеет сооружение 1597–1598 гг., построенное в традициях православного храмового белорусско-литовского зодчества. Подобно виленским Пречистенской и Параскевиевской (Пятницкой) церквам, а также Борисоглебской в Новогрудке, Троицкая церковь на боковых фасадах также имела два ряда оконных проемов. Наконец, согласно фиксационным рисункам Параскевиевской церкви в Вильно в XIX в., она может быть названа ближайшим аналогом Троицкого храма Белоцерковского монастыря[30].

206 Троицкая церковь Белоцерковского (Черейского) монастыря (1597–1598, XIX в.), план (ЗППК).

XXIX Петропавловская церковь в Ружанах (церковь 1675, кляштор 1784–1788)

XXX Иконостас Петропавловской церкви в Ружанах

XXXI Западный фасад храма Рождества Богородицы в Гродно

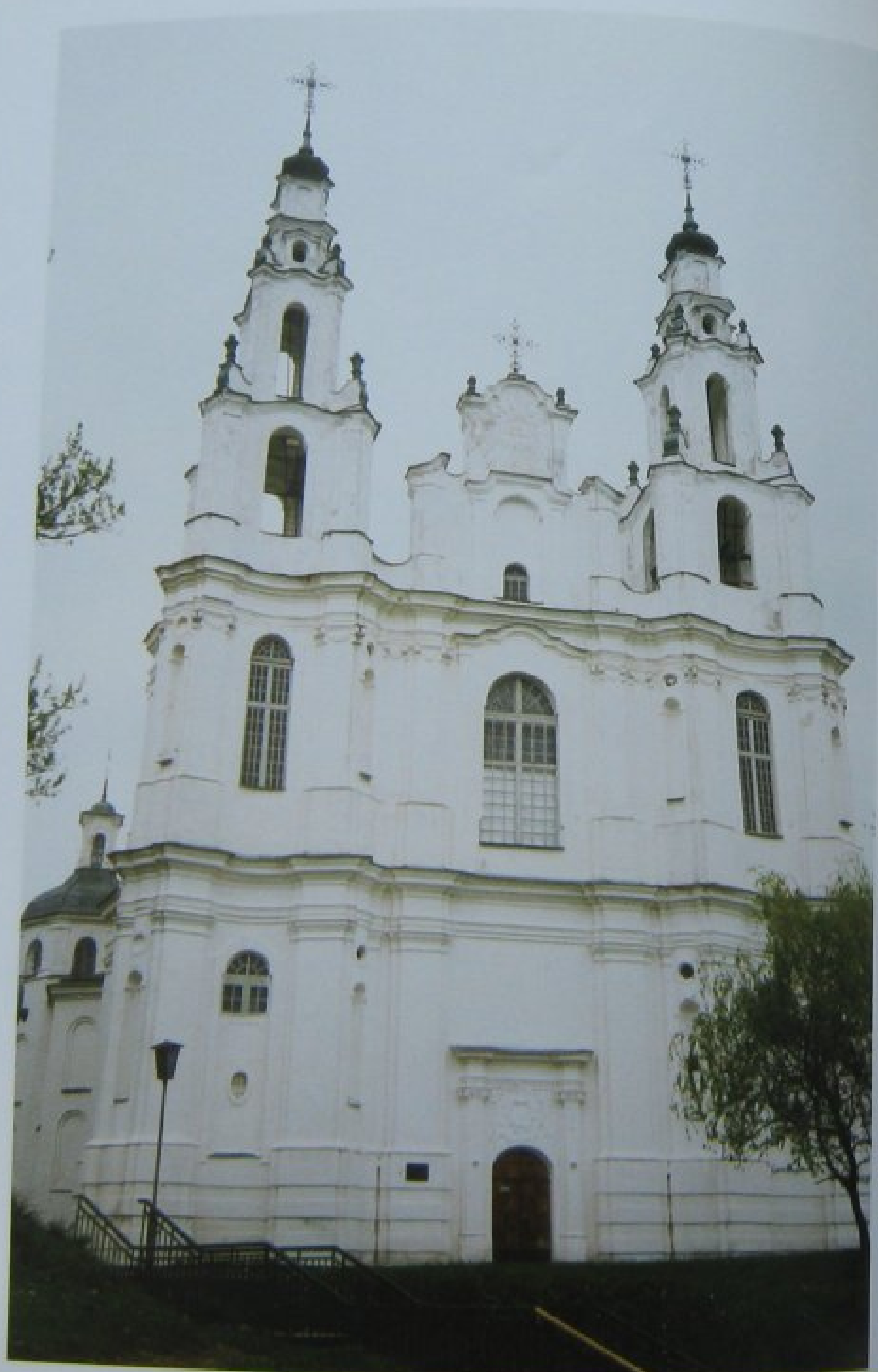
XXXII Женский монастырь Рождества Богородицы (Пречистенский) в Гродно (церковь известна под 1560, базилианские постройки 1626, 1728–1751), восточный фасад

XXXIII Главный алтарь собора св. Софии в Полоцке

XXXIV Хоры собора св. Софии в Полоцке

XXXV Собор св. Софии в Полоцке (середина XI в.,1733—1762), главный фасад

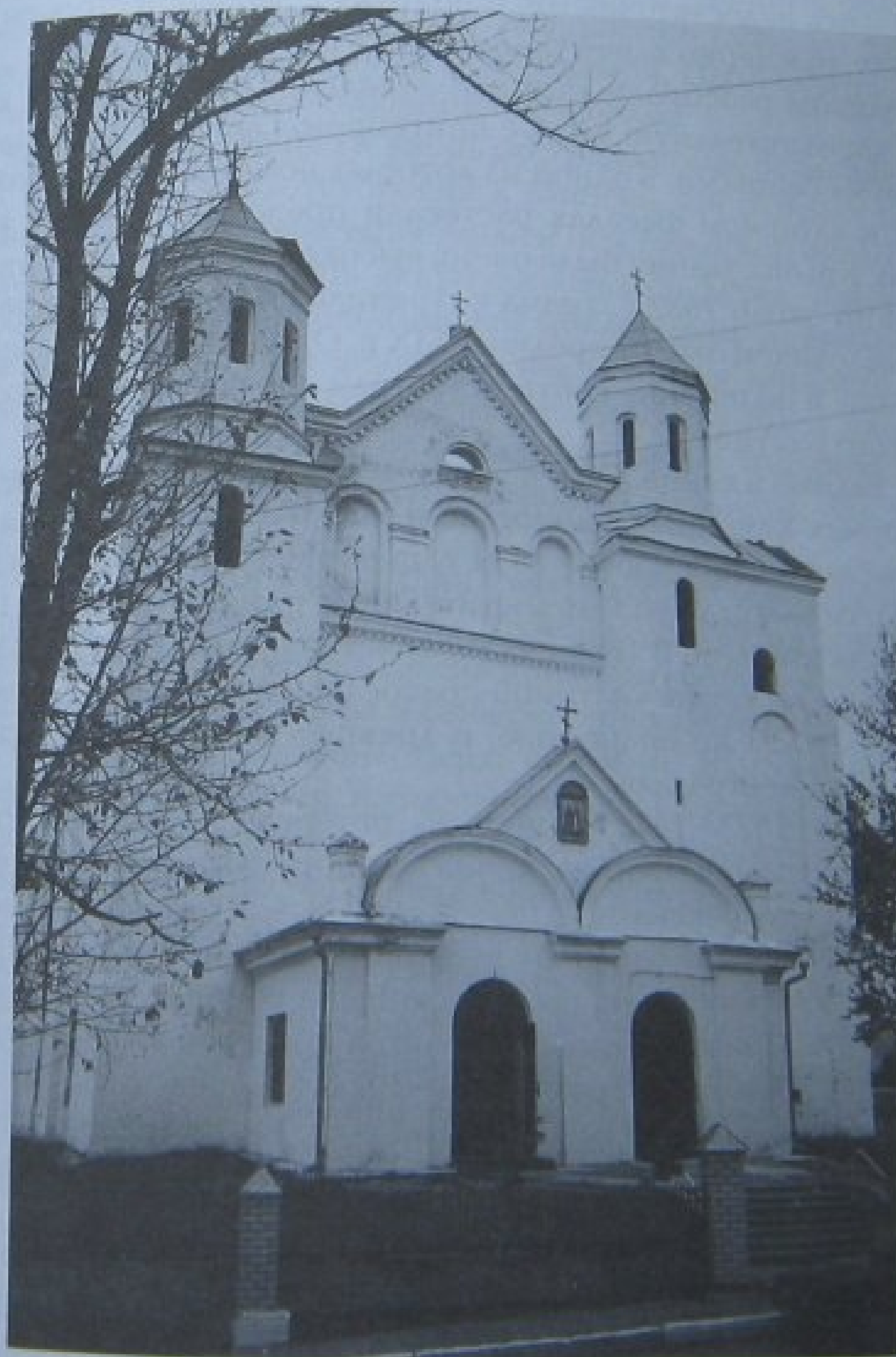
XXXVI Покровский монастырь в Толочине (1796, монастырский корпус 1779), иконостас

XXXVII Хоры Покровской церкви в Толочине

Существенной реконструкции подверглась древняя Борисоглебская церковь в Новогрудке после создания при ней униатского монастыря, а затем и после упразднения унии. О принципах и деталях реконструкции сохранились документальные сведения, подробно проанализированные Е.Квитницкой, которые взяты за основу последующего описания памятника.

В 1624 г. Иосиф Рутский основал в Новогрудке женский базилианский монастырь, которому он передал все принадлежавшие храму владения. Строительство монастыря началось на средства первой его настоятельницы, монахинь и местного магната Адама Хрептовича (фундуш 1632). Одновре-

207 Западный фасад Борисоглебской церкви после реконструкции начала XVII в.

менно с женским монастырем Рутский основал при церкви мужской базилианский монастырь, впрочем, о нем впервые упоминается в документах только под 1628 г.[31]

При превращении православной церкви в базилианскую по правилам женского униатского монастыря понадобилось предусмотреть над входом в храм место для монахинь, которые по уставу должны были проходить в храм и оставаться там не замеченными для мирян. В храме были два дополнительных входа, устроенных в центре боковых фасадов. Необходимо было также по литургическим требованиям устроить хоры для органа. Размеры церкви оказались недостаточными, и поэтому с западной стороны произвели пристройку, примерно вдвое удлинившую здание.

Почти целиком разобрали главный западный фасад церкви и к храму пристроили дополнительную часть с притвором. Главный фасад завершался щипцом и двумя башнями, в одной из которых помещался большой колокол. На боковых и алтарном фасадах растесали прежние проемы и увеличили ширину окон. Крыша здания была очень высокой и покрытой гонтом. Облик перестроенного около 1632 г. храма сохранился на акварели, выполненной Эдвардом Павловичем около середины XIX в. Окна, судя по акварели, еще не были растесаны и по ширине соответствовали арочкам декора, органически включаясь в его рисунок.

Позднее, видимо в конце XVIII в., в глубине алтаря церкви возвели в классических формах каменный иконостас и несколько изменили завершение западного фасада здания. После 1839 г. церковь стала православным собором, а в 1846 г. ее закрыли «по ветхости». После ремонтных работ 1860 г. церковь вновь была открыта. В 1866 г. составляется проект церкви, по которому она должна принять черты «истинно православного храма». К счастью, проект был осуществлен не полностью, и древняя часть церкви, относящаяся к 1519 г., почти не пострадала.

В перестройке 1873–1875 гг. церковь потеряла почти все, относящиеся к XVII в. детали. Утрачены формы щипца главного фасада и двускатная крыша заменена низкой четырехскатной; центральный свод разобрали и над ним возвели деревянный световой барабан с главкой; расширили окна. В 1915–1918 гг., во время немецкой оккупации, была расхищена ранняя утварь церкви, относившаяся к XVII в. При капитальном ремонте, проведенном под руководством польских ученых, изучавших храм в 1923–1924 гг., деревянную надстройку убрали и сложили заново ранее разобранный свод. Основание церкви, находившейся на краю подверженного оползням холма, укрепили и дренировали. Позднейшие текущие ремонты не исказили здания.

На основе немногих представленных памятников, по которым сохранились материальные и документальные свидетельства, можно заметить, что однонефные и бескупольные базилики оставались наиболее распространенным типом храмов базилианских монастырей XVII в. Конструктивно-тектоническая и образная основа такого простейшего типа культовых сооруже-

ний во многом восходила к средневековым православным и католическим храмам XVI в. Последующая эволюция базилианского храмового строительства, по-прежнему базировавшаяся на схеме бесстолпного храма, внесла существенные изменения в пропорциональный строй и семантическое прочтение архитектуры церковного сооружения. В отличие от православного зодчества, уделявшего внимание декоративному убранству всех четырех фасадов и подчеркивающему значение центральной вертикальной, невидимой оси здания, в униатских монастырях XVII в. смысловой и художественный акцент в объемно-пространственной структуре и внешнем облике храмов фокусировался на западном портале и завершении главного фасада сложным фронтоном, аттиком или башенным объемом. Пропорции плана удлинились и стали составлять соотношение 2:1 и более.

Одним из первых фактически вновь отстраиваемых базилианами монастырей стал мужской Свято-Духовский в Минске. Он основан настоятелем минского Вознесенского монастыря Афанасием Пакостой около 1616 г.[32]

Свято-Духовский монастырь аккумулировал средства, ранее принадлежавшие древним минским православным монастырям: церковные священные предметы, материальные ценности, недвижимые владения. Со временем к Свято-Духовскому базилианскому монастырю были присоединены два других минских монастыря — Воскресенский с имением Тростянец, в свое время пожалованным супругой короля Александра, вел. кн. Еленой, и Свято-Николаевский в замке[33].

Из Николаевского собора в церковь Святого Духа была перенесена чудотворная икона Пресвятой Богородицы, а в 1735 г. грамотой униатского митрополита Иосифа Рутского все владения присоединенного к кафедральному собору Николаевского монастыря и сама соборная церковь перешли под управление Свято-Духовского монастыря. Наконец, Рутский подарил трем объединенным Николаевскому, Вознесенскому и Свято-Духовскому монастырям в «Богом спасаемом граде Минску» и собственные, унаследованные от отца имения. Он также завещал перевести в минский монастырь Святого Духа из полоцкого кафедрального собора библиотеку латинских книг, «чтобы она служила местным проповедникам на научение христианского народа». В середине XVII в. влияние монастыря еще более возросло. Грамотой короля Яна Казимира 1653 г. ему передавались церковь Козьмы и Дамиана в Минске, храмы в Логойске и Гайне со всеми принадлежавшими им владениями: «землями, фольварками, добрами, сеножатями, стогами, млынами»[34]. В конце XVIII в. при монастыре была организована школа, униатская семинария, устроена типография.

Минские базилианские монастыри при церкви Святого Духа были закрыты после третьего раздела Речи Посполитой. Мужской монастырь был преобразован в православный, под названием Духовской Петропавловский. Однако он просуществовал недолго и в 1799 г. был переведен в Пинск под именем Богоявленского. В 1795 г. церковь была назначена кафедральным

православным храмом Минска и при ней разместилась резиденция православного архиепископа[35].

После пожара 1835 г. и в 1893 г. храм реконструировался, в результате кардинальным образом был изменен архитектурный облик сооружения, перестроенного в формах «русского стиля». От монастырского ансамбля сохранился только корпус мужского монастыря, долгое время использовавшийся для гражданских функций как дворянское училище, затем гимназия, присутственные места и т. д., а в советское время — Дом профсоюзов. В 1937 г. собор был разобран[36].

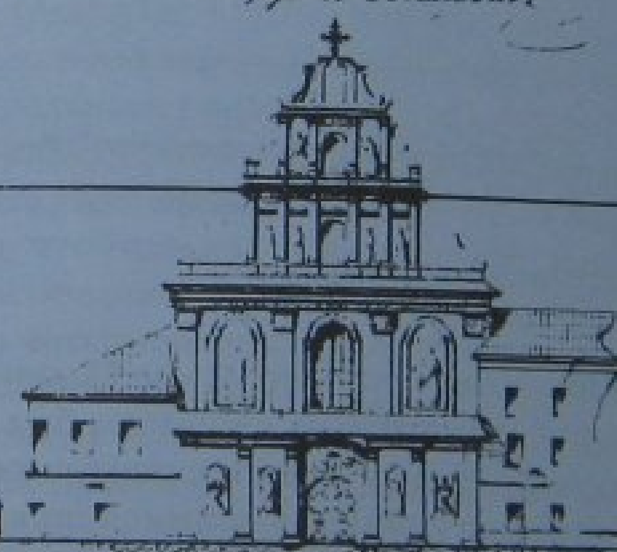
История строительства храма и монастыря восходит к 1617 г., когда для них был выделен участок, расположенный рядом с существовавшей с XVI в. деревянной церковью Святого Духа. Однако каменный Свято-Духовский храм стали строить значительно позднее, когда в 1634 г. богатый полоцкий горожанин пожаловал для этой цели 2 тыс. злотых. В 1638 г. под строительство был отведен участок[37], который находился на центральной рыночной (рынковой) площади и формировал северный фронт ее застройки.

Объемно-пространственная структура Свято-Духовской церкви была сформирована по типу зального бесстолпного храма, широко распространенного как в католической, так и в православной архитектуре края предыдущих столетий. Внутреннее пространство храма перекрывали четырежды повторенные крестовые своды на подпружных арках, распор которых воспринимали три пары массивных пилястр, выполнявшие роль контрфорсов. Помимо контрфорсов распор свода сдерживался металлическими затяжками над сводами. Главный и боковые фасады разбивались рядом высоко поднятых стрельчатых окон с частыми переплетами на два примерно равной высоты яруса. К основному объему храма пристроена пятигранная апсида одной высоты с храмом[38].

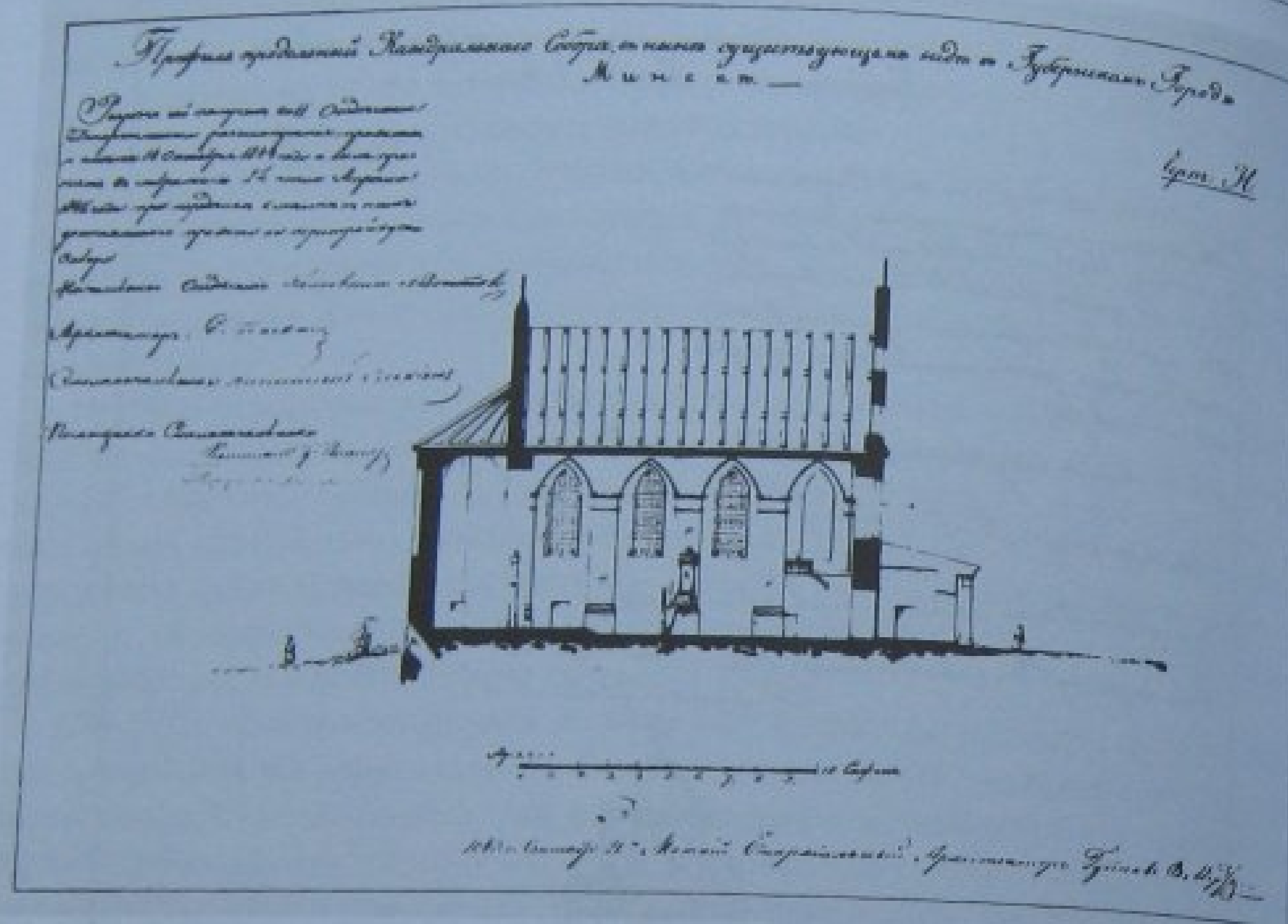
В Беларуси похожее конструктивно-тектоническое решение применялось в костеле бернардинок в Вильнюсе (1516), бернардинском костеле женского монастыря в Слониме (1639–1645), похожий прием можно видеть и в доминиканском костеле в Княжицах (1681).

Несмотря на заметное влияние средневекового готического искусства, указывающего на связь с традицией православного храмостроения Беларуси XVI в., а также в равной степени православного и католического строительства в столичном городе Вильно, Свято-Духовская церковь отмечена поиском новых решений, в особенности в оформлении главного фасада храма. Он совершенно уходит от образа храма-крепости и заимствует приемы декоративного оформления нидерландского, северного ренессанса, что в истории польской архитектуры определяется как особенности начального развития стиля барокко, связанного с периодом 1582–1630 гг.

В Беларуси похожее решение фасада можно наблюдать только в доминиканском костеле Гродно (основание 1619). Ранее уже обращалось внимание на необычное решение главного фасада Свято-Духовского храма, подробно описан-

208 Свято-Духовский монастырь в Минске (1616, 1634–1638), обмеры 1843–1844 гг. (РГИА)

208 Разрез Свято-Духовского монастыря в Минске, обмеры 1843—1844 гг. (РГИА)

ного Е. Квитницкой: «Продолжая тему горизонтального членения боковых стен, главный фасад мощным гуртовым карнизом был разбит на два яруса и увенчан высоким многоярусным арочным фронтоном... (фронтон) расчленен на ярусы антаблементами, уменьшающимися по высоте в направлении снизу вверх. По вертикалям ярусы расчленяют пилястры, высоты которых уменьшаются в том же направлении, что сообщает определенную динамику фасаду... щипец был разбит на три последовательно уменьшающихся яруса, переход между которыми по скату щипца оформляли волнообразные волюты, поднимающиеся к венчающему фасад кресту... Центральная ось на главном фасаде выделена уширенным расстоянием между пилястрами и цепочкой дверного и оконного проемов, освещающих неф и чердак. Окна имели полуциркульное завершение и менее вытянутые (по отношению к окнам боковых и заднего фасадов) формы. Промежутки между пилястрами главного фасада были заполнены фресками с изображением святых... Церковь Свято-го Духа в Минске представляла собой красочное и богатое сочетание архитектурных и живописных элементов... Принятый за основу фасад бюргерского или цехового дома Нидерландов был средствами живописи превращен в фасад культового сооружения, фрески которого прямо указывали на назначение здания. Подобный синтез архитектуры и живописи не встречается

в архитектуре соседних стран и является вкладом Беларуси в общеевропейское зодчество»[39].

Арочные ярусы в украшении фасада униатского храма отсылают к православным храмам Беларуси XVI—XVII вв., но примечательно, что в декоре главного фасада Свято-Духовской церкви впервые отчетливо проводится система ордерного декора. Вертикальная система разбивки главного фасада подчинена ордерной системе, ею задается пульсирующий ритм форм, от учащенного в первом ярусе фасада к спокойным и крупным членениям второго яруса и, наконец, снова к учащенному ритму убывающих вверх ярусов декоративного щипца фронтона. По существу, в основу композиции архитектурной декорации фасада положена крестообразная схема, что являлось характерной особенностью построения белорусского иконостаса XV–XVII вв.

По мнению исследователей, крестовый стержень являлся отличительной особенностью композиции белорусского иконостаса[40]. Он выявлялся в структуре иконостаса доминирующим по высоте горизонтальным рядом апостольского чина (Деисуса) и относительно более крупными по размерам и несколько приподнятыми над горизонтальной разбивкой ярусов иконами вертикального центрального ряда с доминирующим образом Христа во Славе. В завершающем ряду образы пророков размещались на резных по контуру досках, в той же технике была исполнена центральная, венчающая иконостас сцена Голгофы, что придавало иконостасу коронообразное силуэтное завершение. Притом общими чертами для Беларуси и Украины XV—XVI вв. являлись чаще всего четырехъярусное построение общей композиции и характерный коронообразный пирамидальный силуэт иконостасного комплекса. В XVII в. на смену тябловому иконостасу пришла ордерная композиция каркаса алтарной преграды. Как уже говорилось, иконография фасада Свято-Духовской церкви в Минске отличается четырехъярусным построением, ордерной системой разбивки плоскости по горизонтали и вертикали, пирамидальным силуэтом завершения и изображением в нишах фасада священных образов.

Предположение о некой взаимосвязи оформления фасада Свято-Духовской церкви со сложившимися и распространенными в православном зодчестве принципами построения иконостасных комплексов находит подтверждение в живописном, а не скульптурном, как это было принято у католиков, изображении святых на фасаде. Вопреки традиции, на фасад выносилось условное подобие иконостаса — одного из основных составляющих литургии православного храма. Похожее оформление главного фасада, вероятно, имела и православная Свято-Духовская церковь в Коденском замке Сапеги. Достаточно подробно ее облик передан на рисунке В.В. Грязнова[41].

Вместе с тем надо заметить, что, если абстрагироваться от существенной разницы масштабов сооружений, решение фасада минского храма имеет принципиально общие черты также и с костелом кармелитов в Познани (ар-

хитектор Е. Катеннати, 1635–1675). По признанию польских специалистов этот памятник является уникальной для Польши композицией, он — «один из наикрасивейших, наиболее оригинальных и фантастичных наших бескупольных фасадов XVII в. Он является примером архитектуры живописной и эмоциональной»[42].

Таким образом, в поисках решения образа базилианского храма по-своему преломлялись новейшие течения архитектуры православных и католических храмов. В отличие от ранее рассмотренных памятников храмового монастырского зодчества, в архитектуре Свято-Духовской церкви в определенно читаемых формах и узнаваемых образах синтезировались приемы архитектурного убранства и внутреннего пространства и внешнего декоративного оформления церковного сооружения. Опираясь на существующую традицию, создатели минского храма в качестве основы композиции главного фасада использовали структурную схему иконостаса, что в некотором смысле придавало знаковый характер внешнему облику храма. В то же время построение внутреннего пространства — горизонтальная направленность, протяженность храмового пространства, длина и ширина которого находятся в соотношении 2:1, в большей степени соответствовали требованиям католической литургии. Прием такой открытой, легко читаемой метафоричности архитектурного языка во внешнем декоративном убранстве храма носил исключительный характер и оказался возможным только вне православной традиции. В православном зодчестве Беларуси всегда соблюдалась иерархия соотношений «внешнее и внутреннее». Еще более определенная ориентация на типологические каноны католической архитектуры проявилась в архитектурно-планировочной организации ансамбля Свято-Духовского монастыря в целом. По существу, он не отступает от принципа костел-кляштор.

Каменные здания кляштора построены по инициативе митрополита Антония Селявы[43]. Церковь занимала угловое положение в монастырском комплексе, главным фасадом она обращалась к площади, алтарная часть была ориентирована на север. В основу композиции монастыря положены принципы регулярности, правильности геометрических построений. Соединенные друг с другом храм, корпуса мужского и женского монастырей, крытые переходы и ограда группировались вокруг внутреннего замкнутого прямоугольного двора-клуатра, расположенного со стороны восточного фасада храма. Причем в отличие от многих католических монастырей комплекс храма и кляштора не окружался дополнительной оградой, все строения располагались непосредственно на красной линии главной площади города — Высокого рынка. Комплекс базилианских монастырей находился визави иезуитского монастыря, костел которого был слегка заглублен относительно красной линии застройки площади и отделялся от нее невысокой оградой.

Женский монастырь при церкви Святого Духа, в дополнение мужскому, был основан в 1641 г. по инициативе униатского митрополита Антония Селявы. Первые пожалования принадлежали троцкой каштелянше Сусанне Гонсевской. В 1651 г. 2 тыс. злотых завещал обители Антоний Селява[44].

Минские базилианские монастыри при церкви Святого Духа были закрыты после третьего раздела Речи Посполитой (1795). Церковь превращена в кафедральный собор, а женский монастырь переместился на другое место. Он обосновался неподалеку, за рекой Немигой, при приходской униатской церкви Св. Троицы, в одноименном предместье. Монастырь находился в нижней части Троицкой горы и хорошо просматривался с высоты Высокого рынка[45].

Строительство женского монастыря на новом месте продолжалось в течение 1790–1810-х гг. Можно привести описание его построек того времени.

Новые каменные двухэтажные корпуса «тосканской» архитектуры (очевидно, тосканского ордера), расположенные наподобие «трех соединенных каплиц», были построены в 1799 г. Монастырская церковь сгорела. Заготовленные для возведения нового храма материалы были разграблены французскими войсками в войну 1812 г. Богослужение временно проводилось в освященной в 1810 г. каплице, устроенной в нижнем этаже одного из корпусов, где по проекту планировалось разместить приемную (парлаториум). По примеру католических храмов в часовне был установлен только престол без алтаря. Каплица разделялась пополам преградой, внизу состоявшей из глухой стены, а вверху из деревянной густой решетки, которая «закрывалась зелеными гарусными занавесями». Эта перегородка вертикально членилась тремя небольшими столбами, несущими карниз. Монашенки во время богослужения находились за перегородкой, а удалялись через отдельные двери, ведущие непосредственно внутрь монастыря. На монастырском подворье, при выезде на Старовиленскую дорогу, возвышалась каменная двухъярусная надвратная колокольня той же «тосканской» архитектуры. Направо от входа в каплицу помещался брусяной деревянный флигель. В нем проживал духовник монахинь. В монастыре помещались 17 келий, парлаториум, библиотека, трапезная, школа светских девиц, кухня. Службы располагались отдельно[46].

Архитектурное решение минской Свято-Духовской церкви не имеет аналогов в монастырском зодчестве края. В определенном смысле появление этого памятника можно расценивать как некий эксперимент, с одной стороны связанный с развитием местных традиций православного храма XVI в., с другой стороны, связанный с приобщением к стилистике эпохи Контрреформации, в частности к барокко в североевропейском варианте развития этого стиля. Вероятно, сразу же после организации базилианского ордена планировочная композиция монастырского комплекса осуществлялась по принципу костел-кляштор. В свою очередь, эволюция храмовых форм проходила более сложный путь по отношению к планировке кляштора.

Другой пример раннего строительства базилиан в Беларуси — реконструкция и дальнейшее развитие комплекса древнего православного Успенского монастыря в местечке Жировичи. Оно расположено в 8 верстах к югу

209 Жировицкая икона Божией Матери, по работе о. Антония (Мельникова).
1) Прорись по барельефу. 2) Римская копия, хранящаяся в храме св. Сергия и Вакха

от Слонима, в небольшой котловине, окруженной с трех сторон невысокими холмами, а четвертой стороной обращенной к широкой долине. Здесь речка Викня, образуя три пруда, впадает в реку Щару. Монастырь основан владельцем имения Александром Солтаном[47].

История возникновения Жировицкого монастыря связана с преданием о явлении в 1470 г. пастухам в лесу чудотворного образа Божией Матери. В честь чудотворной иконы владелец этих земель, надворный подскарбий Александр Солтан заложил деревянную церковь. Некоторое время спустя, после пожара в храме, прозошло второе явление на камне чудесно спасшегося образа. Над этим местом также была построена деревянная церковь Явления Богородицы «на камени»[48].

Монастырь был основан в середине XVI в., при существовавшей в то время каменной церкви, с правой ее стороны. От первоначальных построек сохранилось каменное двухэтажное здание (ныне настоятельский корпус).

В 1613 г. жировицкие церкви были обращены в унию и вскоре отданы базилианскому ордену. Первоначальный этап образования базилианского монастыря связан с деятельностью Иосафата Кунцевича, ставшего первым его настоятелем. Основные фундуши были предоставлены Львом Сапегой, Иваном Мелешкой (1613), Тризной. 18 февраля 1628 г. Папа Урбан VIII утвердил устав Жировицкого братства. Метрики (клировые ведомости) до 1678 г. в монастыре писались на русском языке[49].

Уже в начальный период истории монастыря значение его в жизни униатской церкви было очень велико. Здесь проходила пятая конгрегация под руководством митрополита Иосифа Рутского, а позднее и другие униатские соборы. В 1639 г. Папа Урбан VIII утвердил устав образованного при монастыре униатского братства. Постепенно при обители складывалось поселение.

Посещение монастыря стало обычаем польского королевского дома. После того как король Владислав IV (1644) с супругой, во время приезда в Ружанский замок к Сапеге, прибыл на богомолье в Жировицкий монастырь, короли по традиции считали своим долгом посетить и поклониться чудотворному образу Жировицкой Богоматери. Здесь были Ян Казимир (во время похода против Богдана Хмельницкого), Ян Собесский.

В XVII в. при Жировицком монастыре уже существовала философская школа, о которой впервые говорилось на конгрегации в 1709 г. При школе насчитывалось 300 воспитанников. Учебные заведения при базилианских монастырях играли такую же роль, как и иезуитские школы, а после упразднения иезуитских базилианские полностью заменили их. В жировицкой школе преподавались богословие и философия, профессором монастыря был Флориан Гребницкий, здесь преподавал доктор свободных искусств и философии иеромонах Феофил Енткевич, впоследствии профессор Полоцкой униатской академии[50]. Особую заботу о базилианском училище проявлял протоархимандрит ордена Лев Кишка, впоследствии униатский митрополит[51].

Во время военных действий между польскими войсками и Богданом Хмельницким последний подверг полному разорению Жировицкую обитель (1655). После этого, к концу XVII в., Жировичи были заново отстроены. Новые разрушения принесла Северная война, и снова, после ухода войск шведского короля Карла XII, монастырь быстро восстановили. Его влияние вновь стало усиливаться. Начала работать типография, предназначенная для печатания наряду с богослужебной литературой особых молитвенников на польском языке, впоследствии получивших название «жировицкие кантычки»[52].

В 1810 г. собор монастыря стал кафедральным собором всей Брестской епархии. В ограду монастыря было перенесено находившееся ранее в Новогрудке епархиальное управление. С этого времени епископы Брестские жили в Жировицком монастыре.

В XIX в. в административном подчинении к Жировицкому «провинциалу» (жировицкий уполномоченный осуществлял ревизии по другим униатским монастырям) находились 22 униатских монастыря, в том числе: Троканский, Бытенский, Антопольский, Грушнянский, Рожанский, Лавришевский, Новогрудский, Холмянский, Мирский, Селецкий, Лысковский, Волнянский, Суховицкий, Гродненский, Даревский, Лещинский, Цеперский, Новоселецкий, Брестский, Черленский, Кобринский и сам Жировицкий[53]. До 1830 г. при монастыре существовало уездное училище.

Однако вскоре Жировицкий униатский монастырь был временно перенесен в Бытень, а в Жировичах была учреждена кафедра брестского и литовского униатского епископа. Указом 1828 г. Успенская церковь стала кафедральным собором, при ней образована консистория, семинария и низшее духовное училище. Сформированный на основе монастыря крупный центр духовного образования должен был стать главным в Беларуси учебным заведением по подготовке священников для православных храмов. Это намерение встретило скрытое противодействие униатов. Под предлогом недостатка учителей, владеющих русским языком, преподавание долго велось на латыни и польском языке. Положение изменилось только после переподчинения семинарии Комиссии духовных училищ (1836). В 1838 г. семинария выпустила 550 учеников, среди них 70 имели светское звание.

После указа о воссоединении униатской и православной церквей, по распоряжению Синода кафедра брестского и литовского (православного) архиепископа из Жирович была перенесена в Вильно. В 1845 г. туда же были перенесены духовная семинария и архив и оставлено только духовное училище. Вместе с тем и в эту пору монастырь сохранял свои богатые владения (ежегодные доходы насчитывали более 4000 руб.). Постоянное место паломничества богомольцев, монастырь со временем стал излюбленным местом уединенных ученых и литературных занятий для ушедших на покой религиозных деятелей. В советское время Жировицкий монастырь долгие годы оставался единственным действующим монашеским центром в Беларуси, здесь помещалась Минская духовная семинария[54].

Первым каменным храмом на смену ранее существовавшему деревянному была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы (по одним источникам в 1628 г., по другим — Иваном Солтаном в 1650 г. или 1663 г.). Успенская церковь представляет собой трехнефную купольную базилику с трансептом и одной обращенной на восток полукруглой апсидой. В Успенском соборе главный алтарь по восточному чину был отделен иконостасом. Помимо главного, в соборе было 4 боковых алтаря, устроенных по католическому обычаю. Один из них посвящался Жировицкой иконе[55]. К южной стене собора примыкала зимняя церковь Василия Великого, иначе теплый придел главного собора.

В притворе Успенского собора с давних времен была устроена небольшая каплица, где находились останки Иосафата Кунцевича, а затем (после возвращения их в полоцкую Софию) нетленные останки епископа Иоакима (униатский епископ с 1705 г., в миру Законович).

Вдоль северной стены собора были пристроены перекрытые коридоры-галереи, выводившие из храма непосредственно в монастырские корпуса.

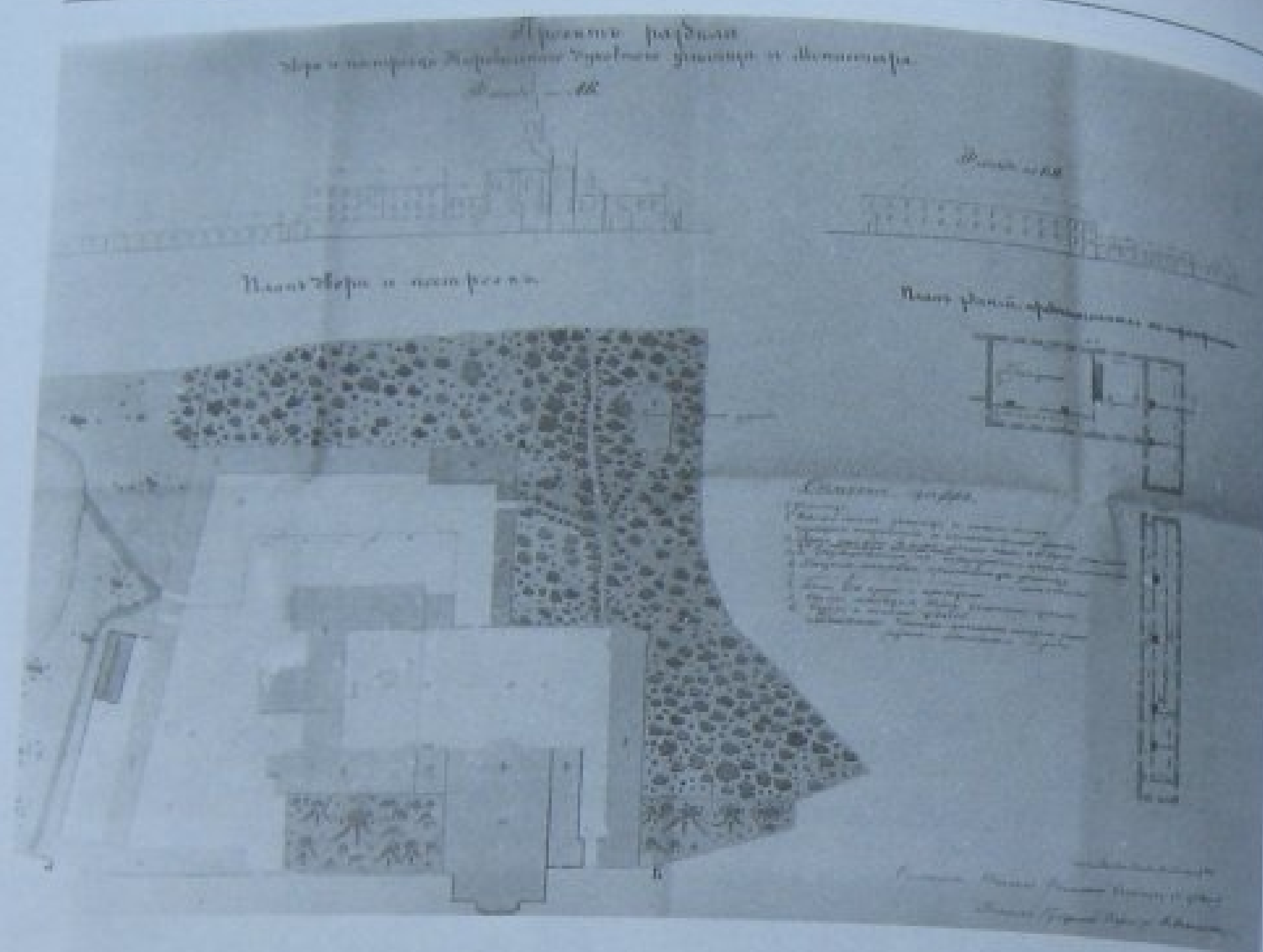
Под алтарной частью собора была устроена крипта — заглубленное помещение, предназначенное для захоронения святых мощей. Видимо, ступенчатый профиль стен апсиды обусловлен значительными подземными работами в алтаре храме, под которым находился священный целебный источник. Он

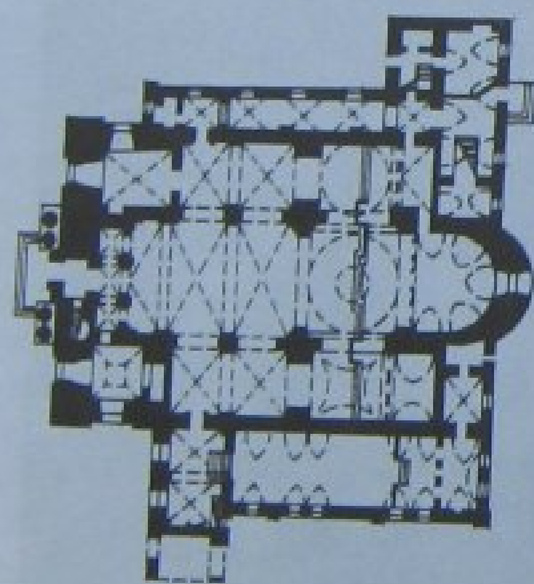

210 Иконостас Успенского собора Жировицкого монастыря, фото из коллекции Я. Булгака

211 Хоры Успенского собора Жировицкого монастыря, фото из коллекции Я. Булгака

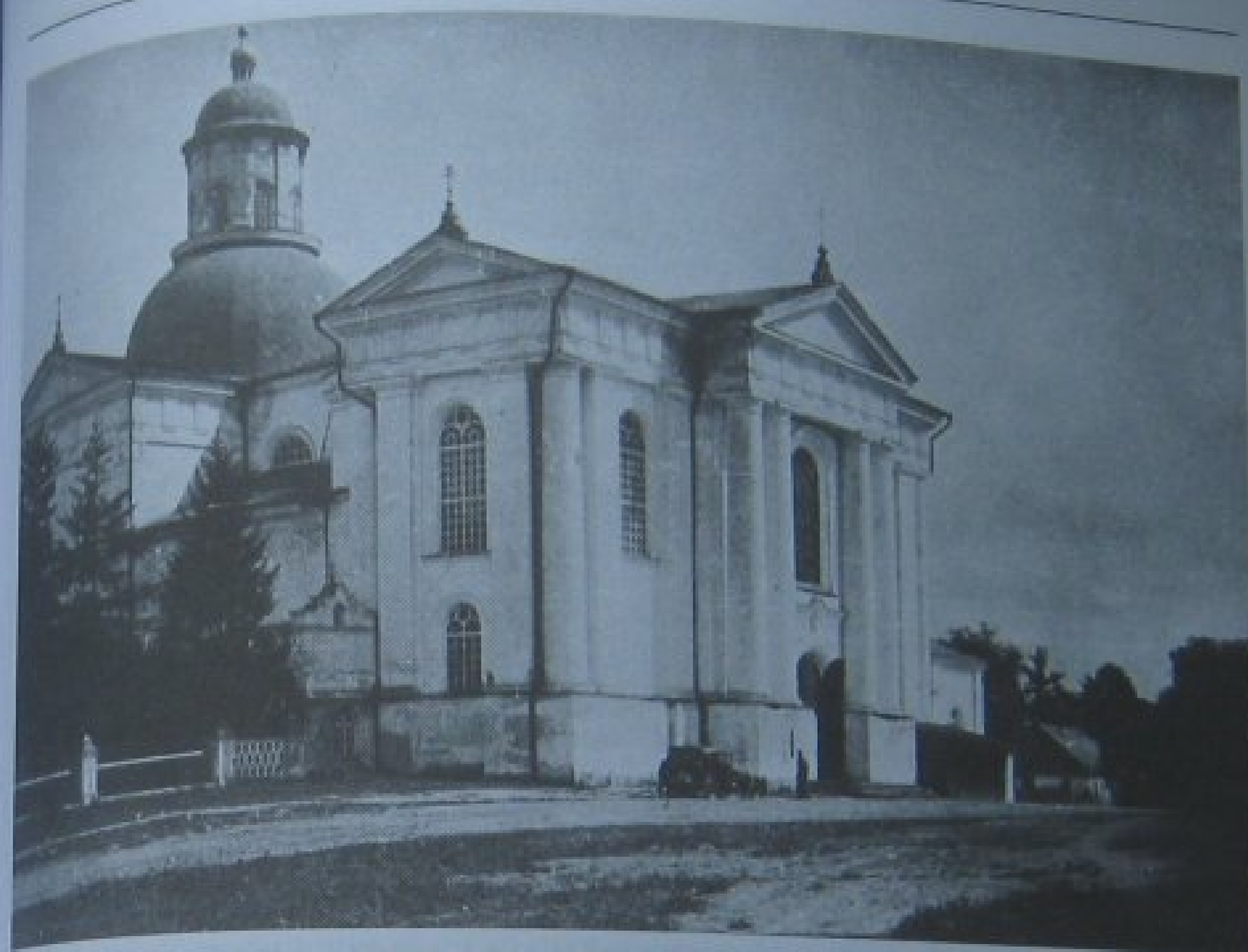
212 Жировицкий Успенский монастырь (основан в XVI в.), проект реконструкции 1828 г. (РГИА)

213 План Успенского собора Жировицкого монастыря (каменный храм 1628, по другим источникам 1650 или 1663, 1828), (ЗПГІК)

был обведен украшенной иконами каменной стеной. Престол главного алтаря помещался над источником[56].

Существовали документы о приглашении в 1779 г. для росписи иконостасов церквей солтанской (Успенской) и жировицкой (Явленской) мастера живописного искусства Григория Медведского, получившего профессиональное художественное образование. В бумагах уточнялось, что художник был «из русского края», родом из владельческого села Попогорска (Попова Гора), также известного размещавшимся там влиятельным базилианским монастырем. Медведский имел необходимое для выполнения церковных живописных работ письменное поручительство от односельчан[57].

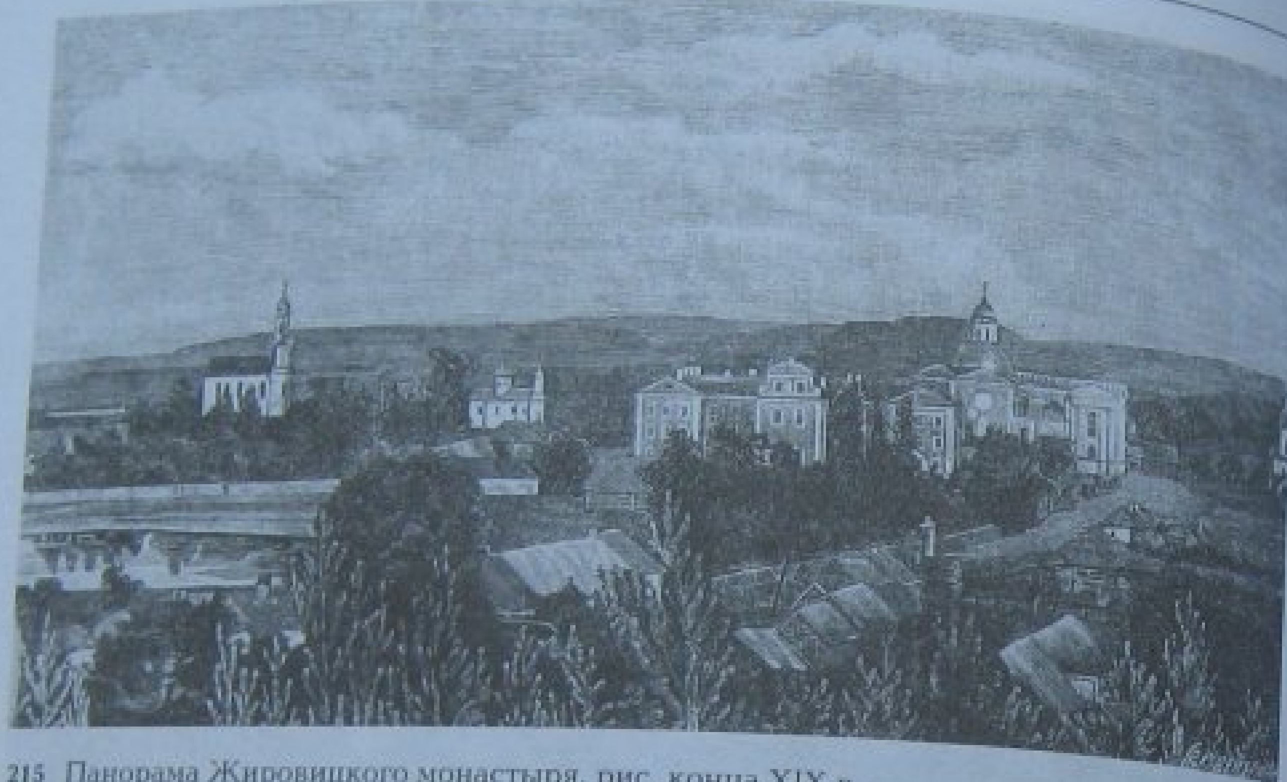
В плане Успенского собора при помощи мощных крестовых опор и стол-

214 Успенский собор Жировицкого монастыря, фото из коллекции Я. Булгака

бов выделено центральное пространство трансепта и показаны купольные своды над средокрестием и боковыми ветвями трансепта[58]. Из этого следует, что центральная и наиболее древняя часть храма, по-видимому, первоначально могла иметь центрическое построение и трехглавое завершение. Такую центричность планировочной основы построения храма можно расценивать как продолжение традиции православного храмостроения края, хотя по объемно-пространственному решению жировицкий собор не повторяет ни собор Благовещенского Супрасльского монастыря, ни современный жировицкому храму православный Богоявленский собор братского монастыря в Могилеве.

О внешнем декоративном убранстве Успенского собора и оформлении его западного фасада представление составить сложно, поскольку еще в 1821 г. униаты начали капитальную перестройку собора. Они «хотели совершенно изменить его фасад, придав ему вид католического костела... (но он) не походил своим внешним видом ни на костел, ни на православный храм»[59]. Завершение же начатой реконструкции проводилось уже после указа о переводе монастыря в Бытень и преобразовании Успенской церкви в православный кафедральный собор (1828). Губернские власти разрешили разработку нового проекта, по которому были разобраны башни главного фасада храма, изменена форма купола — он установлен без барабана. На-

215 *Панорама Жировицкого монастыря, рис. конца XIX в.*

ружная и декоративная отделка была исполнена в формах позднего классицизма.

За правым и левым клиросом устроены два придела: в честь Покрова Пресвятой Богородицы и рождения св. Иоанна Крестителя, современное оформление которых связывается с ремонтными работами собора 1867 г. В те же 1860-е гг. зимняя придельная церковь Василия Великого была отремонтирована и заново освящена в честь Николая Чудотворца.

Монастырский комплекс постепенно складывался по аналогии с католическим кляштором. Собор западным фасадом обращался к площади местечка, а к востоку от него формировалась система монастырских зданий, образующая замкнутый внутренний двор.

Рядом с храмом в XVI в. был выстроен настоятельский корпус. Узкое вытянутое одноэтажное кирпичное здание на высоком подклете, оно протянулось от ворот, расположенных к югу от входа в храм, и составляло южное крыло кляштора. В начале XVIII в., около 1710 г., с левой стороны от храма было пристроено северное крыло кляштора, примыкавшее к восточной алтарной части храма там, где в костелах обычно размещается сакристия. Этот братский корпус капитально перестроил в 1860-е гг. архимандрит Николай. Трехэтажное монастырское здание составляло три линии корпусов со службами. На востоке внутренний монастырский двор замыкался каменной оградой между настоятельским корпусом и восточной частью монастырских зданий.

В монастыре была небольшая домовая церковь (капелла) в честь преп. Онуфрия Великого, которая помещалась рядом с братским корпусом и в 1828 г.

была перестроена под жилое помещение, на чердаке которого сохранились лепные украшения и карнизы[60].

К северу и северо-востоку от кляштора нерегулярной системой деревянных построек был сформирован замкнутый хозяйственный двор монастыря. По проекту 1828 г. на месте расположенных в его южной части прежних служебных строений возвели два новых каменных здания: гостиницу для богомольцев, служебную постройку.

Небольшой сад был разбит возле собора, на прямоугольном участке между линией площади и западным корпусом кляштора. Основные же сады, состоявшие из посадок фруктовых деревьев, аллей, естественных террас, разместились вверх по склону холма, к востоку от ядра монастырского комплекса и в свою очередь были обнесены каменной оградой. За монастырским комплексом при митрополите Иосифе Семашко

216 Явленская (Рождества Богородицы) церковь Жировицкого монастыря (1672), обмеры 1960-х гг.

был устроен живописный парк, так называемая роща Викня. В конце XIX в. сад и участки монастырского двора благоустраивались, производились посадки деревьев лучших пород, вывезенных из Слуцка[61].

К югу от монастырских зданий поместили огороды. Южнее настоятельского корпуса, вверх по склону холма в более позднее время были построены еще два каменных здания, одноэтажное и четырехэтажное, в наше время используемые для проживания насельников монастыря.

В саду, вверх по склону от главного монастырского двора в XVII – XVIII вв. возникли два другие храма. К ним ведет разветвляющаяся дорожка, начинающаяся от ворот входа в монастырь, вдоль настоятельского корпуса. Оба храма невелики по размерам и ориентированы алтарем на восток.

Ближайшая к собору — церковь Явления Богородицы («на камени»). Первоначально она посвящалась Рождеству Богородицы и была поставлена в честь второго обретения Жировицкой иконы Божией Матери на том месте, где на камне, по преданию, школьники нашли икону после пожара древней «солтанской» церкви. Время строительства деревянной «жировицкой» церкви неизвестно. Сменившая ее каменная была построена в 1672 г., когда после разрушений русско-польской войны проводились обширные восстановительные работы в Жировичах.

Храм бесстолпный зальный с прямой алтарной стеной без апсиды, размером по наружному контуру 9,3×19,3 м. Декоративным оформлением фасадов служит система раскрепованных пилястр. Пилястрами оформлены наруж-

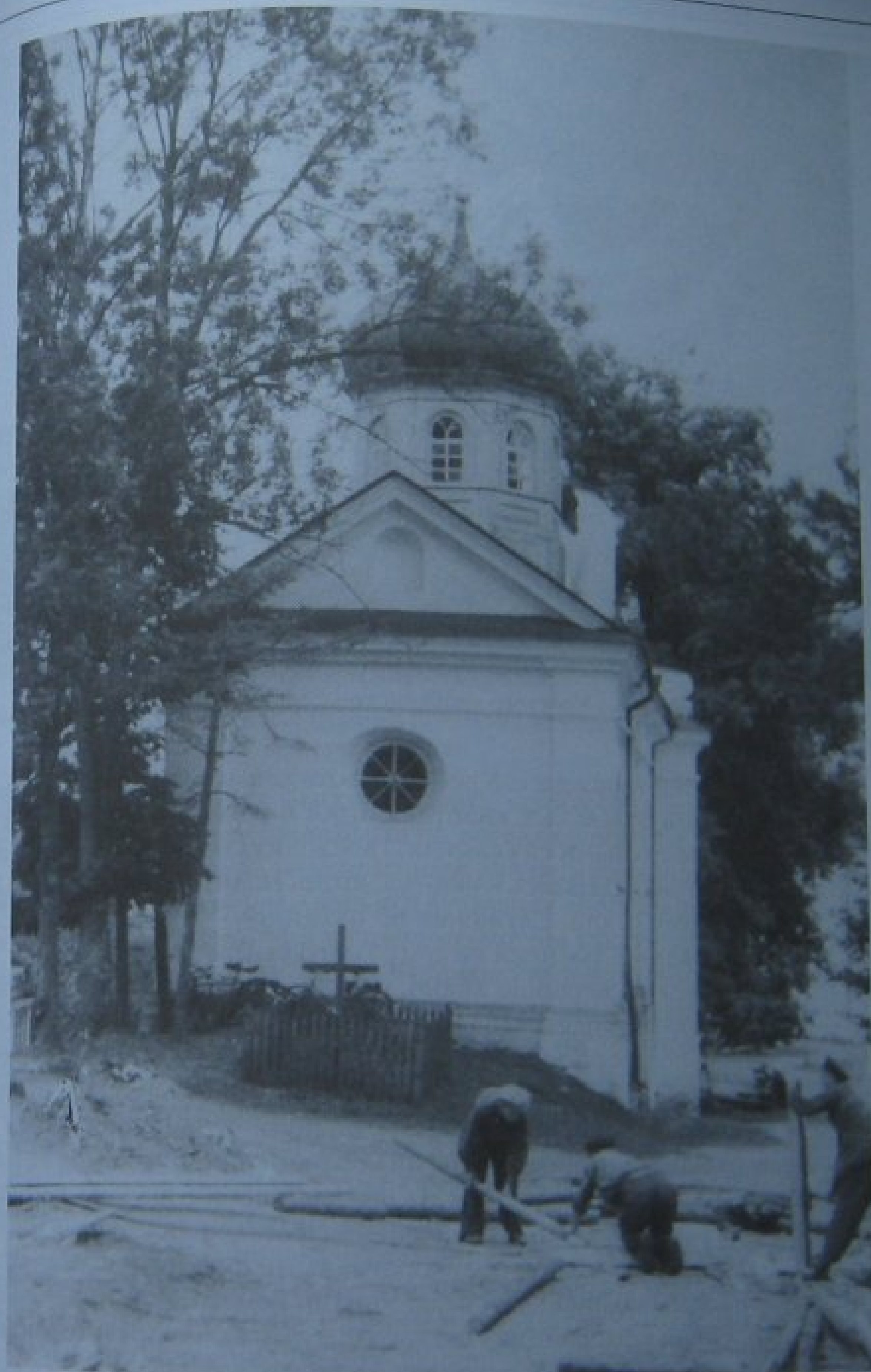
ные поверхности алтарного фасада и примыкающих к нему частей фасадов боковых, в каждом из последних по два полуциркульных оконных проема. Западные части боковых фасадов лишены декора и отличаются сближенной постановкой точно таких же по форме окон. За счет перепада рельефа высота западной части храма значительно больше восточной. Такая естественная асимметрия высот фасадов усиливается установкой над западной стеной высокого разорванного барочного фронтона. Западный фасад декорирован симметричными парными пучками плоских, приподнятых на высоком цоколе пилястр. Наиболее выступающим от плоскости стены пилястрам приданы тонко прорисованные ордерные формы с коринфской капителью стилизованного, маньеристического рисунка, в целом свойственные декору западных фасадов большинства инославных храмов Беларуси XVII – XVIII вв., независимо от конфессиональной принадлежности.

В центральную часть храма ведет крутая, но недлинная лестница. Почти половину его пространства занимает алтарная часть, в которой под престолом покоится священный камень «стопы Богородицы». В 1828 г. Рождества-Богородицкая церковь отремонтирована и стала именоваться храмом Явления Богородицы, или Явленской[62]. Луковичная глава на граненом световом барабане, установленная над условным местом средокрестия, очевидно, была надстроена во время реконструкции 1860-х гг.

Выше Явленской церкви по склону поставлена Крестовоздвиженская церковь. Она создавалась по частному заказу. В период правления монастырем А.Завадского в 1716 г. ловчая пинская, Элеонора Головщина пожертвовала монастырю 8000 злотых с условием строительства каплицы в честь Страстей Христовых, в которой бы после ее кончины совершались обедни об упокоении ее души. Окончательной датой строительства храма Страстей Христовых называют 1769 г. После 1839 г. он переименован в Крестовоздвиженский[63].

Церковь создавалась по типу кальвария, т. е. храма или храмового комплекса, символически, а во время пасхальных празников в форме разыгрывающейся здесь мистерии воссоздающих крестовую дорогу (крестный путь) Христа. Такие комплексы хорошо известны в Польше и в Вильнюсе.

В принципе, для раскрытия замысла кальвария благодатную основу составлял уже сам сложившийся к тому времени монастырский комплекс — его основной собор, как начало и конец крестной дороги, а также ведущий вверх от собора путь к храму Богородицы. Недоставало только кульминационной точки — храма, символизирующего страстную жертву Христа. Внутренняя организация этой церкви, подобно другим кальварийским храмам, подчинялась коленопреклоненному молитвенному восхождению по лестнице к алтарю. От алтаря два узких боковых марша лестницы ведут на хоры, освещенные большим окном в западной стене храма. Лестница занимает половину внутреннего пространства церкви. В ней было выражено символическое и аллегорическое содержание посвящения храма: «В церкви Воздвиже-

217 Алтарный фасад Явленской церкви Жировицкого монастыря, фото из коллекции Я. Булгака

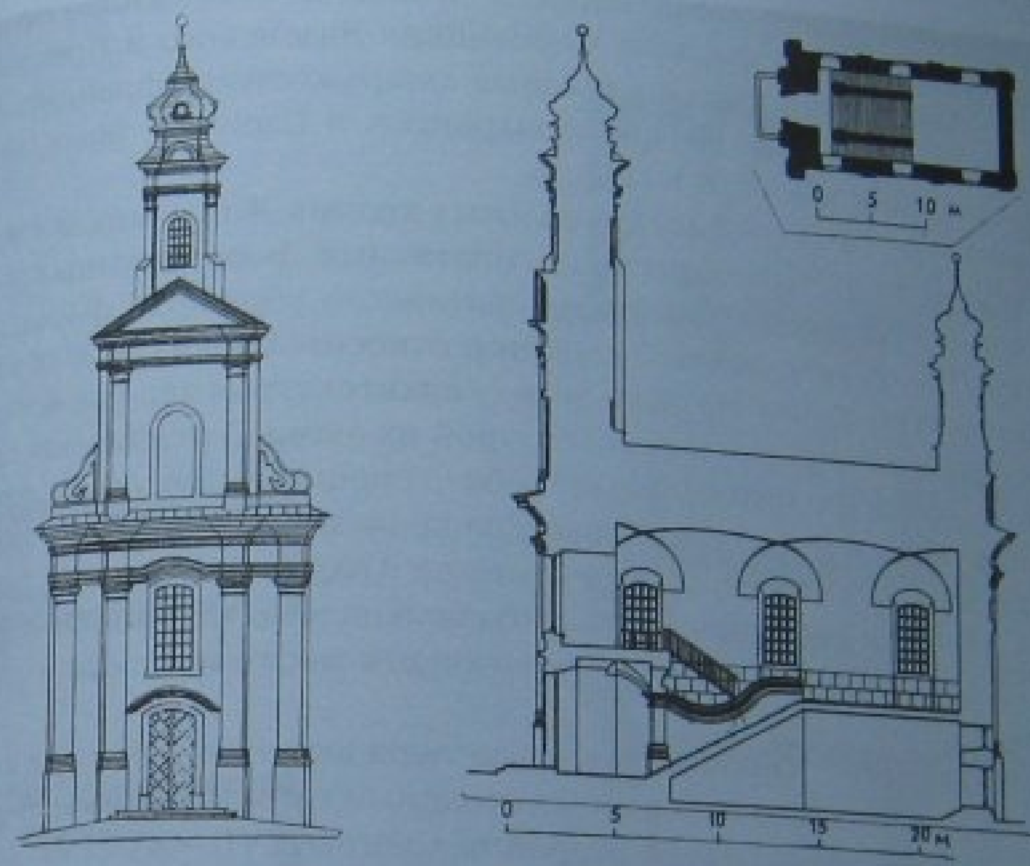

218 Лестница и алтарная стена Крестовоздвиженской церкви Жировицкого монастыря, фото из коллекции Я. Булгака

ния Честного и Животворящего Креста на каждой их ступеней лестницы в прежние времена в отдельных кивотцах были положены мощи святых за стеклом, прикрытые иконами сих святых... восходить на сии ступени не иначе как на коленах, прикладываясь к иконам, читая молитвы... храм посещается по пяткам Великого поста. Служение по пятницам»[64]. В интерьере на алтарной стене помещались росписи на тему Голгофы[65].

Храм размещается на вершине холма, в наиболее высокой точке в ландшафте монастырского комплекса, на горизонтально выровненной площадке. Церковь построена по простому прямоугольному плану, без алтарного выступа, с восточной глухой, оставленной без естественного света стеной. Размеры плана храма по внешнему контуру 10×21,3 м. Внешние стены восточного и боковых фасадов равномерно обработаны пилястрами, приподнятыми на высоких основаниях. Общая линия цоколя на фасадах не обозначена, благодаря чему усиливается вертикальный ритм членения фасадов. Восточный и западный фасады надстроены сложными декоративными фронтонными композициями с четвериковыми башенками и барочными главками. Доминирующую роль играет башенная композиция главного фасада, вдвое превышающая по высоте аналогичную надстройку фасада восточного.

Главный западный фасад повторяет принципы построения башенного сооружения (объема) с тремя убывающими по высоте и ширине ярусами. Ни-

219 Крестовоздвиженская церковь (Страстей Христовых) Жировицкого монастыря (1716, 1769), обмеры 1960-х гг.

жний ярус определяется высотой храма, оформлен парами симметричных пилястр и двумя, расположенными по вертикальной оси лучковыми проемами входной двери и окна над ним, значение центра композиции усиливается лучковым наличником над дверью и лучковым абрисом антаблемента над окном. Второй ярус оформлен в виде высокого и узкого аттика с треугольным фронтоном, переход от которого к первому ярусу осуществляется благодаря небольшим волютообразным угловым вставкам. В центре аттика устроена ниша, по форме и размерам повторяющая окно первого яруса. Третий ярус состоит из прорезанной лучковыми окнами четвериковой башни, внизу укрепленной диагональными угловыми контрфорсами и увенчанной ярусной составной восьмиконтовой барочной главой.

Высота декоративной надстройки над западной стеной превышает высоту самого храма. Композиция фасада Крестовоздвиженской церкви иконографически близка оформлению центральной, правда, трехъярусной части костела бернардинцев в Витебске (1737—1755), еще большее сходство она имеет с центральным порталом костела доминиканцев в Друе (1702 или 1767). В принципе, подобное композиционное решение получило самое широкое распространение в оформлении междубашенной части главных фасадов костелов XVIII в. Та же самая тема использовалась при построении алтарей в костелах, однако их отличал совершенно иной, более мелкий масштаб. Примерами ал-

тарей, с использованием композиции, получившей обобщенное отражение в иконографии главных фасадов жировицких Явленского и Крестовоздвиженского храмов, можно назвать главный алтарь костелов францисканского монастыря в Пинске, монастыря бернардинок в Слониме, боковой алтарь францисканского монастыря в Гродно.

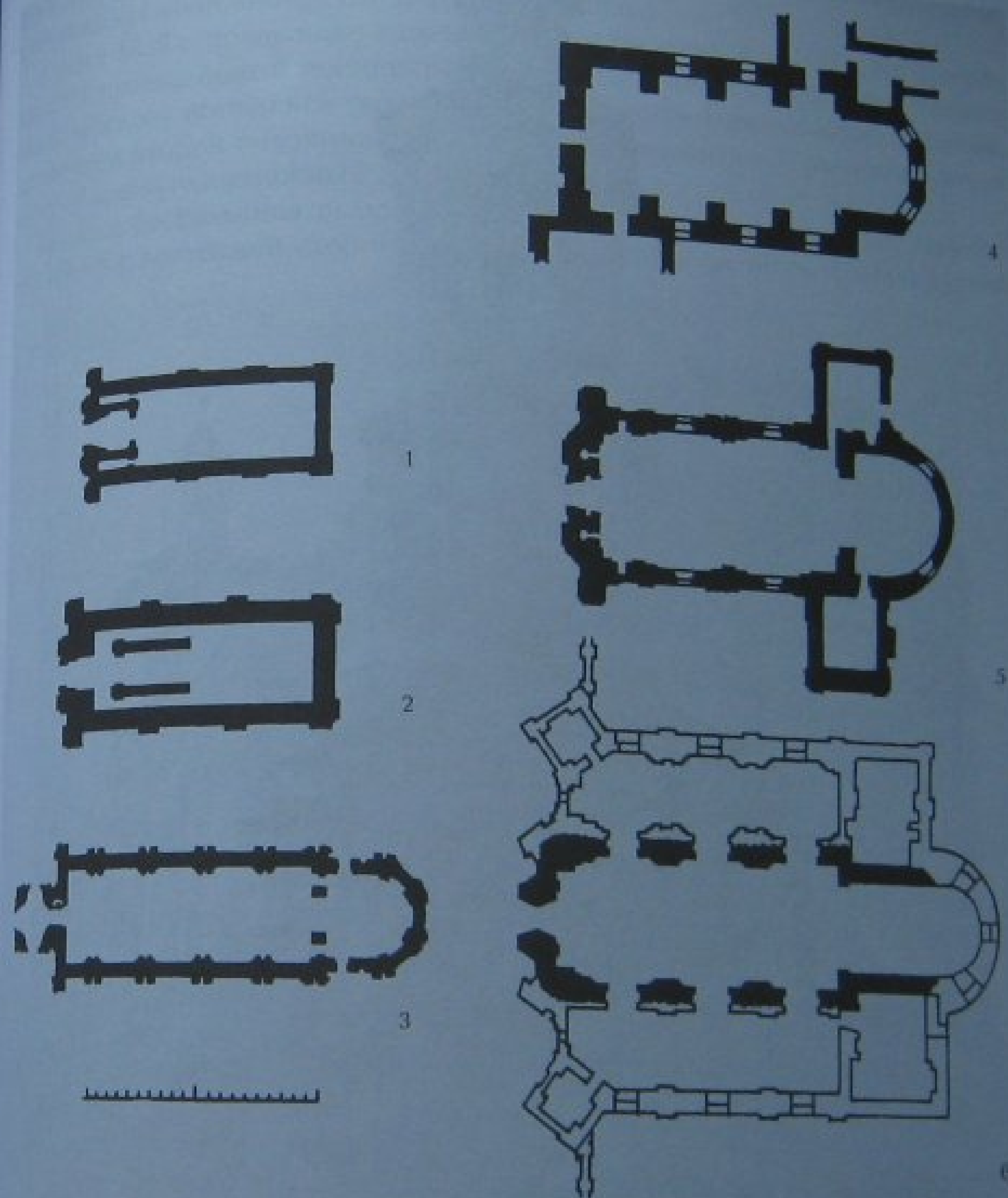
В архитектуре главных фасадов зальных храмов Жировицкого монастыря отсутствует монументальность декоративных форм крупных костелов и в то же время глубина рельефа декоративного убранства фасадов носит значительно более уплощенный характер относительно алтарных комплексов в интерьере костелов. На связь между архитектурой парадной части экстерьера униатских церквей и архитектурой их алтарей указывают сведения об участии мастеров интерьерных работ, специалистов столярного дела в проектировании и исполнении фасадов храмов. К примеру, ранее проводившиеся работы архитектора и скульптора Андрея Бемера или, предположительно, автором завершения храма базилианского монастыря в Березвече был Людвиг Гринцевич, проектировавший также и алтари, о нем речь пойдет позднее[66].

Комплекс храмов Жировицкого монастыря включает два типа сооружений: купольную базилику собора и бесстолпные зальные церкви. В архитектуре базилианских монастырей второй половины XVII–XVIII вв. получили развития оба названных типа храмов, каждый из которых в дальнейшем будет рассмотрен отдельно.

Ряд примеров бесстолпных зальных бескупольных церквей, построенных для монастырских ансамблей базилиан, продолжают храмы Онуфриевского монастыря возле Мстиславля, монастырей в Друе и Ружанах, а также первый этап возведения монастыря в Борунах.

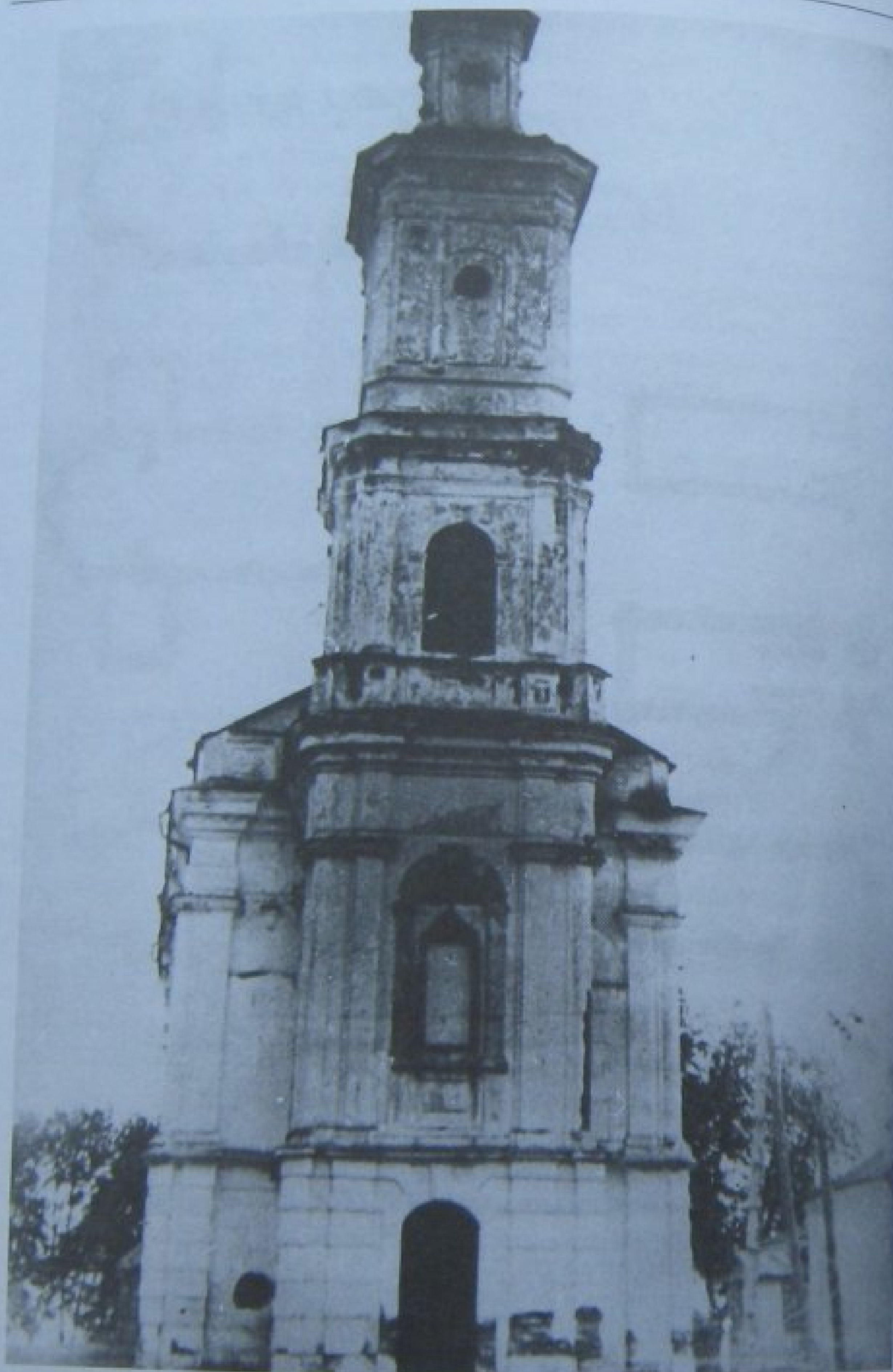
Онуфриевский базилианский монастырь, расположенный в 16 верстах от Мстиславля, ведет свою историю от древнего православного монастыря, основанного в 1407 г. мстиславским князем Лугвинием Симеоном. В начале XVII в. древняя обитель обращена в унию[67]. В XVII – начале XIX в. она уже являлась архимандричьим базилианским монастырем. Онуфриевская архимандрия по богатству доходов уступала только Полоцкой[68].

О составе построек комплекса сохранились предельно скупые сведения. В него входили две церкви — приходская деревянная св. Онуфрия и каменная св. Николая, причем деревянная, скорее всего, являлась наиболее древней и в ней помещалось 5 алтарей. Крепкое экономическое состояние сохранялось до передачи монастыря православным. При передаче президентских дел Рожановичем Сипайле (одним настоятелем другому) в 1823 г. составлен был инвентарь, по которому церквей в монастыре было две, новая и старая, последняя с пятью алтарями; здесь хранились церковные книги почаевской и московской печати; Ирмоголий «pusany ctary»; Слово св. Яна; «Размышление» Петкевича. Книга братства св. Онуфрия. Инвентарь 1817 г.[69] При монастыре действовала школа, в хозяйственный блок входила небольшая собственная суконная фаб-

120 Планы однонефных базилианских храмов XVII – XVIII вв. Аналитические таблицы автора.

1) Явленская церковь в Жировичах (1672).
2) Крестовоздвиженская церковь в Жировичах (1716, 1769).
3) Соборная церковь Онуфриевского монастыря (вторая половина XVIII в.).
4) Свято-Духовская церковь в Минске (1634 – 1638).
5) Петропавловская церковь в Ружанах (1675).
6) Рождества Богородицы церковь в Борунах (черным показан первоначальный вариант плана 1700 – 1707, реконструкция 1747 – 1770)

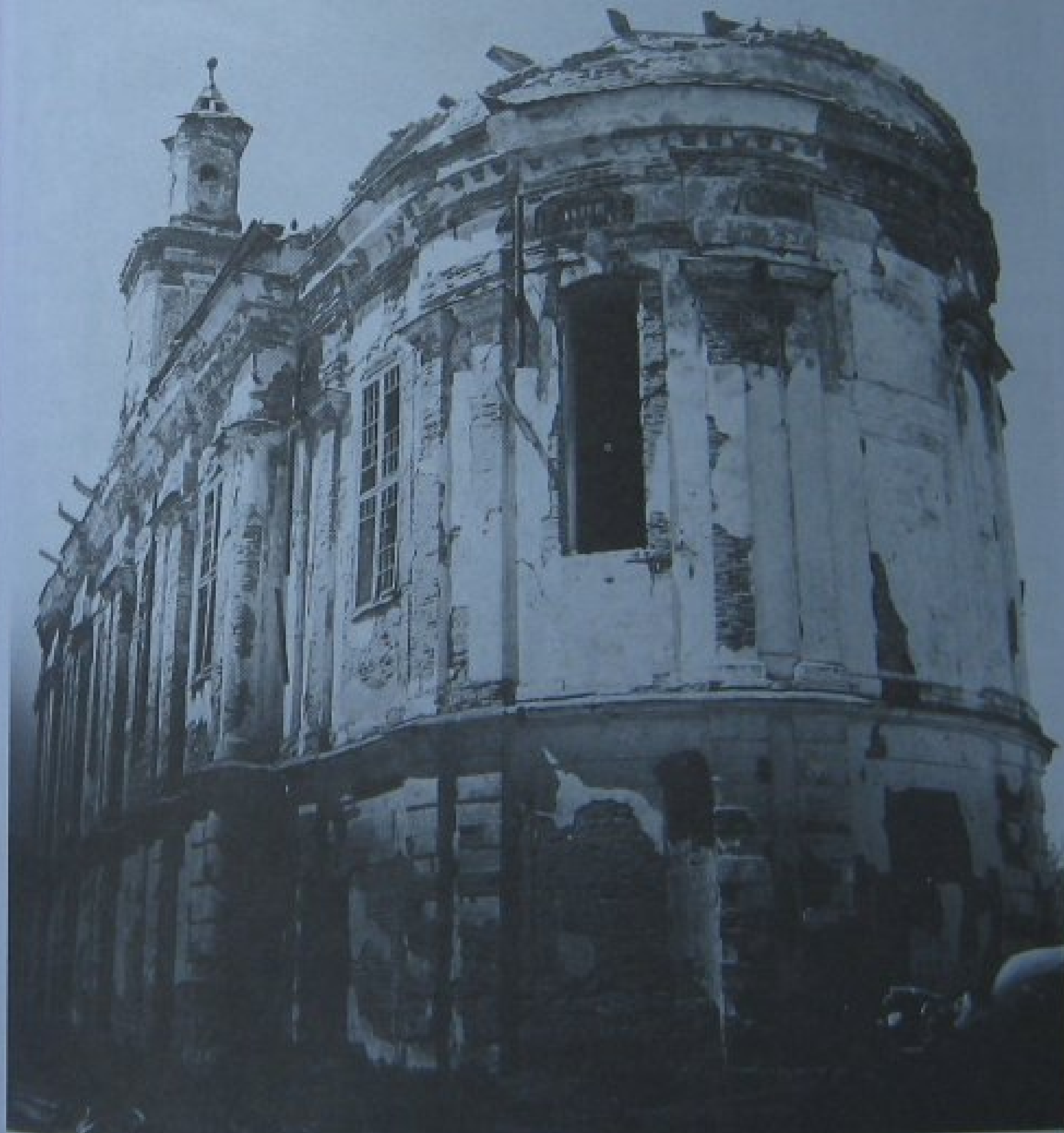

221 Онуфриевский монастырь возле Мстиславля (1407, XVII–XVIII вв.), фото А. Виннера, 1939 г.

рика. Монастырь владел обширными населенными земельными владениями и обслуживал многочисленный церковный приход[70].

Храм в 1836 г. превращен в православную церковь, а в 1839 г. восстанавливается православный монастырь. В настоящее время от существовавшего монастырского комплекса сохранилась кирпичная Николаевская церковь, датируемая второй половиной XVIII в., и современный ей, расположенный к югу от храма одноэтажный каменный корпус.

Церковь бесстолпная, зальная, трехчастной структуры: к основному объему храма с восточной стороны пристроена алтарная часть, с полукруглой

222 Алтарный фасад храма Онуфриевского монастыря, фото 1980-х гг.

апсидой, к западу примыкает притвор с колокольней. Размеры плана основного объема церкви 10×24 м. Вместе с апсидой он имеет ярусное построение, посредством подъема стен на высокое, равное этажу, цокольное основание (подклет). Внешние стены декорированы по всему периметру, здесь использован прием равномерного ритмического повторения мотива спаренных во всю высоту (цокольной и основной высоты церкви) пилястр с развитым антаблементом. Ритм этот задавался шириной расстояния между поддерживающими своды храма подпружными арками. В цокольной части пилястры были оформлены рустом. Единообразие пластики наружных стен нарушалось

223 Алтарная преграда Онуфриевского монастыря, фото 1980-х гг.

только на углах примыкания храма и апсиды, где плоские пилястры заменены круглыми колоннообразной формы пилястрами. Пятиярусная четвериковая в плане колокольня имеет одинаковые по размерам два нижних яруса, соответствующих разбивке на два уровня самого храма. Трем другим, завершающим ярусам колокольни придано динамичное движение вверх за счет значительного уменьшения размеров каждого вышеследующего объема. Такое сокращение размеров приводит к тому, что последний ярус напоминает уже фонарь, покрытый невысоким восьмигранным шатром. В архитектуре внешнего образа храма достигнуто тонкое сочетание монументальности и сдержанной простоты со скрытой экспрессией движения вверх, вертикальной устремленностью, прорывающейся только над притвором в ритмах и формах колокольни, а также акцентирующей легкость сооружения маленькой главки над алтарной частью храма.

Конструктивная система построения Николаевской церкви не менее тонко и естественно выражается в интерьере храма, в пластике поверхностей стен, подпружных арок, сводов. Вместе с тем пластическое решение внутренних поверхностей разработано как подоснова для размещения предметов церковного убранства — алтарной преграды, пристенных алтарей, киотов и др. В архитектуре храма снимается противоречие между различием восприятия внешнего и внутреннего пространства, как будто разрушается преграда между «небом» в церковном смысле и небом в смысле физическом.

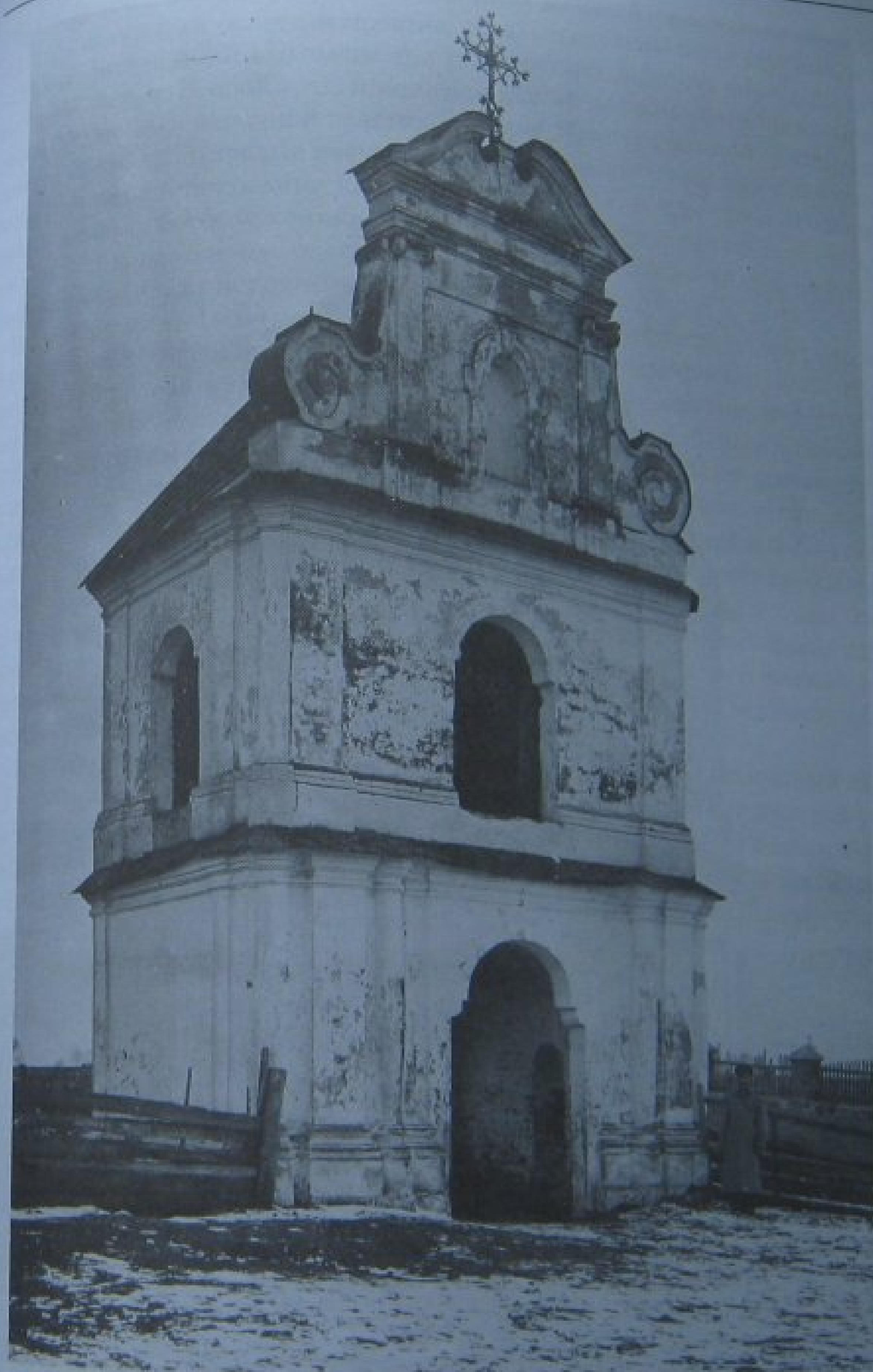
Другой пример — Спасо-Преображенский монастырь в Друе. Он был основан в последней четверти XVII в. при деревянном, самом древнем храме города после передачи его униатам. Строительство древней деревянной церкви Спаса Преображения связывают с концом XVI в.[71] Подобно другим, также унаследованным от православных Жировицкому и Онуфриевскому монастырям, в Друе базилиане придерживались правила включения в монастырский комплекс нескольких храмов. О планировке монастыря не сохранилось никаких сведений. Известно только, что в 1676 г. была построена каменная однопрестольная церковь, в других случаях называемая храмом-колокольней. Кроме того, в комплекс входили отдельно стоящие каменные ворота с колокольней во втором ярусе.

Спустя десятилетия после упразднения монастыря, в 1890 г. служба в монастыре была возобновлена. К Спасо-Преображенскому храму приписали кладбищенскую Георгиевскую однопрестольную деревянную церковь, построенную в 1696 г. В 1891 г. ее перенесли на новое место и совершенно обновили, изменив первоначальные формы. В настоящее время от монастыря остались руины храма-колокольни.

Каменный храм-колокольня в Друе во многом имеет совершенно необычное объемно-пространственное построение. Он представляет собой двухъярусное центрическое башнеобразное сооружение, покрытое четырехгранным шатром (первоначально, судя по всему, с заломом), завершавшееся изящной главой на высоком восьмигранном основании. Нижний ярус, в плане прямо-

224 Церковь Спасо-Преображенского монастыря в Друе (первая четверть XVII в.), фото начала XX в.

225 Ворота Спасо-Преображенского монастыря в Друе, главный фасад, фото начала XX в.

226 Ворота Спасо-Преображенского монастыря в Друе, задний фасад, фото начала XX в.

угольной формы, по оси западной стены имел дверной и расположенный над ним полуциркульный оконный проемы; остальные стены были глухими, а на восточном фасаде были выделены три полукруглых выступа, служащие обозначением апсиды. Второй ярус, немного меньший по размерам и также четвериковый, отличался барочной пластикой форм. Прясла стен между угловыми пилястрами имели выпуклые очертания; четыре полуциркульных с заломами окна размещались посредине каждой стены. В XIX в. для приспособления к православному богослужению он неоднократно перестраивался посредством нелепых прирубов вдоль оси запад-восток, как можно видеть на сохранившихся в архивах рисунках и фотографиях.

Не менее замечательна и надвратная колокольня. Также двухъярусная, она имела более вытянутый прямоугольный план и явную однофасадную композицию. По декоративному оформлению она близка храму-колокольне — тот же рисунок дверных и оконных проемов. Вместе с тем существенны и различия, связанные с другим назначением сооружения. Оно имело более приземистые пропорции и плоские стены равновеликих по размерам ярусов, относительно усложненную декорировку нижнего яруса с применением круглых колонных пилястр. Завершением сооружения служила высокая трехскатная крыша, с барочным аттиковым щипцом, в рисунке которого использованы мотивы боковых волют и разорванного фронтона, акцентировавших главный фасад входа в монастырь. Иконография фасада ворот созвучна оформлению фасадов рассматриваемого на данном этапе типа небольших по размерам бесстолпных зальных храмов базилианских монастырей.

Базилианский мужской монастырь в селе Боруны, расположенный недалеко от Жирович, также являлся одним из наиболее значимых центров униатов в западных областях края[72]. Основанием монастыря стали пожалования в 1692 г. Николая Пселяка, юридические документы на фундуш были получены в 1694 г. После упразднения монастыря в 1874 г. храм был приписан к церкви в Ольшанах[73].

Монастырь занимал эксцентрическое место в плане поселения. Существующие материалы позволяют говорить только о центральном ядре монастыря, без его служебно-хозяйственного комплекса.

Отдельно стоящий костел располагался на красной линии небольшой иррегулярной «рынковой» площади и главным фасадом выходил на площадь местечка. Градостроительное положение храма аналогично Жировицкому собору. К главному фасаду с обеих сторон примыкает каменная ограда, в которой со стороны площади и симметрично по отношению к костелу прорезаны трехпролетные арочные ворота. Ограда окружала расположенный к востоку от храма прямоугольный симметричный по отношению к храму двор. Внутри двора помещался погост. Монастырская ограда только на главном фасаде комплекса, т. е. со стороны площади, была каменной, а далее следовало деревянное ограждение, иначе «паркан». На востоке двор замыкался монастырским корпусом Т-образной в плане формы, построенным в 1773–1793 гг.[74]

227 Борунский монастырь Рождества Богородицы (1692–1694), фото из коллекции Я. Булгака

228 Площадь перед монастырем в Борунах, фото из коллекции Я. Булгака

В состав комплекса также входили здание школки и каплица (не сохранилась). Юго-западный угол двора фиксирован двухъярусной каменной колокольней[75]. Посреди площади, чуть к северу от оси симметрии храма, поставлена вторая каплица.

Деревянная церковь построена в 1692–1694 гг. По завершении деревянной, рядом с ней была заложена каменная церковь, оконченная, вероятно, в 1700 г. Пожар 1707 г. уничтожил и церковь и деревню.

По проекту архитектора А. Осикевича она восстанавливалась в течение 1747–1763 гг. Реконструкция ставила целью расширение храма, наращивание общих габаритов сооружения. Его начали увеличивать в 1755 г. При закладке фундаментов 1756 г. экспертизу работ осуществлял Я. Глаубитц. Этапы реконструкции подробно изложены в описи начала XIX в.: «Пристроили две лестницы, две сакристии, пресбитериум и башни, а также пристенок. Строительство продолжалось 15 лет... Длина от дверей до пресбитериума 35,4 м, ширина с каплицами 19,9 м, высота до карниза 15,5 м. К ней по обе стороны пристроены каплицы той же обширностью, т. е. длиной 21,6 м, шириной 6,9 м, высотой 7,1 м. Церковь, каплицы и пресбитериум сводчатые, внутри и снаружи оштукатуренные и расписанные. Крыша гонтовая. Каплицы св. Томаша и Онуфрия. Пол кирпичный, во многих местах требует переложения... Главная стена окрашена... на ней образ Богородицы... из гипса... По обеим сторонам фасада две башни, одна из них окончена на 23,0 м высотой, сверху бита железом, чисто окрашена в красный цвет без креста. Вторая выведена только под карниз боковой каплицы, покрыта гонтом с деревянным крестом. На фасаде и пресбитериумом находится два креста железных. Окон двадцать два, а в каплицах при фасадах церкви пять»[76].

Согласно этому документу, прежняя церковь (1700) составила главный неф вновь строящегося храма. Таким образом, на начальном этапе церковь представляла собой бесстолпное зальное, протяженное сооружение с апсидой в восточной части, причем пропорции плана, без учета пресбитерия, составляли соотношение примерно 1:2. Общие размеры первоначальной постройки, с учетом пресбитерия и апсиды, 14×44м или примерно 1:3, что совпадает с пропорциональным построением плана главного храма Онуфриевского монастыря возле Мстиславля.

Главный фасад существующего храма носит составной характер, в нем отчетливо читается введение новых пристроенных объемов. Центральная часть фасада, отвечающая ширине центрального нефа, решена по аналогии с известной и ранее построенной Явленской церковью Жировицкого монастыря (1672).

Расширение храма осуществлялось за счет пристройки к прежнему сооружению симметричных двухэтажных сакристий, что, очевидно, повлияло на изменение формы апсиды пресбитерия[77].

Боковые стены в нижней части растесали, оставив только фрагменты, несущие распор подпружных арок. По сторонам пристроили два дополнительных

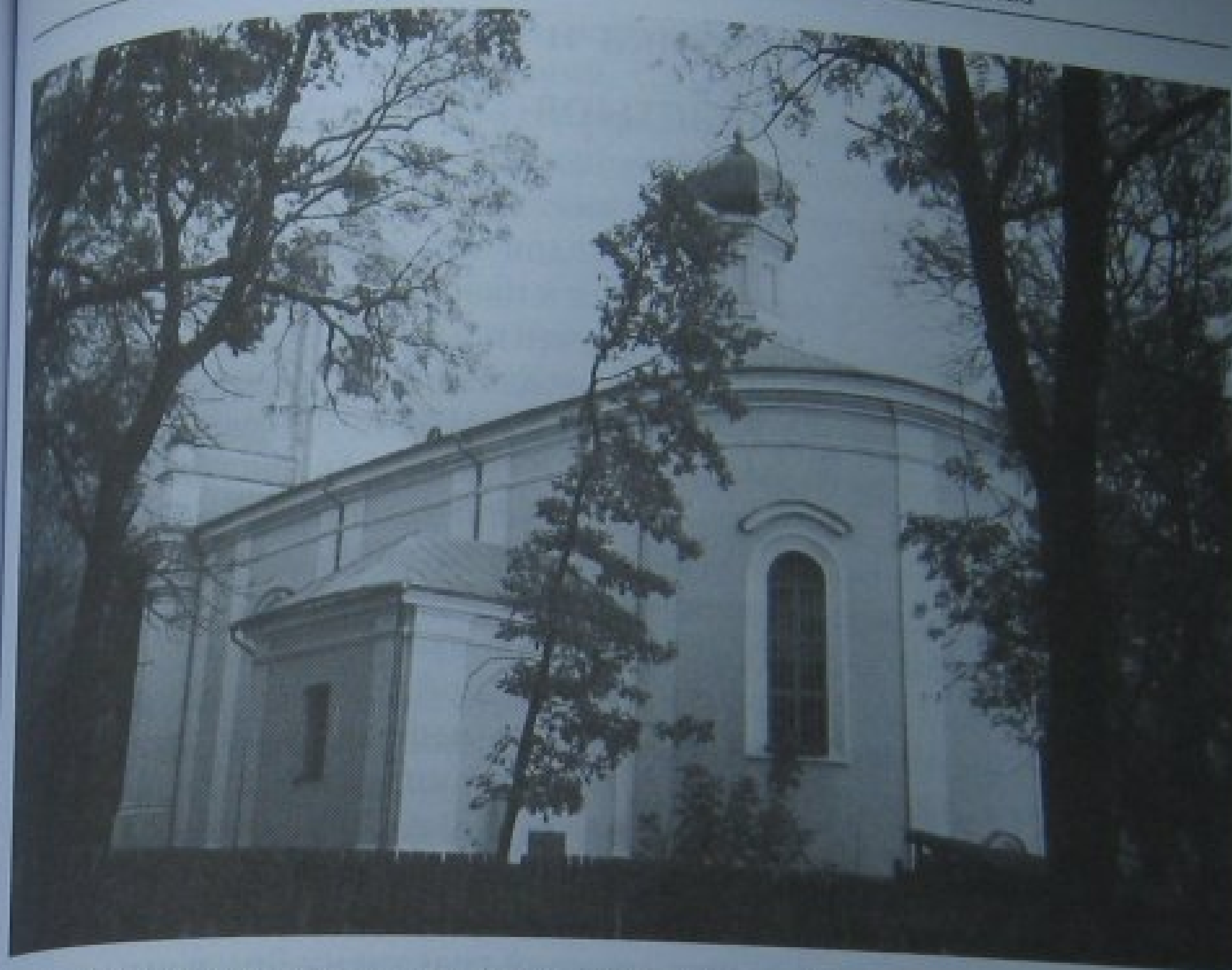
нефа под общей крышей с сакристиями. На главном фасаде вновь пристроенные боковые нефы предполагалось оформить примыкавшими к центральному порталу симметричными узкими простенками с отдельными входами. Они были решены как вариация мотива главного портала — центрическая вертикальная композиция с дверным и оконным лучковой формы проемами, завершающимися развитым антаблементом и фигурным аттиком-щитом. За простенками должны были следовать также симметричные угловые трехъярусные четвериковые башни, барочного рисунка, развернутые по диагонали к осям храма. Существующая асимметрия главного фасада сложилась в результате не выполненного до конца замысла реконструкции, заключавшегося в создании симметричной композиции храмового сооружения.

Сохранилось также описание внутреннего убранства церкви, которое свидетельствует о проведении в храме богослужения по католическому обряду[78].

Типологическая линия зальных однонефных базилианских храмов может быть продолжена церковью в Ружанах. Базилианский монастырь в Ружанах стал вторым церковным ансамблем, созданным кн. Сапегами в своем имении после отстроенного здесь доминиканского монастыря. Петропавловская церковь базилианского монастыря датируется 1675 г. Монастырский комплекс окончательно сложился во второй половине XVIII в., когда под руководством архитектора Я. Беккера осуществили реконструкцию церкви и возвели каменный прямоугольный в плане двухэтажный кляштор (1788). Его расположили к югу от храма, на красной линии рыночной площади, в то время как монастырская церковь была слегка заглублена внутрь участка. После пожара церковь восстанавливалась в 1895 г. Тогда, вероятно, над алтарной частью была установлена небольшая луковичная глава.

Храм осуществлен в формах однонефного однобашенного сооружения с большой полукруглой апсидой размером примерно 15×35 м (включая апсиду) и ориентирован алтарем на запад. План храма имеет большое сходство с планом Андреевского костела в Слониме. По сторонам апсиды пристроены две низкие, симметричные, квадратные в плане сакристии, из южной сакристии был предусмотрен дополнительный выход из храма. Своды храма расписаны изображениями сюжета «Преображение» (повреждены пожаром 1895 г., восстановлена в начале XX в.). В алтаре помещена роспись «Бог Саваоф», на боковых стенах, в медальонах даны изображения св. ап. Петра и Павла.

Алтарный и боковые фасады храма имеют скромное пластическое оформление — в виде системы плоских раскрепованных пилястр. Основной акцент внешнего декоративного убранства приходится на главный фасад храма. Композиция оформления главного фасада в значительной мере продолжает тему, известную по другим базилианским бесстолпным церквам: центрическая осевая ярусная композиция с активно развитым антаблементом и башенным либо аттиковым завершением. Главный фасад ружанской

229 Петропавловская церковь в Ружанах (1675), алтарный фасад

церкви завершается широкой и плоской башней. Некоторое сомнение вызывает подлинность первоначальных форм завершения — упрощенного прямоугольного, плоского аттика с треугольным фронтоном. Можно предположить, что первоначальному завершению главного фасада, по аналогии с ранее рассмотренными памятниками, были присущи барочные формы и скульптурные украшения над балюстрадами карниза боковых крыльев фасада. Современный облик фасад приобрел, наверное, в результате ремонтных работ начала XX в.[79] (цв. ил. XXIX, XXX)

Общность архитектурного решения монастырских храмов в Жировичах, Онуфриевском монастыре возле Мстиславля, Ружанах, Борунах в определенной мере обусловлена их взаимной соподчиненностью в системе управления базилианских монастырей Беларуси и общей иерархией управления, в том числе управления строительной деятельностью, а также территориально-географической близостью размещения группы названных монастырей.

Купольная базилика и эволюция форм униатского монастыря

Ряд базилианских монастырей отличает купольный тип решения соборного храма, ранее других использованный в построении Успенского собора Жировицкого монастыря. Среди них шесть возведенных в XVIII в. монастырей — женский в Гродно, Тадулинский, Браславский, Бытеньский и Витебские мужской Успенский и женский Свято-Духовский.

Женский базилианский Пречистенский или Рождества-Богородицкий монастырь в Гродно располагался в центральной части города. Основан при соборной Пречистенской церкви. Древняя кафедральная Пречистенская церковь была основана около 1500 г. великой княгиней Еленой, официальные сведения о ней появляются начиная с 1560 г. По привилеям короля Сигизмунда-Августа 8 сентября 1565 г. и Стефана Батория 29 мая 1581 г. видно, что церковь была каменной и располагалась в городе перед замком. Пречистенская церковь показана и на исполненной граверами Брауном и Гогенбергом Гродно 1567 г.[80]

Датой основания монастыря называется 1626 г., хотя о прибытии в Пречистенский монастырь из Вильно четырех монахинь-базилианок, поселившихся в нанятом возле церкви доме, упоминается только в 1635 г. Согласно хранившимся в храме документам, по распоряжению посетившего Гродно киевского митрополита Антония Селявы в 1642 г. место под монастырь было отведено при храме «яко пристойней в слушном замкненю побудовать позволили... тую сторону пляц церковных, которые лежат по правой стороне церкви соборной идучи на заход солнца до замку»[81].

По разрешению митрополита Селявы, после утверждения привилея короля Владислава IV от 27 июня 1646 г., базилианки получили плац (участок земли) при той же церкви и построили на нем деревянный монастырь.

Далее монастырь преследовали опустошительные пожары, после которых постройки возобновлялись. После произошедшего в Гродно в конце правления Владислава IV пожара, уничтожившего сооружение церкви, по разрешению Антония Селявы базилианки построили деревянные костел и храм. Эти храм и монастырь снова сгорели во время взятия русскими Гродно в 1655 г. В 1660 г. монастырь снова сгорел вместе с церковью. Возобновленные постройки были деревянными и только в начале XVIII в., во многом заботами митрополита Кишки, был создан современный комплекс каменных построек храма и монастыря. Митрополит на месте деревянной постро

ил каменную церковь и основал монастырь, который после его кончины (1728) строился самими монахинями. Строительство завершилось в 1751 г. После случившегося 20 мая 1753 г. в городе пожара, повредившего храм и монастырь, по распоряжению митрополита Ф. Гребницкого восстановительные работы проводились монахинями на собственные средства.

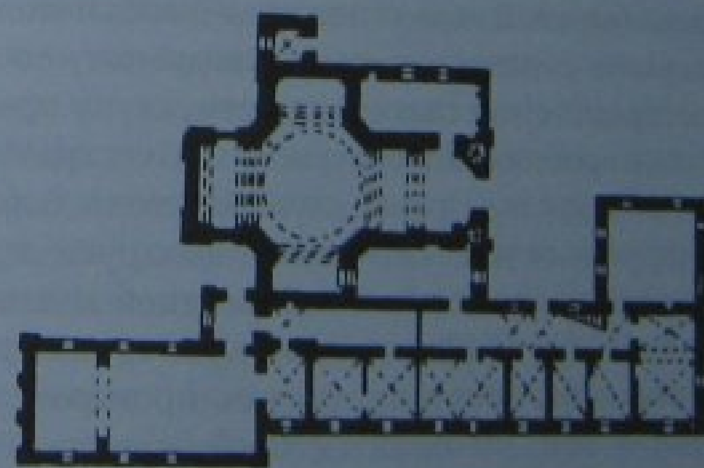
В начале XIX в. монастырь подчинялся Жировицкому «провинциалу». В 1843 г. храм был преобразован в православный. По реконструкции XIX в. ко всем торцам монастыря были пристроены прямоугольные в плане часовни с двухцветной раскраской фасадов. Двухэтажный, прямоугольный в плане хозяйственный корпус построен в 1891 г. и размещен в восточной части комплекса.

Тем не менее ядро существующего комплекса было построено в 1720–1751 гг. Оно включало церковь, монастырский и хозяйственный корпуса, каплицу, дом игумены. Храм Рождества Пресвятой Богородицы возведен в 1726 г. по проекту архитектора Езефа Фонтана (около 1700–1755, сын Доменико Фонтана и Теклы из Пересвят-Солтанов)[82].

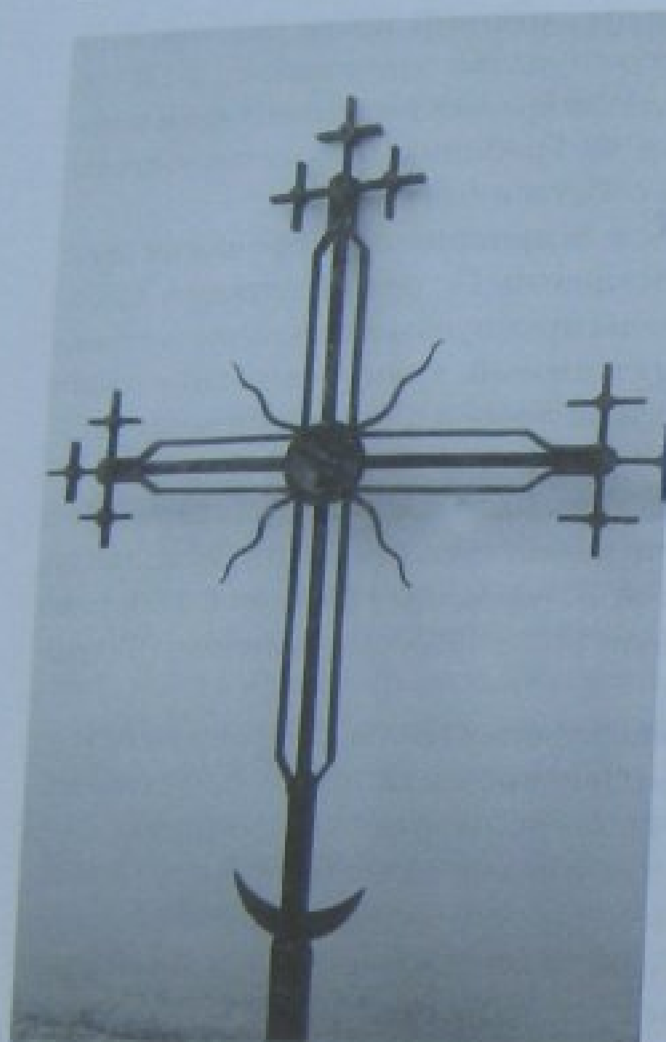
Ориентация храма противоречит православным канонам и решена исходя из градостроительных условий. Он был ориентирован в сторону прохода к монастырю между застройкой кварталов со стороны рыночной площади. Вход в церковь оказался обращенным на восток, а алтарная часть на запад. Согласно правилам католического монастырского строительства к боковым фасадам храма вплотную пристраивались корпуса и за алтарным фасадом, решенным в виде плоской без декораций стены, следовал окруженный монастырской застройкой и оградой внутренний замкнутый двор (цв. ил. XXXI, XXXII).

За основу композиции взят принцип купольного бесстолпного храма. Плану храма придана форма вытянутого или латинского креста с равновеликими алтарной и боковыми ветвями и протяженным нефом. Крестообразное внутреннее пространство храма перекрыто цилиндрическими сводами на подпружных арках, которые переходят в двойные пилястры. Храм имеет трехглавое завершение, над боковыми ветвями креста на простых невысоких четвериковых основаниях установлены сложной двухступенчатой формы главы.

Вдоль нефа храма, по сторонам к боковым стенам пристроены два узких и низких придела, из них правый открывается в храм, а левый в соответствующее крыло трансепта и в пристроенный к нему кляштор. Внеш-

230 Женский монастырь Рождества Богородицы (Пречистенский) в Гродно (1560, базилианские постройки 1626, 1728–1751), план (ЗППК)

231 Крест храма Рождества Богородицы в Гродно

нее декоративное оформление отличается предельной простотой. По аналогии со многими костелами, декоративные элементы украшают по преимуществу главный фасад, на котором выведены приподнятые на высоком цоколе плоские пилястры с развитым антаблементом и треугольный фронтон. Боковые крылья храма на главном фасаде оформлены асимметрично, расположенные на них окна различаются по форме и размерам, а также прорезаны на разной высоте.

При входе в храм в угловых массивах устроены винтовые лестницы, ведущие на хоры. Хоры над северным крылом трансепта, очевидно, предназначались для размещения во время богослужения базилианок, хоры имели выход непосредственно в коридор второго этажа монастырского корпуса.

В настоящее время, после восстановления в сложившемся комплексе построек православного богослужения (начало 1990-х гг.), алтарь переместился в восточную длинную ветвь церкви, по проекту Е. Фонтана предназначенную для молящихся прихожан, а главный вход закрыли. Для молящихся оставлены пространства средокрестия, короткие боковые ответвления и бывший пресбитерий. В нынешнем виде по объемно-пространственной структуре храм никак не соответствует необходимому соотношению размеров внутренних пространств, составляющих структуру православного храма. Неприглядным с точки зрения архитектурного образа храма представляется сейчас и оформление фасада входа, ранее служившего тыльной стороной церкви.

Другая осуществленная в Беларуси храмовая постройка Е. Фонтана — возведенный на основе латеранской каплицы базилика мальтийцев в Столовичах (1639–1640), решена в духе трехнефного безбашенного храма. Совершенно иной принцип объемно-пространственного построения спроектированной тем же архитектором церкви Рождества Богородицы в Гродно свидетельствует о решающей роли заказчика в выборе архитектурного решения и образа храма базилианского монастыря.

Кляштор также построен по проекту Е. Фонтана, двухэтажный, Г-образный в плане, он вплотную примыкает к южному крылу храма. Прямоугольные окна

размещены в иррегулярном порядке. Планировка галерейная, помещения перекрыты крестовыми сводами, коридоры — цилиндрическими сводами.

Сохранившееся изображение XIX в. базилианского монастыря в Браславе по типу храма позволяет отнести его к подобным гродненской церкви трехглавым купольным сооружениям. Расположенный на острове озера Неспиш Браславский монастырь существовал в древности и в первой половине XVII в. был передан базилианам. Переходя от одного владельца к другому, около 1718 г. Браславская архимандрия пришла в такой упадок, что не могла содержать даже одного монаха, в таком же состоянии находилась и церковь[83].

Монастырь являлся центром униатского деканата на Браславщине, и в конце XVIII в. ему подчинялись 18 приходов. К монастырю также были причислены церкви св. Варвары на Замковой горе в Браславе и св. Юрия на кладбище, недалеко от острова. Главной святыней монастыря был чудотворный образ Божией Матери Браславской.

232 Браславский монастырь (первая половина XVII в.), рис. конца XIX в.

Согласно изображению на посвященной Браславской иконе литографии XIX в., монастырь имел центрическую планировку, посреди острова размещался храм. Справа от ведущего к монастырю моста стояла каменная двухъярусная часовня-звонница (похожая на звонницу св. Антония доминиканского монастыря в Друе). За храмом, по периметру ансамбля, располагались двухэтажные каменные, ломаной формы в плане монастырские корпуса. Храм монастыря представлял собой центрическое крестовое по объемно-планировочной структуре сооружение с центральным световым куполом и двумя симметричными приподнятыми на высоких барабанах боковыми главами, поставленными над ветвями крестообразного остова церкви. Главный фасад центрального входа украшен высоким фигурным фронтоном. В дополнение к храму и жилому корпусу, на берегу озера находилась монастырская аустерия (заезжий дом).

Монастырь был закрыт в 1827 г., а в 1832 г. во время пожара сгорел. Позднее сложили предания о чудесном спасении и возвращении чудотворной Браславской иконы, перенесенной после этого в костел[84].

Более подробные исторические сведения сохранились о Тадулином Успенском мужском монастыре. Он располагался в местечке Тадулино, в 40 км от Витебска, на Суражском тракте, в Суражском повете. По соседству от него, на другом холме находился замок кн. Огинских[85].

Монастырь был основан в конце XVII или начале XVIII в., на пожаловании кн. Огинских. По сохранившейся фундушевой записи 5 апреля 1743 г. владельцы имения Тадеуш и его жена Изабелла Огинские жаловали монастырю свой фольварок Казимирово, изъятый из земель имения Вымно Витебского воеводства[86]. В качестве первого основателя упоминается также и воевода трокский, кавалер ордена Белого Орла, кн. Фаддей Огинский[87].

Фольварок предоставлялся кляштору вместе с 20 подданными, их женами и детьми. Кроме того, были пожалованы деньги на содержание шести монахов, а также было записано обязательство ежегодно в праздники св. Михала и св. Юзефа выплачивать по равным долям сумму в 70 «талеров битых». Тадулинским базилианам жаловались образ св. Марии, а монахам разрешалось возводить различные монастырские строения. При этом указывался подробный перечень церковных служб, которые должны были отправляться в монастыре за души Тадеуша и Изабеллы Огинских, их родственников и отдельных святых.

Храм был построен до 1743 г., однако после 1769 г. на смену ему начали строить новую каменную церковь, а монастырские сооружения продолжали возводить до 1840-х гг., о чем косвенно свидетельствует ряд фундушевых документов[88].

По описи 1802 г., подписанной супериором Адамом Францкевичем, в Тадулине находились церковь каменная Рождества Пресвятой Девы и монастырь каменный, которые нуждались в большом ремонте, «монахов 7, лаиков 7, келий 11, имеется фольварочек Казимиров с 96 мужскими душами, женских меньше; доходы с имения 12р.50 к.; аренда корчмы; на монастырское содержание живут 4 бедных воспитанника и убогий слепец»[89]. Очевидно, после упразднения унии монастырь оставался в небрежении и постепенно приходил в упадок[90].

Сохранилось описание комплекса начала XX в. Прямо перед въездом в монастырь возвышался боковой фасад главного корпуса монастырских зданий, построенных в середине XVIII в., с надписью по обе стороны находящегося вверху лепного герба кн. Огинских. Направо от ворот небольшая деревянная зимняя церковь во имя Александра Невского, недавно построенная, налево — старинный храм Успения. По описанию В.Арсеньева «Успенский храм представлял из себя по наружному виду обычный в крае храм католической архитектуры с двумя колокольнями. В нем под алтарем находился склеп с захоронениями»[91].

Из замурованной двери комнаты покойной игуменьи (Арисклеи Раевской, ум. 1909) существовал подземный ход под всем церковным холмом. Местное предание гласит, что весь церковный холм насыпной и что из Тадулина

монастыря были два подземных хода — один под озером, в местечко Вымно, а другой к замку кн. Огинского имения Вымно (озеро ранее называлось Вымно, но позднее стало Тадулино). На время описания сохранялись два старинных базилианских колокола, висящие на двух рес один перед корпусом с кельями сестер, а другой, разбитый, с надписью 1771 г. около училища. В монастыре действовало трехклассное училище для девочек (85 воспитанниц, годовая плата 60 р.) и низшая школа для мальчиков и девочек. При монастыре были сад, огород.

233 Тадулин Успенский монастырь (1743), по карте XVIII в.

Некоторое представление о монастырском комплексе дает карта 1743 г. фольварка Казимирова, пожертвованного Тадеушем и Изабеллой Огинскими Тадулинскому монастырю.

Монастырь и господский двор располагались на восточном берегу озера, противоположном от существующего и сейчас села Вымно, что на западном берегу. И монастырь, и усадебный двор Огинских представляли собой обособленные, обведенные по периметру стенами и застройкой, замкнутые комплексы, разделенные между собой грядой невысоких холмов. Двор и монастырь соединялись дорогой, причем первый находился к югу от нее, а второй к северу. Дорога подводила к главным воротам монастыря, а затем огибала его с востока и направлялась на север. В центре монастырского двора находился отдельно стоящий собор. Храм имел трехчастную осевую структуру. К центральной, увенчанной центральной главой храмовой части с запада пристроен меньший по размерам и более низкий объем притвора, а с востока — такой же объем алтаря. Все три объема имеют самостоятельные, увенчанные своими главками скатные покрытия.

Вдоль западных границ монастырского двора располагались вытянутые вдоль озера ломаные в плане монастырские корпуса. К востоку от храма находилась отдельно стоящая ярусная башнеобразная колокольня. В северной части двора стояли небольшие по размерам хозяйственные постройки. При подъезде к монастырю от господского двора, справа от дороги, на отдельном холме была поставлена часовня, предварявшая приближение к обители.

Композиция каменного храма в Тадулино, двухосевая симметрия его плана в сочетании с трехчастной продольной структурой была присуща и дру-

гим униатским церквам, и притом таким весьма значимым храмам, как Николаевский собор в Бресте и собор св. Юра во Львове.

Первый знаменит тем, что явился местом заключения Брестской унии. Трудно предположить, чтобы место для подписания унии было выбрано случайно. Николаевский собор занимал видное место среди православных центров Великого Княжества Литовского. Об этом, к примеру, свидетельствует факт подчинения образованному при Богоявленском приделе Николаевского собора Брестскому братству одного из самых первых по времени возникновения Львовского Успенского православного братства. Соответствующие грамоты об этом в свое время были подписаны константинопольским патриархом Иеремией и антиохейским патриархом Иоакимом. Это решение было доведено до всех братств киевской митрополии на Брестском соборе 1590 г.[92]

Позднее при церкви св. Николая существовали кафедральное униатское братство, учрежденное «архиепископом и митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси, епископом Владимирским и Брестским, архимандритом Кобринским, Лавршевским и Черниговским Львом Слюбич-Заленским (9 апреля 1704)»[93].

Древний Николаевский собор в Бресте XVI в. упоминался в первой главе, посвященной архитектуре православных обителей[94]. Преобразованный И. Рутским в униатский собор (при храме была основана митрополичья кафедра), храм был перестроен заново[95].

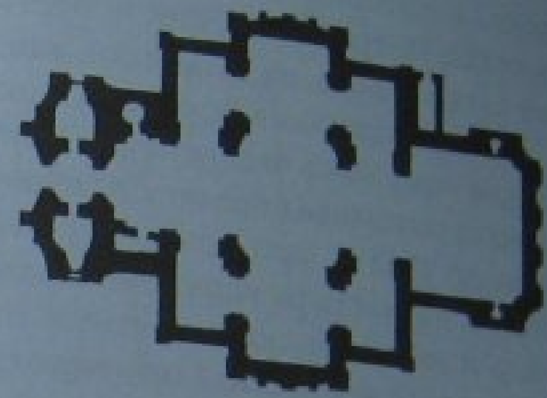
Он приобрел центрическую трехчастную структуру, над средокрестием помещался деревянный купол с железным крестом. Центрическая композиция плана сооружения была построена на основе четырехстолпного квадрата центрального объема с несколько выступающими, примыкающими к купольному пространству поперечными ветвями креста.

Планировка собора св. Николая напоминает знаменитый львовский кафедральный собор св. Юра, также заново построенный в XVIII в. по заказу бискупа и униатского митрополита А. Шептицкого, разместившего здесь свою резиденцию. Оба храма, в Бресте и Львове, располагались на высоких площадках города, представляли собой отдельно стоящие сооружения и были ориентированы алтарем на восток. Это крестовые зальные четырехстолпные храмы с пристроенными по углам, между ветвями креста, пониженными объемами.

Планы сооружений построены по двухосевой симметрии: центральную часть составляет квадрат (его примерные размеры в брестском соборе 10,5×10,5 м; львовском 9×9 м), к которому вдоль продольной оси пристроены равновеликие и близкие по конфигурации притвор и алтарная часть, продолжающие ветви центральной крестообразной основы сооружения в продольном направлении. Над средокрестием поставлен купол на высоком барабане, во Львове барабан купола получил четырехгранную форму. Главный фасад, по отношению к алтарному, отличался более изысканным и сложным декоративным решением, а завершение алтарной части храма было сведено прямой

стеной. В отличие от львовского собора, брестский собор имел более прямолинейные очертания стеновых плоскостей центральной храмовой части сооружения. Купол, возможно, как временная мера, был возведен из дерева.

Единство архитектурного замысла обоих храмов не вызывает сомнения, однако разработка архитектурного проекта, детализация и исполнение замысла принадлежали различным мастерам, притом явно отличавшимся уровнем своей квалификации. Художественные результаты во многом зависели от того, насколько удачно сложится строительная история храма. Об истории возведения брестского собора, в отличие от собора во Львове, почти ничего не известно. В архитектурном отношении львовский униатский собор превосходит брестский. Тем не менее совпадение времени строительства новых соборов и основных этапов возведения, а также сходство композиции храмов очевидны.

234 Планы трехчастных купольных базилианских храмов XVIII в., аналитические таблицы автора.
1) Николаевский собор в Бресте (новый каменный храм середины XVIII в.).
2) Собор св. Юра во Львове (1744–1764)

Первая каменная церковь св. Юра (1363–1437) была четырехстолпной, трехапсидной, византийского типа и была построена архитектором Дорингом, автором Армянского собора во Львове. После утверждения А. Шептицким своей основной резиденции во Львове храм св. Юра и принадлежавшие ему постройки были разобраны (1744), а на их месте стали возводить новый комплекс. Договор на строительство собора и колокольни был подписан с львовским зодчим Б.Меретином, продолжавшим работы до своей кончины (1748–1759). Затем строительство возглавил архитектор и скульптор Я.Фесингер, который помимо завершения строительства основного объема кафедрального собора явился автором размещенных в нем больших алтарей (1759–1764, отделочные работы продолжались до 1780)[96].

Храм дополнительно приподнят на высокой каменной террасе, размещается посреди регулярно расположенных вокруг него корпусов, в один из которых встроена многоярусная четвериковая колокольня. К востоку от застройки разбит сад и весь комплекс обнесен оградой.

При Николаевском соборе Бреста также сложился дополнительный комплекс, в котором разместился образовавшийся при соборе базилианский мужской Петропавловский монастырь. Он находился в центральной островной части города, на Подзамке, в некотором отдалении от площади рынка.

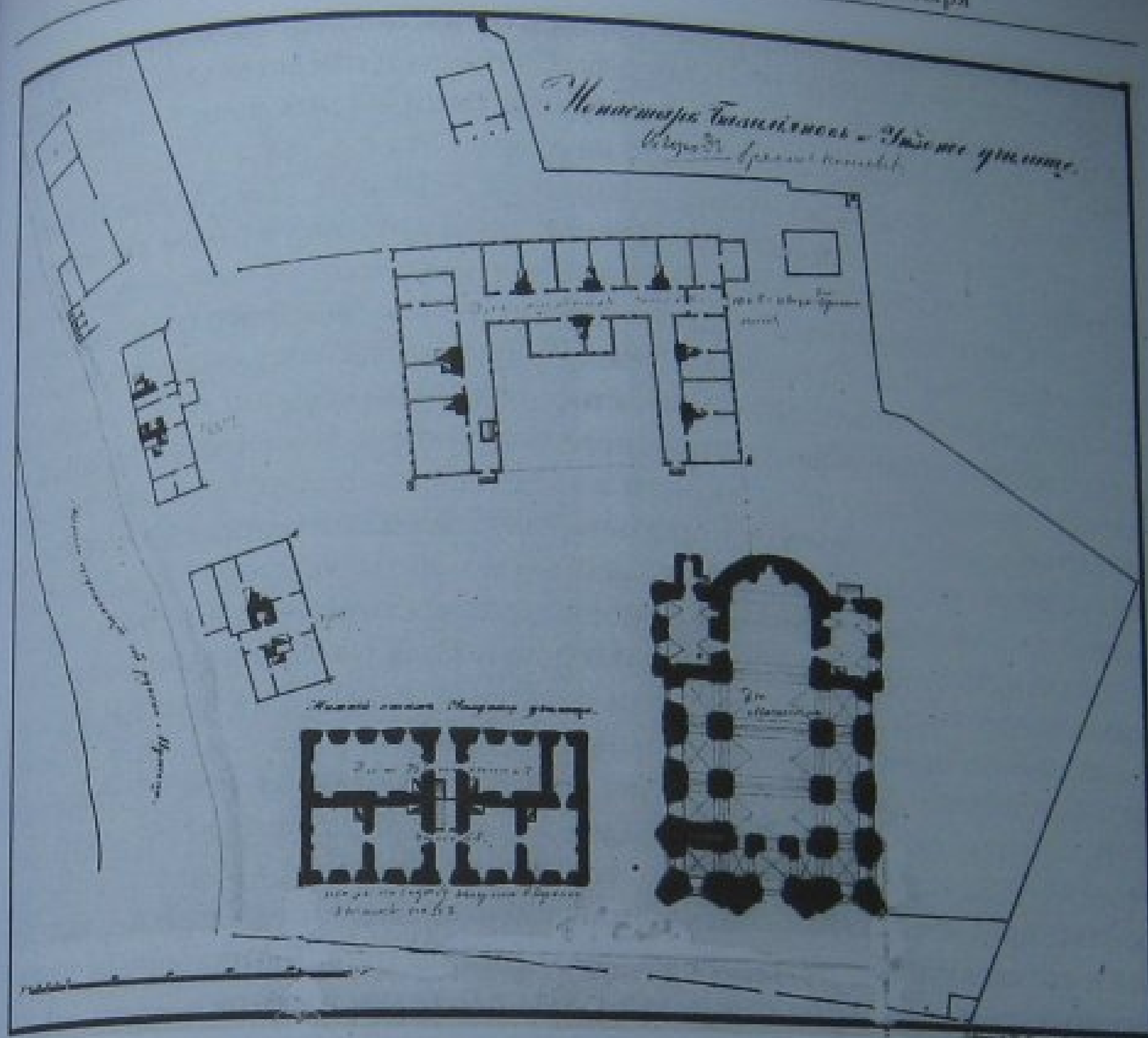
Орден базилиан в Бресте фундовал в 1629 г. митрополит И. Рутский, спустя два года здесь был основан монастырь[97]. Участок для монастыря вместе с домом пожаловал брестский купец Иван Добранович. Монастырь существовал до 1831 г., при нем действовало уездное училище, годом позднее закрытое. Монастырь упразднен после подавления восстания в Бресте. Вскоре собор и монастырский комплекс начали разбирать в связи со строительством в городе крепости, а окончательно разрушение довершил пожар 1835 г.

Основанием монастыря считается 1631 г., когда построенные к этому времени деревянные корпуса и храм православного монастыря были переданы базилианам. После 1788 г. на месте прежнего возвели каменный базилианский храм ап. Петра и Павла.

Монастырь занимал участок к востоку от собора, расположенный вдоль берега реки Мухавец. Храм и главный каменный корпус размещались за оградой вдоль линии улицы, ведущей к Кобринскому тракту. Градостроительные требования оформления фронта улицы определили постановку этих зданий главным фасадом на север. Таким образом, при близком расположении базилианской Петропавловской церкви к Николаевскому собору монастырский храм был обращен к нему тыльной стороной.

Базилианская Петропавловская церковь следовала общим принципам архитектурной организации костелов. Это базиликальное, трехнефное бескупольное с хорами сооружение, в алтарной части с пресбитерием, апсидой и сакристиями. Вопреки заложенной по проекту двухбашенной композиции парадного фасада, реализовано было упрощенное безбашенное оформление нартекса. Иконостас отсутствовал, но были установлены один большой и шесть малых резных вызолоченных алтарей. Монастырские корпуса включали трапезную, 14 келий, отдельно стоявшую пивоварню. Поблизости базилианами было построено пятиклассное училище. Рядом с монастырем, при кафедральном соборе находилась деревянная богадельня, возобновленная после пожара 1755 г. на средства униатского епископа Феофила Годебского. Между монастырем и кафедрой помещалась резиденция униатского епископа. Культовые, жилые и служебные постройки стояли отдельно друг от друга, не соединяясь специальными переходами. Ансамбль представлял собой некое живописное единство двух храмов — Николаевского собора и Петропавловской церкви с системой монастырских и служебных строений. Последние по внешнему виду мало отличались от обычных городских домов в застройке Бреста[98].

Совершенно иной вариацией купольного храма явился собор Троицкого базилианского монастыря в Бытене. Он находился во владельческом местечке, при реке Щаре, селении Слонимского повета. Основателями монастыря

Петропавловский монастырь в Бресте (1631, каменный храм 1788), обмеры 1830 г. (РГВИА)

называют маршалка слонимского Григория Тризну с женой, урожденной Сапегой[99]. По другим источникам монастырь берет начало 30 июля 1640 г., со времени фундации подскарбия литовского Николая Тризны. Его правнучка изъяла монастырь у базилиан, и вновь его вернули ордену только в 1740 г.[100] Считается, что значительная часть строительных работ проводилась в период владения Бытенем рода баронов Тизенгаузов, т. е. после 1799 г.

Сохранилось подробное и одновременно путаное описание построек монастыря. В нем говорится о решающем вкладе в строительство Николая Тризны[101].

Комплекс монастыря включал соборную церковь (зимнюю). Каменные, снаружи неоштукатуренные монастырские корпуса были возведены в три линии. Все они были покрыты гонтом, имели одинаковую ширину и почти одну длину. Под двумя из них существовали подвалы. Средняя линия северным фасадом ориентировалась к местечку.

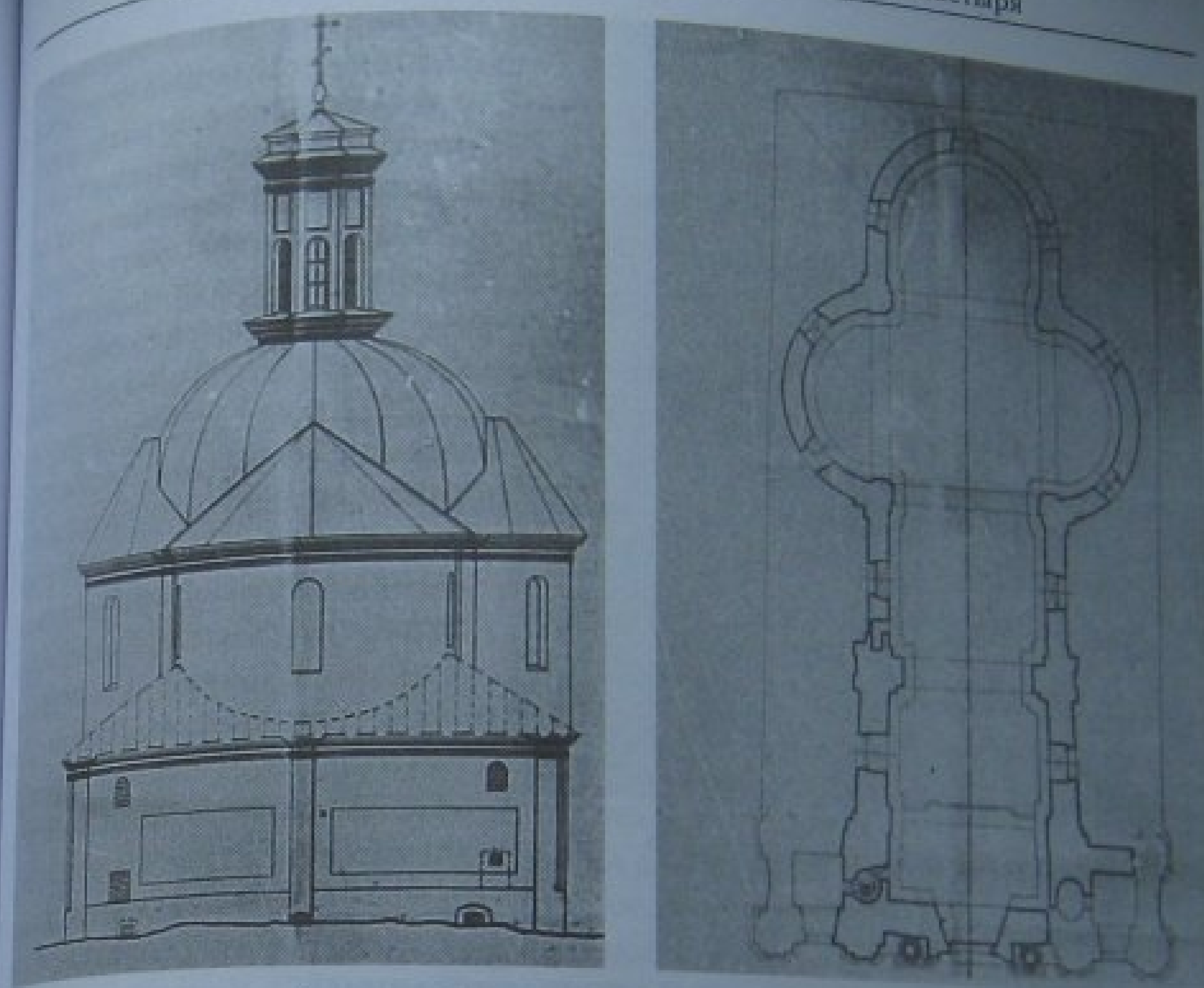
Ядро застройки, по распространенной схеме организации инославных монастырей края, повторяло схему костел-кляштор. Монастырские корпуса

были пристроены к храму и сообщались с ним посредством сакристии, располагавшейся справа от пресбитерия. Сакристия представляла собой двухэтажную пристройку с четырьмя дверями, одни из них вели в пресбитерий, а другие в монастырский коридор, на второй этаж.

Время строительства храма датируется 1710 или 1711 годами (в первом случае — согласно справочной литературе, в другом — ранее упомянутому архивному документу). По объемно-пространственной композиции Троицкая церковь встраивается в общую линию типологического развития храмового строительства базилиан. Проект церкви был составлен, несомненно, высокопрофессиональным архитектором в русле заданного Г. Гварини художественного направления позднего барокко. В этом смысле данный памятник является редким примером в архитектуре Беларуси, поскольку «гвариниевой» линии в своей строительной деятельности не придерживались ни инославные, ни тем более православные монастыри края. Здесь в большей степени проявилась индивидуальность архитектора, связанного, очевидно, с чешской школой зодчества. Однако решающая роль в обращении к новейшим европейским художественным вкусам при создании храма и адресном приглашении архитектора, безусловно, принадлежала заказчику. Возможно, объяснением рокайльных форм церкви служит тот факт, что в начале XVIII в. бытеньский храм не принадлежал базилианам и, судя по всему, предназначался исключительно для господ как усадебная церковь. В таком случае, над предполагаемым сооружением в то время не давлело влияние правил и архитектурно-строительных традиций ордена. Единоличным творцом нового церковного сооружения выступал владелец имения.

Храм представляет собой шестистолпную двухбашенную купольную базилику, ее трансепт и пресбитерий устроены путем сопряжения двух симметричных круглых и одной эллиптической в плане форм, последняя — вытянута в строну продольной оси сооружения. При таком плане объемно-пространственное решение представляет единую массу центрального купольного объема с тремя врастающими в нее пониженными сегментными ротондальными объемами, в каждом из которых устроены световые арочные проемы. Самыми близкими к данному памятнику аналогами являются применявшие подобные центрические и сложные по форме ротондальные решения часовни, встречающиеся во Франции XVI в. и Чехии конца XVII–XVIII вв. Возможно, и бытеньский храм первоначально задумывался как часовня[102]. В таком случае, небезосновательным представляется предположение, что вначале был построен только объем тетроконха, а позднее к нему пристроили дополнительную трехнефную базиликальную часть и двухбашенный нартекс[103].

Купол завершен высокой, восьмигранной башенкой-фонарем с шатровым ломаным покрытием и крестом. На половину высоты башенки в узких гранях барабана прорезаны арочные оконные проемы. Главный фасад имел двухбашенную композицию и вытянутые вертикальные пропорции. В парных, симметричных башнях были устроены по два окна, на междубашенном

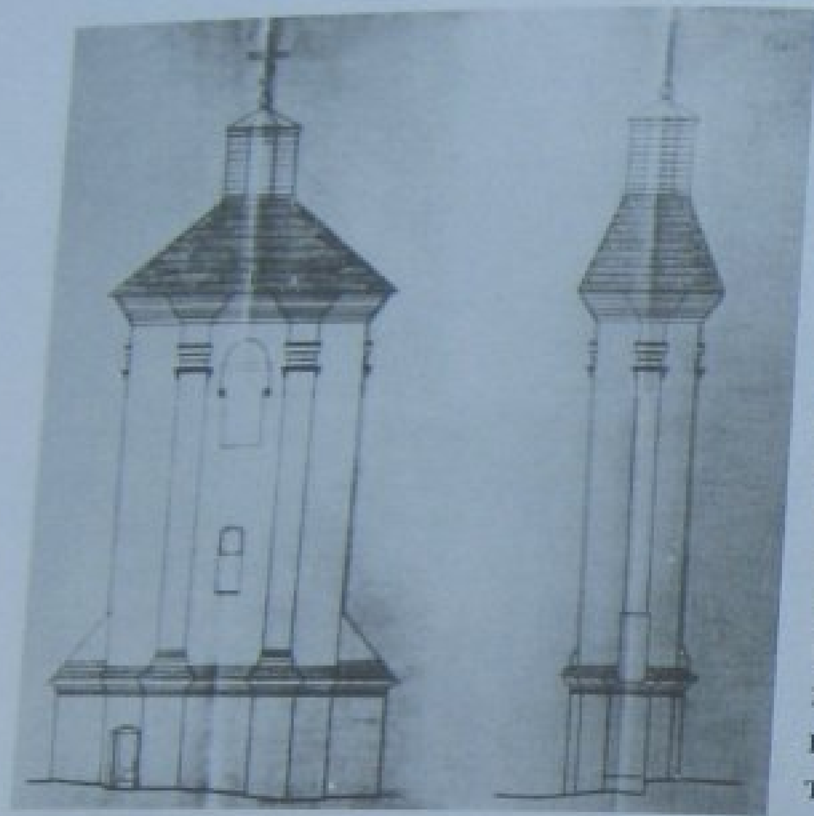

Троицкая церковь в Бытене, обмеры второй половины XIX в.
1) Алтарный фасад. 2) План

портале помещались часы. Башни и центральная главка были покрыты железом, железом были покрыты и расположенные на них кресты.

Говорится, что храм снаружи не был оштукатурен, своды и полы его выложены из кирпича, основные покрытия храма гонтовые. Храм имел один центральный вход (не считая сакристии), в боковых стенах верхнего уровня базилики были устроены 12 окон, в нижнем — 8, закрытых железными решетками. Внутреннее пространство, по мнению автора описи, соответствовало православному богослужению: «За главными дверьми бабинец в трех пределах каменный, сводчатый, и на нем хор для певцов... Пресбитериум устроен согласно восточной греческой церкви, в виде престола, возносится двухэтажный иконостас, с тыла опертый на балках, резьба частью позолочена, деревянный резной... царские врата... На столбах висят иконы. Под церковью склепы, освещенные окном с решетками. Хор для певцов. Слева, при первом столбе амвон, с которого читают проповеди. При первых столбах по обеим сторонам хор законников, состоящий из 6 лавок»[104]. Церковь была разрушена в 1914 г.

В монастырский комплекс входила отдельно стоящая каменная, прямоугольная в плане часовня, датируемая второй половиной XVII в. Ее архитек-

237 Колокольня в Бытене, обмеры второй половины XIX в.:

1) главный фасад; 2) боковой фасад

турные формы совершенно искажены позднейшими перестройками. Система расположения окон и декоративных ниш, а также лопаток на фасадах часовни свидетельствует о возможной близости архитектуры бытеньской часовни аналогичным постройкам Жировицкого монастыря. Сохранились обмеры входившей в состав Троицкого монастыря в Бытене отдельно стоящей колокольни, которые указывают на руку мастера, построившего здесь главный храм. Яркая художественная индивидуальность архитектора, приглашенного в Бытень, скорее всего из Чехии, заметно выделяет этот ансамбль из общего круга базилианских монастырей, так или иначе составляющих единую региональную архитектурную традицию.

Особое положение в истории базилиан занимал Успенский Витебский мужской базилианский монастырь. Обстоятельства его основания самым тесным образом связаны с одним из наиболее драматичных моментов в истории униатов. Ансамбль находился на высоком берегу при впадении реки Витьбы в Западную Двину, напротив Верхнего замка, место это издавна называлось жителями Успенской, или Лысой, горой.

Свою историю монастырь ведет от деревянной приходской витебской церкви, известной с XIV в. и посвященной Успению Богородицы, иначе Пречистенской. В начале XVII в. она была отдана униатам. В 1623 г. после службы в Успенской церкви возле этого храма был убит полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич (вскоре причисленный к лику мучеников римско-католической церкви, а впоследствии канонизированный Папой Пием IX). По приговору следственной комиссии, в которую входили воевода виленский, кн. Лев Сапега, каштелян мстиславский Христофор Друцкий-Соколинский, референданий и писарь в.к.л. Александр Корвин-Гонсевский, староста оршанский Богдан Сапега, воевода витебский Николай Завиша, прежний храм следовало сломать. Учреждалось за счет горожан на его месте соорудить новую каменную церковь и отлить для нее колокола из колоколов разрушенных по решению суда прежней Успенской церкви и городской ратуши[105].

Впоследствии на месте первого, возведенного униатами храма, по-видимому, еще четыре церковных здания сменяли друг друга. Сначала новый храм строился по указанию А.Селявы. Другой на его месте храм возводился уже в качестве монастырского, когда земский витебский писарь Адам Кисель-Дорогинский из Брусилова пожаловал витебским базилианам богатые владения (по И. Чистовичу, 1682, по другим источникам 1690), что и послужило началом основания монастыря[106].

В очередной раз монастырь возобновлялся после пожара 1708 г. Упоминается, что вместе с другими его строениями церковь в 1715 г. отстраивалась заново (ктитор Мирон Галуза). Пожар 1743 г. вторично уничтожил все постройки монастыря. После этого базилиане начали заново возводить каменные монументальные сооружения всего ансамбля. Замысел отличался масштабностью и некоторыми особенностями не только архитектурного, но и инженерного решения. Для укрепления слабых грунтов горы и необходимого отвода грунтовых вод была устроена сложная система подземных трубопроводов и подпорных каменных стен. Только после многосложных гидротехнических работ можно было приступать к возведению одного из крупнейших в Витебске каменных храмов[107]. Договор на строительство был заключен в 1745 г. с архитектором Езефом Фонтана (Осип Фонтани)[108].

После начала строительства наступил длительный перерыв, продолжение последовало только в 1775 г., после присоединения восточных областей Белоруси к России. С этого времени руководил работами гражданский губернатор Кречетников. В 1785 г. работы были завершены, а в 1799 г. монастырь был передан православной церкви, а Успенская церковь определена городским кафедральным собором[109].

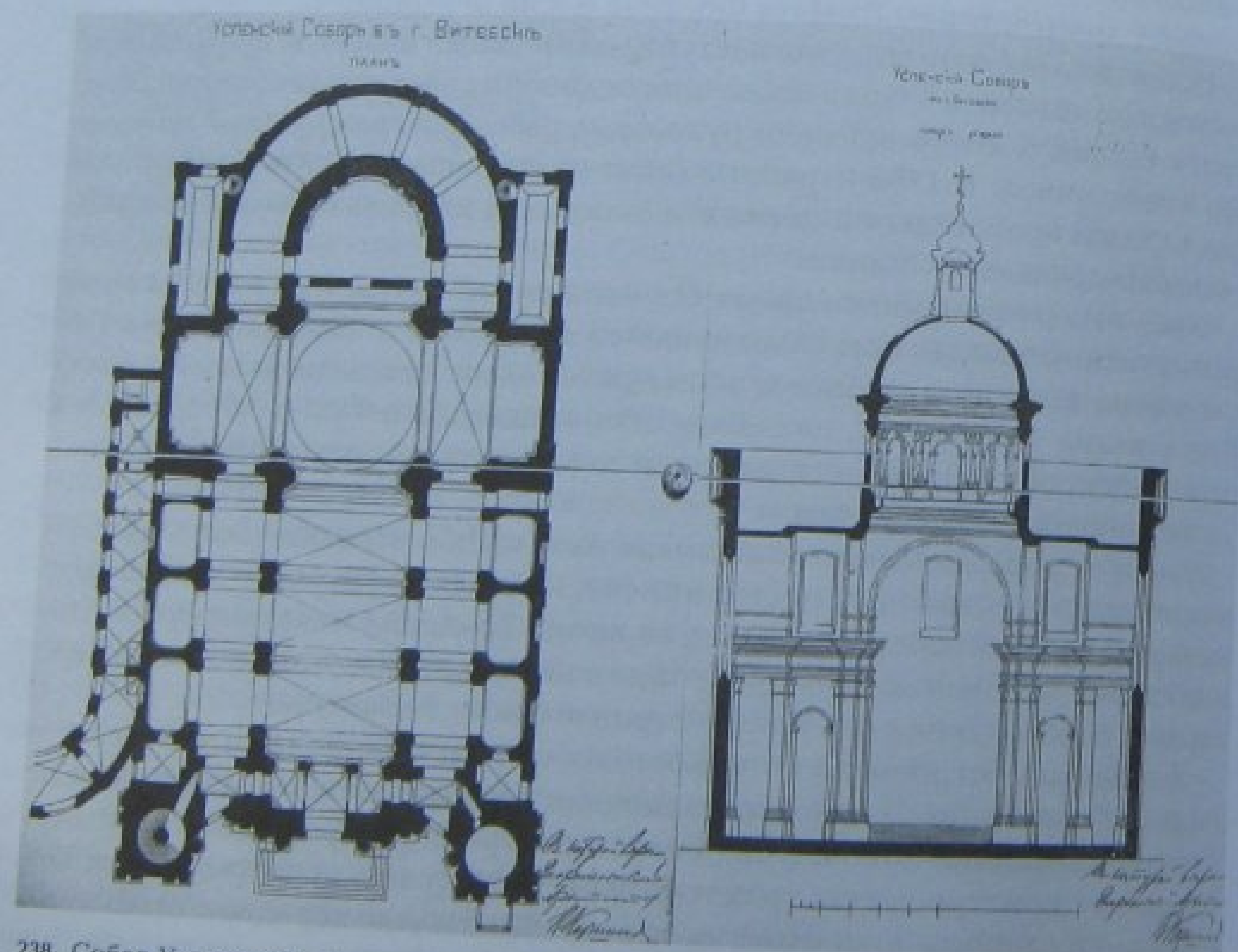
Храм был разграблен во время Отечественной войны 1812 г., когда в нем разместили госпиталь при находившейся в Витебске ставке Наполеона. После войны в храме возобновилась служба, здесь отпевали великого князя Константина Павловича, внезапно скончавшегося в 1831 г. Сохранились чертежи спроектированного для этой церемонии специального балдахина, установленного над престолом.

Корпуса упраздненного монастыря базилианов использовались для размещения присутственных мест, а в 1849 г. их сменила Полоцкая духовная семинария. В XX в. собор пострадал во время Великой Отечественной войны и после ее окончания разобран. Частично сохранившиеся монастырские корпуса используются для Станкостроительного техникума.

Комплекс построен по типу костел-кляштор с замкнутым внутренним двором. Ориентация алтаря храма южная и только немного отклоняется от меридиональной оси на восток. Кляштор с тремя построенными по прямоугольному контуру двора трехэтажными корпусами примыкает к церкви с западной стороны посредством изогнутого в плане коридора, протянутого вдоль стены храма от притвора до трансепта. Наряду с центральным, были предусмотрены два боковые симметричные входа со стороны трансеп-

та. В результате небольшого смещения храма от меридиональной оси внутренний двор получил неправильные очертания. К востоку от церкви, на одной линии с корпусами была построена небольшая отдельно стоявшая каплица.

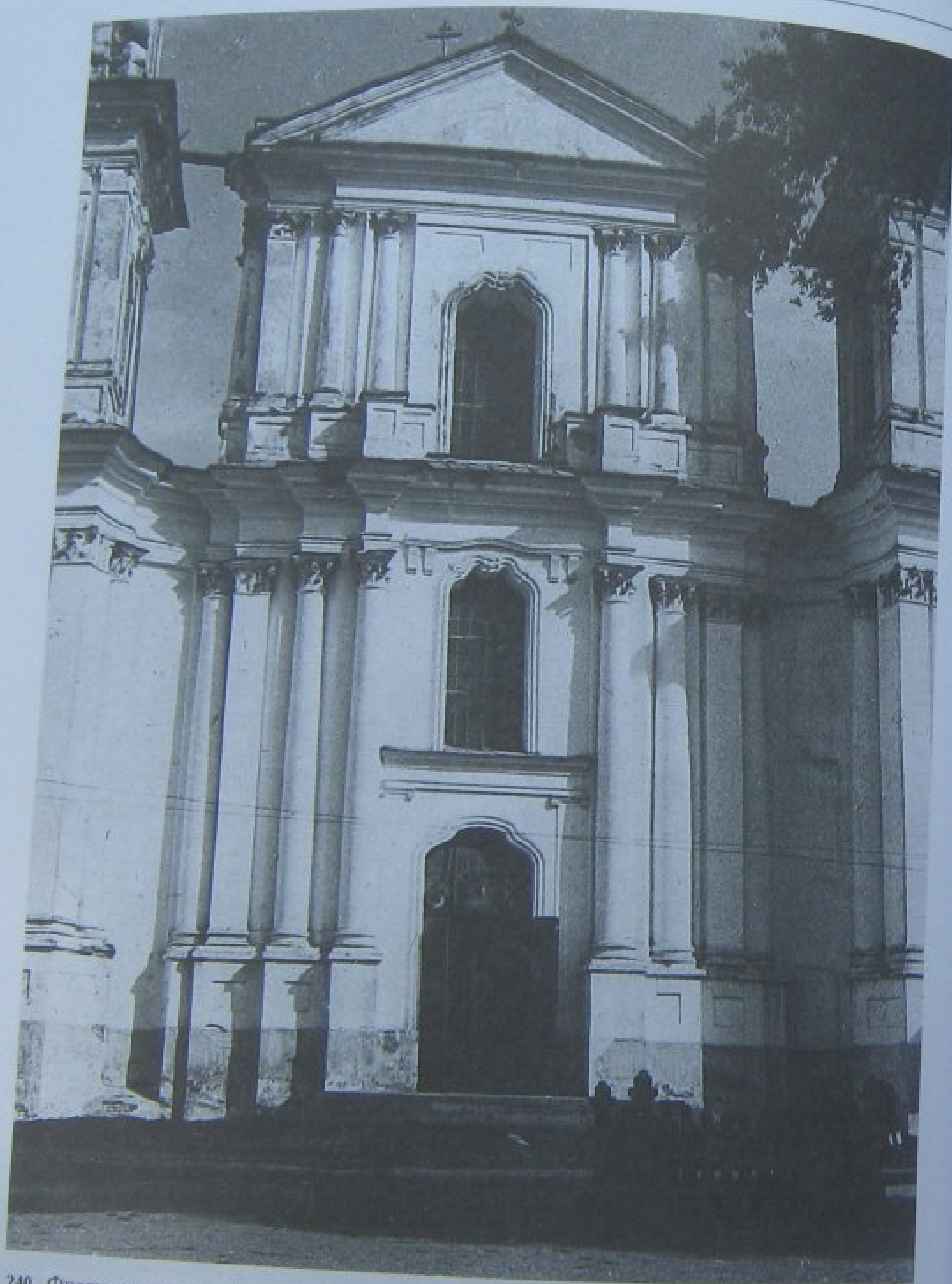
Храм был исполнен в виде двухбашенной восьмистолпной купольной базилики с трансептом, в плане образующей латинский крест. Боковые нефы выводили к полукруглому обходу, устроенному за полукружием алтарной стены, к которому примыкали симметричные узкие сакристии. Вдоль боковых нефов были устроены два симметричных ряда капелл, такой прием получил распространение от римской Иль Джезу, широко известной по учебным программам и пособиям по архитектуре в иезуитских коллегиумах. Нартекс с двумя выдвинутыми за пределы линии главного фасада башнями был вдвое уже шага между несущими опорами. Проект Успенской церкви наиболее ясный, простой и логичный среди других крупных храмовых построек Фонтаны, поскольку не требовал привязки к ранее существующим сооружениям. Выше говорилось о проектировании архитектором двух трехнефных базилик, включавших в себя древние объемы костелов, например в Столовичах, Будславе.

238 Собор Успенского мужского монастыря в Витебске (1682–1690, новый храм 1745, 1775–1785), план и поперечный разрез, обмеры XIX в.

239 Главный фасад Успенского собора в Витебске, обмеры XIX в., исполнил архитектор В.Коршиков

240 Фрагмент главного фасада Успенского собора в Витебске, фото начала XX в.

В начале века были составлены обмерные чертежи и подробное описание храма витебских базилианов: «...в высоту 51,1 м, длину 59,6 м (по другим источникам 60,7 м и ширину 34,1 м), построен из кирпича, внутри оштукатурен известью и выкрашен масляной краской под мрамор... в недавнее время на парусах помещались изображения евангелистов и изображение Успения Богоматери над входными дверями, тоже недавнего времени. Иконостас прежде был каменный с такими же колонками и гипсовыми украшениями. В настоящее время закрыт вновь устроенным иконостасом. Хоры устроены над притвором на высоту около 4,3 м и поддерживаются двумя колонками и двумя полуколонками. На колокольне имеется колокол, сделан из сплава вечевого колокола города Витебска и колоколов бывшей Пречистенской церкви. На нем надпись: «Gloria in excelsis Deo. Herich Buhrman. Riga. Anno». 1737. Во всем симметрия и особенно внутри храма устройство алтаря со сводами, отделяющегося коридором от главных стен храма для совершения крестных ходов внутри храма во время ненастной погоды»[110].

Специалисты XIX в. не связывали наличие обходной галереи вокруг алтаря с традицией храмостроения древнейших католических монашеских орденов и объясняли этот необычный для них архитектурный прием с точки зрения практического использования[111].

Упрощенная декорация боковых и алтарного фасадов, обработанных лопатками и несложным антаблементом, контрастировала с барочным декором главного фасада. Причем в его композиции особенно пышным убранством выделялась центральная часть, украшенная приподнятыми на высоком цоколе двумя ярусами поставленных в разных плоскостях и различного рисунка коринфских пилястр. По иконографической схеме центральная композиция главного фасада во многом повторяет принцип, распространенный среди других базилианских храмов: посреди тесно сдвинутых парных раскрепованных пилястр выделяется широкое поле стены, оформленное двумя-тремя расположенными друг над другом и близкими по размерам дверным и оконными проемами (например, в Крестовоздвиженской церкви в Жировичах и Троицкой в Бытене). Особенно обращает на себя внимание несколько вычурный, сложный абрис и выкроенные формы перемычки проемов, часто встречающиеся в базилианских храмах XVIII в. не только на фасадах, но и в интерьере. Фасады башенных объемов декорированы ярусами плоских спаренных пилястр с характерными маньеристическими капителями, в которых от классических форм оставлены только сухие диагональные маленькие завитки волют. Только в формах завершения колоколен и венчающих их глав на восьмигранных барабанах присутствуют барочные интонации.

Успенский базилианский монастырь не был в городе единственным. На противоположном берегу Витьбы, на окраине Витебска действовал Свято-Духовский девичий базилианский монастырь, основанный в 1697 г.[112] Каменные церковь и корпуса возводились в 1792–1793 гг. на средства мещанина Потапа Бибикова с сыновьями. В XIX в. храм был преобразован

241 Собор Свято-Духовского женского монастыря в Витебске (1792–1793) в панораме города, рис. Н. Пешки

в православную церковь, и на месте базилианского училища было устроено женское епархиальное училище. В начале XX в. для него было построено соединявшееся переходом с храмом новое здание (1902, архитекторы А. Павловский и П. Виноградов), и, очевидно, одновременно с этим существенной реконструкции подверглась церковь. Разобрали головную часть храма, двухбашенный объем нартекса и на его месте устроили притвор с шатровой колокольней. Храм не сохранился, и памятник этот не введен в науку, хотя в архиве сохранились его обмерные чертежи до реконструкции[113]. Изображения храма и монастыря имеются также и на акварели Н.А. Пешки и старых фотографиях Витебска.

В основу проекта каменного храма был положен несколько упрощенный вариант композиции Успенского собора — трехнефная, двухбашенная куполная базилика с трансептом и использованием в декоре коринфского ордера. О желании максимального повторения храма монастыря витебских базилианов свидетельствует точное воспроизведение его размеров.

Планировка монастыря в большей степени отвечала правилам кляшторов — храм непосредственно обращался к улице и соединялся расположенным вдоль улицы главным каменным монастырским корпусом. Свято-Духовский храм имел близкое, но несколько упрощенное по сравнению с Успенским собором оформление главного фасада. Главный фасад и трансепты боковых фасадов храма витебских базилианок украшали три совершенно одинаковых фронтона.

Интересно подробное описание выделения изолированных внутри храма пространств в соответствии с уставом базилианок. По правилам католической литургии в храме были установлены несколько, в данном случае семь алтарей. Особенно примечательным представляется описание устройства пристенного главного алтаря в апсиде храма — по правилам католической церкви и дополнительное устройство перед ним низкой предалтарной преграды (подобия иконостаса) — по правилам православной церкви. Такой прием организации внутреннего пространства для богослужения свидетельствует о паллиативности архитектурных решений и допускавшихся базилианами самых причудливых сочетаниях канонических приемов организации храмового пространства, характерных как для западной церкви, так и для церкви православной[114].

Витебские Успенская и Свято-Духовская церкви замыкают ряд известных в Беларуси купольных храмов базилианских монастырей.

Бескупольная базилика и эволюция форм униатского монастыря, «виленское барокко»

Теперь перейдем к базилианским монастырям XVIII в., храмовые сооружения которых представляют художественное наследие «виленского барокко» и являются его самыми блестящими образцами. Чтобы более четко очертить рамки этого течения, укажем основные формально-художественные приемы, определяющие наиболее характерные признаки «виленского барокко». Четыре из них, как представляется, имеют ключевое значение.

1) Деструктивные формы, «выкроенные» абрисы перемычек оконных и дверных проемов фасадов, проемов в боковые нефы и каплицы в интерьере храма. Эти признаки наблюдаются в униатских сакральных ансамблях, начиная с XVII в., задолго до времени, обозначенного как общепринятые границы «виленского барокко» (Явленская в Жировичах, 1672; храм-колокольня и ворота Спасо-Преображенского монастыря в Друе, 1676; ворота Троицкого монастыря в Вильно, 1740; св. София в Полоцке, 1738—1750; Березвечье, 1756—1768).
2) Введение в оформление фасадов игры криволинейных плоскостей, по аналогии с цоколями алтарей. Классические ордерные формы, как конструктивная система фасада, превращаются, переплавляются в деструктивную систему беспокойной пластики стены (св. София в Полоцке, Березвечье, Покровская церковь в Орше, базилианские храмы в Вольно и Толочине).
3) Исчезновение в архитектуре храмов (после 1755) плоских щипцов завершения фасадов, по выражению Т. Габрусь, «брамных» фасадов (все перечисленные в предыдущем пункте храмы).
4) Высокий цоколь храма оформлен горизонтальными узкими полосами руста по всему периметру сооружения или только в зоне нартекса (Петропавловский собор в Бресте, св. София в Полоцке, Березвечье, Покровская церковь в Орше, Успенский собор в Витебске, Вольно, Толочин).

Из сказанного следует, что наиболее полным набором характерных формально-стилистических признаков «виленского барокко» обладают Софийский собор и базилианская церковь в Березвечье. Им оказались свойственны также знаковые для православных храмов принципы архитектурной организации храма — центрическая общая объемно-пространственная композиция, многофасадность. Надо заметить, что примеры крестовых в плане бескупольных позднебарочных храмов с характерными приемами декора-

ции, не в качестве системного внедрения, как у базилиан, но в виде единичных примеров использования, как бы в порядке исключения, встречаются и в приходских костелах Беларуси, Литвы и Польши. Один из примеров — Троицкий костел в Глубоком, получивший крестовую структуру в результате реконструкции начала XIX в.

Принципиальным отличием указанных униатских монастырей от православных обителей являются устройство в храме множества алтарей, система костел-кляштор с эксцентрической постановкой этого ядра внутри монастырского двора либо непосредственно на линии застройки площади или улицы.

Полоцкие мужской и женский монастыри базилиан существовали при кафедральной церкви св. Софии чуть более двух столетий. История их возникновения связана с деятельностью Иосафата Кунцевича. В 1617 г. он был назначен на полоцкую кафедру архиепископом и на следующий год прибыл в город. Полоцкая кафедра в то время являлась одной из богатейших, ей принадлежали имения и угодья расположенного на противоположном берегу Двины Бельчицкого Борисоглебского монастыря. Главные ктиторы последнего, Корсаки и Щитты, встретили сопротивлением претензии на фундушевые владения полоцкого униатского архиепископа и архимандрита Софийского монастыря, пытались отстоять свои права в судебном порядке, но в итоге вынуждены были подчиниться и перешли в католичество. В дополнение И. Кунцевич купил у Степана и Абрама Марковичей-Рыпинских имение Бельчицы[115].

Расположенный в Верхнем замке, историческом ядре древнего Полоцка, Софийский собор являлся одним из самых крупных и древних православных храмов Беларуси. Софийский собор построен при кн. Всеславе Брячиславиче, между 1044—1066 гг. (по иным источникам в 1050—1060 гг.) как православный храм. Каменный крестово-купольный, пятинефный, с тремя гранеными апсидами, он имел 7 (по иным источникам 5) куполов. На фасадах, исключая восточный, было по 6 прямоугольных плоских лопаток, которые отвечали внутреннему разделению пространства 16 столпами на нефы, три средние из которых завершались апсидами. Стены выложены из природного камня и плинфы.

К началу XVIII в. он почти полностью утратил свой первоначальный облик. Последующая история реконструкции древнего храма представляет особый интерес. Пережив во время Ливонской войны две осады города, собор чудом уцелел, хотя и потерял свою богатейшую библиотеку, по мнению специалистов имевшую мировое значение. В 1575 г. «библиотека имела в глазах ученых почти такую же цену, как и прочая добыча. В ней, кроме летописей, оказалось много сочинений ученых отцов греческой церкви, между прочим и Дионисия Ареопагита о Небесной и церковной иерархии — все на славянском языке. По словам их летописей, многие из этих книг переведены с греческого на славянский язык Мефодием и Константином»[116].

Собор оставался единственным в городе православным храмом, на что имелось высочайшее решение короля Стефана Батория (с 1576 по 1841 гг. здесь хранился Крест Евфросинии Полоцкой).

Храм был приобщен к числу униатских с начала заключения Брестской унии. Полоцкий архиепископ Загорский был одним из архиереев, подписавших в 1595 г. определение Брестского собора, и после разрушений Ливонской войны Софийский собор достраивался уже униатами.

В результате пожара 1607 г. церковь была настолько разрушена, что восстановить ее казалось делом невозможным. Предполагалось даже на ее остатках устроить гражданское здание, в котором бы помещался архив гродского и земского судов, а также суды Полоцкого воеводства. Вместе с тем при Иосафате Кунцевиче собор довольно скоро восстановили, а в 1623 г. он стал местом погребения Кунцевича. Фундатором строительства часовни Иосафата при полоцком Софийском соборе был хорунжий в.к.л. Сигизмунд Служка, завещавший для этой цели 10 000 злотых (1675), другим ктитором монастыря был полоцкий воевода Доминик Служка, фундуш которого составлял деревню Берцы (1705)[117].

Опустошительный пожар 1642 г. снова уничтожил временные деревянные стены и башни храма, постройки примыкавшего к нему монастыря. Спустя некоторое время их восстановили вновь. В результате многочисленных работ первоначальный облик восходившего к византийским образцам древнерусского храма претерпел существенные изменения. По описанию русского автора 1654 г. «соборная церковь Софии Премудрости Божией, строение прежних государей, царей и великих князей московских, каменная, в ней местночтимые образы Деисусы и царские двери греческого письма на золоте»[118]. Летом того же года в присутствии царя Алексея Михайловича Софийский собор был переосвящен в православный храм[119].

Через год здесь, в присутствии латинского и высшего униатского духовенства была зачитана булла Папы Урбана VIII о причислении Кунцевича к лику блаженных мучеников римской церкви. Позднее, в 1664 г., когда оказалось неминуемым взятие Полоцка русскими войсками под началом Михаила Борисовича Шереметева, архиепископом А. Селявой рака с мощами Кунцевича была перевезена в Жировичи, затем в Замость и возвращена только при полоцком архиепископе Флориане Гребницком[120].

По источникам XVI в. храм имел уже только одну главу, центрическая крестово-купольная пятиглавая система церкви была утрачена. Существует мнение, основанное на аксонометрическом изображении плана Полоцка 1707 г., что храм стал подобен белорусским православным церквам-крепостям с центрической общей композицией объема и четырьмя угловыми башнями[121]. Следует заметить, что данная версия требует дополнительных фактографических подтверждений, поскольку изображение на плане 1707 г. схематично и носит условный характер. На плане точно таким же образом изображен другой православный храм города — собор Богоявленского мо-

242 План Полоцка 1707 г. (РО БАН).

1) Софийский собор.
2) Коллегия иезуитов.
3) Бернардинский монастырь (до его перемещения в Задвинье).
4) Францисканский монастырь.
5) Богоявленский монастырь.
6) Храмы Бельчицкого монастыря

настыря, и трудно предположить, что совершенно одинаковый вид имела архитектура возникшего в XVII в. деревянного Богоявленского собора и перестроенного в том же веке древнего каменного Софийского собора.

Во время Северной войны собор осмотрел Петр I, однако произошедшее в 1705 г. посещение получило трагическую развязку. Чрезмерное любопытство, а возможно, и бесцеремонность русского царя по отношению к униатским святыням закончились взаимными оскорблениями, дракой и в итоге изрубленными телами четырех защитников церкви. В связи с нежелательными политическими последствиями инцидента русский монарх вынужден был оправдываться перед властями Королевства Польского и Великого Княжества Литовского за учиненный русскими варварский поступок и проявление нетерпимости к верующим соседнего государства. Изданный им в Вильно меморандум содержал заверения в отсутствии умысла и случайности произошедшего[122].

Служители собора составили подробный список убытков, причиненных храму за 1705—1711 гг. Особенно ценными утратами в нем значились чудотворная икона Пресвятой Богородицы в богатой ризе, два колокола, церков-

243 Восточная каплица собора св. Софии в Полоцке, фото начала XX в.

ные книги на русском и польском языках, часы на церковной башне и еще не оконченный деревянный резной алтарь св. Онуфрия[123].

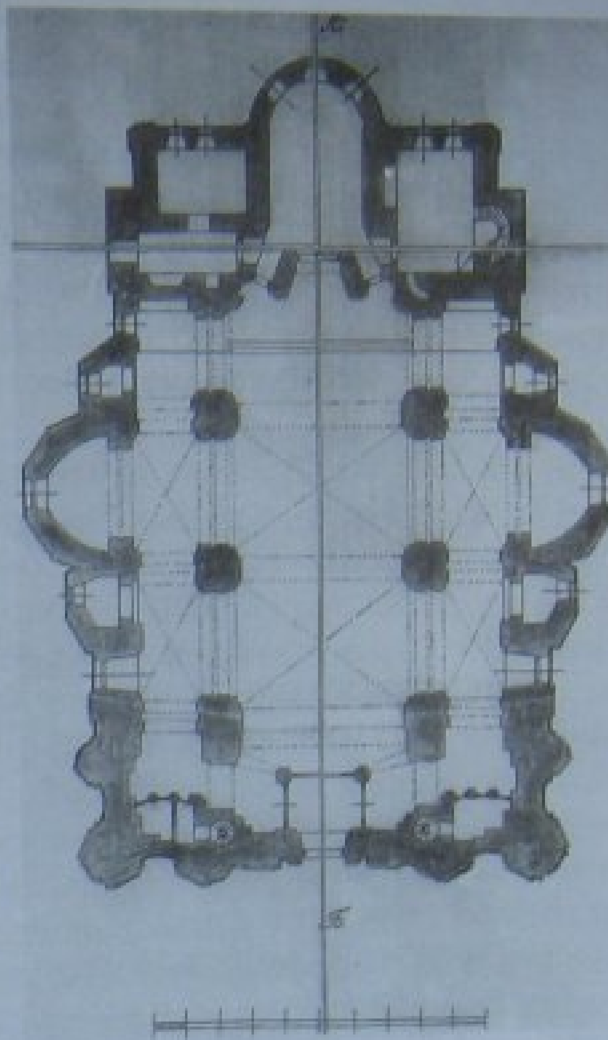
Храм получил серьезные разрушения в 1710 г., когда во время военных действий он служил складом и вследствие подкопов был разрушен до основания.

О последней реконструкции монастыря А.Сапунов писал следующее: «Архиепископ Гребницкий (умер 1762) выстроил большой трехэтажный корпус, состоящий из трех соединенных флигелей, для базилиан монастыря, на месте ветхой Софийской церкви выстроил каменную в готическом стиле и освятил ее в 1750 г. в день сошествия Св. Духа, часть стен древнего храма вошли в состав нового. Судился с иезуитами и отобрал имения»[124].

В XVIII в. храм получил базиликальную структуру с бескупольным завершением. Место алтаря с обычной для православных храмов восточной ориентацией превращается в особый придел во имя вел. Иосафата, в котором помещалась серебряная рака с мощами. Алтарная часть была устроена на северную, а вход в храм на южную стороны таким образом, чтобы главный двухбашенный фасад обращался к Двине. Издали свободно просматривался только ориентированный на реку южный главный фасад собора, открытый

для всех молящихся. Проход к нему осуществлялся при помощи системы лестниц, устремленных по склону Замковой горы вверх от улицы[125].

В результате реконструкции, осуществленной по заказу и при активном участии полоцкого архиепископа, а позднее униатского митрополита Ф. Гребницкого София была возведена практически заново. Архиепископ в 1733 г. в Варшаве обратился к магистру строительного искусства, каменщику и мастеру штукатурного цеха Блажею Косинскому и заключил с ним контракт на год, а в случае необходимости на два сезона работ. Договор предусматривал приезд мастера с помощником в Полоцк, напряженный график с десятичасовым рабочим днем и ежедневное жалованье в 24 польских злотых. Со своей стороны заказчик был обязан без остановки поставлять необходимые рабочие материалы и предоставлять рабочих[126].

244 План собора св. Софии в Полоцке (середина XI в., 1733–1762), обмеры XIX в.

Строительство растянулось на годы. Менее известен другой контракт, составленный в 1748 г. с каменщиком Антонием Доброговским на работы по ремонту полоцкой кафедральной церкви и архиерейского двора[127].

Об объеме строительных работ говорят расчеты с поставщиком Кондрашем Стыхарем, подрядившимся доставлять 100 тыс. кирпича ежегодно. Существует предположение, что в 1738–1762 гг. в создании собора принимал участие крупнейший мастер «виленского барокко» Я. Глаубитц, основанное на документально известном факте приглашения его в это время для проектирования дворца резиденции полоцкого униатского архиепископа в Струни[128].

Замысел нового сооружения полоцкой Софии в значительной мере принадлежал Флориану Гребницкому, развернувшему в годы своего управления митрополией строительство многочисленных храмовых комплексов, по архитектуре типологически близких полоцкому храму. Композиция плана Софии центрична и строится по принципу двухосевой симметрии. К объему продольного корабля пристроена пониженная полукруглая и более узкая по отношению к нему апсида, особая роль отводится поперечному пространству, к торцам ветвей которого пристроены трехчастные объемы притворов-часовен с алтарями св. Иосафата и Онуфрия. Такое решение органично со-

четается с необходимостью включения в новый проект собора уцелевшей восточной трехапсидной алтарной части древней Софии. Собственно пристройка капеллы снаружи храмов или окружение их венком капелл являлось распространенным приемом в культовой архитектуре католической церкви. В Беларуси, к примеру, в костеле иезуитов в Несвиже также в XVIII в. к ветвям трансепта были пристроены две полукруглые в плане пониженные по отношению к высоте корабля боковые капеллы св. Петра и Андрея. Важно другое, в полоцком соборе предпринята попытка соединить два принципиально различных типа храма — бескупольную базилику и крестообразный центрический храм.

Композиция плана явно ориентирована на латинский источник, но не только. В инославных храмах Беларуси доминирующим типом церковного сооружения XVIII в. оставалась бескупольная двухбашенная базилика. В православных храмах XVII в. Беларуси и Украины ведущим типом монастырских соборов стала купольная базилика с трехапсидным завершением алтарной стены и окруженная по периметру крытой галереей купольная крестовая деревянная церковь. Характерным для архитектуры православных соборов стал мотив единообразно оформленных фасадов храма. В данном случае автор замысла храма «восточной церкви, состоящей в унии с Римом», вполне возможно, ставил целью органическое соединение этих различных принципов композиционного построения храма, имевших яркую конфессиональную окраску.

Вместе с тем памятники Беларуси «виленского барокко» нельзя рассматривать вне единого для стран Европы — Австрии, Чехии, Германии, Польши, общего направления развития позднего барокко. Его характерными чертами являлось полное растворение конструктивно-тектонической системы ордера в пластике стены, которая, в свою очередь, приобрела выпукло-вогнутые очертания. Одним из ярких примеров данного направления барокко можно назвать построенную по проекту К. Дентценгофера церковь св. Николая (Kleinseite) в Праге (1703–1711).

Ф. Гребницкий, по-видимому, предпринимал целенаправленные усилия для разработки некоего проекта-образца униатского собора, созвучного современным веяниям архтектуры, обладающего яркой запоминающейся образностью и отвечающего традициям внутренней и внешней организации храмов обеих конфессий. Для реализации такого замысла тем более уместным представляется введение в архитектуру храма запоминающихся, во многом маньеристических формально-художественных приемов, характеризуемых искусствоведами как отличительные черты «виленского барокко».

Размеры Софийского собора после реконструкции составляют примерно 46,2×37,5 м. На его фасаде выделен центральный горизонтальный ярус. Подобный прием встречается в Свято-Духовской церкви в Минске, в связи с которой уже говорилось о возможной ассоциативной связи между порталом-фасадом и высоким иконостасом Беларуси XVII в. Подобная ассоциа-

245 Главный фасад собора св. Софии в Полоцке, обмеры начала XIX в.

тивная связь возникает при сопоставлении главного фасада и алтарной преграды (она же и главный алтарь) полоцкой Софии. Такое наиболее отчетливое соотношение в архитектурной форме портала и алтаря является отличительной чертой полоцкого собора и выделяет его среди других базилианских храмов «виленского барокко» (цв. ил. XXXV).

В интерьере Софийского собора, согласно правилам католической литургиии, по обе стороны от продольной оси располагались лавки. Значение горизонтальной оси и движение от притвора к главному алтарю оставались доминирующими. Главный алтарь представлял собой двухъярусную колонную композицию с центральной и двумя боковыми дверями. План и иконография комплекса алтарной преграды во многом перекликались с решением главного фасада собора. При входе в храм, над его притвором были устроены хоры, на которых установили орган (цв. ил. XXXIII, XXXIV).

Храм св. Софии реконструировался в 1876—1878 гг. под руководством архитектора В.В. Покровского. Позднее, в 1913 г., проводились ремонтные работы под началом П. Покрышкина. Последняя по времени реставрация осуществлялась в конце 1980-х гг.

Служба в кафедральном соборе проводилась одновременно для мирян и базилиан. Монастырские корпуса почти вплотную подступали к храму с трех боковых и алтарного фасадов храма. Слева возвышались каменные постройки кляштора базилиан с замкнутым прямоугольным двором, другой, хозяйственный двор со службами и садом имел неправильные иррегулярные очертания плана. Справа поднимались деревянные строения базилианок. После присоединения к России в 1774 г. базилианский монастырь оставался действующим и на конгрессе в архиепископской резиденции в Струни было принято решение о создании при кафедральной церкви и монастыре епархиальной униатской семинарии. Преподавание юношей должно было вестись отцами базилианами «единого с ними будучи языка и обряду». Размещалась семинария в непосредственной близости от собора, в Высоком Полоцком замке, в связи с чем проводились дополнительные строительные работы. Открытие состоялось в 1806 г. при архиепископе Ираклии Лисовском. По спискам 1802 г. в монастыре проживало 14 монахов и 7 новициев, в госпитале помещалось 5 убогих, а в принадлежавших монастырю владениях числилось 2990 мужчин и 1820 женщин. Софийский собор стал местом обнародования указа 1839 г. о воссоединении униатской и православной церкви, ко времени которого были упразднены все базилианские монастыри[129].

Монастырь горел в 1812 г. и перестраивался в 1818 и 1827 годах, когда были отстроены две линии двухэтажных корпусов, соединенные между собой и собором.

Женский монастырь был основан в 1621 г. по инициативе И. Кунцевича, устроившего при храме «деревянный монастырь для униатских монахинь базилианок, которых вызвал из Вильны. Монастырь этот , вероятно, построен был на месте древнего женского монастыря, существовавшего при Софийском соборе еще во время преп. Евфросинии»[130].

246 Собор св. Софии и монастыри базилиан в Полоцке со стороны Двины, рис. Н. Орды

Базилианки прибыли также и из Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря после принятия униатства. Монашенки обосновались в специально отстроенных для них деревянных кельях. Часть архиепископских владений: деревни Горовне и Дзяготки в 14 дворов, 2 двора в Полоцке, — с ведома митрополита И. Рутского были переданы монастырю базилианок[131].

Во время богослужения монашенки потаенно располагались на хорах, где для них особым образом было устроено свое пространство. От хора певчих его отделяла стена, а от церковного зала оргораживала густая деревянная решетка. Глухой лестницей место службы соединялось с крытым переходом в монастырь. Под хорами находился также небольшой придел для монашеской исповедальни: «При сем монастыре, возле самой стены Полоцкого городского униатского собора состоящем, особой церкви нет. Монахини же помещаются на хорах собора, стеной от певческого хора перегороженно и решетками обвязана, имел в сие место... для себя устроенный изнутри святого монастыря глухой по лестнице ход. Внизу под хором находится особой стенкой отделенный с решетками железными изнутри собора с дверьми небольшой придел, в котором монахини исповедуются»[132].

После пожара 1812 г. был выстроен новый деревянный в две линии клаштор. Можно привести сохранившееся описание возобновленного монастырского корпуса: перая линия (1818) размером примерно 30,1×7,8 м; вторая линия (1827) — 40,5×7,8 м. Из сеней направо раполагалась приемная (Parlatorium) 7,5×6,4 м, перегороженная пополам в длину, за которой вход из монастыря: 4 окна, 2 стола, 2 скамьи, 4 табуретки. Из сеней дверь в коридор, справа 6 келий, из которых вторая от дверей двухкомнатная с чуланом — для настоятельницы. В коридоре дверь на монастырское подворье и на лестницу, устроенную в стене кафедрального собора на хор. Справа кладовая. В конце этой линии другая линия, по коридору 8 келий, в одной из них монастырская трапезная и две двухкомнатные (кельи) занимают учительницы... кроватей нет. Хозяйственные службы включали амбар, ледник, людскую, кухню, баню, скотный двор.

История кафедрального собора св. Софии в Полоцке тесно связана с созданием при ней комплекса резиденции униатского архиепископа Полоцкого в имении Струня, где со временем также был устроен Крестовоздвиженский мужской униатский монастырь.

Селение Струня находилось в 5–6 верстах от Полоцка, при дороге в сторону Витебска. Первоначально по проекту архитектора Я. Глаубитца здесь был построен дворец для униатского митрополита Ф. Гребницкого (1748–1749). Затем, для встречи Екатерины II, епископ Я. Смогоржевский построил в Струни «церковь с двумя башенками у ворот и 12 небольшими круглыми часовнями, находящимися в каменной с зубцами стене, окружающей церковь»[133]. По описанию середины XIX в., резиденция представляла собой «обширный каменный дом архиепископа с прекрасным плодовым садом и рощей. Между церковью и домом находился пруд, окаймленный гладко берегом»[134]. В церкви покоился прах униатского архиепископа Ираклия Лисовского (ум. 1809), предшественника Иосифа Семашки, знаменитого тем, что в его правление завершилось воссоединение православных и униатов.

Монастырь при церкви основан в 1808 г. по инициативе Лисовского. Одновременно была построена каменная Крестовоздвиженская церковь. Храм выполнен в классицистических формах: центрический, кубический объем с глухим «ложным» куполом, к четырем сторонам которого пристроены меньшие по размерам прямоугольные притворы; над западным притвором возвышался, скорее всего, более поздний по времени деревянный ярус колокольни со шпилевидным завершением. Симметричный, в форме греческого креста храм располагался посреди двора, окруженного каменной оградой с часовнями. По оси входа в монастырский двор были устроены парадные ворота в виде то ли арки, то ли пилона, поддерживаемого двумя массивными тосканскими колоннами на высоком цоколе.

Несмотря на передачу храма православному ведомству, в Крестовоздвиженской церкви и домовой часовне до 1836 г. продолжали служить по униатскому обряду[135].

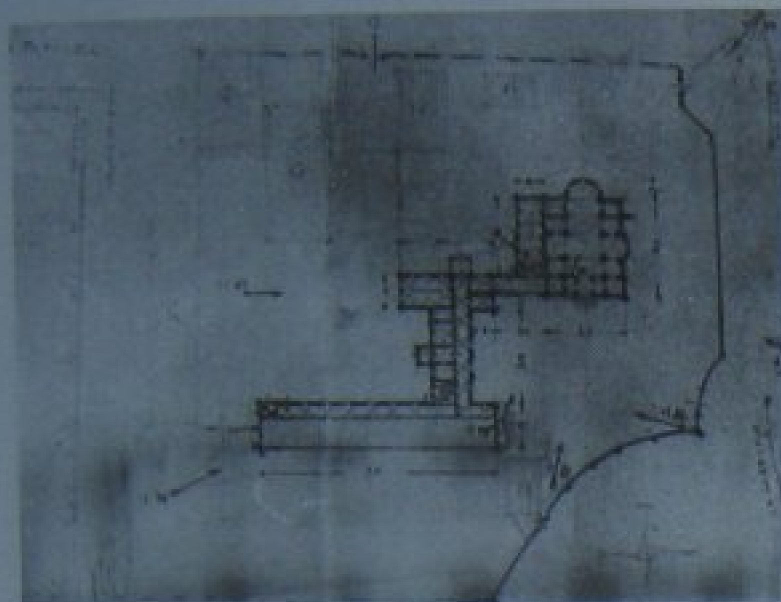

247 Крестовоздвиженский мужской монастырь в Струни (1748–1749), фото начала XX в.

Одним из самых ярких памятников «виленского барокко» является мужской базилианский монастырь Рождества Богородицы в местечке Березвечье. Он находился в живописном месте при озере Березвечье, в 62 верстах от города Дисны, неподалеку от местечка Глубокого. Основал монастырь воевода и староста мстиславский Иосиф Львович Корсак. Документом от 19 августа 1637 г. указано, что он «подарил русским чернецам, принявшим унию с Римом, имение свое Березвечье со строением, населенными местами и угодьями». Акт был составлен на белорусском языке, утвержден генеральным сеймом в 1638 г. и в 1642 г. внесен в городские книги Полоцка.

И. Корсак умер в 1643 г., и в том же году в имении был заложен мужской базилианский монастырь. Вначале при монастыре были приход и школа для местного юношества, позднее в программу преподавания были введены характерные для курсов базилианских училищ предметы — физика, математика, рисование, французский и немецкий языки. Для учащихся при монастыре было устроено общежитие. В 1804 г. монастырская школа имела 4 класса, в которых преподавали 5 учителей-монахов. В период 1782–1830 гг. при монастыре существовало училище для дворян[136].

В 1651 г. архимандритом монастыря был Гавриил Коленда, который совместно с настоятелем Августином Пановским хлопотал о передаче принадлежавших монастырю участков земли (плацов) в городе Полоцке «законным

248 Монастырь Рождества Богородицы в Березвечье (1756–1768), план (ЦГА Литвы)

порядком» во владение полоцкому стольнику Корсаку[129]. С 1779 г. в монастыре действовал новициат[130].

В комплекс Березвецкого монастыря входили храм и пристроенный к нему монастырский корпус с парлаториумом, трапезной, жилыми помещениями. Комплекс включал также каменный амбар, два скотных сарая, гумно с молотилкой, 2 старых жилых дома и водяную мельницу. Возле храма были разбиты фруктовый сад и огороды — далее пахотные и сенокосные земли, лес из сосновых и других древесных пород, кустарники и болота.

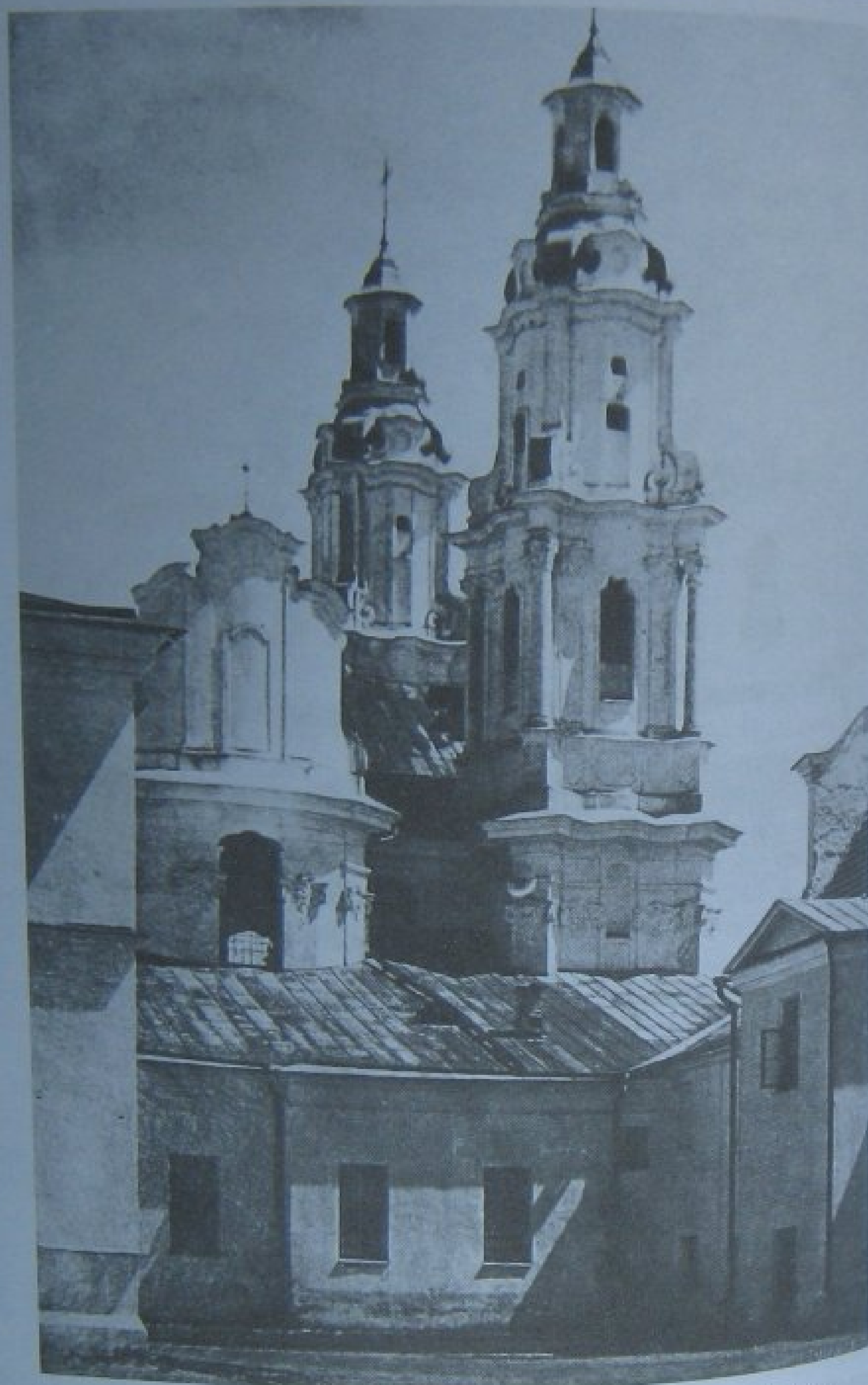
В 1839 г. монастырь был присоединен к числу православных обителей. В 1842 г. его перевели во 2-й класс штатных монастырей, в 1874 г., по настоянию бывшего виленского генерал-губернатора А. Потапова, он был упразднен. Церковь была приписана к соседнему приходскому храму в Глубоком, а строения и земли обители были переданы в заведование Пожайтского Успенского монастыря.

Принадлежавшая обители лесная дача 9952,2 кв.м, находившаяся в Борисовском уезде, продана с торгов, а вырученные деньги обращены на ремонт церкви монастыря в Борунах. Летом 1900 г. Березвечье посетил архиепископ Литовский и Виленский, он обратился с ходатайством в Синод об учреждении в Березвечье женской общежительной обители, с открытием при ней 2-классной школы для девочек[139]. Определением Синода от 26–31 января 1901 г. здесь был учрежден Рождество-Богородичный общежительный женский монастырь[140].

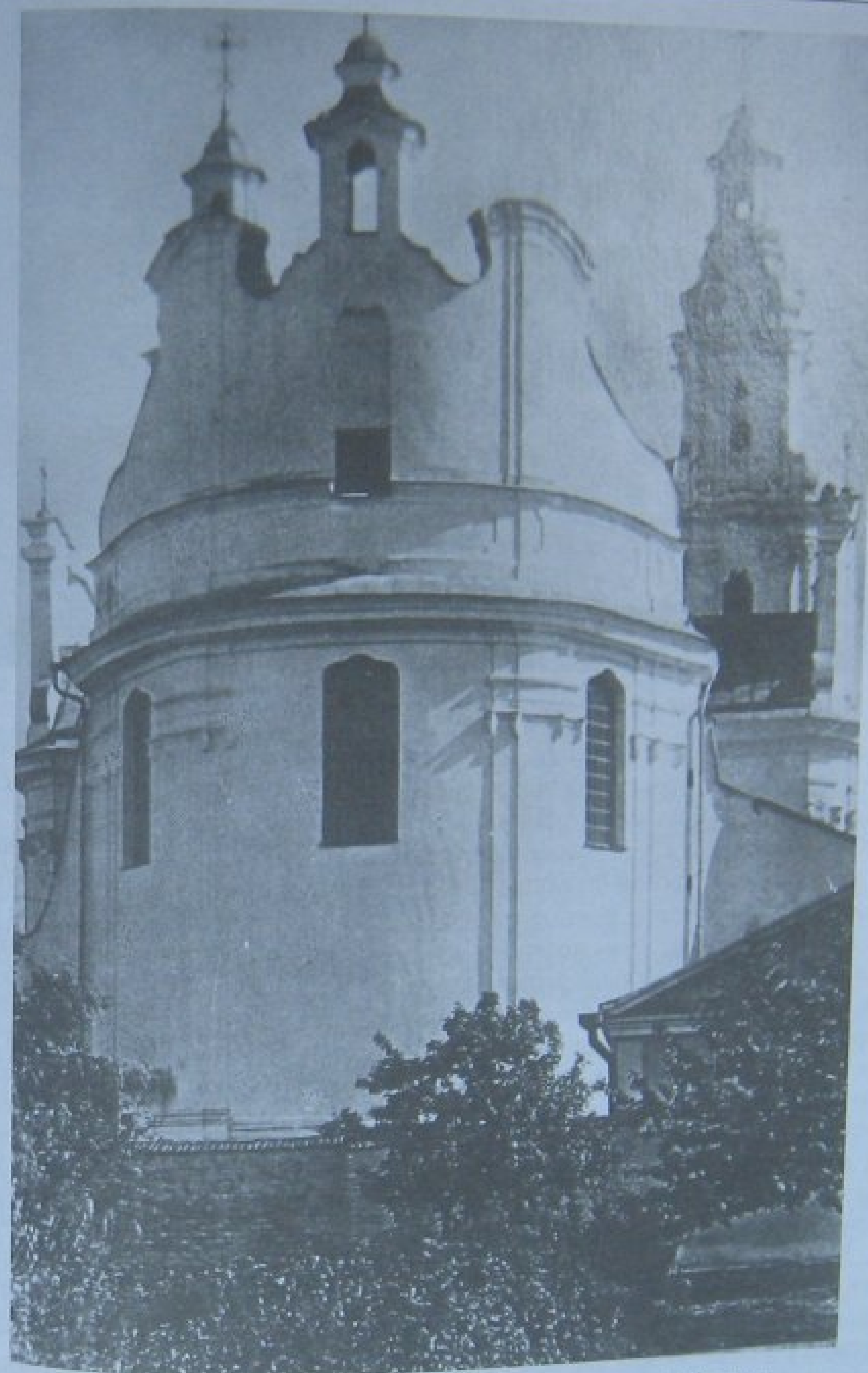
Каменная церковь Рождества Богородицы возводилась в течение 1756–1763 гг. и полностью, с внутренней отделкой и алтарями, была закончена в 1768 г. Это трехнефная, центрическая, бескупольная, двухбашенная крестовая в плане базилика, в плане размером 39,5×27,5 м, высотой, до основания креста, 41 м. Подобно Софийскому собору в Полоцке, церковь Березвецкого монастыря главным фасадом была ориентирована на юг. В ее архитектуре получили развитие характерные особенности построения базилианского храма, ранее отмеченные на примере реконструкции собора св. Софии. Так, в Рождества-Богородицкой церкви высота двух симметричных боковых каплиц в трансепте выведена на один уровень с высотой главного нефа базилики, благодаря чему еще более отчетливо оказался выявлен полукрестовый остов сооружения. Изысканную пластическую разработку

249 Главный фасад церкви в Березвечье, фото из коллекции Я. Булгака

250 Фрагмент фасада церкви в Березвечье, фото из коллекции Я. Булгака

251 Алтарный фасад церкви в Березвечье, фото из коллекции Я. Булгака

252 Боковой фасад церкви в Березвечье, фото из коллекции Я. Булгака

чили все четыре фасада храма, а изогнутые, выпукло-вогнутые очертания были приданы не только главному фасаду, но и алтарному, а также фасадным плоскостям боковых «столпообразных» каплиц.

Согласно описи 1797 г. каменный храм был возведен на смену деревянному, построенному после фундуша 1645 г. «Своды и стены каменной церкви бледно-розовые, стены покрывала перспективная живопись («картины написаны на стенах»). Храм построен в виде креста, по обеим сторонам нефа пристроены две каплицы. Крыши над нефом и над серединой боковых каплиц покрыты медью, а по бокам черепицей. Полы в пресбитерии выложены кафелем, в остальном кирпичные. Все капители вызолочены, карнизы же над капителями расписаны под мрамор и жилки в голубой, желтый, черный. Рамы образов резные, белые с золотом. Статуи и вазы гипсовые. На фасаде две статуи деревянные Василия и Иосафата, две вазы и крест золотой. Окон 19, при фундаментах 5 окошек, освещающих два подвала. Перед входом в церковь каменная лестница. Костел соединен с монастырем. В той линии перед фасадом церкви находятся каменные ворота.

В храме были поставлены 9 каменных алтарей, в том числе семь при стенах и два у столбов. А на шесть шагов от конца нефа возносится Большой алтарь, опертый на 6 пар колонн, связанных с пилястрами. Между колоннами четыре статуи, а между парными пилястрами стоят две фигуры, каждая с ангелами. На пилястрах и колоннах ангелы и вазоны. На этом алтаре икона

253 Алтарная преграда церкви в Березвечье, фото из коллекции Я. Булгака

Рождества Божией Матери на полотне»[141]. Храмовый образ, длиной примерно 3,3 м, как и в костелах, в обычное время закрывался створкой.

Главный алтарь представлял собой монументальную, сложную пространно развернутую барочную двухъярусную композицию с аттиком, в плане полуовальной формы, заглубленную в сторону пресбитерия. Эту внушительную декорацию вернее будет назвать алтарной преградой, поскольку она заключала в себе три предназначенные для литургической службы алтаря. В цокольной части преграда была прорезана пятью сквозными дверными проемами: в центральном и наиболее обширном помещался отдельно стоящий алтарь; два другие, симметричные пристенные алтари были встроены в предалтарную преграду на углах примыкания ее к несущим стенам нефа.

Наряду с архитектурной декорацией, интерьеры храма украшали росписи на «пурпуровом» фоне, среди которых выделялась помещенная на сводах живопись итальянского мастера. Она представляла сцены важнейших событий жизни Богоматери: 1. Введение во храм; 2. Благовещение; 3. Вознесение Девы Марии, сопровождаемое взорами апостолов; 4. Покрова Пресвятой Богородицы, видимыя св. Андреем Юродивам; 5. Царица Небесная, осененная созвездием, предстоящая перед Царем Славы в ризах золоченых и приукрашенных[142].

Запутанным и до конца не ясным остается вопрос об авторстве храма и монастыря в Березвечье. Документально известно об участии в его строи-

254 Хоры церкви в Березвечье, фото из коллекции Я. Булгака

тельстве на протяжении 1753–1756 гг. известного архитектора и резчика, работавшего при доминиканском монастыре в Вильно и здесь же возводившего совместно с Неземковским одну из башен костела св. Рафала (1752), Яна Валенты Дидерштейна[143]. В то же время, по сведениям М.Мореловского, строительство костела в Березвечье начал штукатур и строитель с фамилией фломандского звучания — J.T. Dydreyszten, работавший при костеле св. Рафала в Вильно. Согласно контракту, он обязался построить храм в соответствии с указанным образцом[144]. В данном случае речь идет о другом мастере, однофамильце ранее названного мастера, архитекторе и штукатуре Яне Тобиаше Дидерштейне, участвовавшем в работах по завершению купола доминиканского костела св. Духа в Вильно.

Существует версия об авторстве храма в Березвечье Я. Глаубитца, на том основании, что в 1748–1765 гг. по приглашению Ф. Гребницкого он работал в Полоцке и Струни[145]. Основываясь на иконографическом сходстве главных фасадов храмов, в круг возможных авторов еще включают доминиканина Л. Гринцевича, работавшего в 1763 г. над костелом в Друе.

Приведенные версии и факты говорят о существенном вкладе в создание березвецкого храма архитекторов доминиканцев и, прежде всего, Я.В. Дидерштейна как автора проекта, составлявшегося до строительства. И все же такие отличительные черты «виленского барокко», как волнообразная, пульсирующая по вертикальной направляющей стена, или «стена-колонна», в полную силу проявились в базилианских храмах Полоцка и Березвечья, униатской церкви в Глубоком и доминиканском костеле в Друе, кроме того, расположенных по соседству друг с другом. Эти памятники выделяются особой чистотой стиля.

По мнению М. Мореловского, к созданию ряда крестовых бескупольных храмов в стиле «виленского барокко» причастен родившийся в Риме и активно работавший в Кракове архитектор Франтишек Плациди, возможно принимавший участие в проектировании Троицкого костела в Глубоком и костела Рождества Богородицы в Березвечье[146]. Надо заметить, что основной объем краковских работ Ф. Плациди приходится на создание алтарных композиций и каплиц для ранее построенных костелов, и вряд ли его можно считать основоположником типа крестового бескупольного храма, хотя нельзя и исключать влияние Ф. Плациди на формирование стилистической системы «виленского барокко».

В свою очередь, Я. Глаубитц, как считал все тот же М. Мореловский, не был творцом стиля, но овладел им после знакомства с архитектурой Софийского собора в Полоцке. Действительно, в тот период Я. Глаубитц вел такую большую практическую работу, участвуя в строительстве множества разбросанных по всей Беларуси и Литве храмов различных конфессий, что вряд ли его роль могла быть определяющей в создании церкви в Березвечье.

Храм и кляштор были построены одновременно и решены в общем стилистическом ключе, как единый архитектурный ансамбль. По описи 1822 г.

255 Панорама монастыря в Березвечье, фото из коллекции Я. Булгака

кляштор «в две линии... с двумя небольшими выступами, в 1768 г. совершенно окончен внутри и снаружи оштукатурен и побелен. Первая линия от сада фруктового окнами келий обращена на запад, 7,2×31,4 м (привратницкая, кухня, трапезная). От конца этой второй линии идет вправо под прямым углом ломаной двухэтажный коридор 2,7×25,1 м, высотой 11,2 м, уходящий в церковь и связанный с коридором также двухэтажным под заломами прямоугольным, ведущим влево, в зимнюю каплицу (она же сакристия) 3,1×9,6 м, высотой 5,2 м. Оба эти коридора под одной гонтовой крышей.

Оба крыла, южное (длиной свыше 80 м) и западное, под одной ломаной крышей, посредине гонт, по краям черепица... На вход из местечка в монастырь ложная его линия имеет выступ с пилястрами тосканского ордера. Церковь имеет фасад, на юг от местечка обращенный, и украшенный живописью. Перед ним ганек (крыльцо) каменный, почти в 1,2 м от земли... Стены и своды парлаториума украшены живописью, имеет окон в рамах циркульных два, в том числе одно — малое, пол из кирпича, без печи. Из парлаториума дверей двое. Одна к ганочку в (огород), вторая до прилегающей кельи, коридор, под ним коридор нижний неоштукатуренный 21,9×2,3 м. Вход в него с монастырского двора. Он длиной 21,9 и шириной 2,3 м. Между этими склепами три жилые избы: в первой — столяр, второй — садовник, третьей — сторож склепов». В линии южной (при входе комнаты для раздачи закусок и за ними ряд келий) первый этаж четырнадцать окон имеет, кельи приложенные и новициатские»[147].

Таким образом, планировка ансамбля сложилась по принципу костел-кляштор с замкнутым двором-клуатром возле западной стены храма и вынесенным далеко к югу перед храмом протяженного братского корпуса. Территория большого монастырского двора, простиравшегося к юго-востоку от храма, была обнесена оградой. В плане линия ограды имела сложный абрис, имевший прямолинейные и криволинейные очертания, тем самым барочный характер ограды придавал дополнительную завершенность архитектурному ансамблю монастыря. Г-образный в плане корпус школы с физическим и математическим кабинетами располагался к востоку от храма, за монастырской оградой.

Два базилианских монастыря, мужской и женский, были построены в Орше. Оршанский мужской Покровский монастырь находился на правом берегу Днепра, в предместье города, при речке Оршица. Монастырь построен в 1768 г., то есть одновременно с Березвецким, на средства бывшего униатского архиерея Иосифа Ленкевича, архиепископа Смоленского (1758 — староста поликажский, затем вступил в орден, пожаловал монастырю свои земли и селение Михайловичи)[148]. Согласно другим источникам, каменная Покровская церковь построена старостой Яном Лейковским в 1758 г.

В 1802 г. монастырю подчинялась парафия (приход) в 18 деревень, 141 дом, 476 мужских и 416 женских душ, монашествующих 4, челяди 6, подданных фундушевого фольварка Михайлович 165 мужского и 159 женского пола[149].

Базилиане в 1842 г. были выселены из Покровского монастыря и здесь был утвержден 3-классный православный монастырь, в подчинение к которому приписали влиятельнейшую в XVII–XVIII вв. Кутеинскую Богоявленскую обитель.

По описи 1798 г. «Базилианский монастырь в Орше за околом состоит. Строения каменного, недавнего и иные в починке... по восточному образцу, внутренний порядок во всем принадлежащий и украшение сего года окончания имеет, и есть церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. При ней монастырь каменный о двух этажах и над двумя линиями, из коих одна часть такового монастыря, по другой линии состоящая, не окончена, а при оном монастыре нужных к выгоде монастыря строений каменных трое с огородом, каменной стеною, окружающей монастырь»[150].

Наряду с базилианскими храмами Полоцка и Березвечья, Покровская церковь может служить третьим примером вариации на тему центрического, крестового в плане, трехнефного базиликального двухбашенного бескупольного храма. Изображения плана церкви не найдены, но ряд сохранившихся фотографий памятника указывают на то, что за основу был взят проект, сходный с проектами двух указанных храмов. Крестовая структура снаружи выявлена четырьмя единообразно оформленными, выступающими, выгнутыми в плане, высокими и увенчанными фигурными «вырезанными» аттиками-фронтонами стенами. Последние принадлежали двум размещенным в трансепте и выступающим на боковых фасадах каплицам, пресбитерию и центральному межба-

шенному порталу. В храме помещались три деревянных резных алтаря во имя Распятия Господня, Покрова Богородицы и великомученика Василия.

В начале XX в. внешний вид храма расценивался как западная базилика в форме латинского креста: «...с главным посреди и двумя боковыми приделами. На нем были две фронтовые трехэтажные башни. Храм вообще весьма изящный, легкой архитектуры». По принципу монастырь-кляштор, он соединялся с монастырским корпусом. Они состояли из двух линий, Г-образной в плане формы.

В 1850-е гг. Покровская церковь на казенные средства перестраивалась, в результате над средокрестием возвели деревянный купол «по образцу Свято-Андреевской церкви Киева» (купол был снесен ураганом 8 июня 1905 г.). Одновременно в храме поставили ореховый иконостас с тремя золочеными колоннами. В 1860–1865 гг., при настоятеле Евфимии, в монастыре дополнительно построили вторую церковь преп. Евфимия. В начале XX в. монастырь был упразднен, а Покровская церковь отдана в ведение белого духовенства, монастырские корпуса использовались для духовного училища.

Неподалеку от мужского находился женский базилианский монастырь. И тот и другой располагались в ближайшем пригороде Орши — мужской по

256 Панорама Покровского монастыря в Орше, фото начала XX в.

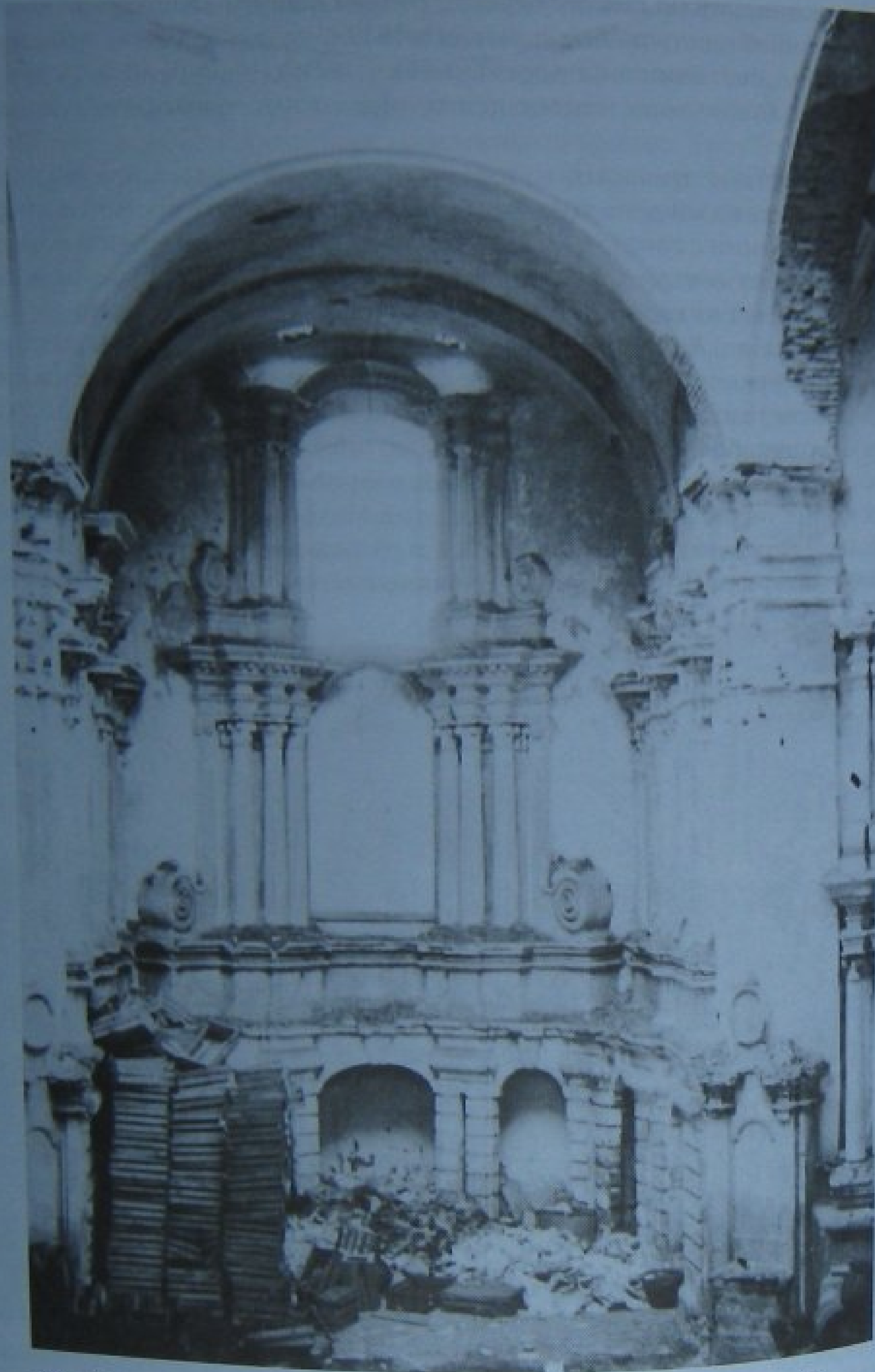
правому, а женский по левому берегам речки Оршицы. Оршанский девичий базилианский монастырь был основан в 1642 г. на пожалования митрополита А. Селявы, составлявших деревню Постынки с 9 дворами и 64 душами крепостных. Кроме того, монастырю принадлежали сенокосные луга рядом с городом.

По описи 1798 г. монастырь этот — «деревянная церковь с двумя башнями; духовник каждый день ходит от базилианов братских; монастырь (кляштор) в одной линии с семью кельями, комнаты в линию, референт и кухня»[151].

Важным документом для составления представлений о деревянных базилианских храмах является подробное описание церкви: «Церковь деревянная, освящена в 1781 г., фундамент каменный в фигуре параллелограмма 12,3×14,2 м и высотой 8,5 м, с фронтоном; наверху по концам башенки с крестами. Крыта гонтом. Пол и потолок доски, окон 12, двери 2, при входе паперть; 3 алтаря: большой на 1,4 м от стены, противоположный входу, образа в колере в деревянных крашеных рамах; второй с правой стороны... При алтарях иконостасов, люстр и паникадил нет. Недалеко от второго алтаря проповедница деревянная (амвон). На 2,1 м от боковых стен церкви по обеим сторонам по три ряда деревянных крашеных лавок для сидений. Стены церк-

257 Покровский мужской монастырь в Орше (XVI в., 1768, купол надстроен во второй половине XIX в.), фото начала XX в.

258 Алтарная преграда Покровской церкви в Орше, фото Е. Квитницкой

ви внутри обиты бумажными голубыми шпалерами. Над дверьми во всю ширину хор для монахинь от пола 3,6 м, обведен деревянной балюстрадой... Дверь, от которой начинается внутренняя для монахинь лестница, ведущая поверх ворот монастырских во внутренность онаго... колокольня деревянная в виде домика 7,6×3,2 м и высотой 5,8 м с воротами подъездными. С правой стороны церкви ризница 4,3×3,9 м, высотой 2,8 м»[152].

Столь же подробное описание сохранилось относительно состава и функций жилых и хозяйственных построек: «Монастырь деревянный новый, построен в 1818 г. в две линии: первая на востоке, длиной 21,3 м, соединяется с большими подъездными у колокольни воротами, имеющими поверх себя из монастыря внутреннего на церковный хор лестницу. Вход-ганек на четырех столбах. Из сеней вход направо в приемную — парлаториум, налево — в малую приемную, третья дверь у сеней на коридор, при ней колокольчик. Большая приемная 8,5×5,3 м, земляные полы, два стола, диван, шесть стульев; из приемной дверь в коридор. Малая приемная 5,3×2,8 м перегорожена деревянной крашеной решеткой: одно окно, один стол, два стула, дверь в коридор; рядом кладовая со входом в коридор. Коридор широк, ширина 2,8 м, в нем в стене на запад окошко и дверь. Сверх того и над лестницей, на хор ведущая небольшая кладовая.

Вторая линия — кельи длиной 69,6 м, коридор 2,8 м, окон пять, подвалы. В конце линии дверь во двор в крыльцом из теса. Келий восемь, келья настоятельницы из трех комнат, чулан... библиотека в одной из комнат настоятельницы в шкафу, здесь же архив. Трапезная в одной линии из монастырских келий»[153]. Кухня, размером 17,0×6,4 м, стояла отдельно, под рекой Оршицей. В одной линией с кухней была выстроена конюшня 8,5×9,2 м (в ней один жеребенок) и конюшня для приезжих в той же линии 8,5×6,4 м. За этими службами располагались амбары, пивоварня, баня.

В монастыре находились десять монахинь, среди крепостных числились конюх, кучер, пастух. По данным 1829 г. в монастыре пребывали два монахини и воспитывались две благородных девицы, которые обучались игре на фортепьяно и гитаре, а также временно переселились одиннадцать монахов из понатыря пиаров.

Приведенное описание свидетельствует о формировании в качестве ядра ансамбля деревянного женского базилианского монастыря, состоящего из соединенных между собой храма и кляштора. К тому же была создана дополнительная система закрытых переходов для сообщения храма и кляштора с надвратной колокольней и монастырскими воротами. Хозяйственный двор монастыря располагался отдельно от кляштора. Размеры кляшторных и хозяйственных сооружений во многом не уступали аналогичным сооружениям каменного монастыря базилианов в Березвечье.

Вольненский базилианский мужской Троицкий монастырь размещался в Новогрудском повете, на пути из Мира в Столовичи. Он был основан в 1632 г. подстолием новогрудским К.Каминским и его женой Еленой, урожденной Друцкой-Горской[154]. Каменный храм был построен в 1768 г. на сред-

ства местного шляхтича Домысловского[155]. Монастырь в 1834 г. обращен в женский, а в 1839 г. упразднен. На место упраздненного в 1840 г. был переведен из Новогрудка женский православный монастырь[156].

Троицкая церковь монастыря располагалась на расстоянии 0,25 версты от Вольны. Трехнефная базилика с трансептом и двухбашенным фасадом. Центральный неф и трансепт в верхнем сечении образуют равноконечный греческий крест, к которому по оси входа пристроены равновысокие нартекс и алтарная апсида. В интерьере боковые нефы преобразованы в две невысокие травеи, а возле алтаря они трансформированы в сакристии. Алтарь пространственно отделен сквозной каменной перегородкой, богато убранной архитектурной и декоративной пластикой.

По описанию второй половины XIX в., храм в форме продолговатого креста с одним глухим куполом и двумя фронтонными колоколенными башнями, с окнами в один ряд, тремя дверями, деревянной кровлей, внутренней площадью 180,0 кв.м. Своды поддерживаются четырьмя каменными столбами, стены выбелены, полы местами из каменных плит, местами выложены кирпичом. Иконостас позднее был установлен между колоннами бывшего униатского алтаря, он состоит из двух икон. В комплекс входили храм, каменный монастырский корпус и сад[157].

Базилианский мужской Иоанна Крестителя монастырь в Василишках находился во владельческом местечке Лидского повета.

Храм был построен в 1769 г. и представляет собой трехнефную, двухбашенную бескупольную зальную базилику с неглубоким алтарем. С южной стороны к храму пристроены невысокие симметричные объемы сакристии. Нартекс отмечен массивными опорами, отделяющими симметричные помещения для подъема на боковые башни и одновременно служащие опорами для устроенных на верхнем уровне хор. Хоры имеют криволинейные в плане очертания. В интерьере 7 алтарей XVIII в.

Церковь помещается внутри монастырского двора, по оси которого располагаются и храм, и главные монастырские трехпролетные ворота. Другие монастырские постройки не сохранились.

В 1832 г. храм перестроен в православную церковь. Упоминается об участии в строительстве церкви в Василишках варшавского архитектора Константы Войцеховского (1841–1910)[158].

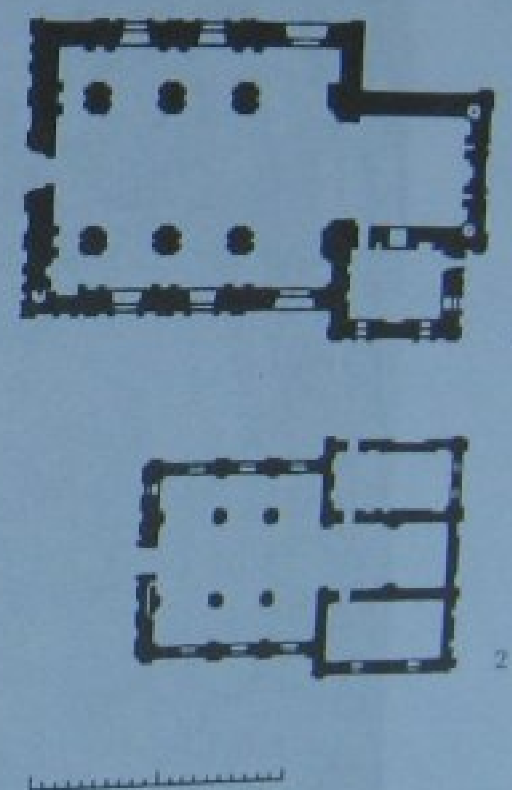
Базилианский монастырь Иоанна Предтечи в Вишневце (Вишнево) находился в центре одноименного села, расположенного между Мяделем и Жидишками.

Каменный храм был построен в XVII в. Базиликальный двухбашенный трехнефный зальный, алтарем он был ориентирован на восток. В 1850 г. он перестроен под православную церковь и одновременно существенно видоизменен главный фасад сооружения.

Униатский базилианский женский Преображенские монастырь в Ракове, Минского повета, был основан в 1702 г.[159]

Церковь Преображения построена в 1793 г. Деревянная на каменном фундаменте, в форме прямоугольника с закругленной алтарной частью, двумя малыми квадратными приделами для ризницы и скарбницы. Во фронтонной части была устроена звонница. Окна расположены высоко в один ярус, крыша покрыта листовым железом и окрашена в зеленый цвет; одни двери входные и одни малые в ризницу. Перекрытия сводчатые, внутри стены выбелены, полы деревянные. В 1866 г. «для изменения костельного вида» надстроен глухой купол. На солее по сторонам клиросы и в центре одноярусный иконостас с одиннадцатью иконами, карнизы, резьба и рамы на иконостасе позолочены, другие части выкрашены в белый цвет. Под церковью находились погребения, в 1866 г. подвалы были засыпаны и входы в них заложены. В 1839 г. монастырь был упразднен[160].

В дальнейшем трансформация объемно-пространственной организации униатских храмов осуществлялась в направлении упрощения планировочной структуры сооружения. Полукруглая форма апсиды сменяется прямо сведенной стеной; из абриса плана, за исключением решения главного фасада, уходят изогнутые формы. Названные тенденции в храмостроении базилиан проявились в главных храмах монастырей в Толочине, Пустынского под Мстиславлем и в Лядах.

259 Планы базилианских церквей конца XVIII в. Аналитические таблицы автора.
1) Успенский собор Пустынского монастыря (конец XVIII в.).
2) Благовещенский собор в Лядах (1794)

Одним из поздних образцов «виленского барокко» считается церковь Покровского базилианского монастыря в Толочине. Этот владельческий город находился между Борисовом и Оршей, в Копысском повете. Город принадлежал князьям Сангушкам, которые и фундовали в 1769 г. в центре местечка базилианский, первоначально деревянный монастырь для 6 монахов.

Церковь построена в 1796 г. на основаниях-фундаментах костела, основанного здесь в 1604 г. Церковь — трехнефная шестистолпная двухбашенная бескупольная базилика. Простой план базилики без трансепта, характерная для крестовых в плане храмов, никак не выражена. По сторонам от прямоугольного в плане пресбитерия расположены крупные по размерам, симметричные прямоугольные, слегка пониженные по отношению к высоте боко-

вых нефов сакристии. Только главный фасад и объемы нартекса оформлены в стиле «виленского барокко» и имеют в плане сложные сочетания криволинейных поверхностей наружных стен. Остальные три фасада имеют очень скромное оформление, которое сводится к системе плоских раскрепованных пилястр между рядами окон с лучковыми перемычками, без наличников. Плоская наружная стена пресбитерия завершена невысоким двухъярусным аттиком и скромным барочным фронтоном.

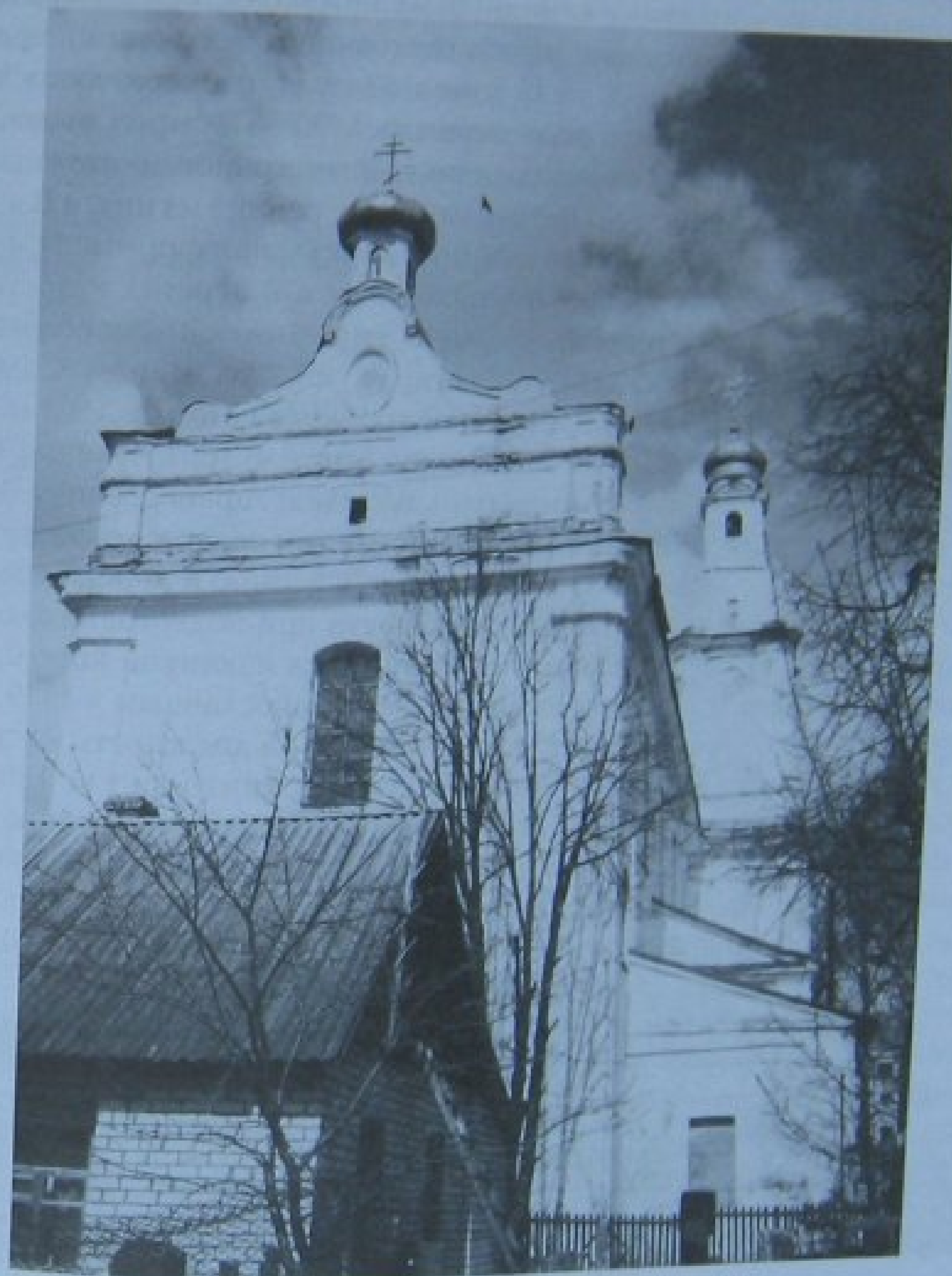
Беспокойная барочная пластика, задаваемая множеством вогнутых линий плана наружных стен, получила яркое выражение в формах главного

260 Храм Покровского монастыря в Толочине (1796, монастырский корпус 1779), главный фасад

фасада и башен, верхние ярусы которых, очевидно, стали результатом позднейшей перестройки. Криволинейные очертания свойственны вертикально устремленному узкому фронтону над центральным пряслом главного фасада, здесь сочетания вогнутых и выпуклых форм повторяются как в иконографии фасада, так и в пластике стены (в отличие от фронтона заднего фасада).

В интерьере боковые нефы открываются в сторону главного нефа арочными проемами. Каменный пристенный главный алтарь в пресбитерии позднее, в XIX — начале XX в. был заменен высоким деревянным иконостасом, поставленным между опорами в начале третьего пролета главного нефа. Ан-

261 Алтарный фасад Покровской церкви в Толочине

табламенты, подпружные арки и арочные проемы между нефами украшены полихромной живописью на мотивы растительных орнаментов, розеток (ил. XXXVI, XXXVII).

Незадолго до каменной церкви, в 1779 г. были построены каменный монастырский корпус и школа. Сохранившийся каменный корпус расположен с южной стороны от костела. Это двухэтажный прямоугольный в плане дом с галерейной планировкой и лестницей в центре, перекрытия помещений сводчатые.

По описи монастыря 1802 г., подписанной ректором школы и монастыря Юстой Крупицким, «монастырь каменный, в два этажа, 8 келий; церковь Покрова Св. Девы также каменная с каменным иконостасом; монастырь сам себя содержит без чужой помощи; пребывает в нем 5 монахов, органист и проч.; имеется деревня Мацеев — 18 домов, 57 муж. и 58 жен. душ»[161].

Поздние базилианские храмы, относящиеся к 1770–1790-м гг., выделяются обращением к простейшим схемам базиликальных храмов, возвращающих к началу западного христианства. Причем наиболее ранние из них, в Василишках, Вишневце и Ракове, придерживались полуциркульной формы апсиды.

Успенский Пустынский монастырь находился в 8 верстах к востоку от Мстиславля. Как уже ранее говорилось, монастырь был основан родоначальником князей мстиславских, сыном Ольгерда, кн. Лугвинием Симеоном в 1380 г. Его строения серьезно пострадали во время войны в 1563 г., после чего монастырь долгое время оставался в запустении. В 1601 г. король Сигизмунд III дал привилегию на этот монастырь Василию Афанасьевичу Волчанскому с условием после заселения обители монахами содержать ее в унии[162].

Пустынский монастырь в 1605 г. был обращен в унию и передан базилианам. Он входил в число оспариваемых имуществ при подготовке «договора о примирении» между православными и униатами накануне королевского постановления 1632 г.[163] Монастырь возвращен православным в 1839 г. а новый строительный подъем начался после прихода на должность настоятеля в 1859 г. священника Феодосия Левшинского (архимандрит с 1866). Он, по выражению современников, «создал совершенно новый монастырь, за исключением соборного Успенского храма и одного каменного корпуса, созданных еще униатами»[164]. Архимандрит при монастыре учредил православное братство (1869), открыл церковно-приходскую школу (1870) и, кроме того, 65 других школ в различных местах Могилевской губернии.

О первоначальном облике Пустынского монастыря практически ничего не известно, существует предание о том, что древнейший из храмов был поставлен на источнике.

Монастырь занимал обширный участок на притоке Днепра, реке Вихре, на порубежье Смоленских и Полоцких земель. Монастырский комлекс по периметру был обнесен оградой, и его основные постройки располагались в центре монастырского двора, таким образом, он имел характерную для православного строительства концентрическую архитектурно-планировочную композицию.

В XIX в. Пустынский монастырь включал три церкви, все они были ориентированы алтарем на восток. Сменившая деревянную каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы сооружалась по соседству с древним храмом. Она была начата в конце XVIII в., завершалась в 1801–1808 гг. и по описанию автора XIX в. имела «вид римско-католического костела». Ктитором строительства каменного собора выступил Гайко, освятил храм полоцкий униатский архиепископ Ираклий Лисовский. Размеры храма 34,8×19,9 м.

Каменный собор представлял собой трехнефную шестистолпную бескупольную базилику, нартекс в плане не был выражен. Объемно-пространственное решение собора повторяет принципы крестовой базилики, хотя требуется отметить, что в плане сооружения поперечная ось и создание поперечного нефа, в объемной композиции придававшего храму крестовые формы, никак не выявлены. Согласно плану собора, его композиция вначале

262 Пустынский Успенский монастырь возле Мстиславля (1380, 1605, каменный собор конца XVIII в., 1801–1808), вид с западной стороны, фото начала XX в.

формы, никак не выявлены. Согласно плану собора, его композиция вначале задумывалась одноосевой базиликой с двумя пониженными боковыми крыльями, а крестовое объемно-пространственное решение было придано храму, очевидно, в результате реконструкции (1869 — повторное освящение храма).

В отличие от базилианских церквей «виленского барокко», пластическое решение фасадов отличалось строгими формами и отсутствием барочного декора, украшением главного фасада являлся крупный арочный портал входа и пояс арочных ниш. В конечном итоге после реконструкции 1869 г., когда над средокрестием был надстроен купол, а над ветвями храма были установлены боковые главы, Успенский собор приобрел внешнее сходство с построенными при С. Коссове православными соборами Могилевской епархии XVII в.

Другим отличием Успенского собора Пустынского монастыря от предшествующих крестовых в плане базиликальных базилианских церквей являлась упрощенная трактовка форм алтарной части сооружения. Завершение

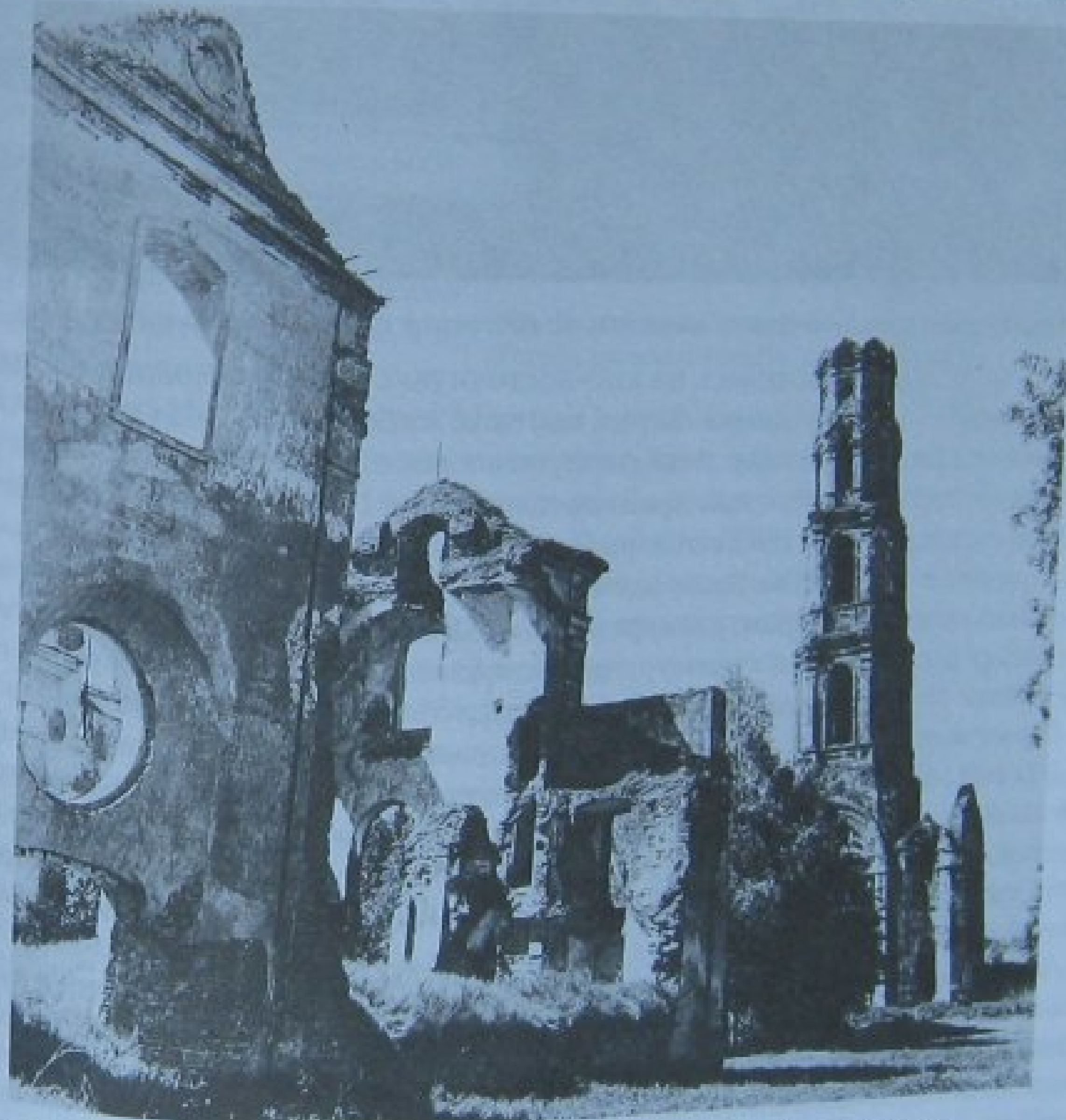

263 Корпус со встроенным храмом Пустынского монастыря, фото 1980-х гг.

пресбитерия составляла прямо сведенная стена, а по сторонам к нему примыкали две симметричные, низкие, прямоугольные и просторные сакристии (после переосвящения в православный храм — ризничные палатки).

В остальном монастырь складывался в период управления архимандрита Анатолия. На месте древнейшей деревянной церкви монастыря в 1864 г. была построена каменная холодная церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Источнике, освященная в 1865 г. Церковь была исполнена в формах «русского стиля» — «крестообразной формы», размером примерно 13,8×9,2×14,9 м.

Не совсем обычное местоположение храма на святом источнике потребовало решения гидротехнических задач отвода воды в соответствии с распространенными правилами построения в монастыре специальной палатки над колодцем. Внутри, под церковным помостом устроено вместилище струящегося здесь целебного источника. Отсюда, посредством проложенных под

264 Руины храма и колокольни Пустынского монастыря, фото 1980-х гг.

265 Вид Пустынского Успенского монастыря с восточной стороны, фото начала XX в.

землей труб, вода выводилась на юго-восточную сторону церкви в бассейн, украшенный фигурой ангела. Затем, вытекая из бассейна, вода из источника стекала в речку Ослянку, находившуюся к востоку от обители.

Третий, теплый каменный храм, посвященный Покрова Пресвятой Богородицы (освящение — 1865, повторное освящение после ремонта — 1898), одновременно с Рождества-Богородицким. Это центрический крестовый бесстолпный купольный храм, размером около 31,9×18,1 м. Он встроен в систему монастырских корпусов симметрично относительно крыльев этих корпусов. К боковым стенам храма пристроены два братских корпуса с кельями.

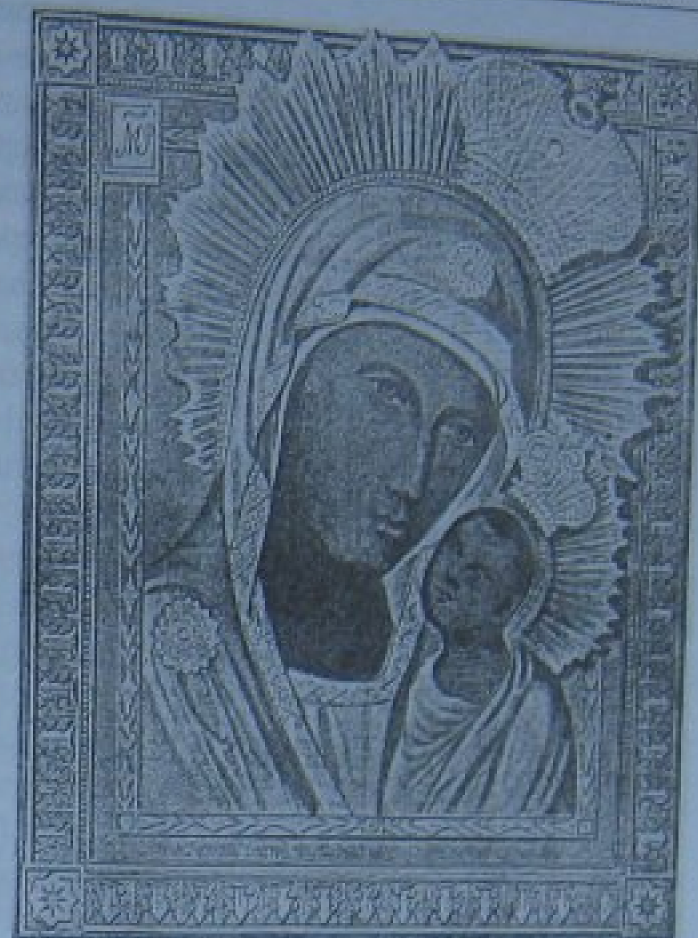
Монастырь по периметру был обнесен каменной стеной, в плане составлявшей 213×213 м, на углах с западной стороны ограды были поставлены две симметричные башни-часовни. Посредине северной стены возвели многоярусную колокольню в «русском стиле», высотой около 57,5 м. С северной стороны к ограде монастыря примыкал фруктовый сад, также обнесенный с трех сторон каменной стеной длиной 607,0 м[165].

На юго-западной стороне соборного храма находился каменный двухэтажный монастырский корпус, где помещалась церковно-учительская земледельческая школа (основана в 1870). В пределах монастыря и за его оградой размещались многочисленные хозяйственные постройки.

Примером одного из позднейших памятников является комплекс муж-

в 6 верстах от поселка Смиловичи, в Игуменском повете.

Монастырь имел древнюю историю, связанную с обретением местночтимого образа Божией Матери. По преданию, «Богоматерь, сжалившись над страданиями угнетенного сельского народа, восхотела утешить его своей благодатною помощию и явилась одному ляданскому поселянину, по имени Кирику, указала место для построения церкви. В церковь эту народ собирался с разных стран для молитвы, а помещица Тересса Тышкевич, жена минского воеводы Завиши, пожертвовала в эту церковь икону Богоматери — копию Жировицкой чудотворной иконы. Слух о чудесах от Ляданской иконы Богоматери побудил вышеозначенную помещицу и детей ее — сына Игнатия, дочерей Марию, Петронеллу и Бригиду Завишей построить новую деревянную церковь на месте прежней, неизвестно когда и кем построенной, и при ней основать монастырь для базилианов. В 1732 г. на содержание монастыря она записала две деревни — Слободку (Езуполе) с корчмою и Гриву с крестьянами и всеми их угодиями и с правом молоть 30 корцев хлеба в Смиловицкой мельнице и 4000 злотых польских, обеспеченных на Смиловицком еврейском кагале. В 1737 г. маршалок вел.кн.лит., граф Игнатий Завиша, по случаю тяжелой болезни жены своей Марцибеллы Огинской, дал обет Богу построить в Лядах каменную церковь и каменный монастырь; но политические смуты не дозволили ему исполнить это намерение. Жена его Марцибелла Огинская, выздоровев после тяжелой болезни, записала сему монастырю в 1746 г. 6000 злотых польских, обеспеченные на деревне Журавковичах и в 1756 г. 8000 злотых польских, обеспеченные на имении Дукоре, купленном ею у князя Масальского»[166].

266 Чудотворная икона Богоматери Пустынского Успенского монастыря, по книге 1901 г.

Каменная Благовещенская церковь со Св.Троицким приделом построена в 1794 г. с разрешения викарного епископа Брестского Адриана Бутримовича.

Архитектурное решение храма во многом можно опеределить как повторение в уменьшенных размерах проекта Успенского костела Пустынского монастыря. Подобно названному храму, Благовещенский собор Ляданского монастыря — это трехнефная четырехстолпная безбашенная базилика

с двумя симметричными сакристиями, без нартекса, пресбитерий завершается плоской стеной. Храмовое пространство в нем значительно сокращено, особенно по отношению к размерам сакристии, площадь которых сопоставима с размерами пресбитерия; западные фасады пресбитерия и сакристий вытянуты в одну линию. Главный фасад храма имеет симметричную композицию. Его центральная часть прорезана тремя расположенными друг над другом проемами. Вход в храм оформлен барочным порталом с арочной перемычкой и устроенным во фронтоне широким арочным окном. Фронтон исполнен в формах классицизма и, по-видимому, имеет более позднее происхождение. Декоративное пластическое оформление придано только главному западному фасаду храма, который украшен плоскими прямоугольными пилястрами на высоком основании цоколя. Пилястры завершаются характерными для «виленского барокко», напоминающими об ордере, угловыми стилизованными волютами и объединяются линией антаблемента. По сторонам центральной вертикальной плоскости фасада расположены спаренные пилястры, затем симметрично расположены соответствующие боковым нефам боковые прясла стены с высокими и узкими арочными окнами, и на углах фасада помещено еще по одной пилястре.

Каменный монастырский корпус имеет Г-образную в плане форму и построен в 1811–1850 гг. К монастырю была приписана кладбищенская деревянная церковь св. Виктора, построенная 1820 г. по разрешению епископа Оршанского Адриана Головни. На месте явления Богоматери находилась часовня с резным деревянным изображением Богоматери, в которую в праздники совершали крестный ход из монастыря. При монастыре была богадельня на четыре души.

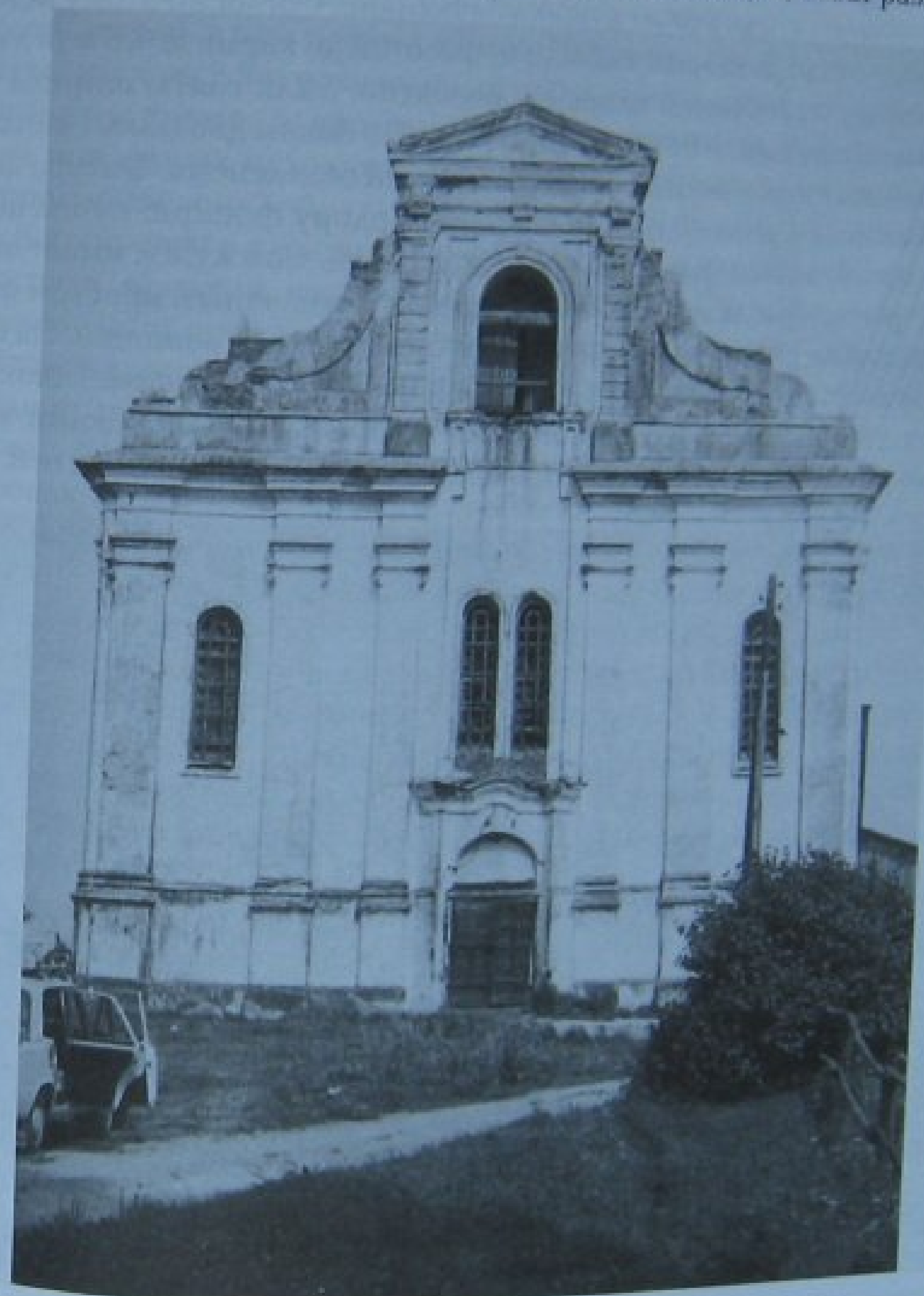
Начиная с 1809 г. при монастыре существовала поветовая (Игуменская), четырехклассная школа, состоявшая под управлением Виленского университета, куратором ее был доктор права Казимир Манюшко. На основе снискавшей себе известность ляданской школы в 1834 г. была устроена русская духовная семинария, закрытая в 1848 г.[167] и переведенная в пинский Богоявленский монастырь.

В 1839 г. Ляданский монастырь был преобразован в православный, а через год к нему приписали Брагино-Селецкий монастырь[168].

Коротко следует остановиться на деревянных храмовых и монастырских комплексах базилиан.

Успенский базилианский монастырь в Леще существовал на основе православного Лещинского. В 1596 г. монастырь перешел во владение к униатскому епископу Ипатею Поцею. Снова упоминается о переходе обители к униатам (1605–1623), затем, вероятно в 1639 г., он, трудами Иосифа Тукальского, был возвращен православным в качестве пожизненного владения архимандрита Никифора Лазовского. Король Владислав IV подчинил монастырь киевскому митрополиту С. Коссову, однако в 1668 г. обитель снова переходит в подчинение к базилианам, оставаясь у них до 1839 г.

В различных источниках приводятся две несовпадающие даты перестройки соборного храма монастыря, но анализ архитектурно-пространственной композиции храма позволяет предположить более позднюю датировку памятника. Его структура имеет сходство с крестовыми каменными базилианскими храмами времени управления Ф. Гребницкого. В 1746 г. на месте прежнего храма была построена новая деревянная брусяная барочная церковь Успения, освященная в 1749 г. Храм представлял собой базиликальное трехнефное сооружение с ярусным верхом над центральной частью и двумя башнями на главном фасаде размером до края алтаря 20,6×6,0 м (таковыми, очевидно, были размеры цент-

267 Благовещенский монастырь в Лядах (1732, каменный храм 1794), фото Е. Квитницкой

рального нефа, без поперечных ветвей сооружения). В плане сооружение имело форму «продолговатого креста овальной формы, с одним открытым и тремя глухими куполами»[169]. Ее облик передает рисунок Н. Орды. В монастыре находилась и другая, теплая церковь Св. Духа с трапезной.

В 1778 г. в лещинской церкви, впервые в униатских церквах Беларуси, был построен орган и монстрация, и с этого времени, как отмечали историки, униаты начали изменять в церквах греческую внешность на римскую[170].

Интересным документом является подробная опись Успенского храма 1834 г., по которой можно составить представление о внутреннем убранстве собора на то время, когда в нем служили базилиане. Согласно этому источнику, храм в плане был размером 15,6×9,2 м, высотой до карниза 7,5 м (в данном случае за основу измеряемой площади, вероятно, были взяты ширина трансепта и длина сооружения без пресбитерия). «По бокам две малые каплички, каждая по обеим сторонам отдельными столбами отделенная. Фигура церкви ординарийская. С фронта... по дорическому ордеру фонари; купол церкви восьмиугольный, на нем фонарь... крест железный. Сам купол имеет четыре окна. Над пресбитериумом маленькая башенка с железным крестом под колокол, называемая сигнатуркой. Фасад церкви имеет две башенки. На портале вместо железных крестов Иисус и Мария из железа сделаны. Ганок вместо сеней, под которым три ступени, над ним галерейка с балясинками, выкрашен в красное, на два бруса опирается; под потолком овальным на ней, на се-

268 Лещинский Успенский монастырь (храм перестроен базилианами, 1740). рис. Н. Орды

редине стены церковной меньший с двумя окнами выступ крыши деревянный, (примерно) 1,2 м высотой. Внутри церкви потолок обшит досками и пол кирпичный. Крыша покрыта гонтом и выкрашена в красный цвет. Окон 12, а в центре (еще одно), наверху большого алтаря. С фасада в церковь двери больше двойные. Над этими дверями хор музыкальный с балюстрадой. От церкви в клетку сделанный и голубым выкрашенный заслоненный... на нем орган. На хоре три лавки для органистов и учеников, с середины церкви две двери на башни церковные, на лестницы: первая на хор, вторая на галерейку. В церкви две сакристии с двумя дверями.

Алтарей пять деревянных. Один большой, оптически в полколонны, на досках написанный, в нем резные образа. На (расстоянии) 2,0 м от большого алтаря находится на 2,3 м вознесенный иконостас из доски, украшенный написанными колоннами, и царские врата: 4 евангелиста и 2 образа наверху. С боков при стенах находятся две дверочки для входа на хор монашеский, на котором написано 2 образа. При иконостасе 2 фонаря деревянных. Второй алтарь Богородицы в каплице, по левую сторону, деревянный, на двух колоннах посреди опертый, свинцовые подсвечники. Третий алтарь Оруфрия, в той же каплице, при стене на двух колоннах. Четвертый — Василия в каплице по правой дороге, деревянный на двух колоннах. Пятый — Иосафата, в той же каплице при стене на двух колоннах.

Между большим алтарем и иконостасом в хоре законном две лавки. На амвонах входы из сакристии, скарбчиком (скарбницей) называемой на завязах. В середине церкви 4 ясеневых лавки... Сакристии: (одна из них) — скарбничек, в нее одни двери, и другие из церкви на кладбище; сакристия длиной 7,2 м, шириной 2,3 м, высотой 2,0 м, окон двое.

Монастырь (кляштор) деревянный, построен в 1766 г. из брусового дерева, внутри оштукатурен; первый этаж с двумя выступами, небольшой между ними ганок на четырех столбах; крыша ломаная, крытая гонтом; длина 24,8 м, ширина 8,6 м, высота до карнизу 3,0 м... в здании монастыря трапезная для монахов. Монастырь имеет 4 каменные трубы, выведенные над крышей... амбар, келий пять»[171].

После упразднения монастыря в 1840 г. Успенский храм был обращен в приходскую церковь[172].

Ушацкий Успенский базилианский монастырь, находившийся во владельческом местечке Лепельского повета, также по времени основания относится к XVIII в. Он был построен в 1772 г., когда селением Ушачи владели помещики Жабы.

По описи 1802 г., подписанной супериором Сергием Ботвитта, церковь деревянная в виде креста, построена лет 50 тому назад, в честь Успения Пресвятой Богородицы; монастырь совершенно бедный, в крыше течь; приход состоит из 161 души, в марте нынешнего года разворован доминиканами; монахов 4, среди челяди органист, экономка; имеет фольварок; владеет крестьянами, 16 муж. и 18 жен. душ; «парафиальная школка» под присмотром мо-

наха; в 1800–1801 гг. содержался конвикт, имеется госпиталь, в котором 3 убогих на содержании монастыря.

Ушацкий базилианский монастырь упразднен вместе с двумя другими монастырями Белорусской епархии в 1833 г. Церковь была оставлена приходской, и за ней числилось приходских домов 101, прихожан 720, монашествующих 4, настоятель Максимилиан Звяго[173]. Монастырь был упразднен в 1828 г.[174]

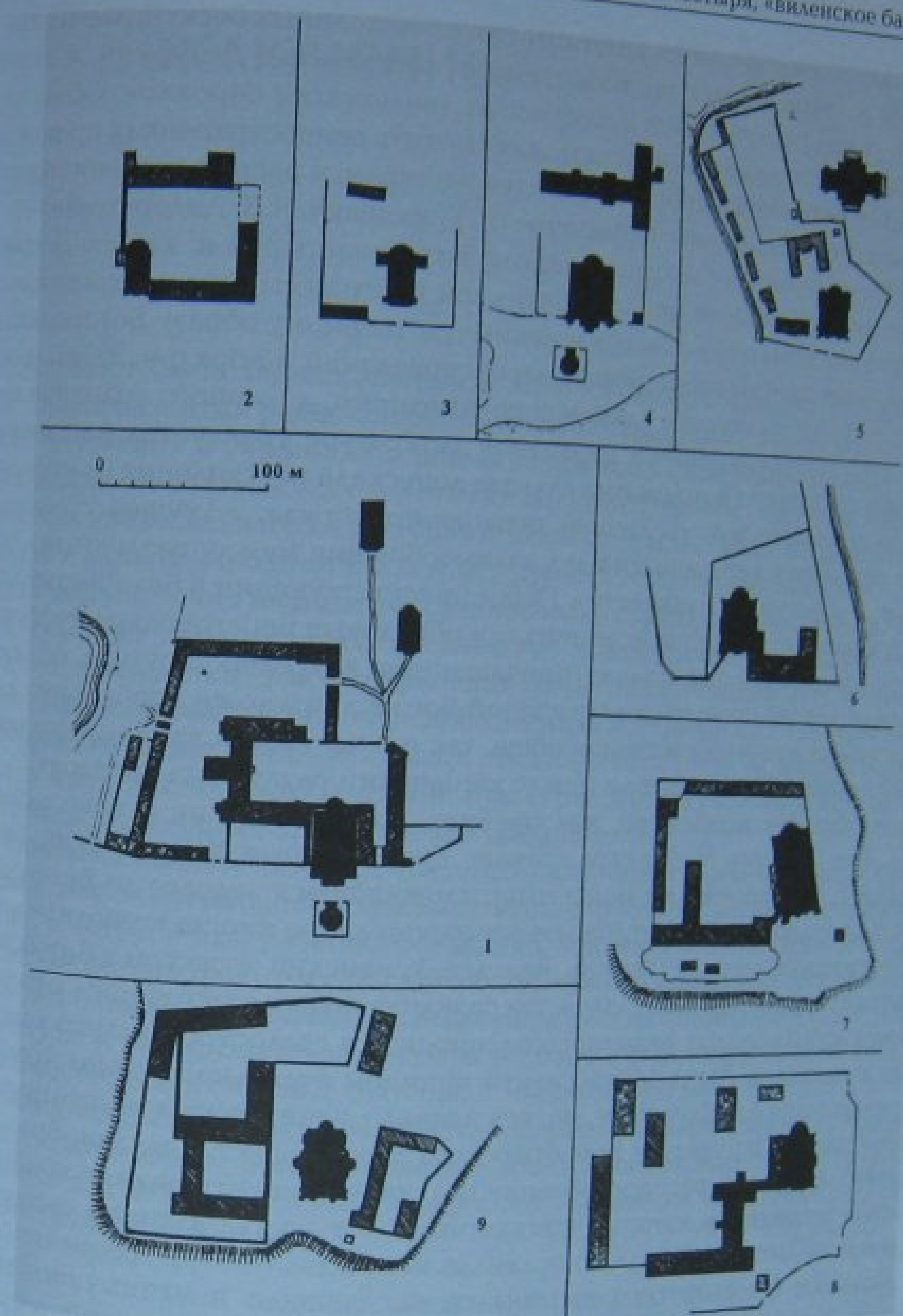
В заключение третьей главы следует отметить, что отличительные черты монастырского зодчества базилиан начали отчетливо проявляться во второй половине XVIII в. Они представляли собой спектр паллиативных решений, учитывающих традиции и православной, и католической церковной культуры.

Поиски архитектурной идентичности были перенесены главным образом в область храмового строительства. Они характеризуются опытом художественной интерпретации различных типов композиционных структур — бесстолпных зальных, бесстолпных и трехнефных крестовых купольных, трехнефных крестовых бескупольных систем. Также ускоренно у базилиан развивалось стилистическое прочтение архитектурной формы храма. Наиболее ярким проявлением порыва к овладению оригинальным художественно-образным языком, выделяющим базилианские монастыри Беларуси среди православных и многих католических построек, явилось «виленское барокко». Это стилистическое течение также оказало заметное влияние на архитектуру приходских, реже монастырских костелов, но почти не коснулось архитектуры православных храмов.

Существенные и чрезвычайно сложные эволюционные изменения происходили в организации внутреннего пространства и внутреннего убранства храмов базилианских монастырей, повлекшие за собой изменение пропорций церковного сооружения в сторону удлинения плана по горизонтали. В однонефных храмах распространенным стало соотношение длины к ширине плана от 2:1 и более. Подобно костелам, базилианские храмы имели несколько алтарей, при этом нередко сохраняли и алтарную преграду (Бытень, Боруны).

Границы между католическим алтарем и греческим иконостасом во многих случаях оказались размыты. Здесь, как и в костелах, главные алтари — это ярусные сложные в плане композиции, но превышавшие их по протяженности и пространственному развитию. Размещенные в пресбитерии базилианских храмов алтарные композиции, согласно православному обряду, нередко имели в центре проем — своего рода врата входа в «Святая святых». Вместе с тем даже в базилианских алтарных преградах, условно сопоставимых с православными, как правило, воспроизводилась иконографическая программа, свойственная католическим алтарям, но не иконостасам (Полоцк, Березвечье). Впрочем, этот вопрос требует дополнительных исследований.

Метафорическая и мистическая связь между порталом-фасадом и главным алтарем храма в строительной деятельности базилиан проявляется как иконографическое подобие, условное, но все же узнаваемое сходство архитектуры главного фасада и алтаря. Причем указанное свойство архитектуры

269 Схема планировки базилианских монастырей. Аналитические таблицы автора.

1) Жировицкий Успенский.
2) Минский Свято-Духовский.
3) Ружанский Петропавловский.
4) Борунский Рождества Богородицы.
5) Петропавловский в комплексе с Николаевским собором. г. Бресте
6) Оршанский Покровский.
7) Витебский Успенский.
8) Березвецкий Рождества Богородицы.
9) Полоцкие мужской и женский при Софийском соборе

ордена базилиан становится заметным уже в бесстолпных бескупольных храмах XVII в., украшенных так называемыми «брамными» фасадами, а затем с новой силой раскрывается в памятниках «виленского барокко». Объяснением названного явления отчасти может служить распространенная практика поручения разработки проектов фасадов мастерам, в равной степени искусным в архитектуре, резьбе, скульптуре (Л. Гринцевич, Я.В. Дидерштейн).

История основания многих базилианских монастырей и, как следствие, некоторые особенности иконографической программы алтарных комплексов, были связаны с культом поклонения чудотворному образу Богородицы, почитаемому христианами разных вероисповеданий и обрядов. Здесь можно видеть область некоего единения религиозного, духовного сознания народа, хотя такое единение в церковной литературе трактуется по-своему. В частности, униаты в отдельных случаях допускали отступления от утвержденного католической традицией церковного обряда: «Лучшее средство, чтобы сохранить католический дух взаимообщения между различными обрядами, — Пресвятая Евхаристия. Перед присутствующим в Евхаристии любящим Спасителя должны исчезнуть все обрядовые перегородки. Пусть католики одного обряда подчас причащаются в храмах другого обряда. Искренне детское почитание Пресвятой Богородицы тоже необходимо как для здоровой духовной жизни вообще, так и в частности для поддержания католической братской любви между католиками различных обрядов»[173].

Базилианские монастыри, как правило, возводились на основе одного храма. Исключение составляли древние православные Жировицкий, Пустынский и Онуфриевский монастыри, сложившиеся задолго до Брестской унии. В дополнение к собору на монастырском дворе иногда возводилась отдельно стоящая часовня (Бытень, Браслав, Успенский мужской в Витебске). Памятники монастырского зодчества базилиан позволяют говорить о разнообразии используемых решений в планировке и градостроительной композиции комплекса. Здесь можно найти примеры отдельно стоящих храмов, напоминающих о кафоликоне, но, как правило, занимающих эксцентрическое положение на участке монастырского двора (Брест, Тадулин, Браслав, Толочин). Широкое распространение получили эксцентрические композиционные решения, в которых компактный блок костел-кляштор составлял единое монолитное целое, и по правилам искусства Контрреформации своим лицевым фасадом он раскрывался на площади и улицы поселения (Минск, Жировичи, Березвечье, Орша, Полоцк, оба монастыря в Витебске). В загородных монастырских комплексах чаще всего соблюдалась восточная ориентация алтарной части храма, в городских монастырях допускалась свободная ориентация храма по сторонам света.

Заключение

Существуют два полярных мнения по вопросу об обособленном или взаимосвязанном развитии разноконфессиональных традиций в культуре белорусских, литовских и украинских земель в период их вхождения в состав Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Первое сводится к тому, что культура православных и культура католиков сосуществовали и функционировали в рамках народной культуры. Другое суждение основывается на том, что на землях Речи Посполитой существовала и функционировала автономная культура православная. (В качестве подтверждения данного тезиса обычно приводится факт сохранения византийско-славянской гимнографии.) Проделанная работа, на основе анализа историко-архитектурного материала, позволяет сформулировать свой вариант ответа на вопрос о развитии в пределах Беларуси одной культуры или двух, синтезировавших восточные и западные христианские традиции.

Главными выводами книги является определение процесса развития духовной, интеллектуальной и художественной культуры как двусторонней системы, в которой при разнонаправленных поисках синтеза форм западного и восточного церковного и светского искусства неизменяемой составляющей остаются базовые, фундаментальные канонические принципы и качества архитектурной организации монастыря и храма. Архитектуре обеих конфессий свойственны нюансные отличия, в значительной мере неотрефлексированные в текстах. В более развернутой форме данные выводы раскрывают конкретные аспекты решения поставленных проблем идентичности монастырского зодчества различных конфессий, выявления национального своеобразия культуры Беларуси.

1. Архитектурные формы храма и монастыря, детерминированные богословскими учениями церкви, богослужебными правилами, положениями монастырских уставов

Фундаментальные богословские расхождения византийской и римской церквей заключаются в разночтениях Символа Веры. Отсюда различия духовного состояния молящегося в храме: стремление «представить образ Домостроительства спасения», созерцание невидимого — в византийской церкви; активное действенное движение к благочестию — в римской церкви.

В восточной православной христианской культуре важнейшим направлением развертывания символов храма является вертикаль. В западно-христианской традиции особое значение приобретает горизонтальная направленность развертывания системы символов храма. Принципиальное различие векторных направлений движения формы, направления развертывания символов, обозначенных как «вертикаль» и «горизонталь», собственно, являются фундаментальными понятиями архитектурного построения храма, и в разной степени они получают отражение в архитектуре каждого храма. Поэтому в дальнейшем речь может идти только об определенном соотношении вертикальной и горизонтальной динамики в композиции архитектурного произведения.

Теперь о литургических различиях и их влиянии на архитектурно-пространственную организацию и внутреннее убранство храма. В православной церкви литургия на одном престоле в течение дня может совершаться только один раз и литургическая служба происходит в утренние часы. По правилам византийской церкви храм обращен алтарем на восток, и во время литургии наиболее освещенным местом всегда является алтарь. В католической церкви алтарная часть храма зачастую имеет произвольную, в том числе и западную ориентацию, храм не имеет иконостаса и содержит два, три и более открытых престола — алтаря (altaria), устроенных непосредственно в пресбитерии, боковых капеллах, иногда возле опорных столбов. Следуя порядку литургии, которая в костелах осуществляется в любое время дня, архитектура естественного света в католическом храме не приобретает той регулирующей силы, как в православной богослужении. Отделение, закрытие алтаря от остального храма алтарной преградой и завесами (получившее распространение в XI в. при поддержке в монашеской среде), а также осуществление во время литургии входов, наделяют центр православного храма особой сакральной значимостью. Центральное, образуемое в месте средокрестия пространство в соборных храмах завершается куполом, или, как принято в клетских храмах, условное место средокрестия извне всегда обозначено главой с крестом. В пространственной организации католического храма выделение центра характерно для купольных храмов, однако соподчинение окружающих пространств центральному не имеет такой целенаправленной доминирующей роли, как это принято в православных церквах. В большинстве базиликальных бескупольных костелов центральному пространству не придается особого значения, а извне храма кресты устанавливаются по преимуществу над местоположением главного алтаря в пресбитерии и над главным порталом. В результате подчеркивается осевая, горизонтальная направляющая структуры храма. По-своему отражались в архитектуре монастырей и храмов черты и формы частной литургии (личного благочестия). В костелах по частному заказу устраивались встроенные и пристроенные, в иных случаях сооружались отдельно стоящие капеллы (каплицы) со своими престолами. Существует мнение, что повышение роли частной ли-

тургии в православной церкви свое косвенное выражение получило посредством утверждения высокого многоярусного иконостаса. Необходимо отметить только, что в монастырских храмах (в отличие от храмов вотчинных, нередко посвящавшихся по желанию ктиторов тезоименитым святым) фактически не встречаются частные посвящения престолов отдельных приделов. В то же время посвящение престолов тезоименитым святым, небесным заступникам донатора и его семьи получило самое широкое распространение в монастырях доминиканцев, бернардинцев, кармелитов Беларуси.

Далее перейдем к символическим толкованиям, одновременно приложимым как к храму, так и к монастырю. Православный церковный канон предоставлял возможность для свободного воплощения мифологического образа. В восточно-христианской интерпретации образ — в частности, образ Небесного Иерусалима, приложим и к храму, и к монастырю, он трактуется иносказательно, но не как иллюстрация конкретного текста или события Священного Писания. Отличительной чертой православного монастыря является включение в его комплекс не одного, а нескольких храмов. Образ Небесного града несут собор, система храмов монастыря, весь комплекс сооружений монастыря как единое целое. Очевидно, существует также определенная зависимость между увеличением числа алтарей католического храма и приращением, сосредоточением в границах православного монастырского комплекса нескольких храмов, решающих задачи увеличения числа престолов монастыря.

Западно-христианская традиция символическими чертами Небесного града наделяла не монастырский комплекс в целом, а по преимуществу его главный сакральный объект — храм. На самом деле, храм и кляштор (от польского «klasztor» — наименование системы корпусов для исполнения монашеских обетов) всегда упоминаются отдельно, обособленно. Функционально храм неотъемлем от монастыря, а пространственно еще более тесно связан с ним, нежели в восточной церкви. В то же время костел может рассматриваться как независимая структура, более открытая к общественной, реальной жизни. То есть храм условно, в большей степени мирянами, мысленно воспринимается вне системы корпусов католического монастыря. В описях и инвентарях XVIII — начала XIX в. чаще всего именно слова «монастырь» и «кляштор» употребляются как синонимы, а «костел» и «кляштор» обозначают самостоятельные сооружения.

Теперь о монастырском уставе, оказавшем влияние на традиции архитектурной организации монастырского комплекса. Фундаментальным и общим для церквей являлся принцип замкнутости монастыря, цель которого — подобие ангельской жизни, идеальный порядок, в реальной жизни недостижимый. Расхождение уставов, закрепившееся в типиконах XI—XII вв., специалисты связывают с освобождением монахов-католиков от сельскохозяйственных работ, что привело к относительному социальному, профессиональному и иму-

щественному расслоению членов общины. В то же время уставом православного общежительного монастыря закреплялось и сохранялось единство духовной жизни и быта, принципиальное социальное и имущественное равенство братии.

В православных монастырях выкристаллизовалась единообразная форма жизни общины, в католических монастырях — множество форм на основе законов различных орденов, индивидуальных форм монашеских движений, оказавших влияние и на традиционалистский характер архитектуры отдельных орденов.

Детерминированные указанными условиями архитектурные формы храма и монастыря в данной книге рассматриваются с учетом двух аспектов: 1 — исходя из фундаментальных и общеисторических различий западной и восточной христианских церквей; 2 — с учетом национальной и региональной специфики, связанной с конкретно-историческими условиями распространения монастырского строительства в крае.

2. Изменяемые, общие и особенные черты архитектуры православных и инославных монастырей, связанные с условиями исторического и художественного развития зодчества края

Определенная сопоставимость восприятия по отношению к православию и католицизму в действительности существовали в народной культуре. Для начала можно отметить моменты, только косвенно связанные с архитектурой. Наиболее наглядным примером служит обычай почитания чудотворных икон, равно распространенный в византийской и римской церквах, «частное поклонение» или усиление личного благочестия. Другими формами проявления такого дуализма можно назвать распространение православными и католиками своих, отличных друг от друга легенд и притчей, связанных с монастырем и его святынями; единение в христианские праздники людей различных обрядов и вероисповеданий, общее их участие в богослужении в храме, где хранится всеми почитаемый святой образ. В народном сознании определенными признаками конвергенции могли восприниматься и восприниматься такие элементы сходства архитектуры католиков и православных, как концентрическая композиция монастырей бенедиктинцев, возведение над их храмами центральной главы и установка в интерьере похожей на иконостас алтарной преграды.

Взаимодействие христианских культур осуществлялось не только в народной стихии, а также и на уровне профессиональной деятельности, посредством привнесения архитектором собственного индивидуального творческого начала, привлечения элементов светской культуры. Упоминается о работах одних и тех же архитекторов по заказам православных и инославных монастырей. Среди них протестант Иоган (Ян) Глаубитц из Вильны, православный Андрей Кромер из Германии, католик Езеф Фонтана из Варшавы,

художники, белорусы братья Тарасевичи и др. (Неизвестны только примеры строительства православных монастырей мастерами католического вероисповедания.)

Подтверждением тезиса о конвергенции разноконфессиональной церковной культуры служат разрозненные факты пересечения восприятия образа православного и инославного храма. Среди них центрическая композиция внешних форм бенедиктинских костелов, алтарная преграда базилианских храмов. Указанное единство, однако, проявлялось только до строго определенных границ. Такими границами выступала область художественно-стилистических решений внешних форм культового сооружения. Скажем, бесспорное, подмеченное Н. Щекотихиным, сходство внешних форм бернардинских костелов и православных храмов XVI в. читается совершенно иначе при сопоставлении планов сооружений. Внешнее единство между тем не стирало различия в планировочно-пространственной организации монастыря, системе внутреннего убранства церковного здания, отвечавших правилам западной и восточной церкви, утвердившимся в XI–XIV вв.

Другим примером художественного единства форм церковной архитектуры является распространение в Беларуси и на Украине простейшего типа бесстолпного зального храма, к которым относятся доминиканский Свято-Духовский костел в Гродно и базилианский Свято-Духовский собора в Минске, православный Благовещенский собор в Друе. Здесь конфессиональные различия, начиная с XVII в., проявлялись в пропорциях построения плана и соответственно различной трактовке соотношения вертикальной и горизонтальной динамики.

Наконец, даже внедрение базиликальной структуры в практику православного соборного строительства XVII в. удержало архитектуру православных в рамках собственных древневизантийских традиций, что получило отражение в отображении образа храма, изначально присущего восточной церкви.

3. Фундаментальные отличительные и неизменяемые черты архитектуры православных и инославных монастырей как основа специфики развития церковного искусства края

Необоснованными представляются попытки определять специфику искусства западнорусской православной церкви, начиная с XV в. воспринимавшей веяния западной художественной культуры, как проявление конфессиональной индифферентности, религиозного безразличия. Напротив, условия конфессионального противостояния в крае позволили сформировать новый тип архитектуры православного собора, на протяжении 1630–1780-х гг. ставшего основным в строительной практике братских монастырей Беларуси, Литвы и Украины, а также оказавшего влияние на церковное зодчество России того времени.

Существуют определенные различия в тенденциях развития внешнего оформления храма западной и восточной церквей. В католическом храме ча-

сто превалирует главный фасад и портал входа, декоративное оформление которых порой не уступает внутреннему убранству костела. Оформлению нартекса предпосланы наиболее эффектные архитектурные формы и приемы декоративной обработки стены, нередко украшенной круглой скульптурой, в то время как другие фасады храма могут иметь весьма скромный декор, а на алтарном фасаде декор, случается, и вовсе отсутствует. Восточный, алтарный фасад православного храма завершается полукруглой апсидой, которая фокусирует свет и позволяет создать наполненную множеством эффектов архитектуру естественного освещения алтаря, Святая Святых во время утренней литургии. В архитектуре костела часто допускается оформление алтарного фасада прямо сведенной стеной.

Особенно отчетливо горизонтальная ось костела выявлена в построении внутреннего пространства. На концах этой оси, уравновешивая друг друга, выделяются два кульминационных пункта. На каждом из них устроены свои художественные и световые акценты — максимально освещенный, особенно во время литургии, помещенный в пресбитерии главный алтарь и, с противоположной стороны, в верхней части — хоры с органом. Орган получает архитектурные формы, созвучные алтарным композициям. Здесь, перед выходом в нартекс или притвор, дополнительно дифференцирован и ярко выражен контраст «верха» и «низа» как света и мрака (тьмы). В них как бы получает выражение энергия (надежда), которая дается литургией костела. Главная горизонталь в организации внутреннего пространства усложнена системой ответвлений, связанных с устройством боковых каплиц с их пониженными по высоте пространствами, но всегда возвращает к главному организующему началу линии оси центрального нефа, еще более подчеркнутой коридором прохода между лавками для молящихся. Вертикальная динамика свойственна по преимуществу устремленным вверх формам алтарей, органа, главного фасада. В западную церковь употребление органа при совершении литургии прочно вошло в XVI в., восточная церковь не позволяла употреблять никаких музыкальных инструментов.

В православном храме образы восточной и западной стены контрастно противопоставлены друг другу. Богато убранному образами, блистающему серебром и позолотой иконостасу, который представляет собой «напоминание о горнем первообразе» во всей доступной верующему полноте, противостоит западная, чаще всего темная стена, расписанная сценами «Страстей Христовых» (в русских храмах — «Страшного суда»).

Во внешнем оформлении православного храма декоративные пояса и другие элементы украшения стены чаще всего распространяются на все четыре фасада храма, тем самым утверждается значимость каждого из них. Это свойство церковного здания особенно отчетливо читается в процессе кругового обхода сооружения или при восприятии его в панораме, извне, фактически из любой произвольно выбранной точки обзора. Входящие в обряд православного богослужения крестные ходы вокруг храма неразрывны с сохранением традиции отдельно стоящего культового сооружения и закономерно, что внешний объем храма по своим свойствам становится подобен «круглой», «скульптурной», равносторонней форме. Здесь можно заметить, что православный храм в определенном смысле наследует идеальной круглой форме раннехристианского храма, редкими сохранившимися примерами которого являются знаменитые Ротонда Воскресения в Иерусалиме (IV в.), Санто Стефано Ротондо в Риме (467–483), причем последний католической церковью трактуется как образное воплощение Небесного Иерусалима.

Обобщая сказанное, можно определить отличительные черты монастырей православной и католической церкви как многосторонность и односторонность внешнего объема (многофасадность и однофасадность), принципиальные несопоставимость и сопоставимость внешнего и внутреннего убранства храма. Данные черты оставались присущи архитектуре монастырей Беларуси на протяжении Средневековья и Нового времени.

Самой неподвижной и неизменяемой основой монастырей обеих конфессий оставалась архитектурно-планировочная организация всего комплекса. В православном строительстве осуществлялось синтетическое соединение локальных пространственных структурных элементов в концентрическое целое (полем богослужебного действия является область сосредоточения нескольких храмов). В католическом строительстве проводилось некое более рациональное действие — присоединение, пристраивание друг к другу различных по сакральной значимости и функциональному назначению пространственных протяженных структур (полем богослужебного действия является храм как место сосредоточения престолов).

Различия заключались в интегрированном и дифференцированном построении пространства монастыря. Указанные различия отчетливо читаются во внешнем облике монастырей, в особенности при панорамном обозрении памятников.

4. Общие закономерности монастырского зодчества Беларуси и особенности временнóго развития архитектурной формы монастыря и храма

Строгое соблюдение устоявшихся различий канонического характера, даже в условиях конвергенции художественного прочтения образа, обеспечило стабильность, фактически неизменяемость основных принципов архитектурной и градостроительной организации монастырей и храмов края.

Можно говорить об относительной динамике развития формы, более подвижной в храмах и замедленной в планировочной композиции монастырей. Однако и в том и в другом случае необходимо отметить консерватизм и запаздывание развития архитектурной формы. Среди костелов, состоящих при католических монастырях, среди соборов и церквей православных обителей, базилианских монастырей до начала XIX в. незыблемой стилистической основой оставались чаще всего несколько переработанные на местный лад спо-

койные ренессансные формы, наполненные открытой и приглушенной экспрессией архитектуры барокко, маньеризм и романика. Для базилианских храмов на последнем этапе заметным становится даже некое отступление назад, движение вспять, к характерным в древности простейшим планировочным и архитектурно-объемным решениям.

Монастырское и связанное с ним храмовое строительство Беларуси, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, до начала XIX в. характеризуется своими специфическими закономерностями развития. Они заключались, прежде всего, в асинхронном стилистическом развитии по отношению к современной гражданской архитектуре и архитектуре приходских храмов края, по отношению к церковному строительству соседних России и Польши. Архитектура классицизма привносилась в практику монастырского зодчества края фактически только тогда, когда инициатором и официальным исполнителем проекта выступали синодальные власти, согласно общим регламентам храмостроительства Российской империи. Монастырское зодчество Беларуси имело замедленный ритм движения, его отличало принципиально иное, протяженное (продолженное) время, словно «длинное дыхание».

Итак, проделанная работа позволила выявить во многом обособленный характер развития монастырского зодчества края в системе художественно-стилистической эволюции архитектуры и искусства Нового времени. Отмечены фундаментальные и неизменяемые отличия, а также обозначены области возможной конвергенции архитектурного построения монастыря и храма, исходя из опыта взаимодействия восточных и западных традиций в культуре Беларуси.

Приложение

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

1 Апостольское послание «Свет востока» — «Orientale lumen» его святейшества Папы Иоанна Павла II к епископам, клиру и верующим по случаю столетия апостольского послания «ORIENTALIUM DIGNITAS» Папы Льва XIII // Вопросы философии. М., 1996. № 4. С. 54 – 55.

2 Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. Москва, 1995; Косцова А.С., Побединская А.Г. Русские иконы XVI – начала XX века с изображением монастырей и их основателей: Каталог выставки. СПб., 1996; Русские монастыри: Центральная часть России. Из серии «Монастыри мира». М., 1995; Русские монастыри: Искусство и традиции. Россия — Германия — Италия, 1997.

3 Среди монографических источников последнего времени можно назвать книги: Abbazie e monasteri d'Italia: Viaggio nei luoghi della fede, dell'arte e della cultura. Tourin Editore s.r.l., Milano, 1996; Cistersian abbeys: History and architecture. Photography by Herni Gaud. Text by Jean-Francois Leroux-Dhuys. Paris, 1998; Grabar A. Byzance: L'art byzantin du moyen age (du VIII au XV siecle). Paris, 1963; Krautheimer R. Earty Cristian and Byzantine Architecture. 1986; Taralon, Jean. La France des abbayes. Paris, 1979; Schutz, Berchard. Muller, Wolfgang. Deutsche Romanik: Die Kirchenbauten der Keiser, Bischofe und Kloster. Freiburg, 1989; Evans, Joan. Monastic architecture in Franse. From the Renessance tothe rewolution. London — New York, 1964.

4 По мнению В.Н. Лазарева, в середине XIV в. «восточное христианство навсегда закрыло себе путь к тому религиозному индивидуализму, который был обретен итальянскими еретическими движениями и Реформацией. В политическом отношении победа исихастов означала победу монашеской партии над светской... (исихазм) не принес обновления религиозной жизни, а лишь способствовал окончательному закреплению старых догматических положений»: Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 167.

5 Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры. Т. 1. Мінск, 1968. С. 103.

6 Уния в документах. Сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. Минск, 1997.

7 Wyczawski H.E. Rzymskie wydawnictwozrodel do dziejow Cerkwi Unickie w Polsce // Studia Theologica Varsaviensia. T.XIX. 1981. 1981. Nr. 2. S. 317 – 318.

8 Mironowicz, Antoni. Podlaskie osrodki i organizacje prawoslawne w XVI i XVII wieku. Bialystok, 1991.

9 Senyk, Sophia. Women's Monasteries in Ukraine and Belorussia to the period of suppressions. Roma, 1983.

10 Бусева-Давыдова И.Л. Монастырские комплексы // Древнерусское градостроительство X – XV веков. Под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1993. С. 291 – 310.

11 Рябушина И.А. К вопросу о композиции русских монастырей XV – XVII вв. // Архитектурное наследство. № 24. М., 1986. С. 194 – 196.

12 Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве европейской части Русского Севера: Реконструкция, пространственно-композиционная организация и восприятие. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. доктора архитектуры. Л., 1984. С. 27, 35.

13 Конон В.М. От ренессанса к классицизму (Становление эстетической мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв.). Минск, 1978.

14 Бычков В.В. Духовно-эстетические основы русской иконы. М., 1995. С. 45, 46, 47.

15 Бусева-Давыдова И.Л. Литургические толкования и представления о символике храма в Древней Руси // Восточнохристианский храм: Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 201.

16 Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада: Принципы и методы. М., 1999. С. 109.

17 Лидов А.М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. Составители А. Баталов, А. Лидов. М., 1994.

18 Успенский Л.А. На путях к единству? // Философия русского религиозного искусства XVI–XIX вв. Вып. 1. М., 1993. С. 364.

19 Там же. С. 363.

20 Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 420.

21 Безансон А. Искусство и христианство // Русская мысль. № 4275 — 24–30 июня 1999. С. 20.

22 Безансон А. Искусство и христианство // Русская мысль. № 4276 — 1–7 июля 1999. С. 19.

23 Щенков А.С., Вятчанина Т.Н. Об иконографии и тектонике православного храма (Опыт содержательной интерпретации архитектурных форм). М., 1996. С. 10

24 Бобровницкий П.В. О происхождении и составе римско-католической литургии и отличия ея от нашей. Киев, 1855. С. 59–60.

25 Там же. С. 66.

26 Каждан А.П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа. // Византийский временник. М., 1971. С.48–50, 53–68.

27 Физический труд продолжал оставаться обязанностью монахов, тогда как на Западе уже Бенедикт Анианский на рубеже VIII и IX веков освободил монахов от сельскохозяйственных работ, а клюнийцы еще последовательнее отвергали ручной труд. «Избрание «Божьим судом» — по жребию. При отсутствии единодушия устав Пандократора рекомендовал не выборы большинством, а жеребьевку: после молитвы имена кандидатов заносились на три листа». См. кн.: Каждан А.П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа. С.66.

28 Такой прием построения материала, в частности, использован в монографии Д.Эванс, посвященной архитектуре монастырей Франции. См.: Evans, Joan. Monastic architecture in Franse.

ГЛАВА I

1 Пятницкий И. Очерк истории Киевской митрополии в период времени отдельного ее существования от митрополии московской (1459–1686). Могилев, 1891. С. 18. Полоцкие иерархи и церкви начиная с XII в.: Мина (1105–1116), был выходцем из Киево-Печерского монастыря), Илия (около 1123), Косьма (с 1143), Дионисий († 1183), Николай Гречин (с 1183), Владимир (около 1218), Алексий (около 1231), Симеон Новгородец (около 1274), Иаков (около 1300), Григорий (около 1331), Адриан (около 1390), Феодосий (хиротонисован в 1392, был в числе членов собора в Новогрудке, избравшего и посвятившего Григория Цимблака на Киевскую митрополию, причем он уже носит сан архиепископа Полоцкого), Симеон «старой» (около 1456), Каллист (1458–1459), Симеон «другий» (до 1481), Иона Глезна (до 1488), Лука «владыка Полоцкий и Витебский (1488–1503). Перечень полоцких иерархов приведен по книгам: Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. Т. 1. Вып. 1. Могилев, 1902. С. 1, 18; Сапунов А.П. Витебская старина. Витебск, 1883. С.518–522.

2 Каждан А.П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа С. 54–55.

3 Там же. С. 60.

4 Abbazie e monasteri d'Italia. S. 180.

5 Petrovic, Zoran. Monasteries of Mount Athos. University of Pristina. 1996.

6 Лидов А.М. Иконостас: итоги и перспективы исследования. Иконостас. Происхождение — развитие — символика: Международный симпозиум. Тезисы докладов. М., 1996. С. 11.

7 Миловидов А.И. О положении православия и русской народности в Пинском удельном княжестве и городе Пинске до 1703 г. М., 1894. С. 28.

8 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. V. С. 181.

9 Там же. С. 181–182; Каргер М.К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. 1965. № 1000. С. 131, 136; Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XI вв.: Каталог памятников. Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. Е1–47. Л., 1982. С. 105.

10 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. V. С. 180.

11 Там же. С. 84–85, 180–181.

12 Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 12–13; Миловидов А.И. О положении православных и русской народности. С. 27, 29.

13 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 79–80.

14 Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877. С. 506.

15 Сапунов А.П. Витебская старина. Витебск, 1888. С. 40.

16 Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПб., 1855. С. 105.

17 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 2. СПб., 1907. №1213.

18 Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях в России. М., 1852. С. 24.

19 Хозеров И.М. Белорусское и Смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск, 1994. С. 67.

20 Воронин Н.Н. Бельчицкие руины. // Архитектурное наследство. М. 1956, № 6. С. 18.

21 Там же. С. 18–19.

22 Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XI вв. С. 98.

23 Воронин Н.Н. Бельчицкие руины. С. 4.

24 Хозеров И.М. Белорусское и Смоленское зодчество. С. 74.

25 Там же. С. 77–78.

26 «Позднее монастырские владения долгое время оставались предметом спора между ктиторами и полоцкими униатскими архиепископами, разрешившегося только в итоге передачи монастыря униатам. На протяжении 1597–1620 гг. униатские архиереи под предлогом неисполнения патронами монастыря обязанности содержать в исправности монастырские строения вели с ними тяжбу за владение фундушевыми имениями. Патронами монастыря были помещики Корсаки, Соломерецкие, Жижкевичи и жены последних, урожденные Корсаки. В 1619 г. суд присудил эти имения и дополнительно 30 тыс. злотых с Корсаков базилианам, 4 февраля 1620 г. архиепископ Иосафат Кунцевич ввел монастырь непосредственно во владение этими имениями. Местечко Бельчица было переименовано в Кабак»: Сапунов А.П. Архив Полоцкой духовной консистории. М., 1898. С. 94–95.

27 Сапунов А.П. Архив Полоцкой духовной консистории. С. 86.

28 «В принадлежавших монастырю имениях насчитывалось 401 душ мужского и 353 душ женского пола. Фундовой доход составлял 5075 литовских золотых и 25 грошей. В монастыре содержалась епархиальная школка, в которой учитель Стефан Осовский обучал русскому и польскому языкам, арифметике, письму. В конвикте содержалось пять человек с гувернерами французского и немецкого языков»: Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 2. СПб., 1907. С. 620–621; Говор-

ский А.К. Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря // Вестник Западной России, ноябрь 1864 г.; Денисов Л.И. Православные монастыри. 1908. С. 70.

29 Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях в России. М., 1852. С. 29.

30 Алексеев Л.В., Макарова Т.Н., Кузьмич Н.П. Крест — хранитель всея Вселенная. Минск, 1996.

31 Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XI вв. С. 96–98.

32 Хозеров И.М. Белорусское и Смоленское зодчество. С. 52–53.

33 Сапунов А.П. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии: С рисунками в тексте и 25 отд. Приложениями. Витебск, 1903. С. 7.

34 Там же. С. 13–14; Каргер М.К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке // Советская археология. М., 1977. № 1. С. 245, рис. 5.

35 Сапунов А.П. Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой. Витебск, 1888. С. 42.

36 Крест преп. Евфросинии хранился в Софийском соборе, в 1841 г. торжественно был перенесен в церковь св. Спаса и положен в правой от входа келье, что на хорах, где спасалась преп. Евфросиния. См.: Зорин Н. Минувшее и настоящее города Полоцка (К торжеству перенесения мощей преп. Евфросинии из Киева в Полоцк): Краткий исторический очерк. Полоцк, 1910.

Часть монастырских средств выделялась на содержание при монастыре училища для дочерей священно- и церковнослужителей, а также светских лиц. Программа шестилетнего обучения приближалась к программе женских епархиальных училищ. Число учащихся в 1897 г. достигало 117 человек. Успешно закончившие училище воспитанницы
получали права учительниц церковно-приходских школ. При монастыре имелась церковно-приходская школа для приходящих мальчиков и девочек. См: Сапунов А.П. Памятники времен древних. С. 8–12; Альбицкий В. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь: Краткий исторический очерк. Витебск, 1897. С. 10.

37 Алексеев Л.В., Макарова Т.И., Кузьмин Н.П. Крест — хранитель всея Вселенная. С. 13.

38 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. V. С. 10–11.

39 Там же.

40 Другой настоятель монастыря — старший иеромонах Фелодосия Зненевич (1753). См.: Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. V. С. 9.

41 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. IX. С. 66–69; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений. С. 175.

42 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. II. С. 282.

43 Аникиевич К.Т. Сенненский уезд. Могилевская губерния. Могилев, 1907. С. 78, 86.

44 Виленский календарь на 1890 год. Вильна, 1889. С. 199; Сапунов А.П. Усвят (местечко Витебской губернии) со святынями его. Витебск, 1889.

45 По сохранившемуся в монастырских летописях преданию «Один из владетельных
князей Мстиславских (в котором должно видеть кн. Симеона)... сильно заболел глазами.
Ни тогдашняя современная медицина, ни простые, чисто народные средства — ничего не
принесло ему желаемой помощи. Закрылся свет очей князя, и душа его погрузилась
в мрак уныния. Единственным утешением, единственною отрадою его осталась только
теплая сердечная молитва. Долго молился он, прося небесной помощи, и молитва его была услышана. В одно время, когда скорбевший болящий погрузился в тихий сон, мысленным очам его предстал благообразный старец. «Если желаешь, — сказал ему явившийся, — прозреть, иди в пустынь и, умывшись водою из находящегося там источника,
получишь желаемое». Проснувшийся князь расспрашивал окружающих его людей о местонахождении названной ему в сновидении пустыни с источником, но не мог ни от кого
получить указания. Искренно желая исполнить завет являвшегося ему в сновидении
старца, князь продолжал свои расспросы. И вот нашелся один древний, весьма почтенный старец. «Я знаю, — сказал он князю, — я знаю это место и охотно провожу тебя туда, князь мой». В сопровождении этого старика князь достиг того места, где ныне в обители струится чистый родник ключевой воды. С глубокою верою и сердечной молитвою,
сопровождаемый искренними слезами, омыл великородный князь свои потемневшие
очи. И — о, чудо! — слепота мгновенно исчезла, глазам его открылся во всем чудном блеске свет прекрасного Божьего дня... Исцеление сопровождалось и другим поразительным чудом: в ветвях тенистого липового дерева, находившегося над источником, благодатным светом сияла икона Богоматери. Приписывая свое чудесное исцеление милости
Богоматери, а дивно-целебные свойства воды благодатному осенению явившейся ему Ея
иконы, благодарный князь приказал соорудить на этом месте часовню, а затем, взойдя на
гору, возвышающуюся над источником и обозревая расстилавшиеся перед его просветленными очами леса, он решил создать здесь иноческую обитель, как достойный памятник явленного ему великого благодеяния. Намерение свое князь исполнил в скором времени, и на месте великого чуда возникла обитель Успенская Пустынская. Много
исцелений истекло от иконы Пречистой Девы, и в течение целого ряда веков привлекали
они сюда для поклонения Богопрославленной Святыне не только православных,
но и римско-католиков, и лютеран, приходивших сюда из ближних и отдаленных мест.
Самое место явления чудной иконы Владычицы в древних актах и грамотах называется
не иначе, как уделом «Св. Пречистой в Пустынках». «Дом Пресвятые Богородицы», честная Пустынская обитель славного Успения Ея, была особенно почитаема благочестивыми
людьми всех званий и состояний»: Пустынский Успенский монастырь Могилевской
епархии: Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 3–6.

Упоминаются настоятель Иосиф (1511), архимандрит Геннадий (1851–1853), игумен Анатолий (1860–1869), игумены дисненский Афанасий Глазко и друцкий Варфоломей Домоpацкий (1687): Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей. С. 507–508.

46 По перечню переходившего к ним имущества известно, что монастырю принадлежали 1) «три пустоши: одна Рацуковская обапол (по обе стороны) Бялковского рву при
ручье, названном «Плоская лужа», Шаховницею возле реки Вехры и Смолинова ручья
и обапол оного ж вверху Плоской лужи лежащая; другая Авдийковская и третья Измайловская, после Филимоновщизной прозванная, — обе пустоши после Сухой Осляны,
Левчаго ручья и Черной Осляны. И суполовством к реке Вехре прилежная между 100
уволоками и 80 моргами, в обрубе Завехарском лежачая. 2) Юриздика, или местечко,
на подгорьи Свято-Троицком-Никольском, и земля Хоминская при г. Мстиславль с принадлежностями лежащая на этих землях монастырем Пустынским, построенными большими ярмарки бровары, шинки, крамы и разные другие промыслы и коммерческие заведения. 3) Пляцы и Юриздики издревле Слободою званные в Здоровцу подле
г. Мстиславля под горою Свято-Троицко-Никольскою с принадлежностями лежащия.
4)...пляц Роговой, названный Никольским, прежде между улицею базарною, идя от крам
и школою жидовскою, а теперь по новому плану расположения улиц г. Мстиславля позади пляца монастыря ксендзов иезуитов лежащий. в) Пляц и Юриздики при могилках
Ильинских над р. Верхой. Лежащие, и г) Дворок Микулича в Здоровцу на монастырских
пляцах построенный. 5) Пляц Никольский в г. Мстиславль перед новым расположением
улиц на базарной улице против пляца Пустынского монастыря стекающийся с пляцами
г.г. Голынских после Зубов и Лопатинских лежачий» и др.: Пустынский Успенский монастырь Могилевской епархии. С. 11–12.

47 РГИА, Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 117, 1798 г. С. 33–34; Выражение глубокой благодарности
за участие в возобновлении Пустынской Успенской обители. СПб., 1870.

48 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. IX. С. 6.

49 Архиепископы Полоцкие и Витебские XVI в.: Евфимий (1504–1512), Симеон IV (около 1513–1515), Иосиф Русин (около 1516), Нафанаил (1524–1533), Мисаил (около 1533),
Симеон V (архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский, 1535–1549 или

1534–1545), Герман Литавор-Хребтович (архиепископ, владыка Полоцкий, Витебский
и Мстиславский, 1553–1558), Герасим (Глеб) Корсак (с 1558), Арсений Шишка (с 1562,
отправлен пленником в Москву).
Архиепископы Полоцкие и Велико-Луцкие (поставляемые в Москве): Трифон Ступишин
(1563–1566); Афанасий, кн. палецкий (1566–1568); Антоний (около 1577); Киприан
(в 1579 взят в плен королем Стефаном Баторием).
Архиепископы Полоцкие, Витебские и Мстиславские (назначаемые польским королем):
Варсанофий Валах (1563–1576); Феофан (Богдан) Рпинский (1576–1576); Афанасий Тер
лецкий, дядя еп. Луцкого Кирилла (1588–1592); Нафанаил Селицкий (1592–1595); Григо-
рий (Герман) Загорский, присутствовавший на Брестском соборе 1596 г. и подписавший
акт о принятии унии (с 1595).

50 Флеров И. Чтения о церковных Западных Русских братствах. М., 1862. С. 50.

51 Пятницкий И. Очерк истории Киевской митрополии в период времени отдельного
ее существования от митрополии московской (1459–1686). Могилев, 1891. С. 54–55.

52 Флеров И. Чтения о церковных Западных Русских братствах. С. 73.

53 Там же. С. 78.

54 Там же. С. 23.

55 Naumow, A. Unia religijna jako podzial kultuty // Unia Brzeska z perspektywy czterech
stuleci. Lublin, 1998. S.180.

56 Флиер А.Я. К вопросу об архитектуре зальных православных храмов начала XVI в.
в Белоруссии // АН, № 34. М., 1986. С. 158–165.

57 Голубев С. Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Киев, 1898. С. 11.

58 Lietuvos TSR. S. 237–238

59 Иодковский И.И. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси //
Труды комиссии по сохранению древних памятников. Т. 6. М., 1915. С. 253–300.

60 Виноградов А. Супрасльский Благовещенский монастырь. Вильна, 1900. С. 2–14; Ви-
ленский календарь на 1894 год. Вильна, 1983. С. 221.

61 Покрышкин П.П. Благовещенская церковь в Супрасльском монастыре. СПб., 1911.
С. 4–7; Рукописный отдел ЛОИА. Р-1, шифр № 5, те. № 95. Благовещенская церковь
в Супрасле. Обмеры П.П.Покрышкина.

62 Шчакаціхін М. Нарысы гісторыі беларускага мастацтва. Т.1. Мінск, 1928. С.
261–266.

63 Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 135–190. № 136.

64 Довгялло Д.И. Черейский монастырь // Могилевские губернские ведомости. Моги-
лев, 1900. № 31, с. 140; № 33, с. 14; № 35, с. 156–157; № 38, с. 108–109; № 39, с. 172; № 40,
с. 173–14.

65 Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей. С.507; Ратшин А. Полное
собрание исторических сведений. С.177; РО БАН Литвы. Р. 16–127. 1783 г.

66 Минская старина. Вып.V. Труды Минского Церковного Историко-Археологического
Комитета. (Слуцкий Тройчанский архив). Минск, 1913. С. 50, 144.

67 Слуцкий Тройчанский архив. С. 72–73, 75.

68 Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время. С.24; Описание церквей и при-
ходов Минской епархии. Вып. III. С. 8–9.

69 Слуцкий Тройчанский архив. С. 25, 29; Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей
монастырей. С. 547.

70 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. III. С. 9.

71 Там же. С. 9–10.

72 Иосиф, епископ. Коложская в городе Гродне церковь с бывшим при ней Борисо-
Глебским монастырем. Воронеж, 1899. С. 2–3.

73 Иосиф, епископ. Коложская в городе Гродне церковь. С.7; Живописная Россия.
Т. III, ч. 1–2. С. 188; В.Гр-нов. Коложская церковь в Гродне // Виленский календарь на

П.П. Семенов. Т. 1, вып. 4. СПб., С. 697; РГИА. Ф. 797, оп. 25, от 3 ст. 2 № 16. О реставра-
ции древнего здания Борисоглебской церкви в Гродно. 1856–1857 гг., 89 л.; РГИА.
Ф. 1293, оп. 76, № 234. О возобновлении церкви Борисоглебской, именуемой Коложской.
1864–1868 гг.

74 Богослужение по православному обряду в церкви было восстановлено в 1835 г., и по-
сле воссоединения униатов храм оставался единственным действующим православным
храмом в Гродно.
В 1854 г. Борисоглебский монастырь был переведен в здание монастыря бернардинок,
затем кармелитов, наконец, в 1894 г. снова в комплекс гродненского бернардинского
женского монастыря. Восстановление Каложской церкви закончилось в 1896 г., в резуль-
тате были внесены такие изменения, как восстановление только одной главы, роспись
стен фресками. В 1864 г. в правой алтарной части заменены силуэты Св. Троицы и в сре-
дине — крест Корсунской формы и др. Рядом с храмом была построена часовня.
См.: Иосиф, епископ. Коложская в городе Гродне церковь. С. 8–10, 74–95.

75 Археографический сборник документов к истории Северо-Западного края. Вилен-
ский учебный округ. Т. 9. 1870. С. 409–412.

76 Иосиф, епископ. Коложская в городе Гродне церковь. С. 96–98.

77 Е.Д. Квитницкая. Малоизвестные зальные сооружения Белоруссии конца XV–нача-
ла XVI в. // АН № 16. М., 1967. С. 3–7.

78 В 1839 г. костел был закрыт, и храм вновь передан православной церкви, в связи
с последними преобразованиями к западному фасаду был пристроен притвор и измене-
ны завершения башен. См: Гісторыя Беларускага мастацтва: Ад старажытных часоў да
другой половы XVI стагоддзя. Т. 1. Мінск, 1987. С. 163–164.

79 Нарбут А.Н. Генеалогия Белоруссии. Выпуск 2. (XVI–XVIII). М., 1994. С. 154, 160.

80 Е.Д. Квитницкая. Малоизвестные зальные сооружения Белоруссии конца XV–нача-
ла XVI в. С. 9.

81 Миловидов А.И. О положении православия и русской народности в Пинском удель-
ном княжестве и городе Пинске до 1703 г. М., 1894. С. 42–43, 50.

82 Лозицкий А.И. Пинск XVI столетия. Минск, 1994.

83 Архив Пинского Варваринского монастыря при архиве Минской Духовной Консис-
тории. Арх. Николая. Историческое описание Минской епископии. С. 34.

84 В 1842 г. все имущество поступило в казну, было назначено денежное содержание мо-
настыря и земельные, лесные угодья. В 1850 г. наряду с другими женскими обителями мо-
настырю по завещанию графини Анны Орловой-Чесменской, бывшей монахиней монас-
тыря, пожалованы 10 тыс.руб. Монастырь возобновлен настоятельницей Евфросинией
Тризнянкою в 1858 г. в зданиях бывшего бернардинского каменного монастыря, а в 1875 г.
переведен в Минск. См: Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VI. С. 5.

85 Миловидов А.И. О положении православия и русской народности в Пинском удель-
ном княжестве и городе Пинске до 1703 г. М., 1894. С. 48.

86 РО ГПБ. Картографические материалы. Ф. 342. № 226. План Пинска, б.д.

87 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VI. С. 5.

88 Миловидов А.И. О положении православия и русской народности. С. 46–47; Стро-
ев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей. С. 542.

89 Миловидов А.И. Пинский Богоявленский, бывший Братский монастырь (Из право-
славия на Полесье). Вильно, 1896; Миловидов А.И. Пинский Богоявленский монастырь //
Виленский календарь. Т. 14. С. 50, 194–195.

90 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VI. С. 58.

91 Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832). С подробным описа-
нием хода воссоединения западнорусских униатов с православною церковью
в 1794–1796 годах. СПб., 1893. С. 25, 50; Описание церквей и приходов Минской епар-
хии. Вып. I. С. 141–142.

92 Рункевич С.Г. История Минской архиепископии. С. 13; Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования православных монастырей в Российской империи. Т. 1. СПб., 1890. № 545.
93 Слуцкий Тройчанский архив. Минск, 1913. С. 140, 46.
94 Памятная книжка Виленской губернии за 1907 г. С. 30.
95 Слуцкий Тройчанский архив. С. 46.
96 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. III. С. 88.
97 Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии. Минск, 1848. С. 68–70, 259–260.
98 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып.VIII. С. 27–29.
99 Слуцкий Тройчанский архив. С. 12.
100 Там же. С. 7.
101 Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время. С. 20.
102 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VI. С.129–130.
103 Слуцкий Тройчанский архив. С. 46; Рункевич С.Г. История Минской архиепископии. С. 25; Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. III. С. 161–162.
104 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VI. С. 129–130.
105 Виленский календарь на 1893 г. Вильна, 1892. С. 189; Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 282.
106 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 2. СПб., 1907, № 70. С. 123–124.
107 Там же. С. 134–135.
108 Там же. С. 136.
109 Шчакаціхін М. Нарысы гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. С. 269.
110 Петр Могила (1596–1647) — сын господаря-воеводы волоцко-молдавского, начальное образование получил в частном аристократическом доме, а затем в Париже, служил в войсках гетмана Станислава Жолкевского, участвовал в походах под Хотином, затем принял монашеский постриг в Киевском Печерском монастыре.
111 Епископы Могилевские, Мстиславские и Оршанские: Иосиф Бобрикович Копет-Анехожский (1633–1635), Сильвестр I Коссов (1635–1647), Иосиф II Кононович-Горбацкий, ранее архимандрит Киевского Златоверхого Михайловского монастыря (1650–1653) и одновременно упоминается Игнатий Оксенович-Старушич (1650), Мефодий Филимонович (1661–1669) и одновременно московский патриарх назначает на кафедре другого иерарха — Каллист Дорофеевич-Риторайский (1657–1661), Иосиф III Нелюбович-Тукальский, архимандрит Лещинского монастыря, (1661–1669, в то же время митрополит Киевский 1663–1676), Феодосии Василевич (1669–1678), Серафион (Серапион) Полховский, из архимандритов витебского Маркова монастыря (1697–1704).
112 По мнению дореволюционных историков, вводимая П. Могилой система образования не повторяла в точности предшествующую, ранее принятую в братских школах и училищах. Изменения заключались во введении, по примеру западных учебных заведений, академической системы образования, подготавливавшей к научным богословским занятиям, ведению на должном уровне религиозной полемики с католиками и униатами. Причем некоторые элементы обучения и учебные предметы были заимствованы из практики иезуитских коллегий. «Внутреннее устройство коллегии было заимствовано из иезуитских коллегиумов. Курс наук был расширен до уровня высших школ; явилось деление классов на низшие (фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика и риторика) и высшие (философские и богословские); получил преобладание язык латинский; на нем читались лекции, на нем писались сочинения, на нем должны были и говорить воспитанники; введены были публичные философские и богословские диспуты. Начальствующими лицами в коллегии были: ректор, как главный начальник школы, префект, совмещавший в себе с обязанностями профессора и обязанности эконома, и суперинтендента,

в обязанности которого входило следить за поведением воспитанников; в помощь ему
выбирались лучшие из воспитанников, носившие имя сеньоров, цеозоров и визитаторов.
Позаимствовав от иезуитских школ только внешнюю форму, Петр Могила постарался
вложить в нее православное содержание, чтобы школа служила интересам православной
церкви. Первоначальная реакция недоверия к обновленной системе обучения потребо-
вала разъяснений, которые были изложены в специально подготовленном Сильвестром
Коссовым сочинении «Сказание, или Отчет о киевских школах». Главное отличие брат-
ских школ от иезуитских учебных заведений заключалось в том, что «братская педагоги-
ка устанавливала тесную связь школы с жизнью и обществом (проникнута семейными
отношениями). Школы братские являются чисто народными школами, в которых всякое
учреждение было родным и понятным для целого общества и отвечало насущным его по-
требностям», в то время как «соседняя педагогия иезуитских школ как бы намеренно за-
давалась целью порвать всякую связь школы с обществом, нисколько не заботясь о раз-
витии в своих воспитанниках национальных родных чувств, считая всеобщею для всего
человечества родиною Рим с его заветными преданиями». См: Пятницкий И. Очерк исто-
рии Киевской митрополии в период времени отдельного ее существования от митропо-
лии московской (1459–1686 гг.). Могилев, 1891. С. 60–61, 56.
113 Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время. С. 115–117, 176.
114 Пятницкий. И. Тупичевский монастырь. Могилевская епархия: Исторический очерк. Могилев-на-Днепре, 1989. С. 15.
115 Журдо Ф. Буйнический Свято-Духовский монастырь Могилевской епархии. Могилев-на-Днепре, 1904. С. 4, 134;
116 Белорусские иерархи в конце XVII–XVIII вв.: Серапион Полховский (1697–1704), Сильвестр II, кн. Святополк Четвертинский (1705–1728), администратор Каллист Заленский (1728–1732), Арсений I Берло (1724–1732), Иосиф Волчанский (1732–1742), Иероним Волчанский (1742–1754), Георгий Конисский (1755–1795).
117 «Август II, божьей милостью король польский... Епископа Белоруска, Мстиславска,
Оршанска, Могилевска с двумя кафедрами в Мстиславле Свентей Троицы, в Могилеве
Свентего Спаса, и вшиткими Церквами и цалем ксенстве Литовским до ней пшинадле-
жащими; особливе засъ Монастыры ведлуг фундушов, прав и прывилеевим даных Вилен-
ски Брацки Свентего Духа цум аттинентус его. Архимандрия Слуцка Св. Троицы з мона-
стырами Грабовским, Мороцким, Заблудовским, Старчицким и цалым Духовенствем
Капитулы Слуцкей и Ойцами Посельскеми при Церквях в княстве Слуцким и Копыль-
ским застаенцыми, Монастырь Кутеински, Оршански Зьявения Паньскего и с иными
Брацки Зьявеня Паньскего, Марковски Св. Троицы с церквами у воеводств Витебским
Буйницки Св. Духа, Тупичевски, Мстиславски Св. Духа, Брацки Полокци, Лелецки, Евей-
ски, Кейдански, Пшылуцки, Друйски, Пински, Соломерецки, Шкловски, Горецки, Брац-
ки Слуцкий, Кутеински Оршански, Баркалабовски, два Могилевския Брацки у Николь-
ски Мазаловски ... Козуциковски Дзенцеловски, Брески, Леблошынски, Борисовски,
Дзисенски, Невельски, Якубова, Кшыжборски, Вохорски, Грыневски, Терешковски —
также и паненьские: Виленски, Мински, Слуцки, и иные монастыри и церкви прочих во-
еводствах и поветах... подтверждаем Привилеи 1720 г.» — здесь приводится построчный
перевод с польского по книге: Слуцкий Тройчанский архив. Минск, 1913. С. 140–144.
118 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. V. С. 15. Иерархи Белорус-
ско-Могилевской епархии в конце XVIII–XIX вв.: Афанасий Вольховский (1795–1797),
Илларион Кондратковский (около 2-х месяцев, не успел даже приехать в Могилев), Анас-
тасий Братановский (1797–1806), Варлаам Шишацкий (1806–1813).
119 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 206.
120 Т-ч А. Виленский Свято-Духовский монастырь // Виленский календарь на 1892 год. Вильна, 1891. С. 141, 152–134.

121 Голубев С. Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Киев, 1898. С. 530.
122 Lietuvos TSR. S. 249–251.
123 Православные, по выходе из братских школ, нередко отправлялись для завершения своего образования в коллегии иноверные, где, в свою очередь, иногда невольно заражались ядом иноверия. (Выходцами иезуитских коллегиумов были такие иерархи православной церкви, как Мелетий Смотрицкий, закончивший братскую школу, а затем обучавшийся в виленской иезуитской коллегии и протестантских университетах за границей; Петр Могила получил образование вначале во львовском училище, а затем, вероятно, в заграничных университетах.) См.: Пятницкий И. Очерк истории Киевской митрополии. С. 60–61.
Мелетий Смотрицкий происходил из довольно знатного и состоятельного рода, имел широкое образование, отличался большими способностями и «необыкновенной восприимчивостью». В 1610 г. он возвратился из-за границы, где в протестантских странах завершал свое образование, «с горячим сочувствием пристал к православным, сперва в Минске, потом сближается с Виленским братством». Автор сочинения «Фринос» («Плач Восточной Церкви». В 1620 г. он изменил православию, в период гонений на церковь (после убийства Кунцевича) Смотрицкий бежал на Восток. В1626 г. возвратился в Киев, был принят сдержанно и получил в управление Дерманский монастырь. В то время Рутский так действовал на патрона этого монастыря, кн. Заславского, что тот предложил Мелетию непременным условием принять унию. Мелетий Смотрицкий стал переговаривать с православным митрополитом Иовом Борецким, Петром Могилой, готовившимся вступить в монашество, и др. Затем Смотрицкий поехал на собор в Киев (1628), но там уже были получены сочинения. Он бежал из Киева, в своих литературных произведениях еще яростнее нападал на православные братства. Высшая иерархия на Киевском соборе 1629 г. объявила, что не отвечает за то, что до нее начато мирянами (братствами), и постановила, чтобы впредь никто не печатал сочинения о вере без духовной цензуры. См: Флеров. И. Чтения о церковных Западных Русских братствах. С. 93,121, 123, 125–126.
124 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VI. С. 75–77; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений. С. 175; Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). С. 52; Миловидов А.И. О положении православия и русской народности. С. 47; Архиепископ Николай. Историкостатистическое описание Минской епархии. С. 150–152.
125 Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). С. 10, 22, 26.
126 Слуцкий Тройчанский архив. С. 24.
127 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VI. С. 61–62.
128 На содержание монастыря пожалованы 10 уволок земли населенной и 10 ненаселенной, 2 сенокоса в Брежной и Марковщине с правом пользоваться Моловидским лесом. Другие фундаторы: пожаловавшие монастырю 900 польских злотых Самуил и Клара Каминские; пожаловавший в 1766 г. сенокосных земель и 1050 серебряных рублей Михаил Домасловский; 1767 г. — 1600 злотых польских Казимир Малявский; 1777 г. — 1050 серебр. руб. Павел Макушицкий. См.: Хвалебников А. Минский Спасо-Преображенский первоклассный монастырь. Минск, 1899, С. 7–8.
129 РО БАН Литвы. Р. 16–127. С. 59.
130 Печерская церковь и подземный ход в оршанский Кутеинский монастырь // Наш край. № 2–3. Менск, 1925. С. 55; И.В. Оршанский Богоявленский Кутеинский монастырь, или Древняя Белорусская Лавра. Могилев-на-Днепре, 1912.
131 Романов. Французы в 1812 г. в Кутеинском Богоявленском монастыре, опись 10 июня 1812. С. 32–34.
132 Журдо Ф.А. Оршанский Богоявленский Кутеинский монастырь, именуемый Белорусская лавра. Могилев-на-Днепре. 1912; Павловский А. Оршанский Покровский монастырь. Нижний Новгород, 1908.

133 Ржевусский Л. Краткий исторический очерк Оршанского Кутеинского Женского монастыря. Орша, 1895; РО ЛОИА. Матрика Р-Ш № 3247. 1887 г.
134 Виленский календарь на 1891 г. Вильна, 1890. С. 191.
135 Там же.
136 Журдо Ф.А. История могилевского Богоявленского братства. Могилев, 1890. С. 53.
137 Там же. С. 54.
138 Там же. С. 159.
139 Голубев С. Петр Могила и его сподвижники. Т.1. Киев, 1898. С. 537.
140 «В 1604 году, по ходатайству униатского митрополита Ипатия Поцея, королевским указом, киевскому католическому бискупу отдана была целая часть Киево-Подола, где жили ближайшие братчики Богоявленской школы, который не приминул стеснить как братчиков, так и самую школу. Доминиканцы и иезуиты, соревнуясь друг с другом, заводили здесь свои школы, чтобы привести в упадок ненавистное им Богоявленское училище. К большему несчастью, пожар в 1614 году истребил и Богоявленскую школу и самое училище. Средств для возобновления и церкви и школы не было никаких, иезуиты, конечно, радовались такому беспомощному положению. В это время жена мозырского маршалка Степана Лозки, урожденная Гулевич, записью, явленною в актах киевского земского суда 1615 года, с согласия своего супруга, подарила и отказала в вечное владение наследственные свои имения, пользующиеся правами и вольностями дворянскими, под монастырь ставропигии патриаршеской, под школу детей как дворянских, так и мещанских и сверх того под гостиницу для странников духовных веры восточной кафолической церкви. Благородная благодетельница киевского училища в записи своей показала и причину, побудившую ее к такому пожертвованию: «живя, говорит она, постоянно в святой православной вере восточной церкви, пылая к ней набожною ревностию славы Божией, из любви и приверженности к братиям моим — городу русскому, для спасения души своей, я с давних времен умыслила сделать добро для Церкви Божией». Записью этой Гулевич отказывала собственный двор и землю в Киеве, находящиеся между известными границами (судя по границам, это есть то самое место, где ныне существует Киевская академия), со всеми к тому двору и земле относящимися угодиями и доходами. На основании сей дарственной немедленно приступлено было к постройке дома и училища с домовою церковью при нем». См.: Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. V. С. 12–14.
141 Асеев Ю.С. Стили в архитектуре Украины. Киев, 1989. С. 35.
142 Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 2. Вильно, 1867. С. 45.
143 ЦГИА РБ. № 760. Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. Т. 1. Вып. III. Могилев-на-Днепре, 1906. С. 52–120.
144 Журдо Ф.А. История могилевского Богоявленского братства. С. 58.
145 ИЮМ. Вып. 14. Витебск, 1883. С. 497–498.
146 ЦГИА РБ. № 760. Могилевская епархия. С. 161–166; Флиер А.Я. Николаевская церковь в Могилеве // АН. № 32. М., 1984. С. 98–102.
147 РГВИА. Ф. 418. оп.1, ед. хр. 602.
148 Руно Орошенное. Дмитрий Ростовский (Тупало Даниил Савич). Чернигов, тип. Троицко-Ильинского монастыря, 1691. Изображение на титульном листе.
149 Асеев Ю.С., Харламов В.А. Об архитектуре Успенского собора. С. 208–214; Логвин Н. До питания про первісний вигляд Успенського собору Києво-Печерького монастиря // Архітектурна спадщина України: Маловивчені проблеми історії архітектури та містобудування. Київ, 1994. С. 215–223.
150 Иоанн Златоуст. Беседы 14 Рпослании ап. Петра, типография Киево-Печерской лавры. Киев, 1623.
151 Алферова Г.В., Харламов В.А. Киев во второй половине XVII в. Киев, 1982.

152 Смирнов Л.И. Рисунки Киева 1651 года по копиям их конца XVIII в. М., 1908. Рис. 1.
153 Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1983. С. 50.
154 Титов Ф. Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк. Т. 1. (1606—1616—1721). Киев, 1916.
155 Степовик Д.В. Українська графіка XVI—XVIII століть: Еволюція оброзної системи. Київ, 1982.
156 Шматаў В.Ф. Беларуская кніжная гравюра XVI—XVIII сагодзяў. Мінск, 1984.
157 Патерик Печерский, си ест, Отечник, в той же Старой Киевопечерской лавре... Киев, 1791.
158 Сапунов А.П. Древния иконы Божией Матери в пределах Полоцкой епархии. С. 400.
159 Павлинов А.М. Деревянные церкви в городе Витебске // Труды IX Археологического съезда в Вильне 1893 г. 4.1. М., 1895. С. 22—23; Султанов Н. В. Рецензия на сочинение А.М. Павлинова «Деревянные церкви в городе Витебске». СПб., 1897. С. 58, 156 157.
160 Свято-Троицкий Марков монастырь в городе Витебске. СПб., 1911. С. 8—10; Сапунов А.П. Витебская старина Т. 1. С. 541—542.
161 Журдо Ф. Буйнический Свято-Духовский монастырь Могилевской епархии. Могилев-на-Днепре, 1904. С. 4.
162 Там же. С. 50—53.
163 Слуцкий Тройчанский архив. № 52. С. 17.
164 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 120.
165 Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 5. 1633—1699 гг. СПб., 1853. С. 68—70
166 Там же. С.68.
167 О.Ж. // Могилевская старина. Вып. I.; ЛОИА. Метрики. Р-III № 3222; РО НБВУ. 23—103. Mappa do granicy dobr Barkałabowskich y Mogilenskich reguliaca, (вероятно, XVIII в.); Журдо Ф.А. Барколабовский Свято-Вознесенский монастырь Могилевской епархии. Могилев-на-Днепре. 1906; Журдо Ф. А. Буйнический Свято-Духовский монастырь Могилевской епархии. Могилев-на-Днепре, 1904.
168 Пятницкий. И. Тупичевский монастырь. Могилевская епархия: Исторический очерк. Могилев-на-Днепре, 1989. С. 9, 12.
169 Там же. С. 7.
170 Краснянский В.Г. Город Мстиславль. Вильна, 1912. С. 177.
171 Пятницкий. И. Тупичевский монастырь. С. 3.
172 Церашчатава В.В. Старажытна-беларускі жывапіс XI—XVIII стст. Мінск, 1986. С. 100—102.
173 Пятницкий. И. Тупичевский монастырь. С. 19—20.
174 Там же. С. 17.
175 Краснянский В.Г. Город Мстиславль. Вильна, 1912. С. 21, 12.
176 Пятницкий. И. Тупичевский монастырь. С. 15.
177 Сапунов А.П. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 445—446.
178 Дисна // Зодчий. № 9. СПб., 1881. С. 7.
179 ИЮМ. Вып. 15. Витебск, 1885. С. 147—148.
180 ЛОИА. Метрики. Р-III № 324; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений. С. 176.
181 РО НБ АН Литвы. Р. 16—127. С. 59. 1783 г.
182 ЛОИА. Метрики. Р-III №3242; Историческое описание находившихся в Российской епархии монастырей и церквей. СПб. 1819. С. 112.
183 О типологическом единстве архитектуры деревянных соборов: см. Квитницкая Е.Д. Архитектура Белоруссии XVII в. // ВИА. Т. 6. М., 1968. С. 494—496.
184 Karpowicz M. Barok w Polsce. Warszawa, 1988. S. 291—292.

185 Шляпкин. И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время. С. 12—13; Миловидов А.И. О положении православных и русской народности. С. 24; Слуцкий Тройчанский архив. Минск, 1913. С.140.
186 ЛОИА. Метрики. Р-III № 3921.
187 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. III. С. 244—248.
188 Памятная книжка Виленской губернии за 1907 г. Вильна, 1908.
189 ЛОИА, обмеры храма. Акварель худ. Д. Струкова.
190 Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 4. Киев, 1986. С. 87.
191 ИЮМ. Вып. 8. Витебск, 1877. С.209—210.
192 Квитницкая Е.Д. Могилевский Спасский монастырь //АН № 24. М., 1976. С. 105; Łoza, S. Architekci i budowniczowie w Polsze. Warszawa, 1954. S. 93—94.
193 Журдо Ф.А. Могилевская Спасо-Преображенская церковь. Могилев-на-Днепре. 1894. С. 7.
194 Квитницкая Е.Д. Могилевский Спасский монастырь С. 111.
195 Слюнькова И.Н. Мастацкія прынцыпы рускага класіцызму у архітэктуры Магілеўскай семінарыі // Помнікі мастацкай культуры Белорусі: Новыя даследаванні. Зборнік артыкулаў. Мінск, 1989. С. 130—136.
196 Могилевская епархия: Историко-статистическое описание. Т. 1, Вып. II, часть I. Могилев, 1908. С. 353.
197 Квитницкая Е.Д. Могилевский Спасский монастырь. С. 109.
198 Там же. С. 111—112.
199 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VIII. С.31.
200 Чантурия В.А. Архитектура Белоруссии конца XVIII—начала XIX в. Минск, 1962. С. 112; Слюнькова И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII—середины XIX в. Минск, 1992. С. 114.
201 Историческое описание находившихся в России монастырей. СПб., 1819. С. 61.
202 Ратшин А. Полное собрание исторических сведений. С.23.
203 Белицкий Е. Под польским игом. Очерки и штрихи из жизни могилевских православных белорусов в XVIII в. Вильня, 1907. С.95.
204 ИЮМ. Т. 28. Витебск, 1900. С. 252, 272, 277, 278, 299, 320.
205 Там же. С. 257—258.
206 РГАДА. Ф. 144, оп. 2, ед. хр. 38. 1656—1676 гг.
207 РГАДА. Ф. 144, оп. 2, ед. хр. 37. 1656—1676 гг.
208 Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время. С. 177.
209 Тубли М.П. Авраам Мельников. Л., 1980. С. 87—88.
210 РГИА РБ. Ф. 2314, оп. 1, ед. хр. 32, 1839 г. Ведомость Мазоловского девичьего монастыря.

ГЛАВА II

1 Упоминается, что великий князь Витовт в Полоцке уступил немецким купцам плац (место, участок) для построения костела «Яусего Ливонского ордена»: Сапунов А.П. Витебская старина. Витебск, 1888. С. 20.
2 Типология монастырей дана по книге: Abbazie e monasteri d'Italia. S. 180—181.
3 Łoza. Architekci i budowniczowie. S. 27, 123, 227, 93—94.
4 Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystów. Kraków, 1972. S. 191.
5 Образ св. Бенедикта, архетип европейского человека, который спасает древние книги Греции, Рима Ближнего Востока от варварского уничтожения и приказывает их переписать. Св. Бенедикт изображается с крестом, книгой и плугом. Вместе со своими монахами он приносит в Европу одновременно Евангелие и цивилизацию, понимаемую в самом широком смысле.

6 Образцами считаются церкви в Альтенберге в Баварии, Добермане в Мекленбурге-
Шверингском вел. герцогстве, Понтиньи в деп. Ионны во Франции, Цветтле в Нижней
Австрии и др.: Kirchen des Cisterzienserordens in Deutschland. Лиц. 1869; Энциклопедичес-
кий словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. XXXVIII. СПб., 1903. С. 234–238.
7 В первой половине XIII в. происходило активное развитие строительной деятельнос-
ти цистерцианских монастырей, появившихся в Польше еще в XII в. Цистерцианские уч-
реждения в Польше происходят от бургундского аббатства в Моримонд, за исключением
северных монастырей на территории Поморья, входивших в орбиту деятельности Клев-
ро. Свеховский, Зигмунд. Романское искусство в Польше. Варшава, 1984. Вып. 1. С. 41.
8 Encyclopedia koscielna. T. 2. Warszawa, 1873; Derwich, Marek. Monastycyzm benedyk-
tynski w sredniowiecznej Europie i Polsce: Wybrane problemy. Wrocław, 1998.
9 ЗБГІК. Мінская вобласць. Кн. 2. Мінск, 1987. С. 100–101.
10 Казимир Сапега пожаловал монастырю картузов местечко Береза с окрестными вла-
дениями, дополнительно купленными им у дворян Умястовских. Кроме того, он пожало-
вал монастырю две деревни, Милейки и Замостянки в Слонимском повете, а также мес-
течко Бусяж. Фундация была утверждена в 1653 г. на генеральном сейме в Варшаве.
В дальнейшем поступали и другие пожалования: в 1665 г. стольник вилькомирский Саму-
эль Немцевич передал монастырю фольварок Левошки; Кристина Высокинская — 3 во-
локи земли в Здитове (1672); витебский стольник Андрей Урсин Немцевич — фольварок
Шиленок с деревней Ястрем (1678); виленский епископ Бжостовский — амбар в Бресте
с пляцем (1687), ротмистр Петр Сербеевский — имение Сейловщизна в Брестском вое-
водстве (1774); ктитором монастыря упоминается также Иосиф Корсак и др. В результате
собственной деятельности монастырь стал владельцем поместий Лейпуны в Понемунье,
Бабенский ключ и Мошковцы в Брестском воеводстве, фольварка Углы в Слонимском
повете и др. До конца XVI в., когда имение перешло к Сапегам, оно последовательно при-
надлежало Намшеям, Вештартовичам, Ростовским, Рудзинским. См.: Sapiehowie. T. 2. Pe-
tersburg, 1891. S. 38.
11 Виленский календарь на 1891 г. Вильна, 1891. С. 211–212.
12 SG. T. 1. S. 140–141.
13 Квитницкая Е.Д. Архитектура Белоруссии XVII в. // ВИА. Т. 6. Гл. 2. М., 1968. С. 492;
РГИА. Ф. 821, оп. 125, ед. хр. 2801. Дело о закрытии римско-католической церкви при уп-
раздненном Березовском монастыре Пружанского уезда Гродненской губернии и о пе-
редаче зданий этого монастыря в ведение церковного совета при православной церкви
в местечке Береза. План зданий. 1835 г.; РГИА. Ф. 21, оп. 125, ед. хр. 2802. Дело по вопро-
су о выдаче денежных вознаграждений кн. Сапеге за недвижимое имущество, завещан-
ное предком его кн. Сапегой, позднее завещанные упраздненному Березовскому монас-
тырю. 1859–1871 гг.
14 Храмовым праздником монастыря был день Воздвижения Честного Животворящего
Креста Господня и день второго обретения Креста, совершавшиеся соответственно 14
сентября и 3 мая. (Автор очерка связывает празднование с произошедшим в этот день
знаменательным для католиков событием бракосочетания литовского князя Ягайлы
с польской королевой Ядвигой.) Для священнодействия приглашались сначала сторонние
священники римско-католического исповедания, а впоследствии униатское духовенство.
Лев Сапега завещал монастырю громадный надел земли и 800 дворов крестьян, одно
только построение храма обошлось ктитору в 300 тыс. червонцев. Монастырские кресть-
яне обязаны были с 12 лет отдавать своих сыновей в услуги монастырские, в монастыре
мальчики должны были оставаться до совершеннолетия. Со временем строгие монашес-
кие установления пришли к упадку, чему во многом способствовало растущее богатство
монастыря. Выход из него стали дозволять под предлогом управления имениями.
Мелкопоместная шляхта из корыстных соображений начала вступать в монашество, что
способствовало разложению ордена. В Ватикане было испрошено разрешение на упо-

требление в пищу мяса, вина; появляются монахини-бернардинки; начинаются раздоры
и несогласия.
Березовские монахи активно участвовали в польском восстании 1831 г. Один из насель-
ников монастыря, Каминский, «променяв власяницу на шлем», увлек с собой прислугу
монастыря, присоединился к отряду Тита Пустоловского и ушел в леса. Однако на следу-
ющий день, застигнутый врасплох за трапезой, отряд повстанцев сдался.
За участие в восстании монастырь упраздняется. В 1832 г. костел был переименован
в приходский. Ремонтные работы и подготовленные уже было для починки в 1856 г. стро-
ительные материалы брошены в связи с восстанием 1861 г. В 1866 г. из-за ветхости кос-
тел закрыт, его приход присоединен к костелу в ближайшем селении Саневе. Все ценно-
сти были брошены в опустевшем монастыре. Перенесли в другую церковь только
явленный Крест (в Горанцевичи?). См.: Виленский календарь на 1891 г. С. 211–212.
15 РГИА. Ф. 821, оп. 150, ед. хр. 566, 1833 г. Вистицкий цистерцианский монастырь
Брестского уезда Гродненской губ.; Квитницкая Е.Д. АН № 33. М., 1985. С. 98–100.
16 Свеховский, Зигмунд. Романское искусство в Польше. С. 42–43.
17 Там же. С. 45.
18 РГВИА. Ф.405. оп. 7, ед. хр. 2370, 1833–1834 гг. Л. 79–81.
19 Хвалебников А. Минский Спасо-Преображенский первоклассный монастырь.
Минск, 1899. С.1 5, 25.
20 Przewodnik po bazylice 00. Franciskanow w Krakowe. Kraków, 987. S. 5–6, 9
21 Lietuvos TSR. S. 498–499.
22 Assisi: Historia. Sztuka. Duchowosc. Assisi, 1996. S. 9.
23 Упоминается, что во время основания первых францисканских монастырей заложен
в 1380 г. монастырь августинцев в Бресте.
24 А. Янкявичене приводит два возможных варианта времени строительства францис-
канского костела в Каунасе: 1400г. — по А.В. Кояловичу (Koialowicz A. Historiae Lithuani-
ae. Danzig, 1650), и начало XV в., т.е. во время епископа Николая (1408–1414) — по
Я. Курчевскому (Kurcewski J. Biskupstwo Wilenskie. Wilno, 1912). См.: Виленский кален-
дарь на 1890. Вильна, 1889. С. 219; Янкявичене А.С. Два памятника архитектуры XV в.
в Каунасе // АН. М., № 19. С. 4–6.
25 Миловидов А.И. О положении православия и русской народности в Пинском удель-
ном княжестве. С. 24.
26 Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1985.
С. 308.
27 Аникиевич К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907.
С. 137–139; Слюнькова И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья. Минск, 1992.
С. 45–47.
28 РО БАН Литвы. F-16-127. 1784 г.
29 РГАДА. Ф.1355, оп. 1, ед. хр. 724 (1).
30 SG. T. III. S. 140–141.
31 Morelowski M. Zarysy syntetsczne sztuki wileђskiej od gotyki do neokłasicyzmu. Wilno,
1938. S. 39.
32 План всего монастырского комплекса нанесен на чертеже: РГИА. Ф. 821, оп. 150,
ед. хр. 545, 1845 г.
33 Квитницкая Е.Д. Планировка Гродно в XVI–XVIII вв. // АН. № 17. М., 1964.
С. 11–38; РГИА. Ф. 821, оп. 125, ед. хр. 628. Францисканский римско-католический мона-
стырь в Гродно. План перестройки. 1886г.
34 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2371. 1834 г. С. 25–26, 64–65.
35 ОДА УМ. Т.1. С. 289–290.
36 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2370, 1833 г. С. 82–85; ЦГА ВМФ. Ф. 3, оп. 24, ед. хр.
2455, 1817 г. План губернского города Минска.

37 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2370. 1834 г. С. 91–94, 99–101.
38 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 75; SG. T. III. S.324.
39 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834 г. С. 90.
40 Кулагин А.Н. Шедевры архитектуры рококо: Историкоархитектурный очерк. Минск, 1991. С. 38; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834 г. С. 87–90.
41 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 75.
42 ЗПГІК. Віцебская вобл. Мінск, 1985. С. 238–239.
43 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834 г. С. 95–97; Фото Е.Д. Квитницкой.
44 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. IX. С. 8–9.
45 ЗПГІК. Гродзенская вобласць. Мінск, 1986. С. 287.
46 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2371. 1833 г. С. 17–24; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2299. Общая ведомость о римско-католических монастырях в Витебской и Могилевской губерниях. 1830–1835 гг.
47 Квитницкая Е.Д. Строительство Тызенгауза в Поставах // АН. № 13. М., 1961. С. 56.
48 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2370. 1834 г. С. 91–94, 99–101.
49 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S.95.
50 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2370. 1834 г. С. 143–146.
51 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 302–303.
52 Там же. S. 113–114;
53 Szablowski, Jerzy. Architektura Kalwarii Zebrzidowskiej (1600–1702). «Rocznik Krakowski», t. XXIV, Kraków, 1933; O.Hieronim Eug. Wyczawski. Dzieje Kalwarii Zebrzidowskiej. Kraków, 1947; O.Hieronim Eug. Wyczawski. Katalog Archiwum Prowincji 00. Bernardynow w Krakowie. Cz. 1. Dokumenty. Lublin. 1961; Mitkowska, Anna. Kompozycja przestrzenna kalwarii Zebrzidowskiej // Kwartalnik architektuty i urbanistyki. T. XX, Z.2. Warszawa, 1975. S. 157–173.
54 Энциклопедический словарь. Издание Брокгауз и Ефрон. Т. III-а. СПб., 1891. С. 556–558; Miłobegski, Adam. Kościeły sciennofilarowe: Z problematyki budownictwa Polski centralnej w wieku XVIII // Rokoko: Studia nad sztuka s polowy XVIII w. Warszawa, 1970. S. 87.
55 Островский Г.С. Львов. Серия «Архитектурно-художественные памятники XII–XX вв.». М., 1975. С. 104–107.
56 Karpowicz M. Barok w Polsce. Warszawa, 1988. S. 3, 26.
57 Lietuvos TSR. S. 480–485, 474–477.
58 Баравы Р. В., Якімовіч Ю.А. Каштоўны дакумент па гісторыі беларускай графікі і архітэктуры XVIII ст. // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці. Мінск, 1985. С. 113–122.
59 Кудряшев В.И. Гродно. М., 1960. С. 46; Орловский Е.Ф. Очерк истории города Гродно. Гродна, 1889. С. 31, 119, 145–146.
60 Квитницкая Е.Д. Планировка Гродно в XVI–XVIII вв. // АН. № 17. М., 1961. С. 11–38; Орловский Е.Ф. Очерк истории города Гродно. С. 158.
61 Баравы Р.В., Якімовіч Ю.А. Каштоўны дакумент па гісторыі беларускай графікі і архітэктуры XVIII ст. С. 116; ЗПГІК. Гродзенская вобласць. С. 196–197.
62 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 25.
63 РГИА. Ф. 349, оп. 4, ед. хр. 7898, 1830 г.
64 РГИА. Ф. 349, оп. 4, ед. хр. 7893, 1830 г. В связи со строительством крепости в 1830 г. монастырь был переведен в Слоним.
65 Памятная книжка Виленской губернии на 1907 г. Вильна, 1905.
66 Дзянісаў У.М. Матэрыялы па гісторыі архітэктуры Мінска у фондах нацыянальнага музея у Варшаве // Помнікі культуры. Мінск, 1985. С. 118–120.
67 РГИА. Ф. 821, оп. 150, ед. хр. 154.
68 Чарняўская Т. І. Архітэктура Віцебска: З гісторыі планіроўкі і забудовы горада. Мінск, 1980. С. 31–33.

69 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2371. 1833 г. С. 1–4; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2299, 1830 г. С. 27–28.
70 В различных источниках приводятся различные названия посвящения храма. Е. Пашенда называет его св. Катарины, Т.В. Габрусь — св. Юрия. См.: Paszenda J. Kosciol Bozego Ciala (pojezuicki) w Nieswiezu // Kwartalnik architektury i urbanistyki. T.XXI. Z. 3. Warszawa, 1976. S.197; Габрусь Т.В. Помнікі манументальнага дойлидства Міншчыны: Гісторыка-мастацтвазнаўчы нарыс. Мінск, 1991. С. 16.
71 Рукописный архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1, ед. хр. 307, 1913 г. Георгиевская церковь в городе Несвиже.
72 В 1860-е гг. настоятелем монастыря был Героним Васильевич Буржановский. См.: Памятная книга Минской губернии 1864 г. С. 130. В настоящее время на территории монастыря размещается военная часть.
73 РГВИА. Ф. 405, оп. 77, ед.хр.2370, 1833 г. С.27–30; ЦГА ВМФ. Ф. 3/л, оп. 24, № 2470. План города Мозыря Минской губернии. Храм действующий, принадлежит православной церкви, освящен во имя арх. Михаила.
74 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2370. 1834 г. С. 5–8.
75 Завальнюк, Владислав (ксендз-магистр). История Будславской базилики. Минск, 1998. С. 10.
76 Описание рукописного отделения Виленской библиотеки. Вып. 1. Вильна, 1895. С. 9.
77 Завальнюк В. История Будславской базилики. С. 23–24.
78 Там же. С.28–31.
79 Rożek, Michał. Krakow: Przewodnik historyczny. Wrocław, 1998. S. 109.
80 Завальнюк В. История Будславской базилики. С. 33–37.
81 Караткевіч В.Б., Кулагін А.М. Помнікі Слоніма. Мінск, 1983.
82 Квитницкая Е.Д. Особенности средневековых храмов Белоруссии //АН. №. 19. М. С. 80–81.
83 РГИА.Ф.821, оп.125, ед. хр. 2588, 1864 г. С. 3, 9, 26, 31, 88.
84 Габрусь Т. В. Помнікі манументальнага дойлидства Міншчыны. С. 20.
85 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834. С. 6–11.
86 РО БАН. F 266, Т. 3. План Полоцка (Plan von Polozko) 1707 г.
87 РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2371, 1834 г. С. 66–68; РО НБ ВУ 23-108/1-8. Mappa placu OO Bernardinow Polockich zrysowana... roku 1802. В настоящее время костел находится в руинах, сохранились корпуса кляштора, которые используются под психиатрическую лечебницу.
88 Баравы Р. В., Якімовіч Ю.А. Каштоўны дакумент па гісторыі беларускай графікі і архітэктуры XVIII ст. С. 116.
89 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834. С. 6–11.Сейчас храм во имя св. Варвары, каменный корпус кляштора используется как медицинское учреждение.
90 Дзянісаў У.М. Матэрыялы па гісторыі архітэктуры Мінска у фондах нацыянальнага музея у Варшаве. С.121.
91 РГАДА. Ф.1355, оп. 1, ед. хр. 724 (1), конец XVIII в.; РГИА. Ф.1488, оп. 2, ед. хр. 743, 1838–1839 гг. Л. 1–4.
92 Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 26; РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2370. 1834 г. С.1–4.
93 Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. I, вып. 5. С. 530; Баравы Р. В., Якімовіч Ю.А. Каштоўны дакумент па гісторыі беларускай графікі і архітэктуры XVIII ст. С.120–121.
94 РГА ВМФ. Ф. 3/Л, оп. 24, № 2470; РГИА. Ф. 821, оп. 151, ед. хр. 540. 1853 г. План местечка Глуска; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1833 г. С. 16–19; РГИА. Ф. 173, оп.I, ед. хр. 524, 1866 г. С. 3–10; РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед. хр. 2370. 1833 г.
95 Свеховский З. Романское искусство в Польше. С. 45.

96 Там же. С. 46–48.

97 Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. С. 104.

98 Монастырь владел значительной собственностью — в 1818 г. ему принадлежали 30 домов и 106 душ мужского пола.

99 Миловидов А.И. О положении православия и русской народности в Пинском удельном княжестве. С.24.

100 РО РГБ. Ф. 342, №226. Генеральный план города Пинска до Королева включительно, начало XIX в.

101 РГИА. Ф. 218, оп. 3, ед. хр. 1835, 1860 г. Перестройка подоминиканского монастыря в православную церковь в г. Пинске, Минской губернии.

102 Рукописный архив ЛОИА. Ф. 1. дело № 89, 1905 г.

103 Орловский Е.Ф. Очерк истории города Гродна. С. 157; Радзишевский Е.И. Историческое описание городов Гродно. Гродна, 1860. С. 25.

104 «Здание Св. Духа... на месте, называемом Пушкарским, за привилегией польской королевы Боны в 1551 г. октября 9 дня пожалованной, было таковое построено; до которого два плаца юрисдыки Волненской через Адама Сандзивом Чернявского, воеводы Ланцицкого, и старосты Волненского вечным документом, 1619 г. 10 марта учиненным, укреплено королем же Жигмонтом (Сигизмундом) III в том же году 23 марта привилей утвержден и, как по упомянутой выше привилегии королевы Боны означающие, сии здания и с пляцом к помещению 24-х неимущих с двумя прислужниками, то уповательно, что тою же королевою оное здание и построено; которое с 1792 г. было отпущено, по прошествии некоторого времени собственным иждивением князя Массальского, епископа Виленского; с обоих сторон того здания сделаны пристройки в два этажа, на коих и поныне еще видны следы сего прибавления, что и было гошпитальным»: РГИА. Ф.1293, оп.168. ед. хр. 17. Гродненская губ. 1811 г.

105 Анализ памятника дается по работе: Квитницкая Е.Д. Планировка Гродно в XVII–XVIII вв. // АН №17. М., 1964. С. 11–38.

106 Квитницкая Е.Д. Особенности средневековых храмов Белоруссии. С. 78, 83, 85.

107 Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. С. 140.

108 SG. T. IX. S. 852.

109 Патоцкі Л. Успаміны пра тышкевічаву Свілач, Дзярэчын і Ружану. Мінск, 1997. С. 105.

110 ЦГИА Литвы. Ф.12, проф. Клос, ед. хр. 422–427, 1930; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2344, 1832–1833 гг.

111 РГА ВМФ. Ф. 3, оп. 26, ед. хр. 3343, 1833 г. План Столбцы.

112 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370. 1834 г. С. 36–38. В деле указана ошибочная дата построения костела — середина XVIII в., а также говорится, что кладка стен была смешанной, из кирпича и булыжника.

113 БАН Литвы. Коллекция Я. Булгака. № 193/10.

114 РГИА. Ф.1293, оп.167, ед. хр. 56, 1874 г. Минская губерния. Проект перестройки церкви в Столбцах.

115 РГВИА. Ф. 349, оп. 4, ед. хр. 7901, 7902. 1830 г.

116 Заяц О. А. Заславль X–XVII веков. Минск, 1987. С. 6, 54, 56.

117 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370. 1833 г. С. 135–137.

118 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2299. 1830–1835 г. Общая ведомость о римско-католических монастырях в Витебской и Могилевской губерниях.

119 Сапунов А.П. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 404–405.

120 Гейденштейн Рейнгольд. Записки о московской войне (1578–1582): Пер. с лат. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1889. С. XLIII. В книге приводится карта военных действий 1679 г. с изображением Спасо-Преображенского храма возле Полоцка. Карты с приложениями планов городов-крепостей были составлены в военном лагере секретарем коронной канцелярии Пахоловичем, награвированы Баптистой Кавалерри и изданы в Риме.

121 Радзишевский Е.И. Историческое описание города Гродно. Гродна, 1860. С. 25.

122 Датировки основания и перестройки храма по справочным данным разных источников не совпадают. Приведенные данные взяты из кн.: Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Т.І. Мінск, С. 522; по другим источникам, храм построен в 1671 г., а реконструирован в 1889 г. См.: ЗПГІК. Брэская вобласць. С. 229.

123 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370. 1833–1834 гг. С. 139–142.

124 Пожалования кн. Любартович-Сангушек составляли плац в местечке Смоляны и три деревни: Спасское (20 уволок земли), Флоры или Литовский конец (18 уволок), Стуково (6 уволок) со всеми угодьями. Доминиканцам запрещалось торговать в Смолянах, но была предоставлена полная свобода торговли и содержания корчмы в собственных деревнях. ИЮМ. Вып.28. Витебск, 1900. С. 195.

125 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2299. 1830–1835 гг.

126 РГИА. Ф.1293, оп.167, ед. хр. 50. 1869 г. Могилевская губерния. Проект православной церкви из бывшего костела в местечке Княжицах.

127 РГВИА. Ф. 405, оп. 7. ед. хр. 2370. 1834 г. С. 40–43.

128 В 1830–1835 гг. при монастыре состояло 7 монахов и 496 монастырских крестьян. РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2299. 1830–1835 гг.; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2371. 1834 г. С. 27–31; РГИА. Ф. 821, оп. 150, ед. хр. 563. 1835 г. Поссинский доминиканский монастырь Витебской губернии. Инженер-поручик Симонов.

129 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед.хр.2299. 1830–1835 гг. С. 29–30; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2371. 1833 г. С. 59–63.

130 Дзянисаў У.М., Пазняк З.С. Мінскі кляштар дамініканцаў. // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Мінск, 1989. С. 124–128.

131 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370. 1833 г. С. 27–3; ЦГИА Литвы. Ф. 12, оп. 21, ед. хр. 384–386.

132 Памятная книжка Виленской губернии за 1907 г. Вильна, 1906; Balinski, M. Lipunski, T. Starozytna Polska. T. I. Warszawa, 1886. S. 606; Сапунов А.П. Река Западная Двина. С. 405.

133 РО ЛОИА. Ф. 1, № 130, 1909 г.; РО ЛОИА. Ф. 1, № 606, инв. № 4352, л. 2. План костела в Друе.

134 РГВИА.Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370. Л. 44–62.

135 В 1830–1835 гг. в монастыре пребывало 7 монахов и при нем состояло 34 крестьянина. РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2299. 1830–1835 гг. С.29–30; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2371. 1834 г. С. 37–39; РГИА. Ф. 821. оп. 150. ед. хр. 561. 1833 г. Ушацкий доминиканский монастырь.

136 РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 724 (1).

137 Слюнькова И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII–середины XIX в. Минск, 1993. С. 32–33, 114.

138 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед.хр.2370. 1834 г. С.73–74.

139 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед.хр.2370. С.73–78.

140 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2371. 1834 г. С.32–35; РО НБ ВГУ. А-419. Фундуши монастырей литовских.

141 РГА ВМФ. Ф. 3, оп. 25, ед. хр. 2455. План Полоцка 1772 г.

142 Блинова Т.Б. Иезуиты в Белоруссии. Минск, 1990. С. 13–21.

143 В фонде «Общества духовного воспитания» РГАДА хранится список документа под наименованием «Иезуитский проект. Об уничтожении Грекороссийского Вероисповедания, представленный в 1768 г. Государственным чинам первым Ксендзом иезуитским». РГАДА. Ф. 1626, оп. 1, ед. хр. 88.

144 Блинова Т.Б. Иезуиты в Белоруссии. С. 22.

145 Толстой Д.А. Римский католицизм в России: Историческое исследование. Т. 2. СПб.
1877. С. 186.

146 ПСЗРИ. Т. XXXVII. СПб., 1830. С. 113—119. Марта 13. 1820. О высылке из России Ие-
зуитов и о упразднении Полоцкой Иезуитской Академии и подведомственных ей училищ
ПСЗРИ. Т. XXXVН. СПб., 1830. С. 555—556. Генваря 14. 1821. Об удовлетворении долгов
монахов Иезуитского Ордена, из доходов с бывших иезуитских имений собираемых.

147 Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystow. S. 111.

148 Габрусь Т.В. Появление проектного чертежа в зодчестве Беларуси // АН. № 41. М.,
1996. С. 232—233.

149 Там же. С. 233

150 Там же.

151 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 27.

152 Квитницкая Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. // АН. № 18. М., 1969. С. 4—5.

153 Габрусь Т.В. Появление проектного чертежа в зодчестве Беларуси. С. 233—235.

154 Paszenda J. Kosciol Bozego Ciała (pojezuicki) w Nieswiezu // Kwartalnik architektury i
urbanistyki. T.XXI, Z.3. Warszawa, 1976. S. 209—212.

155 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 229.

156 Paszenda J. Kosciol Bozego Ciała (pojezuicki) w Nieswieżu. S. 198—204.

157 Там же. С. 215.

158 Квитницкая Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. С. 4—11.

159 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 347.

160 Там же. С. 181.

161 Викентьев В.П. Исторический очерк Полоцкого кадетского корпуса за 75 лет. По-
лоцк, 1910. С. 15; Сапунов А. П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. Ви-
тебск, 1890. С. 9.

162 Квитницкая Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. // АН. № М., 1972. С. 21.

163 Сапунов А. П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. С. 5.

164 Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystów. S. 143.

165 Квитницкая Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. С. 21.

166 Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. С. 103.

167 Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystów. S. 158—160.

168 Квитницкая Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. С. 22.

169 Там же. С. 23.

170 Там же. С. 23—25.

171 Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. С. 103—104; Орловский
Е.Ф. Гродненская старина. Ч. 1—2. С. 108,111.

172 Квитницкая Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. С. 10—14; Квитницкая Е.Д. Плани-
ровка Гродно в XVI—XVIII вв. //АН. № 17. М., 1964. С. 11—38; РГАДА. Ф. 1603, оп. 1,
ед. хр. 36, 1773 г.

173 РГИА. Ф. 1488, оп. 1, ед. хр. 940. Иезуитский монастырь в Гродно. 1816 г.

174 Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystów. S. 225.

175 Квитницкая Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. С. 14—16.

176 Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystów. S. 160.

177 РГАДА. Ф.1355, оп.1, ед. хр. 724(1).

178 РГИА. Ф.1488, оп. 2, ед. хр. 745. Л.1, 1835 г.

179 Виленский календарь за 1891 г. Вильна, 1892. С. 199.

180 Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. С. 103, 140.

181 РГАДА. Ф.2188, оп. 5, ед. хр. 2698. План коллегии Брест-Литовской 1782 г.; РГАДА
Ф. 1603, оп. 1, ед. хр. 44, 44 а, 1773 г.; РГИА. Ф. 1488, оп. 1, ед. хр. 1023, б.д. Иезуитский мо-
настырь в Бресте. 1 л.; РГИА. Ф. 1285, оп. 8, ед. хр. 336. Дело о помещении присутствен-
ных мест в иезуитском кляшторе. 1810—1811 гг. 15 л.

182 Сапунов А.П. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 459. Автором костела в Дина-
бурге является итальянец Ронделли (Рондаленсис), исполнивший проект в 1737 г. Łoza
S. Architekci i budowniczowie. S. 227.

183 Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystów. S.160.

184 Слюнькова И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья. С. 123.

185 Собрание древних грамот и актов городов Литовской губернии. Минск, 1848.
С. 383—384.

186 Фотоархив ЛОИА РАН. Негативы IV 1076. 1077; Рукописный архив ЛОИА. Ф. 1, дело
№ 89, 1905 г. Л. 20, 21, 24—26, 89; Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белорус-
сии (1564—1795). Минск, 1971. С. 103; РГАДА. Ф. 1603, оп. 1, ед. хр. 49. Описание коллеги-
ума и костела, 1773 г.

187 Сементовский А.М. Витебск и уездные города Витебской губернии. СПб., 1864. С. 8.

188 Чарняўская Т.І. Архітэктура Віцебска. С. 13—26.

189 Никифоровский Н.Я. Странички из недавней старины Витебска. Витебск, 1900.
С. 37—38.

190 SG. T. VI. S. 762.

191 Квитницкая Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. С. 1—4; Мараш Я.Н. Ватикан и ка-
толическая церковь в Белоруссии С. 103, 125—127; Пазняк З.С. Рэха дауняга часу. Мінск,
1985. С. 44—46; Адамовіч С. Цуд адраджэння // Наша вера. Мінск, 1998. № 1(4). С. 12—18.

192 Квитницкая Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. С. 16—17; Чарняўская Т.І. Архітэк-
тура Магілева. Мінск, 1973; Виленский календарь на 1891 г. Вильна, 1890. С. 191; ЦГИА
Респ. Беларусь Ф.1781, оп. 26, ед. хр. 1500. 1907 г. С. 64—66, 75—76. Инвентарное описа-
ние Могилевского римско-католического костела. Освящен в 1614 г. Угодья костела.

193 Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. С. 103—104; РГАДА.
Ф. 1603, оп. 1, ед. хр. 45, 1773 г. Опись аптеки.

194 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. VIII. С. 148—151.

195 Квитницкая Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. С. 18—20; РГВИА. Ф. 405. оп. 7, ед.
хр. 2370. 1834 г. С. 16—19.

196 РГИА. Ф. 1350, оп. 312, ед. хр. 14, л. 52, 1800 г. План поветового города Бобруйска.;
Popłatek Jan. Paszenda Jerzy. Słownik jezuitow artystów. S. 187—188, 225.

197 РГАДА. Ф. 1603, оп. 1, ед. хр. 60, 1773 г.

198 РГАДА. Ф. 1603, оп. 1, ед. хр. 36, 1773 г.; Paszenda J. Kosciol Jezuitow w Slucku //
Kwartalnik architektury i urbanistyki. T.XXIII, Z. 3. Warszawa, 1978. S. 233—234.

199 Там же. С. 229—230.

200 Квитницкая Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. С. 25.

201 Толстой Д.А. Римский католицизм в России: Историческое исследование. Т. 1—2.
СПб., 1876—1877. С. 97—102.

202 Вопросы типологии храмовой архитектуры кармелитов подробно рассмотрены в ра-
боте: Szlezynger P.S. Kościoł karmelitów bosych w Wiśniczu Nowym // KAIU. T.XXXIII. Z. 2.
S. 113—136.

203 Там же. С. 130.

204 Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии С. 142—144; SG. T. II.
S. 599—600.

205 РГИА. Ф. 835, оп. 3, ед. хр. 263. Здания Глубокского упраздненного костела, передан-
ные православному Епархиальному начальству.

206 Lietuvos TSR. S.252—259; 433—434.

207 ЦГИА РБ. Ф. 2181, оп. 26, ед. хр. 1454, 1841 г. Инвентарное описание Успенского
Мстиславского костела; ГИА РБ Ф. 2187, оп. 1, ед. хр. 78, 1912 г. Мстиславский римско-ка-
толический костел; РО АН Литвы. F-16-127, 1784 г. С. 171; Церашчатава В.В. Старажытна-
беларускі жывапіс XI—XVIII стст. 130—134. Росписи относятся ко второй половине
XVII в., но обновлены в XVIII и в конце XIX века.

208 Квитницкая Е.Д. // АН. № 33. М., 1985. С. 94–98.
209 О древних православных церквах в Гродно см.: Вестник Западной России, год 3. Т. III, кн.12. Вильна, 1865. С. 175.
210 РГИА. Ф. 822, оп. 12, ед. хр. 2962, л. 272.
211 Описание рукописного отделения Виленской Публичной Библиотеки. Вильна, 1895. С. 13, № 340.
212 Писцовая книга Гродненской экономии. Ч. II. Вильна, 1882. С. 257–258.
213 РГИА. Ф. 822, оп. 12, ед. хр. 2962, л. 272; Chłopicki E. Notatki z różnoczasowych podróży po kraju. Warszawa, 1863. S. 92.
214 Schlemuller W. Dyaryusz podróży polskiej. Wilno, 1752. S. 11.
215 РГИА. Ф. 22, оп. 12, ед. хр. 2945, л. 261.
216 РГИА. Ф. 1287, оп. 8, ед. хр. 566, л. 112, 120.
217 Орловский Е. Гродненская старина. Ч.I. Гродна, 1910. С. 334–335.
218 РГИА. Ф. 821, оп. 150, ед. хр. 545, 1845 г. Фиксационные чертежи, гражданский инженер А. Никольский; Коллекция Гродненского Музея. № 8498, 1875 г. Проект перестройки под окружной суд, инженер Небольсин.
219 Иеромонах Василий. Белыничеcкий Рождества-Богородицкий монастырь. Ч. 2. Могилев на Днепре, 1911.С. 7.
220 Там же. С. 33–34.
221 Икона возобновлялась перед коронацией 1761 г. искусным художником, отчего имеет светлый колорит. Тогда же, предположительно, были добавлены на самой иконе скипетр, держава и короны. На серебряной табличке Сапеги 1665 г. икона изображена в прежнем виде без скипетра и венцов; а сам Сапега изображен коленопреклоненным перед иконой Богоматери (табличка эта хранилась в музее церковных древностей в Могилеве).
«В 1883 г. икона была снята со своего места и вставлена в привезенный из Москвы деревянный киот... завесы со ставни сняты, а сама ставня урезана пропорционально самой иконе, которая вставлена в другую раму. К сожалению, установка киота, несмотря на его благолепия, уничтожила прежнее благоговейное впечатление, производившееся чудотворной иконой в богомольцах. Поставлена ниже прежнего места... отчего вид на икону Божией Матери потерял бывшую живость и выразительность и незаметен издали, тогда как прежде Божия Матерь от самого входа видна была отчетливо и представлялась как живая»: Иеромонах Василий. Белыничеcкий Рождества-Богородицкий монастырь. С. 34.
222 РГВИА. ВУА. 21768, 1810 г. План местечка Белынич с окружающею ситуациею.
223 Журдо Ф. Белыничский Рождества-Богородицкий монастырь. Могилев, 1913. С. 22.
224 Иеромонах Василий. Белыничский Рождества-Богородицкий монастырь. С. 7.
225 Там же.
226 Там же. С. 8–9.
227 Чаняўская Т.І. Архітэктура Магілева. Мінск, 1973.
228 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2299. Общая ведомость о римско-католических монастырях в Витебской и Могилевской губерниях. 1830–1835 гг.; ЦГИА Беларуси. Ф. 1781, оп. 7, ед. хр. 1500, 190 г. Инвентарное описание.
229 SG. T.V. S. 942.
230 РГВИА. Ф. 405, оп, ед. хр. 2370, 1834 г. С. 63–67, 69–77; РГВИА. Ф. 405, оп, ед. хр. 2299. Общая ведомость о римско-католических монастырях в Витебской и Могилевской губерниях. 1830–1835 гг.; Слюнькова И.Н. Архитектура городов. С. 50.
231 РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834 г. С. 147–151.
232 Лихач Т.В. Григорианский хорал в литургических книгах Беларуси XVIII в. // Наш радавод. Кн. 3, ч. II. Гродно, 1991. С. 398–399.
233 Квитницкая Е.Д. Архитектура Белоруссии XVII в. // ВИА. Т. 6, С. 491–492; Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии С. 138; Атлас памятников архитектуры и мемориальных комплексов Белоруссии. Под ред. В.А. Чантурия. Минск,1988. С. 36–37.

234 Квитницкая Е.Д. Монастыри Бреста XVII–XVIII вв. // АН. № 27. М., 1979. С. 116–117; РГИА. Ф. 349, оп. 4, ед. хр. 7891,7892. 1830 г.
235 РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 724(1).
236 Квитницкая Е.Д. Монастыри Бреста XVII–XVIII вв. С. 117–119; РГИА. Ф. 349, оп. 4, ед. хр. 7903, 7904. 1830 г.
237 ЗПГІК. Мінская вобласць. Кн. 2. С. 33; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834 г. С. 111–122.
238 ЗПГІК. Мінская вобласць. Кн. 2. С. 79; РГВИА. Ф. 405, оп. 7, ед. хр. 2370, 1834 г. С. 106–109.
239 РГИА. Ф. 349, оп. 4, ед. хр. 7895,7896. 1830 г.
240 ЗПГІК. Гродзенская вобласць. С. 91–92.

ГЛАВА III

1 М. Лезьюв приводит основанные на сообщении С. Литока статистические данные по вероисповеданиям в Беларуси, которые не совпадают с основанными на документальном материале статистическими данными автора этой книги, посвященной монастырям, но не рассматривающей приходские храмы.
По С.Литоку, перед первым разделом Речи Посполитой на землях литовско-русских костел униатский всего насчитывал около 4,5 млн. верующих и 9650 парафий (приходов), причем костел латинский включал около 2 млн. литвинов и поляков, а также полонизированных русинов и только 1234 парафий, в то время костел православный насчитывал около 300 тыс. верующих и около 430 приходов. M.Lesiow. Unia Brzeska a rozwoj kultury. S. 162.
2 Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в.: (Извлечения из V т. Витебской старины). С приложениями. Составил и издал А.Сапунов. Витебск, 1889. С. 71.
3 S.Kosak. Unia Brzeska — oczekiwania i rzeczywistosc.// Unia Brzeska z perspektywy czterech stuleci. Lublin, 1998. S. 191.
4 Там же. S. 154, 194.
5 Там же. S. 193.
6 Рамм. Б.Я. Папство и Русь в X–XV вв. М.-Л., 1959. С. 43–45.
7 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. СПб., 1882. С. 363.
8 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 364; Рамм. Б.Я. Папство и Русь. С. 43–45.
9 Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь в истории Западно-русских епархий. Дис. На соиск. уч. ст. магистра богословия. Одесса. 1964. С. 45–61, 66.
10 Описание документов Архива. Т. 2. СПб., 1907. С. 91.
11 Чистович И. Очерк истории западнорусской церкви. С. 362.
12 Стрельбицкий. Униатские церковные соборы с конца XVI в.
13 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 364–167.
14 Христианские чтения 1889 г.; Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь. С. 95–96.
15 Одним из покровителей базилиан был обер-прокурор Синода (с 1805), министр иностранных исповеданий (с 1810), принадлежавший к организации масонов, кн. Александр Николаевич Голицын, который был масоном и склонялся к католицизму более, чем к православию. Считается, что после того, как кн. Голицын стал председателем «Российского библейского общества» (масонской организации), базилиане вступили в члены тайной масонской ложи. Униатский митрополит Иосиф Булгак (завершал свое образование в коллегии в Риме), живший попеременно в Петербурге и Жировицком монастыре, был избран заместителем председателя «Библейского общества». На связь базилиан

с масонами указывают также особое почитание ими св.Иоанна: покровителем низших степеней масонства считался Иоанн Креститель, а главным праздником Иоанновских лож был день Рождества Иоанна Предтечи. В то время в Жировицком Успенском соборе находился престол, посвященный именно Рождеству Иоанна Крестителя. Утверждалось также об участии монахов-базилиан Жировицкого монастыря в организации польских масонов. Эти и другие сведения содержатся в работах: Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь С.103; Воспоминания о греко-униатской церкви в Западном крае, архиепископа Антония (Зубко) СПб., 1889; 50-летие воссоединения Православной Церкви и Западнорусских униатов. Сборник деяний и торп. служения в 1839. СПб., 1839.

16 Орловский Е. Местечко Жировицы. Вильна, 1893. С.11.

17 Кояловичм М.О. История воссоединения западнорусских униатов. Минск, 1999.

18 Слюнькова І.М. Базыліянскія кляштары на Беларусі // Полымя. № 5. Мінск, 1993. С. 224–238; Слюнькова И.Н. Базилианское монастырское строительство в Белоруссии // АН. № 41. М., 1997. С.97–110; Пазняк У. Кароткі курс лекцый па беларускаму мастацтву. Полацк, 1997; Габрусь Т.В. Стылістычныя аспекты архітэктуры віленскага барока // Барока у беларускай культуры и мастацтве. Мінск, 1998. С. 141–166.

19 M. Łesiow. Unia Brzeska a rozwoj kultury. S. 162.

20 Пичета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 474.

21 Morelowski M. Problemy wileħskiej architektury barokowwej XVII–XVIII w. // Prace i materjaly sprawozdowcze sekcji historji sztuki towarzystwa przyjaciól nauk w Wilnie. T. 2. Wilno, 1938/39. S. 174–196.

22 Значение Рутского в истории Брестской унии и заслуги в ее распространении на землях Беларуси, по общепринятому мнению, очень велики. Его личность и деятельность получили довольно противоречивые суждения и оценки как среди духовных писателей, так и у светских авторов. Почти в каждом из описываемых униатских монастырей проявляется конкретная, повседневная работа митрополита по совершенствованию организации униатской церкви, основу которой должна была составить система базилианских монастырей. Эти усилия церковного иерарха, увенчавшиеся безусловным успехом, имели следствием установление в некотором роде верховенства базилиан над клиром приходских храмов и белым духовенством. Вокруг этого вопроса в основном и развернулась впоследствии полемика относительно роли Рутского.
Второй униатский митрополит Рутский принадлежал к знатному белорусскому дворянскому роду, имевшему населенные земельные владения в Новогрудчине. Был он человеком европейской культуры, завершал свое образование в греко-славянской коллегии в Риме. По возвращении в 1605 г. на родину он активно способствовал переходу монашества виленского Свято-Троицкого монастыря под управление униатов. В 1608 г. был назначен настоятелем этого монастыря и наместником униатского митрополита Ипатея Поцея. В Вильно Рутский стал наставником и покровителем Иосафата Кунцевича, вместе с которым в 1614 г., уже будучи митрополитом, предпринял поездку в Киев. Рутскому фактически принадлежала ведущая роль в основании и распространении ордена базилиан в Великом Княжестве Литовском, поскольку он явился инициатором и председателем первой конгрегации ордена, проходившей в 1617 г. в Новогрудке. По кн.: Щербицкий И.В. Виленский Свято-Троицкий монастырь. Вильна, 1885.

23 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 108; Чистович И. Очерк истории западнорусской церкви. С. 374.

24 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 108–109; ЗПГІК. Мінская вобласць. Кн. 2. С. 242.

25 РГИА. Ф. 824, оп.1, ед. хр. 115, 1798 г. С. 16.

26 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 374.

27 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. I. С. 108–109.

28 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 369.

29 Довгялло Д.И. Черейский монастырь // Могилевские губернские ведомости. Могилев, 1900. С. 8–9, 12.

30 Рисунки виленских церквей опубликованы в кн.: Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. С. 71.

31 Квитницкая Е.Д. Малоизвестные зальные сооружения Белоруссии конца XV–начала XVI в. // АН. № 16. М., 1967. С. 4–6; Датой основания монастыря называется также 1634 г. — см.: Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 376.

32 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 374.

33 Собрание древних грамот. № 57.

34 Описание документов Архива западно-русских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 297, 295.

35 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 374.

36 Дзянісаў У.М. Комплекс Базіліанскіх манастыроў у Мінску // Помнікі старажытнабеларускай культуры. Мінск, 1984. С. 118–125.

37 Описание документов Архива. Т.1. СПб., 1897 С. 295.

38 РГИА. Ф.1293, оп.167, ед. хр. 49, 1868 г. Минская губерния. Обмерные чертежи.

39 Квитницкая Е.Д. Особенности средневековых храмов Белоруссии // АН. № 23. М., 1975. С. 85.

40 Гісторыя беларускага мастацтва. Т. 2. Мінск, 1988. С. 51–52.

41 Батюшков П.Н. Памятники русской старины в западных губерниях. Вып. VII. Холмская Русь. 1865.

42 Karpowicz M. Barok w Polsce. Warszawa, 1988. S.300.

43 По завещанию Селява был погребен в Свято-Духовском монастыре: Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 376.

44 Собрание древних грамот. № 124.

45 Дзянісаў У.М. Комплекс Базіліанскіх манастыроў у Мінску. С. 118–125. Сведения о внутреннем укладе последних лет существования женского монастыря сохранились в документах визитов 1829 г. Появление базилианок изменило жизнь прихода Троицкой церкви и существовавшего при ней братства. К монастырю перешли церковные земли с плебанией и домом дьякона, иначе «школкой». Сложившийся порядок богослужения был также нарушен. Священник остался без дьякона, вдвоем с органистом, «да и то худым... (который) мшу (мессу) сыграть едва в состоянии». РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 167, 1829 г. С. 1–59.

46 В школе обучались 30 девиц: 14 вносивших плату, 4 приходящих и 12 бесплатных. Обучением занимались две монахини и две гувернантки. Преподавались российский, польский, французский языки, давались уроки нравственности, географии, арифметики и прочих наук. Воспитанницы учились игре на фортепьяно и гитаре, рукоделию: РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 167, 1829 г. С. 1–59.
В 1834 г. базилианки переведены в Мадзиольский монастырь кармелиток, а здания упраздненного монастыря отданы под больницу. См.: Чистович И. Очерк истории западнорусской церкви. С. 376.

47 А. Солтан происходил из весьма древней западнорусской фамилии Солтанов, до поступления в монастырь был брестским каштеляном и великим подскарбием Великого Княжества Литовского. Несмотря на свою знатность и свой сан, он, еще будучи мирянином, создавал православные Божии храмы в своих имениях, которые находились в воеводствах Гродненском и Минском. Монашество, под именем Иосиф, Солтан принял в Слуцком Свято-Троицком монастыре. Благодаря его стараниям Селецкий монастырь быстро обогатился хорошей ризницею и многими учительными книгами. В 1494 г. за заслуги перед государством, по привилегии короля Александра, Иосиф Солтан был наречен

смоленским епископом. В 1504 г. король пожаловал ему имения Топилец, Батют и Пище-
во, которые епископ грамотою 1506 г. завещал Супрасльскому монастырю, ктитором ко-
торого вместе с Александром Ходкевичем он и являлся. В 1507 г. Солтан возведен на кафе-
дру киевской митрополии, 10 мая был поставлен в митрополиты в присутствии трех
епископов. Умер в Вильне в 1517 г. См.: Орловский Е. Местечко Жировицы. Вильна, 1893.
С. 2–5.

48 Чудотворная икона находится слева от царских врат иконостаса Успенского собора.
На деревянной доске, выложенной серебром и позолотой, со священными изображения-
ми, прикреплен золотой эллиптической формы киот, в котором за кристальным стеклом
помещается изображенный на яшме чудотворный лик Богоматери с Предвечным Мла-
денцем на левой руке. Киот осыпан мелкими бриллиантами. Над самым киотом, напро-
тив глаз Богоматери и Младенца находятся две маленькие короны, также осыпанные
бриллиантами. Выше над образом большая корона, шитая золотом на шелковой материи;
над короной медный глобус с 17 крупными жемчужинами. Весь образ и помещенные на
нем украшения увешаны медалями, бляхами с различными надписями, привесками
с изображениями серебряных рук, ножек и сердец. Изображения эти (votiva) повешены
лицами, которые после молитвы пред чудотворной иконой нашли себе исцеление.
Первые сведения о появлении иконы относят к 1470 г., когда пастухи в лесу, принадле-
жавшем литовскому магнату Александру Солтану, заметили сильный свет. Пробравшись
туда, они нашли на дикой груше икону, от которой свет распространялся во все стороны,
у подножия груши протекал небольшой ручей. Пастухи отнесли икону Солтану, кото-
рый, выслушав их рассказ, спрятал ее в ящик. На следующий день Солтан рассказал не-
скольким гостям все произошедшее и велел принести ящик, чтобы показать икону,
но иконы, к его удивлению, в ящике не оказалось. Между тем пастухи, найдя вторично
икону на том же месте, что и в прошлый раз, принесли ее Солтану. Видя в этом знамение
Богородицы, он приказал на месте явления Богородицы построить деревянную церковь,
самую же икону покрыть серебряною ризой. Вокруг храма постепенно стали селиться
жители; возникло новое местечко, которое и получило название «Жировицы».
Жировицкая икона Богоматери, которой поклонялись люди различных вероисповеда-
ний, в Беларуси является одним из коронованных чудотворных образов. Обычай короно-
вания чудотворной иконы в Западной церкви существовал с VII в., но до XVII в. не был
частым. Жировицкая икона была 5-я по счету среди коронованных икон Пресвятой Бо-
городицы на территории Польско-Литовского государства.
Повод для коронования образа заключался в следующем. В начале XVIII в. в Риме, в рези-
денции генерального прокуратора базилианского ордена, в монастыре св. Сергия и Вак-
ха, во время ремонта коридора было обнаружено под слоем штукатурки изображение
Жировицкой иконы Божией Матери. Очевидно, эта икона была написана лет сто назад
каким-то базилианином, выходцем их белорусско-литовских земель, и позже, при после-
дующих ремонтах, замазана известью. Генеральный прокуратор базилиан Бенедикт Тру-
левич указал, чтобы перед открытой иконой была повешена лампада. Вскоре от новояв-
ленной иконы стали совершаться чудеса, и с каждым днем увеличивалось количество
паломников, среди которых был кардинал-протектор Руси и базилианского ордена Аль-
бани. Папа Климент XI повелел почитаемую народом Жировицкую икону перенести из
коридора в храм, что и было исполнено. В 1719 г. копия Жировицкой иконы была поме-
щена в униатской церкви св. Сергия и Вакха в Риме, отданной униатам еще в 1639 г.
В 1729 г. она была перенесена в каменный алтарь, где остается до настоящего времени.
Пышная церемония коронования Жировицкой иконы Богоматери (официальное при-
знание церковью чудесных исцелений перед иконой) совершалась 19 сентября 1730 г.
Корона была изготовлена в Риме, на средства Анны Радзивилл. Обряд совершал униат-
ский митрополит Афанасий Шептицкий в сослужение епископов униатских — влади-
мирского Феофила Годебского и пинского Юрия Булгака, с участием многочисленного

белорусского духовенства. Празднество продолжалось более 8 дней. 7 сентября 1729 г.
в Риме состоялось великое торжество по случаю перенесения в главный алтарь храма
св.муч. Сергия и Вакха прославленной чудесами копии Жировицкой иконы Божией Ма-
тери. Генеральный прокуратор ордена базилиан Игнатий Кульчинский в своем офици-
альном донесении сообщил протоархимандриту о небывалых торжествах в апостольской
столице. См.: Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь. С. 74, 76;
Орловский Е. Местечко Жировицы. Вильна, 1893. С. 2–5, 9.

49 Сапега 22 августа 1616 г. отписал в пользу церкви Богородицы имение Шилковице,
а также передал ей богатую церковную утварь и колокол. См.: Орловский Е. Местечко
Жировицы. С. 7.

50 Крачковский Ю. Очерки униатской церкви // Чтение в об-ве истории и древностей.
1871.
Жировицкую школу окончил видный униатский епископ Войтех Булгак, автор многих
богословских и философских сочинений. Позднее, в 1743 г., благодаря его трудам в Су-
прасле была издана Славянская Библия. См.: Антоний (Мельников), архимандрит. Жиро-
вицкий монастырь. С. 65–66.

51 В 1713 г. настоятель Жировицкого монастыря архимандрит А.Завадский написал ис-
торию об этой обители: «Collectanea Historyka o Klastoze Zyrowickim». До архимандрита
Завадский был протоархимандритом базилианского ордена и первым из деятельных его
руководителей. См.: Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь. С. 58.

52 Во второй четверти XVIII в. упоминаются следующие владения монастыря: имения
Солтановщизна, Прусовщина в Слонимском повете (1745). РГАДА. Ф. 1603, оп. 29,
ед. хр. 208.

53 О. Лев Паевский. Жировицкий и Брест-Литовский архивы (к вопросу о значении
провинциальных архивов для Западно-Русского края // Труды 9-го археологического
съезда в Вильне 1893 г. М., 1895. С. 306.

54 Архимандрит Николай, настоятель Жировицкого монастыря и смотритель Жиро-
вицкого духовного уездного училища. О Жировицком монастыре и находящейся в нем
иконе Божией Матери. Киев, 1864. С. 9.

55 После ухода войск шведского короля Карла XII в Жировичи из Рима были перевезе-
ны и помещены в Успенской церкви мощи святых католической церкви: Орловский
Е. Местечко Жировицы. С. 9.
Сохранились описания некоторых деталей проведения религиозных обрядов в храме. Чу-
дотворная явленная икона Божией Матери помещалась и помещается в иконостасе цент-
рального алтаря, слева от царских врат. Каждое открытие и закрытие чудотворной иконы
специальными портьерами, по католической практике, сопровождалось трубными звука-
ми, колокольным звоном и гудением бубнов. На всех боковых, помещенных вдоль стен
престолах непрерывно совершались читанные мессы... по всем углам и в нишах были рас-
ставлены конфессионалы (католические кафедры для исповедающего священника), у ко-
торых всегда толпился народ. Перед чудотворным образом Божией Матери отчитывали
бесноватых. В праздники и в канун праздников на балюстраде монастырской колокольни
помещался оркестр, который часа 2–3 кряду разыгрывал духовные и светские пьесы.
См.: Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь. С. 72, 81.

56 Жировицкая чудотворная икона и Жировицкая обитель. Гродно, 1907.

57 Архив униатских митрополитов. Т. 2, № 2292, С.384.

58 План собора приведен в кн: ЗПТІК: Гродненская вобласць. Мінск, 1986. С. 310–311.

59 Архимандрит Николай, настоятель Жировицкого монастыря и смотритель Жиро-
вицкого духовного уездного училища. О жировицком монастыре. С.9.

60 Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь. С. 70, 141.

61 О. Лев Паевский. Жировицкий и Брест-Литовский архивы. С. 301–302; РГИА.
Ф. 835, оп. 1, ед. хр. 83.

62 Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь. С. 143.

63 Там же. С. 11, 58.

64 Архимандрит Николай, настоятель Жировицкого монастыря и смотритель Жировицкого духовного уездного училища. О жировицком монастыре. С. 9.

65 Тема Страстей Христовых получила широкое распространение в церковном искусстве Украины и Беларуси, в иконостасные комплексы были введены дополнительные страстные ряды, этот сюжет очень часто включался в росписи храмов и иконопись Украины. См. кн.: Жолтовський П.М. Український живопис XVII—XVIII ст. Київ, 1978. С. 109—115. Первоначально Страстной цикл существовал и в выполненном белорусскими мастерами иконостасе Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве.

66 Łoza S. Architekci i budownichowie. S.123.

67 В доуниатский период монастыря архимандритами его упоминаются Варсонофий (1508) и Филарет (1524), позднее — игумен Исаия (1641). Позднее игумен монастыря упоминается в связи с участием в подготовке ключевого «соглашения о примирении» между униатами и православными: «Универсалом Сигизмунда III в 1629 г. был созван во Львове собор для разрешения постоянных несогласий между униатами и православными и предварительных частных соборов униатов во Владимире, православных в Киеве. Подписи о внесении универсала в городские книги жировицкого монастыря были поставлены о. Иоанном Гостиловским, полоцким игуменом Борисом, монахом Геннадием Хмельницким, витебского монастыря Воскресенским священником, мстиславским — наместником архиепископа мстиславского, игуменом монастыря «Онуфриевского и Пустынского» Валерианом Канафольским». См.: Архив западно-русских униатских митрополитов. Т.1. С. 208.

68 Архив западно-русских униатских митрополитов. Т. 2. № 1079, 1836 г.

69 Краснянский В.Г. Город Мстиславль. Вилна, 1912.

70 «По документам президента Авремия Станиславского от 26 января 1803 г. ... состояние монастыря хорошее, не имеет никаких долгов и не требует никакой поддержки при хорошем и распорядительном хозяйничанье; приходских домов 80, ревизских душ мужского пола 1308; при монастыре есть приходская школа, в которой (на) монастырской одежде и пропитании содержатся 10 детей, учатся русской и польской грамматике и пению в церкви; имеется суконная фабрика на одне только домашние нужды». См.: Архив западно-русских униатских митрополитов. Т.2. № 3030, С.616.

71 Памятная книжка Виленской губернии за 1907 г. С.30.

72 Монастырь имел до 200 учеников. Ему принадлежала отдельно расположенная деревня в 25 дворов. Упоминается также о некоем втором монастыре. См.: Jankowski Sz. Powiat Oszmianski. Petersburg, 1896. S.58.

73 Чистович И. Очерк истории западнорусской церкви. С.372.

74 Монастырь в две линии. Построен в 1788 г. Первая линия длинная, двухэтажная оштукатуренная с двух сторон 58,2 х 11, 5 м, высоты 7,2 м; вторая линия поперечная, серединой смыкается с первой от огорода, трехэтажная, в значительной части оштукатуренная, 42,0 х 11,5 м, высота 9,2 м. Те линии под одной гонтовой крышей... От входа на двор монастырский с местечка через браму новую, деревянный и далее на (уровне) первого этажа на коридор... камнем, здесь 6 кладовые, справа 7 линий, из них... все со сводами... и в линии поперечной келии с кладовыми 2, единичные — 4, все со сводами и деревянными потолками.. Второй этаж состоит также из коридора... кельи — 8 с кладовыми...
Поперечная линия трехэтажная... (фасад) к местечку выкрашен в красное, с пилястрами, карнизами и капителями готической архитектуры; бока верхние покрыты железом, а било забито досками. Через этот фасад к монастырю лестница. Коридор фасада через линию неоштукатурен, выложен камнем, окон 5, из которых 4 — мелкого стекла. В этом этаже 3 комнаты жилые для огородного... 13 монахов. РГИА. Ф.824, оп.2, ед. хр. 154, 1823 г. С. 24—81.

75 На самом углу от церкви звонницы, вторая зимняя, в четыре грани построенная из
камня, почти 17,3 м высота, 4,1×4,1 м... галереи на 2 стороны с балясинами, на углах кото-
рой поставлены деревянные вазоны и на выше расположенных карнизах — 8 штук. 3 ко-
локола. Наверху есть часы, имеется один циферблат от рынка. От часов к колоколам про-
волоки и молотки... К звоннице примурованы лавочки 2,4×2,4 м, крыты гонтом.
Каплица, выходя из церкви по правой стороне на 20 шагов; каплица 8-угольная, закончена наверху в виде пирамиды, наверху крест. Одна дверь, по бокам два небольшие окна...
одно овальное малое окно напротив дверей в пирамиде... Менса каменная. РГИА. Ф. 824,
оп. 2, ед. хр. 154, 1823 г. С. 24—81.

76 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 154, 1823 г. С. 2—4.

77 Сакристия в конце двух церковных каплиц... каменные под одной гонтовой крышей с каплицами. Сакристия 6,2×4,4 м, высота 3,5 м. Своды на двух стенах и аркаде, вымурованной посередине, пол деревянный, два окна, над ней спальня. По другой стороне церкви в конце каплицы св. Томаша вторая сакристия. Ранее бывшая каплицей, тех же размеров что и первая сакристия. Пол кирпичный, окон 2. РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 154, 1823 г. С. 24—81.

78 Церковь никогда не была греко-российской или фарной учительной. Алтарей каменных 9: пять при стенках и четыре при столбах. Дорической архитектуры весь алтарь большой при стене, оперт на 6 колоннах, расписан под мрамор в зеленый и голубой цвет с позолоченными капителями, карниз голубой, «залес под потолок», гипсовые фигуры. Посредине алтаря в окне крест деревянный. Между двумя гипсовыми статуями Анны и Иоакима по 5 окон, между колоннами гипсовые статуи Моисея и Аарона, а на карнизах серафимы с крыльями позолоченными. Во вне карнизов небольшое овальное окно, при котором из гипса св. Троица. От этого алтаря на 8 шагов внутрь церкви есть менса деревянная, на ней стоит цибориум деревянный. РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 154, 1823 г. С. 24—81.

79 Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба Гродненской губернии. Часть 2. СПб., 1863. Lorentz S. Wycieczki Slonimskie: Krótki przewodnik krajoznazczy po Slonimie oraz Albertynie, Byteniu, Synkowiczach, Zdzięciole i Żyrowicach. Slonim, 1933.

80 Орловский Е.Ф. Гродненская старина. Часть 1. Город Гродно. С гравюрами. Гродно, 1910. С. 83.

81 Памятная книжка Гродненской губернии на 1866 г. Гродно, 1866. С. 7—12.

82 Łoza S. Architekci i budownichowie. S.80.

83 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 371.

84 Шыдлоўскі К.С. Архітэктурная спадчына Браслаўшчыны: Гістарычна-архітэктурны
нарыс. (Помнікі беларускага дойлідства). Мінск, 1996. С. 42—45. Зарисовка Д.Струкова
(1864) передает вид совершенно иного комплекса.

85 В 1814 г. замок в имении Вымно приобрел Лаврентий Карлович Тринтох и на месте
замка построил дом Тринтохов, позднее перешедший к их наследникам Ивановским.

86 Абрамава І. Фундуш Тадулінаскаму кляштару Тадэвуша і Ізабэлы Агінскіх //
Віцебскі сшытак. Віцебск, 1995. № 1. С. 52—54. Карта фольварка Казимирова с изображе-
нием кляштора Базилианов Тадулинских и Двора Тадулина.

87 Арсеньев. В.С. Поездка в Тадулин монастырь Витебского уезда 6 августа 1910 г. Ви-
тебск, 1910. С. 7—23.

88 Некоторые юридические документы, связанные с историей монастыря, приведены
в кн.: Сапунов П.А. Архив Полоцкой духовной консистории. С. 46—47. Среди них сведе-
ния о начале строительства монастыря: «По дарственной записи 1743 г... Огинских о на-
дании Базилианского монастыря, состоящего в имении их Огинских Тадулине или Вы-
мне, в виде фундуша, к построенной уже церкви и начатому строиться монастырю на
содержание в нем 6 иеромонахов, отделенного от этого имения населенного фольварка

Успола, а потом Казимирова, с принадлежностями». Позднее монастырь получил ряд новых пожалований: «По духовному завещанию 1744 г. смоленской стольниковой Елисаветы Головинской Пышницкой, коим бывшая в пожизненном владении ея деревни Дражно и Рыбаковщину, она передает во владение базилиан Тадулинского монастыря впредь до уплаты им наследниками ея одолженных 5000 злотых польских... В 1754 г. состоялась облигационная запись троцкого каштеляна Фаддея Огинского, данная Тадулину монастырю, на 150 червонных золотых с обязательством внести их в 1755 г.». В 1769 г. каштеляном Ф. Огинским было дано поручение тадулинскому эконому Скуцевичу об отпуске материалов и рабочих на постройку при Тадулином монастыре новой каменной церкви, а также в течение трех лет по 100 талеров ежегодно. В период 1804–1839 гг. Тадулинским монастырем с разными лицами было заключено 5 контрактов на возведение монастырских построек и на обучение мастеровых.

89 Архив западно-русских униатских митрополитов. Т. 2. № 3030. С. 618.

90 Игумен монастыря Сильвестр Буковский в 1837 г. на запрос митрополита Булгака отвечал, что не может принять уволенного по болезни и изъявившего желание поселиться в келии Тадулинского монастыря поручика витебского батальона полоцкой инвалидной команды Иосафата Елисеева Скорина, поскольку с упразднением монастырей число монашествующих в Тадулином монастыре настолько умножилось, что в одной келье помещаются по 2 и по 3 человека. См.: Архив западно-русских униатских митрополитов. Т. 2. № 3460. С. 1121.

91 Арсеньев. В.С. Поездка в Тадулин монастырь. С. 22.

92 Собрание древних грамот и актов Минской губернии. Минск, 1848. № 139.
Некоторое время спустя, по мере возрастания влияния брестской кафедры, митрополит Ипатий Поцей от себя и своих преемников назначил ей пенсию. См.: Паевский Л. Город Брест-Литовский и его древние храмы. Гродно, 1894.
Со своей стороны епископ Иосиф Баковецкий в 1608 г. предоставил 500 польских злотых от доходов имения Пнево. Кроме того, кафедре принадлежали земельные владения в Бресте и его окрестностях. По сведениям генерального визита 1759 г., к церквам Брестской капитулы относились брестские Спасо-Преображенская за рекой Мухавец, Михайло-Архангельская на Песках, Свято-Троицкая на Войтовой улице, загородные в селах: Рождества-Богородичная в Гершовичах, Иоанно-Богословская в Лобачеве, Кресто-Воздвиженская за рекой Мухавец. С 1704 г. при Николаевском соборе действовало учрежденное архиепископом, а позднее униатским митрополитом Львом Слюбиц-Заленским братство с отдельными скарбницами при мужской и женской церковных общинах. В 1759 г. их численность составляла 50 братчиков и 60 сестер. См.: Зоненберг Х. История города Брест-Литовска 1016–1907 гг. Брест-Литовск, 1907. С. 71.

93 Мужское братство включало 50 братчиков, имело свою скарбницу с замком и ключами, однако не имело собственных фундаций и привилеев. Другое братство сестер базилианок насчитывало около 60 членов и имело свою скарбницу. См.: Паевский Л.С. Брест-Литовск и его древние храмы. (Исторический очерк). Гродна, 1894. С. 32–36; Радзишевский Е.И. Историческое описание города Гродно. С. 25.

94 Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. С.141.

95 План брестского Николаевского собора известен по чертежам 1834 г., подготовлен-
ным в связи с его перестройкой в греко-российскую церковь, причем предусматривалось
ввести лишь незначительные изменения в архитектуру существующего храма. РГВИА.
Ф. 349, оп. 4, ед. хр. 8023. План Униатскому собору св. Николая, предполагаемому к пере-
стройке в Греко-Российскую церковь. СПб., 1834. Высочайше утвержден 3 апреля 1837 г.
96 Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1985.
С. 93–95; Łoza S. Architekci i budownichowie. S. 75.

97 Зоненберг Х. История города Брест-Литовска. С. 71.

98 Квитницкая Е.Д. Монастыри Бреста XVII–XVIII вв. // АН. № 27. М., 1979. С. 119.

99 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 371.

100 SG. T. I. S. 518.

101 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 210, 1839 г. С. 1–13.

102 Совсем не прямой аналог — капелла Денцингофера 1686 г. См.: Kappel shrine near Waldsassen, Georg Dientzenhofer. Norberg-Schulz, Christian. Late Baroque and Rococo Architekture. New Jork. 1980. S. 41–42.

103 Такое предположение высказано Т.Габрусь, ссылающейся на работу Ст.Лоренца, первого исследователя Троицкой церкви в Бытене. См.: Габрусь Т.В. Стылістычныя аспекты архітэктуры віленскага барока // Барока у беларускай культуры и мастацтве. Мінск, 1998. С. 152.

104 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 210, 1839 г. С. 1–13.

105 Сементовский А.М. Витебск и уездные города Витебской губернии. СПб., 1864. С. 20–21.

106 Пожалование составляло вотчинные имения Авдеевичи фундатора Шаховича, а также приобретенные из «королевщизны» три службы — Пуризы и Яшковичи, к этому прибавлялись плацы (участки городских земель) на Узгорье и за рекой Двиной. См.: Сапунов А.П. Витебская старина: Материалы для истории Полоцкой епархии. Т. V, ч. 1. Витебск, 1888. С. 46;
Кроме того, ктитор назначил денежную сумму в 1 тыс. талеров литовских на содержание четырех монахов и одного послушника. Позднее монастырь вошел во владение и другими имениями, в частности селами Верховье, Поддубье, Велешковичи, Друково, доходы от которых сделали монастырь одним из богатейших в епархии. См.: Сапунов А.П. Архив Полоцкой духовной консистории. М., 1898. С. 7, 13, 24, 32.

107 Стукалич В.К., Никифоровский Н..Я. Странички из недавней старины Витебска. Витебск, 1900. С. 15.

108 Мастер принадлежал к многочисленному клану работавших в Польше архитекторов по фамилии Фонтана и в справочной литературе известен как Fontata Josef III (около 1700–1755). Архитектор работал по преимуществу в Беларуси, среди его храмовых сооружений были церковь в Гродно (1726), костел в Столовичах (проект 1740, строительство 1743), проект и строительство костела Командории Мальтанской в Столовичах. К этому списку можно добавить упоминавшийся во второй главе костел бернардинцев в Будславе.

109 Чарняўская Т.І. Архітэктура Віцебска: З гісторыі планіроўкі і забудовы горада. Мінск, 1980. С. 33–37.

110 Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 52. СПб., 1914. Дело 1913. № 263.

111 Опираясь на такую совершенно прагматичную трактовку обходной галереи и произвольно перенося ее на литургические правила православной церкви, позднее архитектор Н.В. Султанов применил такой прием при построении дворцовой Петропавловской церкви в Петергофе.

112 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 376.
113 РГИА. Ф. 835, оп. 1, ед. хр. 758, 1865 г. Проект перестройки здания бывшего Духов-
ского монастыря под Витебское женское епархиальное училище.

114 Церковь «крестообразная, коринфской архитектуры, деревянный пол, внутри длина
42,6 м, ширина 38,1 м, высота до света 27,7 м. Снаружи от фронтона с двух сторон башни
с железными позолоченными крестами... Среди церкви круглый с восемью окошками ку-
пол, на котором крест. Церковь украшена вазонами и покрыта железом. Два большие и са-
мый главный фронтон совершенно себе подобные и одной высоты, имеют гонтовую кров-
лю, красной покрыты краской и имеют по одному железному кресту... окон на нижнем
этаже с железными решетками 24. Под церковью погреб с погребениями для усопших,
окон с железными решетками 3. При входе крыльцо с тремя ступенями каменными, устро-

ено... из дикого камня плитой. Две ризницы, 10 дверей (четыре на хоре). Оградой служит
с двух сторон ров с ручьем, а с третьей самый монастырь. Церковь на краю города.
Семь алтарей; большой имеет престол дорического ордера каменный, в виде мрамора рас-
писанный; вазоны, колонны, балдахин; рамы отлично расписаны. Между... большим алта-
рем и иконостасом посреди святилища престол. Иконостас римского ордена об одном эта-
же, резной... В нем колонны, базы, капители, карниз, вазоны, венцы, царские врата
с четырьмя образами. Иконостас отделен от церкви оптически раскрашенной кофейного
цвета, вроде балюстрады с дверцами, решеткой. Второй алтарь — у колонны, по правую
сторону церкви, резной коринфского ордена; расписан золотой краскою и местами позо-
лочен. Вазоны, гирлянды, венцы. Третий алтарь — у левой колонны; четвертый — по пра-
вой стороне от второго; пятый — по левой стороне от третьего, как четвертый; шестой —
по правой от входа в церковь у колонны, оптически золотом расписан; седьмой — тоже
у левой колонны. Паперть, по сторонам ее два притвора с дверьми. Справа служит для
складки церковных вещей. Левый с исповедальней для монахинь; притвор принадлежит
к хору, (расположенному. — *И.С.*) над папертью. С обоих описанных притворов через
всю церковь простирается по обеим полуциркульным бокам проход, обеспеченный балю-
страдой. На нем в 17 устроенных вроде скамей местах помещаются монахини и воспиты-
вающиеся в нем девицы. Стены, колонны и своды расписаны под разноцветный мрамор;
в куполе четыре евангелиста. Особой колокольни нет, четыре колокола в левой башне.
Посреди башен, над крышей еще колокол, веревка к хору монахинь для начального благо-
веста. Сперва от большого алтаря находились придел и ризница... Монастырь каменный
двухэтажный в одну линию со сводом и ломаной крышей 21,3×8,5 м, сооружен в 1793 г.
фундаторами. При входе в каменное крыльцо небольшие сени. Слева большая приемная
(Parlatorium) 7,5×5,3 м, высотой 2,8 м; перегорожена от пола до потолка железною решет-
кой, за которой вход изнутри монастыря для монахинь в их зарешетчатое отделение за
железной дверью. В приемной для службы в зимнее время установлен престол с иконами
(окон 5, 3 стола, 12 стульев). Из сеней направо дверь в другую, малую приемную 5,3×3,2 м,
высотой 2,8 м; перегороженную от кельи привратницы внизу панелями, а вверху деревян-
ной решеткой... В концевой стене кельи игуменьи, на повороте на второй этаж, тоже по
коридору, направо кельи для монахинь четыре, из которых две двухкомнатные для мона-
хинь учительниц. По первой из двухкомнатных келий служит вместе помещением для
воспитывающихся девиц и пансионом. Здесь одно фортепьяно... Противоположно камен-
ному монастырю, на другой стороне двора прежний, старый здесь монастырь, требую-
щий перестройки 14,9×6,4 м; служит для жительства части монахинь; из двух линий; зала
одна, келий семь, 13 окон. На окончании второй линии, напротив церковных дверей... от-
деленное глухой стеной от келий жилище духовника, с погребом; между кельями и дере-
вянным монастырем, внутри подворотня деревянная квадратная, 10,7×6,4 м, гонтом кры-
тая с двумя кладовыми трапеза с сенями... Смежно с каменным монастырем, в конце
первого оконечного на подворье угла... флигель деревянный не законченный 19,2×6,4 м
служит кухней... близ трапезной амбар. На восточной линии подворья в одну линию из
круглого дерева хозяйственные строения: конюшня, конюшенный и сенной сараи на три
лошади; пивоварня, служащая вместе с баней и хлевом для скота шести коров, четыре
телки, пять свиней, восьми поросят, 20 кур. С двух сторон от монастыря молодой сад
и огород. В огороде ледник. Больницы и аптеки нет. 14 монахинь, 5 крепостных обоего по-
ла, среди них шести лет девочка, служат в монастыре. В пансионе 19 девиц (платят),
из них 3 бесплатные; учат игре на фортепьяно, немецкому и другим языкам две монахи-
ни». РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 144, 1829 г. Визиты девичьих униатских монастырей Ор-
шанской, Полоцкой и Витебской епархий. С. 2–13.

115 Полоцкая кафедра и базилиане неоднократно получали крупные и менее значитель-
ные фундуши. Можно привести ряд примеров, различных по характеру и времени пожа-
лований. Документ 1662 г. свидетельствует о передаче полоцким воеводой Друцким-Со-

колинским по завещанию церкви св. Софии имений Сапники и Урода. Полоцкому архи-
епископу указом короля Сигизмунда III от 1643 г. отмежевывались села Ладошино и Чер-
ствяты, а также церковные земли с крепостными людьми. Иосиф Рутский завещал по-
лоцким базилианам 600 коп литовских грошей и 2 тыс. золотых на выкуп деревни Белой.
Сохранилась дарственная запись Христофора Воротынца 1667 г. на три четверти плаца
в Полоцке. По завещанию униатского митрополита Киприана Жоховского от 1687 г. дви-
жимое имущество переходило убогим, а все остальное Софийской кафедре на ремонт
той же церкви. Староста Франц Зенович записал монатырю двор в «Полоцком Вышнем
замке», и т. д. См.: Описание документов Архива. Т. 1. С.380; Сапунов А.П.Архив Полоц-
кой Духовной Консистории. М., 1898. С. 59, 88.

116 Сапунов А.П. Полоцкий Софийский собор. Витебск, 1888. С.8.

117 Сапунов А.П. Архив Полоцкой Духовной Консистории. С. 12–13, 64–65.

118 Сапунов А.П. Полоцкий Софийский собор. С. 13–19.

119 В июне 1657 г. по соизволению царя Алексея Михайловича патриарх Никон возвел
в сан полоцкого епископа игумена Витебского Маркова монастыря Каллиста Дорофееви-
ча Риторайского. Сапунов А.П.Архив Полоцкой Духовной Консистории. М., 1898. С. 15.

120 Сапунов А.П. Полоцкий Софийский собор. Витебск, 1888. С. 13–19.

121 РО БАН. F 266, Т. 3. План Полоцка (Plan von Polozko) 1707 г.

122 «... случилось Его Царскому Величеству итти мимо их костела (Софийского) и, желая
видеть их церемонии пошел с несколькими знатными особами Двора своего, тогда помя-
нутые злочестивые не токмо Его Величество, с подобающею честию (не) приняли, ни па-
че со всяким безчестием, которого бы не токмо такому монарху, но и простому-б, чести
достойному, снести от них не возможно. Ибо егда ЕЦВ, желая обрядов их церковных ви-
деть, войтить хотел в алтарь того костела, то начали оныя безчинными словами Его Вели-
чество говорить, что не достоит ему, яко противнику веры, тамо вступать. Еже Царское
Величество, однакож, по благоутробию своему, снес и, ничего не отвещая, вышел вон;
и пришед к некоторому ту паче прочих украшенному образу вопрошал их: «Чей то об-
раз?» На сие злочестивцы ругательно отвещали, что сей образ святого мученика их
Иосафата (Кунцевича), который де ваши единоверцы, еретики и богоотступники и му-
чители, как и вы, убили. За которую мерзкую хулу (возъярився) повелел Его Царское Ве-
личество при себе тогда обретающимся людям оных хульников и уличенных изменников
взять и привесть за крест для осуждения, изшед сам вон от сих богомерзких... Но униа-
ты, видя наше малолюдство, стали звать на помощь и противиться, прибежали вооружен-
ные на подмогу униатам и в сопротивлении своем некоторых людей ЕЦВ ранили, за то
те озлобясь, сами стали сих злодеев не щадя рубить, так что четыре из них, против воли
ЕЦВ смертно ранены и померли (История царствования Петра Великого. IV, ч. 2-я. При-
мечания)»: Сапунов А.П. Архив Полоцкой Духовной Консистории. С. 17–18.
Во время пребывания в Полоцке Петр Великий жил то в кельях Спасо-Евфросиниевского
монастыря, принадлежавшего в то время иезуитам, то в самом городе, в каменном доме,
близ Богоявленского монастыря. См.: Сапунов А.П. Полоцкий Софийский собор. С. 16.

123 «Камендант Озеров взял Чудотворную икону Пресвятой Богородицы в серебряной
позолоченной ризе с драгоценными, крупными камнями, и два колокола, ценностью
в 1000 злотых... церковные книги русские и польские... часы , что были на церковной
башне, г.Ржевский велел снять и употребить на ковку своих фур... Алтарь св. Онуфрия,
отчасти еще неоконченный и стоивший 1500 злотых, велено сжечь. Тот же г. Ржевский
позабирал все церковные образа, а некоторые попортил»: Сапунов А.П. Архив Полоцкой
Духовной Консистории. С. 82.

124 Сапунов А.П. Витебская старина. Т. V, ч. I. Витебск, 1888. С. 286, 327–328.

125 Описание документов Архива. Т. 2. С. 105–106.

126 РГИА. Ф. 1399, оп. 1, ед. хр. 361, 1774–1775 гг. План города Полоцка.

127 Автор проекта и начала строительства костела (1749–1766) архитектор Ян Кристоф

Глаубитц (прибыл в Вильно в 1837 — умер 1767). Он принимал активное участие в реконструкции многих костелов и монастырей в Беларуси и Литве: фасады, колокольня и каплица св. Барабары, большой алтарь костела св. Яна в Вильно (1738–1750), начатый ранее Езефом Фонтана костел Командории Мальтаньской в Столовичах (1740–1746), восстановление после пожара костела св. Катарины в Вильно (1741–1750) См.: Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 93–94, 153.

128 Кулагин А.Н. Шедевры архитектуры рококо: Историко-архитектурный очерк.Минск, 1991. С. 34.

129 В последние годы в монастыре числилось 2990 мужчин и 1820 женщин крепостных. См.: Описание документов Архива. Т. 2. С. 616.

130 Сапунов А.П. Архив Полоцкой Духовной Консистории. М., 1898. С. 13.

131 Там же. С. 63–65, 58.

132 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 144, 1829 г. С. 43.

133 Сапунов А.П. Река Западная Двина. С. 406.

134 Без-Корнилович М.О. Исторические сведения. СПб., 1855. С. 28

135 Дело о закрытии Струньской каплицы 1836 г., написанное Н. Хованским, было открыто на основании того, что в архиепископской каплице постоянно проводится богослужение по униатскому обряду, в которой с самой кончины епископа Матусевича служения не было; определен к сей каплице униатский священник и таким образом составлен новый приход из остатка небольшого числа неприсоединившихся к православию архиепископских и некоторых других посторонних крестьян, принадлежавших ранее к другим приходам, и домовая архиепископская каплица сделана приходской церковью. В сию каплицу, яко совершенно смежную с приходскою благочестивою церковью, кроме униатов ходят по смежности... Поелику полоцкий униатский архиепископ имеет постоянное пребывание в Санкт-Петербурге, в его отсутствие нет никакой надобности отправлять служение в домовой его каплице. См.: Архив западно-русских униатских митрополитов. Т. 2. № 3314. С. 981–982.

136 Березвичи и Красносток. Краткий очерк истории Березвечского женского монастыря, Литовской епархии, и Красностокской женской обители, Гродненской епархии. Бесплатное приложение к журналу «Церковные Ведомости». СПб., 1901. С. 6–9.

137 Сапунов А.П. Архив Полоцкой Духовной Консистории. С. 60.

138 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 371.

139 Березвичи и Красносток. Краткий очерк истории Березвечского женского монастыря. С.9–12.

140 Bohdziewicz P. Kosciol pobazyliański w Berezweczu. // Biuletyn Historii Sztuki. 1983. № 3–4. S. 328.

141 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 162, 1822 г.

142 Bohdziewicz P. Kosciol pobazyliański w Berezweczu. S. 345.

143 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 67.

144 Morelowski M. Znaczenie baroku wilenskiego XVIII stulecia. Wilno, 1940.

145 Кулагин А.Н. Шедевры архитектуры рококо. С. 61.

146 Prace i materjaly sprawozdowcze sekcji historji sztuki towarzystwa przyjaciól nauk w Wilnie. Wilno, 1938/39. S. 203–205.

147 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 162, 1822 г.

148 Павловский А. Оршанский Покровский монастырь и приписной Богоявленский Кутеинский монастырь. Н.-Новгород, 1908. С. 26.

149 Описание документов архива западно-русского униатского митрополита. Т. II. С. 619. Монастырь на протяжении долгого времени сохранял значительные владения, так по ревизии 1832 г. в Покровском монастыре Орши помещалось 5 монахов, 106 ревизских душ крестьян, прихожан 61, земли пустопорожней 46 уволок и 8,5 моргов. Здания монастыря весьма обширны, хотя число монашествующих в оном весьма незначительно... обряды

восточной церкви не соблюдаются. Беспорядок в управлении. РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 213, 1832 г. С. 45.

150 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 117, 1798 г. С. 28.

151 Там же. С. 72.

152 РГИА. Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 144, 1829 г. Визиты униатских девичьих монастырей епархий Витебской, Оршанской и Полоцкой. С. 24–25.

153 Там же. С. 27–31.

154 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 374.

155 Габрусь Т.В. Стылістычныя аспекты архітэктуры віленскага барока. С.153; Жировицкий и Брест-Литовский архивы (к вопросу о значении провинциальных архивов для Западно-русского края) // Труды 9-го археологического съезда в Вильне 1893 г. М., 1895. С. 306.

156 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. IX. С. 21.

157 Там же.

158 Łoza S. Architekci i budowniczowie. S. 333.

159 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 374.

160 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып I. С. 128–130.

161 В описи было сказано: «Монастырь содержит «публичные школы», профессора — монахи монастыря Иероним Лопатто (префект), Флориан и Сильвестр Быковские и пан Ян Вирер; студентов 80; науки 4 класса: красноречие, виршеписание, география, геометрия, история, мораль; 2 и 3 класса: науки христианские, моральная, география, история политическая, арифметика высшая, правила высшей конструкции; 1 класса: катехизис, науки благонравия и др. Госпиталя нет... В будущем году откроется и «фабрика мурования» школ, каплицы и ограды вокруг монастыря». См.: Архив западно-русских униатских митрополитов. Т. 2. № 3030. С. 617–618.

162 «Распоряжение короля вооружило православных против нового «хозяина». Именитые люди мстиславские, Москевичи, внезапно ворвались в монастырь, и, встретив нового настоятеля, набросились на него, сбили с ног и вырвали часть его бороды. Затем забрали еще оставшиеся документы и уехали. Поступок Москевичей повлек, было, отдачу монастыря в 1605 г. родственнику их, православному земянину Константину Ипатьевичу Москевичу, но... вскоре монастырь был занят базилианскими монахами и находился все время до 1839 г. в их руках». См.: Пустынский Успенский монастырь Могилевской епархии. Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 11.
Монастырь был малочисленным, в 1773 г.в нем состояло 9 человек братии.

163 Архив западно-русских униатских митрополитов. Т. 1. С.208.

164 Пустынский Успенский монастырь: Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 145, 16–17.

165 Там же. С. 18–19, 22–25.

166 Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864.С.155.

167 SG. T.V. S.62.

168 Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. С. 155–157.

169 Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып.V. С. 85.

170 Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. С. 38; Описание церквей и приходов Минской епархии. Вып. IX. С. 140.

171 РГИА, Ф. 824, оп. 2, ед. хр. 207, 1834 г. Инвентарь Лещинского монастыря.

172 Миловидов А.И. Архив упраздненного пинского Лещинского монастыря. М., 100.

173 Архив западно-русских униатских митрополитов. Т. 2. С. 913.

174 Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. С. 373.

175 Свящ. С. Тышкевич. Краткий катехизис. ГРОТТАФЕРРАТА (Рим). 1942. С. 98.

Именной указатель

Предметный указатель

Список сокращений

АН — Архитектурное наследство. Сб. научных трудов. М. Издание осуществляется с 1951 г.

ВИА — Всеобщая история архитектуры. 12 т. М. 1970–1975

ИЮМ — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг Витебской и Могилевской губерний, хранящиеся в центральном архиве в Витебске. 32 т. Витебск, 1871–1905.

ЛОИА — Архив Петербургской Императорской Археографической комиссии

ОДА УМ — Описание документов Архива западно-русских униатских митрополитов. 2 т.

ПСЗРИ — полный свод законов Российской Империи

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

РО БАН Литвы — Рукописный отдел библиотеки Академии наук Литвы

РО ГПБ — Рукописный отдел Российской национальной (публичной) библиотеки в Петербурге

РО НБ ВУ — Рукописный отдел Национальной библиотеки Вильнюсского университета

ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Республики Беларусь

ЗПГІК — Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. 8 кн. Мінск, 1984–1987.

SG — Słownik geograficzny Krolestwa polskiego. 15 t. Warszawa. 1883–1902.

Lietuvos TSR — Lietuvos TSR istorijosir kulturos Paminklu Savadas. T. I. Vilnius, 1988.

Summary

In the cultures of Belorussian, Lithuanian and Ukranian lands during the period of their annexation to the Great Principality of Lithuania and to the Rzeczpospolita, there exist two contrary opinions on the problem of evolution of various confessional traditions - isolation or interaction. The former opinion refers to both Orthodox and Catholic cultures as coexisting and functioning in the frame of the people's culture. The latter is based on the fact that in the Rzeczpospolita there existed isolated Orthodox culture. This scholarly work, analysing historical and architectural material, allows to propose another version of the problem of evolution of cultures - either two or one - in the limits of Belorus', which synthesized both Eastern and Western Christian traditions.

The problems of the specific character of the cultural evolution in the region are closely related to its history. From the 10th to the 13th cc., Belorussian lands were included into Kievan Rus', and were simultaneously converted to Greek Orthodox Christianity, and thus included into the area of the Byzantine commonwealth. This period indicates the beginning of monastic building in the region.

In the 14th century the Great Principality of Lithuania united the territories of contemporary Belorus', Lithuania, the most part of Ukraine and Polish Podliasie. There was established the autocephalous Western-Russian Orthodox metropolitan see. Since that time, Belorussian monastic architecture could hardly be considered without the context of Lithuanian, Ukranian and Polish cultures. Belorussian lands got under the influence of Western Christian world. Essencial activity of Catholic building started from the end of the 16th through the 18th centuries, while both political and military confrontation between the Rzeczpospolita and Russia was increasing. In addition, the Church Union of Brest of 1596 splitted the Western-Russian Church dividing the believers into Orthodox and Uniates, which strengthened the power of the Roman Catholic Church.

At the end of the 18th century splitting of the Rzeczpospolita and annexation of Belorus' to Russia influenced a new course of monastic history. Since the 1820-s and after the Orthodox and the Uniates had been united in 1838, a tremendous number of monasteries, of the Orthodox or other rites, were gradually abolished and reconstructed. At that time we know no examples of the foundation of new monasteries. Thus, the constructive period of monastic building in the region dates from the 11th to the early 19th c.

The theme of Belorussian monastic architecture, as a heritage of a diversity of

various cultures of different confessions, has been challenged for the first time. One should mention the large-scale dissemination of monastic building in the region: at various periods there were more than two hundred monasteries of the Orthodox and the Uniate rites, and about three hundred of the Catholic rite. Within the limits of contemporary Belorus', we revealed about two hundred localities, where the monasteries have been functioning. Moreover, up to ten or more monastic complexes were erected in large cities; at the same time, monasteries appeared to become city-cores in a number of private towns.

We determined that from the 11th through the early 19th cc. Orthodox architecture preserved the features that derived from the old Byzantine tradition - integrity and indivisibility, and penetrability of an inner space of a monastic complex. The construction of an Orthodox monastery was distinguished by building of the latter around a group of churches. The layout of a monastery was designed in the shape of a polygon; the proportion "monastery - catholikon" remained invariable. Evolution of architectural forms of the monastic Orthodox church (catholikon) seems to change from the cross-in-square composition in the 11th-14th centuries - to the hall-type centrally planned church in the 15th-16th centuries, and then, in the 17th-18th-century monasteries - to the basilica-type monastic church with a cupola. The center of the Orthodox church bears special sacral significance due to both - the altar which is separated from the body of the church by an altar-screen and curtains, and "entrances" performing during lyturgies.

A significant body of material is devoted to the Orders of the Roman Catholic Church. The oldest Benedictine and Carthusian Orders are represented by the monasteries at Nesvizh and Beresa, with concentric composition of the layout of the monastic complex. Excentric composition is characteristic of the layout of comlexes of other monastic Orders in Belorus' - integration of the monastic church with other monastic buildings erected around enclosed court-cloister - so-called "kostel-kliashtor" - in the Rzeczpospolita the word "kliashtor" meant a building attached to a kostel (Roman Catholic church) for means of monastic vows. Genesis of the excentric composition derived from Cistersian architecture; the monastery at Vistichi appears to be the most significant establishment of this Order in Belorus'. Then, there presented monasteries of the Franciscan and Bernardine Orders (in the Rzeczpospolita, in distinction to Western Europe, by the name "Bernardine Order" they meant a branch of the Franciscan one). Construction of a basilica - without a cupola, with two aisles on each side of the nave, with the oblong plan, and with the spacious presbytery - is characteristic of both of these Orders. A thorough examination is devoted to collegiate churches and residences of the Jesuits, whose construction activity was related to both the Counter-Reformation and the artistic/ideological program which appeared under the influence of the sacral Roman architecture. The Jesuits used a basilica - with a cupola and two aisles on each side of the nave - as the main type of a church building. However, in the reality, not all of the Jesuit's church buildings in Belorus' got cupolas - only the Jesuit's kostels in Nesvizh, Grodno, Polotsk and Pinsk (with

false cupola) have gotten it. Monastic complexes of the Catholic Orders were designed around the only church, which had many altars.

A special attention is devoted to the history of the Basilian monasteries - the only monastic Order of the Uniates. The layout of the Uniate monasteries mainly follows the rules for those of the Catholic rite. Monasteries, except for the oldest ones established before the Church Union of Brest, had the only church as a core and the excentric composition of the "kostel-kliashtor"- type. The beginning of the Basilian constructive activity was characterised by extending a church length - it is especially noticeable on the example of the evolution of the simlpiest type of the church, without pillars - the proportions of its plan became 2:1 or 3:1. From the mid of the 18th century, the Basilian constructive activity started using the modes of the late-Baroque style distinguished by destructive using of the Order system in decoration and the curved modelling of wall-surfaces - it got a special name, the "Baroque of Vilno". The most characteristic examples of the latter are associated with the reconstruction on the cathedral of St Sophia in Polotsk and with the monastery in Berezvichi. Similar to the Roman Catholic churches (kostels), the Basilian churches had many altars; moreover, an altar-barrier sometimes had been preserved there.

The main conclusions of the book appear to be the definition of the process of evolution of spiritual, intellectual and artistic cultures as a bilateral system. In the latter, the basic fundamental priciples and quality of architectural arrangement of a monastery or a church are maintained as invariable, notwithstanding the diversity of the directions in which the forms of Western and Eastern church art had been developing before being synthesized. Architecture of both rites bring out essencial shades of differences, which, however, are not reflected in texts. Let us define some aspects of the solution of the problem of identity of monastic architecture of various rites; and also let us indicate some features of the national identity of Belorussian culture.

The fundamental features, distinguishing Orthodox monasteries from those of other rites and establishing the basis for the specific development of the church art in the region, can be defined as many-sided or one-sided outer appearance (polyfacades or unifacade), not-comparable and comparable features of the outer and inner decoration.

Architectural and layout arrangements of the monastic complex kept being the most invariable and fixed feature in monasteries of both rites. In Orthodox architecture local spatial structural elements were integrated into a concentric whole (a group of churches served as a core for liturgy). In Catholic architecture more rational activity was taking place - attachment and building on to each other of various spatial structures, different both in their sacral significance and functions (in this case, a church with many altars served as a core for liturgy). The distinctions laid in integrated or differenciated arrangement of the monastic space.

On the other hand, as examination has proved, there existed some architectural features in monasteries of the Orthodox and other rites, which were variable

during the times and were connected with the conditions of historical and artistic development of architecture in the region.

In reality, a certain comparable perception of the Orthodox and the Catholic church relics existed in people's culture. But interaction of Christian cultures was not limited only to the people's midst; rather, it was also developing, on the level of professional activity, by architects' contributions of their own individual creativity and assimilation of elements of secular culture. The same architects are mentioned regarding construction works on the Orthodox monasteries and on those of other rites (however, we know no examples of the construction of an Orthodox monastery by a master builder of the Catholic confession). Various facts of over-lapping of perception of the image of the church confirm the concept of convergence of different church cultures. Centralized composition of the outer forms of the Benedictine kostels and the altar-barriers of the Basilian churches are among them. However, the outer unity did not erase the differences in the spatial arrangement of a monastic complex, nor in its layout, nor in the system of the inner decoration of an Orhtodox church, nor in churches of other rites. It concerns also various interpretations of the proportions of the arrangement of the symbolic decoration of the church extending in both the vertical and the horizontal directions.

In addition, one can mention conventional dynamics in the development of forms - more mobile in churches and not so mobile in the layout composition of monasteries. However, we observe conservatism and lateness in the development of architectural forms in both cases. By the beginning of the 19th century, mild Renaissance forms assimilated by the local tradition, emphatic expression of Baroque architecture, Mannerism and Romanesque - established a solid stylistic basis amid churches of both rites. On the late 18th-century Basilian churches, one can observe a kind of retreat, digression, back to the simple solutions typical of the old times. Monastic architecture of Belorus' had a delayed pace; it was distinguished by retarded (continious) time, similar to the "long breath".

Thus, the completed work allows to reveal a character of the development of monastic architecture in the region, essencially isolated in the context of the artistic/stylistic evolution of the Modern art and architecture. We have indicated some fundamental invariable differences, and defined some areas of possible convergency of architectural arrangement of a monastery and a monastic church - taking into consideration the experience of interactions between Eastern and Western Christian traditions in Belorussian culture.

Слюнькова Инесса Николаевна

МОНАСТЫРИ восточной и западной традиций

Наследие архитектуры Беларуси

Директор издательства Б.В. Орешин
Зам. директора Е.Д. Горжевская
Зав. производством Н.П. Романова

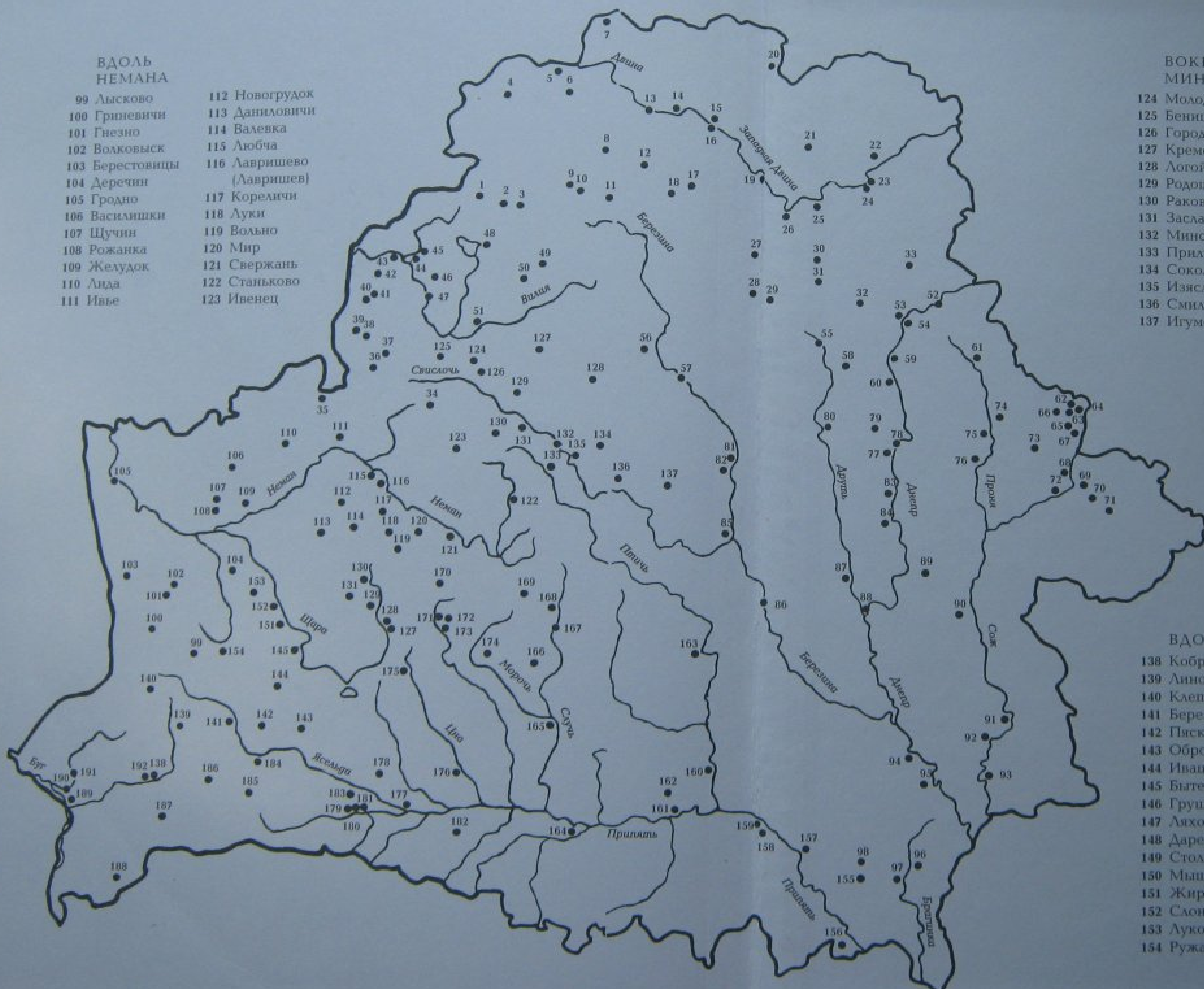
Редактор Е.И. Гор
Художник Ф.Л. Суров
Верстка Д.В. Давыдов
Корректоры Н.М. Пущина, Т.В. Калинина

ЛР № 065292 от 17.07.97
Подписано в печать 01.12.2001. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Печ. л. 35,5+2 п. л. илл. Тираж 2000 экз. Заказ № 3281

Издательство «Прогресс-Традиция»
117049, Москва, Крымский вал, д. 8
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Тел. (095) 245-53-95

ISBN 5-89826-093-5

ВОКРУГ МИНСКА
124 Молодечно
125 Беницы
126 Городощ
127 Кременец
128 Логойск
129 Родошковичи
130 Раков
131 Заславль
132 Минск
133 Прилуки
134 Сокол
135 Изяслав
136 Смиловичи
137 Игумен

ВДОЛЬ БУГА
138 Кобрин
139 Линово
140 Клепичи
141 Береза
142 Пяски
143 Оброво
144 Ивацевичи
145 Бытень
146 Грушовка
147 Ляховичи
148 Дарево
149 Столовичи
150 Мышь
151 Жировичи
152 Слоним
153 Луконица
154 Ружаны

ВДОЛЬ ПРИПЯТИ
155 Мниховске
156 Белая Сорока
157 Юровичи
158 Мозырь
159 Кимбары
160 Копаткевичи
161 Петриков
162 Оголиче
163 Глуск
164 Туров
165 Мороч
166 Кривошин
167 Слуцк
168 Замостье
169 Грозов
170 Несвиж
171 Клецк
172 Лисково
173 Цепра
174 Бучатино
175 Любашево
176 Дятловичи
177 Купятичи
178 Новый Двор
179 Леще
180 Пинск
181 Жабчицы
182 Дубой
183 Городище
184 Хомск
185 Дрогичин
186 Антополь
187 Бельск
188 Хотислав
189 Брест
190 Свято-Афанасьевский в предместье Бреста
191 Вистичи
192 Крупчице

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Напечатано	Следует читать
78	2) Борисоглебская в Новогрудке…	2) Благовещенская в Сапрасли…
78	3) Благовещенская в Сапрасли…	3) Борисоглебская в Новогрудке…
134	Барколабовский женский Воскресенский	Барколабовский женский Вознесенский
190	Францесканцев в Каунасе	Францисканцев в Каунасе
190	Ф. Янкавичене	Ф. Янкявичене
244	ЦГВИА	РГВИА
264	1718, 1795, каменный	1718, каменный 1786, 1895
324	1685	1585
513	Петропавловский в…	Брестский Петропавловский в…
534-537	Журдо Ф.А.	Жудро Ф.А.
553	Сапунов П.А.	Сапунов А.П.
554	Слюбиц-Заленским	Слюбич-Заленским
569	Клокоцкий… староста регицкий	Клокоцкий… староста речицкий
571	Лигарид Магарий	Лигарид Макарий
573	Неретина … историк архитектуры	Неретина … историк литературы
573	Изабелла (Радзивил)	Изабелла (Радзивилл)
577	Казимир Лев… картузского бернардинского	Казимир Лев… картузского, бернардинского
583	Барколабовский Воскресенский	Барколабовский Вознесенский
584	Быхов (Старый) Вознесенский	Быхов (Старый) см. Барколабовский